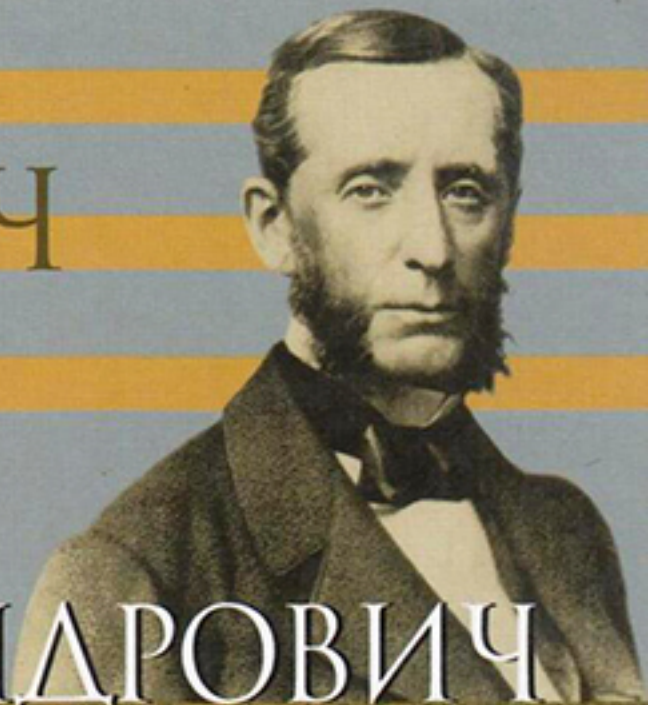

ЮРИЙ
ЗЕЛЬДИЧ

ПЕТР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ВАЛУЕВ
И ЕГО ВРЕМЯ

Историческое
повествование

В. Садовников

Петербург. Николаевский дворец. 1865

ЮРИЙ ЗЕЛЬДИЧ

ПЕТР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ВАЛУЕВ
И ЕГО ВРЕМЯ

*Историческое
повествование*

///ГРАФ
МОСКВА

УДК 929Валуев П.А.+940(47+57)"18"

ББК 63.3(2)522-8

350

Художник *В. Кортаева*

Информационный спонсор —
радиостанция «Эхо Москвы»

Зельдич, Юрий Владимирович.

350 Петр Александрович Валуев и его время: Историческое повествование / Юрий Зельдич. — М.: Аграф, 2006. — 576 с. — ISBN 5-7784-0242-2

П.А. Валуев (1815–1890) — крупный государственный деятель, который занимал в Российском правительстве времен царствования Александра II сначала пост министра внутренних дел, затем министра государственных имуществ и председателя комитета министров, руководил земской и цензурной реформами. Однако, пытаясь проводить в государственной политике свои принципы постепенных преобразований, Валуев не смог найти единомышленников. Подвергаясь нападкам и слева и справа, все свои мысли он доверял только бумаге.

Прекрасно образованный, Валуев владел легким пером и литературным слогом. Он писал об экономике, финансах, политике, образовании, религии, сочинял романы и всю жизнь вел подробные дневниковые записи, на которых основывается данное историческое повествование.

УДК 929Валуев П.А.+940(47+57)"18"

ББК 63.3(2)522-8

От автора

При отсутствии религиозного
воспитания единственным
источником нравственного
образования становится для
нас история.

И. Бродский

...люди никогда не довольны
настоящим и, по опыту, имея
мало надежды на будущее,
украшают невозвратимое
минувшее всеми цветами
своего воображения.

А. Пушкин.

История села Горюхина

На письменном столе передо мной фотографический
портрет человека с крупными, резкими чертами. Широ-
кий, высокий лоб, чуть заостренная книзу длинная по-
лочка носа, тонкие, плотно сжатые губы. К выбритому
подбородку опускаются сильно отросшие бакенбарды.
Человек одет просто: темный, свободный сюртук, вокруг
стоячего воротника белой манишки — лента черного гал-
стука.

При первом, беглом взгляде — типичнейшее лицо рос-
сийского чиновника, я бы даже сказал, классически хрес-
томатийное, притом разительно похожее на лицо мистера

Домби, если бы он поступил на государственную службу. Но присмотримся внимательнее, и что-то необычное для обычного лица остановит скорое суждение. Изображенному на портрете человеку 47 лет, но он выглядит много старше, хотя ни лоб, ни щеки не изборождены морщинами преклонных лет. Глаза. Глаза совершенно не соответствуют стандартному облику. В них разлита такая тоска, усталость, одиночество и безнадежность, что стоит только заглянуть в них, как все остальное в этом лице затмится, исчезнет.

Эти грустные глаза теперь обращены ко мне. Нет, прямо они не говорят ничего, долгие годы службы в самых высоких сферах приучили Петра Александровича прятать свои чувства и желания под холодной маской, но мнится мне, что немногими ценимый, многими небрежно отвергаемый и быстро забытый всеми человек, чья могила исчезла всего через сорок лет после скромного захоронения, ожидает справедливости и воздаяния.

Предварительные замечания

Петр Александрович Валуев (1815–1890) – один из крупных государственных деятелей важнейшей эпохи российской истории, эпохи великих реформ. Двадцать лет, с небольшим перерывом, почти все царствование Александра II, он входил в правительство: сначала министр внутренних дел, потом министр государственных имуществ, последние несколько лет – председатель комитета министров. Первые, самые трудные годы преобразований, становления новых отношений крестьян и помещиков пришлось на его управление МВД. Он разработал и провел окончательный вариант реформы земских учреждений, важнейшего инструмента самоуправления.

Валуев принадлежал к людям либерального склада и в равной мере чурался оголтелых охранителей и экзальтированных радикалов. Прекрасно образованный, он владел легким пером и литературным слогом. Его первые публицистические выступления со второй половины 50-х годов, когда распались железные объятия Николая I, создали ему имя умеренного реформатора, столь редкого в российской действительности. Ненависть к деспотизму Николая была столь велика, сжатая пружина разверну-

лась с такой силой, что даже люди, далекие от революционных настроений, требовали решительных и немедленных перемен. Столь же яростно возрастало сопротивление преобразованиям, подогретое злобными нападка «красных» на любые правительственные меры. Свои принципы постепенного движения Валуев пытался проводить в государственной политике, и как всегда в таких случаях, его одинаково не любили справа и слева. Найти единомышленников Валуев не смог, так как их в правительстве почти не было, общественных же деятелей он вынужден был сторониться по своему положению министра; к тому же никто, как ему казалось, не подходил, не отвечал его представлению об европеизированном «дельце», которым он (по справедливости) себя полагал. Убежденный в пользе разработанных им планов, Валуев проявлял недюжинную волю и настойчивость, добиваясь их утверждения в Комитете министров, в Государственном Совете, заставляя отступать своих противников; но это стоило ему слишком дорого, нервное напряжение подчас было непереносимым. В поисках временных сторонников он вынужден был пускаться в искусы дипломатических ухищрений и тем добавлял число людей, считавших его Протеем. Горечь непонимания была его уделом.

Его личная жизнь то и дело оплеталась печалью и скорбью. Холера унесла его первую жену, безутешным вдовцом оставила вторая жена. Рано умер средний сын, он должен был вынести смерть дочери, старший сын двадцать пять лет приносил непрестанные неприятности и огорчения.

Не имея состояния с детства, Валуев не нажил его и на службе, ибо, выделяясь в кругу сановников предельной честностью и нестяжательством, кроме положенного жалования других доходов не имел и жизнь свою оканчивал в скромной квартире посреди мещанского квартала.

На склоне лет, отправленный в отставку Александром III, Валуев целиком погружается в литературное

творчество, которому и прежде посвящал редкие свободные часы. Он пишет об экономике, финансах, политике, образовании, религии, создает сборник религиозных чтений, выпускает популярные книги о мироздании и природе, наконец, сочиняет романы. Но душа осталась там, в славном царствовании, на полях его сражений. До смертного одра он не мог забыть главного поражения своей жизни: его проект введения выборных членов в Государственный Совет был отвергнут Александром II, положить начало новому веку российской государственности Валуеву не удалось...

Глава I

В канун нового 1834 года Александр Сергеевич Пушкин был пожалован в камер-юнкеры. Поэт был взбешен, справедливо полагая, что младшее придворное звание неприлично его возрасту.

Осенью того же года совершилось другое подобное пожалование, которое, напротив, вызвало радость. Два приятеля — Валуев и Скарятин удостоились царского внимания. Они замечены были императором на балу, который в прошедшем 1833 году давало московское дворянство по случаю приезда монарха в первопрестольную столицу. Les jeune hommes modeles, — окрестил их тогда Николай I'. Для восемнадцатилетнего Петра Валуева возведение в камер-юнкеры означало двойной успех — светский и деловой. Конечно, он был в восторге от полученной возможности показать в Аничковом дворце свое искусство ловкого танцора. Более существенным было преодоление по высочайшему расположению сразу нескольких ступеней чиновной лестницы. Ведь звание камер-юнкера, исключенное в 1809 году из табели о рангах и сохраненное лишь почетным отличием, в глазах общества, по многолетней традиции, по-прежнему оставалось равным титулярному советнику, чину IX класса. Камер-юнкерство коллежского регистратора Валуева, чиновника XIV класса, открывало путь к завидной карьере. Наиболее важным же стало право входа в зал Зимнего дворца, ближайший к внутренним апартаментам царской семьи,

в зал, перед которым стоял караул Кавалергардского полка. Вожделенная привилегия принадлежала только персонам первых четырех классов военной и гражданской службы и лицам придворных чинов и званий. Юный Петр Валуев стал одним из тех, о ком с завистью говорили: «он проходит за кавалергардов».

(Кстати, к присвоению поэту звания камер-юнкера формально придаться было невозможно, тайная издевка не выходила из правил: Пушкин был титулярным советником.)

Однако же к царскому окружению мой герой был причислен еще раньше. Обширный фонд Валуева в Историческом архиве хранит записку министра просвещения александровского времени, исполненную писарем-каллиграфом со всеми ухищрениями канцелярского рондо:

Москва, 22 дня февраля 1818 года.

Милостивая государыня Дарья Александровна!

Долгом поставляю уведомить Ваше Высокопревосходительство, что 4-х летний внук Ваш Петр Александрович, по ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ соизволению ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА определен ныне к ВЫСОЧАЙШЕМУ ДВОРУ пажом, с оставлением на воспитании у родственников.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностью

Вашего Высокопревосходительства

покорнейший слуга

князь Александр Голицын².

Письмо-ответ министра свидетельствует, что с ходатайством о производстве в пажи обращалась бабушка, а не отец. Объяснение простое. Бабушка Дарья Александровна была действительная тайная советница, особа 2-го класса, ее высокопревосходительство; отец же, Александр Петрович, пользуясь «Указом о вольности дворян-

ской», нигде не служил, а человек «без места», на взгляд начальства, легковесен и несерьезен, и просьбы его не заслужат должного уважения. К тому же Александру Петровичу было не до маленького сына. Его единственной страстью была карточная игра; ей он отдавался полностью, ради нее влезал в непомерные долги, отказался от отцовского наследства. Правда, история обнищания рода началась не с него — у него была дурная наследственность.

Петр Степанович, отец Александра Петровича, дед Петеньки, действительный тайный советник и сенатор, многих российских орденов кавалер, главноначальствующий Комиссии кремлевского строения, кремлевской экспедиции и Оружейной палаты, был в Москве человеком известным. По должности своей он руководил переделками и исправлениями Потешного и Слободского дворцов, постройкой Оружейной палаты, а на досуге погружался в ученые занятия: составил описание села Коломенского и царского дворца в нем, Оружейной палаты и некоторых зданий Кремля. Жаловали Петра Степановича и император Павел, и император Александр. Первый возвел его в чин действительного тайного советника, ранг 2-го класса, практически в высший гражданский чин (канцлеры, ранг первого класса, были в Российской империи весьма редки), второй награждал землями и арендой. Но и без того поместья в Московской, Смоленской и Орловской губерниях, с общим числом душ мужеска пола более 1100, жалованье 4000 рублей в год и столовых денег 6 тысяч в год же поставляли необходимые для широкой московской жизни средства. И было бы все «отлично-благородно», если бы не пагуба азартных игр.

Мода на карты пришла в Россию из Франции вместе с прочими плезирами французской аристократии, но вызвала здесь куда большее увлечение — русской удальской душе она пришлась очень на статью. Вяземский писал в «Старой записной книжке»: «Нигде карты не вошли в такое употребление, как у нас... Румянцев до глубокой ста-

рости был подвержен этой страсти. Пушкин был отчаянным игроком, способным до утра просидеть за карточным столом... Одна русская барыня говорила в Венеции: «Конечно, климат здесь хорош, но жаль, что не с кем сразиться в преферансик³». В «преферансик» играли дамы, мужчины же предпочитали фараон, или, «по-русски», штосс.

И Петр Степанович не устоял против поветрия. В молодости и в зрелые годы выигрыш и проигрыш равно посещали его, но с поздними летами фортуна явно стала ему изменять. Пошли в опеку имения, у займодавцев брались десятки тысяч рублей, в заклад отправились собранные за долгие годы «116 золотых больших и малых медалей, весом пятнадцать фунтов 83 золотника». Частью долги покрылись, но медальную коллекцию вернуть не удалось — все поглотил ненасытный «банчок».

2 апреля 1812 года состоялся царский указ: «Действительному тайному советнику и сенатору Петру Степановичу Валуеву всемилостивейше жалует в вечное и потомственное владение 3000 десятин свободных казенных земель в губерниях Московской и прилегающих к оной». Предписывалось выбрать земли и представить реестр на утверждение. Это воистину был царский подарок, и если б Петр Степанович получил это неожиданное богатство, дела его, несомненно, могли поправиться. Но французское нашествие сделало невозможным разверстание земли, и он умер, так и не вступив во владение новыми поместьями.

Однако сообразительный вельможа успел кое-что извлечь из государева благодеяния, еще не исполненного, а только объявленного. В долговом деле Валуевского архива хранится оригинальнейшее тому свидетельство.

«Москва 1812 года мая в 8 день мы, нижеподписавшиеся, действительный тайный советник, сенатор и разных орденов кавалер Петр Степанович Валуев и коллежская асессорша Елизавета Осиповна Баташева сделали

между собой следующие условия: Государь император пожаловал мне, Валуеву, три тысячи десятин оброчной казенной земли, вследствие чего, расположившись взять за себя Московской губернии оброчные земли при деревне Афросимках и поблизости села Пушкина, каковые пустоши, коль скоро получу, обязуюсь сполна продать ей, Баташевой, по сту рублей за десятину, сколько их по межевым книгам окажется, почему и получил я от нее предварительно 8000 рублей. Но если по непредвидимым причинам я упомянутых пустошей не получу, то деньги обязуюсь отдать». Непредвидимые причины случились, деньги же, как, впрочем, и к другим заимоателям, к коллежской асессорше вернулись не в полном числе. Неоднократные попытки получить их миром ни к чему не приводили, всем ходатаям о возврате заемщик отвечал одинаково: «денег нет», что было правдой. Заемные письма одно за другим предъявлялись в суды, но неспешное российское судопроизводство обратилось к неисправному плательщику тогда, когда его уже не стало на свете. Долгу на нем числилось 13284 рубля, и суд обратил взыскание к наследнику.

Петр Степанович души не чаял в старшем сыне, потворствовал молодым шалостям, простил отказ от службы, даже «ключ сумел ему доставить». Но Александр Петрович во владение отцовским наследием не вступал, посчитал это невыгодным, ибо, кроме долгов, других имений в наследстве не было. Это позволило ему предпринять, как ему показалось, отменно хитрый ход. Он обращается с прошением к Александру I.

«Просит действительный камергер 4-го класса и кавалер Александр Петров Валуев, а о чем, тому следуют пункты.

1-й. Московского уездного суда 2-й департамент производит дело о взыскании с покойного родителя моего д.т.с. и кавалера Петра Степановича Валуева разного звания людьми по данным от него заемными письмами денег, а как по смерти родителя моего никакого имения не

осталось и я ничем после него не наследовался, то и ответственности по долгам его подвержен быть не могу.

2-й. Пожалование земель 3000 десятин по указу 1812 года в действительности не состоялось и повеление осталось неисполненным. По ходатайству вдовы состоялся новый указ с пожалованием этих земель супруге с детьми. По разделу в разных уездах досталось мне 719 десятин, которые имел я намерение представить для удовлетворения по собственным ко мне претензиям, о которых дело производится в том же 2-ом департаменте.

3-й. Но за долги родителя моего эти земли арестованы, но так как те земли не наследственные, а доставшиеся мне по всемилостивейшему Вашего императорского величества пожалованию, следовательно, я оными удовлетворять долги покойного родителя, вследствие неполучения никакого наследства, обязанным себя не почитаю и

4-й. Прошу Вашего императорского величества указа, чтобы меня от платежа долгов моего покойного родителя избавить».

Хитрость, однако, была шита белыми нитками, ибо простейший расчет выводил наружу неловкие уловки Александра Петровича. По реестру Московского уездного суда его долги составляли 24595 рублей, следовательно, общая сумма долгов отца и сына почти вполнину не достигала продажной стоимости 719 десятин, и занятые деньги могли быть возвращены «людям разного звания» без труда. Но не таков был Александр Петрович. Еще в 1811 году, за четыре года до прошения на высочайшее имя, составляя перечень текущих долгов, он делит их на три категории: долги, требующие непременно уплаты, долги, терпящие время, долги, которые вовсе не нужно уплачивать. Из общего количества в 51600 рублей к последней категории уклончивый заемщик отнес 35000 рублей.

А деньги ему требовались непрерывно и в большом количестве. В игре Александру Петровичу везло еще

меньше, чем его отцу: когда он понтировал, заветные карты почти всегда ложились направо, в тех редких случаях, когда метал банк, карта ложилась налево. В 1810 году, двадцатипятилетним молодым человеком, подписал Александр Петрович свое первое заемное письмо. Глазом не моргнуть, в полтора года долги выросли до огромной суммы в полсотни тысяч рублей, он старался выплачивать проценты, но и это редко удавалось, хоть он и пускался во все тяжкие, вплоть до отказа отдать антикварию, завещанные Петром Степановичем музею Оружейной палаты. Смерть в тридцать шесть лет (роковой возраст!) была естественным следствием непрестанных нервных потрясений.

Из всего этого и выходило, что бабушке пришлось взять на себя воспитание первородного внука. Она занялась этим тем более охотно, что совсем незадолго перед его рождением потеряла мужа; ее сердце искало утешения в привязанности к новой, едва расцветающей жизни. Она старалась доставить ему средства на будущее образование, насколько это было возможно при уходящих с молотка некогда столь больших владениях. Добилась повторного высочайшего указа о прежде пожалованной мужу на 12 лет аренде казенного имения, которая должна была начаться в 1817 году; Петр Степанович умер в 1814 году, не успев вступить в управление арендным поместьем и, соответственно, не передав жене и сыновьям наследования. При этом, зная бездонность финансовой пропасти старшего сына, куда проваливаются любые деньги, Дарья Александровна постаралась, имея в дружбе близких ко двору людей, получить дарование исключительно на свое имя. Теперь по крайней мере 4110 рублей и 28 1/2 копеек серебром — расчетный годовой доход с аренды — можно было использовать для нужд внука.

Материалы об имуществе двух колен семьи Валуевых занимают профессионально переплетенный в коленкор том in folio⁴. На корешке золотом вытиснено: «Долговой

архив Валуевых». Переплетены, собственно, листы отличной, плотной, белой бумаги, а документы — копии указов, заемные письма, переписка, разного рода реестры, прошения — аккуратно наклеены на лицевую сторону листов. Среди деловых бумаг, наполненных скулосводящими, сухими, формализованными оборотами речи, есть одно необычное, выпадающее из ряда сочинение — обращение Оружейной палаты к братьям Александру и Степану Валуевым в 1819 году, спустя 5 лет после смерти их отца. 5 лет Оружейная палата деликатно ждала завещанного ей дара золотого кубка на серебряном подносе, но в конце концов решила напомнить увертливым детям о воле их родителя. Дабы восстановить в памяти братьев вещь, о коей идет речь, хранитель музея описывает ее, фигуру юной девы, символизирующую благодарность. «Она одета просто; молода потому, что истинная благодарность не стареет; в чертах лица ее обнаруживается чувствительность сердца. Узы сама на себя налагает — опутана вместо цепей гирляндой из разных цветов — столь приятные, что они служат ей украшением». Видно, вельми приятен был сердцу скромного музейщика сей кубок, коль скоро он в таких подробностях помнил его, много годов не видя. Но и столь поэтическое послание не тронуло жестоковейные души.

Последняя страница долгового архива:

«Государь император высочайше повелеть соизволил обратить особенное внимание на карточные игры в столице, предупреждать и удалять по возможности из общества всякий повод к порокам. А как в обществах образованных повод таковой весьма легко представляется в азартной игре, то всякое ограничение сей забавы представляет несомненную пользу, и его императорскому величеству остается решить, чтобы как в общественных публичных, так и в собраниях частных карточные игры были употреблены не иначе, как препровождением времени, производились бы по самой умеренной таксе, что-

бы ни в ком не возбуждать корыстной злобы, не клонились к расстройству состояния участвующих в оной. Особенно его величеству желательно, чтобы все служащие возможно меньше занимались игрою, которая часто отвлекает их от полезных по службе занятий». (Последняя фраза совершенно прелестна. Так и видишь пустые, брошенные министерства, департаменты и отделения, чиновников в зеленых вицмундирах, сгрудившихся у зеленого стола в отдаленной комнате, несчастных просителей, тщетно ожидающих решения дел, и распадающуюся империю, в которой «время прекратило течение свое».)

Том «Долгового архива Валуевых» составлен после смерти Петра Александровича Валуева его сыном Николаем в 1891 году. Текст царского волеизъявления 1832 года воспроизведен рукописно, без начала, подписи и даты. Этими как будто огненными буквами, выведенными чернилами, начертано объяснение тяжких обстоятельств юного Петра Валуева, клеймо, знак весьма драматического противоречия: благородного происхождения и денежной скудости. Сословные преимущества, не подкрепленные материально, стоили не так уж много. Блаженное барское ничегонеделанье не могло стать уделом бедного дворянского отпрыска. Только трудом и талантом он мог пробить себе «путь наверх», он понял это довольно рано. Надежда заключалась в том, что натура его была счастливо наделена умом, способностями и трудолюбием. Однако отсутствие независимого состояния навсегда определило многие стороны его жизни, черты его характера, отношения с людьми.

Но это все будет потом, пока же четырехлетний паж наслаждался неброской красотой подмосковного села Никольского, имения Дарьи Александровны, где бабушка расточала всевозможные ласки любимому внуку. Очень скоро оказалось, что Никольское — единственный его родной дом. Деревня Царицыно, где он родился 22 сентября 1815 года, растворилась в мареве отцовских

долгов, мать его Елизавета Федоровна, урожденная фон дер Бринкен, после смерти мужа в 1822 году, чрезвычайно стремительно вышла замуж за остзейского барона Фелькерзама и уехала в его поместье Штейнзее, в Курляндию. Дарья Александровна еще более укрепилась в намерении воспитать белокурого своего ангелочка в понятиях чести и достоинства пятисотлетнего русского дворянского рода.

Фамилия Валуевых действительно была достаточно древней. Легендарный ее предок Окатья Вал выехал из Литвы на Русь в начале XIV века, его сын и внук служили московскому князю и погибли в Куликовской битве. При Иване IV Федор Степанович Валуев, сын боярский, жалован поместьем в Московском уезде⁵. Его ближайший потомок, Григорий Леонтьевич, принял участие в заговоре против Лжедмитрия. В какой-то момент весы заколебались, часть стрельцов поддержала самозванца, «тогда выскочил из толпы сын боярский Григорий Валуев и выстрелил в Дмитрия», тем сломив колебания; «другие дорубили несчастного»⁶. Общее брожение в головах не миновало и Григория; как и другие бояре, он снова перебежал на сторону поляков, затем служил Шуйскому, позже сделался ревностным поборником Михаила Романова. Не взирая на эти переходы и перевоплощения, Разрядная книга родословия Валуевых с воодушевлением сообщает нам, что «когда верность была в непрестанной борьбе с предательством, то истинная честь стяжала Григорию Леонтьевичу незабвенную славу»: преследуя гетмана Ружинского, он отбил у него митрополита Ростовского Филарета, отца будущего царя⁷. Далее, лет двести, Валуевы ничем особенным не выделялись, большой карьеры не делали, и только Петр Степанович, достигнув известного положения, вернул было имя полузабытому роду. Ныне, полагала Дарья Александровна, ее Петеньке предстоит восстановить утерянное, подняться на высоту, с которой сорвались муж и сын. Ей виделось великое поприще.

Целый отряд домашних преподавателей учил юного наследника потомственного рода русской грамматике и европейским языкам, арифметике и истории, началам юридическим и экономическим. В военную службу Петенька поступить не мог: в армию — было бы несовместно с аристократическим происхождением, в гвардию — бабушкиных средств не хватило бы и на четверть необходимого. Оставалась служба по гражданской части, где после нововведений Сперанского требовались экзамены на чин или университетское образование. В те времена сыновей высокорожденных дворян среди студентов практически не бывало, курс наук они проходили дома, и университет выдавал им, после экзаменов, аттестат «об оказании познания». Таковой типографски исполненный, огромного размера лист получил Петр Валуев 17 марта 1832 года. Документ свидетельствует о весьма широком круге предметов, из которых он демонстрировал свои знания университетским профессорам. «Науки словесные: сочинения на языке российском, переводы с латинского, французского и немецкого, история всеобщая и государства российского, начала статистики. Науки политические: политическая экономия, право римское, российские: гражданское право и право уголовное. Науки физико-математические: арифметика, геометрия, физика»⁸. (Набор в точности соответствовал перечню, необходимому для поступления в службу.) Заботы бабушки в конце концов оправдались; природный алмаз, хорошо обработанный, засверкал блестящей шлифовкой: образование отточило грани талантов, он был должным образом подготовлен к службе в любом ведомстве. Риторика и элоквиция, не входившие в университетскую программу, но преподанные домашними учителями, вкупе с литературными познаниями развили в нем умение облачить в изящную словесную оболочку любую мысль — в изустном выступлении, на бумаге ли; перо его сделалось легким, хоть подчас и многословным; свои служебные отчеты, до-

кладные записки, журнальные и газетные статьи, заметки и письма он составлял на трех языках, пронизывая их латинскими фразами. Финансы, законодательство, экономика не были изучены фундаментально, но явились достаточной базой для последующих штудий.

Имя Дмитрия Алексеевича Милютина оставило в российской военной истории заметный след. В 60–70-е годы Петр Александрович Валуев и Дмитрий Алексеевич Милютин будут министрами Александра II, служебные обязанности, отношения к реформам, идеологические предпочтения будут их взаимно притягивать или отталкивать, иногда они будут союзниками, чаще противниками, но им никогда не придет в голову обменяться юношескими воспоминаниями. А напрасно, они обнаружили бы много любопытных скрещений.

Начать с того, что дед Дмитрия Милютина владел несколькими имениями с тысячей душ, двумя каменными домами в Москве и жил на широкую ногу, тщательно скрывая расстройство своих дел. Когда же он умер, обнаружилось долгов частных и казенных до 500 тысяч рублей, а с процентами — до миллиона рублей ассигнациями. Далее прямое соединение линий. Отец Дмитрия Милютина служил в Экспедиции Кремлевского строения под началом Петра Степановича Валуева. Пункт третий — противоположные решения при сходных обстоятельствах. Отец Петеньки отказался от имения, обремененного долгами, отец Дмитрия, чтобы не пустить по миру мать и братьев и освободить их от кредиторов, взял на себя одного все имения со всеми долгами. И, наконец, последнее совпадение. Дмитрий Милютин учился в Благородном пансионе при Московском университете и получил выпускной аттестат в том же году, что и Петр Валуев, — в 1832⁹.

В апреле 1831 года, по благоприобретенному с прошлого века дворянскому обычаю, юного Петра зачис-

ляют — как в полк — в канцелярию московского генерал-губернатора. Через год, по окончании университетского курса, в полном соответствии с правилами, он получает свой первый чин — коллежского регистратора, XIV класса; никаких протекций. (В этом чине и застала его первая царская милость — возведение в звание камер-юнкера.) С 1833 года начинается его действительная служба, поначалу не очень утомительная. Молодые чиновники, особенно в барской Москве, вдали от царева догляда, не слишком обременяли себя обязанностями, и молодой Валуев не был исключением. Появившись в присутствии около полудня на два-три часа, компания разлеталась затем по развлечениям, прогулкам, театрам, балам, и продвижение в чинах и должностях зависело от светских успехов ничуть не меньше, нежели от исполнения скучных дел.

Радужные сны, посещавшие новоиспеченного камер-юнкера, оправдались блистательно. Не прошло и двух недель, как он был «по высочайшему повелению определен в I отделение собственной его императорского величества канцелярии»¹⁰. I отделение и являлось канцелярией императора в точном смысле слова: через него проходили бумаги, адресованные государю, здесь готовились рескрипты, повеления, поручения, награждения, производства в чины и тому подобное. К решению важных государственных дел I отделение не имело прямого отношения, но служить в нем — значило быть на виду у его величества самодержца, а следовательно, его величеству случаю там будет намного легче поспособствовать коллежскому регистратору.

Наивно полагать, что лишь стройная фигура да прыть ног вынесли Петеньку в близкие к трону сферы. Разумеется, на том московском балу император осведомился, кто этот молодой человек, что так уверенно выступает в польском, кем так восхищаются дамы. Среди немногих достоинств Николая была цепкая память, и что Валуевы принадлежат к природной аристократии, он хо-

рошо знал. Круг Валуевых — Вяземские, Голицыны, Мещерские, Мусины-Пушкины, Карамзины — первые в России по знатности или славе фамилии, ему тоже был небезызвестен. Все это вместе, в глазах монарха, было весьма существенным обстоятельством.

Итак, осенью 1834 года Петр Валуев перебирается в столицу. Московский генерал-губернатор выдал ему аттестат о службе в губернаторской канцелярии, наполненный похвалами¹¹. Чтение этого документа, формулярного списка и других подобных бумаг объясняет, между прочим, откуда есть-пошла советская казенная фразеология. Все эти «в штрафах и под судом не был», чему-то там «не подвергался», заголовки анкетных граф, все, оказывается, исходит из бюрократического волапюка царских повытий двухсотлетней давности, и почти без перемен прижилось у большевиков. Генетическая связь деспотических режимов проявляется даже в чиновничьем жаргоне.

В Петербурге Валуев бывал и раньше, наездами. Вяземские познакомили его с Пушкиным; статный и любезный молодой человек понравился поэту. Как раз об эту пору возникали варианты «Капитанской дочки». Реальный образ, офицер Гренадерского полка Шванвич, передавшийся Пугачеву, расщепился в воображении автора, и в повесть вошли два персонажа: одним сделался Швабрин, другой — сосредоточение благородства, верности и храбрости — стал именоваться Валуевым¹². Только к 1836 году, в окончательной редакции, Пушкин отказывается от фамилии Валуева, и герой превращается в Гринева. (Род Гриневых тоже реально существовал.) Можно высказать осторожное предположение, что Петр Валуев в какой-то мере послужил прототипом Гринева.

Знакомство с семейством Вяземских становится все более тесным. Валуев сближается со старшей дочерью Петра Андреевича, Марией. Милая, скромная, по некоторым

свидетельствам, правда, женским, не очень красивая, она привлекла его мягким, добрым характером. Теплый, внимательный взгляд, живое участие в делах и заботах Петра Александровича вливали покой в душу юного кавалера, смятенную горечью пылкой, безнадежной любви к одной из первых красавиц обеих столиц Эмили Карловне Мусиной-Пушкиной. Эмилия Шернваль, выйдя замуж, отнюдь не чуралась поклонения, но мужу своему оставалась верна, и Петя Валуев искал отдыха от безысходности пламенной страсти в тихих беседах с Машей Вяземской. Встречи учащаются, они видятся у знакомых, в доме у родителей девушки, искренняя дружба переходит в ровную привязанность, и в начале 1836 года молодой человек просит руки княжны Марии. Родителям жених нравится, они ничего не имеют против него лично, они знают его давно, еще по московским счетам, но он, в общем, беден, да и Вяземские не могут дать за дочерью сколько-нибудь серьезного приданого. Разве надежды на возможную карьеру Валуева? Он, бесспорно, на виду, его способности вселяют уверенность, и, по некоторым размышлениям, князь Петр Андреевич решается. Первоначальные колебания отражаются в его письме Александру Тургеневу.

«8 мая 1836.

Ты, вероятно, знаешь Валуева. Во всех нравственных отношениях, кроме отлично хорошего, сказать о нем нечего. В одном житейском отношении худо, что состояние его ограничено, а нам Машеньке дать много нельзя. Я им все это представлял при свете прозаической истины. Но они готовы покориться необходимости и лишениям средней и умеренной жизни, отказываясь от выгод светской, которой им уже стало довольно. Свадьба, если Бог даст, совершится еще в нынешнем месяце, и в тот же день отправляются они на четыре месяца в Остафьево»¹³.

Свадьба совершилась 22 мая, и молодые, растянув медовый месяц вчетверо, обошлись без свадебного путешествия. Осенью они вернулись в Петербург и поселились в доме Вяземских, где им выделили несколько комнат в виде квартиры. Тут, вскоре, молодоженам нанес первый визит Пушкин с женой и свояченицами¹⁴.

Однако же необходимость в деньгах оставалась неотступной. Первые два года петербургской жизни источником их служили жалованье и поддержка бабушки. Но летом, когда Валуевы жили в Остафьево, Дарья Александровна умерла, Петя едва поспел на похороны. (Это была первая оплаканная им потеря близкого человека, отца он почти не помнил, деда не знал совсем. На склоне лет Петр Александрович вспоминал «так любившую меня бабушку».) Прямым наследником оставался второй сын Дарьи Александровны, Степан Петрович, и на долю внука почти ничего не пришлось. Александра Осиповна Смирнова-Россет уверяет в своих поздних записках, что «Валуев жил игрой, потому что ни жена, ни он не имели состояния»¹⁵. Александра Осиповна относилась к Валуеву недоброжелательно, как и ко всему кружку молодежи, знавшей с Дантесом, и это утверждение, скорее всего, светская сплетня, но показательное существование подобного слуха: храня честь смолоду, Петр Валуев никому не давал видеть стесненность своих обстоятельств, вел жизнь достаточно свободную, хотя никаких излишеств себе не позволял. Карты же тут были ни при чем; как Германн поначалу, Валуев не желал «жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Он ни разу не соблазнился; семейное разорение оставило в его памяти слишком жгучий, неизгладимый след. К тому же судьба послала ему еще одно предостережение: его тесть, князь Вяземский, в середине двадцатых годов проиграл фантастические деньги, что-то около полумиллиона, отчего и спустя десять лет не мог дать за дочерью достойного приданого.

В I отделении императорской канцелярии Валуев прослужил немногим более года. Образованность, ум, способности, да и происхождение заметно выделяли его из среднего слоя заготовителей бумаг, даже и на высочайшее имя. Управляющий отделением А.С. Танеев быстро разглядел в молодом чиновнике неиспользуемые возможности и рекомендовал его Сперанскому. В январе 1836 года Петр Валуев «всемиловитейше производится в губернские секретари, с повелением находиться при Сперанском»¹⁶.

После головокружительных взлетов и падений Сперанский нашел применение своим необычным способностям в кодификационных занятиях, для несведущих людей тихих и малозаметных, но для придания самодержавию законного облика достаточно важных. Бурное, но крайне беспорядочное законотворчество Петра I, приспособленные к сиюминутным соображениям указы и повеления его преемников, отсутствие какого-либо механизма учета законов и внесения поправок в действующее законодательство привели к тому, что никто из тех, кому ведать надлежит, не мог разобраться, что же является нормой в той или иной области. Принимая какое-нибудь законодательное положение, законодатели не спрашивались с тем, было ли что-нибудь подобное составлено и утверждено раньше, а если и знали, не считали нужным отменить старое, даже если оно противоречило новому. Трудно себе представить истинные размеры правового хаоса и того произвола, который мог творить недобросовестный судья или администратор. Именно для устранения накопившихся несообразностей было в 1826 году создано II отделение императорской канцелярии. Душою дела стал Сперанский. Он извлек из всех архивов законодательные акты за 180 лет, начиная с Уложения 1649 года царя Алексея Михайловича, и решительно разгрёб Авгиевы конюшни. К 1833 году были готовы два грандиозных издания: «Полное со-

брание законов Российской империи» и «Свод законов Российской империи». В первом все указы и установления располагались просто в хронологическом порядке, без систематизации и критического осмысления; их оказалось 41066¹⁷. В «Свод...» включались только действующие законы или отдельные статьи их, преимущество отдавалось позднейшим редакциям; если старый акт сохранял свою силу, древнее многословие подвергалось существенному сокращению. Материалы «Свода...» группировались предметно, по отраслям законодательства. Валуев вошел в работу на третьем этапе, в период разработки отдельных Уложений, в которых предполагалось систематизировать кодексы и устранить все оставшиеся неясности и недочеты. Общение со Сперанским (до самой его смерти), человеком огромного, аналитического ума, блестящим стилистом и юристом, дало Валуеву очень много. Да и вообще вся его работа во II отделении углубила его знания российского законодательства, обучила юридическим тонкостям, что весьма пригодилось в будущем, когда ему приходилось искать аргументы для подкрепления своих идей и предложений.

Два года Валуев «состоял при Сперанском» без места, но при открытии вакансии во II отделении получил повышение в чине и официальную должность. Он оставался там в общей сложности 7 лет, до 1845 года.

Меж тем продолжалась частная жизнь. Как ни скромны были средства Валуевых, как ни «серьезно смотрела на матримониальную жизнь Машенька Валуева», по уверению всезнающей «черненькой» (интимное прозвание Александры Смирновой у императрицы), они бывали в свете; да без этого и нельзя: за редким исключением очень необходимых в службе людей, движение в чинах и должностях весьма зависело от связей и знакомств, и пренебрегать этим не следовало; кто знает, как сложатся обстоятельства, будь ты хоть семи пядей во лбу и имей че-

тырехсотлетнюю родословную. Тут естественным образом в светском кругу молодых знакомых Валуева оказался Дантес.

Если в трагическую зиму 1836—37 годов Вяземский отстранился от Пушкина, то все же он не мог одобрять наглового фата Дантеса; князь Петр Андреевич относился к нему с инстинктивным подозрением умудренного человека. Другое дело — молодые люди. Разница с Пушкиным в возрасте в 15 лет и почти однолетность с Дантесом существенно влияли на мнения Валуевых. В деле Пушкина они были людьми посторонними и наблюдателями невнимательными, и отношение к событиям молодых Вяземских, Мещерских, Карамзиных не могло не клонить их в ту же сторону. Но и при таком раскладе Петр и Мария Валуевы не запятнали себя прямой поддержкой Дантеса. Кроме нескольких сочувственных слов, сказанных Валуевым Наталье Николаевне по поводу ревности ее мужа, Дантесу было похвастаться нечем, и его попытки представить Валуевых благожелательными свидетелями по делу о дуэли ни к чему не привели¹⁸.

Часы, свободные от службы, посвящаются не одним балам, гостям, выездам и прогулкам. Петр Александрович много читает, ни одна сколько-нибудь заметная книга на русском или французском, немецком, английском языках не проходит мимо. Образованность его становится чрезвычайной. Всю жизнь потом в личной переписке, в статьях, в книгах, которые в старости будет писать, он обильно будет цитировать древних и современных писателей и философов. Он не только читает других авторов. Чуть показалось ему, что и он способен к сочинению, он немедленно садится к столу и берет в руки перо.

В октябре 1837 года Валуев начинает сочинять роман под названием «Лара». Замах грандиозен; творение будет многотомным, на первой странице крупно выведено: «Том I». «Лара», как известно, одна из первых поэм Байрона, так что герой предполагался не только что байрони-

ческий, но бесхитростно байроновский. Зачин ничем не уступал стандартам: «Рабы ликуют в обширных владениях Лары, и рабство будто забыло досадливые оковы. После долгого самовольного изгнания возвращается владыка... Но для чего переплывал он бурные воды морские? Оставшись независимым после смерти отца, он был слишком молод, чтобы переживать свою потерю. Роковое наследство, власть бедственная, которую человек употребляет только на гибель спокойствия сердца...», *et cetera, et cetera*, на протяжении десятка страниц¹⁹ Но нестерпимая напыщенность вскоре привела в оторопь самого писателя, и у него хватило вкуса остановиться, не выйдя из первого тома. Первый литературный опыт Валуева любопытен как демонстрация, что и к концу 30-х годов великая простота пушкинской прозы еще не заместила в умах читающей публики ложных красот ходульного романтизма. (При всей искусственности замысла и исполнения не забудем, что автору едва исполнилось 22 года.)

Сам вид чистого, белого листа писчей бумаги побуждает, как мы знаем, слишком многих к нанесению на него каких-нибудь знаков — букв в логической последовательности, рисунков или образцов подписи. Вот и валуевская записная книжка 1836—37 годов исчеркана пробами пера. Она начата французским текстом, вполнину заполнена оставленным романом. Вслед за ним Валуев набрасывает план статьи о приготовлении к службе, о системах служебных; в заметках проглядывает некая либеральная направленность, но молодому автору, кажется, не вполне ясно, что же он хочет сказать, и план остался неисполненным. Отрывочные мысли, скелет ненаписанной статьи, занесенные в книжку, тривиальны. Зато рисунки тонким пером среди французского текста в высшей степени превосходны. Уверенной, можно поручиться, обученной рукой изображены китайские пагоды, люди с очень выразительными лицами — китайцы или японцы, низкий, приземистый дом и ученый со свитком

в руках, парусник, горбатый мостик и работник у ручной мельницы. Этот последний рисунок особенно хорош: фигура поставлена в легкой, свободной позе, замечательно естественно; композиция и художественная манера близки итальянским гравюрам.

Летом 1839 года Валуев уезжает за границу, в Германию и Италию. Мария Петровна только что родила сына Петра, и Петр Александрович едет один.

Немецкие города не произвели на нашего путешественника ожидаемого впечатления. Ему откровенно скучно. «Время тянется долго, — пишет он в путевых заметках, — что делать — не знаю»²⁰. В Гамбурге принимает приглашение отобедать у русского посланника, в Ганновере представляется тамошнему принцу, в Альтенбурге — герцогу; других германских достопримечательностей в его записях не отмечено. «Лишь в преддверии Италии почувствовал, что сердце меня не обмануло». Из Турина он переезжает в Милан, через Геную направляется в Рим, затем — Флоренция, Верона, Венеция. Отметим, что молодой человек двадцати четырех лет сумел постичь истинные художественные ценности, проявить тонкий и образованный вкус, отличить именно то, что представляет наибольший интерес, не прельстился эпигонами, легкими и модными. «Кафедральная церковь [в Милане] — чудо из чудес». В Риме он удивительно верно замечает, что, стоя снаружи собора Св. Петра, невозможно представить себе «огромности внутреннего пространства», восхищаясь пропорциональностью его частей, тут же сообщает нам, что «Колизей действует на воображение гораздо больше Св. Петра». Античные руины возбуждают в нем сильное чувство. Он бродит среди остатков республиканских и императорских форумов, меланхолически замечая, что там, где заседали отцы-сенаторы, ныне «пасутся коровы». «Прекрасный и удивительный купол» Пантеона надолго останавливает его, целый день он проводит на виа Аппиа, у гробницы Цецилии

Метеллы и в катакомбах; развалины Золотого дома Нерона погружают его в философские размышления о силе зла. Он намеревался еще увидеть окрестные римские виллы, но сильная боль в груди свалила его в постель. Его лечили по методу мольеровских лекарей: «мне бросили кровь от руки, а на другой день приставили 20 пьявок. Теперь мне лучше, но эта болезнь лишила меня Тиволи и Альбано».

Более всех старых мастеров поразил его Рафаэль. «Преображение», «Мадонна», фрески и стансы Ватикана восхитили его так сильно, что он не успокоился до тех пор, пока не побывал везде, где мог увидеть работы божественного Санцио: во дворцах Дория, Боргезе и Барберини, церквах Санта Мария дель Пополо, Сант Агостино и Санта Мария делла Паче, виллах Мадама и Фарнезина. Эстетическое чувство его было потрясено, на всю жизнь Рафаэль остался для него первым художником мира.

Полуторамесячная жизнь в Италии умерила восторги первых впечатлений, и Валуев все чаще вспоминает жену, друзей, Россию. Чуть окрепнув после трудной болезни и убийственного лечения, он покидает Рим и устремляется на север. Во Флоренции Петр Александрович проводит два неполных дня, едва успевая забежать в Палаццо Питти, чтобы в последний раз упиться своим несравненным Рафаэлем. Но наслаждение уже отравлено гоним, саднящим душой. Бегло взглянув на Палаццо Веккио, он даже не заходит в капеллу Медичи; кажется, ему ничто не мило. «Я бросил Флоренцию, я тороплюсь в Россию, я ей брежу».

Но перед очарованием Венеции он устоять не смог и задержался в ней дольше, чем собирался. «Я в восхищении от нее. Ни море, ни суша, ни горы, ни равнины Римини, ни самый Рим ничто по сравнению с Венецией. Это город, перенесенный на земной шар из другого мира». Он вынужден несколько дней провести в Берлине в ожидании кареты. Не находя себе места, вновь принимается марать бумагу: «Театр La Scala был ярко освещен, и весь Милан, по обыкновению, повинуюсь центробежному

влечению музыки, неровными волнами сливался в зал»... Наконец, в конце ноября, проведя за границей четыре месяца, он возвращается в Петербург к жене, семье, обязанностям и развлечениям.

(Через год, осенью 1840 г. и зимой 1840—41 гг. точно такое же путешествие по Германии и Италии совершит Дмитрий Милютин. Его путевые заметки, как и записные книжки Валуева, иллюстрированы зарисовками соборов, дворцов, жителей в национальных одеждах. Оценки Германии и Италии обоих путешественников сходны: «Как ни убеждает разум в преимуществах рассудительности, аккуратности и трудолюбия германской расы над страстностью, беспорядочностью и беспечностью расы романской, все-таки для нашего славянского чувства симпатичнее живой, одушевленный, добродушный итальянец, чем тяжелый, флегматичный, сдержанный тевтон»²¹.)

Прошли домашние вечера, кончились рассказы о городах и странах, жизнь и служба вошли в прежнюю колею, но после заграничного путешествия сфера знакомств Валуева как-то незаметно расширилась и изменилась. Зимой 1839—40 годов Петр Александрович теснее сошелся с компанией молодых аристократов, умных и просвещенных, свободных духом настолько, насколько позволяло им высокое рождение с одной стороны и всеведение царя Николая с другой.

Много лет спустя один из участников этой группы граф Ксаверий Браницкий, откликаясь на приглашение давнего товарища, князя Гагарина, вспомнить веселые, молодые времена, писал:

«В 1839 году в Петербурге существовало общество молодых людей, которых называли, по числу его членов, кружком шестнадцати. Это общество составилось частью из университетской молодежи, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала,

они собирались то у одного, то у другого. Там, после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с непринужденностью и свободой, как будто III отделения собственной его величества канцелярии не существовало»²².

Кружок шестнадцати действительно был собранием людей весьма незаурядных. Первым следует, конечно, назвать Лермонтова, но и другие, хоть и не стоящие с ним в одном ряду, отличались умом и талантом. Браницкий был видным деятелем польского движения 30-го года, не уgomонился и в зрелом возрасте, принял участие в восстании 63-го года; Шувалов, Валуев в десятилетие реформ заняли крупнейшие государственные посты и в решительной степени влияли на правительственную политику. Браницкий с горьким сожалением вспоминает не только Лермонтова, но и нескольких других офицеров, погибших или умерших на Кавказской войне, — Фредерикса, Жерве, Сергея Долгорукого, — уверенно утверждая, что если бы не безвременная смерть, их имена громко бы звучали в современной жизни.

Валуевы живут в доме Вяземских на Большой Морской. Именно у Валуевых часто бывают Лермонтов, Шувалов, молодые Карамзины, Соллогуб, Гагарин. Иван Сергеевич Гагарин был близок с Чаадаевым и приносил в кружок историософские идеи старшего друга. Идеи Чаадаева обсуждались в кружке, и в ходе одной дискуссии Валуев развивал мысль, что «национальная культура не совпадает с политическим понятием государства» — в противовес официальной формуле «самодержавие, православие, народность», которая подразумевала внутреннее единство этих частей²³. В то время слово «национальность» воспринималось как «популярность», «народность» или как «независимость». Валуев определял «национальность» — как некое целое, состоящее из языка, нравов, верований и ха-

рактера нации; она является комплексом того, что ее отличает от других»²⁴.

Для 30–40-х годов характерно пробуждение интереса к национальным проблемам, к определению терминов и понятий. Разумеется, формулировка Валуева неполна, но для периода первоначального поиска дефиниций она достаточно серьезна.

Как видим, Валуев все время оказывается в кругу людей либерального толка, причем людей выдающихся, чьи суждения — не банальности и повторы чужих слов, а результат глубоких размышлений, квинтэссенция собственных взглядов на коренные основы общественного бытия. Тут, в похвалу Петру Александровичу, следует заметить, что его старшие и ровесные друзья также выбирали его, как он выбирал их; сродство душ — результат, как известно, взаимной приязни.

А время николаевского царствования вовсе не предполагало свободных излияний мысли, даже в дружеской среде. Недаром Браницкий, упомянув о III отделении, заключает свой пассаж фразой об удивительной скромности собеседников — никто не пострадал, потому что никто не донес. (Русская интеллигенция 30–40 годов знала не один случай доноительства и немедленной кары.)

Истории России в историческом, политическом, экономическом, социальном отношении посвящено множество великолепных работ. Но картина морального состояния общества, его ментальности, его психологического склада, их непрерывной трансформации только начинает складываться. Расширить ее, исследовать становление и эволюцию взглядов, настроений, философем, представить прошедшее на нравственном уровне — благодарное и необходимейшее дело. Заглянув в зеркало живой истории, потомки, быть может, смогли бы понять, отчего ныне все происходит так, как происходит, и, пожалуй, научились бы отличать истинный

путь от тупикового. Задача эта слишком велика и выходит за рамки предлагаемой книги, но я льщу себя надеждой, что какая-то часть огромного полотна предстанет перед читателем.

Царствование Николая было рубежным. Это было последнее тридцатилетие деспотического абсолютизма в истории России. (При всем гнете николаевского режима не будем путать деспотизм с тоталитаризмом, хотя современники и ближайшие потомки той эпохи могли считать, по своему историческому опыту, что «бывали хуже времена, но не было подлей».)

Двести с лишним лет рабское состояние убивало в закрепощенных людях человеческое достоинство, затмевало сознание. Помещики, которые в преддверии великой реформы посылали в правительственные инстанции разного рода записки с уверениями, что у хорошего, заботливого хозяина его люди живут в довольстве и достатке, были искренно убеждены, что обеспеченность материальная (ничтожность ее уровня не обсуждалась) и гарантия ее сохранения делают крестьянина вполне довольным, — и по-своему были правы. Большинство крестьян и в самом деле долго не помышляло ни о чем другом. Выработалась своя крестьянская культура, свои жизненные установки, все это почти ничего общего не имело с дворянскими представлениями о жизненных ценностях. На этой, во многом интересной, своеобразной культуре, все же лежал отпечаток того примитивного уровня жизни, на который обрекало крестьян крепостное состояние.

Юридическое положение крепостных не оставляло им никаких прав, они находились в абсолютной зависимости у помещика или — в казенных и удельных поместьях — у чиновника. Жалобы практически не принимались, и власти вмешивались только уж в совершенно одиозных случаях, вроде садизма Салтычихи или преступлений некоего смоленского маньяка, непрерывно подвергавшего

своих крестьянок сексуальному насилию. (Показательно, что спасения можно было ожидать только от верховной власти.) Суд и расправа душевладельцев не сдерживалась ничем. Они подвергали крепостных телесным наказаниям, и мера жестокосердия служила мерой истязания; они могли по собственному произволу перераспределять в свою пользу хорошо обработанные наделы, выселять крестьян из их усадеб, переселять на другие земли, даже ссылать в Сибирь. Несмотря на царский указ о трехдневной барщине, никто не проверял, сколько дней на самом деле помещик заставляет крепостных работать на него и в силах ли крестьянская семья обеспечить свое существование в оставшееся время.

Браки между юношами и девушками заключались только по барскому выбору и приказу. Власть туманит головы даже выдающимся личностям — и светоч литературы и просвещения Николай Михайлович Карамзин гневно пишет деревенскому старосте, робко просившему отменить распоряжение о женитьбе и разрешить молодой крестьянке брак с полюбившимся ей человеком, что он, барин, — их отец и попечитель, что ему лучше знать, кто за кого должен идти замуж, и что, во избежание кары, он приказывает немедленно исполнить его повеление. О, разумеется, Николай Михайлович не только не был жестоким, он был добрым господином, но авторитет свой считал непререкаемым и чистосердечно полагал, что перед ним люди не вполне полноценные и сами с собой, без его патримониума, управиться не смогут.

Крепостничество оставалось незыблемой основой политического строя и экономического уклада, и лишь в тонком слое образованного дворянства начинает возникать ощущение ненормальности положения, несовместимости рабского состояния огромного большинства народа с моральными нормами эпохи. Стали это понимать и некоторые первые лица государства. После указа 1803 года о вольных хлебопашцах правительство Александра I при-

няло несколько постановлений о крестьянах Прибалтийских губерний. Николай I один за другим создавал секретные комитеты по крестьянским делам, правда, без особенного результата, но тем не менее было издано несколько постановлений в видах ослабления наиболее вопиющего произвола. В 1827 году объявлен запрет на отдачу крестьян на горные заводы, в 1833 году остановлена продажа крепостных без земли в удовлетворение частных долгов или с раздроблением семейств, в 1828 и в 1845 годах были ограничены репрессивные права душевладельцев, в 1841 году последовало воспрещение безземельным помещикам приобретать крестьян (чтобы уменьшить число дворовых, самых обездоленных рабов, практически не имеющих имущества и самостоятельных средств), а в 1854 году землевладельцы лишились права сдавать в аренду населенные имения.

Николай Павлович ходил вокруг проблемы как человек внутри огненного кольца, подступающего к его дому. Ужасно, если дом сгорит, но еще страшнее войти в огонь. В 1842 году царь, кажется, решился и предоставил своему любимцу Киселеву, председателю очередного секретного комитета по крестьянскому делу, *carte blanche*. Считая тыл обеспеченным, просвещенный и либеральный граф Петр Дмитриевич, преодолевая сопротивление других членов комитета, заставил их принять почти революционный проект: личная крепость прекращается, земля остается в собственности помещиков, но с неперменным предоставлением крестьянам в аренду надельного участка. Пройди такой план почти на двадцать лет раньше Великой реформы, неизвестно, как бы повернулась российская действительность: крестьянское землевладение вполне могло бы успеть укрепиться к 1917 году, лозунг передела земли потерял бы свою актуальность и... Но мы не станем заниматься виртуальной историей; реальность же отразила постоянную николаевскую боязнь перемен: император начал обсуждение вопроса в Государственном совете заяв-

лением, что «нет сомнения, крепостное право в нынешнем его положении у нас есть зло для всех очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным». Разумеется, после таких слов ни о чем серьезном не могла пойти и речь, в результате принятый закон, как и указ Александра I о вольных хлебопашцах, предоставил возможность помещикам освобождать своих крестьян; но оба указа не имели обязательной силы и оба способствовали освобождению ничтожной доли крепостных.

Чего опасался всесильный монарх? Восстаний крестьян, если им позволят поднять головы и развернуть плечи? Вряд ли. Он понимал, что именно сохранение крепостного права вызывает волнения и возмущения — за николаевское тридцатилетие их произошло 556. Он опасался землевладельцев. Как это ни парадоксально, как ни представлялся Николай всему миру абсолютно могущественным, он инстинктивно страшился выступления дворянских верхов (хотя отдельно взятую дворянскую личность мог третировать до смертельного ужаса). Что его ближайшие советники и министры — Орлов, Панин, Васильчиков, Клейнмихель — яростные враги эмансипации, это император знал. Знал и без докладов Киселева, просившего государя унять пыл вышепоименованных лиц, состоявших членами крестьянского комитета, куда Николай с умыслом их и назначил. И задевать влиятельное сословие, стоявшее за ними, царь полагал весьма опасным.

Он боялся группового заговора знати, он слишком хорошо помнил убийство деда и отца²⁵. Потому и ответил он в сердцах Голицыну, когда в том памятном заседании Государственного совета князь заметил государю, что на добрую волю надежды мало: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру [приневоливание] никогда не решусь, как и не решусь на то, чтобы приказывать помещикам заключать договоры»²⁶.

Но даже в чудовищной обстановке жизнь человеческая пробивается к свету. Способных вырваться из крепостных пут немного, только наиболее сильные духом, гордые, сметливые и инициативные могут решиться на вызов. Набором этих качеств обладает весьма незначительная доля человечества вообще, а рабское состояние всего менее подходит для старта, но дух свободы неостановим. Уходят на оброк в города по отпускным свидетельствам, кто-то закрепляется там, кто-то выкупается, выбивается в мастера, в купцы, следующее поколение получает начатки образования или поступает в училище или университет. Оставаясь в деревне, оборотистый крепостной с несколькими сыновьями-работниками обзаводится хозяйством, ловко обходя дураковатого помещика, прикупает землицы или строит свечной заводик, правда на имя своего барина, ибо не имеет право владеть имуществом, что иной раз, при перемене владельца, приводило к трагедиям из-за произвола и бесчестного корыстолюбия нового помещика. Случалось, что сила таланта сына или дочери пахара оказывалась столь неодолимой, что перед нею падали любые преграды, и перед уязвленным чванливым тупицей представляли архитектор, актриса или профессор словесности только что от сохи.

Теснимое с разных сторон крепостничество падало в относительном выражении. Если в 1837 году численность помещичьих крестьян составляла 45% населения, то к 1860 году – 37%. Это означало, что почти весь естественный прирост населения, а в XIX веке он был чрезвычайно значительным, уходил в свободные сословия или, в крайнем случае, в государственные крестьяне, где степень благосостояния все-таки была выше. Но неисчислимы потери. Мы не знаем, сколь велико число людей, чьи возможности и способности не раскрылись, по злому невежеству крепостника пропали втуне, сколько людских страданий взывало к небу в каждом поместье или экономии каждый божий день.

Александр Васильевич Никитенко (с ним мы еще встретимся), рожденный крепостным графа Шереметева, своей одаренностью привлек внимание «библейского» Голицына и Рылеева. Их заступничество, а главным образом, счастливое стечение обстоятельств принесли ему свободу. Получив возможность поступить в университет, он оканчивает его по философскому факультету, а к началу 40-х годов становится цензором, профессором Петербургского университета, Смольного и Екатерининского институтов. Но добиться освобождения родных, оставшихся в неволе, не может. Знатный барин из одной только ненависти к успехам бывшего раба, кого и человеком не желал считать, отказывается отпустить их. «Что за порядок вещей! — пишет Никитенко в дневнике. — Вот я уже полноправный член общества, пользуюсь некоторой известностью и влиянием и не могу добиться независимости матери и брата! Полоумный вельможа имеет право мне отказать, и это называется правом! *Вся кровь кипит во мне, я понимаю, как люди доходят до крайностей*»²⁷ Это сказано человеком вполне благонадежным, не принимающим озлобленности радикалов.

Нет возможности подсчитать, сколь велик был экономический ущерб страны из-за скудоумного помещичьего хозяйствования, которое было настолько нерентабельным, что существовало в значительной степени за счет государственных пособий: к 1860 году в опеке числилось 2/3 имений, а помещичий долг казне составлял 425 млн рублей, более двух годовых бюджетов страны!²⁸

Если окно в Европу держать приотворенным, а иногда и распахнутым, то укрыться от западного ветра немислимо. (Можно, конечно, закрыть его и даже заколотить, как это сделал Сталин, но большинство правителей, до и после него, предпочитали, в разной мере, убеждать мир, что Россия — неотъемлемая часть Европы.) Братья Александр и Николай, считая себя царственными вершителями су-

деб европейских государств, никак не могли от нее отвернуться, а потому и вынуждены были допустить, чтобы некоторые дуновения века Просвещения коснулись «вверенной НАМ России», как выражался Николай Павлович в 1848 году, по случаю, правда, совсем другому, когда благоуханный ветерок превратился в неслыханную бурю.

Но в 1809 году ничего подобного не предвиделось, император Александр еще не находит в просвещении ничего дурного и, в видах общей пользы, издает указ о новых правилах производства в гражданские чины, соглашаясь с мыслью Сперанского, что образованное чиновничество — первый залог процветания государства.

Как часты в истории случайные, малозаметные события, которые оказывают такое влияние на жизнь народов, какое не сравнится с воздействием гигантских битв или хитроумных заговоров! «Тихий» акт 1809 года, вызвавший гнев лишь прямых ретроградов, сделался причиной кардинальной перемены в обществе, в государстве. Как всякое благодетельное изменение, эта трансформация совершалась медленно, неприметно, но неотвратимо, как уходит под воду суша, заливаемая морем. Необходимость обучения вызвала открытие новых университетов, далее, как бы неизбежно, в них возникло самоуправление, возросла либеральная профессура. Когда власть опаматовалась, было уже поздно — университеты привлекли внимание и сочувствие общества, сделались его важной частью, стали центрами наук, знаний и культуры. Акт 1809 года явился первопричиной смещения сословий в государственной службе, колоссального нарастания образованной массы к середине века, расширения и видоизменения слоя горожан среднего достатка — зримого прироста врачей, педагогов, учащихся, технических специалистов, — появления новой литературы, скачкообразного увеличения числа журналов и газет, ориентированных на преобладающую роль либеральной интеллигенции в умственном движении.

Из этого акта выросли побочные следствия. Если мировоззрение интеллектуалов-дворян начала века отличалось сравнительным единством, и споры редко выходили за пределы литературных сражений, после которых противники мирно усаживались за общий обеденный стол, то лет сорок спустя в политических битвах славянофилов с западниками, либералов с консерваторами и всех вместе с нигилистами и социалистами борцы били друг друга наотмашь, до взаимного истребления. В круги общественной жизни вошли ранее обездоленные слои, инстинктивная, подспудная жажда реванша сделала их радикалами, в покойную заводь терпимости и примирения они внесли ожесточение и ненависть. Грановский говорил, что в русской голове нет места, куда бы могло уложиться чувство меры. Идеологическая поляризация привела к политическому противостоянию, но... остановимся пока, не станем забегать вперед, в шестидесятые годы, повествование о Валуеве само приведет нас туда.

В те годы, когда молодой Валуев начинал свою карьеру, основная масса «благородного российского дворянства», как его титуловала императрица Екатерина, была погружена в апатию. Победа над Наполеоном, взятие Парижа, главенство в Европе убедили привилегированное сословие, что Россия могущественна, следовательно, в ней «все обстоит благополучно», по любимой формулировке Бенкендорфа, и беспокоиться не о чем. Участие в уездных и губернских дворянских собраниях, служба по выборам вполне удовлетворяли честолюбие землевладельцев, а многие и туда шли неохотно, стараясь посылать на низшие должности мелкопоместных или вовсе беспоместных, подчас деклассированных дворян. Проблемы, выходящие за пределы узкого мирка, их не волновали. Ни о какой перемене быта своего или, не дай Бог, крестьянского они и думать не думали, а о высоких материях — законах, праве на участие в решении каких-то вопросов —

не желали и слышать. Это дело царя и высших сфер, нам это вовсе не нужно.

Время от времени по бесконечной глади российского пространства пробегали волны испуга — то при возвышении Сперанского (когда он пал, то удивлялись не ссылке человека, вины которого никто не знал, а тому, что такого злодея не казнили), то после либеральной речи Александра в польском сейме, то после восстания «сотни прапорщиков». Но воцарение Николая и предпринятое им решительное искоренение крамолы вновь вернули спокойствие в дворянские усадьбы. А.В. Никитенко: «Я начинаю думать, что 12 год не существовал, что это мечта или вымысел. Он не оставил никаких следов в нашем народном духе, не заронил в нас ни капли гордости, уважения к самим себе, не дал нам никаких общественных благ. Страшный гнет, безмолвное раболепство — вот что пожала Россия на этой кровавой ниве, на которой другие народы обрели права и самосознание»²⁹. Потому и породило польское восстание 1830—31 годов возмущение и удивление, что опять заговорили о какой-то свободе, осмелились покуситься на знатнейшую в Европе державу. «Патриотические чувства» охватили общество до такой степени, что перед ними не устоял и гений Пушкина. Немногие сохранили здравый смысл и не повлеклись со всеми; то был один из случаев в биографии князя Вяземского, когда «восстал он против мнений света».

«Сентябрь 1831 года. Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился воспеть победы Паскевича. Во-первых, потому, что этот род восторга — анахронизм. Во-вторых, потому, что курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву наконец удалось наложить лапу на мышь. За что возрождающейся Европе любить нас?.. Мне также надоели эти географические фанфаронады наши: от Перми до Тавриды и проч. Чем радоваться и хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст. А это

похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке, да что вы, да сунься, да мы. Неужли Пушкин не убедился, что нам с Европой воевать было бы смерть? Зачем же говорить нелепости против совести и, более всего, без пользы?.. Смешно, когда Пушкин хвастается, что мы не сожжем Варшавы их. И вестимо, потому что нам пришлось бы застроить ее. Вы уже так сбились с пахвей [с ладу, с толку] в своем патриотическом восторге, что не знаете, на чем решиться, то у вас Варшава неприятельский город, то наш посад... Есть одно средство: бросить царство Польское, пускай Польша выбирает себе род жизни. Но такая мысль слишком широка для головы какого-нибудь Нессельроде, она в ней не уместится»³⁰.

Однако нужно же занять чем-нибудь людей, так или иначе приобщившихся к началам культуры и цивилизации. Конечно, можно кружиться в танцах, бегать по балам и праздникам, обилие коих весьма поощрялось, чему императорская семья служила примером, но ведь и надоест. Ну тогда извольте послужить царю и отечеству, отправляйтесь на Кавказ, этого занятия хватит надолго. Литература, науки? Темное дело, польза отечеству сомнительна, а вред несомненен. Вот генерал Сухозанет, поставленный во главе Военной академии только за то, что спас своего государя, командуя артиллерией на Петровской площади 14 декабря, твердо зная мнение самодержца, что ему нужны не умники, а верноподданные, заявляет офицерам и профессорам: «Наука — не более, чем пуговица к мундиру», от вас требуется прежде всего дисциплина, «без науки побеждать возможно, без дисциплины — никогда».

Промышленность и торговля — не для благородного сословия, к серьезным государственным делам пробиться почти невозможно, все ключевые посты находятся в руках знати, чем заняться? Бедные дворянские головы шалели без дела. Одно остается — бешеная игра, не только за игорным столом, но и на дуэльном поле, и пуще то-

го, игра в кости со смертью. Вулич, стреляющий в себя из пистолета, Долохов, пьющий шампанское на подоконнике — отражение действительности, как сказал бы тут к месту Чернышевский. Вот сколок реального препровождения времени, описанный Вяземским. История эта имеет некоторое отношение к отцу моего героя, и Петр, наверно, о ней слышал.

В 1808 или 1809 году компания блестящей московской молодежи, сливки общества, съехалась к Александру Петровичу Валуеву, в тогдашнее его имение Царицыно. В ожидании обеда гуляли по саду. Один из гостей, Новосильцев, взял ружье и стал высматривать птиц. Князь Федор Гагарин, подзадоривая, сказал ему: «Что за важность — в птицу! Попробуй в человека!» «Охотно, — отвечал тот, — в кого?» «Да хоть в меня!» Мгновенно, никто не успел слова сказать, Новосильцев направляет на него ствол и нажимает курок! Щелчок — осечка! Тут Валуев кидается к ним, вырывает из рук Новосильцева ружье и автоматически, по привычке охотника, проверяет его. Выстрел раздался! Смущение, недоумение и ужас окружающих неописуемы. Гагарин остался спокоен, лишь побледнел и сжал губы. «Ты в меня целил, это хорошо, но теперь и я хочу. Вызываю тебя». Их едва остановили³¹.

На всех уровнях государственной и общественной жизни люди были лишены инициативы. Механизм деспотической власти действует лишь по команде, и совершенно естественно для Николая I, что только военные, впитавшие в плоть и кровь такую систему, представляются ему лучшими начальниками, губернаторами, министрами — ведь он искал исполнителей, а не подбирал сотрудников. Отсюда жесткая регламентация всего и вся, превозношение дисциплины как основы образа действия любого подданного. Отсюда «идололизация» формы, формальной стороны жизни, доведенное до границы абсурда делопроизводство. За незастегнутый крючок мундира

офицер мог быть исключен из гвардии и переведен в армейский полк, не говоря уже о солдате, который за мелочное упущение во фрунте подвергался избиению шпицрутенами. Великий князь Михаил Павлович бегал вокруг гвардейского караула, ловя его командира на ошибках в командах, отдаваемых солдатам, которых он должен был поворачивать фронтом к мелькавшему начальнику: «налево», «направо», «на караул» и т. д. Другой царский брат, Константин, так замучил солдат и офицеров своего польского корпуса, что они не могли поверить в его «беспристрастие», они были убеждены в его специальной ненависти к полякам; они ошибались, он терзал их не потому, что они были поляки, а потому, что солдаты; к полякам же он вообще относился неплохо, и когда вместо него был прислан подавлять польское восстание генерал Дибич, то наместник Царства Польского распевал под его окнами «ежчо польска не згинела!»

Сам Николай с искренним удовольствием говаривал, что нигде не чувствует себя так хорошо, так уверенно, как среди полков, на смотре, на параде. Недаром так часты они были. Там было все просто и ясно, никаких толков, мнений и подобных глупостей. Царь готов был военизировать даже балет.

«В декабре 1835 года в театре был поставлен балет «Восстание одалисок», — пишет в дневнике А.В. Никитенко. — Особенно восторгаются сценою купания одалисок и военными эволюциями танцовщиц. Государь сам ездил на репетиции»³². Так и видишь, как усмехается Александр Васильевич, вспоминая замечательные подробности, о которых долго толковали в городе. Государь не просто присутствовал на репетиции, он составил мизансцены этих эволюций:

«№1. Фронт в конце сцены спиною к зрителям.

№2. Заходят направо, левое плечо вперед, идут мимо левых кулисов до авансцены, где, сделав левое плечо впе-

ред, идут до конца сцены, останавливаются и делают во фронт.

№3. Строят фронт облически налево. [Обличь – лицом.]

№4. Делают на караул, на плечо и к ноге, отдыхают, потом на плечо...

№6. Строятся колонной по первому взводу на середине сцены и идут колонною вперед.

№7. Деплоируют направо и налево по третьему взводу. [Переходят из колонны в линейный строй.] <...>

№9. Строят полувзводную колонну из середины и идут вперед в штыки.

№10. Строят каре...

№11. Из каре деплояда, фронтом вперед, к авансцене.

№12. Делают на караул»³³.

Император Николай Павлович отличался большим трудолюбием, и танцевальные экзерсисы были для него своего рода отдохновением, что по-человечески совершенно понятно. Я несколько не иронизирую, самодержец во всем смысле этого слова, сосредоточивший в своем лице всю полноту законодательной, исполнительной и распорядительной власти, без чьей воли и утверждения нельзя было присвоить гражданский чин XIV класса или низшее офицерское звание, начать строительство мало-мальски заметного дома в губернском городе или назначить пенсию вдове, когда, по существу, он сам был собственным министром иностранных и военных дел, самостоятельно осуществляя важнейшие дипломатические и военные комбинации, от которых зависела жизнь и судьба миллионов людей, при всей, повторяю, необозримой горе дел, им самим взваленных себе на плечи, он вынужден был работать крайне интенсивно.

Обширные ответы декабристов на вопросы следователей открыли перед Николаем такую мрачную картину народной жизни, о которой он, по своему положению, не имел никакого представления и произвели столь сильное впечатление, что, несмотря на ненависть к мятежникам и личную неприязнь к людям, желавшим его гибели, он сумел подняться над собой и оценить важность сообщаемого. Правителю дел следственной комиссии Боровкову было поручено составить из записок и писем арестованных офицеров свод внутреннего состояния России. Некоторые предложения по искоренению зла Боровков представил в заключении: «Надобно даровать ясные положительные законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства, подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию, улучшить положение земледельцев, уничтожить унижительную продажу людей, воскресить флот — словом, исправить неисчислимые непорядки и злоупотребления». Сумма мнений декабристов была напечатана в трех экземплярах — для царя, цесаревича Константина и председателя «Комитета 6 декабря» графа Кочубея³⁴.

К чести человека и государя еще раз замечу, что Николай понял и принял справедливость суждений заговорщиков, его последующая деятельность во многом свидетельствует об этом. Но самодержавные начала несколько в его уме не были поколеблены. Напротив, он был убежден, что все необходимые улучшения в стране будут наилучшим образом осуществлены лишь непрерываемой властью. «Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления», — утверждал

император в первом своем обращении к подданным, в манифесте о восшествии на престол, и никому никогда не позволял и помыслить, что возможно отступление от этого принципа³⁵.

Для того чтобы все держать в своих руках, надо быть хорошо осведомленным, и Николай требует резко увеличить поток поступающей к нему информации. Все более или менее крупные административные единицы, не говоря уже о министерствах и губернаторствах, шлют ежегодные, а то и третные [четырехмесячные] отчеты непосредственно на высочайшее имя. Реляции составляются по единообразной, подробнейшей форме, обнимающей мельчайшие вопросы. Рапорт губернатора должен начинаться с описания естественных и природных сил губернии: местности, народонаселения, торговли, промышленности. Далее идут статистические сведения по сословиям и состояниям, с перечислением податей, повинностей и недоимок; следующий раздел — общественное благоустройство: роспись мостам, зданиям, протяженность и направление дорог. Численность коренного населения, раскольников, иноверцев, беглых и бродяг, список происшествий и перечень жалоб составляют главу под названием «Народная нравственность», реестр врачей на государственной службе и частнопрактикующих, таковых же аптек, положение дел с оспопрививанием — главу о народном здравии, перечень больниц и богаделен — главу «Общественное призрение». Деятельность администрации и суда должна быть изложена особенно подробно: общее движение делопроизводства, количество входящих и исходящих бумаг, мероприятия, проведенные губернским правлением, земской и городской полицией, учреждениями опеки, магистратами. Отдельно освещается благонадежность верноподданных на вверенной губернатору территории, а также награды и взыскания, налагаемые на чиновный люд³⁶.

Как видим, структура отчета охватывает чуть ли не все проявления жизнедеятельности жителей и местных властей, так или иначе влияющей на состояние общества, что свидетельствует о желании царя иметь представление о положении каждой губернии, и само по себе не может вызвать порицания. Но для чего властелину шестой части света знать «роспись мостов» Пермской губернии? Схема отчета соответствует системе управления, и она лучше любых рассуждений демонстрирует ту степень централизации и «коронизации» власти, при которой все подвергается ее неусыпному наблюдению, заботе и контролю, без какой-либо тени самоуправления. Все, все, все должно быть доведено до сведения абсолютного монарха, ничто не должно ускользнуть от «его всевидящего ока, его всеслышащих ушей». И если реляции с мест казались недостаточными или неясными (а кроме губернаторского доклада, каждая губерния ежегодно направляла на высочайшее имя 94 рапорта и ведомости по всем отраслям управления), то император мог дополнить их донесениями III отделения собственной канцелярии.

Деспотическая, единоличная власть недоверчива. Стягивая все prerogatives к себе, она требует того же на всех нижних уровнях, категорически запрещая рассредоточение полномочий. Она возлагает на подчиненного всю ответственность, одновременно сдерживая любое проявление самостоятельности. Лишая инициативы даже первых сановников государства, император искренно возмущался их недейтельностью и нерасторопностью. Тот же губернатор, хотя в «Наказе губернаторам» 1837 года, пространной служебной инструкции, он именуется «хозяином губернии», связан по рукам и ногам, не может решить пустячных дел без ведома «подлежащих» министров, а чаще самого государя. «Он [губернатор] находится на подозрении неспособности и неблагонадежности». Приходится «испрашивать разрешения на действия, которые вовсе не нуждаются в приказах и контроле». При

этом он «подчиняется сотням статей законов, уставов воинских и строительных, правилам о предупреждении преступлений и другим частным правилам», председательствует в разных губернских комитетах и комиссиях, от него требуются распоряжения по самым незначительным обстоятельствам всех частей управления. Он обязан надзирать, притом неукоснительно, чтобы дела «в присутственных местах совершались в установленные дни и часы», он должен иметь «непрестанное попечение о целостности казенных сумм», строго «наблюдать, чтобы постройка домов и овинов производилась на указанном законом расстоянии, чтобы мостики и станционные столбы были содержимы в надлежащей исправности». Личное участие губернатора во всех перечисленных и многих других делах, серьезных и мелких, без разбора, не может быть передоверено никому. И поэтому он ежегодно подмахивает 30 тысяч входящих-исходящих, утверждает несколько тысяч журналов [протоколов заседаний] правлений, комитетов и комиссий, подписывает сотни кассовых документов, приговоров, подорожных по частным надобностям, послужные списки чиновников, которые составляются многократно, при всяком служебном или семейном изменении.

(Весь вышеприведенный пассаж о несчастной губернской доле — обширная цитата из официальной записки нашего Петра Александровича (когда он будет Курляндским губернатором), озаглавленная «Общий взгляд на положение начальника губернии». «Взгляд...» заканчивается смелым выводом: «Форма преобладает над сущностью»³⁷ Разумеется, в николаевское время никто из высокопоставленных чиновников и помыслить не мог о подобном вольнодумстве. Записка составлена в ноябре 1856 года, в пору надежд, более того, в ответ на запрос правительства Александра II, желавшего перемен. Но тридцатилетнее пригнетение еще слишком свежо в памяти, обращение начальства за советом к своим подчинен-

ным — факт необычайный, никогда ранее не бывалый, и Валуев начинает свой ответ напоминанием высшей администрации, что почин исходит от нее: «В предписании министерства внутренних дел от 20 октября сего 1856 года правительство милостиво призывает начальников губерний к откровенному изложению мнений о том, что стесняет их и что могло бы способствовать более удовлетворительному исполнению их обязанностей, позволило бы глубже вникать в нужды вверенных им губерний, песясь об улучшении всех отраслей управления, усилить их влияние, но вместе с тем сократить формальности и ограничения, расширить их возможности, *не разрушая общего порядка*». И вступление свое Петр Александрович заканчивает также многозначительной фразой: «Я не имею притязаний обсуждать высшие распоряжения», давая понять, что лишь столь необычный прецедент, не свойственный прежнему Петербургу, позволяет ему называть вещи своими именами.

В похвалу Валуева надо добавить, что угрюмое делопроизводство подвергалось критике в первом же докладе Курляндского губернатора новому императору, Александру II, до появления министерского отношения за номером XYZ. Правда, формально говоря, оценки там не было, но канцелярское безумие было описано столь красноречиво, что никаких сомнений в отвращении Валуева к подобному ведению дел возникнуть не могло. Нарочито подробно перечислял он в отчете за 1855 год все канцелярии и «столаы», через которые проходит каждая бумага, прежде чем она попадет в руки губернатора, единственного, кто вправе осмыслить ее и решить, как на нее реагировать. Подсчет инстанций впечатляет. Присланный сверху опус, прежде чем опуститься перед губернатором, получает «импет» от 11 чиновников и вписывается в 4 книги, затем переносится в докладной журнал, проходящий 7 рук. От губернатора грамота уходит (конечно же, не напрямую) к прокурору(!) для просмотра, потом к старшему се-

кретарю и заносится в энную книгу. Таким образом, *до составления ответа или исполнительного распоряжения* лубой присланный документ совершает 24 перехода и фиксируется в 6 книгах!³⁸)

Местные власти склонны преуменьшать перед центром случившиеся неприятности, и, помня это, Николай Павлович вводит в практику командирование в губернии царских генерал-адъютантов или жандармских офицеров для расследования на месте какого-нибудь значительного происшествия. Посланцы государя вели дело быстро и объективно. Крестьянское возмущение каралось жестко, без снисхождения, но если открывалась виновность помещика в бесчеловечности и тем самым в провоцировании бунта, имение отбиралось в опеку, вотчинника из него выселяли, в особо безобразных случаях отдавали под суд, или — «у нас это просто» — административным порядком ссылали в Сибирь. Да и ситуации менее значительные не оставались без внимания центральной власти. Так что чиновник, приехавший по именному повелению из Петербурга, о котором сообщает жандарм в последней сцене «Ревизора», вовсе не театральный «бог из машины», а вполне натуральный персонаж.

Император внимательно читал донесения, вникал в подробности, неопределенностей не терпел, требовал в таких случаях дополнительных сведений и доводил дело до безусловного решения; подчас лично разбирал жалобы на обиды и притеснения, назначал наказания, вмешивался в споры о наследстве, пресекал мотовство, выступал опекуном порядка, попечителем нравственности, гонителем корыстолюбия³⁹. Он парил над страной как орел и, увидев «нестроение», нежданно возникал перед ошеломленным виновником во всем могуществе громовержца. В ранний час утра в глухом чиновничьем департаменте могла возникнуть величественная фигура императора всероссийского. Горь чиновнику, не оказавшемуся на месте.

В 1830 году население было испугано повсеместным

пришествием холеры, она проникла даже в Москву, и люди, прорывая карантины, начали толпами уходить из города. Тогда Николай Павлович прибыл в первопрестольную, и его «появление среди зараженного города ободрило всех, — вспоминает Дмитрий Милютин. — Государь, со свойственным ему мужеством, показывался в народе, посещал больницы, объезжал разные заведения». (Год спустя его приезд на Сенную площадь в Петербурге усмирил буйство и остановил убийства врачей, якобы напустивших на народ холеру.) Такое поведение монарха заслуживает только уважения: всю жизнь он неукоснительно выполнял царскую обязанность — быть патроном всех своих подданных и нес этот долг неумоимо, принимая свою должность как роль всеведущего и вездесущего владыки. Однако идея, доведенная до абсолюта, вызывает либо ужас, либо смех. Милютин продолжает: «Вздумалось ему заехать в наш университетский пансион... На беду государь попал в пансион во время перемены, между двумя уроками, когда обыкновенно учителя уходят отдохнуть в особую комнату... Император, пройдя через большую актовую залу, вдруг предстал в коридоре среди бушевавшей толпы ребятишек. Можно представить себе, какое впечатление произвела эта вольница на Самодержца, привыкшего к чинному натянутому строю петербургских военно-учебных заведений... Никем не узнанный [он] вошел в наш класс... Тут произошла *весьма комическая сцена*: [воспитанник] Булгаков узнал его и громко приветствовал: «Здравия желаю Вашему Величеству!». Все другие крайне изумились такой выходке товарища; сидевшие рядом с ним даже выразили вслух негодование на такое неуместное приветствие вошедшему «генералу». Озадаченный, разгневанный государь прошел далее, и только здесь наткнулся на одного из надзирателей, которому грозно приказал немедленно собрать всех воспитанников в актовую залу. Тут наконец прибежали, запыхавшись, и директор, и инспектор, перепуганные, блед-

ные, дрожащие... Император излил свой гнев и на начальство наше, и на нас с такой грозной энергией, какой нам никогда и не снилось... На другой же день заговорили об ожидающей нас участи; пророчили упразднение нашего пансиона. И действительно, вскоре после того последовало решение преобразовать его в «Дворянский институт» с низведением на уровень гимназии, а между тем последовала перемена начальства»⁴⁰.

Другой мемуарист, Никитенко, описывает, что называется, аналогичный случай. «10 апреля 1833 года. Сегодня Николай Павлович посетил нашу первую гимназию и выразил неудовольствие. Он вошел в пятый класс, где преподавал историю учитель Турчанинов. Во время урока один из воспитанников с вниманием слушал учителя, но только облокотясь. В этом увидели нарушение дисциплины. Повелено отставить от должности учителя Турчанинова»⁴¹.

Но Николай Павлович не был тираном *par excellence*. Его наставления сыну Константину, отправленному состоять при фельдмаршале Паскевиче в венгерском походе 1848 года, человечны и разумны. «Примерная почтительность к высшим в чине, вежливость и приветливость к равным в чинах и учтивость к младшим без всякой фамильярности. Ласковое обращение с солдатами. С жителями быть приветливу, но в разговоры и суждения не вдаваться, а в особенности со славянами. Исполнять, когда можно, свой долг как христианин. Другие исповедания уважать и не позволять себе показывать к ним презрения»⁴².

Не доверяя почти никому, веруя в священные prerogatives царской власти, государь император Николай Павлович не осознавал, что один человек не может удерживать «порядок» в огромной стране, не допускал мысли, что чем более сосредоточена полнота власти, тем более эфемерен этот порядок, не понимал, что пирамида устойчива, если стоит на основании, а поставленная острием — рано или поздно рухнет.

Что все это означало? То была смесь искреннего желания добра, стремления прослыть отцом нации, встать над сословиями, разрушить бюрократические преграды между властью и народом — с безудержным властолюбием и гордыней, с желанием доказать, что только самодержавная, неограниченная форма правления способна удовлетворять чаяния всех слоев населения и поддержать мощь великой державы.

С воцарением Николая стал постепенно исчезать некий «европеизм», который демонстрировал Александр I. Знаковым в этом отношении был манифест о восшествии на престол, в котором мятеж на Петровской площади выводился из «растленного влияния Запада». Вслед за этим, особенно после европейских революций 1830 года, последовали разные ограничения на выезд за границу и обучение в тамошних университетах. Принцип национальностей, вброшенный в политическую жизнь народов Европы Наполеоном — право народов на создание национального государства, т. е. на выход из имперского конгломерата (Австрия, Россия) или на объединение мелких княжеств (Италия, Германия) — неизбежно нес с собой все черты освободительного движения, что, конечно же, было совершенно неприемлемо для российского императора, поборника монархического принципа. Именно поэтому славянофильство, имевшее массу внутренних связей с этим европейским изобретением (независимо от того, признавали это славянофилы или нет), вызывало гнев самодержца, не говоря уже о его неприятии вообще всякой свободной мысли.

К славянофилам первого романтического и демократического поколения — братьям Киреевским, Хомякову, Самарину — принадлежал отдаленный сородич нашего героя, Дмитрий Валуев (общий предок Дмитрия Александровича и Петра Александровича жил в первой половине XVII столетия, следовательно, обе ветви рода разо-

шлись давно). Двадцатидвухлетним молодым человеком Дмитрий Валуев увлекся российскими древностями, обнаружил ряд интересных источников в провинциальных государственных и частных архивах, опубликовал некоторые их материалы, а к одному из этих изданий, «Историческому и статистическому сборнику о России и народах ей единовверных и соплеменных», написал предисловие, которое стало символом веры начального славянофильства.

Наше обращение к Западу правомерно — соглашается Дмитрий Валуев; «он увенчан всеми красотами поэзии, природы и искусства», и было бы нелепо отказываться от наследия Петра Великого. Однако нельзя пересадить «с одной почвы на другую весь внутренний мир человека. Переносятся одни формулы и выводы, но лишенные внутренней жизни». Не этого хотел Преобразователь. Он хотел дать толчок русской, самобытной мысли, разом проскочив столетия, которые потратил Запад на обретение современных понятий, нравственных ценностей и материального достатка. Но время и историю обмануть не удастся. «Обходясь без труда и работы над собою», мы живем лишь наслаждением «умственным и вещественным комфортом, который изготавливается услужливым просвещением... и этот перенесенный мир теперь неразделим с нашим существованием, в его образцах, понятиях и звуках облекается наша мысль и чувство». Мы так срослись с ним, что «нам нечего пугать себя возвращением варварства». Ныне «отречься от Запада — значило бы отречься от себя», по крайней мере, «верхний слой общества не может забыть свою благодетельницу Европу... Но вместе с тем настает новая эпоха», люди начинают «сбрасывать оковы немецких и французских идей и приходить к более зрелому и самостоятельному мышлению, и наука [имеется в виду историческая наука] должна позаботиться, чтобы читающую романы и играющую в карты Россию познакомить с Россией и соплеменными странами так, как мир романский и германский знает себя... и мы пой-

мом о себе то, что доселе было для нас загадкой или об чем мы и не думали»⁴³.

В этой небольшой статье заключалась целая программа, патриотическая и вполне благородная, и честь первого, ясно сформулированного кредо нового движения русской мысли принадлежит Дмитрию Валуеву.

Что принцип национальностей возбуждал любовь к отечеству отнюдь не в духе триединой уваровской формулы, правительство понимало очень хорошо, отчего и относилось к ранним славянофилам крайне неодобрительно. Еще в 1842 году Александр Тургенев сообщает князю Вяземскому слова Бенкендорфа, «что в Москве есть общество раскольников или их любителей, что они посылали в Симбирск депутата для распространения своего раскола»⁴⁴. Информированность III отделения замечательна: именно в симбирских архивах собирал материалы Валуев для своего «Симбирского сборника». Так что имя «депутата» было жандармам известно, и они не преминули отомстить. Когда Дмитрий заболел чахоткой и после долгих колебаний решился наконец ехать за границу, в течение нескольких месяцев он не мог добиться паспорта. Заступились высокопоставленные знакомые, но было уже поздно: он доехал только до Новгорода, где и умер в ноябре 1845 года. Ему не было 25 лет; всего три года отвела ему судьба для творчества, но его последняя работа, «Исторический и статистический сборник о России», оставила заметный след.

Принцип национальностей, как идеология, обладает положительной силой, когда провозглашает значимость и приоритетность свободы и суверенитета, указывает к ним путь, формирует соответственный менталитет; но заряжается негативной энергией, когда начинает отворачиваться от мировой культуры, а отрицание достижений и ценностей других народов делает главным предметом и целью пропаганды. Тогда логика борьбы втягивает течение мыс-

ли в порочный круг слепого гнева, в котором без разбора сожигается все чужое, объявляемое чуждым. Нападки на западные представления об обществе и человеке, навязчивые галлюцинации угроз славянскому миру, ставшие фетишем славянофилов «второго призыва», 60–80-х годов, постепенно превратили пасторального пастушка в националистического Голема, готового сокрушить все вокруг. В извечной российской войне всех против всех чистая идея Дмитрия Валуева уцелеть не могла.

Но где же наш герой?

А он ведет жизнь благонамеренную, спокойную и размеренную: получает очередные чины и ордена за успешную службу; семья растет: после рождения дочери Елизаветы в 1837 году и сына Петра в 1839 году, в 1841 году рождается сын Александр. Валуевы и Вяземские по-прежнему обитают вместе. «Живем по-старому, — пишет Петр Андреевич Жуковскому в ноябре 1842 года, — по вечерам почти всегда дома, кое-кто бывает, но за неимением говорунов и разговоров обыкновенно играем в карты: в невинный макао. Валуевы провели лето в Остафьеве... Малютки их очень милы и, слава Богу, здоровы, кроме последнего мальчика, который слабее других и часто хвораєт»⁴⁵.

Не считая этого пока легкого облачка, горизонт чист и светел, только одна душевная буря разыгралась около этого времени. В 1846 году неожиданно умерла Эмилия Мусина-Пушкина, едва перевалив за 36 лет! Она заразилась тифом, великодушно ухаживая за больными крестьянами своей деревни. По уверению Смирновой-Россет, знавшей все петербургские тайны, Валуев очень тяжело переживал смерть давно им любимой женщины. Как раз в мае он ненадолго вернулся в Петербург после годичного отсутствия и почти все лето прожил здесь один, без семьи, и никто не мешал ему предаваться горю.

Я говорю: «ненадолго вернулся в Петербург» потому,

что за год до того служебная карьера Петра Александровича решительно переменилась: в июле 1845 года он назначается чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Прибалтийского края Головине. Переезд из Петербурга в Ригу отдалял его, правда, от центра высшей власти, но это временное, как надеялся Валуев, обстоятельство вполне компенсировалось заметным повышением в должности и манящим простором деятельности. Он помнил, что Цезарь завоевал Рим, покорив предварительно Галлию.

Глава II

Прибалтийский край находился в возбуждении. Составленный из завоеванных Петром I Эстляндии и Лифляндии и присоединенной в 1795 году Курляндии, Остзейский край, как его чаще называли, долго представлял собой весьма странное, неопределенное государственное образование. Россия как будто удовлетворилась тем, что юго-восточная Прибалтика входит в состав империи, и сначала не делала никаких попыток распространить на нее принципы общерусской губернской организации. Петербург мало вмешивался в административное устройство края при всем том, что Прибалтика формально не имела автономии, как Царство Польское или Финляндия. Правительство словно признавало прибалтийские губернии «немецкими» областями и позволяло им сохранять средневековую корпоративную организацию местной власти: выборный дворянский ландтаг — законодательно-распорядительный орган — и ландрат, в качестве органа исполнительной власти. Лишь одну социальную сферу, но крайне важную, правительство решилось не оставлять без внимания. Приближенность Польши, Финляндии и Прибалтики к Европе *заставляла* российского суверена, а отделенность этих территорий от коренной России *позволяла* ему — установить гражданские отношения на иных, казалось бы, лучших началах, нежели внутророссийские. Еще в 1816—1819 годах крестьяне в Прибалтийском крае сделались лично свободными, только

земли либо не получили совсем, либо очень мало, так что меру эту приходится считать двойственной. Для многих бывших крепостных свобода без земли обернулась свободой от земли, и к концу 30-х годов напряжение между ними и помещиками стало нарастать. К тому же оно приобрело национальную окраску, так как землевладельцы были почти исключительно немцами, а крестьяне-батраки — эстами и литами. В тех редких случаях, когда немногочисленная русская администрация в Митаве, Риге или Ревеле пыталась вмешиваться в эти конфликты в пользу наемных рабочих, она встречала упрямое сопротивление. К этому времени и центральная власть стала относиться к остзейскому сепаратизму менее терпимо. «Коноводы немецких прибалтийских сословий не признавали за правительством никакого достоинства, кроме явного и неоспоримого преимущества силы, по их убеждению, грубой и неразумной, но непресборимой. Они становились по отношению к этой силе в оборонительное положение, торговались, где могли и как могли, с ее представителями, старались по возможности предупреждать и умалять ее вмешательство в местные дела и вообще заботились прежде всего и более всего о сохранении status quo... Таким образом объясняется упорное отстаивание и таких особенностей, которые не соответствовали ни видоизменившимся потребностям времени, ни общим условиям благосостояния и преуспевания края»¹. Так характеризовал Валуев положение в Прибалтике 40-х годов в своих поздних заметках.

В 1841 году кому-то из крестьян пришло в голову, что переход в православие даст им новую опору в борьбе с помещиками. Незатейливая мысль, как пламя, разлетелась по всему краю. Православное духовенство принимало новоявленных адептов с распростертыми объятиями, хотя и понимало, конечно, что безземельный батрак испытывает не религиозное рвение, а питает от принятия «рус-

ской», «царской» веры надежду на улучшение своей жизни. Однако реального изменения в положении крестьян не произошло, и поднявшаяся волна начала было спадать; но в 1845 году она поднялась вновь. «Ожесточенное противодействие помещиков и лютеранских пасторов, — пишет Валуев, — дотоле большей частью весьма равнодушных к своей пастве, придавало этим толкам в глазах крестьян еще большую достоверность... Взаимное раздражение между православным духовенством и некоторыми русскими чиновниками, с одной стороны, и лютеранским духовенством, помещиками и всеми немецкими чиновниками — с другой, было весьма сильным. Обоюдные жалобы и обвинения возникали ежедневно, и весь край находился в лихорадочном волнении»². Толпы осаждали резиденцию рижского епископа и дворец генерал-губернатора, в Дерпте множество эстов окружили дом местного протоиерея. Петербург, по понятным причинам, долгое время колебался между двумя сторонами, но когда движение стало нарастать — уже более 100 тысяч человек переменили конфессию, а их неудовлетворяемые ожидания могли привести к непредсказуемым последствиям — коронная власть была вынуждена действовать; сильные позиции, занимаемые прибалтийскими немцами у престола, играли тут не последнюю роль. Слабый, по мнению остзейских баронов, генерал-губернатор Пален был смещен генералом Головиным. Однако инструкции, полученные генералом от министра внутренних дел Льва Перовского, чрезвычайно огорчили бы местное дворянство, если бы они стали им известны. Улучшить быт крестьян, преобразовать городское управление — с такими напутствиями отправляли в Ригу нового начальника края. («Улучшение быта крестьян» — такое словосочетание на 15 лет вперед стало эвфемизмом, которым пользовались цивилизованные верхи, чтобы не пугать диких помещиков по всей России и не воодушевлять замордованных крепостных опасными словами «свобода», «освобождение».) Поэтому-то

чиновник для особых поручений, личный представитель генерал-губернатора, человек, наделенный особыми полномочиями, подчиненный только своему патрону, становился в прилагаемых обстоятельствах весьма важной фигурой. Он должен был сочетать несочетаемое: разрешать противоречия таким образом, чтобы каждая сторона чувствовала себя если не совсем удовлетворенной, то по крайней мере не сильно обиженной, облегчать участь крестьян, не раздражая помещиков, уменьшать самоуправство институтов местной власти, не разбредив тевтонскую спесь. Ergo, он должен был быть либерален, но умерен, исповедовать централизм, но не до исступления, одним словом, быть русским, но с европейским пошибом. Эти качества предполагают ум, образование, воспитанность и дипломатические способности. Никто так не подходил к этой роли, как Петр Александрович Валуев.

К тридцати годам он сделался довольно известен в чиновном петербургском мире. Имя, родство и связи, быть может, и помогали, но ключом к успеху были личные достоинства. Он свободно ориентировался в законодательстве российском и иностранном, так как непрерывно изучал предмет и следил за его движением. Составленные им разделы законов отличались четкостью, ясностью и простотой, записки, справки — деловитостью и легкостью стиля, в самых запутанных вопросах он разбирался быстро и безошибочно. И каждый год службы Петра Александровича во II отделении собственной его величества канцелярии заканчивался либо новым чином, либо орденом. Юридические знания сделались столь явственными, что в 1843 году его вводят в один из департаментов Сената, высшей судебной инстанции страны.

Его отношения с людьми отличались аристократической ровностью: он был любезен со всеми, от высшего начальства до низших служащих, но фамильярности ни с кем не допускал. К тому же он был высок, строен и красив.

«Чего ж вам больше?» Так что выбор генерала Головина следует признать как нельзя более удачным.

Получив благоприятствующие сведения, новоназначенный генерал-губернатор принял рекомендацию начальника II отделения графа Блудова и пригласил Валуева к себе на службу.

Ломать налаженную жизнь? Уезжать из Петербурга? Пожертвовать близостью ко двору? Отказаться от дружеских связей, светских раутов, балов и театров? Трудно было решиться на это, хотя некоторый короткий опыт жизни вне столицы уже был — в 1843 году Сенат командировал его в Варшаву, и Валуевы провели там полгода. Но то был маленький Париж на краю Европы, как уверяли себя и других его жители, а в провинциальной Риге, кроме общества тяжеловесных остзейцев, рассчитывать было не на кого. Однако помимо лестного повышения по службе, существенную роль сыграли материальные соображения. Жалованья коллежского асессора, чиновника VIII класса на столичную жизнь бесконечно не хватало, приходилось одалживаться; счастье, что он был на виду и можно было благодаря монаршей милости получить по высочайшему указу ссуду в 8 тысяч рублей серебром, да еще беспроцентно, да еще сроком на десять лет³. Но повторение невозможно. А провинциальное житье требует заведомо меньших расходов, выйдет ограничиться жалованьем, к тому же Головин обещает скорое представление к следующему чину. В Петербург же мы еще вернемся, убеждал Валуев жену, притом в ореоле новых свершений. Кроткая Машенька согласилась, и через несколько дней Петр Александрович ответил Головину согласием.

Валуевы приехали в Ригу в августе 1845 года, а уже в сентябре Петр Александрович отправился в свою первую командировку, в Дерптский, Верроский и Речиский уезды, где положение представлялась наиболее катастрофическим. Посетив имения и мызы, выслушав дворян и

крестьян, чиновников и полицейских, православных пастырей и протестантских пасторов, Валуев вполне разобрался в ситуации. Обстановка оказалась худшей, чем он предполагал, значительно более тяжелой, чем во внутренних российских губерниях. Деревня бурлила, возмущение грозило перехлестнуть границы, «опасение гражданских смут и беспорядков более или менее основательно, — пишет Валуев в записке, представленной генерал-губернатору. — Здешние помещики в продолжение векового владычества над *иноплеменными* крестьянами не умели с ними сблизиться и сродниться... Теперь они опасаются, что охраняющая рука власти, оставя их, простирается над крестьянами в награду за их единоверие... Дворяне видят близкую опасность, угрожающую не только собственности, но и жизни... Слухи о будущей вольности, о раздаче господских земель поколебали привычную покорность...»⁴

Тут же, отдельным рапортом камер-юнкер Валуев (придворное звание выше всех чинов, и этим званием принято подписывать официальные бумаги) иллюстрирует это исчезновение безропотности. Крестьянин Зеле уверял односельчан, что, перейдя в православие, будет служить только Богу и государю и получит землю в свободное и бесповинное владение. Зеле арестовала местная вотчинная полиция, но следствие никак не могло выпутаться из деликатнейших коллизий, связанных с переходом в господствующую конфессию, и крестьянина отпустили. Собственно, и арест совершенно ничем не был мотивирован, он был лишь свидетельством заведомого испуга душевладельцев перед произнесенным вслух словом «свобода».

К брожению умов добавился неурожай, который сильнее всего обрушился на Дерптский уезд. Тут городские и сельские власти растерялись совсем, и Валуев берет на себя руководство помощью. Он организует закупку и раздачу хлеба в городе и окрестных деревнях через

магазины [склады], приближенные к голодающим поселениям. Хлеб был куплен на казенные средства, *беспроцентный* долг за него, распределенный на всех сельских хозяев соразмерно (только на хозяев, на крепостных и батраков он не возлагался), разнесен на 6 лет⁵. Своими быстрыми, энергичными действиями Валуев завоевал признательность во всех слоях — у помещиков, чиновников и крестьян, тем более что всем было известно его сиюминутное появление в крае и что ему всего 30 лет.

Из всего происшедшего Валуев сделал главный вывод: непоследовательность центральной власти пагубна, «общее недоумение о видах правительства» — одна из важнейших причин накала страстей, «принятие некоторых решительных мер» — насущная необходимость. С этими убеждениями он возвращается в Ригу.

Немедленно принятый Головиным, он рисует ему объективную — мрачную — картину враждебных взаимоотношений сословий. Так как ничего другого не предполагалось, а общее положение совпадало с тем, как оно виделось из Петербурга, генерал-губернатор направляет всеподданнейший доклад с обзором дел в крае, написанный Валуевым за один вечер. Доклад содержал и предложения мер.

Но в верхах не принято было торопиться. Записка пошла по инстанциям, высказывались разные мнения — в сферах были сторонники и противники остзейского дворянства, — и император, как часто в подобных случаях, решил образовать очередную комиссию. В разговорах и переписке ушла зима.

Но время для Петра Александровича зря не пропало. Он собирает материалы о Прибалтике, посещает города и порты, знакомится с сословиями, промышленностью и торговлей края. Либава отличается порядком и благосостоянием. В 1825 году здесь была основана первая в империи сберегательная касса. Благодаря честности учредителей и городских властей она пользуется доверием

жителей и хранит вкладов на 450 тысяч рублей. Колоссальная, по тем временам, сумма! Однако порт угрожает этому процветанию своим неустройством – требуется паровая землечерпалка, заключает компетентный наблюдатель. Более всего нравится ему Курляндия, ее главный город Митава, древняя столица Ливонского ордена. Он поднимался на холм, к огромному дворцу Бирона, построенному великим Растрелли, где когда-то два года жил граф Д'Артуа, ставший позднее Людовиком XVIII. Благоустроенность жизни в этих маленьких городах, деловитость и расторопность их жителей была ему приятна⁶. Он встречается с семьей своей матери; с отчимом, бароном Фелькерзамом, устанавливает вполне дружеские отношения (позже они вместе будут работать по крестьянскому делу, а после смерти барона в 1848 году Валуев добьется пенсии для его вдовы), знакомится с другим Фелькерзамом, Валерианом, мужем сестры Александры. В поместье барона, Штейнзее, он теперь будет часто наезжать в летние месяцы.

Наконец, 24 мая 1846 года «Высочайше учрежденный комитет для устройства быта лифляндских крестьян» открыл свои заседания. В его состав вошли министры Перовский и Киселев, бывший и нынешний начальники края Пален и Головин и барон Фелькерзам от ландтага. Совещания, естественно, происходили в Петербурге, и генерал-губернатор и его чиновник для особых поручений прибыли в столицу.

Не скоро запрягали, да споро поехали. Собрались, как теперь бы сказали, профессионалы, знающие предмет занятий в подробностях, и в три присеста выработали основные начала.

Пункт 1. Состоящая ныне в употреблении крестьян, часть принадлежащей дворянству земли предоставляется навсегда в неотъемлемое пользование крестьянским общинам.

Пункт 2. Эти участки будут именоваться арендными, но формально они остаются в собственности помещиков.

Пункт 3. Срок арендного контракта — не менее шести лет. На этот период действует право наследования аренды⁷

Легко видеть, что при всей внешней категоричности постановления, недосказанность первого пункта — отсутствие условий аренды — предоставляла простор для самых разнообразных толкований. Тут не было ошибки, ход был хорошо продуман: помещики принуждались улучшить положение крестьян, но правительство не желало с ними ссориться и предоставляло им возможность самим выработать условия передачи земли в аренду. Лифляндское дворянство олицетворял ландтаг, и мнение комитета, в качестве непреложного указания, было ему отправлено.

Но дворянство не хотело ограничиваться предписанными рамками. Дело шло о материальном благополучии, возникла опасность утратить часть прав и привилегий (об императиве времени и морали помещики не помышляли), и они, делая вид, что уступают правительству, вознамерились выторговать все что можно в свою пользу. Они представили в ландтаг свой проект.

Первое. Арендный договор заключается не с каждым арендатором в отдельности, а с сельским обществом в целом — помещик освобождается тем самым от многих хлопот, притом что получение ренты практически гарантировано круговой порукой; крестьянин же повязывается консервативной неповоротливостью общего схода. Второе. Получение участка в полную собственность относится в неоглядную даль, на 50 лет; в течение этого срока крестьянин выплачивает ежегодный денежный оброк, составляющий 4% стоимости участка. (Сам по себе оброк как будто не велик, но ждать полвека права собственности, да еще находясь в зависимости от общины, — дело слишком

рискованное, почти безнадежное, тем более что помещики, выдумав этакий кунштюк, разумеется, надеялись что за два поколения им удастся еще что-нибудь придумать и крестьян обмануть.) Третье. Они, лифляндские феодалы, заявляют, что у них нет денег для оплаты вольнонаемных рабочих, необходимых для обработки господской земли, нет капитала для интенсификации земледелия и посему они всеподданнейше, но весьма настоятельно, просят учредить кредитный банк, который должен отдать помещику немедленно 15–20% стоимости отчуждаемой земли деньгами, и 60% – 4-процентными билетами. Эти средства возвращаются за счет крестьянского оброка. Четвертое. С организацией банка дворянство справится и само, но лучше бы получить из казны взаимобразно 1 млн рублей серебром. Проект, разумеется, сопровождался верноподданническими изъявлениями восторга по поводу заботливости высшей власти⁸.

На заседании ландтага барон Фелькерзам попытался умерить дворянские требования, в частности сократить выкупной срок до 30 лет, обязать помещиков немедля прекратить барщинные отношения – их проект обходил этот вопрос молчанием, – но члены ландтага постарались обсуждение затянуть, и оно, ни шатко ни валко, тянулось почти два года.

Наконец окончательный проект крестьянского уложения был закончен в 1847 году и представлен губернатору. Документ был составлен на немецком языке, на котором велось делопроизводство и шли сами заседания ландтага. Полагая дело не терпящим промедления, Валуев сам берется за перевод и, свободно владея немецким, представляет Головину русский текст. Художественная форма перевода губернатором была оценена по достоинству, но содержанием он несколько удовлетворен не был. Что государство испытывает огромный недостаток в деньгах, что бюджет каждый год сводится с дефицитом, обо всем этом начальник края был осведомлен слишком

хорошо, чтобы полагать, что казначейство найдет миллион серебром для заштатной провинции.

Кроме борьбы с немецкими феодалами, приходилось вести сражения и на другом фланге, с теми оголтело русификаторскими настроениями, которые исповедовали некоторые русские чиновники, отвергавшие постепенность. Они жаждали немедленного превращения прибалтийских областей в русские губернии, требовали неукоснительного подавления «немецкого элемента». Православным неофитам должно быть оказано любое содействие, а сопротивление немецких землевладельцев — сломлено. Сторонником жестких мер был и православный причт. Валуев, Головин и сменивший последнего в начале 48-го года князь Суворов (внук полководца), старались сдерживать, смягчать эти намерения. Показательно тут конфиденциальное письмо Суворова рижскому епископу. (Письмо явно составлено Валуевым, т. к. речь идет о событиях известной давности, имевших место до прибытия в край нового генерал-губернатора. Ранее епископ ядовито намекал на потворство администрации лютеранам, и такое обвинение не может относиться к Суворову, он всего лишь месяц в Риге, стрела направлена в Валуева, и Валуев именем патрона отвечает. Отвечает весьма едко, едва оставаясь в пределах приличий.)

«Вследствие раздражения лютеран и православных естественно нежелание помещиков иметь у себя усадебных хозяев, которым будто бы открыты привилегии и чьи жалобы воспринимаются как покушение на православие, — так объясняет губернатор иерарху суть проблемы. — Сии неблагоприятные обстоятельства могут быть отклонены лишь постепенно, к чему я и стремлюсь... Некоторые люди вокруг меня озабочены исключением истины и дозволяют себе происки. Они с самого моего приезда в край противодействуют добросовестным стараниям моим... Они присваивают исключительное право на горячность к

православной вере и на любовь к отечеству, и признают перо свое прямым внуком меча Петра Великого»⁹.

При таких взаимоисключающих взглядах на реформирование поземельных отношений в Лифляндии вопрос повисал в воздухе, и Головин предлагает своему фактотуму заняться пока другим делом — преобразованием рижского городского управления.

Рижский магистрат середины XIX столетия представлял собой последок средневековой корпоративной сеньории, en pendan торговопромышленным цехам, сохранявшим рогатки и препоны былых времен. Особенно жаловались русские купцы и ремесленники, которым немцы, заправила города, чинили всяческие препятствия. По мнению русских, рижский порт мог отправлять и принимать значительно больше товаров, приносить вящую прибыль, нежели при нынешнем косном управлении. Как мы помним, Головину было поручено заняться и этими проблемами. Согласно известному порядку, он, по приезде в Ригу, создал комиссию, а в Петербурге учредили комитет, долженствующий апробировать ее труды. Вот в эту-то комиссию генерал-губернатор и включил Петра Александровича.

Камер-юнкер Валуев растормошил ее немецких членов, которым никуда не хотелось торопиться, потребовал ввести в заседания переводчика, чтобы русские члены комиссии могли участвовать в обсуждениях полноценно, ошеломил всех знанием проблемы, и карета покатила. За короткий срок комиссия составила 232 предложения и направила их в министерство внутренних дел. Но до столицы руки камер-юнкера не дотягивались, и по истечении двух лет в петербургском комитете оказались рассмотренными только 39 предложений, притом самых простых и незначимых, вроде статьи о городских музыкантах¹⁰.

Меж тем рижские бургсратманы решили составить контрпроект реорганизации управления. Вышедшее из-под их перьев произведение даже лет триста тому назад посчиталось бы безмерно олигархическим. Вся власть в городе отдавалась исключительно купцам 1-й гильдии с имущественным цензом 5000 рублей серебром или с годовым доходом 800 р.с. Если право голоса при выборах и предоставлялось «младшим» купцам и образованным обывателям, то избирать своего одного (!) представителя они могли лишь из членов 1-й гильдии. Составленный таким образом муниципалитет сам из себя источал все ветви власти — законодательную, исполнительную и судебную, т.е. богатеи просто делили «бремя» правления между собой, да к тому же и не желали подчиняться никаким коронным чиновникам «среднего звена» — бургсрат должен был обладать правом прямого обращения не только к губернатору, но и в Сенат¹¹.

Что же получалось? Смелые приступы Валуева походили на кулачный бой через подушку — удары наносятся изо всей силы, а результаты оказываются мизерными. Поначалу это не обескураживает его, только прибавляет опыта. Он завязывает самые разнообразные знакомства в немецком кругу, равно со сторонниками полного слияния провинции с империей и с противниками русского проникновения. Провинциальные светские куртаги ему не очень симпатичны, тяжелое застолье подчас тягостно и неприятно. «Недаром упоминаю часто об обедах, — записывает он в своем дневнике 3 декабря 1847 года. — Общественность здесь начинается с закуски и кончается картами. Бледна жизнь общества, где все краски налиты в графины или разложены на блюдах»¹². Но делать нечего, сядешь за карты и с Собакевичем, коли это пойдет на пользу делу. Валуеву удастся установить хотя и прохладные, но вполне деловые отношения со многими влиятельными людьми. Своими речами, хорошо построенными

ми, изящно сформулированными, он убеждает всех, кто готов его слушать, в правоте верховной власти, когда она хочет влить современную струю в Рижский залив. Валуев инициирует новые комиссии по крестьянскому делу, их совещания в Петербурге и Риге постепенно сглаживают противоречия, и наконец в 1849 году император утверждает новое «крестьянское и поземельное уложение Лифляндии».

«Уложение» воспрещает отчуждение крестьянских земель в пользу помещиков. Кардинально продлен срок аренды — с 6 до 50 лет, что, по существу, превращало арендованную землю в собственность; желающие формально закрепить владение за собой могли это совершить на условиях льготной рассрочки. С этого времени было положено прочное начало крестьянскому землевладению в Латвии¹³.

Настойчивость Валуева наконец была вознаграждена, поиски компромисса увенчались успехом, появление нового, либерального «Уложения» — его личная заслуга.

Попытка же ввести обновленное городовое положение в Риге кончилась половинчато. Полная реформа так и не была проведена до 1870 года, а в пору Валуева удалось провести лишь некоторые преобразования по торговой части. Взаимное отторжение русских и немецких чиновников, притом что разногласия часто принимали характер национальных противоречий и непримиримости, не позволило достичь широкой цели.

Одним из русских людей, направленных из МВД в Прибалтийский край, был граф Дмитрий Николаевич Толстой. Тогда, в Риге, Валуева и Толстого свели вместе служебные обязанности, и хотя они придерживались разных убеждений — Толстой был рьяным защитником дворянского землевладения и одновременно крайним противником немецкого засилья, и споры их были бесконечны, — что-то привлекало их друг к другу. Их дружеские отношения не прервались и после служебного разрыва,

до самой смерти Толстого они продолжали переписываться как ни в чем не бывало. (Когда Валуев был назначен министром внутренних дел, он пригласил Толстого возглавить департамент полиции исполнительной, но долго одиозной реакционности Толстого вынести не смог, и Толстой был вынужден уволиться.) Толстому нравились стихи Валуева, и Петр Александрович с удовольствием сочинял рифмованные послания своему приятелю. Вот одно из первых, написанных в Риге:

Днесь, сбросив ярмо канцелярских забот,
Забыв, что чернила и перья есть в мире,
Я вечером дома, без дел, без хлопот,
С собою и немцами в мире.

Трескучее пламя в камине играет,
Китайский настой на столе закипает,
И был бы вполне я доволен судьбой,
Когда б посетил меня комит Толстой¹⁴.

Легкое, веселое стихотворение. Почему-то остается впечатление благодушного настроения семейного человека, временно холостого, жена коего ненадолго уехала.

Расставаться с Машенькой приходилось и по делам службы: осенью 1848 года генерал-губернатор Суворов посылает Валуева в поездку по краю, проверить, точно ли исполняются инструкции по борьбе с холерой. Исполнены, рапортует Валуев, «езде обнаруживается ревностное содействие распоряжениям начальства», но болезнь ужасна, и несмотря на самоотверженность врачей, о которой Петр Александрович пишет с искренним воодушевлением, из 600, примерно, заболевших за лето в одной из местностей, умерло 245 человек¹⁵. Валуев с участием относится к несчастным людям, но он не мог и подумать, что страшная болезнь коснется его семьи.

Эта эпидемия холеры пришла в Россию в 1846 году с Кавказа и, то затихая, то разгораясь, продержалась до

1861 года. Особенно сильны были вспышки в 48–49-м годах и во время Крымской кампании 53–55-х годов. Ничего кардинального медицина середины XIX века предложить не могла, и смертность была устрашающей. Вяземский, в письме к Жуковскому летом 48-го года, утверждает, что за два года более миллиона человек стали жертвой холеры. Пусть это сильное преувеличение, но что десятки, быть может, сотни тысяч людей погибли, не подлежит никакому сомнению. Все, кто мог, старались уехать из скученных поселений, из городов; Карамзины и Мещерские уехали на финскую мызу Авроры жены Андрея Карамзина, Вяземские переселились из городского петербургского дома на дачу на Аптекарском острове; в город возвратились только к декабрю. Обычно с наступлением морозов зараза отступала, но в зиму 1848–1849 годов, после осеннего затишья, она разыгралась вновь на всем северо-западном пространстве России¹⁶. Как раз в начале февраля 1849 года, в надежде, что он снова раздует едва тлеющие угли, Валуев был назначен членом комитета, в очередной раз «учрежденного для начертаний нового проекта общественного устройства и управления Риги». Он не может уехать из города, князь Суворов просит быстрее окончить работу, торопит составить «план необходимых гидротехнических работ в Риге»¹⁷, и когда холера опять поразила город, она застала там старших Валуевых (детей увезли). Недуг обрушился внезапно, как ему свойственно — ночью. Оба супруга заболели, что само по себе, среди достаточных классов населения было редкостью; рок миновал Петра Александровича, но настиг Марию Петровну, и к вечеру следующего дня, когда Петр Александрович почувствовал себя тучше, состояние Марии Петровны стало стремительно ухудшаться. Пятна покрыли лицо, в глазах плавали страх и тоска, и через несколько часов она умерла на руках потрясенного мужа. Случай был невероятным, редчайшим, гибли либо старики, либо очень ослабленные люди, но не

молодые и цветущие. Мария Валуева прожила на этом свете 36 лет! О, роковая цифра!

Убитый, с потухшим лицом, Петр Александрович возобновляет исполнение обязанностей. Без подъема, почти машинально. Смерть жены долила чашу разочарования, которая и без того наполнялась. Оставляя четыре года тому назад прокурорский стол в сенатском департаменте и начиная практическую деятельность, он рассчитывал если не на полный успех своих усилий, то, по крайней мере, на заметный их след. Нет, получалось слишком мало. Тупиковые противоречия меж социальными группами, национальный и конфессиональный антагонизм, узколюбое людское упрямство, нерешительность губернатора Суворова, темные провалы петербургских канцелярий, невнятность правительственной политики, с ее вечным опасением, как бы чего не вышло, — вытравили оптимизм, надежду на возможность проведения преобразований в союзе с обществом, с различными сословиями, в поле социального договора.

Время постепенно сглаживает ужас потери, с окрестным уровнем мышления он не то чтобы примиряется, но принимает его как данность, с которой ничего нельзя поделать; работа забирает снова, но скепсис уже поселился в его душе, сверлил и царапал ее. Взгляд, конечно, сделался трезвее, жизнь предстала несколько отличной от той, что мелькала в бальных залах Аничкова дворца, но мизантропия, иссушая ум, заставляла его теперь видеть в людях и событиях почти исключительно дурную сторону.

Российская действительность предоставляла для этого богатые возможности.

Еще в марте 1848 года, когда Валуев по служебным надобностям находился в Петербурге, пришли сообщения о революционном взрыве в Берлине. «Вверху все в смущении. Наши псевдогосударственные мужи не знают за что взяться, — отмечает Петр Александрович не без

злорадства. — Сумасбродные распоряжения. Бутурлин [председатель «сверхштатного» цензурного комитета, наделенного особыми полномочиями] советует закрыть все университеты и гимназии. Власти не могут опомниться от изумления. Одни в страхе, другие в озлоблении готовы давить всех, кто смеет думать и не лстить. Внутренние якобинцы готовы перерезать немецких и польских помещиков»¹⁸.

Действительно, переполох был большой. Такой большой, что всегдашнее желание верховной власти построить студентов в три шеренги и дать им фельдфебеля в профессора, «озвученное» Бутурлиным на сей раз, показалось столь явственной командой, что министр просвещения Сергей Уваров, искренно считая развитие университетского образования в России своей заботой и честью, то ли от отчаяния, то ли от желания неординарным поступком образумить царя, подает в отставку. Что касается внутренних якобинцев, то таковыми Валуев именует ретивых подавителей «иностранный элемента», с которыми он только начинает сражаться; решительные битвы еще впереди.

Но главное, что бросается в глаза в этой валуевской записи, — это общий тон ее, отчетливое, ясное представление Петра Александровича о деятелях, с кем ему придется и придется иметь дело; на них он смотрит без всяких иллюзий.

Обстановка в стране становилась все более гнетущей и удушливой. Европа была объявлена источником заразы и разложения, вошел в употребление термин «гнилой Запад», связи с коим всячески ограничивались. Естественным было взять под подозрение и просвещение — это западное детище. «Все революции происходят от литературы», — заявлял сановник высшего ранга, министр юстиции граф Панин. Московское царство начинало брать верх над идеей европейской империи. «Теперь в моде патриотизм, отвергающий все европейское и уверяющий, что

Россия столь благословенна Богом, что проживет одним православием. Патриоты этого рода полагают, что Франция объявляет себя республикой, а Германия бунтует оттого, что есть на свете физика, химия, астрономия, поэзия, живопись»¹⁹. Сформулировано кратко, четко и исчерпывающе. Недаром Уваров подавал в отставку, его вполне охранительные намерения внушить молодым людям монархическое мировоззрение посредством науки считались ныне вредными.

Бутурлинские подвиги на том не закончились. Университеты пока закрыть не удалось — царь все же решил не совеститься перед Европой, — но тем пуще набрасывается новый цензурный комитет на литературу.

«В «Москвитянине» напечатаны два рассказа В.И. Даля, в одном изображена воровка, которую никак не находят; обращаются к начальству, и оно не может отыскать, — записывает 1 декабря в своем дневнике Никитенко. — Министр Перовский призвал Даля (Даль служил в МВД) и предложил — писать или служить. Бутурлин представил дело государю (!), что Даль своим рассказом вселяет недоверие к начальству. Последовала резолюция — выговор цензору и автору»²⁰. Это было весьма снисходительно. Тургенева в свое время посадили на месяц на гауптвахту за публикацию «Записок охотника», а цензор, пропустивший книгу, был уволен.

Свирепость цензуры сплошь и рядом была уморительна. Высочайшим постановлением запретили подвергать критике летописное известие о смерти царевича Дмитрия. Новый министр просвещения Ширинский-Шихматов посетил лекцию молодого профессора русской истории Сергея Михайловича Соловьева. Сей последний осмелился заявить, что летописи Нестора дошли до нас в виде, в котором первоначальный текст восстановить трудно. Министр устроил ученому дикий разнос. «Правительство этого не хочет! Правительство этого не хочет!» — кричал разъяренный татарин»²¹.

Всякие преобразования не то что были оставлены, даже разговоры о самых минимальных, необходимейших переменах прекратились. Так что некоторая общественная апатия Валуева была вызвана не только личными обстоятельствами: реакцией полнилась атмосфера эпохи.

Однако движение по службе нашего героя совершалось своим путем – его попытки упорядочить управление в Прибалтийском крае признавались полезными, заслуживающими поощрения, а свои дневниковые записи и мнения он ведь не демонстрировал начальству. Его деятельность имела большей частью не законодательный, а конкретный характер, и в декабре 1849 года он причисляется к МВД, что открывает ему дорогу к административным постам. В январе следующего года он получает сразу два повышения, в чине и звании: становится статским советником и камергером двора. (Звание камергера особенно почетно, не говоря о том, что придворные звания выше других чинов; камергер, согласно табели о рангах, есть особа III класса, равная генерал-лейтенанту!) В 52-м году – он действительный статский советник, штатский генерал-майор.

В 1853 году Валуев получает первую крупную административную должность: назначается Курляндским гражданским губернатором и переезжает в Митаву. Начиналась Крымская война, и его главной заботой сделалось участие в ней подчиненной ему провинции – рекрутские наборы, продовольственные поставки, привлечение в армию курляндского дворянства. Опыт закупок для казенных нужд позволил ему позднее вступить в полемику о лучших «способах заготовления провианта и фуража для армии и флота» – под таким заголовком он послал статью в «Морской сборник», издаваемый Морским министерством; во второй половине пятидесятых годов это был самый интересный и либеральный периодический журнал среди российских ведомственных изданий.

Статья Валуева была опубликована в 1857 году, в новое царствование, в пору большей свободы печати, но ясно, что это плоды мыслей ранних, рожденных практикой предыдущих лет.

Автор, с которым дискутирует Валуев, наивно полагает, что было бы выгодней, если бы производители прямо, без посредников, продавали хлеб воинским командам; поставка через подрядчиков поглощает огромные суммы. Примитивность выкладок и ошибочность выводов Петр Александрович опровергает ссылками как на экономическую теорию (читал Адама Смита и Рикардо), так и на реальную практику. «Если бы скупщики не ездили по селениям и помещикам, то сами помещики и крестьяне были бы принуждены ездить в города, а если бы не было оптовых торговцев, половина произведений осталась бы непроданною, меж тем как половина потребителей была бы не обеспечена... Скупщики, как и промышленники, заботятся о своих выгодах, но их деятельность общепользна, интересы частные нередко совпадают с общественными интересами... Опасен монополист, но если он возник, то это доказывает только недостаток соперничества... Не хотят торговцы заключать сделки с казною. Хождение в коронные присутствия, канцелярии, аудиенции у начальников, необходимость залогов, обязанность представлять различные сведения — оттолкнет кого хочешь... Между чаемыми лицами первая забота — дело, с казною — форма»²².

Не правда ли, звучит вполне современно?

Крымская война знаменовала крупнейшую веху в жизни России, жесточайший, но благотельный перелом в ее судьбе.

К концу 40-х годов истинное состояние страны и представление о нем императора Николая разошлись абсолютно. Более точного определения России, чем «империя фасадов», данного маркизом де Кюстином, подо-

брать невозможно. Не было ни одной отрасли хозяйства, ни одного ведомства, ни одного сословия, в котором внешность совпадала бы с внутренним содержанием. Деспотизм, растворенный во всех порах общественного организма, мог еще долго удерживать страну в том бедственном положении, в котором она существовала, ибо не знала, что она несчастна, однако натягивать струны не следовало, колки давно прогнили. Но слепая уверенность в военном могуществе и столь же ничем не обоснованная вера в свое дипломатическое искусство повлекли Николая к катастрофе. Умный человек в обыденном смысле слова, Николай Павлович не обладал ни широтой взгляда, ни глубиной мысли, ни способностью анализа, ни пониманием людей, времени и обстоятельств. Он свято верил в незыблемость самодержавного начала, в прочность личных монархических союзов и совершенно искренне не мог взять в толк, почему прирожденный аристократ, герцог Веллингтон, не может соглашаться с ним, императором, а вынужден считаться с парламентом. Он полагал, что как бы ни был враждебно настроен премьер-министр Франца-Иосифа князь Шварценберг, — о чем царь догадался, да и то слишком поздно, — уж сам австрийский император от союза с русским монархом никогда не отступится. Эти удивительные иллюзии, точнее, фантазии, сохранялись в царской голове потому, что перемены в экономических, стратегических, социальных областях и сферах, происшедшие в мире за последние десятилетия, остались им полностью незамеченными. Он жил в Европе Венского трактата 1815 года. Отсюда и слепая уверенность, что ни один листок в этой Европе не пошевелится без соизволения российского самодержца. А уж очередная победа русского оружия, на этот раз в 48-м году, над венгерскими инсургентами, только укрепила его в этом.

Провоцируя очередную турецкую, как ему казалось, войну, он ни на йоту не сомневался, что внешнеполити-

ческая обстановка 53-го года не только не хуже той, что складывалась перед его предыдущими войнами с Персией и Турцией, но значительно лучше. Пруссия и Австрия денно и ночью благодарят Бога за царскую защиту и поддержку в жутком 48-м году, Франция еще не отдышалась от внутренних потрясений, что может одна Англия? Если бы император спустился с заоблачных высот на грешную землю и обратился к реальностям, пред ним предстала бы совсем другая картина.

Мы не очень любим своих благодетелей, более того, необходимость быть благодарными прямо выводит нас из себя, и нет для нас большего удовольствия, чем подложить навязчивому покровителю свинью среднего размера. Об этой человеческой обыкновенности Николай Павлович совершенно забыл. Оба немецких государя не могли простить русскому императору своего спасения, своего унижения. Фраза, будто бы сказанная Шварценбергом после подавления венгерского восстания, — «Австрия удивит мир своей неблагодарностью», — разумеется, легенда, да к тому же возникшая в 54-м году, когда Австрия ударила Россию ножом в спину, но человек, ее придумавший, исходил из точного знания человеческой природы: она *должна* была быть сказана.

Что касается Франции, то позволю себе напомнить читателю эпизод великого романа.

«...Помогите задержать преступника! — [обращается Иван Бездомный к Коровьеву-регенту] — ...Иностранный преступник? — глазки регента радостно заиграли. — Ежели он преступник, то первым делом следует кричать: «Караул!» А ну, давайте вместе! Разом!.. Растерявшийся Иван послушался шуткаря-регента и крикнул «караул», а регент его надул, ничего не крикнул. Одиноким крик Ивана хороших результатов не принес. Две каких-то девицы шарахнулись от него в сторону, и он услышал слово «пьяный»».

В 1852 году Луи Наполеон объявил себя императором

Франции, и европейским державам ничего не оставалось, как признать за ним этот титул, не воевать же с Францией из-за обветшалых постановлений Венского конгресса, «навсегда» устранивших династию Бонапартов от престола. Но сходу поссорить двух императоров, охватывающих Европу с двух сторон, представлялось задачей заманчивой и одновременно простой: уж кто-кто, а русский самодержец «не поступится принципами», это было хорошо известно. И австрийский, прусский и английский послы в Петербурге сообщают канцлеру Нессельроде, что их дворы предлагают назвать Наполеона в поздравительных посланиях не «братом», как это принято среди легитимных монархов, а всего лишь «другом». Легко понять, что это было бы страшным оскорблением. Николай немедленно ухватился за эту идею и применил именно это обращение в своем письме. Но никто другой этого не сделал, «караул» кричал только он один. Потом были объяснения, что русский министр неправильно понял послов, с одновременными выражениями восторгов по поводу принципиальности российского монарха, недоступной странам, расположенным в опасной близости от нового Бонапарта, но дело было сделано: «Маленький племянник великого дяди» выпада царя не забыл и не простил»²³.

А между тем несложный анализ европейских отношений и не обязательно тонкая, но хотя бы умная политика не допустили бы всеобщего противостояния России. Зачем надо было высокомерно поучать прусского короля, как ему следует вести себя с австрийским императором? Симпатий Австрии мы все равно не приобрели, а Пруссию охладили. Известно было бахвальство Луи Наполеона, его угроза возвести новый Булонский лагерь, дабы покарать вечных врагов — англичан, досаждающих Франции корсарством и спором за главенство в Средиземном море. Отчего не воспользовались этим противоборством, не расставили его посильнее, например, в борьбе за Еги-

пет, где резко сталкивались имперские амбиции обеих стран? Нет, занимались не практическими вещами, а проблемами легитимности царствующих домов в Испании и Португалии, протестами против отделения Бельгии от Голландии и другой эфемерной дипломатией, которая не создавала ничего, кроме всеобщего раздражения.

Не следует думать, что только теперь, с высоты полутора веков, видна абсурдность внешней политики Николая. Понимали это и тогда, причем люди разного образования и информированности. Анонимная записка «О современной политической жизни России», написанная в 1856 году человеком просвещенным и сведущим, содержала похожий разбор²⁴ Валуев хранил ее в своем архиве — значит, разделял взгляд автора, соглашался с ним. Но и провинциальный помещик Пушечников говорит: «Многие приписывают несчастье ошибкам русской политики»²⁵.

Испытывая неприязнь и страх перед николаевским правительством, руководящие круги западных государств ничуть не препятствовали, а во многом и способствовали созданию общественного мнения, настроенного против России как таковой. В глазах европейской публики имя русского соединилось с русским правительством; Россию, а не только царя, начали считать жандармом Европы. Это вызывало ответную реакцию в массе русского общества. «Все почти народы восстали на Россию: одни с оружием, другие с перьями... Европа не любит Россию, потому что та представляется ей громадной лавиной, которая рано или поздно обрушится на нее и засыплет снежными комьями», — обижаясь за державу, отвечало устами елецкого помещика большинство, которое, наблюдая поверхность явления, не углублялось в причины его происхождения²⁶ Да за что же Европе любить нас, восклицали другие, разве мы принесли ей науки и искусства, подали ей пример государственного устройства, утверждающего достоинство личности, социального по-

рядка, гарантирующего материальный достаток и свободное развитие народа? Отвернемся от Запада совсем, настаивали третьи, нам нет дела до его мнения, он погряз в эгоистическом индивидуализме, он отверг ценности духа, превратил жизнь человеческую в непрерывную погоню за мамонной, развратил золотом сильных и предоставил жалкую участь пролетариата слабым. Вмешательство Николая в европейские дела они считали вредным лишь только потому, что спасение того или иного царствующего дома ничего не прибавляло России, наоборот, отвлекало ее силы от исторической задачи — объединения славянского мира под эгидой русского царя.

Но разумные люди, истинные патриоты, те, кто любил народ, а не мнимое имперское величие, предлагали обратиться внутрь, там искать источники бед и способы их лечения.

«Крымская война — расплата за тридцатилетнюю ложь, — подводил итоги царствования С.М. Соловьев. — Некоторые утешали себя так: «Тяжко! Всем жертвуем для материальной, военной силы, но, по крайней мере, мы сильны, Россия занимает важное место, нас уважают и боятся». И это утешение было отнято. Наше патриотическое чувство было унижено унижением России, но только бедствие могло произвести спасительный переворот, успех войны затянул бы крепче наши узы, окончательно утвердил бы казарменную систему. Мы терзались известиями о неудачах, зная, что *известия противоположные привели бы нас в трепет*»²⁷. Соловьев — человек умеренно-либеральной ориентации, а вот что писал Феоктистов, начальник управления по делам печати в 80-х годах, а уж его в либерализме заподозрить никак нельзя: «Конечно, только изверг мог радоваться бедствиям России, но Россия была неразрывно связана с императором Николаем, а одна мысль, что он выйдет из войны победителем, приводила в трепет. Торжество его было бы торжеством системы, которая оскорбляла все лучшие чувства и помыслы

людей образованных. С каждым днем становилось невыносимее, ненависть к Николаю не имела границ»²⁸. Перед нами полное смысловое и почти текстуальное совпадение суждений двух людей, стоящих на разных идеологических позициях.

За всеми этими словами прячется невысказанный вопрос: зачем вообще нужно было начинать эту войну, даже если условия были бы благоприятны? Ради каких экономических или стратегических целей она затевалась? Их не было. Беспрепятственный проход русских военных и торговых кораблей через проливы уже был обеспечен прежде, развитию черноморской торговли ничто не препятствовало — что влекло Николая к войне? Полумистические соображения престижа, жажда громких побед, всемирной славы, желание видеть европейские дворы у своих ног, а европейские народы — затихшими, не помышляющими о революциях и бунтах. Объявляя своей главной претензией к турецкому султану отказ признать российского самодержца верховным покровителем турецких христиан, Николай даже не потрудился найти предлог поосновательнее, настолько он был уверен в том, что ему сойдет с рук все. Убежденный в своем дипломатическом мастерстве, он не понимал, что любому непредубежденному наблюдателю ясны его истинные цели — протекторат над Турцией и Балканами, охват Европы с юга — как не понимал, что «европейский концерт» не допустит этого, и России придется столкнуться с *Antante cordiale* XIX века. Воистину, если Бог хочет погубить — прежде лишает разума.

Мой просвещенный читатель, полагаю, не подумает, будто правящие элиты западных стран сплошь состояли из агнцев, исполненных добродетелями. За шумом прессы и общественного мнения, возбужденных против «Северного медведя», стояли вполне прагматические и весьма хищнические интересы. В золотых снах австрийских генералов мелькали Черногория и Македония, британ-

ские адмиралы «улыбались, как акулы», при упоминании Кипра и островов Архипелага, новоявленный император французов вполне соглашался с древней сентенцией, предписывающей посильнее размахивать руками, дабы удержаться на шатком троне, а пруссаки втихомолку точили зубы, готовясь вцепиться в австрийскую монархию и заставить ее уступить верховенство в Германском Союзе. На совести всех – царей и королей, полководцев и дипломатов, патриотов и либералов – сотни тысяч жизней русских, французов, англичан, турок, жителей Балкан и Кавказа, уложенных в могилы, чтобы напоить гордыню двух десятков негодяев.

Однако спустимся с пафосных высот.

Не только внешнеполитическое положение России предопределяло ее поражение в развязанной войне. То, что Николай ничего не знал о слабости, отсталости своей империи в экономическом, а следовательно, и во всех прочих отношениях, было комедией, но сам факт непрерывного и все растущего отставания от европейских стран был трагедией. Могучий толчок Петра Великого не повторялся больше, и сто лет страна катилась по инерции, не получая новых импульсов; в конце концов движение приостановилось. До конца наполеоновских войн, при громе одинаково стреляющих французских и русских пушек еще можно было не видеть, как начинают убежать вперед европейские технологии, хотя внимательный наблюдатель мог заметить преобладание английской промышленности еще с конца XVIII века, несмотря на внешнее господство на континенте Франции. (Первым, с гениальной прозорливостью, это понял Наполеон.) Когда в Европе воцарился мир и можно было перевести дух и оглядеться, вдогонку за Англией пустились другие государства; все они обладали перед Россией решающим преимуществом – мобильной рабочей силой (помимо других факторов). И по темпам развития европейские державы

выстраивались в колонну, точно коррелированную временем появления в них рынка рабочей силы: во главе — Британия, где преобладание вольнонаемного труда началось с эпохи «огораживания», затем — Франция, где Великая революция выплеснула бурную лавину социальной подвижности, и, наконец, германские королевства и княжества, освободившие своих крестьян в начале нового столетия.

Так что чудовишно плачевный результат «практических стрельб» николаевского солдата — попадание в цель в двухстах шагах одной пулей из десяти — только на поверхности представляется следствием плохого оружия и фрунтовой муштры вместо военного обучения; на самом деле это продукт сублимации глубинных факторов: монголо-византийского деспотизма, пренебрежения жизнью и достоинством людей, коррупции и воровства, жалких доходов неподатных сословий и нищеты податных, ничтожной хозяйственной деятельности. И опирались эти змеиные кольца, охватившие великий народ, на рабство 9/10 населения империи.

Разумеется, объятия удава не разжались сразу по смерти «земного Бога Николая». (Так именовался он в одном сервильном стишке.) Да если бы и разжались, поданные империи не рискнули бы поверить в это немедленно. Все понимали, наследник не сразу откажется от привитого ему мировоззрения, будем надеется, что он прозреет со временем. Было широко известно, что наставником цесаревича был Василий Андреевич Жуковский, человек светлого ума и доброй души, но не возобладают ли отцовское воспитание, представление о царе как о человеке, по преимуществу, военном? Несмотря на значительное время, отведенное на обучение сына ратному делу, Николаю Павловичу все было мало, и он выговаривал преподавателю, генералу Мердеру: «Александр показывает мало усердия к военным наукам. Он должен быть военным в душе,

без чего он будет потерян в нашем веке»²⁹. Замедлись, читатель, на этих фразах, они вдруг раскрывают все государственные идеи и принципы Николая, все понимание стоящих перед ним задач и проблем, методов их разрешения. Уже полтора столетия взоры и чаяния российских самодержцев устремлены только к претворению имперских амбиций, а все «мало усердия». Уже распростерлась Россия по гигантской территории, столь великой и бездорожной, что передвижение корпусов и дивизий, доставка к ним снаряжения и продовольствия представляют невероятные сложности и обходятся казне, т. е., в конечном счете, народу немислимо дорого — это коли говорить только об армии, о предметах, доступных воображению государя; о потерях экономических, вызываемых необузданным пространстволубием он и понятия не имел, — и уж пора бы «уйти с площади», заняться строением дома, но если нет-нет да и мелькнет о том мысль, то видится лишь один, военный способ ее исполнения: «быстрота и притом натиск».

Как мог боролся Василий Андреевич с напором солдатской психологии. Добивался преобладания «гражданских» предметов в расписании наследника, смело и резко протестовал против фрунта, даже когда повод к военным играм казался простительным.

В 1826 году 8-летний Александр, облаченный в форму корнета лейб-гвардии гусарского полка, участвовал в коронационном параде. Это очень расстроило его наставника, и он обращается к императрице Александре Федоровне с письмом: «Эпизод этот, государыня, совершенно лишний в прекрасной поэме, над которой мы трудимся. Ради Бога, чтобы в будущем не было подобных сцен. Эти воинственные игрушки не испортят ли нам того, что должно быть в нем первым назначением? Должен ли он единственно действовать в сжатом горизонте генерала? Когда же у нас будут законодатели? Когда же будут смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы,

на просвещение, на нравственность? Страсть к военному ремеслу стеснит его душу; он привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве — казарму»³⁰.

Александр II взошел на престол в 37 лет, вполне сложившимся человеком. При жизни отца в государственные дела он вступался редко, по крайней мере никаких ответственных действий ему предпринимать не приходилось, и взгляды его оставались загадкой. Похоже, что поначалу он и сам не очень отчетливо представлял себе, что надлежит делать: «Еще ничего не было решено».

Во втором периоде Крымской войны правительство обратилось с призывом содействовать регулярным войскам организацией добровольных полков под командованием дворян. Как и в 1812 году, немедленно распространилась молва, что ратники будут освобождены от крепостной зависимости. Толпы крестьян собирались на призывных пунктах. Испуганные помещики, забыв о недавних своих патриотических кликах, кинулись к властям, и в апреле 1856 года (уж год прошел после воцарения) Александр распускает часть ратников, объявляя им: «Возвращайтесь к прежним вашим обязанностям и занятиям, продолжая быть для сословий, из которых вы призваны, примером того порядка и повиновения, которыми вы отличались в рядах государственного ополчения»³¹. Но за полгода перед этим останавливающим надежды заявлением император произвел весьма существенные перестановки в кабинете министров, устранив оттуда одиозные фигуры, олицетворяющие прежний режим — Клейнмихеля, Нессельроде, Чернышова, назначил министром внутренних дел Ланского, известного своими либеральными убеждениями и даже связью с декабристами, министром иностранных дел — князя Горчакова, человека самостоятельного, с совершенно иной внешнеполитической ориентацией, нежели прежний канцлер и его высочайший повелитель. Последовала череда царских

повелений, снимающих ряд препон: возобновилась посылка молодых ученых за границу, упростились правила получения паспортов для поездки в другие страны, вернулись к приему студентов в учебные заведения в неограниченном числе, несколько разредились цензурные сети. Как острили современники, действия нового царя пока сводятся к отмене запретов царя предыдущего, этой работы хватит надолго.

Да, император еще не решался прикоснуться к главной болезни России, но атмосферное давление явственно менялось. Валуев, как чувствительный барометр, тотчас это отметил. Он начинает писать не только всеподданейшие отчеты, но выступает как публицист-экономист: печатает в «Отечественных записках» статьи о лифляндских делах, о парижской учетной конторе, о рижских ссудных кассах, пропагандируя идеи свободной торговли и необходимость кредита; в пяти номерах «Морского сборника» публикует серию очерков «О воспитании» и становится известным высокому шефу этого журнала и Морского министерства — брату царя, великому князю Константину Николаевичу, который вместе со своей теткой, женой великого князя Михаила Павловича, великой княгиней Еленой Павловной, вскоре станут главными проводниками либеральных идей в императорском доме.

Но еще прежде чем прибегнуть к печатным изданиям, Петр Александрович адресует к публике «Запиской», предназначенной к хождению по рукам, при молчаливом попустительстве власти. (Такой путь вскоре станет привычным для людей, желающих изложить свои критические взгляды, более или менее лояльные, но для подцензурной прессы «непроходные».) При всем при том, подобное вольнодумство спустя всего каких-нибудь полгода с тех пор, как «закрылся грозный, страшный зрак», для человека официального, служащего тайло в себе известную опасность, ибо, как говорил впоследствии Салтыков-Ще-

дрин, «личная обеспеченность — это такое дело, что ежели я сижу смирно, то личность моя обеспечена, а ежели начну фыркать, да фордыбачить, то, разумеется, никто меня за это не похвалит». Но, видно, от всех окружающих неустойств, вопиющих к небу, в груди нашего героя таково накипело, что он решился выплеснуть вопль души на бумагу и под рукой выпустить свое послание *urbi et orbi*. Он назвал его «Дума русского во второй половине 1855 года»³².

Каждое слово тщательно продумано. Это не разрушительное нападение, а благотворное размышление, плод «сердца горестных замет» истинного, а не «квасного» (словечко Вяземского) патриота, мысли, рожденные годиной страшных потрясений. Как музыкальное многочастное произведение, «Дума» начинается меланхолическим, грустным контрапунктом былого величия и нынешнего упадка. «Я болен Севастополем! Давно ли мы покоились на *самодовольном* созерцании нашей славы и нашего могущества?» Давно ли трепетала благодарная Европа перед великим государем? Теперь все повернулись против нас, в том числе и «воскрешенная нашей милостью Австрия». Наши страдания велики, «друзей и союзников у нас нет, везде проповедуется ненависть к нам».

Далее появляются мужественные ноты: «Мы должны видеть в неудачах испытание и наставление, свыше нам посланное. Но внемлет ли Россия этому наставлению и извлечет ли из него пользу?» Чтобы понять и излечиться, мы не должны «уклоняться от рассмотрения причин», которые привели нас к поражению. Мы должны, мы имеем право это сделать. Теперь мужественная мелодия дополняется едва скрытым негодованием: «Разве нам запрещено мыслить? Духовная сила мысли есть служение престолу и отечеству. Повинуясь и преклоняясь, мы не утратили права любить отечество своей любовью и быть преданным своему государю не по указу, но по чувству долга». Гневными аккордами падают риторические вопросы: «Зачем развязали мы дело, не рассчитав последст-

вий? Зачем встретили войну без винтовых кораблей и штуцеров? Зачем пошли за Дунай? Чтобы его очистить? [Снова уйти за него.] Даже славная оборона Севастополя — целый ряд непоправимых ошибок. Когда принялись за его укрепление? «Неожиданности» продолжаются около 2-х лет.. Сколько шума по поводу малых побед, но нельзя скрывать далее, как мы отстали. У нас недостаточно нужных судов и оружия, но у нас недоставало железных и даже шоссейных дорог». Пафос обличения достигает крещендо, Валуев добирается до корней, как он их себе представляет, того бедствия, которое переживает Россия. «Отличительные черты нашего государственного управления заключаются в повсеместном недостатке истины, в недоверии правительства к своим собственным орудиям. Форма подавляет сущность и обеспечивает официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. [Тут автору «Думы» и карты в руки, чего стоят рапорты на высочайшее имя, ему доподлинно известно.] Везде сделано все, везде успехи, везде возвращается порядок. Но взгляните на дело, и редко где окажется польза. *Сверху — блеск, внизу — гниль*... Вся централизация и формалистика, иерархия надзора и контроля ежедневно обнаруживают свое бессилие, они не предупредили позорной растраты инвалидного капитала и не помешали безнаказанно истребить голодом половину резервной бригады в одной из Прибалтийских губерний»³³.

Со знанием дела пишет Петр Александрович о расстройстве механизма управления, он потом не устанет повторять это тридцать лет, будет с этим бороться, апеллировать к государю, правда, толку добьется немного. «Все правительственные инстанции больше заняты друг другом [т. е. соперничеством друг с другом], чем сущностью предметов своих ведомств. Самостоятельность местных начальств до крайности ограничена... Управление доведено до высшей степени централизации, но взаимные связи ограничены и шатки. Каждое министерство действует особняком по древнему праву уделов». Снова и снова по-

вторяет автор тезис о взаимном недоверии «низших и высших» администраций, неискренности в отношениях.

Далее он обращается к церкви, к ее положению в государстве, среди народа, к ее непримиримости к иноверам и раскольникам. Положением раскольников Курляндский губернатор занимался специально и проникся к ним уважением и приязнью, насколько это возможно для верного сына православной церкви. «Значительная часть раскольников отличается трудолюбием и добропорядочной нравственностью, — писал он в 1854 году в «Очерке о положении раскольников в Курляндской губернии». — Им немецкие вотчинники охотно отдают крестьянские усадьбы в оброчное содержание, предпочитая их латышам и полякам». (Лишний раз выясняется, что огульные обвинения некоторыми иностранцами русских крестьян в лености и пьянстве абсолютно несправедливы, дело не в национальной принадлежности, а в моральных установках.) Власти всячески стараются стеснить раскольников, запрещают открывать молитвенные дома, ограничивают их в социальных правах, в роде занятий. Это заставляет раскольников спланиваться, помогать друг другу, и Валуев усматривает тут сходство с иудейством, приходит к выводу, подсказанному его добросердечием, умом и культурой: всякое гонимое общество консолидируется и защищает своих членов куда активнее, чем общество коренное, «титильное». «Раскол, подобно еврейскому вероучению, — продолжает он, — повелевает своим приверженцам поддерживать друг друга, вплоть до укрывательства»³⁴ — от необоснованных преследований, добавим мы.

«Много ли искренности в делах веры, — восклицает автор «Думы», — разве кроткие евангельские начала утратили силу? Разве нам дозволено смотреть на церковь, как на политическое орудие? Кажется, православная церковь тяготеет над нами не духом, а буквой. Если б наши пастыри более полагались на силу вечных истин, а не веровали бы в содействие мирских полиций, то жатва их была бы обильнее».

Однако господин действительный статский советник не стесняется в выражениях! «Ведь за это и в Сибирь можно!» Петр Александрович, конечно, не предполагал читать свою «Думу» на всех перекрестках, но даже и предназначенная для немногих, записка удивляет смелостью многих пассажиров. Виды нового государя еще не были достаточно ясны, а то, что высокое начальство не жалуется пишущих чиновников вообще, а либеральствующих в частности, было известно слишком хорошо.

Содержит эта глава о церкви еще одну фразу, с заключенным в ней ответом, неразвернутую, но очень важную мысль: «Нынешний быт духовенства соответствует ли его призванию?»

Как и полагается по жанру оптимистических композиций, «Дума» завершается выражением надежды. Есть, оказывается, в России одно ведомство, которое «ныне руководствуется другими правилами и не обнаруживает равнодушия к тому, что думает и чувствует Россия». Это Морское министерство. «Оно показало, как надо обсуждать законы на примере морского устава, спасло от обычной безгласности имена офицеров, проливших кровь в войне, первое приняло меры к участи раненых».

«Морской сборник» опубликовал проект нового морского устава и печатал мнения морских офицеров разного ранга относительно его статей, иными словами, провел общественное обсуждение законов до их принятия, почти законосовещательное собрание, хоть и в рассредоточенном состоянии! Публикация списков погибших офицеров раскрывала горькую правду кровавой цены имперского величия, рассекала покров тайны, которым власть старалась окружить неудачи, поражения и потери. Забота о раненых (пусть Валуев неверно приписывал первенство Морскому министерству, генерал-адмиралу Константину Николаевичу, решающим тут было создание Крестовоздвиженской общины медицинских сестер и ее отъезд в Крым вместе со знаменитым хирургом Пироговым, в

чем бесценная заслуга великой княгини Елены Павловны)³⁵, попечение, повторяю, о раненых явилось иллюстрацией совершенно необычного для России человеколюбия и общественного, неправительственного участия в помощи людям, стало актом нравственно чрезвычайно важным, как для тех, кому помогали, так и для тех, кто помогал. Действуйте, призывала «Дума» общество, пример есть, следуйте ему!

«Дума русского» была написана в расчете на то, что ее прочитают в самых высоких сферах, там, где вершатся судьбы. Поэтому, зная привычку двора обсуждать государственные дела келейно, Валуев не стал широко распространять записку, чтобы не дразнить власть, не ставить ее перед фактом некоторого общественного давления. Он послал ее тестю, Петру Андреевичу, и Вяземский нашел способ передать ее великому князю Константину. Человек импульсивного, пылкого характера, генерал-адмирал пришел от нее в восторг. Он давно уже видел вокруг тенета лжи, и то, что есть люди, вполне разделяющие его суждения, чрезвычайно ему понравилось (лестные строки о Морском министерстве тоже оказались не лишними). Он немедленно издает приказ по министерству, цитируя из записки Валуева (разумеется, не называя имени автора) целые абзацы в подтверждение своих требований начальникам и командирам показывать в ближайших отчетах истинное положение в вверенных им частях управления, без прикрас и утаиваний³⁶.

«Дума русского» была итогом наблюдений и размышлений Петра Александровича за десятилетие его административной службы. В констатации удручающей действительности не слышалось безнадежности и отчаяния. Несмотря на минорные обертоны, записка была написана в мажорной тональности. Все еще поправимо, надо только смело и решительно взяться за дела. Какие же, прежде всего? Называя их, Валуев адресуется не только к правительству, но и к самому себе. В течение последую-

ших двадцати пяти лет они останутся для него предметом и целью. Итак: соединение ведомств в единый механизм управления, упрощение его рычагов, повышение доходности государственного хозяйства, забота о роли духовенства, о его быте, об уважении к нему, терпимость к иноверцам, слияние национальных окраин с империей ненасильственным путем и, наконец, самое главное и первостепенное, без чего вышеперечисленное невозможно, — изгнание неправды из канцелярий, судов, правлений и палат, ведомств и министерств, неправды, за которой прячется лихоимство, бездарность и жестокость. И только одно явление национальной жизни обходит Петр Александрович, но самое больное и проклятое — крепостное право.

29 октября (через месяц после завершения «Думы русского») Валуев записывает в дневнике: «Что у нас прежде всего желательно: преобразование цензуры, обнародование бюджетов разных ведомств, отмена крепостного состояния промышленных сил, закабаленных главным управлением путей сообщения, поощрение частных предприятий по части железнодорожных и паровых сообщений. Отмена губернаторского контроля за частными и общественными постройками. Это частности. Общие же начала: христианская истина в делах веры, начала правды в формах управления, начала нравственного достоинства и уважения к человеческой личности»³⁷.

Программа вполне соответствует духу либеральной мысли. В элементах экономической свободы и в принципах морали автор видит путь возрождения страны после душного тридцатилетия. Только опять нет главного: уничтожения крепостничества.

Если «Дума» предназначалась для отправки «наверх», то в дневник заносились мнения исключительно для личного пользования. Следовательно, наш герой действительно не понимал катастрофического влияния крепостного труда на экономическое положение страны, не гово-

ря уже о нравственных аспектах рабства. Более того, еще через полгода, в марте 56-го, он возмущается, что «Европа вопит против злоупотреблений нашего крепостного состояния, а между тем гладит по головке северо-американцев»³⁸. Странная для образованного и цивилизованного человека аберрация зрения. Разве что долгое пребывание в Отзейском крае, где уже давно не было крепостного права, стерло в его памяти дикость крепостнических отношений.

Можно лишь строить догадки, но почти безошибочным будет предположение, что Константин передал императору текст «Думы» и что Александр отнесся к ней вполне благосклонно, тем более что автором во многих местах были рассыпаны уверения (совершенно искренние) в преданности престолу, в преклонении (вряд ли искреннем) перед гением и величием покойного императора. Насколько заметно «Записка» повлияла на будущие решения правительства оценить трудно, но ее положительная роль в общем движении общественного мнения несомненна. Зато на судьбе автора она отразилась достаточно сильно; его имя выделилось из числа других 50-ти губернаторов и запомнилось.

Тон надежды и уверенности, в котором выдержана «Дума», свидетельствует, что Валуев преодолел душевный кризис, и страшный февраль 49-го года остался в прошлом. Далось это трудно и медленно. Душа изнывала долго, он не находил себе места в Риге и пользовался каждой возможностью, чтобы уехать в Петербург, прийти на могилу Машеньки, помолиться за упокой ее души в церкви Александро-Невской лавры или в Казанском соборе, который он любил больше всех других петербургских храмов. Назначение Курляндским губернатором стало не только повышением по службе, но и желанной возможностью перебраться в Митаву, уехать из Риги.

Новые заботы и большие обязанности заполнили жизнь Петра Александровича; горькая память стала затягиваться вуалью. Положение обязывало к общению, приемам, знакомствам, и в круг Валуева вошло множество людей; среди них оказались полицмейстер Митавы генерал-майор Иван Вакульский и его дочь Анна. Манерой поведения, скромностью и добротой, умом и чувством, она напоминала Машеньку, и сердце нашего героя сразу к ней расположилось. С семьей Вяземских сохранились прежние отношения; Валуев постоянно писал тестю, и Петр Андреевич всегда принимал участие во всех его делах. И сейчас Петр Александрович сообщил Вяземскому о своих планах и получил его благословение. Недолгое сватовство — и в начале 1855 года состоялась свадьба. Разница в возрасте не была чрезмерной: Петру Александровичу еще не исполнилось 40 лет, Анне Ивановне было 25. В марте следующего года родился их сын Николай, а летом, в июле, направляясь в очередную поездку за границу, новую семью посетил князь Вяземский, гостил 8 дней и нашел, что Анна очень мила.

В тот день, когда родился младший Валуев, перед представителями московского дворянства выступил император Александр. Наконец прозвучали слова, давно ожидаемые всей Россией: «Существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным... Прошу вас, господа, подумать, как привести это в исполнение. Передайте слова мои дворянам, для соображения»³⁹. Жребий был брошен, тяжелая государственная колесница, скрипя, стала поворачиваться в сторону великих реформ.

Глава III

Великие реформы 60-х годов — государственный и социальный перелом, сопоставимый, если обращаться к прошедшему, только с преобразованиями Петра Великого. Цель и сущность петровской революции заключалась в смене путеводной звезды государственного корабля: князь Владимир выбрал Святую Софию, царь Петр — европейскую мастерскую. Безжалостно и жестоко подняв Россию на дыбы, Петр погнал ее кнутом и шпорами, срывая византийскими методами византийские одежды; большевистская идея «догнать и перегнать *любой ценой*» есть идея тоталитарная, имперская, и родилась она 300 лет тому назад. Она может возникнуть только в голове деспота, а как он именуется, самодержцем или вождем — значения не имеет*

Девятисотлетняя инерция не исчезает внезапно. После Петра движение в западном направлении постепенно замедлялось, ибо европейская карета катилась у нас по вязким дорогам чужеродной для себя среды, в народе с другой ментальностью, встречая сопротивление, которо-

* Сама по себе идея модернизации не несет в себе ничего дурного, более того — модернизация необходима непрерывно. В начале похода за индустриализацию, в 1930 году, Сталин заявил, что «передовые капиталистические страны обогнали нас на 50—100 лет. Либо мы пробежим это расстояние за 10 лет, либо нас сомнут» (привожу по памяти). Он был прав, но это не давало ему индульгенцию на уничтожение миллионов. То же относится и к Петру.

го, разумеется, не было в тех странах, для которых привнесенные в Россию идеи были своими, рожденными естественным образом. (Тут нет укора — каждая цивилизация инстинктивно защищает свой образ жизни.)

Чтобы, говоря языком физики, снова возникло ускорение, к инерционной массе следовало приложить новую силу; теперь, на рубеже 50-х годов, такой силой мог быть только свободный труд. И для высвобождения этой силы требовался грандиозный переворот.

Что крепостное право является тормозом экономического развития, в правительстве, в руководящих кругах понимали очень немногие, чаще всего финансисты, ответственные за доходы; они косвенно, а иногда и прямо отвечали за хозяйственную деятельность в государстве. К их числу относился видный чиновник министерства финансов Ю.А. Гагемейстер. В записке «О финансах России», составленной, по-видимому, в конце Крымской войны он, среди прочего, писал: «Отмена крепостного права есть для России вопрос жгучий, неотложный, требующий самого скорого разрешения. Промышленное и политическое развитие России обуславливается отчасти разрешением этого вопроса, в котором правительство, хотя бы из видов самосохранения, вынуждено будет сделать первый шаг»¹. Тяжелое финансовое положение России — следствие ничтожных для огромной страны доходов государственного бюджета; поправит дело только расширение торговли и промышленности, для чего и нужен рынок свободного труда, поясняет Гагемейстер, тогда возрастут прибыли в народном хозяйстве и средневековую подушную подать можно будет заменить подоходным налогом, который и собирать дешевле, и доход дает больший. Чем активнее оборот капитала и труда, тем внушительнее сбор налогов, сказали бы сегодня. Если в документах эпохи мы не найдем такой прямой формулировки,

то лишь потому, что эту мысль выражали тогда другими словами.

Столь отчетливое уразумение исторической задачи и способа ее разрешения содержалось в головах двух-трех российских государственных деятелей. Те помещики, которые сочувствовали освобождению крестьянства, а таковых вообще было очень мало, исходили не из экономических, а из моральных соображений, полагая невозможным в век успехов цивилизации и культуры сохранение рабства, какой бы словесной эквилибристикой оно не прикрывалось. Не то чтобы экономические категории им были недоступны, просто они рассматривали проблему в другой плоскости. Более того, они, поместные дворяне, в отличие от чиновников, часто не имевших поземельной собственности и крепостных, видели и другую сторону будущего торжества справедливости: необходимость пойти на определенные жертвы, на отчуждение части собственности, на поиск других форм организации труда и ведения хозяйства. Надо будет ломать уклад жизни, выверенный веками, и броситься в неизвестность с непредсказуемым результатом. Сугубый страх перед грядущим испытывали мелкие и средние помещики с их ничтожными материальными средствами и несколькими десятками рабочих рук; но опасения томили всех, никто не знал, как сложатся взаимоотношения сословий, удовлетворятся ли крестьяне тем, что им готовы отдать помещики. Следует поставить себя в положение людей того времени, чтобы ощутить и оценить всю тяжесть решений, которые предстояли дворянскому обществу. Поэтому, повторяю, те храбрецы, которые взяли на себя смелость первых шагов, если и думали об экономических вопросах, то, прежде всего, перед ними вставали трудности на своем, поместном уровне, и об отвлеченных высотах государственной экономики они не размышляли. С хозяйственной точки зрения им проще было бы оставить все как есть, в своих имениях они худо-бедно сводили концы с

концами; отчего слава и честь, ими заслуженные, особенно велики — ими руководили исключительно нравственные категории, они поставили их выше своих насущных интересов.

Реформаторам предстояло сломать еще одну преграду, быть может, самую стойкую: она коренилась в органическом барьере, в дворянских предрассудках. Ни в какой европейской стране сословия не были отделены друг от друга такими непроницаемыми психологическими перегородками, как в России. Благоговение перед высшими и презрение к низшим — две стороны холопства — пронизывали отношения «состояний», как официально именовались классы общества. Даже наиболее либерально настроенные душевладельцы, как ни старались себя воспитать, никак не могли внутренне признать человеческое достоинство за своими крестьянами. Никто из помещиков, выступавших в печати или в обществе за отмену крепостного права — Киселев, Хомяков, Кавелин, братья Милютины, Тургенев, Аксаков, Самарин, даже Салтыков-Щедрин — сами не освободили своих крестьян. Они искренне соглашались, что не годится современному человеку иметь рабов, но где-то в глубине души полагали, что крепостные — это все-таки не совсем люди, по крайней мере они устроены как-то иначе, и что не вынесет барин, вполне выдержит мужик. Только очень дальновидные эмансипаторы видели в недалеком будущем крестьянина-собственника; обычно смелость мысли не простиралась далее предоставления надела при *общинном владении* земель, так что о равенстве прав крестьянина и дворянина речь не шла никогда. А уж основная масса дворянства почти поголовно считала, что русский крестьянин совершенно не готов к свободе ни в какой форме, работать перестанет, помещика разорит и сам пойдет по миру.

Смутные и противоречивые представления незначительной части общества о необходимости изменений земельных отношений — при *нежелании* огромного боль-

шинства дворянского сословия вообще что-либо менять — опора не слишком надежная для кардинальных преобразований; составленные отдельными лицами проекты отмены крепостного права, «на правах рукописи» гулявшие в обществе, исходили из столь противоположных посылок, что никакой основой служить не могли. Такая чересполосная платформа предопределила колебания, остановки, случайности, которыми сопровождались подготовка и проведение великой реформы.

Услышав призыв государя, московские помещики было устрашились, но потом вспомнили, что и Николай Павлович почти 10 лет тому назад обращался с подобным к смоленским помещикам, но ничего из того не произошло — и успокоились. Вернувшись в Петербург, Александр Николаевич о своей речи в Москве своему новому министру внутренних дел Ланскому ничего не сказал, и тот узнал о ней стороной. Подождав недели две, Ланской обратился к императору с всеподданнейшей запиской, составленной его товарищем (заместителем) Левшиным в таком нарочитом смысле и выражениях, из которых царь должен был усмотреть, что министр принял его московские слова как неременную монаршую волю и только испрашивал более подробного повеления: «Должен ли я стремиться к главной цели освобождения помещичьих крестьян частными мерами или ожидать общего плана». Тональность записки была угадана удивительно точно, государь еще колебался, и это было видно по самому московскому выступлению: ведь он начал с заявления, что не намерен в ближайшее время «уничтожить крепостное право», и вдруг, быть может, неожиданно для самого себя закончил знаменитыми потом словами: «Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу». Записка попала в цель, Александр Николаевич

решился. Он надписывает на докладе: «Постепенные меры должны быть принимаемы, но необходимо заняться и общим планом»².

Министр и его товарищ восприняли резолюцию, как поручение министерству, и для укрепления этой позиции поспешили забрать к себе из других министерств и ведомств все материалы прежних «секретных» комитетов. Тут они впервые столкнулись с влиятельной оппозицией в лице князя Орлова и государственного секретаря Буткова. Бутков был просто честолюбивый бюрократ, неприменный правитель дел разных комитетов и не желал выпускать из своих рук «корни и нити»; перевод архивов в МВД оставлял его, он чувствовал, в стороне от крупного начинания. Пользуясь большим авторитетом в разных канцеляриях, он всемерно затягивал передачу дел, распуская самые невероятные слухи, но непосредственного вреда пока принести не мог. Князь же Алексей Федорович Орлов был деятелем совершенно иной весовой категории. По рождению своему он принадлежал к влиятельнейшему кругу «новой» аристократии («попали в честь тогда Орловы»). Он был сыном как раз одного из них, из «екатерининских» Орловых, но карьеру сделал не только благодаря имени — был человеком умным, способным и дельным. Один из любимцев покойного императора, командир гвардейского Конного полка, он 14 декабря, не задумываясь, стал на сторону Николая и 15 декабря проснулся графом. Он командовал войсками в двух турецких войнах первого десятилетия царствования Николая и умел закрепить результаты побед удачными договорами. После смерти Бенкендорфа в 1844 году он был назначен управляющим III отделением и шефом жандармов, но особым рвением на этих постах не отличался. В 1856 году Орлов оставил «тайную службу» в связи с назначением главным уполномоченным России на переговорах, должных завершить Крымскую войну. Представляя поберж-

денную страну перед очень недружественно настроенной Англией и особенно ожесточенной Австрией (ощущение вины приводит в сугубую злобу), он добивается относительно пристойных условий Парижского мира, ловко используя нежелание Франции совсем уж ослабить природного союзника на другом конце континента, естественно-го противоборца австрийских и британских алканий. Александр II ожидал значительно худшего мирного трактата, и, по возвращении из Парижа, Алексей Федорович был возведен в княжеское достоинство и назначен сразу на две важнейшие в стране должности: председателя только что образованного Комитета министров и председателя Государственного Совета. Таким образом, князь Орлов и формально, и по существу был первым сановником государства, и ссориться с ним Ланскому и Левшину очень не хотелось. Но ничего поделать было нельзя, Орлов отличался крайними крепостническими взглядами, и схватка все равно становилась неизбежной.

(Читательского любопытства ради добавлю, что слава фамилии Орловых началась взлетом четырех братьев, знаменитых в государственной истории, и окончилась — по крайней мере в императорской России — одной из лучших картин Серебряного века русского искусства, портретом Ольги Орловой, внучатной невестки князя Алексея Федоровича, известной, кроме блистательного полотна Валентина Серова, надменной дерзостью хлесткой фразы: «Я — Орлова, и мне все позволено!»)

Было бы неразумно начинать дело с белого листа. Предшественники сделали довольно много, еще больше предполагали — надо изучить их труды. Левшин составляет для царя исторический обзор действий правительства по крестьянскому делу, начиная с екатерининского времени, для чего, собственно, и нужны были ему архивные материалы. Конечно, обзор имел определенную направ-

ленность, клонившуюся к необходимости освобождения крепостных, так что Орлов опасался не зря. Что касается фактической стороны — законов и проектов — записка Левшина помогала Александру многое вспомнить и во многом разобраться, но он вынес из нее еще одно, главное впечатление: он был прав, предлагая московским дворянам самим подумать, самим выступить зачинателями эмансипации; любые законодательные меры и предложения предыдущих царствований так или иначе соотносились с мнениями и настроениями помещиков. Абсолютные самодержцы не хотели слыть притеснителями дворян, предпочитали ожидать их собственных предложений, в лучшем случае готовы были их инициировать, но весьма осторожно. Даже такой крупный акт, как указ Александра I о вольных хлебопашцах, был принят в связи с частной просьбой С.П. Румянцева разрешить ему освобождение своих крестьян³.

Правительство решило еще раз подтолкнуть землевладельцев. В августе Ланской и Левшин повели разговоры с губернскими предводителями дворянства, прибывшими в Москву на коронационные торжества, убеждая их, что время пришло. Предводители мялись, отнекивались, «ретрограды» заявляли, что, напротив, рано, и предлагаемая мера вряд ли встретит сочувствие, «либералы», соглашаясь в общем, погружались в рассуждения о толикой грандиозности великого дела, которая не позволяет им и приступить к сему, не зная к тому же видов и намерений высшей власти. Шар вернулся на правительственное поле.

Государь продолжал выжидать. Великая княгиня Елена Павловна, прослышав, что обсуждаются какие-то предположения, обратилась к своему августейшему племяннику: желая освободить крепостных своей деревни Карловки в Полтавской губернии, она просила указать общие начала, из коих в настоящий момент надлежит исходить. Можно было просить санкции царя на превраще-

ние крестьян в вольных хлебопашцев по указу 1803 года, но Николай Милютин, брат Дмитрия, работавший над собственным проектом эмансипации, отсоветовал великой княгине идти этим путем. Во-первых, потому, что процесс отпуска крестьян по указу 1803 года, и так запутанный, к этому времени был забюрократизован до такой степени, что от общения с подьячими даже член императорской фамилии мог впасть в прострацию, а во-вторых, потому, что хотел, пользуясь случаем, подтолкнуть власть к конкретизации намерений. Зная, как ждет император помещичьего почина, Елена Павловна одновременно испрашивала разрешения на беседы с тамошними помещиками обо всех проблемах улучшения крестьянского быта. Александр был так тронут добрым участием, что ответил ее высочеству тетушке подробным и откровенным письмом. Общих оснований для руководства дать не может, писал он, ибо еще не выработаны главные принципы — давать или не давать крестьянам землю, в какой мере останется помещичья власть, должны ли землевладельцы получать вознаграждение, в какой форме, денежной или оброчной, будет ли участвовать в выкупной операции государство, как сохранить бесперебойное получение государством податей, как осуществлять переход к раскрепощению, сразу и везде или постепенно и по отдельным местностям. Это были те же вопросы, которые обсуждали с помещиками Ланской и Левшин, только перед Еленой Павловной они были открыты шире и обстоятельней.

Эта привычка к секретности, желание не расширять круга лиц, с коими ведутся доверительные разговоры, становилась комичной. Считалось, что беседы с предводителями ведутся келейно, но в то же время им настоятельно предлагалось убеждать помещиков в необходимости двинуться навстречу правительству; следовательно, некое обсуждение и гласность предполагались, однако газетам и журналам категорически возбранялось печатать что-либо конкретное, кроме общих рассуждений о

преимущество того или иного способа ведения хозяйства. Вот и император пишет Елене Павловне, что «благомыслящие владельцы сами выскажут, в какой степени полагают они возможным улучшить положение своих крестьян», но тут же рекомендует великой княгине собираться со своими соседями-помещиками «негласным образом» и письменные мнения их представить только ему⁴.

Насколько ограда была дырявой — да и не могла она быть иной, в России, как известно, все тайна, но ничего не секрет — показывает эпизод с сенатским указом под замысловатым названием «По вопросу о порядке совершения записей на увольнение помещиками крестьян в звание государственных крестьян, водворенных в собственных землях». То была очередная бюрократическая инструкция к пресловутому указу о вольных хлебопашцах, кстати сказать, еще более, чем прежде, затрудняющая положение освобождаемых крестьян, о чем и предупреждал Елену Павловну Милютин, отговаривая ее пользоваться этим указом. (Будто бы расширяя способы «увольнения» крепостных, указ разрешал помещикам переселять своих крестьян на казенные земли, лишая их прежней усадьбы и участка.) Но дело происходило в декабре 1856 года, после речи Александра в Москве, после многочисленных разговоров с предводителями дворянства и многих других «утечек информации», и достаточно было нескольким рабочим сенатской типографии разгласить, что издается нечто со словами об «увольнении помещичьих крестьян в звание государственных» (что по тогдашней терминологии означало свободу), как толпы людей осадили типографию и магазины в ожидании продажи сенатского постановления. Через несколько дней его уже было невозможно достать, и в мелочных лавках его перепродавали по 3 рубля. Множество экземпляров пересылалось в провинцию. Министр юстиции Панин пришел в ярость, велел губернаторам отбирать указ, сажать в тюрьму, прибег к исконно российско-

му способу «вразумления» — волочить в полицию и сечь. Говорили, что в одном Петербурге было «отделано» таким образом до 150 человек.

Отписав тетушке, государь с семейством отбыл за границу, и до его возвращения поздней осенью ничего не происходило, российские помещики молчали. Правительство поняло, что без «негласного опубликования» своих предложений, основ будущего акта, дело с места не сдвинется. Надобно вырабатывать главные начала. И вопрос пошел обычной для трех последних царствований дорогой — в «секретный» комитет, названный для отличия от прежних — «Негласным».

Еще два года спустя император жаловался Павлу Дмитриевичу Киселеву в Штутгарте, где оба лечились «водами», что он один в деле освобождения крестьян; противников — сколько угодно, союзников, соратников — почти никого, да и те от трона далеко и в обществе маловлиятельны, весом и авторитетом не пользуются, а как ни самодержавен император российский, но и его власть, по известному *von pot*, ограничена удавкой. (Этого царь, разумеется, не добавил.) Удавка в данном случае заключалась в том, что он не мог не назначить в комитет князя Орлова, главного сановника империи, Муравьева, министра государственных имуществ, князя Василия Долгорукова, шефа жандармов, и председателя департамента законов Госсвета, графа Блудова, главноуправляющего II отделением императорской канцелярии графа Панина, министра юстиции, Брока, министра финансов; их должности были «подлежащими» по крестьянскому делу, Александр не мог их обойти. Но все они в большей или меньшей степени были противниками освобождения крестьян. Из членов комитета «по званию министра» лишь один Ланской был убежденным сторонником ликвидации крепостного права, принимал, активно поддерживал, давал ход прогрессивным идеям своих сотрудников, но он был чело-

веком мягким, добродушным, воспитанным в правилах учтивости галантного века, и дать открытый бой соединенной силе азиатской барственности Орлова, едва прикрытой европейским глянцем, и откровенной грубости Муравьева и Панина он никак не мог. Поэтому государь дополнительно ввел в комитет еще тех, на кого, в какой-то мере, мог рассчитывать: личного друга Адлерберга, своего старого сослуживца Якова Ростовцева, барона Модеста Корфа, близкого императорскому дому (лицеиста пушкинского выпуска «Модиньку»), и Чевкина, министра путей сообщения. Но они были слабыми пособниками делу. Бесцветный Адлерберг во всем следовал внушительному Орлову и бурбону Муравьеву, Ростовцев и Корф уверяли, что ничем не могут быть полезны, ибо с проблемой совсем не знакомы и умоляли царя отпустить их с миром, Чевкин же, также по незнанию дела, вначале шел за охранительным большинством. Правителем дел, по настоянию Орлова, был, конечно же, назначен Бутков, и он тут же принялся «округлять» журналы заседаний комитета столь витиевато, что ничего положительного вынести из них было нельзя. Материалы крестьянского дела снова были затребованы в комитет, и руководящий триумвират Орлов-Муравьев-Бутков был теперь уверен, что им удалось отодвинуть «красных» из МВД от реального влияния на события. Комитет будто бы занялся составлением каких-то инструкций для себя самого, неторопливо обсуждая, следует ли вообще принимать какие-либо меры, причем большинство полагало, что, конечно же, не стоит.

Меж тем, в противовес крепостникам из Негласного комитета, годным только «тащить и не пущать», пугать всеобщим восстанием, либо крестьянским, либо помещичьим, не способным сколько-нибудь внятно изложить даже собственные соображения, в министерстве внутренних дел усилилась активная, образованная группа людей, наделенная, в компенсацию за малые чины и звания,

острым умом и четким пониманием коренных интересов страны: к Ланскому и Левшину присоединились Яков Александрович Соловьев и Николай Алексеевич Милютин. Соловьев еще недавно служил у Муравьева в министерстве государственных имуществ, но волею судеб перешел в МВД и стал директором Земского отдела; Милютин, директор хозяйственного департамента, уже имел опыт законотворчества: он был одним из главных создателей Городового положения 1846 года, весьма демократического, принятого императором Николаем в счастливый для страны момент случайного добродушия. Объединение усилий, талантов и энергии придало делам совершенно иные краски.

Для занятий Негласного комитета вошедшая в силу триоция из МВД подготовила за подписью Ланского четыре вопроса: останется ли выделяемая крестьянам земля в формальной собственности помещиков, если останется, то вправе ли помещики отбирать или перераспределять землю, могут ли помещики получать вознаграждение за землю и личную свободу крепостных и кто кредитует выкуп? Члены комитета почувствовали провокацию в каждом вопросе и оставили их без внимания.

Все же что-то надо делать? Но чем трудиться что-либо сочинять, не проще ли просмотреть уже написанное другими? В комитет доставили около сотни разнообразных проектов, частью составленных в былые времена, частью поспевших только что. Большим вельможам труд долгого чтения показался утомительным и неуместным — такого объема они не ожидали, — и они взвалили работу на Ростовцева, Корфа и Гагарина (сенатора и члена Госсовета). Прочитав к лету прожекты, трое «старателей» составили три совершенно различных мнения-суждения, к общему знаменателю абсолютно не приводимые. В комитете теперь не знали, что и делать. Так прошла половина 1857 года.

Тогда реформаторы из МВД решили расшевелить бо-

лото, представив свои ответы на свои вопросы. В конце июля они были внесены в Комитет запиской Ланского. Земля остается собственностью помещиков, но они обязаны закрепить за крестьянами участки пахотной земли в бессрочную, передаваемую по наследству аренду, прекращать которую не имеют права. В крестьянскую собственность переходят усадьбы с огородами и небольшим выгоном для мелкого скота. Рассуждать о личном выкупе — чудовищно, недостойно чести благородного дворянства, посему вознаграждение следует требовать лишь за усадьбу, с рассрочкой на 10—15 лет. В этот период крестьянин остается только крепким земле, безусловно выйдя из помещичьей власти. Что касается пахотной земли, то за аренду ее крестьянин будет платить работой или деньгами (барщиной или оброком) и, не становясь полноценным собственником, не обязан вносить за нее вознаграждение. Выгода всех этих мер заключается еще и в том, что государство не понесет никаких финансовых тягот.

Июль в тот год был очень жарким, большинство «старших» членов комитета отсутствовало, и записка Ланского поначалу взрыва не произвела, на нее просто не обратили внимания. К середине августа в Петербург из-за границы вернулся государь и, выслушав велеречивый доклад о занятиях комитета, сплетенный Бутковым, понял, что помещики из высшей столичной бюрократии ничуть не лучше помещиков из сельских углов — никто ничем поступаться не хочет. Он еще предпринял попытку послать в комитет председательствовать, в отсутствие князя Орлова, своего брата Константина Николаевича, и тот в трех бурных заседаниях 14, 17 и 18 августа пытался уговорить членов «принять за основу» записку Ланского, но встретил ожесточенный протест, ибо, наконец прочитав ее, они пришли в совершенную ярость. Журнал 18-го числа, завершающий прения, состоял из трех бесцветных, бессмысленных пунктов:

собрать сведения «через сношения с местными властями и опытными помещиками, *но без огласки*», [одно- временно] «дозволив отпускать крестьян на волю целыми селениями по добровольному соглашению»;

затем (неизвестно когда) составить самый проект положения о крестьянах;

и, благословясь, приступить «к окончательному устройству крестьян со всей осторожностью и постепенностью».

Высокопоставленные крепостники, по существу, игнорируют высочайшее намерение безотлагательно приступить к прекращению крепостных отношений. Император говорит помещикам, что ждет от них предложений, а комитет трактует о каких-то сведениях и как новейшее изобретение подает освобождение крестьян с согласия помещика — указы 1803 и 1842 годов. Император говорит (Киселеву в Штутгарте), что он «решился довести крестьянский вопрос до конца», а комитет, зевая, охлаживает царский пыл, собираясь вялить крестьянский вопрос 70 лет. Недвусмысленно заявляется: пока мы стоим на страже, потрясения основ не будет. Удавка раскачивается вполне зримо.

Дело казалось безнадежным, косность непреодолимой. Однако случай, который, правда, идет навстречу лишь тому, кто его ищет, явился на выручку. В Петербург, настроенный своими дворянами, приехал генерал-губернатор Северо-Западного края Назимов. Он привез слезную верноподданническую просьбу помещиков своему монарху не вводить у них инвентарные правила, или, попросту, инвентари — фиксированные на более-менее длительный срок взаимные обязательства землевладельцев и крепостных — определенные повинности за определенный надел. Инвентари были чаще всего выгодны крестьянам, за ними на относительно долгое время оставался уже обработанный участок, и помещик не мог увеличивать барщину или оброк. Инвентари, в тот же ко-

роткий период кротости императора Николая, когда Николай Милютин разрабатывал городовое положение, ввел в Юго-Западном крае тогдашний генерал-губернатор Бибилов, а став затем министром внутренних дел, вознамерился расширить их применение. Но теперь министр сменился, и гродненские, виленские и ковенские помещики надеялись на царскую милость. Адрес оповещал императора, что согласно его высочайшей воле они готовы ожидать и обсуждать предложения верховной власти; они, со своей стороны, склонны избавиться от крестьян совсем: их работа-де мало продуктивна, а землю нашу занимают, пусть уходят из поместий на волю, *земля же остается в нашей законной собственности.*

Такое освобождение на остзейский манер и появление вместо оседлых крепостных вольнонаемных рабочих, бобылей, не имевших ничего, кроме свободных рук, — уже обсуждалось в России и оценивалось в высшей степени противоречиво. Одни восторженно одобряли, видя в этом победу современных экономических теорий, и, закрывая глаза на многочисленные случаи обнищания в том же Прибалтийском крае, уверяли, что в конечном итоге, в дальней перспективе, такая мера благодетельствует всех, ибо свободный труд несравненно производительнее и потому выгоден обеим сторонам; помещик к тому же освободится от ненужных забот о быте и пропитании крестьянина. По всем этим причинам богатство землевладельца возрастет, свободные деньги увеличат спрос на товары других отраслей промышленности, они, в свою очередь, станут развиваться, поглощать рынок вольнонаемного труда, отчего возвысится заработная плата и настанет царство всеобщего изобилия и свободы выбора. Противники уверяли, что пока солнце взойдет, роса очи выест. Платят бобылям нищенски мало, ни кола, ни двора у них нет, надежда заработать деньги на покупку земли ничтожна, да и доходы помещиков роста не показывают. Публицисты обоих лагерей ссылались на

пример Англии: одни, цитируя «Историю цивилизации» Бокля, доказывали, что те графства достигли наивысших успехов, которые проводили «огораживания» и изгнание с земли крестьян наиболее последовательно, другие, с не меньшей убедительностью и наглядностью, демонстрировали ужасы пауперизации и страшную жизнь обездоленных в работных домах. И совершенно справедливо прибавляли, что огромная Россия, с ее совершенно другим укладом, иной ментальностью, другой социальной ситуацией, ничтожной городской промышленностью, не способной поглотить возможную массу сельского пролетариата, никак не может служить полем для экспериментов на английский манер.

Адрес трех губерний был желанным, как сам факт обращения помещиков к правительству, но предлагаемое решение проблемы повергло Ланского и его команду в тревожное ожидание царской реакции, тем более что Негласный комитет в полном упоении рекомендовал немедленно принять адрес.

И тут государь-император Александр Николаевич проявил храбрость и мужество. Он оценил значение момента, ощутил тайную помещичью попытку прощупать власть, проверить ее на прочность. Он понял, что первая реакция трона на дворянские запросы приобретает необыкновенную важность, от нее будет зависеть весь ход крестьянского дела. Нужно разом все поставить на свои места, и сделать это твердо и недвусмысленно. И Ланской получает указание подготовить рескрипт Назимову в духе записки МВД, отвергнутой комитетом.

«Одоброя вполне намерения [трех губернских] комитетов, как соответствующие моим видам и намерениям, я разрешаю дворянскому сословию оных губерний приступить теперь же к составлению проектов... имея в виду следующие главные основания», — так начинался знаменитый рескрипт. Далее перечислялись начала будущего переустройства крестьянского быта, те самые, которые, несмотря

на бурные споры и ожесточенные перепалки трех с половиною последующих лет, некоторые потери и приобретения, все же остались основой великой реформы⁵.

Тут произошел важнейший психологический перелом в отношениях между самодержавной властью и дворянством. Впервые, после екатерининских комиссий, дворяне были призваны к участию к разработке государственных планов. Они почувствовали вкус, и когда в дальнейшем их старались оттереть от общественно-государственной деятельности, это вызывало очень серьезное недовольство. С периода разработки губернских проектов крестьянской эмансипации дворяне плотно вцепились в полученное право и уже не выпустили его из рук. Но и для страны в целом событие явилось положительным фактором: народное представительство получило почин и прецедент.

Хронология событий, борьба вокруг подготовки «Положения 19 февраля» подробно описаны многочисленными авторами. Наше внимание привлекают лишь некоторые драматические моменты.

Торопясь использовать плоды неожиданной победы и усилить впечатление решимости высшего правительства, Ланской со товарищи изготовили сопроводительный к рескрипту циркуляр, расширяя терминологию и толкование. «Устройство и улучшение быта крестьян» перетекало в «освобождение крепостного сословия», переходный период определялся в 12 лет; выкуп усадьбыной оседлости не должен превышать ее стоимости, повинностям подлежат только наделенные землей крестьяне (дабы прекратить начавшийся перевод крестьян в дворовые) и многое другое, настолько опережавшее время, до такой степени не вмещавшееся в головы абсолютного большинства дворянства вписано было в это министерское «отношение», что полностью его предложения не вошли и в законодательство 60-х годов.

Приняв главное решение, император с легкой душой одобрил министерский циркуляр и согласился на его рассылку вместе с рескриптом всем губернаторам. «Секретность» размывалась шаг за шагом. Губернские дворянские собрания вынуждались к отклику, и они, кто быстро, кто со скрежетом зубным, создавали губернские комитеты для местных разработок.

Выборы делегатов в губернские комитеты сопровождались резким размежеванием позиций. Почти везде люди консервативных взглядов составили в местных комитетах «агрессивное большинство», дело доходило до изгнания из таких комитетов либеральных деятелей, до отказа меньшинству в праве вносить свое мнение в журнал. И снова (по указанию царя!) вмешивалось министерство внутренних дел, объясняя необремененным юридическими знаниями дворянам, что в коллегиальных установлениях Российской империи меньшинство имеет право на свое мнение и высшая власть может соглашаться с любым из двух суждений.

Дворянское общество пробудилось, растревожилось. Деятели обеих партий бросились в публицистику. Под сурдину, под видом теоретических обсуждений, они принялись проповедовать свои идеи: либералы-западники группировались вокруг «Отечественных записок» Краевского, либералы-славянофилы склонялись к «Русскому вестнику» Каткова, противники тех и других начали издание журнала «Земледелец» (который, впрочем, быстро закрылся, почти не имея подписчиков). Но подцензурная печать все-таки требовала соблюдения приличий, как в нападении, так и в защите, в частных же письмах можно было позволить себе полную откровенность, оттого они подчас более любопытны.

«У нас рассказывают, — сообщает орловский помещик, — что составляется положение о свободе крестьянской; этот переход нас разорит, все у нас растащат. Говорят, будто этого Англия хочет».

Из Рязани пишут: «Крепостное право на Руси служит главным условием общественного благоденствия. Надобно только некоторым помещикам внушить евангельскую любовь к ближнему». Тамбов: «Вы называете крепостное право противоестественной зависимостью, а я нахожу, что нигде крестьянин так не успокоен и не обеспечен, как помещичьи крестьяне у доброго господина. Разрушить этот порядок — приготовить гибель государству. Непросвещенный народ, не имея истинного понятия о сущности свободы, тотчас употребит ее во зло, и те крестьяне, которые под покровительством доброго господина *наслаждаются* мирной и спокойной жизнью, сделаются пьяницами, разбойниками и душегубцами».

Рассудительный помещик из Симбирской губернии: «Многие спешат закладывать свои имения, в том предположении, что долг останется за крестьянами. Крестьяне громко толкуют о милости царя-батюшки. Пока все тихо, но надолго ли? Как примут православные объявление, что земля вся принадлежит помещику, у которого они находиться должны навсегда в кабале? Вряд ли они поверят, что это и есть воля царская».

Созерцатель, жирующий в Париже: «Нужно, чтобы прошла целая генерация и явилась бы новая, возросшая в принципах благородных и нравственных, которая сама собою явилась бы реформатором администрации».

Барская смесь наивности с озлоблением вызвала насмешки в другой частной переписке: «По-видимому, их более всего смущает предстоящий труд, без которого тогда будет свистеть ветер в карманах, как теперь свистит он в голове».

Юрий Федорович Самарин подводит иронический итог: «Вопрос составляет предмет разговоров и толков. В двух словах вывод: мы все желаем эмансипации, но, разумеется, нужно, чтобы она совершалась тихо, чтобы ни нам, ни крестьянам о ней не толковали. Надобно приступить к ней как можно скорее, но сперва надо просветить

народ, улучшить полицию и устроить финансы. Устройением финансов занимаются граф Нессельроде и барон Мейендорф. Как люди, коротко знающие Россию, они, конечно, придумают много полезного».

А вот юмор другого рода: «Петербургские реформаторы полагают, что эта реформа начнется и кончится на одних только нас, что милый и им интересный класс народа переведет помещиков, а своих благодетелей оставит в покое наслаждаться их прекрасными окладами и квартирами. Легко ошибутся, и я вполне убежден, что если буду висеть на фонаре, то параллельно и одновременно с Блудовым, Адлербергом и прочими умными людьми».

Современник, собравший эти письма, заключает: «Для общества наступила пора хаотического состояния. Тормоз лопнул, и повозка покатилась с горы, но без направления. Мысли роятся, дух пробуждается до степени сознания, но для них нет выхода»⁶.

Правительство надеется на сотрудничество с помещиками, император постоянно, устно и письменно говорит об этом, объясняет непонятливым и твердолобым, что опасно не понимать настроения крестьян, что от готовности дворян пойти навстречу велениям времени зависит их собственное существование в самом ближайшем будущем, ибо кипящая в котле вода вот-вот выплеснется через край. Тем не менее уже не провинциалы из дальних городков и уездов, а столичное московское дворянство, ведомое блестящими, образованнейшими аристократами Меншиковым и Строгановым, заявляют, что под крестьянской оседлостью (подлежащей выкупу и передаче крестьянам) разумеют лишь крестьянские строения, т. е. освобождение без земли. Едва скрывая гнев, государь выступает перед московским дворянским собранием: «Когда вследствие вызова литовских губерний были даны мной рескрипты, я ожидал, что московское дворянство первым отзовется, но оно отозвалось даже не третьим... Я дал вам начала и от них не отступлю... Вы для

своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьян. Я всегда готов сделать для вас что могу, дайте же мне возможность стоять за вас», и твердо усвойте, что «я под усадебной оседлостью понимаю не одни строения, но всю приусадебную землю»⁷.

С царской волей спорить не приходилось (либо заговор, либо покорность), и помещики, в ожидании «разорения», принялись исхитряться кто как мог. «Перезакладывают имения, продают леса, сдают в аренду сколько-нибудь доходные статьи, не заботясь о будущем благополучии имения», т. е. крестьян⁸. Правительству пришлось специально, отдельным указом запретить перевод крестьян в дворовые — помещики кинулись в эту лазейку — дворовым не выделялась земля. Начались насильственные переселения крестьян, даже ссылка в Сибирь, и властям приходилось вмешиваться, разбираться и пресекать.

Еще раз надо понять: крупным землевладельцам предстояли относительно меньшие потери, нежели мелкопоместным и помещикам средней руки, и то вожди и выразители интересов богатых помещиков — Орлов, Меншиков, Муравьев, Строгонов — прилагали неимоверные усилия, чтобы остановить крестьянское дело. А для 80% помещиков передача земли крестьянам, даже на условиях выкупа, могла обернуться лишением чуть ли не половины владения, и опасность «ухудшения качества жизни» была вполне реальна в том числе и для тех, кто осознавал невозможность сохранения прежних сословных отношений. Вот и честный, умный, рассудительный Пушечников, который владеет 120 душами, пишет в своих заметках: «Конечно, крепостное право не присуще человеческой природе, но при некотором ограничении власти помещиков, могло сделаться благим правом, тем более что многие помещики начинают осознавать, что их благоденствие связано с благоденствием крестьян... Правительство ставит себя в затруднительное положение, так

как уволить крестьян без земли нельзя, а отчуждать землю от помещиков было бы в высшей степени несправедливо»⁹.

Курляндский губернатор как высокопоставленный чиновник не мог участвовать в печатной полемике даже обсуждением теоретических вопросов. Между тем опыт, знания, накопленные Петром Александровичем, желание высказать свое суждение требовали простора. Выход нашелся быстро и легко: он будет публиковаться под псевдонимом.

Со времени «Думы русского» прошло почти три года. Тогда главным казалось раскрепощение духа, но умственное движение России стремительно мужало, и теперь все, стоящие сколько-нибудь впереди, осознавали приоритет *материального* освобождения крестьянства. Человек либеральных взглядов, Валуев легко воспринял новые веяния и если не сделался их бурным проповедником и адептом, то немедленно согласился с их разумностью и необходимостью.

Наряду со многими вопросами сельского быта привлекала к себе внимание крестьянская община. Она существовала в России давно, происхождение ее связано скорее не с социально-историческими обстоятельствами, а с географическими: пространством, климатом, степенью плодородия земель. Как всякое явление, община имела две стороны медали, и сейчас, в предвидении крутых перемен, общинное землепользование подверглось широкому обсуждению. Журнал «Современник» поместил в поддержку этого общественного института сильно аргументированную статью, и Валуеву представилась возможность сразиться не с молодым рекрутом, а с хорошо оснащенным воеводой. Он пишет большую статью и, подписав ее «Х. Гуфэйзенберг», посылает в «Русский вестник»; она выходит в декабре 1857 года.

Наблюдение и сравнение сельского хозяйства, по-

разному организованного, привело Валуева к непоколебимому убеждению в преимуществах участкового (индивидуального) землепользования. Русская практика подтверждала выводы европейских экономистов, считал Петр Александрович.

«Если общинное начало совместимо с успехами сельского хозяйства, то почему мы не видим этих успехов?» Быть может, там нет голодающих, но все бедны и сводят концы с концами на одинаково для всех нищем уровне. «Надлежит постоянно иметь в виду, что главное средство к распространению народного благосостояния заключается в открытии и разработке новых источников богатства и в *приращении массы его, а не в перераспределении*». Безразлично, кто предписывает крестьянину поведение, община или чиновник. «Степень благосостояния зависит от устранения препятствий, встречаемых производительным трудом. Природная способность человеческого ума изыскивать новые источники благосостояния врачует язвы [неудачного распределения производительных сил] легче и успешнее, чем многосложный механизм законодательных распоряжений... Именно в крестьянских обществах земледелие остается на той же степени развития, что и полвека назад. Крестьянин потому уходит на промысел, что знает, что не приобретет достатка земледельческим путем».

«Нам говорят, — продолжает автор, — что общинное начало может преодолеть [свой] главный недостаток — ежегодный передел земель, — при котором крестьянин не может познать рационального хозяйства, не может питать привязанность к ниве, потому что нивы не имеет, ибо надел подвержен случайностям — достиг совершеннолетия сын или совершеннолетний внезапно умер или взят в рекруты», и семья может получить совершенно другой участок. Каким же образом предлагается улучшить ситуацию? Всего-навсего «переделом на больший срок, вознаграждением за лучшие отбираемые участки»;

при этом повторяют один-единственный довод: община-де «единственное средство избавить большинство земледельцев от бедствий батрачества и нищеты». При этом, замечает «Х. Гуфэйземберг», делают вид, будто не знают, что удлинение сроков передела не делает крестьянина владельцем и не меняет его отношения к земле. Помимо этого, «часть крестьян подспудно выводится из земли», ибо имеющий получить прирезок по возрасту до передела его не получит.

«Х. Гуфэйземберг» прекрасно информирован о господствующих настроениях «наверху», но смело декларирует свое несогласие. «Предполагаемое улучшение сельского быта не направлено, кажется, против общинного пользования, следовательно, не устранятся внутренние недостатки крестьянского хозяйства, но существенное его [возвышение] невозможно без водворения в нем истинной отдельности и самостоятельности... Мы допускаем, что начала участкового землевладения не могут быть скопированы с Англии или других стран». Дело не только в том, что Россия от них отличается и напрямую ничего брать нельзя. Россия огромна, и одна губерния не похожа на другую не менее, чем Франция на Польшу. «Есть местности, в которых возможно учреждение участковых усадеб, есть — нет. Прежние начала сохраняются рядом с новыми, где-то — пополам: частные пашни с общинным выгоном или сенокосом». Но что идти следует в направлении личного хозяйства, наш автор положительно убежден. «Отношения вотчинника к новым хозяевам могут определиться на арендном основании или на приобретении в собственность, на правах вольных хлебопашцев».

На дворе не только время улучшения крестьянского быта; автор понимает, что предстает эпоха кардинальных преобразований всей природы государства, быть может, первого настоящего шага в сторону европейского социального миропорядка. В последних абзацах статьи откровенно слышится голос высокопоставленного либераль-

ного чиновника: «Время благоприятствует, везде заметны признаки благих начинаний»¹⁰.

Первоначальный вариант статьи содержал уроки либерально-экономического просветительства и был выдержан в более жестких и четких формулировках.

«Единственный способ увеличения богатства — устранение препятствий производительному труду, а не в насильственном ограничении его развития... Самая идея богатства воплощает в себе идею неравенства. Всякая цель доступна только свободному произволу и свободно-му труду. Законодательство должно быть не распоря-дительным, а вспомогательным...»

«Если продукта станет много, люди найдут себе другие отрасли [и сделают] это легче, чем самый многосложный механизм законодательных распоряжений». А России как раз и нужно развивать другие отрасли, потому что, «если страна будет отставать, направление мировых обо-ротов изменится в ущерб этой стране».

«Говорят о батрачестве на фермах. Но разве не суще-ствует батрачества сыновей, младших братьев, вообще членов семьи?.. Нам кажется, что существенное улучшение крестьянского хозяйства невозможно без предостав-ления самостоятельности, простора производительному труду, без веры в прочное, наследственное владение... Уч-реждать фермы насильственно было бы неосторожно. Но оно первое условие будущего улучшения в земледельчес-ком быту»¹¹.

Этот подготовительный текст — вполне семантически и стилистически законченный — лишнее доказательство, что Петр Александрович все знал о производительных силах и производственных отношениях, отчетливо пони-мал необходимость индустриального развития страны, преимущества частной инициативы перед коллективной безответственностью, самостоятельного управления вмес-то бюрократического патримониума. Но выдать все это на печатные страницы он не рискнул; псевдоним был слиш-

ком прозрачным флером, а высокопоставленный государственный служащий не мог себе позволить безоглядную откровенность.

И тем не менее, читая подцензурный текст, вдумчивый читатель мог догадаться, что за словами об «истинной отдельности и самостоятельности» могут стоять другие слова. Они и стоят, только в рукописи, оставленной в столе, и в дневнике автора, где за год до опубликования статьи, 27 ноября 1856 года, появилась сентенция, выведенная из цепочки размышлений: «*Политическая свобода невозможна без третьего сословия*»¹².

Я далек от желания числить за Валуевым этот афоризм; для мировой политической мысли подобные понятия давно стали трюизмом. Но не для России. Здесь редко такого рода исповедовали далеко не все *противники* самодержавия, не говоря уже о его сторонниках. Я отмечаю эту дневниковую запись Петра Александровича, как лишнее доказательство того, в общем, ясного для проницательного читателя факта, что приписанная ему позднее «передовой интеллигенцией» реакционность не имеет ничего общего с реальностью. Человек незаурядных способностей желает счастья своей стране, желает произвести в ней реформы — что он должен делать? Стать в позу «все или ничего» или считаться со сложившимся порядком вещей и умонастроений, идти во власть и пытаться, сжав зубы, провести свои идеи хоть в минимальной степени? Валуев предпочитает действовать. Для начала он и просвещает почтеннейшую публику, прежде всего ту ее часть, от которой зависит судьба страны.

Курляндский губернатор не ограничивается деталями, хоть и важными — описанием достоинств частного владения и недостатков общинного. Он хочет показать более существенное: опыт эмансипации на примере Прибалтийского края. Пусть читатели подумают, что может пригодиться и для всероссийских условий, увидят, что показало свою непригодность в Прибалтике и, тем

более, не подойдет для внутренних губерний. В январе 1858 года в бельгийской газете «Le Nord», негласно созданной русским правительством в 1856 году для освещения за границей событий русской жизни и популяризации русской внешней и внутренней политики, Валуев публикует серию статей в виде писем, подписанных инициалами «П. А.», «в которых обстоятельно излагается история освобождения крестьян в остзейских губерниях». У тех русских читателей, кто прочитал эти статьи, они вызвали интерес и отклик, и Петр Александрович решил сделать их достоянием более широкого круга. Под видом перевода, без подписи вообще, они появляются в «Русском вестнике».

Основной смысл статей — в подспудно, но настоятельно внушаемой мысли: дело не только в законах, дело в исторически сложившихся отношениях людей, в господствующей моральной атмосфере, в «обычном праве», в растворенных в воздухе границах допустимого. Что считается нормальным, не вызывающим удивления в азиатских деспотиях, совершенно неприемлемо в странах к западу. Как писал «Х. Гауфэйзенберг», «безразлично, кто предписывает поведение», закон или обычай, важен результат.

Разновременно в 1804—1819 годах принятые законоположения об освобождении крепостных в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии были между собой весьма схожи, а для Эстляндии и Курляндии просто одинаковы. Первый по времени рескрипт 1804 года относительно Лифляндии определял: личность крестьянина свободна, крестьяне выбирают суды до окружного уровня, они имеют право купли, продажи, наследования. Земля остается во владении помещиков, крестьяне имеют право ее *самостоятельной* (в соответствии с местными традициями) наследственной аренды. Установленные крестьянские повинности не могут быть увеличены.

Акт об Эстляндии 1816 года оставлял крестьян почти

в полной зависимости от землевладельцев (кончились «дней Александровых прекрасные начала»). Сохранялась судебная власть помещика. Отдача земли в аренду не предписана, она производится на «добровольных» основаниях, и не получившие землю вынуждены наниматься батраками на владельческие мызы. Крестьяне-арендаторы объединены в общину.

Курляндский закон 1817 года во всем аналогичен эстляндскому акту, кроме создания земельной общины; ни в Курляндии, ни в Лифляндии ее никогда не существовало.

Если «судить по закону», то по уровню крестьянского быта прибалтийские губернии должны были выстроиться в таком порядке: Лифляндия, затем Эстляндия и Курляндия. Ничего подобного, сообщает очерк «Русского вестника»: ныне только курляндские крестьяне живут в относительном достатке, ибо местные помещики посчитали для себя выгодным отдавать значительную часть земли в аренду *самостоятельному фермеру*, отказываясь от их барщинных работ; для оставшихся в их владении земель не требуется большого числа рабочих, и ценность труда батраков поднимается. «Состояние земледелия процветает, проявляется постоянный прогресс, арендаторы пользуются благосостоянием, доходящим до богатства. Помещичья запашка уменьшается, растут фермы, земледелие улучшается и у помещиков, и у фермеров».

Несмотря на самый либеральный вариант закона (с учетом Уложения 1849 года), в Лифляндии положение хуже. «Там помещики возложили на крестьян большие повинности». То есть и хороший закон не помогает, если обычное право позволяет владельцу тупо прибегать к самой жестокой эксплуатации, а низшему классу предписывает ей покоряться. Не прибегать же к полицейским мерам, чтобы внедрить в каменные головы убеждение в выгоды свободного труда.

Жизнь эстонских крестьян — тяжелее всех. Неудовле-

творительность закона усугубляется общинной безынициативностью и, по существу, формальное освобождение крестьян не принесло им ничего¹³. (Через год Эстляндия была потрясена крестьянским восстанием, самым крупным в предреформенную пору.)

Статьи Валуева (желающий установить авторство мог сделать это достаточно легко) вливаются в хор голосов, но не сливаются с общим гулом. Западную по происхождению идею экономической свободы Петр Александрович проводит без излишнего нажима и запальчивости, хотя симпатии и ориентиры Валуева не вызывают сомнений. Знание европейской литературы и практики не оказывают на его мировоззрение угнетающего давления, в его сознании четко различаются условия и возможности Европы и России, никакого пресмыкательства, безоглядного перенесения на родную почву методов и темпов европейских реформ в его рассуждениях нет. Такая широта взглядов, отсутствие «партийности» делают его либеральные экономические построения приемлемыми для многих, независимо от их политических пристрастий, отчего читателей у Петра Александровича ничуть не меньше, чем у признанных властителей умов: Безобразова, Самарина, Чичерина, Кавелина. Имя Валуева-публициста на слуху всей читающей публики, от бедных разночинцев до высокопоставленных сановников. И эти последние, соглашаясь с ним во многом, особенно хорошо воспринимают тон его сочинений: простой, убедительный и умеренный. К этому, для правительства и двора, добавляется и отличное исполнение Валуевым губернаторских обязанностей, последовательная политика усиления русского элемента в Курляндии (без насилия), твердая борьба против тайных и явных расчетов немецкого дворянства на особые привилегии. Обещание возвратиться в Петербург, данное в свое время Машеньке, как нельзя близко к исполнению.

И вот немного времени спустя оно претворяется. В апреле 1858 года Петр Александрович назначается директором II департамента Министерства государственных имуществ с пожалованием аренды по 1500 рублей в год на 12 лет. (Арендой называлось формальное наделение некоторым владением, без возможности его другого использования, кроме получения фиксированной ренты.) Ко всему прочему, очень кстати были деньги.

Взятая в 1841 году ссуда в 8000 рублей на 5 лет еще не выплачена, трижды приходилось просить о продлении. Немецкая половина Петра Александровича не позволяла ему делать частные долги, но аристократические традиции и обыкновенное человеческое достоинство обязывали поддерживать определенный уровень жизни, и Петенька не раз скрежетал зубами, вспоминая исчезнувшие имения и неизвестный обеспеченный доход. Дворянин древнего рода недаром хорошо разбирался в экономических теориях материального преуспеяния: он нутром понимал психологию третьего сословия.

Много лет княгиня Вера Федоровна Вяземская посылала Валуевым 1715 рублей серебром (6000 на ассигнации), чтобы семья дочери могла вести маломальский светский, привычный образ жизни. Благороднейшая женщина не прекратила этот пенсион со смертью Машеньки, а у Петра Александровича не хватило духу от него отказаться, хоть он, конечно, говорил княгине, что ему неудобно получать эти деньги¹⁴. Так что стремление продвинуться по службе, несомненно присущее нашему герою, определялось не только честолюбием.

Назначением в Министерство госимуществ Валуев был обязан Михаилу Николаевичу Муравьеву, которой пригласил его немедленно, как только был назначен министром в это «либеральное» ведомство, коим оно стало, считал Муравьев, под двадцатилетним управлением графа Киселева.

Муравьев был человеком сильного, спесивого и грубого характера. Крутые скулы, простонародный нос картошкой, узкие глазки выступали на лице потомка четырехсотлетнего дворянского рода. В молодости он недолго состоял членом Союза благоденствия и потом всю жизнь как будто замаливал этот юношеский грех. Грех-то, разумеется, существовал, кто без греха, но другой — жаден Михаил Николаевич был безмерно. Назначенный императором Николаем директором Межевого корпуса, императором Александром — председателем департамента уделов, он, при назначении на пост министра, постарался сохранить за собой и две прежние должности, исправно получая все три оклада, за что и прозван был «трехпрогонным». Этого ему показалось мало, он требовал дополнительных дач, а мягкосердечному Александру Николаевичу неловко было отказывать. Нагло выпросив себе 20 тысяч десятин казенных земель (он же управлял ими!) для продажи в свою пользу, Михаил Николаевич вытянул «60 тысяч рублей из сумм удельного ведомства впредь до покупки у него пожалованной земли». Разумеется, он ни при каких условиях не собирался возвращать эти деньги, более того, тут же, ненадолго отправляясь в поездку по делам, взял из министерских средств 12 тысяч рублей «на подъем и дорогу» — сумму, равную его годовому окладу!¹⁵

Муравьев полагал, что мягкосердечный граф Киселев мирволил государственным крестьянам, отчего казна терпела убыток. Вступив в должность министра, не дав себе труда разобраться в экономических и физических возможностях казенного хозяйства, он громогласно объявил, что увеличит доход вдвое. Естественно, он едва увеличил прибыль на 20%, и этот прирост был добыт обыкновенным тиранством — повышением оброчной подати и увеличением арендной платы за пользование излишками земли.

Какие соображения руководили этой не весьма аналитической головой при выборе Валуева, сказать затруд-

нительно. Скорее всего, смутные слухи о борьбе курляндского губернатора с «немецким засильем».

Они имели основание. Курляндия, бироновское герцогство, была самой «немецкой» из трех прибалтийских губерний. Немецкое дворянство не желало забывать недавнее время своей независимости и полного господства, а из напрасных снов остзейских баронов все не уходила эпоха *der Ritter in Hornhelmen*. По крайней мере так выглядели многие постановления курляндского ландтага. Валуев с самого начала твердо, но без славяно-фильской истерии установил фундаментальный принцип: Курляндия — часть Российской империи и должна подчиняться ее законам, но добиваться этого следует цивилизованными, а не «татарскими» методами. Если прежние губернаторы (чаще немцы) не обращали внимания на курляндские игры в суверенитет, то Валуев отнесся к ним серьезно и старался их пресекать.

Его отношения с руководителями ландтага и, особенно, с губернским предводителем дворянства бароном Ганом были холодны и корректны. Когда же барон попробовал заявить губернатору, что распоряжения коронной власти принято «обуславливать согласием дворянства, то есть его, барона Гана, или, по крайней мере, предварительным совещанием», то получил вежливый, но недвусмысленный отказ. Ган кинулся к генерал-губернатору края Суворову, в Петербург, где, по общему мнению, остзейское «лобби» было весьма влиятельно; возникла интрига, Валуеву пришлось объясняться.

В феврале 1857 года он пишет Суворову:

«Здесь укоренилась мысль, что дворянство само управляет губернией. 26 января ландтаг 21 голосом против 12 направил губернскому предводителю дворянства барону Гану сочувственный адрес, говоря в неопределенных выражениях о тучах, угрожающих дворянству и пр. Но в течение 3 1/2 лет между нами не произошло никакого явного столкновения. Официально я молчал о том, что

происходило вокруг меня, по возможности избегаю жалоб на мои обстоятельства [стараюсь решать проблемы сам]... Цель всех действий барона Гана и его приверженцев очевидна. Им нужен губернский начальник более сговорчивый. Достигнуть моего удаления они полагают двумя путями — или при помощи своих петербургских покровителей, обвинив меня в неспособности, или косвенно, сделав мое положение нетерпимым». Отлично зная силу злоречия и клеветы и некоторую легкость Суворова, Петр Александрович вполне недвусмысленно подсказывает ему, что надо делать. «В настоящее время достаточно знака неудовольствия правительства для обращения дворян на правильный путь. Позже это будет труднее, ибо мысль об их превосходстве над начальником губернии еще более укрепитя».

Суворов немедленно послал Ланскому докладную записку. Месяца полтора министерство молчало. «Сильны немцы в Петербурге», — заметил по этому поводу Валуев. Тогда генерал-губернатор обратился к шефу III отделения Долгорукову «и прямо указал, что если [Валуеву] не окажут справедливости — [он] оставит службу». Это подействовало, и 15 марта на имя Прибалтийского генерал-губернатора князя Суворова был дан рескрипт. Петр Александрович ждал прямого обращения царя к нему, но в МВД разъяснили, «что не было примера рескрипта на имя губернатора».

«Я с удовольствием усматриваю из неоднократных Ваших личных докладов, — писал император, — что столь удовлетворительное состояние управления Курляндиею следует отнести к особенному усердию начальника сей губернии камергера, действительного статского советника Валуева, успевшего благоразумными распоряжениями содействовать исполнению Ваших указаний и тем сохранить и упрочить порядок во всех частях управления вверенной ему губернии. За столь достохвальное служение д.с.с. Валуева поручаю Вам изъяснить ему особое мое благоволение»¹⁶.

На сем «немецкий заговор» оборвался, барон Ган замолчал.

Дело это сделалось в «сферах» известным, и по этой ли причине или по какой-нибудь другой — в конце концов, Валуев давно зарекомендовал себя распорядительным администратором, — но Муравьев горячо «возлюбил» Петра Александровича и за короткое время излил на него массу благодеяний: назначений, наград, повышения в чине и звании, наконец, окладов, начиная с упомянутой аренды и выдачи подъемных в 2000 рублей.

Через 10 месяцев после появления Валуева в министерстве в его подчинение передается еще и департамент сельского хозяйства, и председательствование в ученом комитете министерства.

Через месяц после этих назначений — высочайше «повелено производить квартирных денег по 1200 рублей серебром в год».

Еще через месяц исполнился год работы под началом Муравьева и «по представлению министра об отлично-усердной и полезной службе [Валуев] всемилостивейше пожалован в тайные советники», а через 5 дней — в самое высокое в Российской империи гражданское звание: статс-секретаря его величества.

Через три месяца — прибавка к жалованью 3184 рубля, еще через 4 — «в уважение к отлично-успешной службе пожаловано пособие в 5 тысяч рублей серебром».

И заключительный аккорд службы у Муравьева: награждение орденом Св. Анны 1-й степени.

Между тем, скрипя и стеноя, губернские комитеты начали вырабатывать свои мнения в виде ответов на вопросы программы, полученной из МВД, и направлять их в Петербург. Большей частью присылали два проекта — от большинства и меньшинства. По обыкновению, в Главном комитете по крестьянскому делу — так теперь стал называться Негласный комитет (более скрываться было

невозможно) — не знали, что и делать с этой разноречивой массой. И опять, как в истории с вопросами для обсуждения крестьянской проблемы, молодые реформаторы из МВД поспешили заполнить вакуум. Они рекомендовали организовать Редакционную комиссию и вменить ей главную и единственную обязанность: составление сентенции из губернских предложений. При этом «красные» из МВД сделали еще один блестящий ход: председателем комиссии они предложили назначить Ростовцева.

Игра была беспроигрышна. Дело в том, что с Ростовцевым за это лето 58-го года произошла метаморфоза, о которой Панин и Муравьев не догадывались, но о которой Ланской знал от государя. В июле-августе Ростовцев, отдыхая в Германии, познакомился с известным немецким экономистом, специалистом по сельскому хозяйству — бароном Гакстгаузенем. Яков Иванович поначалу плохо разбирался в крестьянском деле, о чем честно говорил государю, отчего и просил его избавить от работы в Негласном комитете. В потоке бумаг, захлестнувших комитет, в вихре бюрократических игр он не имел времени изучить проблему, а тут, на курорте, ничто ему не мешало, собеседник его оказался блестящим лектором, сам Яков Иванович — умным и лишенным предрассудков слушателем; к концу семинария эмансипация приобрела нового адепта, а Муравьев с Паниным потеряли влиятельного союзника.

Впечатленный первой же беседой с Гакстгаузенем, Ростовцев бросается к столу и обрушивает на императора эмоциональные, но еще противоречивые, до конца не продуманные идеи. «Познакомившись с заграничными способами устройства крестьян, я убедился, что ни один из них для России не годится». Даже в тех странах, где при раскрепощении крестьяне не получали землю, они могли арендовать ее и, довольно скоро, покупать, ибо были куда зажиточнее российских крепостных. В России «надо освобождать с наделением землею», так как сами крестья-

яне ни арендовать, ни покупать еще долго не смогут, у правительства денег нет, как же вознаградить собственников земельных? Растянуть уплату крестьянами выкупа на десятки лет — «вот те и свобода, просто еще один оброк»! Остановившись перед квадратурой круга, Яков Иванович находит неожиданный выход: «надо освобождать ни с землею, ни без, оставить дома, огороды и пашню в постоянное пользование», то есть все-таки отобрать у помещиков землю без вознаграждения?!

Во втором письме Ростовцев обсуждает тему будущей местной власти. «Патриархальная власть помещика, на которой держалась вся Россия, уже будет невозможна, потребуются совокупные действия мира, помещика и правительства. Отношения крестьян между собой, к помещику и к властям должны быть точно определены». Яков Иванович попал в десятку, в самую сердцевину! Что может быть важнее для государства, чем ясное представление о том, какую же социальную систему оно будет строить! Да из этих двух фраз выросли мировые посредники, земства, новое судопроизводство! Да только за эти две фразы Яков Иванович достоин памяти истории!

В своем третьем письме Ростовцев, в основном, говорит о необходимости уделять внимание всем деталям, мелочам, которые только кажутся мелочами, но упустите их, и вы получите уйму не представимых сейчас проблем. В частности, пределы общинной власти следует указать подробно, за этим стоит стабильность системы. Заканчивается письмо малиновым звоном, который могла оценить только страна, где можно было пороть 95% населения. «Телесных наказаний быть не должно, это будет пятно на освобождении».

Яков Иванович стремительно постигал суть вещей, метод разрешения проблем. В четвертом письме он возвращается к выкупу, предлагая ясный и простой план: «Правительство должно оказать содействие», то есть предоставить в той или иной форме ссуду, но не навязывать

своего решения, не оказывать давления ни на помещиков, ни на крестьян, выкуп «не должен быть обязательным ни для одной из сторон». Разумеется, такое предложение Ростовцева весьма устроило бы помещиков, но не крестьян, ибо крестьяне куда больше заинтересованы в получении надела, нежели помещики в получении выкупа, но нельзя же требовать от человека, еще вчера бывшего совершенно равнодушным к крестьянскому делу, большего. Все более сомневаясь в пользе общины — «много pro и contra», — он соглашается, что «сейчас нужна община, как замена помещичьей власти. Без мира помещик не соберет своих доходов, а правительство — податей и повинностей»¹⁷.

Еще наследником престола Александр много лет служил вместе с Яковом Ивановичем по ведомству военно-учебных заведений, любил его и безгранично доверял. Говорили, что разрешал ему читать «Колокол» Герцена. Пассивность Ростовцева и даже некоторая склонность в Негласном комитете к Орлову и компании огорчала государя, теперь же он понял, что обрел активного помощника, что расстановка сил кардинально меняется.

Назначение Ростовцева председателем Редакционных комиссий было принято без возражений всеми; ретрограды еще не знали о превращении Савла в Павла. Они пришли последовательно в недоумение, изумление, негодование и оторопь, когда председатель стал подбирать себе членов. Милютин, Соловьев, Гагемейстер, Самарин, князь Черкасский, украинский либеральный помещик Галаган — что происходит, господа?! Революция у порога! Однако кроме «шипа змеиного» охранители ничего произвести не смогли, разве что ввести в комиссию двух-трех своих сторонников.

Перевороту взглядов Ростовцева дивились так, что по Петербургу ходила легенда, будто умирающий на его руках сын взял с отца слово способствовать освобождению крестьян, дабы искупить давнее предательство — 19-лет-

ний юнкер Яков Ростовцев сообщил Николаю о предстоящем выступлении декабристов. (К слову, там и предательства в точном смысле слова не было, Ростовцев не был каким-нибудь Майбородой, прямым доносчиком на Пестеля. Тут, если хотите, была борьба благородств — юный Ростовцев посчитал своим верноподданническим долгом предупредить государя о готовящемся восстании, но не назвал ни одного имени; тут же отправился на квартиру Рылеева и рассказал о своем письме, когда же Оболенский бросился на него, Рылеев защитил его и отпустил.)

Первое официальное заседание комиссии состоялось 4 марта 1859 года. Председатель огласил утвержденные государем «начала», из коих должна исходить в своей деятельности комиссия. «Начала» были отшлифованы и четко сформулированы: освобождение с землею, крестьянское общинное самоуправление, выкуп наделов, содействие выкупу государственным кредитом, переходный период, по возможности, короткий — для подготовки и организации раздела и выделения земли, определения повинностей, замены барщины оброком. (В ходе дальнейшей работы некоторые позиции подверглись изменениям.)

Орлов с сотоварищи постарались численное меньшинство своих «представителей» в комиссии компенсировать их высокородностью, знатностью и агрессивностью. Представители оправдали доверие — держались нагло и вызывающе, выступали с протестами и т. д. Более всех — граф Шувалов и князь Паскевич (сын фельдмаршала).

Получив отпор большинства, они не отступились и положили обратиться в высшую инстанцию — напрямую написать царю. Составляли письмо недели две, перемарали кучу бумаги, все выходило сбивчиво, неясно, неубедительно. Кинулись к Муравьеву за помощью, тот сказал: как же не помочь, есть у меня такой человек, известный и вам — Валуев, Петр Александрович.

Муравьев назвал Валуева не только потому, что считал его себе обязанным. Петр Александрович уже считался «специалистом по сельскому хозяйству». (Тут в нашем повествовании следует немного вернуться назад.)

Мы видели, что в Риге и Митаве Валуев постоянно был погружен в поземельные отношения, его архив содержит множество писем, записок, докладов по этим проблемам, которые ему направляли сотрудники и разные другие лица — по долгу службы или по собственной инициативе. Действительная жизнь, книги, мнения, размышления отлились в собственную систему взглядов, некоторые ее аспекты нашли свое выражение в опубликованных статьях, другие — в беседах и разговорах. И при дворе это не осталось незамеченным. Еще за полгода до начала заседаний Редакционных комиссий, осенью 1858 года, император повелел Валуеву представить свое суждение по крестьянскому делу. Тогда это было первым непосредственным обращением царя, и Петр Александрович, понимая всю важность впечатления, которое вынесет государь из его ответа, готовит не только общие рассуждения о том, что делать надлежит, но и конкретную программу. Трудность заключалась еще и в том, что ему впервые надо было изложить свое видение проблемы во всей полноте, а не обсуждать частности. Но главная сложность — служебное положение, подчиненность Муравьеву, невозможность вступать с ним в совершенное противоречие. Именно отсюда — некоторая половинчатость предлагаемых мер.

В конце октября записка под наименованием «Ряд мыслей по поводу крестьянского вопроса» ложится на стол императора. (Любил наш герой вставлять в заголовки слово «мысль»; таково, видимо, было поветрие, вроде нынешнего «эксклюзива».)

Дабы сразу успокоить первого читателя, Муравьева, — было бы неприлично не представить текст своему начальнику — Валуев чуть ли не эпиграфом берет цитату из

«Истории Англии» Маколей: англичане ничего не отменяли, если это не мешает потоку жизни, устраняли только то, что ему препятствует. И продолжая в том же ключе, Петр Александрович сообщает нам, что умеренность и аккуратность, то есть, простите, соразмерность и постепенность — первейшее условие будущих преобразований. Более того, необходимость отмены крепостного права — «юридическая и нравственная несообразность нынешних отношений крестьян и помещиков», материальная сторона дела «тут на втором плане». Далее следует любимая парадигма: «надлежит постоянно помнить, что главное средство к распространению народного благосостояния заключается в открытии и разработке новых источников богатства и в приращении наличной массы его, а не в перераспределении этой массы». Именно для экономического оживления и требуется личная свобода крестьян, свободный труд, избавление от произвола. Но «изменение взаимных отношений крестьян и помещиков не должны носить свойства внезапного и крутого переворота. Интересы помещиков должны быть, по возможности, обеспечены».

Полагая, что дальше первой-второй страницы генерал Муравьев записку читать не станет, Петр Александрович вслед за тем приступает к серьезному разбору проблемы и к своим предложениям, вытекающим из этого анализа.

Останавливаться нельзя, нельзя медлить и затягивать, задерживать необходимые изменения поземельных отношений. «В массах царит ожидание, нужен результат», разочарование было бы крайне опасным, надо спешить с переменами. Пусть они будут невелики поначалу, но улучшение должно быть осязаемо. В конечном же счете, что там ни говори о моральной стороне дела, о необходимости личного освобождения крепостных и признания прав собственности землевладельцев, «но нельзя сомневаться в невозможности совершенного отрешения

крестьян от земли. Многочисленный класс не может состоять из кочующих, бездомных наемников, возделывающих чужую почву. Оседлость же невозможна без некоторых прав на землю».

Из последующего текста записки становится ясно, что «некоторые права» — это тот или иной вид собственности, коллективной, общинной или юридически полной, частной. Теперь, в 58-м году, Валуев отвергает аренду как основную форму передачи земли крестьянам, твердо зная, что земля без владения и наследования делается бросовой, истощенной, выведенной из хозяйственного оборота. И община, с ее постоянными переделами, ничуть не лучше. Там, где она сильно прижилась, придется «учесть местные условия», но там, где она слабо развита или почти отсутствует — на юге и западе, — там надо переходить, пусть медленно и осторожно, к окончательному, юридическому оформлению отношений, к поземельной частной собственности крестьян.

Разумеется, улучшение быта одного сословия должно «рассматриваться и разрешаться с точки зрения солидарности всех вообще частных интересов». Беда только в том, что у нас сословные, корпоративные органы не развиты и поручить им сегодня самоуправление невозможно, сословия наши — «в сущности касты и не подготовлены к сознанию общих интересов».

(Защита Валуевым в годы министерской деятельности централизованного управления будет базироваться именно на этом доводе. Он был уверен, что привычка к авторитарному управлению атрофировала серьезное, взвешенное, самостоятельное мышление, что кроме безрассудных право- и леворадикальных криков ничего дельного нынешнее общество породить не может, этого враз не выправишь, и тут ничего поделать нельзя; преобразования же необходимы, и посему, несмотря на вопли о засилии петербургской бюрократии, правительство должно остаться главным источником законотворческой

и распорядительной деятельности. Пусть читатель соотнесет этот валуевский тезис с современностью.)

Отсюда — вывод: раз все сословия не готовы к кардинальному повороту, двигаться следует поэтапно.

На протяжении первого, приуготовительного периода полицейская власть помещика во всех ее проявлениях передается сельскому миру. «Пространство земель (существующий надел в барщинных имениях) остается за крестьянами под условием отбывтия повинностей». Существующие повинности увеличивать нельзя, число барщинных дней не должно превышать 3-х. Дворяне должны сами установить срок полного отпуска дворовых, и, в качестве компенсации, им предоставляются «кредиты от правительства с погашением в казну в течение 10—15 лет за счет поступления от этих людей оброка».

(Признаюсь, этот пассаж Петра Александровича очень меня смущает. Уже многократно провозглашалось правительственной властью, что выкупу подлежит земля, собственность землевладельца, а не личность крестьянина. Разумеется, это был эвфемизм, но ему придавалось известное значение. Государство, считающее себя частью Европы, не могло в середине XIX столетия вести торг людьми, да и с формально-юридической точки зрения крестьянин признавался крепким земле, а не помещику. По этой логике дворовые люди должны быть просто отпущены на волю, что в конце концов и совершилось по «Положению 19 февраля». Какие же соображения могли руководить нашим адептом свободного труда? Могу только предположить некое магическое воздействие муравьевского угрюмства.)

Последующие страницы реабилитируют моего героя. В предварительный период включаются серьезные и важные меры. Мелкопоместным дворянам должны быть предоставлены ссуды для организации хозяйства на новых принципах. Вообще следует «положить основание ипотечной системы» и кредитных касс. Новые отноше-

ния сословий потребуют реорганизации многих установлений, и, в первую очередь, «следует озаботиться улучшением судопроизводства и училищной части в селениях». Положение и роль православного духовенства давно беспокоили искренне религиозного Валуева. Это сословие находится в межеумочном состоянии. Почему священническая миссия передается по наследству? «Почему [православная] церковь пользуется полицейской помощью, а другие конфессии» к ней не прибегают? Так ли следует поддерживать ее авторитет? (Здесь Валуев только задает риторические вопросы, но он уже касался их однажды в записке о раскольниках, по-прежнему считает их крайне важными и будет много ими заниматься в должности министра внутренних дел.)

Во втором периоде юридически закрепляются переход земли к крестьянам: в виде поземельного пользования — мирового или общинного и частной собственности отдельных крестьян по сделке с бывшим владельцем. (Парафраз указа 1803 года «О вольных хлебопашцах».) Выкуп усадебных угодий «необязателен для крестьян, но обязателен для помещиков». Упорно преследуя общину, Петр Александрович предлагает «предоставлять крестьянам право выкупа участка у мира», а в общинном поле «чересполосицу не допускать».

Выкупной тариф, сроки перевода барщины на оброк, предельный размер повинностей — устанавливаются применительно к местности, губернскими властями.

Через год после устройства нового порядка крестьяне будут иметь право перехода в другое имение, другую общину; сначала, чтобы не обезлюдели те или иные районы, «число лиц и освобождаемое пространство» должны быть ограничены; по мере укрепления хозяйств ограничения должны сниматься. Одновременно прекращается всякая личная зависимость дворовых и их личный оброк.

Заключительная часть записки содержит два важных предложения, два постулата либеральной экономики:

«Дать право приобретения населенных имений недворянам... Для решения финансовой стороны ввести общий поземельный налог для всех сословий». Весьма смелые, по российским понятиям, призывы, настолько смелые, что и самые радикальные члены Редакционных комиссий их не услышали...

Что бы ни обсуждали римские отцы-сенаторы, Катон Старший заканчивал свою речь одним и тем же аккордом: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Так и Петр Александрович заканчивает свою записку стрелой, посылаемой в общину: «Мы отвергаем начала общей поземельной собственности — такого исторического опыта нет. Если в народе не проявляется стремления к частной поземельной собственности, то лишь потому, что он не подготовлен к ней, но дайте простор и оно обнаружится»¹⁸.

Записка Валуева охватывала все стороны крестьянского вопроса, содержала целый ряд прогрессивных идей, пыталась найти золотую середину между взаимоисключающими интересами, но не была разработана в деталях и сроках. Однако претензия по этому поводу была бы несправедлива — законы, за которыми следует исторический поворот, не изготавлиются в одиночку, в одночасье.

Император принял записку благосклонно, но с нападением на общину не согласился, полагал, что она необходима и для крестьян, и для спокойствия государства. С другой же стороны, записка не раздражила Муравьева, напротив, он воспринял ее созвучной своим взглядам, тем более что время от времени Петр Александрович бросал на страницы фразы о необходимой солидарности сословий, ограждения интересов помещиков и не называл никаких конкретных сроков осуществления реформ. Муравьев посчитал, что с Валуевым «остался я приятель», отчего и порекомендовал его своим «товарищам по партии».

Ах, как не хотелось вступаться в это дело Петру Александровичу! Во-первых, раздражали его эти два спесивых болвана, не умевшие связать двух слов; во-вторых, досконально зная настроения государя, он понимал, что дело их проигрышное, в-третьих, надо было ломать гордость, подчиняться Муравьеву вовсе не по службе, а по барскому приказу!.. Отказаться же невозможно. «О независимость! — Пишет он в дневнике. — О блаженство того, кто обеспечен на счет следующего дня, и, главное, его семья обеспечена!»¹⁹

Шувалов и Паскевич приезжают. Он знает, что какую аргументацию ни приводи, все будет бесполезно, но делать нечего, к тому же добросовестность — его натура, и он сидит с ними до 3-х часов утра, советуя, почти диктуя, перелагая на русский язык их неуклюжие обороты.

Душа его страдает. Он не может, не хочет делиться с близкими своей тоской, друзей нет, он страшно одинок. В дневнике появляется горькая запись: «Нет угла в мире, который бы я теперь имел право назвать своим. Мысль моя тревожно ищет места, где бы она могла приютиться, успокоиться — места родного. Правая сторона правого среднего столба в Казанском соборе — вот мой лучший приют. Я бездомный, безземельный постоялец. Где ты, родная кровля, где я рос и жил, начинал мыслить и чувствовать...»

Вообще с этого периода, со времени работы под началом Муравьева, настроение, мирозерцание Петра Александровича снова оказались пригнетенными. Пессимистический взгляд на настоящее и будущее страны, на усилия, им самим предпринимаемые «в видах и пользах» общества, наконец, на собственную жизнь овладевают его умом всецело. Юношеская веселость испарилась давно, 15-летняя служба в Прибалтийском крае развеяла многие иллюзии, неожиданная смерть Машеньки поразила его сердце. Полынь отравила душу. Потом он немного приободрился, но двухлетнее пребывание в муравьев-

ских шорах стало источником новых душевных страданий — материальная зависимость заставляла его гасить собственные мысли, делать то, что он считал вредным, хотя иногда ему и удавалось уговаривать себя, что некоторая правота в рассуждениях дворянской оппозиции присутствует, иначе перманентное раздвоение личности свело бы его с ума, а так — только тоска все сильнее проступала в глазах. Этот человек, едва достигший 43 лет, смотрел на мир взглядом старика, умудренного тяжким, печальным опытом. Контакты с людьми сделались трудными, ибо, видя неспособность, бездарность и косность большинства своих сослуживцев, он почти всех их презирал, а ведь человек очень хорошо распознает истинное к себе отношение, скрыть его почти невозможно.

Но человеческая натура противоречива и сложна — честолюбие Петра Александровича еще не умерилось.

Конечно же, ничего из трактата Шувалова-Паскевича не вышло: император прочел, ни с чем не согласился, оставил характерные отметки: «Крестьянин должен быть поземельным собственником [в общине!?], это существенное условие, от которого я не отойду, *иначе помещики будут сгонять их с земли и пустят ходить по миру*», а против фразы Паскевича, что предложения комиссии придется вводить силой, написал: «*Да, если дворянство будет продолжать упорствовать*»²⁰.

Позднейшие события дали повод многим говорить о слабой воле государя, подверженности консервативным влияниям, отступлении от собственных идей и прочее. Быть может, доля правды тут была, но и отходя назад, он слушал прежде всего себя; что же касается пресловутого отката, то в своем месте мы объясним и это, предварю только: выстрел Каракозова явился страшным ударом для царя. Смертельная ненависть в ответ на искреннейшее и сильнейшее стремление принести добро вызвала тяжкое нравственное потрясение, так что упадок энергии

преобразований вызван был отнюдь не параличом царской воли. В начальной же стадии реформ, самой важной, самой переломной, все определяющей, только решительность государя обеспечила продвижение законодательных работ, реальное освобождение крепостных.

Когда Шувалов и Паскевич попросили отставки, Александр ее не принял — вам не удастся отойти в сторону, пополнить массу критиков, напротив, мы повяжем вас, представителей высшей аристократии, участием в кардинальных преобразованиях!

Эпизод с Шуваловым и Паскевичем подтвердил опасения, которые уже приходили Валуеву в голову: успешная карьера под патронажем Муравьева делает его в глазах ретроградов своим и отталкивает от него людей, настроенных прогрессивно.

В начале 1859 года ушел в отставку с поста товарища министра внутренних дел Левшин. (Причиной, скорее всего, послужили личные амбиции, ревность к Милютину и Соловьеву, возникшие разногласия.)

Прежняя успешная служба по министерству внутренних дел — в должности курляндского губернатора, — отмеченная наградами и выражением высочайшего благоволения, стремительное за год продвижение — три важных должности в министерстве, наконец, возведение в чин тайного советника и в звание статс-секретаря, случившееся как раз в пору обсуждения трех кандидатов на это место: князя Оболенского, Николая Милютина и Валуева, казалось, давали Петру Александровичу уверенность, что выбор падет на него. Он ведь был уже хорошо известен в самых высших сферах, знаком со всеми видными, влиятельными людьми, придворными, высшими чиновниками, банкирами; встречался с ними на балах и приемах, обедах и вечерах. Его образованность, обходительность, ум и знания привлекали симпатию. Возвращение в Петербург позволило регулярно бывать в самых заметных

политических и культурных салонах, где его принимали с радушием и удовольствием. Он стал своим человеком в доме великой княгини Елены Павловны. Наконец, он чувствовал благоволение царя. Еще в декабре минувшего года, на музыкальном вечере у великой княгини, он удостоился беседы с государем и государыней, а спустя полчаса Муханов, служащий по министерству иностранных дел, сказал ему, « что государь имеет в виду [его] для какого-то высшего назначения». В декабре об уходе Левшина еще не было речи, и Петр Александрович решил, что его величество говорил о предложении Ковалевского, министра просвещения, назначить Валуева попечителем Московского университета²¹.

И Ковалевский, и, особенно, Елена Павловна принадлежали к кругу лиц, желавших решительных перемен. Так что их приязнь — знак принадлежности к прогрессистам, и именно таким воспринимается Валуев императором и его братом Константином в первое время его возвращения в Петербург. С великим князем Петр Александрович проводит в беседах долгие вечера, иной раз засиживаясь до утра. Константин Николаевич обнимает автора «Думы русского», осыпает комплиментами, они совершенно понимают друг друга, увлекаясь, они заговаривают даже о возможности представительного правления в России!

А Муравьева в августейшем семействе не любили. Вздыхая, привлекали к службе, и в министерство госимуществ назначили оттого, что лучше всех выколачивал недоимки, чем отличался при Незабвенном в Курске и Минске. Но отталкивала заносчивость, самодовольство. И тень Муравьева отбрасывалась на людей, укрытых его крылом. Этого недооценил проникательный во всех других случаях Валуев. Видно, медные трубы в самом деле труднейшее испытание, застыт разум любого человека.

В конце марта, когда государь уже занес руку с пером над указом о назначении товарища Ланскому, на вечере у

Елены Павловны государыня расспрашивала Валуева о Муравьеве и делах министерства. «Разговор странный, — записывает в дневнике ослепший и оглохший Петр Александрович, — императрица выражала недоверие министру и у меня, его подчиненного, спрашивала мнения». Под этим же числом, 26 марта, он далее записывает, что разные люди спрашивают его о назначении, а иные уверяют, что назначение уже состоялось. Лишь одно облачко на горизонте — «Ланской молчит», — но это пустяки, все знают, что министры не вольны в выборе товарищей.

Нет, напрасно я полагаю, что Петр Александрович обольщался! Через четыре дня Валуев приглашен на обед к императору вместе с *Ланским* и Вяземским, и государь объявляет ему, что подписал указы о производстве его в чин тайного советника и статс-секретаря! И Муравьев к этому обеду не зван! Кто бы мог сомневаться, что назначение уже заготовлено!

Тем страшнее удар. Можно себе представить, чего стоила Валуеву сухая дневниковая запись 8 апреля: «Н.А. Милютин назначен «временно» исполнять обязанности товарища министра внутренних дел»²².

(И Милютин вызывал сомнения у царя, но совсем другого рода. «На представлении по случаю назначения государь сказал Милютину, что этим временным назначением дает ему возможность показать себя и поправить свою репутацию красного и революционера». Милютин отвечал достойно, нелюбви своей к высшим слоям не скрывал, что же касается революционерства, то отводил это обвинение, как клевету гостиных, ибо не представлял себе в России «конституционного правления; оно создало бы у нас деспотизм олигархии»²³. Кстати, такова была позиция многих декабристов, как радикальных, так и умеренных.)

Долгий, селективный поиск кандидатуры нового товарища министра внутренних дел вынуждался тем, что Александр Николаевич считал необходимым гарантиро-

вать Ростовцеву максимальную защиту от многочисленных врагов. Он очень хорошо относился к Валуеву, потому и колебался так долго, но опасение муравьевского влияния в МВД оказалось столь сильным, что император решился направить туда «красного революционера».

Для Валуева, для его будущей деятельности, скажем громко, для России эта история имела печальные последствия. Она оттолкнула друг от друга государственных деятелей, из числа немногих способных к созидательной работе; их союз мог в значительной степени способствовать большему успеху великого дела, тем более что Петр Александрович беспристрастно признавал ум и талант Николая Александровича.

Согласно первоначальным инструкциям МВД, губернские комитеты имели право послать в Петербург двух депутатов для разъяснения своих проектов. Однако общероссийское Положение, которое стали разрабатывать Редакционные комиссии вместо суммирования разноречивых губернских предложений, не оставляло от этих проектов камня на камне, как от «правых», так и от «левых». Молодые реформаторы поняли, что прибытие провинциальных депутатов страшно повредит делу, масса времени уйдет в бесплодных спорах, и самое нежелательное: они вступят в стачку со столичными реакционерами, а подобный комплот может быть очень опасен. Ланской обращается с верноподданнической запиской к императору:

«Не подлежит сомнению, что поборники каждого направления выразят стремление действовать по взаимному между собой согласию, стараясь достигнуть изменения принятых правительством начал, несогласных с их мнением. Такое стремление не может не затормозить дела. Для спокойствия государства, для успешного окончания предпринятого преобразования [нужно], чтобы рассеянные мнения не слились в единомыслие и разноцветные

партии, гибельные как для народа, так и для государства. *Посему стремление к образованию партий с самого начала должно быть устранено».*

Такое намерение — из лучших побуждений — устранить общественное мнение от выработки Положения, естественно, вызывало полное отторжение во всех т. н. образованных слоях; с новой силой вспыхнуло постоянное обвинение в нежелании допустить общество не только что к участию в разработке реформ, но даже к обсуждению конкретных деталей. Опять поднялась всеобщая неприязнь и ненависть к бюрократии, особенно столичной, захватившей все бразды! Но в недемократических обществах правительственные реформаторы всегда полагают, что им «сверху видно все» и лучше всех известно, что и как надо делать, а чьи-то самостоятельные действия и даже советы им не нужны, потому что лишь внесут сумятицу. Они совершенно уверены, что преобразования будут радикальнее, пойдут лучше и быстрее, если никто не будет вмешиваться. Как это ни обидно для либералов, приходится признать, что они правы. В обществах, находящихся на переломе, где только вчера отпустили вожжи, где бурлят и сталкиваются крайности, невозможно допустить всех сразу к глобальным решениям. (Разумеется, умнее сделать вид, что все или большинство, или, наконец, часть общества могут оказать влияние, например, через представительные органы или их подобие, но русские самодержцы на это никогда не были способны, даже тень покушения на абсолютные прерогативы вызывала у них идиосинкразию.)

Молодые реформаторы были правы еще и потому, что «привлечение общества» в России 50—60-х годов XIX века свелось бы к засилью крепостников, ибо они составляли большинство помещиков; другая сторона, крестьяне, вовсе бы не была представлена.

Вот по всем этим причинам и писал Валуев в своей записке, что у нас не сословия с самостоятельным мышле-

нием и принципами, а закоснелые касты, не способные к самореформированию; и был абсолютно прав.

Вернемся к записке Ланского. Министр продолжал: «Посему не должно давать развиваться мечтаниям, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрешения каких-либо законодательных вопросов или изменений в государственном устройстве. Уничтожение крепостного права есть дело уже решенное в благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемене подлежать не может. Царское слово непоколебимо. Дело поданных осуществить это священное слово для блага современников и потомства».

Министр и его помощники хорошо знали, что и как писать своему сюзеру. Ретроградные попытки в соответствии с монаршей фразеологией названы мечтаниями, а дабы царь, не приведи Господь, не смутился массивной атакой консерваторов, ему напоминают о непоколебимости царского слова в принятом им самим решении.

Ожидаемая резолюция последовала. «Нахожу взгляд этот совершенно правильным и согласным с моими убеждениями. Прошу сообщить это генерал-адъютанту Ростовцеву»²⁴.

В недрах Редакционной комиссии подготовили инструкцию для губернских депутатов. Ее смысл — в двух словах: соберутся депутаты не всех вдруг, сначала от одной части губерний, потом от другой — чтобы не скоплись — и когда позовут, чтобы не открывали рта, пока их не спросят, причем спросят не мнение, в коем никто не нуждается, а ответов на вопросы, коли в том будет нужда.

Встреча депутатов «первого призыва» с Редакционной комиссией произошла 25 августа 1859 года. Ю.Ф. Самарин с большим удовольствием описал ее в письме к жене князя Черкасского, Екатерине Алексеевне.

«За большим столом сидел Я.И. Ростовцев и его помощник Семенов. За ними члены Редакционных комис-

сий, перед ними члены комитетов. Помните ли Вы то место из «Мертвых душ», в котором мужская половина губернского города делится на толстеньких и тоненьких? Оглянув депутатов, я убедился, что другого признака их рассортировки нет. Между толстенькими преобладают два типа: отставного военного с рыжими усами, с Анною на шее и пряжкой в петлице, и заплывшего жиром помещика с багровым лицом. Яков Иванович мигнул Семёнову, который встал и, без всяких предисловий, прочел высочайше утвержденную инструкцию, определившую цель призыва и круг действия депутатов. Затем, без перемены, были прочтены все вопросы, на которые они должны изготовить ответы. Разочарование. У кого судорожно сжимались губы, у другого лицо вытягивалось на аршин, а выпученные глаза устремлялись на председателя, третий злобно косился на обе стороны. Когда чтение кончилось, Яков Иванович встал и сказал несколько слов: «Господа, государь-император надеется и т. д.» Затем все разбрелись без закуски»²⁵. Легко представить себе лютую ненависть депутатов к столичным бюрократам, узурпаторам помещичьих прав, кои, в столичных кабинетах сидючи, сельской жизни не зная, хотят разорить дворянское сословие!

Поражение Паскевича и Шувалова не умерило пыла дворянской оппозиции. На смену пришел человек куда лучше владеющий словом — камергер двора Михаил Безобразов, племянник князя Орлова, так что интрига была закручена с самых верхов. В ноябрьской и декабрьской книжках «Русского вестника» появляется обширная программная статья Безобразова «Аристократия и интересы дворянства», и почти одновременно на столе императора оказывается записка того же автора.

Что касается статьи, то, по мнению Валуева, «она написана дельно», но только в плане теоретическом. (Запись в дневнике 9 декабря.) Пафос статьи: аристократия,

дворянство — природное правящее сословие, и в тех странах, где этот принцип соблюдается, там все обстоит благополучно и социальный мир торжествует. Безобразов доказывает (в общем, справедливо), что государственные деятели, обладающие нравственной и материальной независимостью, не подвержены влияниям, подкупу и давлению как сверху, так и снизу, а таковыми могут быть только дворяне. Только готово ли русское дворянство к такой роли, задается вопросом Валуев, для этого оно должно «превратиться из касты в государственное сословие», а оно пока, как писал Петр Александрович в своей прошлогодней записке, таковым не является. То, что предлагает Безобразов, замечает Валуев не без юмора, годилось бы «во времена короля Иоанна, перед истребованием от него Великой Хартии»²⁶.

Если статья Безобразова в подцензурной печати припорошена тоном холодного теоретизирования, то записка царю отличается практической злободневностью и яростным напором.

Для начала утверждается, что злоумышленники в верхах администрации «в формах правительственных постановлений обещают толпе отдать на добычу чужую собственность... План этого кова не нов, и, сказать можно, не русского изобретения». Россия завалена заграничными памфлетами, а цензура «останавливает возражения самые скромные... Не русские головы задумали вредить России, они увлеклись обычным стремлением русских к подражанию, но корень таится в замыслах иностранных».

Благородные чувства общества возбуждены «картиною искусно группированных предосудительных частных поступков». И напали они, эти «неблагоданмеренные мыслители», на существующее социальное устройство «потому, что, несмотря на ее недостатки, помещичья власть есть лучшая и сильнейшая государственная подпора... В видах крамольных свергнуть ее».

Тайная цель «кова злоумышленного» — возбудить народ, разорить дворянство, «оторвать его от престола» и установить конституцию. (Тут обвинение направляется в левое меньшинство губернских депутатов, также недовольных, что их не хотят допустить к обсуждению проекта Редакционной комиссии, но предлагающих радикализацию реформы.) Поэтому надо призвать новых выборных от губерний (охранительное большинство выберет кого надо), и они «обуздают редакционные комиссии и МВД в их самовольных действиях». Тут возбужденный своими идеями Безобразов совершенно теряет представление о том, кому он адресует свое послание, и начинает пространно объяснять самодержавному монарху, что «собрание выборных есть природный элемент самодержавия», что от него «власть получает правильные понятия, что ей надо делать для блага государственного» и очень четко формулирует тезисы об участии аристократии во власти, восходящие к кондициям «верховников» 1730 года. «Неужели люди здраво мыслящие могут вообразить, что самодержавие есть право делать все и как вздумается? Тогда бы было не правление, а беззаконие и хаос. Самодержавие — власть, облеченная полным доверием подвластных, сила, охраняющая законы... Следовательно, самодержавие не должно считать себя безграничным, надо иметь возможность слышать от государства, в чем состоят его потребности. Для этого у нас на Руси были выборные от земли... Без выборных самодержавие идет ощупью и путается в сетях, расставленных бюрократией... Может быть и случится, что необходимость самосохранения соберет выборных, но прискорбно будет дожить до такого времени»²⁷.

Выборные от земли — это не народные избранники, а Боярская дума XV века; покрывало, выброшенное Безобразовым, слишком прозрачно, чтобы не видеть этого. Да он и не очень заботился о прикрытии, ненависть к реформаторам так обуяла его, что подвигла на неслы-

ханную дерзость — по существу, он бросает императору обвинение в деспотизме и тирании, он прекрасно понимал это.

Царь испещрил записку вопросительными и восклицательными знаками, саркастическими пометами: против слов «собрание выборных есть природный элемент самодержавия» — «Хорош софизм!», а в конце начертал вывод: «Он меня убедил в желании подобных ему учредить у нас олигархическое правление»²⁸.

Записка Безобразова переполнила чашу терпения Александра Николаевича, но никак не поколебала его намерений. «Если эти господа думают своими попытками меня запугать, то они очень ошибаются», — писал император Ростовцеву²⁹. Монаршее возмущение вылилось не только на голову непосредственного виновника — камергер был уволен «без прощения» (такая кара применялась редко, обычно сановнику, который вызвал неудовольствие, предлагалось самому подать в отставку) — Ланскому было повелено отправить на места циркуляр, запрещающий губернским дворянским собраниям обсуждать крестьянское дело.

Тут уж страсти накалились до предела. Многие дворянские собрания в той или иной форме выражали протест, но наиболее резким был адрес из Орла.

«Орловское губернское правление декабря 15 дня 1859 года, выслушав предписание МВД вследствие высочайшего повеления о запрете на настоящем съезде каких-либо рассуждений по предметам крестьянского вопроса, определило: всеподданнейше донести, что дворянство с глубоким прискорбием видит в этом запрещении знак недоверия к нему. Дворянство привыкло чтить священную волю государя-императора... исполняет и теперь в точности его волю, но считает своим долгом повергнуть на всемилостивейшее усмотрение, что запрещение рассуждать о крестьянском вопросе лишило дворянство од-

ного из существенных прав его говорить о нуждах края, которые почти все неразрывно связаны с этим вопросом»³⁰.

Но подобные резолюции не производили желаемого впечатления. Как ни пугал царя шеф жандармов Долгоруков дворянской фрондой и крестьянскими бунтами, Александр понимал: за два года ситуация коренным образом переменялась, крестьянство знало о готовящейся «воле», и возмущение вызвал бы именно отказ от отмены крепостного права; общество в той или иной степени сочувствовало эмансипации, а его передовые силы делали все возможное для осуществления великого дела. Остановить преобразования консерваторы были уже не в силах, теперь их усилия сосредотачивались на желании выхолостить реформу, отдать крестьянам по возможности меньше и, самое главное, попытаться сохранить власть помещика над крестьянским миром и увеличить свое влияние на высшее правительство.

Эти идеи «правой оппозиции» (только нельзя их понимать как выражение взглядов некоей партии; ничего похожего на партии не было в тогдашней России, ни справа, ни слева) описаны князем Черкасским в записке, предназначенной для императрицы, — Мария Александровна имела определенное влияние на мужа, и ее поддержкой хотели заручиться молодые реформаторы.

Большинство в губернских комитетах, — пишет князь Владимир Александрович, — стоит на совершенно оголтелых позициях и предлагает освобождать крестьян либо «вовсе без земли, либо со скудным количеством ее», притом «по ценам баснословным»; сам же выкуп осуществлять по «добровольному согласию», а обязывающую помещиков норму в будущее Положение не включать; сохранить барщину на неопределенный срок. Выразители их чаяний в среде богатой аристократии, «владеющие значительными поместьями», согласились с необходи-

мостью ликвидации крепостного права, признают его вредным для общественной жизни дворянского сословия и *«мечтают о создании олигархической демократии»*. В сущности, они желают освобождения крестьян без земли, крайнее развитие пролетариата считают средством общественного развития, голод и нужду — единственным побуждением человечества к труду». [Да они марксисты, эти наши аристократы!] Они готовы немедленно освободить крестьян, более того, избавиться от них, не дав им ничего.

«Они сочувствуют аристократическим формам английского быта, забывая о коренной разнице исторических условий, совершенно других отношениях между английской земельной знатью и сельским населением, нежели в России. Природный англичанин никогда не понял бы грубой мечты исключительно олигархического устройства».

«Со времен Годунова» идут «непрестанные попытки олигархической партии водворить в России формы правления шведские или польские», и только среднее дворянство является истинной и надежной опорой самодержавия.

Исторический экскурс князя Черкасского в российскую историю формально безупречен. Он мог бы добавить, что схожие процессы происходили во всех странах позднего Средневековья и начала Нового Времени. Титулованная крупная аристократия во Франции и Германии долго сопротивлялась укреплению централизованной монархии, ибо владела всей полнотой политической и экономической власти на своих землях и не нуждалась в полицейской поддержке со стороны верховного сюзерена. Более того, королевская власть наносила владельческим сеньорам материальный урон, ибо забирала себе заметную часть налогов и сборов. Отсюда Бургундские войны и Фронда во Франции, 300 княжеств в Германии, долгая история объединения Италии, *liberum veto* поль-

ского сейма. Да, борьба аристократии с королями действительно носила эгоистический характер, среднее и мелкое дворянство, в общем, оставалось равнодушным зрителем и если выступало на стороне князей, то только в силу оммажа и вассалитета. Чаще, и тут Черкасский совершенно прав, дворянство было заинтересовано в сильном унитарном государстве.

Однако противники своеволия знати нарочито обходят молчанием один важнейший исторический процесс: генезис, становление гражданского общества в Англии. Когда английские бароны заманили Иоанна Безземельного на пустынный остров и добились от него Великой Хартии вольностей, они, казалось, заботились только о своих сословных интересах. Но с того солнечного летнего дня 1215 года начинается свое летоисчисление английская свобода, ибо на протяжении столетий все новые и новые социальные группы, опираясь на прецедент, добивались гражданских прав. К середине XIX века Англия была самым свободным государством Европы, жесткая централизация сменилась широким самоуправлением на уровне городов и графств, английская судебная система для многих стран оставалась недостижимым примером. Недаром политические эмигранты со всего света собирались в Великобритании.

Продолжая просвещать императрицу, князь Владимир Александрович утверждает, что «значительное большинство, образованнейшая часть дворянства... желает оборотного капитала и требует скорейшего прекращения обязательных отношений и немедленного выкупа крестьянских полевых угодий. Двести пятьдесят лет тому назад [дворянство] требовало прикрепления крестьян, ныне оно видит спасение в полной их свободе с прочным наделением их поземельной оседлостью». Обезземеливание крестьян приведет к «постоянному приливу обездоленной массы в города со всеми разрушительными последствиями, которых не избежать, если правительство не успе-

ет теперь же приковать крестьян к селениям выгодами поземельной собственности»³¹.

В этом абзаце сжаты две посылки. Первая: князь Черкасский, прекрасно отдавая себе в том отчет, производит подмену действительного желательным, выдавая собственное понимание ситуации за мнение «значительного», «образованнейшего» большинства. Большинство дворян не было ни «образованнейшим», ни мечтавшим о «скорейшем» отпуске крепостных, да еще с землею. Вторая: Владимир Александрович, говоря о «выгодах поземельной собственности», ни словом не поминает общину и имеет в виду действительное превращение крестьянина в юридического поземельного собственника. Это был бы решительный шаг к созданию многочисленного класса мелких хозяев, третьего сословия, появление которого считал необходимым и Валуев. (Тут уместно еще раз заметить, что между реформаторами из Редакционной комиссии и Валуевым на самом деле было множество точек соприкосновения, одинаковых воззрений, и их размежевание, отчуждение бесспорно следует считать трагическим недоразумением.)

Записка князя Черкасского — важный программный документ либеральных дворянских реформаторов, искренних сторонников монархии, но предпочитающих опираться не на узкий, замкнутый, придворный круг, узурпирующий власть во вред народу, а на глубинные массы рядовых дворян и крестьян-собственников, заинтересованных в твердой власти, охраняющей их экономические права.

За 6—8 лет в общественном сознании произошел важный сдвиг. До самого конца николаевского царствования, как записал однажды в своем дневнике Валуев, «Россия кончалась XIV классом. Ниже, кроме солдат — некой машины и купцов — необходимой промышленной прислуги — ничего не было»³². Появление народных масс на политической и гражданской сцене — пока еще в

сознании образованного слоя и только в качестве статистов — заслуга ранних славянофилов, их либеральные и патриотические воззрения разделяли и развивали Самарин, Черкасский, братья Милютины, их влияние начинало все более заметно сказываться на настроениях общества.

Пролетевший мимо пост в МВД испортил настроение Валуеву ненадолго. Он сохранил уважение императора, это очень скоро подтвердилось. Дочь Елизавета вышла замуж за князя Александра Васильевича Голицына, и государь согласился быть посаженным отцом. Свадьба совершилась в Петергофской дворцовой церкви. За два месяца до этого торжества сын Александр был принят на военную службу в стрелковый императорской фамилии батальон. Петр Александрович понял, что карьера его продолжится.

С момента его возвращения в Петербург, он возобновил давние и завел новые знакомства. Надобно было ввести в свет молодую супругу, Анну Ивановну. Сначала она появилась в гостиной Милютиных, но возникшее между мужьями напряжение развело и жен. Стали чаще бывать у Мещерских, Карамзиных, Апраксиных, Вяземских. У Мещерских и Карамзиных он несколько раз видится с Авророй Карамзиной, некогда одной из первых красавиц Петербурга, женщиной драматической судьбы и трагического отблеска, который она отбрасывала на всех близких ей людей³³. Первая любовь Пети Валуева — Эмилия Мусина-Пушкина — была сестрой Авроры, и сердце Петра Александровича каждый раз при встречах с Карамзиной стучало сильнее; он специально отмечает их в дневнике. К великой княгине Елене Павловне его обычно приглашали одного, но там был политический салон, рауты не устраивались почти никогда, только изредка политику вытесняла музыка. Концерты бывали великолепны, и Петр Александрович получал истинное наслаждение, слушая лю-

бимца Елены Павловны Антона Рубинштейна, немецких музыкантов, итальянских певцов.

Но основное время поглощали служебные дела. Занятия по двум департаментам требовали большого труда. Он привык досконально вникать в обстоятельства, о которых ему докладывали подчиненные, дабы его решение было бы осмысленным и, по возможности, правильным. Ведение дел во Втором департаменте оказалось совершенно неудовлетворительным, и он затеял его общую ревизию. Государю еженедельно представлялся доклад по министерству, соответственно от Валуева требовалось два доклада министру; он сам писал оба. Он уезжал из своей квартиры в доме № 35 по Литейному проспекту в министерство рано утром, но к концу дня оказывалось, что еще многое осталось несделанным; он вез бумаги домой и засиживался до глубокой ночи. Ложится в постель полночь сделалось обыкновением. Он уставал, стали болеть глаза, преследовала простуда. Но более всего изматывало душу, трепало нервы противоречивое состояние, в котором он находился.

Муравьев с каждым днем становился невыносимее. Тяжелый, неповоротливый ум, упрямое нежелание видеть происходящие вокруг перемены, неуклюжие попытки остановить необходимое стране реформирование — вот средства и цели министра государственных имуществ, члена Главного комитета по крестьянскому делу. И под этим флагом должен был выступать он, Валуев! Еще раз скажу: поражает не постоянно преследующее его гнетущее состояние духа, мрачное настроение, ожидание всяческих катастроф; удивительно, что он выдержал психологический разлом, заставляя себя делать, писать, советовать прямо противоположное тому, что считал правильным. Конечно, он далеко не полностью соглашался с предложениями большинства Редакционных комиссий, но вообще их идеи и сами они, эти люди, вызывали у него

симпатию, а куцые мысли и их носители — Муравьев, Паскевич, Шувалов, — из объятий которых он не мог вырваться, не исторгали из него ничего, кроме отвращения. Как ни старался Валуев, сдерживаемые чувства иногда прорывались, если не в речах, то в выражении лица, в брезгливости тона. И самодовольный Муравьев, не допуская и мысли, что благодетельствованный им человек может возроптать, вдруг останавливался в некотором подозрении. Однажды, после обеда у министра, Валуеву даже пришлось объясняться с супругой патрона, которая с неприязненной миной начала выговаривать ему, что он-де старается повредить ее мужу. Это было неправдой, интриганство было абсолютно чуждо характеру Валуева, и хотя за время тесного общения с Муравьевым он вполне оценил его натуру, у него не было и тени намерения предать его, поступить как-либо неблагородно. Только дневнику он поверял саркастические описания, хотя сдерживал себя и тут. Даже самому себе крайне неприятно признаваться в убудочности дела и деятелей, среди которых приходится жить и работать.

Вот тщательно подготовленный Валуевым Муравьев выступает на заседании Главного комитета, куда переданы для рассмотрения предложения Редакционных комиссий, возвращается в министерство, зовет к себе своего репетитора и с недоумением делится полученным афронтом. «Жалкое зрелище, — отмечает Валуев. — Министр плохо знает предмет, путает понятия. [Вопросами] был сбит и потерялся». Муравьев идет за Паниным, Гагариным и Долгоруким, не имея собственного мнения, «толкует про минимум и Bauerland, не зная сам, что разумеет под тем и другим»³⁴.

Весь 1860 год Муравьев развивал бурную, но бесплодную деятельность, возбужденный надеждами на торможение реформ: в феврале умер Ростовцев. Ликование в стане крепостников было столь великое, что многие поз-

волили себе не явиться на похороны, в которых участвовала вся императорская фамилия. К вящему восторгу оппозиции и тревоге реформаторов председателем Редакционных комиссий Александр назначил Панина. Назначение это было вынужденным, так как среди сторонников реформ не было никого, кто обладал бы или знатным именем, или высоким чином, или личной близостью к царю, чтобы сражаться с олигархами на равных. Панин казался меньшим злом, ибо известен был беспрекословной покорностью царской воле; он всегда заявлял, что, находясь на монаршей службе, верноподданный не должен иметь собственного мнения. Прожженный царедворец лицемерил, Александр Николаевич прекрасно это понимал, но другого выбора не было.

Несмотря на почти готовый проект Положения об освобождении помещичьих крестьян, который после небольшой шлифовки Ростовцев собирался в ближайшее время передать в Главный комитет, Панин затеял чтение статей заново, делая, по ходу, язвительные критические замечания. Он уносил к себе, якобы для подробного изучения и выработки изменений, целые параграфы и подолгу не назначал заседания для их обсуждения. Милютин, Черкасский, Соловьев, их товарищи негодовали, но ускорить дела не могли, формально Панин ничего не нарушал. Наступило лето, бюрократический Петербург отправился на курорты и дачи, все остановилось до осени.

10 октября состоялось первое заседание Главного комитета для рассмотрения проекта «Положения». Как ни щипал его Панин, либеральный заряд в нем сохранился, и Муравьев, Блудов, Гагарин набросились на него с новой силой. Затруднительным им показалось лишь то обстоятельство, что вместо заболевшего Орлова император назначил председателем своего брата, великого князя Константина Николаевича. Так сказать, в порядке компенсации: Панин вместо Ростовцева, но К.Н. вместо Орлова. (Это назначение лишний раз показывает, как желал дове-

сти до благополучного конца дело освобождения крестьян государь: руководителем Редакционных комиссий назначать царского брата было невместно, но председательствовать в Главном комитете, составленном из высших сановников империи, член императорской фамилии мог вполне, и Александр немедленно этим воспользовался. А что великий князь принадлежит к активным адептам эмансипации, сомневаться не приходилось, его настроения были хорошо известны.)

Но олигархи недооценили главного. Проект Редакционных комиссий представлял собой стройную конструкцию взаимосвязанных положений, и социальная сторона была неотделима от финансовой. Финансовые проблемы были едва ли не самыми сложными: Россия стояла на грани государственного банкротства, казна была пуста, банковская система в полном развале. Если освобождение крестьян в Австрии и Пруссии сопровождалось прямым одномоментным выкупом государством земли у помещиков, то Российская империя позволить этого себе не могла. Отбирать же у помещиков земельную собственность безвозмездно — этого никакое правительство, кроме эсэро-большевистского, и в мыслях не могло держать. Для разрешения этого «параллелограмма сил», как выражался в таких случаях Валуев, и была образована вторая редакционная комиссия, финансовая. В нее вошли лучшие специалисты России, среди них — уже известный нам Гагемейстер, Бунге и Рейтерн — два будущих министра финансов и Николай Милютин, посчитавший важным свое участие и в этой комиссии, дабы держать в руках все нити. Финансовая комиссия разрешила головоломную задачу, положив в основу тезис: «выкупная операция должна быть чистой кредитной сделкой, полностью самоокупающейся»³⁵. Это означало, что государство возлагает финансирование реформы поземельных отношений на сами земледельческие сословия, на дворянство и крестьянство. Усадебная оседлость передается крестья-

нам немедленно, но деньги за нее помещику крестьяне платят сами. Полевые земли и угодья выкупаются на основе добровольных соглашений, и для этой цели правительство ссужает крестьян деньгами (условно) с рассрочкой выплаты в течение $49\frac{1}{2}$ лет. Но деньги эти, даже не деньги, а 5%-е облигации, с погашением в течение того же срока, отдаются не крестьянам, а прямо дворянам. До заключения выкупной сделки крестьяне считаются временнообязанными. Номинальная сумма облигаций, получаемых помещиком, должна соответствовать рыночной цене передаваемого крестьянам полевого надела, но во избежание споров о цене земли крестьянские выплаты будут устанавливаться, исходя из возможного оброка, на который мог рассчитывать помещик за этот период, но не должны превышать $\frac{1}{3}$ его. «Государственники» из финансовой комиссии решили свалить на крестьян и расходы на будущие местные учреждения по проведению реформы, задумали учесть возможные недоимки(!). Поэтому крестьяне принуждены будут платить правительству ежегодно не 5, а 6% от всей суммы компенсации, причитающейся их прежнему владельцу. Помещики тоже должны принести жертвы государству. Во-первых, выплаты им начнутся после вычета их прежних ипотечных долгов, а заложено, как мы помним, было более $\frac{2}{3}$ имений, во-вторых, сумма компенсаций заранее снижалась приблизительно на 20%. Чтобы не обременять казну даже кредитными бумагами, «Положение» устанавливало максимальный надел, подлежащий выкупу, т.е. кредитованию. Такое решение задевало тех помещиков, которые готовы были уступить крестьянам возможно большие участки в расчете на получение свободных средств. Был еще целый ряд тесно переплетающихся обстоятельств.

Всего этого не понимали большие вельможи. Они не давали себе труда разобраться во всем корпусе представленного проекта, да если бы и захотели — не хватило бы ума и знаний, предложить же что-либо цельное взамен —

тем более не могли. Они выхватывали первые, вызывающие у них отторжение статьи, и просто требовали их изменения. Авторам «Положения» легко было доказать, что нападки не учитывают того-то и того-то, тем более что критики часто противоречили друг другу. Блюдов высказался в пользу немедленного выкупа барщинных имений, но для этого следовало бы увеличить число выпускаемых ценных бумаг, а где взять деньги для их обеспечения? Гагарин же настаивал на «добровольных соглашениях» относительно усадебной оседлости, что позволило бы помещикам вовсе не наделять крестьян землею, однако правительство давно уже объявило это невозможным. Панин распространялся насчет прав собственности, ему вторил Муравьев, запутался, перешел к величине надела и тут не смог сказать ничего вразумительного. Тем первое заседание Главного комитета и кончилось.

Через два дня у Муравьева собрались оппоненты «Положения». Министр пригласил и своего главного фактума — Валуева, которому вновь поручалось перевести в удобопонятные формы незрелый лепет ретроградов. Предварительно прочитав проект Редакционных комиссий, Петр Александрович увидел, что он логичен, убедителен и единственно возможен. «Нельзя не признать, что Редакционные комиссии лучше владеют законодательным языком, чем II отделение собственной его величества канцелярии». Дворянин до мозга костей, Валуев инстинктивно желал бы придать большее значение, большую роль своему сословию, но признавал, как мы помним, что особенных способностей для этой цели у дворянства нет. Можно попробовать, предлагает Валуев собравшимся, оспорить правила выбора мировых посредников, этому институту будет принадлежать важное значение в осуществлении реформы. Но пытаться обновить проект, нападая на него вообще, «не разбирая, что в нем хорошо, ни того, что уже миновать нельзя» — дело

столь же бесполезное и опасное, как бросаться под колеса кареты: экипаж все равно проедет, но неудачников сочтет.

Но бере закусили удила. Князь Долгорукий заявил, «что ввиду общего неудовольствия дворянства, он не отвечает за общественное спокойствие. Если предложения Редакционных комиссий будут утверждены, он сложит с себя полномочия» [шефа жандармов]. Это, разумеется, был шантаж и провокация, но «министр немедленно потерял спокойствие... началась толчея предположений, суждений, приказаний». От Валуева требуют переделать целые главы и разделы. Здравое оценивая ситуацию, зная доверие императора к Ростовцеву и, следовательно, к проекту, созданному «его» Редакционными комиссиями, Петр Александрович поначалу отнесся к муравьевским вихрям с уже привычной нервностью и досадой. «Мое положение нестерпимо. Я связан по рукам и ногам. Я закабален служить. А быть покорным редакторским орудием кн. Долгорукого и ген. Муравьева — ужасная доля». Но как это уже случалось, трудолюбие, природное неумение работать спустя рукава, наоборот, самолюбивое желание добиться наилучшего результата увлекли его, нашлись идеи, аргументы, даже деньги — просидел два дня до 4-х часов утра, произвел расчеты, из которых следовало, что Мингосимушество сможет выделять ежегодно два миллиона на выкупные операции — и за три недели составил свой вариант «Положения». Главное отличие от проекта Редакционных комиссий, помимо частных: размеры надела и повинностей устанавливаются местными властями, а не центральным правительством. (Собственно, то же самое Валуев предлагал в записке, составленной два года тому назад, осенью 58-го года, но с тех пор многое переменялось.) В сопроводительной записке к своему проекту Валуев уверяет, что такое право местностей успокоит дворянство, даст возможность проявить инициативу, вовлечет его в круг реформаторской деятельности, осла-

бит напряженность в его отношениях с правительством. Очень довольный своим детищем, он снисходительно посматривает в сторону «редакционной партии», которая «рассчитывала на неготовность полноценного контрпроекта. Маневр не удался, потому что я оказался в распоряжении ген. Муравьева»³⁶.

Опять оказался наш герой ослепленным. Была у него слабость, по-человечески понятная, но для него самого вредная, ибо выставляла его в дурном свете, становилась предметом насмешек, порождала недоброжелательное отношение: убеждение, что все, выходящее из-под его пера — превосходно, а его позиция, его точка зрения всегда правильная, единственно верная. Чаше всего так и бывало, ума, таланта, образования, знаний Валуеву было не занимать, но нельзя же возводить в абсолют все тобой сделанное, предложенное. А Петр Александрович иначе не умел, не мог, и это слишком часто ему в жизни мешало. Поражения тем больше ранили его самолюбие, что они были, в общем, редки, оттого он и переживал каждую неудачу мучительно. Так случилось и на этот раз. Проект, подписанный Долгоруким и Муравьевым, не нашел достаточного числа сторонников в Главном комитете, был отвергнут, и, надо признать, справедливо: в конкретных обстоятельствах России 60-го года только жесткая норма, установленная законом, могла предохранить крестьян от помещичьего произвола, а государство от потрясений³⁷. Что касается местных особенностей, различной плодородности земель, разной величины существующих наделов и повинностей, то [Положение] Редакционных комиссий и давало отличные по каждой губернии цифры, только они диктовались сверху.

Должен ли был Петр Александрович ожидать подобного конфуза? Как умный человек — безусловно. Но беда-то в том, что «никто так не глуп, как умный человек». Удар поразил его. До этого не проходило дня без описания перипетий составления и обсуждения проекта, теперь же

из его дневника исчезает всякое упоминание о нем, да и к дневнику он не прикасается две недели.

Восемь лет спустя, в 1868 году, находясь в отставке и имея досуг, Петр Александрович приводит в порядок прежние записи на случай возможного публикации, делает к ним обширные примечания. В отдалении времени он относится к прошедшему спокойно и объективно. Комментируя обстоятельства разработки своего контр-проекта, высоко оценивает деятельность тогдашних противников. «Трудам Редакционных комиссий, весьма замечательным по объему, последовательности и непри-вычному у нас прилежанию, не отдавалось должной справедливости... Развитие общей мысли государя [освобождение крестьян с поземельной собственностью] — дело Редакционных комиссий, в особенности двух их членов Николая Милютина и князя Черкасского, председательствовавшего в Главном комитете великого князя Константина Николаевича... Вредные стороны Положения 19 февраля были следствием ошибок, совершенных под воздействием ретроградов. Они не внесли ничего положительного, только противоречили, перечили и тор-мозили»³⁸.

Однако польза от этого провала все-таки была. Князь Долгорукий, впервые увидевший Валуева в деле, пришел в восторг от его умения, добросовестности, литературно-го стиля. На протяжении нескольких месяцев он изливал свое восхищение государю, добавляя новые краски в сложившийся и без того в глазах Александра Николаевича приятный образ Валуева. Простодушный товарищ министра государственных имуществ Зеленой, восхищенный быстротой, с которой Петр Александрович «нашел» 2 миллиона для выкупа, громогласно утверждал, что Валуева следует сделать министром финансов. Результат панегириков сказался весьма быстро: в середине декабря Валуев был назначен управляющим делами Комитета министров.

Глава IV

С 1 января 1861 года Валуев приступает к своим новым обязанностям. Теперь он присутствует на заседаниях правительства, видит и слышит всех его членов. Никакого пиетета перед государственными мужами он не испытывает, напротив, отмечает их слабые стороны. Обсуждения сводятся к пустым разговорам, за ними не следуют конкретные предложения; тем более, никогда не выносятся обобщающие постановления. Собственно, Комитет министров и не является правительством. Каждый министр действует в пределах своего ведомства совершенно самостоятельно, отчитываясь в своих поступках только перед государем. Поэтому и особенного интереса к прениям нет, решения-то будут приниматься не здесь, а в кабинете императора, куда министры являются с еженедельным докладом. И председатель Комитета не является первым министром монарха, премьер-министром, он лишь открывает и закрывает собрание. Оттого граф Блудов, назначенный исполнять обязанности председателя Комитета вместо разбитого ударом князя Орлова, «не то чтобы засыпал во все продолжение доклада» Валуева по делам комитета, «но почти не просыпался»¹. Поэтому же весьма часто принимаются взаимоисключающие решения; одно по докладу подлежащего министра, другое — по мнению его более авторитетного в глазах самодержца коллеги. Но интересы министерств не могли быть отграничены абсолютно, они естественным образом пересекались, и несо-

гласованность их действий приносила значительный ущерб авторитету власти и нуждам страны. Петр Александрович не раз будет обращать на это внимание царя, но государь, соглашаясь с ним в частных случаях, каждый раз уклонялся от решительных изменений: несмотря на ясно видимые им самим несуразности, он не хотел выпускать из своих рук ни одно звено управления; он был готов на многие перемены, но только не на те, которые могли бы поколебать самодержавный принцип даже в деталях. При этом кардинальные проблемы тонули в архаичном море царских обязанностей: закону, который мог изменить жизнь страны, отдавалось не больше времени, чем списку производства в следующий чин гигантской армии офицеров и чиновников. Одному человеку дойти до всех мелочей было невозможно и двадцать лет тому назад, тем более это стало нереальным теперь, при усложнившейся государственной и общественной жизни. Тем паче, что Александр Николаевич не унаследовал от своего отца ни его работоспособности, ни его непререкаемой воли. Время от времени император созывал министров для совещания у себя, тогда собрание именовалось Советом министров. Согласие по любому обсуждаемому вопросу было крайне редким. Но «государь не имел дара председательства», и ему не удавалось управлять разноречивым хором. Это сердило его, и он неожиданно прекращал заседание «порывистым объявлением» своего решения, которое сложилось не в результате взвешенного обдумывания всего услышанного, но «как результат мгновенной досады»². Все это Валуев понял довольно скоро, и только для собственного развлечения он мог в тиши своего домашнего кабинета составлять «программу первого министра, если б он у нас был.

Финансы. Гласность бюджета, сокращение чиновничьего войска, преобразование коммерческих банков, внутренний заем в связи с крестьянским вопросом, с долгами по заложенным имениям и с отчуждением

части госимущества, *прекращение податной свободы помещичьих земель*, смелое обращение к народу с указанием целей и мер.

Администрация. Прекращение преследований и стеснений раскольников.

Юстиция. Преобразование судопроизводства. Введение ипотеки.

Общегосударственные дела. Крестьянский вопрос, пути сообщения, народное просвещение и влияние на литературу. Старание замирить польский элемент»³

Разумеется, перечисляя эти первонужнейшие для государства меры, Петр Александрович видел *себя* премьер-министром, он полагал, что зная цели, найдет и средства. Объективный судья согласился бы с этой самооценкой: Валуев безусловно подходил к роли первого министра, его программа — свидетельство ясного понимания задач, стоящих перед страной, а его административный талант и опыт, образованность и политическая ориентация — послужили бы гарантией успеха. Но ничего подобного в России не произошло, и пусть читатель простит мне сослагательное наклонение.

Однако сам перечень определенных Валуевым проблем заслуживает нашего внимания. Положим, что многие вопросы так или иначе были поставлены жизнью, однако не все желали их видеть. Готовность услышать немой крик людской — важнейшее качество государственного деятеля, но во все времена немногие им обладали. Большинство высших чиновников, развращенные властью, упоенные лестью, всегда и везде смотрят на свою должность как на источник привилегий и доходов и лишь отбывают свои обязанности. Валуев принадлежал к редким исключениям. Он знал, что и как надо делать, он был умственно и нравственно способен это делать.

Кроме констатации более или менее подразумеваемых способов лечения больного государственного организма, Петр Александрович высказывает «ряд мыслей»

смелых и неординарных: продать часть госимущества для получения выкупных средств, ввести налогообложение помещиков, открыто изложить намерения правительства, включить раскольников в общественную и хозяйственную жизнь, вывести произвол в судах, наконец, предоставить некоторые права Польше. Реализация валуевских «мыслей» позволила бы стране плавно эволюционировать в сторону свободы. Их воплощение означало бы заметную либерализацию экономической и общественной жизни России, реальное сближение социального статуса сословий, цивилизованное сосуществование наций. И в своей государственной деятельности Валуйев будет выполнять эту программу, насколько ему позволят рамки и пределы, поставленные министру самодержавного монарха.

За несколько дней до опубликования «Положения 19 февраля» государь-император выступил в Главном комитете по крестьянскому делу. Он не раз уже говорил, «что преобразования не могут совершиться без некоторого пожертвования со стороны дворянства»⁴. Он повторяет это, потому что вновь и вновь до него доходят дворянские протестации — жалобные стоны и злобные крики. Они начались давно и еще не скоро окончатся. Подножия престола никогда не достигали крестьянские слезы и проклятья, да и не к царю они бывали обращены, а к баграм и крапивному семени, а тут, на бумаге, безо всякого стеснения перед монаршей особой, рассвирепевшим хозяином крепостных душ выписаны дерзостные, страшные слова, и их приходится читать. Волей-неволей это впечатляет. Доказывая, что он не боится угроз, Александр Николаевич оглашает на заседании Главного комитета очередное подметное письмо. Безымянный злобещ, обвиняя его в грабительстве, сообщает, что «точит нож на него и все его семейство»⁵. И такое «послание» не в диковинку.

В конце 50-х—начале 60-х годов Михаил Никифорович Катков примыкал к либеральному крылу славянофильства и активно поддерживал реформаторские тенденции правительства. Эта позиция стоила дорогого, ибо литературный и публицистический дар Каткова делал «Русский вестник» и «Московские ведомости», им возглавляемые, очень популярными, они печатались громадными по тем временам тиражами, и их влияние на общество было весьма заметным. Зато провинциальные помещики, не очень искушенные в журналистских прерогативах, считали Каткова чуть ли не главным деятелем эмансипации. До начала польского восстания Валуев и Катков по многим вопросам придерживались сходных воззрений, переписывались, каждый рассчитывал на поддержку конфидента. Потом они резко разошлись, до глубочайшей ненависти. Их разделила Польша, национализм Каткова, европеизм Валуева и то обстоятельство, что никому не удалось использовать в своих целях другого — в чем они, конечно, и себе не признавались. Но в 1862 году они оказывали друг другу «ласковости», письма их полны выражения приязни и уважения, и в такую-то минуту Михаил Никифорович посылает Петру Александровичу, для курьеза, полученный им в апреле 1861 года, через полтора месяца после издания манифеста об освобождении крестьян, анонимный пасквиль. Этот поразительный документ никогда не публиковался, и я привожу его почти целиком.

«Господин редактор!

Не могу не удивляться восхвалительным публикациям об освобождении крестьян. Конечно, если вы человек, не имевший недвижимого имущества или происходите из демократии, то ваши писания поддерживаются ненавистью и завистью. Но ежели вы из ограбленного сословия, то удивляюсь вам. Неужели в вас так сильны корысть и раболепие, что выхваляете грабительство царя Сарданапа-

ла. С воцарением Гольштинской семьи, к великому несчастью для России, мы имеем ряд неспособных государей, да еще и Сарданапалов, которые привели нашу ленивую и покорную Русь до современного упадка, а, наконец, и до совершенного распада. Первенствующее государство поставлено в разряд второстепенных, а вы решаетесь выхвалять действия людей, сгубивших вашу Родину. Ежели вы немец, то вам извинительно хвалить полуско-тов ваших родичей. Горько лишиться прав и состояний. В семействах возникают ссоры, упреки и исчезает всякая солидарность. Пусть все горькое, залитое слезами и стоном, падет на подлую семью, да будет весь этот проклятый гольштинский род проклят без прощения.

Все мы помним, что государь ничего больше, как старший чиновник, и я всегда предпочту Линкольна; место избранное, предпочтительнее месту наследственному.

Беспечный деревенский быт удерживал от требования конституционных прав, что теперь не замедлит обнаружиться, потому что Россия гибнет от бездушного двора. Внутренний мир в государстве возмущен, и теперь конституция или смерть глупцу Сарданапалу. Мы не ропщем, что крестьянам дана свобода, но пользы не будет, если государство будет управляться обворовавшим Россию семейством. Наши люди не были невольники, они имели в нас защитников, а теперь попомните, постигнет Россию голод и мятёж, вот чего наделала глупая пьяная башка.

В этом преобразовании нужна была постепенность, с уплатой сейчас же капиталов. Оправдывают неимением капиталов, но это не наша вина, что часть их украдена гольштинцами, другая ими промотана, вот этот пьянчужка проиграл Морни [посол Наполеона III в России] 9 миллионов рублей, насколько бы досталось выкупу. Ведь Николай с женой ограбил Россию, пусть возьмут те ка-

питалы из иностранных банков, их ведь до 400 миллионов. Уверьтесь, что грабщей Россию гольштинской семье не сдобровать, ее проклятую постигнет кара божья, за разврат, воровство и грабеж.

Вас купили и приказали, обещая высечь за малейшую неосторожность, ваша совесть и перо продажны. Мы старались развивать понятие крепостных, отпускали их для собственных заработков, большая же часть из них кончала потерей нравственности и пьянством.

Пусть бы утрированный Сарданапал заплатил нам, и мы даже с удовольствием устранились от крепостного права, вместо присылки незаконной галиматши. В этой сборной галиматше председательствовал Костик [великий князь Константин], тип немца-сапожника. Эта сволочь адмирал без флота воображает, что он умен. А за Севастополь его надо повесить. А теперь над чем он адмирал — над 9-ю кораблями! О позор России, воры, воры, гольштинцы! Скоро, даст Бог, революция, и тогда сапожнику-адмиралу петля»⁶.

Любопытнейший документ эпохи, не правда ли? Гнев так переполняет автора, так клубится в нем ненависть, так брызжет злоба, что, не успев закончить одно обвинение, он перебивает его другим, перемежая каждое анафемой царской семье или «господину редактору». Но если пренебречь ругательствами и обратиться к сути, то мы ощутим, что перед нами — суммарная инвектива значительной части дворянского сословия верховной власти. Это собрание искаженной правды и вздорных слухов, которые бродили по усадьбам и поместьям, эта пронизанная барским хамством и рабовладельческой спесью каждая фраза — это и есть уровень понимания, уровень восприятия Вызова времени дворянской *массой*. (Что же до переключки эпох, то нынешний российский обыватель, уверенный, что Ельцин и его семья украли и перевели в заграничные банки несметные деньги, с удивлением об-

наружит уморительное согласие со своими ментальными предками).

Письмо написано крупными, почти печатными буквами, явно искаженным почерком. Сочинитель все-таки опасался, что если его обнаружат, оскорбления величества ему не простят. Почтовый штемпель Смоленска на конверте мог бы его выдать без труда, но ни Катков, ни Валуев не дали хода делу: смеясь над взрывом пещерных чувств, они все же признавали некую основательность помещичьих претензий, к тому же им и в голову не приходило заниматься жандармскими обязанностями.

Подобных филиппик, посылаемых лицам, причастным к власти, или изливаемых приятелям, ходило множество; помещики жаждали высказаться, выплеснуть накопившее, инстинктивно или отчетливо понимая, что теперь, сегодня можно высказать свое личное отношение к событиям, и на это будет посмотрено снисходительно. Когда Валуев станет министром внутренних дел, граф Александр Владимирович Адлерберг, личный друг государя, передаст министру — по принадлежности — два больших письма, адресованных графу очередным анонимом, с подробным протестным анализом «текущего момента» и многоразличными предложениями⁷.

Автор этих посланий, в отличие от смоленского невежи, — человек образованный, осведомленный, в известной степени либеральный, любит беседовать с простолюдинами и умеет вызвать их на откровенность. В письмах много историй о добрых и злых начальниках, рассказанных барину в минуту откровенности. По некоторым признакам можно предположить, что аноним — уездный предводитель дворянства. Его противоречивые взгляды и суждения типичны для слоя просвещенных помещиков. Иногда поражает точность наблюдения, оригинальность предложений, иногда узорность представлений кажется почерпнутой из страшных сказок. Письма написаны на тонких тетрадных листках без единой пометки, без еди-

ной ошибки мелким, ясным почерком привычного к писанию человека. Время — рубеж 61—62 годов. Адресат выбран очень умно: граф Александр Владимирович формально не принадлежал к правительственным сферам, но входил в «ближний круг», следовательно, критику бюрократии воспримет спокойно и, может статься, передаст письма государю.

Основной пафос: нами правит не столько добрый и умный царь (но не очень решительный), сколько камарилья своекорыстных министров вкупе с бесчисленной армией чиновников на местах, не желающих поделиться властью с обществом. Разрешить эту коллизию может только широкое самоуправление и народное представительство. Все примеры из жизненной практики, подобранные автором, все его рассуждения и заключения, аргументы и факты, все исходит из этой парадигмы или должно подтверждать ее. Конечно же, он старательно подчеркивает свой монархизм (пишет-то на самый «верх»), уверяя, что ни у кого и в мыслях нет намерения покушаться на основы российской государственности. Ему хочется убедить императора, что «разумная свобода, полное движение личности каждого, без различия званий, равенство перед судом, возможное только при гласности, вот что привязывает к царю и наносит смерть министрам, почему они и вопят против, по их мнению, вредных для монархизма идей. Царя пугают революцией, конституцией, а кто крепче на престоле — Виктория с конституцией или самодержавный государь». Тут же спохватывается: «Для конституции мы еще не готовы, и не один благоразумный русский не желает ее теперь». Речь следует вести только о твердых законах. «Ограничив свою власть законом, царь будет вдесятеро сильнее... Мы желаем царя сильного, поступающего по закону... Вразуми, Господи, нашего доброго царя следовать влечению своего сердца, а не наущению гордых честолюбцев, пугающих его из корыстных видов. Им дорого не счастье России, а

дорога им власть, которой они лишатся, если царь снимет оковы, в которых мы стенаем, проклиная временщиков и сожалея о царе, пляшущем под дудку олигархов».

Столь смелые слова нашего автора умеряются, когда от политики он переходит к экономике, к вещам, близко затрагивающим его материальное положение бывшего душевладельца. Назидательно наблюдать, как меняется отношение обыкновенного человека к реформированию социальных устоев, когда колесо преобразования начинает прокатываться по нему, и от теоретического дискурса ему приходится спускаться к прозаическому бытию. «Человеческое, слишком человеческое» берет свое. «Нет спора, многое требует у нас улучшений, но истреблять все старое вряд ли поведет к лучшему, многое, что выработано жизнью, вошло в плоть и кровь народа и не может быть насилувано безотказно. Мы бы желали получить сей час результат, но это не в природе вещей — исправляйте, дополняйте, но ломайте осторожно. Оставьте опыту, времени довершить хорошие начинания. *Наши юные преобразователи, как все теоретики, слишком самонадеянны...* Мало ли что хорошего может придумать умный человек, да... иное умно, да не приложимо к жизни, к вкоренившемуся обычаю». (Не слышит ли параллельно мой читатель недавних криков о самоуверенных «завлабах», пересаженных из институтов в правительственные кабинеты и не ведающих, что творят?)

Странное, однако, это дело, отношение обывателя к государственным людям, которые взялись за проведение реформ. Я уже говорил об этом ранее в связи с отношением губернских комитетов к Редакционным комиссиям. Отчего помещики так были неколебимо уверены, что отдай царь реформирование в их руки, все непременно будет сделано самым замечательным образом, откроется некая таинственная, им только ведомая панацея, способная удовлетворить всех разом — дворян, крестьян и городских обывателей и притом так, что волки будут сыты

и овцы целы? Отчего не брали они в толк, что в гигантской империи, привыкшей к ожиданию манны только из царских рук, в стране, где образованное сословие, давно лишенное инициативы, разучилось творить что-либо разумное, а крестьяне во всем видят только барские козни, в таком государстве «только правительство — европеец». Отчего революционеры всех мастей в сокрушительном нетерпении набрасывались на монархию, жаждая разорвать ее в клочки? Отчего интеллигенция презрительно брюзжит во все времена российской жизни? Ответов столь же много, сколь и вопросов. Но объяснения на ментальном уровне можно свести к одному: вечное, неизбывное беззаконие и произвол порождают неприязнь и, главное, инстинктивное недоверие к власти имущим, а постоянная борьба за выживание в ненормальных, невыносимых условиях — и ко всем окружающим вообще; поэтому люди не доверяют никому, не верят, что кто-нибудь может работать хорошо и честно, опасаются, не уважают и ненавидят друг друга.

Вот правительство, претворяя в практику обещанную гласность, начинает публиковать роспись государственного бюджета. Наш аноним сообщает: «Я услышал почти единогласный отзыв: а вы и поверили? Нагородят вымышленных цифр, тем и кончится». Ничего не публиковали — «многие уверяли меня, что двор стоит государству 40 миллионов», теперь выяснилось, что 15 — не верят все равно.

Письма «неустановленного лица» содержат, среди прочего, довольно дельные практические идеи, автор действительно весьма толковый и умный человек. (Пусть не посетует читатель на длинноты изложения: эти письма важны для демонстрации настроений другой группы дворян, не столь ожесточенных, нежели стародуры, представленные смоленским медведем.) Обращаясь к тяжелому положению малоимущих дворян, он предлагает организовать их переселение на свободные земли — в

Заволжье, Зауралье, Сибирь и Алтай. Денег потребуется не так много, по 50—100 тысяч в год — казна не обеднеет, а за 10 лет можно дать «пользу тысячам людей. Сколько тунеядцев, сколько бездомных чиновников обратятся в полезных для себя и государства... Подарите им десяток тысяч десятин, да продайте хоть по рублю до полумиллиона, где земля вовсе не покупается». Он подыскивает новые аргументы, умножает свои советы. «Чиновникам вместо пенсий — землю. Облегчится пенсионный капитал, вместо чиновников будут фермеры, и тысячи их будут полезными для государства. Надо дать 100 десятин на семью, а семей 10 тысяч. Земель еще много. Не жадничайте, развитие земель даст косвенный доход от развития промыслов и торговли. Дайте людям выбрать землю. Свобода — великое дело и единственное средство к успеху, чем более регламентаций, тем более всякое дело парализуется».

В поисках средств министерство финансов пошло на крайне непопулярную меру, на повышение соляного налога. Противников этого было много и в правительственных кругах, но вот реакция общественного мнения: «Как это царь дозволил сделать надбавку на соль, ведь она падает на самый бедный класс! Вам в золотых палатах 5—10 копеек кажутся пустяки, а загляните в лачугу бедняка... Лучше бы взяли вместо 4-х копеек акциза на спирт 5 копеек, чем эта надбавка на соль, там все же пьяница достанет. Но если обложить экипажи, лошадей, собак, то бары зашумят, а протест сиятельств и превосходительств для царя несноснее, он жужжит рядом!.. Когда нужно сократить штат из мелких чиновников, на это мы готовы, а когда звездоносных господ, так подымется такой гам и вопль!»

Неоднократно, в разных местах писем, автор предлагает собрать выборных людей «от всей земли русской». Чувствуется, что это взлелеянная дума, он обсуждает ее со всех точек зрения, варьирует предложения. Успокаивает, призывает не бояться либералов, «большинство непре-

менно будет консервативное», однако утаенная мысль вырывается наружу: «Дайте нам русский Habeas corpus, гласное судопроизводство, местное самоуправление, выборных сенаторов, равноправие перед законом, обязательную воинскую повинность, как в Пруссии». Но вполне искренно звучит: «Мы хотим порядка представительного, а не парламентского».

В посланиях Безобразова царю и неведомого корреспондента Адлербергу есть одна сквозная идея, бродячий сюжет дворянских публицистов. Сотни лет, получая землю и крепостных работников, дворянство восторженно суеилось вокруг престола, благословляя длань секущую, но и дарящую. Теперь же, вне себя от «грабительства», или «брёда деспотизма», как называлась крестьянская реформа в еще одном письме, полученном князем Гагариным, оно вдруг согласилось с мыслью, которая прежде представлялась кошунственной крамолой: с несовместимостью самодержавия с «правилами общежития». Оно оглянулось и увидело давно найденный человечеством выход — «представительный порядок». Разумеется, как и английские бароны XIII века, русское благородное сословие полагало, что оно и только оно будет представлять «от всей земли русской». Несмотря на старательно придаваемый этой картине популизм, дворянские чаяния — использовать трибуну для компенсации утрат — легко прочитывались, и помещичья позиция была весьма уязвима прежде всего в силу своего эгоизма. Именно из этой почвы поднялась одна из ветвей нигилизма, о которой писал Самарин жене Николая Милютина, Марии Аггеевне: «Эта нелепая среда, лишенная корней и хватающаяся за вершину, дерзко становится на дыбы против собственной единственной опоры... Ее крикливый голос пугает власть и раздражает толпу»^{8,9}. Пожалуй, правильное было бы сказать, что и власть не пугается, а раздражается и оттого только укрепляется в своем плане преобра-

зований, ибо, в отличие от безответственных критиков, понимает их неизбежность.

Однако несмотря на осознанную необходимость перемен, несмотря на гнев, который у верховной власти вызывает дворянство, это раздражение распространяется — логически непостижимым образом, но психологически понятным — и на делателей реформ: я вынужден прибегать к вам, красным, но вы ссорите меня с моим дворянством, с первым сословием.

Отсюда и неблагодарность царская, иначе необъяснимая, не в правилах воспитанного человека, каким, безусловно, был Александр Николаевич. Чем кончилась эпопея для создателей «Положения 19 февраля»? Редакционные комиссии были закрыты еще осенью, после передачи проекта в Главный комитет. Члены и эксперты Редакционных комиссий, первоклассные специалисты и организаторы сразу оказались не у дел. Обсуждение их проекта в Главном комитете происходило безо всякого их участия. Они не знали, что делать: разъезжаться ли по домам, ждать ли повелений. Великая княгиня Елена Павловна, большая приятельница князя Черкасского, передала государю недоумение князя и его товарищей. Очень нескоро последовал весьма сухой прием царя, они услышали довольно странную «похвалу», сказанную больше для укрепления самого себя в неправой позиции: «всякий человеческий труд имеет несовершенство, и придется делать изменения». Еще некоторое время спустя они получили специальную медаль с надписью «Благодарю» и профилем императора¹⁰. После двухлетнего напряженного и вдохновенного труда они вдруг стали ненужными, их никуда не звали, чиновный Петербург надобности в них не ощущал¹¹. Более того, их главные руководители поплатились должностями. Сразу же вслед за опубликованием манифеста и «Положения» Ланской и Милютин были уволены в отставку. Царь бросил и эту жертву в пасть дво-

рянской оппозиции — нате, ешьте, может уймется. И этот поступок дался Александру Николаевичу трудно — жадность и наглость помещичьи были и ему противны. Он чувствовал себя неловко, не решился принять уволенных, ничего не объяснил, только послал им ордена Владимира 3-й степени в отступное и графский титул Ланскому¹².

Искать преемника Ланскому не приходилось; более подходящей кандидатуры не жели Валуев — не существовало. Способности его не вызывают сомнений, в либеральных правительственных сферах и в прогрессивном обществе он давно известен с лучшей стороны, а в кругах дворянской оппозиции подобная замена министра внутренних дел вызовет вздох облегчения: ненавистного либерала заменит человек, известный близостью к Муравьеву, автор контрпроекта крестьянского «Положения». Всех привлекает молодость — будущему министру чуть за 45. Однако настойчивое протектирование Муравьевым своего, как ему мнилось, клеветы и настораживало государя; Александр Николаевич решил не торопиться с окончательным утверждением Валуева в должности министра, подождать и посмотреть. 23 апреля 1861 года он назначает его *управляющим* министерством внутренних дел, но, показывая, что полная инаугурация не за горами, *утверждает* президентом общества попечительства о тюрьмах и председателем комитета призрения нищих.

Должностной годовой оклад 12000 рублей позволял перевести дыхание. Валуев переезжает в «ведомственную» квартиру, в дом министра внутренних дел, это дает дополнительную экономию. Теперь наконец появилась возможность вернуть двадцатилетней давности долг казне — 8000 рублей; он немедленно вносит эту сумму в Государственный банк.

Петр Александрович возглавил МВД в самое хлопотное для этого ведомства время. Организация всего дела

социального преобразования ныне лежала на нем. По Петербургу ходила фраза, будто бы сказанная Валугевым: «Я буду твердо и неукоснительно исполнять закон, [т. е. Положение 19 февраля], но действовать в духе примирения». Была сказана эта фраза или нет — неважно, она висела в воздухе, она действительно определяла отношение к делу Петра Александровича; только толковали эту фразу сторонники и противники эмансипации по-разному: первые восприняли ее как намерение Валугева потакать помещичьим воплям, вторые — «с чувством глубокого удовлетворения». И те, и другие ошибались.

Петр Александрович занял срединную позицию и занял ее не потому, что не хотел ни с кем ссориться, или потому, что перед кем-то соглашался заискивать. Нет, ему равно претили обе крайние точки зрения, он справедливо опасался, что проведение любой из них приведет к взрыву страстей или, по крайней мере, к серьезным осложнениям. Еще раз сошлюсь на цели и средства, о которых он писал в 56—58-х годах, которые предлагал теоретическому премьер-министру в 60-м — в них нет ни ретроградства, ни экстремизма, это программа *радикальной эволюции*, как ни покажется это словосочетание оксюмороном. Однако наэлектризованное общество не было способно дать Валугеву сотрудников такого же умеренного стиля. Редко-редко находились исполнители, разделявшие его образ мыслей, но ему никогда не удавалось сплотить вокруг себя талантливую и работоспособную команду единомышленников. Сам он часто с горечью задумывался над этим воистину трагическим обстоятельством. Причин, собственно, было две. Первая, главная, явилась следствием политического кредо: держаться нейтралы в поляризованном поле необычайно трудно, разряды положительного или отрицательного электричества непрерывно обрушиваются на медиатора. Другая была обусловлена чертами характера нашего героя: они никак не способствовали «привлечению сердец». Обстоятельства жизни и, по-видимому,

природная склонность постепенно сделали Петра Александровича мизантропом. Но презирающему людей — друзей не найти.

Вот характерный пример. Одна мысль «тайного корреспондента» Адлерберга была особенно отмечена Валувым. «Надо все придать гласности. Отчего «Колокол» читают и ему верят? Потому что никто не возражает». Петр Александрович не раз повторял, что необходимость разъяснения и популяризации видов и целей правительства — важнейшее дело, в анонимном письме он нашел лишнее подтверждение этому. Летом 61-го года он начинает хлопоты по организации своей газеты, предлагает Александру Васильевичу Никитенко возглавить редакцию. Существующих «Санкт-петербургского вестника» и бельгийской «Nord» явно недостаточно, одна — сугубо официальна, другая — малодоступна. «Северная почта», так будет называться новая газета, должна, по преимуществу, отражать взгляды МВД как проводника правительственных мероприятий, в ней найдут место пространные статьи по всем предметам внутренней политики.

Александр Васильевич Никитенко, профессор трех важнейших учебных заведений, с середины 50-х годов — академик по отделению российской словесности, долговременный цензор (при Незабвенном посаженный на гауптвахту по наущению митрополита Филарета за пропуск стихов Гюго¹³), занимал видное место в литературных кругах. Валув и Никитенко были знакомы уже несколько лет. Еще в феврале 1858 года митавский губернатор, в очередной раз находясь в Петербурге, пришел с визитом к Александру Васильевичу, чтобы, как он сказал, увидеться с человеком, чье мнение совершенно разделяет. (Речь шла о полемике Никитенко с Далем, который вдруг, неожиданно, выступил против обучения крестьянских детей грамоте.) Повод был нескрываемо случайный, Валув явно искал знакомства с ученым, известным своими либеральными воззрениями и стараниями примирить литера-

туру и правительство, и вообще занимал ту же срединную позицию, которую Петр Александрович и для себя считал единственно верной. Разнообразные служебные обязанности предопределяли разносторонние связи и контакты Никитенко в образованных слоях общества, и теперь, в 1861 году, в момент активного фрондирования профессуры и волнений студентов, авторитет и влияние в этих кругах Александра Васильевича были для Валуева крайне важны, он это превосходно понимал, отчего и привлек Никитенко к изданию своей газеты. Казалось бы, близость политических взглядов, одинаково широкая образованность, взаимное желание делового сотрудничества должны были свести их надолго. Приглашая Никитенко руководить правительственным органом печати, Петр Александрович различал, конечно, что перед ним не «родственник»^{*} III отделения, некий Павлов, которому он в эти же примерно дни передавал через посредников деньги «для содействия видам правительства» в газете «Наше время»¹⁴, а человек творческого, самостоятельного мышления, которому опека и помощи не только что не нужны, но противопоказаны и вызовут его активный протест. Более того, Никитенко принял предложение министра только после того, как тот прочел его «записку, заключающую в себе ряд условий, на которых [им] может быть предпринято издание газеты... и на все согласился»¹⁵.

Оба были поначалу очень довольны друг другом. Валуев радовался, что руководить его газетой будет уважаемый в публике человек, ибо, как он сам писал царю в секретной записке «О влиянии на газеты», «к сожалению, большинство наших литературных известностей находят в отрицании правительственных начал свои личные интересы и потому рассчитывать на их содействие невозможно»¹⁶. Никитенко тоже воодушевился, надеясь, что он

^{*}Средневековая католическая инквизиция называла «родственниками» своих осведомителей.

сможет «наконец осуществить мысль о проведении в обществе примирительных начал»¹⁷.

«Любовь» окончилась на четвертом номере газеты. Не мог взять в толк Петр Александрович, что и без его непосредственного руководства и вмешательства что-то будет делаться как должно. Уже и Никитенко «чрезвычайно плох» и даже «тупее полена». Не мог заставить себя Валуев не вмешиваться в текущие мелочи, а обостренное чувство собственного достоинства Никитенко (вспомним его социальное происхождение) отвергало малейшее покушение на самостоятельность. Происходили объяснения, в весьма дружеском тоне, оба расходились вполне примиренные, но через неделю все начиналось снова. За полгода терпение Александра Васильевича исчерпалось, и он оставил валуевскую газету. Ценнейший сотрудник был безвозвратно утерян.

Объявленная в марте «воля» поначалу совершенно не устроила крестьян. Как всегда, компромисс — а «Положение 19 февраля» и было таковым — ни одной из сторон не казался удовлетворительным. Современники отмечали, что после чтения в церквях царского манифеста об освобождении вместо ожидаемых криков «ура» слышались приглушенные возгласы: «Как, еще два года?!» (Два года «Положение» отводило на подготовку раскрепощения: размежевание земель, перевод барщинных имений в оброчные, составление уставных грамот, организацию сельских учреждений и т. д.) Когда началось подробное разъяснение закона, крестьяне поняли, что реальными собственниками они станут лишь в дальней дали, через 49 лет, что для ныне живущих настоящая свобода практически не наступит. По всем селам с необыкновенной скоростью распространилась весть, что настоящую, «царскую» волю помещики скрыли; слух вызвал ответную волну — от отказа подписывать уставные грамоты до восстаний и бунтов. Только к осени крестьяне поняли, что другой сво-

боды ожидать не приходится и начали входить с помещиками в соглашение.

«Положением 19 февраля» российские губернии были разделены на 1714 мировых участков, в которых проживало 10 328 232 души мужского пола помещичьих крестьян¹⁸. Отношения между помещиком и крестьянским миром отныне должны были определяться договором, уставной грамотой. Она устанавливала размеры надела и повинностей в пределах, указанных для каждой губернии. Способствовать составлению уставных грамот, примирять интересы сторон, разрешать возможные споры был призван институт мировых посредников, специально созданный в этих видах «Положением 19 февраля». На мировых посредников возлагалась важнейшая миссия: непосредственное проведение реформы, и там, где на эти должности попадали демократически настроенные, честные люди, реальное освобождение крестьян решительно двигалось вперед.

О том, чтобы максимально возможное число мировых посредников были именно такими, позаботился Николай Милютин. Это была его последняя акция в пользу крестьянской реформы, которую он успел совершить, имея власть товарища министра внутренних дел. Введенные им в «Положение» статус, порядок деятельности и прерогативы мировых посредников предоставляли право назначения посредников губернаторам, а не дворянским собраниям, как того хотело большинство Государственного совета. Император утвердил мнение меньшинства, четверти состава Совета. Делая вид, что потворствуют поползновениям помещичьего сословия, Редакционные комиссии предложили высокий имущественный ценз для претендентов на должность посредника. Кандидат должен был быть местным потомственным дворянином и иметь не менее 500 десятин земли (для лиц с высшим образованием ценз уменьшался вдвое). Милютин справедливо полагал, что относительно богатые помещики будут

более благосклонны к крестьянам. Предвидя злобствование большинства сословия против своего сочлена, поставленного над ними, Милютин позаботился придать посредникам независимость и практическую несменяемость: их можно было уволить от должности лишь по решению суда. И, наконец, секретным циркуляром Ланской направил в губернии списки людей, которых министерство желало бы видеть мировыми посредниками. Имея губернаторов в прямом подчинении, МВД рассчитывало, что его рекомендации будут ими восприняты. Большинство этих пожеланий были действительно выполнены, так что корпус мировых посредников в значительной степени составил из весьма либерально настроенных деятелей, обладавших волей, знаниями и возможностями для выполнения своих задач.

Многие посчитали своим нравственным долгом послужить на поприще крестьянского переустройства. Мировыми посредниками стали Лев Толстой и его брат Сергей, крупнейший либеральный деятель 50–60-х годов Константин Кавелин, хирург и просветитель Николай Пирогов, славянофилы братья Самарины и князь Черкасский, сыновья известнейших в России людей — Карамзина, Дениса Давыдова, родственники Салтыкова-Щедрина, художника Ге, ученых Сеченова и Тимирязева¹⁹.

Валуев вступил в управление министерством в разгар крестьянских возмущений — за первую половину года их произошло 647, больше чем за тридцать лет николаевского царствования. В отличие от иных министров внутренних дел, Петр Александрович был категорическим противником подавления волнений вооруженной силой. Он выбрал наилучшую меру: немедленное включение в действие института мировых посредников, сокращение повинностей внеочередным порядком. В губернии был направлен циркуляр «о допущении избранных посредников к исправлению должности, не дожидаясь утверждения их

сенатом». Одновременно предписывалось, не затягивая дела до введения уставных грамот, уменьшить чрезмерные барщину или оброк.

В течение тех двух-трех лет, что шла подготовка реформы, и землевладельцы, и крестьяне имели весьма смутное представление о том, что же там, наверху, для них приготовили. Помещики боялись худшего, крепостные рассчитывали на лучшее. Помещики мечтали наделение землею крестьян произвести по «добровольным соглашениям», т. е. по продиктованным ими нормам, и оставить, в основном, барщину, это позволило бы им отдать меньше земель и сохранить рабочую силу; таким образом они надеялись избежать резкого перехода к вольнонаемному труду, к иным формам хозяйствования, к которым они не были готовы ни психологически, ни финансово. Слухи, что будущее «Положение» несколько не соответствует этим чаяниям, и вызывали их бешенство. Крестьянское же массовое мышление вообще отказывалось считать землю помещичьей. Земля — Божья, в крайнем случае царская или государственная, им от века данная для пропитания, и вносить за нее плату трудом или деньгами они вовсе не обязаны. Когда же оба сословия более или менее разобрались в опубликованном «Положении», их настроения во многом переменились. Закон оставил на два года барщину там, где она существовала, как казалось, в интересах землевладельцев, однако крестьяне, быстро смекнув, что помещик уже не решается их наказать, хотя формально и мог, исполняли издельную повинность вполсилы. Подобная, почти повсеместно распространенная ситуация заставила помещиков желать перевода крестьян на оброк для получения хоть каких-то средств; к тому же одна из статей «Положения» запрещала сдавать в аренду барщинные имения, другая разрешала выкуп крестьянами наделов только в оброчных имениях; все это толкало владельца к скорейшему отказу от «панщины». Но те-

перь уже многие крестьяне, разочарованные в «воле», не хотели переходить на оброк, работа, исправляемая спущенными рукавами, оставляла им больше времени для собственного хозяйства. Что касается «добровольных соглашений», то, как писал в письме к Николаю Милютину князь Черкасский, назначенный мировым посредником Веневского уезда Тульской губернии, их «нет никакой возможности достигнуть, какие бы условия ни предлагались, так преувеличены надежды крестьян; желал бы я, чтобы защитники исключительно добровольных соглашений [Панин, Муравьев и К°] посмотрели бы ближе на положение дел в России»²⁰.

Взаимное недоверие оставалось главным камнем преткновения. Оттого так медленно и шло составление уставных грамот. К сентябрю 61-го года из 100 тысяч необходимых было составлено... 108²¹. Иные деятели были обескуражены подобной ситуацией, но близко стоявшие к крестьянскому делу, пусть и с разных сторон: одни — в народной толще, другие — в гуще информации, как Черкасский и Валуев, оценивали положение значительно спокойнее и прозорливее. Черкасский понимает, что двухсотлетнюю вражду никуда не выкинешь, но «все постепенно уяснится, нужно время, большое терпение и политический такт, которого часто у нашей братии не хватает», — пишет он Милютину. В другом письме, А.И. Кошелеву, князь Владимир Александрович сообщает: «Крестьяне пойдут на сделку, когда не увидят у нас судорожного желания этого... они сами пойдут и на соглашение, и на оброк без всяких насильственных мер». Проявим терпение, призывает князь, мы, дворяне, столько лет уклонялись от какого-либо облегчения участи крепостных, а «теперь сетуем на то, что крестьяне обнаруживают упорство в течение 6 месяцев... Умы крестьян, по моему твердому убеждению, прояснились, общее настроение их значительно улучшилось с весны»²².

Я более или менее подробно описываю обстоятельства первого периода реформы, привожу мнения князя Черкасского, дабы убедить читателя, что оптимизм, демонстрируемый Валуевым в обширной записке царю «О положении крестьянского дела к сентябрю 1861 года», не является ни казенным, ни льстивым, ни желанием сообщать «начальству» только приятные для слуха вещи.

Петр Александрович пишет: «Дело идет вперед, хотя и не везде с равным и однообразным успехом, но везде... с постепенным приближением к цели». И этот вывод он доказывает, разбирая общий ход дела, а причины взаимной настороженности сословий описывает почти теми же словами, что и князь Черкасский. «Чем менее одна сторона изъявляла готовности к заключению договора, тем более другая настаивала на его заключении, действуя в этом деле с самым нерасчетливым нетерпением. Между тем обоюдное настроение умов большей частью весьма естественно объясняло медленность обоюдных соглашений... Если добровольные соглашения с крестьянами ныне до крайности затруднительны, то из сего нельзя заключать, что они вообще невозможны».

Чтение записки Валуева показывает, сколь предвзяты были уверения его недоброжелателей, будто новый министр благоволит помещикам и станет всячески выхолощивать реформу. Упреки, разбросанные по разделам записки, относятся к обеим сторонам, участвующим в реформировании поземельных отношений, но большей частью обращены к помещикам. «К выжиданию должны некоторым образом склонять их [крестьян] даже самые жалобы помещиков на предстоящее им разорение. Эти жалобы гласно и повсеместно разносились почти два года сряду. Для оправдания их крестьяне действительно могут предполагать в некоторых случаях нечто более для себя выгодное, чем-то, что они находят в новых Положениях... Их [помещиков] расчеты при обсуждении последствий нового порядка вещей часто преисполнены невер-

ностями. Они сравнивают прежние свои доходы с указным оброком [в оброчных имениях] и забывают, что часть земель, оставшихся в их непосредственном распоряжении и должна быть особою статьею дохода... В других случаях сравнивают все доходы, возможные при действии новых Положений, с прежде действительно получавшимися доходами, но при сем оставляют без внимания, что сии последние были большей частью извлекаемы путем незаконного требования барщины свыше трех дней в неделю или произвольного назначения оброков, несоразмерных с ценностью отведенных крестьянам земель. Все жалобы на ограничение прав в отношении к дворовым людям и к крестьянам, находившимся в личной службе при помещиках, еще менее имеют основание, ибо этими правами, истекавшими не из понятия о праве собственности на землю, к которой прикреплены были крестьяне и дворовые, *едва ли можно было пользоваться не краснея*. Эти слова в записке подчеркнуты государем, на полях помечено: «Справедливо». Решительность и четкость формулировки понравилась императору, и он несколько раз повторял эти слова в разговорах с окружением. Дошедшие до Муравьева, они привели его в ярость и прежнее расположение к Валуеву вмиг превратилось в нескрываемую вражду.

«Конечно, внезапное лишение этих прав может быть весьма тягостным для многих недостаточных помещиков, но эта тягость одно из тех неудобств, которые надлежит переносить, но на которые нельзя жаловаться, — продолжает Валуев. — Вообще, помещики недостаточно вспоминают, что переворот, подобный ныне совершающемуся в России, не может обойтись без затруднений и утрат... Многие помещики не обращают достаточного внимания на особенности их [крестьян] взгляда на дело и на необходимость некоторых уступок».

Повсеместно возникали препирательства крестьян с бесчестными барями, не желавшими отдавать крестья-

нам их собственность, в дореформенные времена вынужденно записанную на помещика. У законодателей 1861 года не хватило духу объявить такую собственность принадлежащей крестьянам вне зависимости от срока давности записи. Если крестьянин в течение 10 лет не предъявлял претензий, закон признавал помещика полноправным собственником крестьянского имущества. Это была непростительная несправедливость, ибо до последнего времени мало кто из крестьян решался ссориться с баринном. Однако губернские присутствия по крестьянским делам, которым поручили судебные, по существу, прерогативы — решение юридических споров, чаще всего становились на формальную позицию в пользу своих собратьев по классу: вышел срок — и выйди вон. Два члена присутствия, назначенные от МВД, в таких случаях «настаивали на правомерности крестьянских исков», но местные дворяне, пользуясь «численным преимуществом» и поддержкой закона, добивались своего. МВД предложило поменять закон, до того же предоставить ему право арбитра в подобных делах. «Опасения неправых притязаний, — пишет Валуев, — никогда не оправдывались. Крестьяне никогда не покушались [на имущество], не имея оснований»²³. Закон был изменен, подтверждаемая свидетелями принадлежность имущества принималась к сведению вне зависимости от срока давности²⁴.

Возглавляемое Валуевым министерство ведет непрерывную аналитическую работу, выясняет, какие действительные затруднения возникают при использовании на практике тех или иных положений закона. «При совершении великих реформ первое слово может быть решительным словом законодателя, но не может быть его последним словом». Суммируя данные, министерство вырабатывает предложения по уточнению или разъяснению отдельных статей, вносит их в «Главный комитет для устройства сельского состояния», после утверждения рассы-

лает циркулярным порядком на места. Таким образом было уточнено 35 правил.

Эта работа может показаться незначительной, повседневной обязанностью аппарата, ничего особенно не значащей, но именно подобная деятельность позволяет высшему руководству постоянно знать, что происходит на местах, позволяет гибко реагировать на все мало-мальски важные процессы, идущие в стране, исправлять ошибки, быстро и безболезненно снимать преграды на пути реформ. Петр Александрович никакое дело не признавал мелочью.

Было бы неестественным вовсе не обращать внимания на положение помещиков, особенно мелкопоместных. В письме Черкасского Милютину, которое я уже цитировал, князь Владимир Александрович прозорливо предсказывал, что ввиду плохо исполняемой барщинной повинности обнаружится недостаток землевладельческих доходов и «правительство должно ожидать, что к нему поднимется вопль об отсрочках, льготах по платежам; по моему зрелому убеждению справедливо что-нибудь сделать». Так считает и Валуев, и коли мнения «добротного либерала» и «злокозненного бюрократа» совпадают, не приходится считать предложение Петра Александровича — предоставить «некоторые льготы по [прежним] банковским ссудам, по крайней мере в пользу владельцев небольших имений», — потворством туеядцам-помещикам.

С какой бы стороны ни смотреть на сельский быт — движения экономики, народного благосостояния, спокойствия государства — владельцы средних и мелких поместий нуждались в финансовой поддержке. В крепостную эпоху состояние помещика определяло положение его крестьян, от величины поместья в значительной степени зависел и крестьянский надел, и помощь помещика в неурожайные годы; но и в пореформенное время крестьяне несли на себе печать материального состояния бывшего владельца, ибо слабое в прошлом и настоящем хозяйство не давало применения избыточным рукам.

Беден барин — нищи его крестьяне. А тех и других в России было немало. По данным современного историка Б.Н. Миронова мелкопоместные и среднепоместные помещики к концу 50-х годов составляли около 80% общего числа землевладельцев (почти поровну в каждой группе). К мелкопоместным относились владельцы до 20 душ или от 1 до 100 десятин земли, к среднепоместным — владельцы от 21 до 100 душ или от 100 до 500 десятин земли. Низшей страте принадлежало чуть более 3% всех крепостных, средней — около 16%. 80% сословия — слишком большая цифра, чтобы с ней не считаться, к тому же 19% крепостных душ мужского пола при средней семье в 5 человек означали приблизительно 6 миллионов человек обездоленного деревенского населения в добавление к полумиллиону бедных сельских дворян²⁵.

Между тем возможность получения помещиком малопроцентной ссуды, которая именно в этот момент передела поземельных отношений была нужна как никогда, как раз сейчас совершенно исчезла. В течение почти столетия землевладельцы обращались к одному источнику: государственным кредитным установлениям (банкам), которые выдавали кредиты под залог земли. Частных банков не существовало, заимодавцы, вследствие шаткого судопроизводства и опасения невозвратных долгов (что часто и бывало), соглашались ссужать деньги лишь под немислимый процент. «Интерес» же и по ссудам, и по вкладам в государственных учреждениях был невелик, а разница — прибыль банка — составляла всего 1%. До конца 50-х годов сумма вкладов значительно превышала объем ссуд — тем, кто имел деньги, вкладывать их, кроме государственного банка, было некуда, акционерных компаний и вообще сколько-нибудь крупных частных предприятий, где мог бы разместиться значительный капитал, в николаевской России практически не допускалось. С воцарением нового императора дело существенно

переменилось. В 1856 году образовалось Главное общество российских железных дорог, затем общество пароходства и торговли; банки, акционерные компании и товарищества возникали повсеместно. Частные банки предлагали вкладчикам значительно больший «интерес», нежели государственные банки. Все вместе повело к оттоку вкладов из государственных ссудных учреждений, а так как вклады были единственным источником ссуд, правительство было вынуждено прекратить их выдачу, а вскоре и полностью закрыть государственные кредитные установления²⁶. Это было своего рода символическое событие: косные учреждения феодального типа не выдержали конкуренции с возникающими капиталистическими структурами.

Однако это был тяжкий удар для помещиков, привыкших жить на ссуды или на выданные опекой деньги. Между тем погашать ранее выданные кредиты помещики были должны по-прежнему.

Поэтому, еще в мае, едва приняв МВД, Валуев просил министра финансов предоставить владельцам небольших имений льготы и отсрочки по платежам. Министерство финансов, по своим соображениям, отклонило это представление, но аргументация Петра Александровича взяла верх, и повелением государя на поддержку слабых помещичьих хозяйств было ассигновано 5 миллионов рублей.

И еще одно дело в пользу помещиков, но объективно необходимое, совершает министр внутренних дел.

«Положение 19 февраля» разрешало выкуп земли лишь в оброчных имениях не только из благоволения помещикам, но исходя также из простого предположения, что у барщинных крестьян нет денег. Как упоминалось, этот порядок оказался неудачным и к осени 61-го года поток помещичьих слез затопил канцелярии МВД. Записка о настоятельности выкупа издельных имений без перехода на оброк, с изложением способа операции

была изготовлена в министерстве и направилась в Главный комитет по крестьянскому делу, оттуда — в финансовый комитет. «Нет денег», — был ответ. Действительно, для выкупной операции требовались деньги, и легче легкого было сослаться на их отсутствие. Однако причина заключалась в другом. Дело житейское, люди не любят сознаваться в неудачах, в неверных решениях. Пусть гибнет мир, но торжествует закон, хоть и негодный. И члены Главного комитета упорно не желали возвращаться к тому, что прежде постановили. «Но Валуев оказал много твердой воли, уменья, желания добра»²⁷ Он вынуждает комитеты вновь обсудить вопрос и добивается пересмотра дела. В июле 1862 года новые правила были утверждены. Помещик мог переводить крестьян на оброк без их согласия, но при удостоверении мировым посредником «состоятельности» крестьян платить оброк²⁸.

Употребляя присущий времени и месту оборот речи, скажу, что Петр Александрович, исполняя должность министра, долгом своим перед государем и Россией почитал соблюдение неукоснительного беспристрастия, честного равновесия, нравственных норм. Но, следуя этим правилам в исполнении служебных обязанностей, Петр Александрович считал себя вправе сохранить личные оценки и приверженности, хотя, в общем, ему удавалось не допускать влияния частных пристрастий на государственные дела. Воспитанный в правилах чести и гордости дворянской, в воспоминаниях древнего рода, он был убежден, что первенствующее сословие остается путеводителем в общественной, социальной, культурной и экономической жизни народа. Правда, нельзя сказать, что это чувство было цельным, непоколебимым. Когда дворянство превращалось в «общество», Валуев, как помним, весьма не деликатно о нем выражался. В отличие от монстров, которые мечтали сохранить свои привилегии, ограничивая prerogatives самодержавия, чьим трубадуром высту-

пал Безобразов, Валуев отвергал аристократические ступеньки у трона. Никакой отдельной политической роли дворянству не требуется, обладая же естественно сложившимися хозяйственными и образовательными преимуществами, оно должно ими пользоваться во благо страны, а к этому возможности для него должны быть открыты. И в это трудное для него время ему следует оказать поддержку, не отказывая и крестьянам в необходимой опеке.

Да, на высоком посту Петр Александрович старался быть объективным. Но прежде аристократические склонности нашего героя бывало доводили его до смешных нелепостей. Защита дворянского достоинства, случалось, принимала комические формы. Вот эпизод рижского периода его жизни.

В самом конце 1857 года в залах московского купеческого собрания был устроен грандиозный всесословный обед для 180 «лучших» людей Москвы. Москвичи хотели подтолкнуть свое губернское собрание и присоединиться к петербургскому и нижегородскому, которые уже выступили в поддержку литовских инициатив. Катков, Кавелин, Погодин, ни единым словом или намеком не упомянув о чем, собственно, должна идти речь, пустились в пылкие, велеречивые восхваления царя и дворянства. Наслушавшись их высокопарных речей, богатый откупщик и промышленник Кокорев, с хорошо разыгранным простодушием напомнил обедающим, ради чего они собрались, а затем предложил выход из очередной «квадратуры круга»: разрешить недворянам покупать имения с бесплатной уступкой крестьянам их наделов. (В самом начале подготовки реформы основным камнем преткновения считалось отсутствие денег у правительства.) Тут же он объявил, что готов выделить для этой цели миллион²⁹.

Шум по поводу этого дерзкого вызова был большой. Дворянство сочло себя уязвленным, во-первых, вмешательством простолюдина в отношения барина и его крепостных, а во-вторых, демонстрацией неприкрытого

презрения к дворянской бедности и неумению вести дела. Среди оскорбившихся оказался и наш Петр Александрович. Разбирая выходку Кокорева, он объявляет ее покушением на помещичью собственность, уверяет, что крестьяне уже владеют землей (!) и «надлежит только обеспечить их право владения и плавный переход к собственности», цифровые данные Кокорева о стоимости земель подвергает неубедительной критике и прибегает к редким для себя выпадам против личности инициатора. Главную опасность кокоревской идеи он видит в том, что «дворянство тогда отвергнет свое значение главных передовых земледельцев, старшего брата» и останется в стороне от масс, «в сознании своей неспособности иметь дело с этими крестьянами, коль скоро им будут предоставлены общечеловеческие права»³⁰.

Теперь, вспоминая об этом эпизоде, Петр Александрович досадливо морщился.

Проведение крестьянской реформы во всех ее частях долгое время оставалось главным делом МВД. Но были еще равно важные проблемы: беспокойное состояние образованного общества и польское восстание.

По смерти императора Николая сдавленное тридцатилетним гнетом слово вырвалось наружу и разило все, без оглядки, внахлест. «У всех было стремление вырваться из николаевской тюрьмы, и потому легко себе представить, как будут куралесить люди, выпущенные на свет. Первым делом было бежать из тюрьмы, проклиная ее, следовательно, первое проявление деятельности интеллигенции должно было состоять в ругательстве, отрицании, обличении», — писал С.М. Соловьев³¹. Не сказать, что это встречало поддержку, что власти предержавшие слились, так сказать, с народом и с приветливой улыбкой на устах звали публику свободно предавать печатному тиснению все, что у нее накопело на душе за долгие годы молчания. Как бы силой внутреннего давления расши-

рялся круг дозволяемых к обсуждению тем и предметов. Повременная печать явочным порядком захватывала пространство гласности, массированным наступлением составляла цензуру отступать, сдавать одну позицию за другой. Стоило возникнуть слухам о предстоящих реформах, повеять либеральному духу, как стало невозможным держать шлюзы закрытыми. Власть пыталась вести арьергардные бои, но делала это крайне неумело, то запрещая самые невинные публикации, то разрешая разоблачительные инвективы. Александр II унаследовал механизм управления и надзора, привыкший лишь к тупому исполнению; теперь в нем царила совершенная растерянность, чиновный люд никак не мог сориентироваться в новой обстановке. Да и сам император метался в поисках несуществующей позиции: чтобы и мысль не была стеснена, но и чтобы поставить некоторые препоны преувеличениям. Но на каких весах взвешивать превышения допустимого? Критическое поле беспредельно, в нем нет выраженных границ, и если легкая юмореска вполне отличима от призыва к топору, то нельзя же, в самом деле, обсуждать проблемы крестьянской эмансипации и делать вид, что язв крепостного права не существует!

Возможно, что опыт взаимного общения цензуры и печати в конце концов выработал бы нормы поведения, если бы одна сторона умерила нападки, а другая проявила терпимость. Но этого в России не умел никто, тем более не были способны на что-либо подобное остро схлеbstнувшие в конфликте крайние элементы: левые радикалы, которые алкали всего и сразу, и правые ортодоксы, которые не желали отдавать ничего. (Позднее мы увидим, как собирался установить некоторые правила Валуев, как пытался наш герой бороться с теми и другими.) Что касается лагеря нигилистов, то оттуда раздавалась не только канонада «Современника»; известная часть молодежи была готова к самым решительным действиям. В сентябре в Петербурге появились листовки «Земли и Во-

ли» под заголовком «К молодому поколению». Впервые в России прозвучали социалистические призывы, вдобавок, в самом экстремистском, тоталитарном варианте. Частная собственность всех видов объявлялась кражей, и если для ее дележа среди народа «пришлось бы вырезать до сотни тысяч помещиков, то этим не испугались бы» составители воззвания³².

С начала 1861 года резко усилилось брожение студентов Петербургского университета. В 1856 году студенческое самоуправление было значительно расширено, студенческие собрания легализованы, общественные организации, в частности Литературный фонд, получили разрешение материально поддерживать «недостаточных» студентов, и число обучающихся в Петербургском университете возросло в 5 раз за несколько лет. Это последнее обстоятельство привело среди прочего к тому, что разночинная ментальность стала господствующей в студенческой среде. Робкие призывы к разуму подвергались осмеянию, обвинению в реакционности, в потворстве деспотизму. В России, как известно, мысль либо молчит, либо бунтует; теперь только стремление к коренному переделу общественного бытия признавалось единственно возможным способом существования. Головы вскружились, амбиции выросли до гомерических размеров, так называемые «вопросы» в их наиболее радикальном толковании сделались почти единственным предметом обсуждения, учение отодвинулось куда-то на второй план. Слабые попытки навести хоть какой-нибудь порядок: намерение исключать из университета студентов, не сдавших экзаменов, производить выдачу пособий с согласия ректора (то есть отказывать в них неуспешным студентам), запретить студенческие сходки по любому поводу, — привели к бурным протестам и демонстрациям. Восприимчивая к самым разрушительным идеям студенческая масса была еще подогрета не-

ловкими действиями начальства, которое по старой привычке было почти сплошь составлено из полковников и генералов, включая самого министра просвещения, адмирала Путятина. Разумеется, действия генералитета изяществом не отличались. Студентам даже не было объявлено о новых правилах, и те узнали о них из газет. В ответ на студенческое недовольство не придумали ничего лучшего, нежели закрыть университет и опять-таки об этом не предупредили никого, даже профессоров. Утром 25 сентября студенты нашли двери университета запертыми, при полном отсутствии каких-либо истолкований. После часа криков и споров толпа отправилась по Невскому проспекту к дому попечителя университета генерала Филипсона, заставила его идти с собой к университету, но была разогнана казаками и полицией. Ночью были арестованы 28 человек. Это только усложнило ситуацию. В течение всего следующего месяца происходили волнения, подавляемые военной силой, без какого-нибудь старания войти в объяснения со студентами, при явной оппозиции к министерству просвещения профессоров, у которых неуклюжее поведение властей вызвало сочувствие студентам³³.

Опасность гибели слабых ростков свободы Валуев понимал отчетливо, и именно с этим связано его желание сдерживать брожение умов, остановить разрушительные силы, чьи провокации побуждали старых ретроградов сопротивляться обновлению, в котором так нуждалось общество. Соглашаясь с закрытием Петербургского университета, как с печальной необходимостью, Валуев рассчитывал рассеять гнездо, вокруг которого вились демагоги. (Полицейское следствие, между прочим, открыло проникновение в студенческую среду пришедших пропагандистов насилия, побуждавших молодежь к беспорядкам.)

Разумеется, российское общественное мнение состояло не из одних Нечаевых и Чернышевских на одном по-

люсе и Безобразовых и Муравьевых на другом. Славянофилы «первого призыва» — братья Аксаковы, Самарин, Киреевский, — деятели западного толка — Кавелин, братья Чичерины, — а также иные публицисты, в той или иной степени примыкавшие к либеральному течению, находили для обличения изъязнов деспотизма не менее яркие краски, чем отрицатели всего и вся. Но в отличие от нигилистов они предлагали положительную программу. Она заключалась в постепенном преобразовании институтов власти: в коренном изменении судебной системы, в свободе печати и гласности, в передаче местных дел провинциальному самоуправлению. Сегодня преждевременно настаивать на политическом ограничении самодержавия, такой ультиматум вызовет лишь огульное противодействие власти всему, конституция придет сама собой, как неизбежное последствие расширяющегося доступа народа к управлению³⁴. Более того, постепенность, эволюционность позволят обществу найти, воспитать людей, способных управлять, нести бремя власти без тех пороков, что присущи чиновничеству деспотического режима. Но из многих трагических обстоятельств, сопровождавших российскую историю, одно, главное в этот период, заключалось в том, что напуганная левыми радикалами власть рубила наотмашь, без разбора; любое предложение, выходящее из рамок абсолютной покорности, признавалось подлежащим искоренению. И чем более безумными становились революционеры, тем более ожесточенной становилась власть, и тем меньшее поле оставалось для либеральной тенденции, пока, после убийства Александра II, оно не исчезло совсем.

Глава V

Протест протесту рознь. Непримиимый к разрушителям-революционерам с несколько иных позиций воспринимал Петр Александрович польское восстание 1861–63 годов. Он давно уже видел невозможность сохранения русского владычества над Польшей в том виде, в котором оно установилось в царствование императора Николая; более того, как немногие сознавал вред, который постоянное противостояние России и Польши приносило русскому обществу: взаимное ожесточение, возбуждение имперских и националистических чувств, возмущение европейского общественного мнения подавлением польской национальности.

Речь Посполитая, поделенная двумя разделами в последней четверти XVIII века между Россией, Австрией и Пруссией, восстановленная было Наполеоном, после его поражения вновь возвратилась к расчлененному состоянию. Александр I даровал Царству Польскому (русской части Польши) некоторые свободы: национальную администрацию, официальное делопроизводство и преподавание в школах и университетах на польском языке; но его знаменитая речь в сейме в 1818 году с обещанием законосовещательных учреждений при «хорошем поведении» поляков произвела большее впечатление на будущих декабристов, нежели на польское общество. Оно еще не забыло взятие Варшавы Суворовым, когда солдаты, при попустительстве великого полководца, расправ-

лялась с населением Праги, варшавского пригорода. Надежда на обретение свободы не оставляла поляков, революции 1830 года в Европе вдохновили их на очередное восстание, в 1831 году, но оно было подавлено русскими и австрийскими войсками. Вслед за тем исчезли остатки автономии и самоуправления, в администрацию и полицию назначались, в основном, русские чиновники, преподаванию на польском языке чинились препятствия.

Рука всемогущего императора и ее длань, всесильный фельдмаршал Паскевич, сковали, оледенили Польшу: шквал революций 1848 года, Крымская война прошлестели над ней, не возбудив ни единого движения; никто не рискнул поднять головы. Но никакого внутреннего умиротворения в дни тридцатилетнего безмолвия не произошло, ненависть никуда не ушла; как только стало ясно, что цепи ослабли, появилось искушение разорвать их совсем, и обстановка немедленно взорвалась. С февраля 1861 года демонстрации, шествия, призывы к неповиновению русской администрации следовали непрерывной чередой, ксендзы с кафедр костелов возбуждали паству, обвиняя власти в притеснении католического вероисповедания.

Отношение в России к Польше, к польским восстаниям было весьма противоречивым. Разумеется, огромное большинство той массы народа, что имела возможность хотя бы слышать о происходящем, поддерживала и приветствовала расширение границ империи без всяких обсуждений. Но иные претендовали на рассуждения, теоретические построения. Статья «Мысли вслух об истекшем 30-летьи России», опубликованная в 1856 году в герценовском сборнике «Голоса из России», начинала с послышки, что «необходимость присоединить Польшу к России есть такое же неизбежное зло, как и необходимость покорить Кавказ». Таким образом, автор, признавая некоторую «некорректность» присоединений чужих земель к России, полагал аннексию необходимой для округле-

ния территории, выхода к торговым путям, еще по каким-нибудь причинам; подвластные же народы должны это понять и смириться. Точка зрения очень близкая к постулатам пестелевой «Русской Правды», только Пестель не вздыхал стыдливо-участливо, а с солдатской прямотой писал: «Право народности [право создания государства] предоставляется только великому по численности народу, а малые народы лишены права народности, как и права благоустройства [свободного расположения на избранных землях], и принуждены влиться в большое государство и ему подчиниться... Отсюда следует [далее идет перечень окружающих государств и народов], что они все должны отречься от права отдельной народности и на вечные времена оставаться имеющими в составе Российского государства». Единственным и надежным способом цементирования такого конгломерата Пестель считал жесткую русификацию: на всем пространстве многоплеменной империи должен господствовать только русский язык, все названия племен и народов следует уничтожить, и «тем самым вся Россия являла бы вид единоверия и единомыслия»¹.

Но со времени Пестеля ассимиляторская мысль немного либерализовалась, и автор статьи в «Голосах России», вовсе не отказываясь от поглощения Польши, лишь отвергает медную поступь русского кандидата в Робеспьеры: «Сила не во внешней русификации, а во внутренней. Говори покамест на каком хочешь языке, исповедуй какую хочешь веру, только полюби Россию»². Однако как добиться любви? Писатель толком не знает.

Он и не мог этого знать, потому что это «квадратура круга». Его можно только разорвать, что *cum grano salis* советовал, как читатель помнит, князь Вяземский еще в 1831 году. И Петр Александрович разделял убеждения своего тестя, считал в глубине души, что поляки имеют «право народности». Но министр императора всероссийского не смел и помыслить об этом, он мог отстаивать

только паллиатив, наподобие того, что предлагала другая записка, составленная в ноябре 1856 года (уже после окончания Крымской войны).

«Россия упала с высоты своего величия... Не затеять ли новую войну», — с сарказмом спрашивал неизвестный патриот. С кем же? «С Турцией нельзя, с Францией — далеко, с Англией — негде, с Пруссией — не за что. Разве с Австрией?» Да ведь не можем ни с кем. Что же предпринять для восстановления престижа? Тут уже автор становится серьезен. «Средство — Польша». Сегодня она «пятка [ахиллсова] России... Польшей мы поссорились с Европой, ею и помиримся. Как? Очень просто. Оставаясь в неразделенном владении с Империей под скипетром одного царя, пусть управляется сама собою, как ей угодно, в соответствии с историей, религией, народным характером. Европейское общественное мнение обратится в нашу сторону, и мы снова возродимся». Более того, мечтает наш сочинитель, Галиция и Познань, привлеченные процветанием русской Польши, «перейдут к ней, и мы станем еще сильнее». Что же касается известного требования «старых границ [Литвы, западных губерний Украины и Белоруссии], благодарные за свободу поляки» от него откажутся...

«Прежняя наша система в Польше возбуждала ненависть, — продолжает записка, — они повинуются со злобою в сердце и желают перемены во что бы то ни стало, *да и нельзя иначе!* Теперь наступил период сознания. Мы должны непрестанно бояться за Польшу, тем самым за себя... Каждая страна живет по своему укладу. Следует восстановить Польшу в пределах ее языка [т. е. без ранее захваченных земель], пригласить эмигрантов, освободить политических заключенных [поляков, сосланных в Сибирь], возобновить польские университеты, соблюдать конкордат... Карамзин заклинал Александра I отказаться от восстановления Польши, опасаясь за Россию. Спустя 50 лет [желание сохранить] ту же империю побуж-

дает меня умолять государя императора о восстановлении несчастной Польши на пользу и славу России»³.

Последняя фраза записки дает повод думать, что автор — поляк, из круга тех польских аристократов, что полагали разумным согласиться на главенство русского царя, род личной унии, при практической самостоятельности польских государственных институтов. Да и попала записка в руки Валуева в бытность его в Прибалтийском крае; маловероятно, чтобы кто-либо из русских, живущих в Риге или Митаве, в год национального поражения обратился к Польше, а в обществе его нового тестя, поляка по происхождению, польский вопрос наверняка обсуждался. Но, в конце концов, национальная принадлежность записки сути дела не меняет: перед нами программа наилиберальнейшего подхода к польской проблеме, возможного в царствование самого либерального самодержца-всероссийского. Такую программу был готов воплощать его министр внутренних дел.

Трудности ее осуществления, помимо нежелания большинства русского общества отдавать завоеванное, способствовала и сама Польша, доставляя весьма много поводов к неприязненному к себе отношению.

Можно спорить, сохранилась ли в исторической памяти народной польская интервенция начала XVII столетия, но что польские шляхтичи немилосердно и презрительно относились к русским, украинским и белорусским крестьянам, этого не давали забыть сами паны, продолжавшие и в середине XIX века эту черную традицию. Если некоторые из русских людей и допускали право Польши на самостоятельное существование, то и для них вызывающе звучали лозунги восстановления Речи Посполитой в границах польско-литовской унии и территориальных захватов трехвековой давности, вплоть до Киева и Смоленска. Понимая всю завиральность подобных идей, они не придавали им значения, но для противников

польской эмансипации этот бессмысленный гонор предоставлял замечательную пищу для антипольской агитации. Поддерживало антагонизм тайное, но плохо скрываемое, а подчас и явное высокомерное отношение поляков к русским, ко всему русскому, в убеждении своей более высокой культуры и образованности. Между тем подавляющая часть самого польского народа, крестьяне, подвергалась столь же жестокой эксплуатации, как и крепостные русских помещиков, разве что без возможности ссылки в Сибирь и сдачи в рекруты. Кстати, именно пренебрежительное отношение шляхты к крестьянам, отказ помещиков предоставить им реальную свободу локализовали восстание 1861—63 годов; выступления против русского господства практически происходили только в городах. Эгоизм польского дворянства predetermined поражение восстания: решение петербургской администрации кардинально и быстро, без периода временно-обязанного состояния крестьян, произвести поземельную реформу во владениях польских помещиков окончательно лишило мятеж крестьянской поддержки. Петербург великолепно использовал этот экономический проект в политических целях: между шляхтой и крестьянством удалось вбить клин, который вытащить было невозможно.

Новый взрыв польских национальных чувств привел администрацию в растерянность. Наместник Царства князь Михаил Дмитриевич Горчаков не знал, что и делать: поддерживать прежний режим можно было только штыком и саблей, чего ему не хотелось, следовательно, надо идти на уступки, но в каких пределах? Он запрашивает Петербург, но и там нет ясной политики. В салоне Елены Павловны обсуждают ситуацию, великая княгиня знает, что государь колеблется. «Как вы думаете, что нужно сделать в Польше?» — спрашивает она Валуева. «Изменить систему, Madame», — отвечает Петр Александрович. «Я тоже так думаю, но говорят о строгостях». — «Но мы в

течение тридцати лет были строгими, а к чему мы пришли? Мы не сумели внушить ни уважения, ни боязни»⁴.

Государь выбрал решение по склонности своего характера, компромисс: местное, избираемое самоуправление, Государственный Совет, составленный из поляков (шаг в сторону восстановления автономной администрации Царства); однако верховный сюзеренитет наместника императора сохраняется.

В это время судьба вновь сплетает пути Петра Валуева и Дмитрия Милютина. В начале 1861 года оба всходят на правительственные посты: Валуев — управляющий делами комитета министров, Милютин — товарищ военного министра. Движение их карьер поразительно совпадает: с разницей в один месяц они вступают в управление министерствами, и в один и тот же день, 9 ноября 1861 года, утверждаются в полном ранге министров: один — внутренних дел, другой — военного. Но их убеждения весьма отличны. Петр Александрович — законченный дворянский либерал, в поисках примирительной позиции склонный к мягким увещаниям любых противников, западник, в видах приобщения России к гуманитарным ценностям не расположенный враждовать с Европой ни при каких обстоятельствах. Дмитрий Алексеевич исповедует умеренно демократические принципы во внутренней политике и не любит аристократию; завоевания же Российской империи отдавать кому бы то ни было категорически не намерен. Петр Александрович сочувствует полякам, Дмитрий Алексеевич видит в них бунтовщиков. Их противоположные свидетельства о польской реакции на рескрипт монарха, извещавшего население о переменах в Польше, точно отражают мировоззрение каждого.

«В Варшаве охранение общественного порядка в руках граждан, — отмечает Валуев. — И все идет гладко, спокойно, благоприлично. Войска, полиция и сам наместник в стороне. Они как бы временно удалены от должно-

стей и полуарестованы на квартирах. Можно ли придумать более полную, унижительную, подавляющую сатиру на всю систему нашего польского управления! Можно ли найти более неопровержимое, явное сознание в своей неспособности, в отсутствии всякой нравственной силы, в несостоятельности всего того, что думано и сделано 30 лет сряду?»⁵

Милютин: «На улицах варшавских возобновились всякого рода насилия и безобразия; опять началось пение патриотических гимнов; учащаяся молодежь перестала посещать уроки, буйствовала; в домах, занятых лицами, не сочувствовавшими польскому движению, выбивали стекла и задавали «кошачьи концерты». Полиция [польская] потворствовала беспорядкам; русские офицеры и чиновники не смели показываться на улице, а русским солдатам запрещено было выходить из казарм»⁶.

В течение большей части 1861 года продолжались выступления, преимущественно в Варшаве. Наместники сменялись один за другим — Горчаков, Сухозанет, Ламберт, снова Сухозанет, — и политика русских властей менялась вместе с ними от пряника до кнута и обратно, каждый раз без всякого успеха.

Это снова была квадратура круга. Руководители польского движения не соглашались ни на что, кроме полной государственной независимости, да еще в границах «Великой Польши», петербургское правительство временами готово было пойти как угодно далеко по пути предоставления автономии, но «отпускать» Польшу не соглашалось ни при каких обстоятельствах. Валуев, Горчаков, Долгоруков составляли «партию», желавшую максимального компромисса, Милютин, Муравьев, ряд других министров и сановников требовали наведения порядка железной рукой, абсолютного преобладания русской администрации, а в перспективе — всеобъемлющей русификации. Император выслушивал тех и других, находил слабые места в доводах

обеих групп и занимал худшую для властителя позицию: не имея никакой последовательной концепции, реагировал сиюминутно — произойдет в Варшаве какая-нибудь бурная демонстрация или нападение на русские воинские отряды, направляется телеграмма с требованием жестких мер, пройдут два-три месяца спокойно, и царь соглашается на очередные послабления.

Бедные министры не знали, что и предлагать. Присутствуя на первых совещаниях о Польше еще в качестве управляющего делами Совета министров, Петр Александрович вынес из них самые тяжелые впечатления. «Все происходит так неотчетливо, выступления так бессвязны, что я, перед кем лежат бумаги, не знаю, не понимаю, что принято, а что нет». Пока Валуев еще помалкивает, но примитивность сановных суждений поражает его. «Никто не подумал о том, что терпела Польша... никто не дерзнул коснуться вопроса о его [польского народа] *общечеловеческих стремлениях и правах*»⁷

Это обсуждение проходило в Совете министров, т. е. при полном «синклите», но через полгода, на совещании государя с несколькими министрами, Валуев дает себе волю. Он просто набрасывается на Сухозанета, продолжая повторять, что мятеж должен быть подавлен вооруженной рукой, без всякого снисхождения. Но не престарелый невежда был целью Петра Александровича. Сухозанет все время утверждал, что его слова совпадают с видами его императорского величества. Вот этот расчет на привычную, «естественную» наклонность российских самодержцев применять силу и взорвал Валуева. Атакуя Сухозанета, он адресуется к монарху, его убеждает в неверности подобной политики, оттого и «высказался с жаром и резкостью», доказывая, что «невозможно побороть материальной силою элементы духовные»⁸. К чему привела политика штыка и запрета? К полной утрате русского влияния в Польше. Продолжение ее вызовет мятеж, а

восстание, поддержанное Западной Европой сочувствием, или, не дай Бог, реальной помощью, ввергнет Россию в катастрофу.

Как ни была смела речь Петра Александровича, он не мог сказать всего, что ему хотелось. Он давно и много размышлял о положении Польши в составе Российской империи, считая отношения с нею важнейшим историческим фактором. Картина последних столетий представлялась ему ясной совершенно. Многолетние войны с Польшей на рубеже XVI—XVII веков явились толчком к возникновению русского национального самосознания. Впервые перед лицом вторжения русские почувствовали себя единой нацией. Но бедствия и страдания, принесенные польским нашествием, ожесточили народ, и поляк-католик стал символом, образом извечного врага. Одновременно сложилось представление, что Запад — а Польша олицетворяла в глазах русских людей Европу — искони враждебен России. Неприязнь к полякам решительно развела православие и католицизм, и без того не испытывавших друг к другу симпатий.

Но и тогда многие понимали, что отрезать себя от Европы полностью и обратиться к Востоку — значило превратиться в азиатскую державу. Гениальность Петра заключалась в том, что он оставил полуторавековые попытки пробиться на Запад сухопутным, фронтальным путем и избрал морской, обходной маневр. Если бы не глупость амбициозных цариц, втравивших позже Россию в континентальные войны — Семилетнюю, турецкую, польские разделы, — Россия могла бы войти в Европу при стуке топора только, без грома пушек. Оккупация Польши не принесла России ничего, кроме удовлетворения чувства мести, но подобное чувство не может быть руководителем в долгосрочной политике. Смягчить, смягчить обоюдную ненависть русских и поляков, вот цель, которую должен преследовать император всероссийский, для которо-

го те и другие — одинаково подданные. Исчезнет нарыв, разъедающий души обоих народов, падет преграда в отношениях России и Европы.

Считая вопрос о принадлежности Польши Российской империи не подлежащим обсуждению, петербургское правительство не входило ни в какие переговоры с деятелями польского сопротивления. Усилия «полонофилов» в правительстве, как их именовали сторонники безоглядного подавления «польского элемента», были направлены на поиск и поддержку немногочисленных русофильских сил польского общества. Их признанным главой явился маркиз Велепольский. Крупный магнат, он любое освободительное движение считал революционным, а потому несовместимым с принятым порядком вещей. Поэтому, с самого начала появления на политической сцене маркиза Велепольского, Валуев, Горчаков, великий князь Константин Николаевич, великая княгиня Елена Павловна увидели в нем желанного деятеля. Велепольский был человеком умным, энергичным, обладал внушительной внешностью и даром убеждения, был готов возглавить польские государственные институты под весьма номинальной эгидой российского монарха. Уверенность, с которой он изложил свою программу в нескольких аудиенциях в Зимнем дворце, произвела впечатление на императора, и он решился. Летом 1862 года великий князь Константин Николаевич назначается наместником Царства Польского, маркиз Велепольский — руководителем гражданской части наместничества. Это был апогей попыток либерального умиротворения Польши. Предусматривались свобода совести, свобода печати, «очиншевание», т. е. перевод крестьян с барщины на оброк, постепенное введение польской администрации, повсеместное употребление польского языка.

Ответом стали покушения на великого князя, наместника и маркиза Велепольского. Даже выдвинутый Петер-

бургом архиепископ Фелинский заявлял, что самая полная автономия недостаточна, удовлетворить поляков может только политическая и национальная независимость, тогда они согласятся на сохранение личной унии⁹.

Воспламененные умы охладить было невозможно. В январе 1863 года сопротивление перешло в новую фазу — вооруженные вспышки охватили почти всю территорию Царства и распространились по Северо-Западному краю. Восстание приняло жестокие формы: преследованиям и убийству подвергались все те, кто сотрудничал с русской администрацией. Вновь со всей силой подпольный комитет потребовал возвращения Польше Западного края (т. е. значительной части Украины и Белоруссии).

Партизанская война и это фанатичное заявление погубили все надежды поляков на освобождение. Симпатии, которые польское движение вызывало у части демократических и либеральных кругов русского общества, были остановлены. Зато отдельные призывы в пользу жесткой политики, ранее там и сям раздававшиеся, слились в мощный хор.

Всех повели за собой «Московские ведомости» Каткова. Из номера в номер газета уверяла, что отпадение Польши стало бы сигналом к распаду Российской империи, что центробежные тенденции национального самоопределения, характерные для Европы XIX столетия — Греция, Бельгия, Италия, в этом же круге Польша — пробудят мысли о расчленении России, что все национальные движения носят демократический, а подчас и социалистический характер, отчего неизбежно усиление нигилистической пропаганды и мятежных выступлений безумных разрушителей. Теперь, с этого времени, Катков постоянно связывает русский терроризм с польскими происками, в каждом выступлении студенчества или подпольщиков он видит польскую руку. Передовые статьи «Московских ведомостей», полные высоких эмоций и риторического пафоса, возбуждают патриотические и верноподданниче-

ские чувства с давно забытой силой. Известия о бурной агитации в европейских странах, о поддержке Польши возбуждают у многих ощущение опасности, в которой оказалась Россия. Губернии и города, дворянство и купечество шлют к царскому престолу призывы к стойкости перед лицом супостатов. Адрес московского дворянства, составленный, по слухам, Катковым, наиболее полно отражает общее настроение.

«Враги, возмущившие Западный край Ваших владений, ищут не блага Польши, а пагубы России, призываемой Вами к новой исторической жизни. Государь, Ваше право на Польшу есть крепкое право, оно куплено русской кровью, много раз пролитою в обороне от польского властолюбия и измены. Суд Божий решил нашу тяжбу. Вы сохраняете все льготы, дарованные Царству Польскому, не делаете различия между поляками и русскими, открываете для них одну и ту же будущность, которая должна теснее сблизить и сроднить их между собою. Ваше милосердие есть твердыня и сила. Так понимает его Ваше верное дворянство, весь народ Ваш, так должны понимать его и недруги России. Мы молим Всевышнего, да отвратит он от нас все бедствия войны. Но война не страшит нас. Все устремится на защиту отечества, все поднимется при малейшем покушении на целостность нашей державы, при малейшем оскорблении народной чести»¹⁰

Крайние националисты, как польские, так и русские, видят в государстве прежде всего его военно-имперскую ипостась. Польские радикалы требуют восстановления Речи Посполитой «от можа и до можа». Катков уверен, что с возвращением Польше государственности Россия утратит значение великой европейской державы. Престиж страны, в понимании подобных людей, заключается не в способности обеспечить счастливое существование своего народа, а в возможности предписывать другим народам их поведение. Отказаться от воинственности, от

бесцельных завоеваний, разоряющих страну, агрессивное националистическое сознание не в состоянии.

Восстание охватило не только Царство, оно разлилось и по Северо-Западному краю. Это было уже слишком и для благодушного Александра II. Преодолев личную антипатию, в апреле 1863 года он назначает Муравьева, осенью 1861 года отставленного от должности министра государственных имуществ, виленским генерал-губернатором.

Что, получив широкие полномочия, Муравьев в средствах подавления крамолы стесняться не будет, император знал хорошо, но ввиду реальной угрозы империи посчитал меры устрашения необходимостью. Новый проконсул не обманул надежд. Вот как он сам описывал начало своей деятельности:

«Из Вильны каждый день уходили 40–50 человек в мятеж. Я прибегнул к штрафам домохозяев и ремесленных мастеров, от которых они уходили. За ношение траура [массовое облачение в черные одежды – символ скорби по польской независимости] – штраф также в двадцать пять рублей. Были обложены монастыри и римско-католические приходы. Я занялся рассмотрением судебных дел и приговоров. (По мнению Муравьева там царил недопустимая медленность и снисходительность.) Два ксендза были расстреляны в течение недели. Я потребовал, чтобы епископ предписал своему духовенству противодействовать мятежу, а когда он отказался, отправил его в Вятку. Двух начальников повстанцев – повесил. Я потребовал, чтобы помещики отправились в свои деревни из городов и лично отвечали за спокойствие на их землях. Военно-полицейские управления в уездах подвергли преследованиям землевладельцев, которые снабжали мятежников»¹¹.

Политически неблагонадежными объявлены были все без разбора. В 1859 году 326 казенных ферм, распо-

женных в Виленской губернии, были отданы с торгов в аренду. Производство поднялось, арендная плата приносила большой доход. Муравьев приказал отобрать фермы обратно в казну, и огромные земледельческие угодья вновь запустели, сотни людей разом потеряли труд и капитал. «Неужели эти люди, — восклицает чиновник МВД, докладывая своему министру о состоянии губернии, — будут когда-нибудь преданы России!»¹²

Яростный противник крестьянского освобождения, уволенный с поста министра за противодействие эмансипации казенных крестьян, вдруг объявляет, что не потерпит в крае саботажа «Положения 19 февраля». Разумеется, это был только предлог для еще большего утеснения польских помещиков. Истинное отношение Муравьева к крестьянам не замедлило проявиться. Деревни и мызы, в которых обнаруживались «шайки», полностью разорялись, а жители «поголовно ссылались в Сибирь». Социальную ориентацию подтверждают цифры: выслано, заключено в тюрьмы, отдано в арестантские роты около 5 тысяч человек, из них «образованных классов» только 1915 человек¹³.

Муравьев обращается к Валуву с требованием сосредоточить высылаемых в «отдаленных пунктах — Печерский край, северные части Архангельской и Тобольской губерний, Туруханский край, Якутская область. Образовать там колонии». Граф Михаил Николаевич просто предвосхищал деяния сталинского НКВД. Но царский министр внутренних дел не был похож на Ягоду или Ежова. Петр Александрович даже пытается воззвать к нравственному чувству виленского генерал-губернатора, но помня, что оное чувство редко посещало его бывшего начальника, облекает свои попытки в деловые соображения. «Указанные вами местности не имеют условий для прочной оседлости. Там, где земледелие невозможно, [содержание высланных] станет бременем для правительства, не говоря уже об общих требованиях человечности и различных

практических затруднениях в местах столь отдаленных, безлюдных, лишенных элементов правильной организации и полицейского надзора». Он вежливо («Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство принять уверения в моем отличном почтении и совершенной преданности»), но достаточно жестко излагает свое мнение. «Неудобство возникает от большого числа выдворяемых. Оно превысило все нормы и продолжает возрастать. Пусть даже колонии, но едва ли можно не допускать различия между удалением временным и бессрочным, между ссылаемыми по суду и без суда, между степенями виновности и неблагонадежности (ссылали за стирку белья повстанцам), между различными сословиями, возрастом и полом и, наконец, между условиями разных *пригодных* для поселенцев местностей. При нынешних исключительных обстоятельствах высылка производится с некоторой поспешностью, не допуская строгого определения виновности или неблагонадежности. При этих условиях я не усматриваю возможности всякую высылку обращать в безразличную и безвозвратную»¹⁴.

Слова Валуева не пропадают втуне. В начале следующего года он останавливает генеральское самоуправство. Сделать это было непросто. По сложившейся традиции, генерал-губернаторы, формально подчиненные министру внутренних дел, сносились с императором непосредственно, занимали в иерархии весьма высокий уровень, и разговаривать с ними языком приказа министр не мог. Требовалось заполучить царское повеление, но разнообразные явные и тайные влияния, настроения императора, бюрократические инстанции — в частности, дела западных губерний «проходили» по межминистерскому Западному комитету — подчас создавали непреодолимые препятствия. Три месяца понадобилось составленному в МВД положению о порядке ссылки мятежников или заподозренных в противозаконных действиях лиц, не один доклад государю (да ведь напоминать надо не навязчиво),

чтобы в начале марта 1864 года появилась на нем царская подпись. Скрипя зубами, Муравьев был вынужден признать, что он рано веселился, составляя наглый ответ министру: «В отношении изложенного Вашим превосходительством предложения о распределении по степеням вины, полагаю, что это невозможно, ибо там, где не имелось достаточных юридических доказательств для предания суду [арестованных], не представляется возможным определить душевные и политические их наклонности, кроме общей вражды к России и желания уничтожить наше владычество в Западном крае»¹⁵. Бывший подчиненный заставил его подчиниться, умерить жестокость. Теперь суды виленского правителя обязаны были устанавливать степень вины арестованных и сообразовывать с ней наказание; о присуждении к ссылке губернатор принуждался ставить в известность центральные власти и мог приводить приговор в действие лишь с их согласия. В северные районы и Восточную Сибирь разрешалось отправлять только наиболее опасных злодеев, остальных виновных — в Западную Сибирь или в северо-восточные части Вологодской и Онежской губерний. «Водворение поселенцев производить на основании правил для государственных крестьян, переселяемых в многоземельные губернии, т.е. с предоставлением льгот и пособий»¹⁶ Министр внутренних дел обращается к министру финансов с просьбой выделить средства на эти пособия по следующим нормам: «Высланным под надзор полиции лицам привилегированных сословий выдается денежное пособие 6 рублей в месяц. Людям низших сословий — арестантская дача, если они не могут работать и личным трудом снискивать пособие к жизни». Но в некоторых местах нет работы, люди просятся в тюремный замок, на казенное содержание. В таком случае им также следует арестантская дача.

Министр внутренних дел старается помочь даже отдельным людям. Вот крестьянка из Литвы приехала в Костромскую губернию к высланному мужу. По закону

ей не полагается ничего, но Валуев просит выделить ей пособие — «просительница не имеет средств к существованию»¹⁷

За тридцать с небольшим лет, пролетевших от одного польского восстания до другого, межнациональное ожесточение резко возросло. Вообще обретение национального самосознания каким-либо народом, находящимся в зависимости от другого, редко происходит мирно. Национальное чувство возникает не в вакууме, непосредственное соприкосновение, соударение людей, коим присвоены разные права, вызывают не вежливые улыбки взаимной приязни, а постоянные искры настороженного отчуждения. Скрытое пламя готово вырваться в любой подходящий момент, стоит подуть попутному ветру, и тогда национальная гордость превращается в националистическую ксенофобию. В равной степени это касается всех народов. Такова печальная действительность, и лишь непрестанное просвещение и воспитание может остановить скольжение мира к пропасти. «Идеализм!» — воскликнет иной читатель и будет, наверно, прав, но есть ли альтернатива, спрошу я в свою очередь.

Пожар мятежа, перебросившийся из Польши в западные губернии, исторически как будто бесповоротно принадлежавшие России, вызвал возмущение и противодействие; общий дух времени лишь придал им бурную эмоциональную окраску. Только одни полагали единственно возможным и разумным искоренение крамолы цивилизованными методами, другие вовсе потеряли головы, и кровожадность вдруг захлестнула сердца людей, о которых подобное нельзя было и подумать.

В ноябре 1863 года, в разгар муравьевских экзекуций, известная славянофилка Антонина Блудова собрала «до 80 подписей» под восторженно-приветственным адресом виленскому воеводе. Среди «подписей выдавались» лица твердой реформаторской складки, весьма демократически

настроенные относительно внутрироссийских проблем: военный министр Милютин, министр юстиции Замятнин¹⁸. Обратились к князю Александру Аркадьевичу Суворову, недавно назначенному Петербургским генерал-губернатором, с предложением поддержать «собрата». «Если мы умрем вместе, то я — туда, где его не будет, хоть в ад», — отвечивал князь, да еще добавил, что и дед никогда бы не подписал такого¹⁹.

Призыв к резне нашел исполнителей. Свидетельство тому — адресованное в министерство внутренних дел письмо крестьянина Гродненской губернии Алексея Прауды. Петр Александрович не только внимательно прочитал его, но и положил в свой архив.

«Русские газеты обыкновенно называют польских мятежников разбойниками, злодеями, грабителями, — пишет Прауда. — Но как вы назовете русское войско, которое ознаменовало себя доблестными подвигами в Гродненской губернии. Деревни Лапы, Данилово, Петково, Рудка, Чартаев ограблены дочиста. В Дзятковицах ограбили католическую церковь, стреляли в церкви, ранили священника. Мызу Долбизну казаки сожгли, убили владельца с маленьким сыном. Местечко Селятичи по приказу кавказца Малютина расстреляли из пушек, а уцелевшие дома солдаты зажгли факелами. Несколько десятков жителей убиты выстрелами, столько же сгорело. Кто тиран, грабитель, дикарь — тот, кто сражается за свободу, или тот, кто давит невинных жителей? Можно возразить, что по этим деревням проходили мятежники, но чем же виноваты мирные поселяне, если кто-нибудь проходит по деревне? Малютин оправдывается этим, но какое же это оправдание?

Но горе утеснителям! Вопли и слезы вдов, сирот, детей не пройдут даром. *И еще хотите привязанности к правительству!*»²⁰

Не может Петр Александрович согласиться с тотальным террором. Он хорошо знает, что ненависть рождает только ненависть, что это «не государственное чувство». Статья либеральной газеты «Голос» середины августа 63-го года, помеченная инициалами и отметкой – «Варшава», явно инспирирована Валуевым. В его архиве хранится газетная полоса с текстом статьи, некоторые, наиболее острые места, зачеркнуты валуевским карандашом, очень похоже, что это корректурная правка перед печатью.

В отличие от крестьянина Прауды, автор «Голоса» не может себе позволить открытое возмущение чинимыми в Польше насилиями. Несколько начальных реверансов в сторону господствующих настроений предваряют ее основную пафос.

«Ни один русский не может легко относиться к восстанию, каждого возмущают притязания поляков на наши западные провинции и оскорбляет вмешательство западных держав. Москва, как представительница всех русских, первая заявила готовность к жертвам. За неприкосновенность русского государства выступили внутренние губернии, о том же говорят всеподданнейшие адреса. Послышались голоса, требующие энергичного подавления восстания, слышалось одобрение действий генерала Муравьева в Западном крае, где мятеж почти прекращен. Московские обеды в честь Каткова, телеграммы Муравьеву от московских клубов и дворянства свидетельствуют, что большинство русских одобряют решительные меры; некоторые призывают действовать так же, как инсургенты, убивать, разорять тех, кто поддерживает мятеж». Отдавая, автор меняет тональность: «Никто не отрицает заслуг Муравьева, но Польша – не Литва. В Литве только помещики – поляки, и между крестьянами и помещиками нет никакого сочувствия. Шайки дворян, шляхты, мешан не пользовались поддержкой народа, которому памятен гнет владельцев. Поэтому крестьяне помогали нам. Тися-

чи убитых, сотни повешенных и расстрелянных не производили на массу населения впечатления, погибшие были чужды народу».

Абзац замечателен по мастерству выражения чувства, прямо противоположного тексту. Читающий между строк — прирожденное российское искусство — легко поймет, что разорение и изгнание литовских крестьян не вызывалось никакими разумными причинами, а бессудные смертные казни были повальным явлением.

«Но в Польше, — продолжает газета, — городское население составляет треть. И сельское население не совсем чуждо восстанию. Они говорят одним языком с панами, и ксендзы пользуются огромным влиянием. Со стороны кажется странным, что 100 тысяч войск не могут справиться с шайками. Но кто знает Польшу, тот не станет удивляться. Тот не станет кричать об энергичном подавлении мятежа». Следующая фраза зачеркнута карандашом Валуева. Она звучит как парафраз слов Петра Александровича, недавно принятых Муравьевым на свой счет: «нельзя пользоваться трудом крепостных, не краснея». «Применять к усмирению Польши меры, подобные принятым в Литве, не решится ни один порядочный человек, в котором не застыло сострадание к несчастным». Личные выпады претили натуре Валуева. Но следующие выражения, сказанные, как говорили тогда, с эмфазисом, карандаш Петра Александровича не тронул. «Если вешать всех взятых с оружием в руках — пришлось бы тысячами ставить виселицы, не достало бы веревок, не нашлось бы палачей. Мы были невольными свидетелями, — продолжает варшавский корреспондент, — казни четырех вешателей тайного польского правительства, подлых убийц, и все-таки мы слышали плач и проклятья, видели в церкви женщин, молившихся за них. Здесь на каждого казненного смотрят как на мученика, погибшего за свободу и независимость родины, как на жертву чуждого и ненавистного правительства. Каждая казнь не устрашает, а раздражает народ».

Снова «редакторский» карандаш чиркает страницу: рассуждения о молодежи, особенно чуткой, готовой к немедленной реакции против окружающей мерзости, как будто относятся к молодежи польской, но внимательный читатель легко отнесет их к молодежи русской, аналогия слишком бросается в глаза. «Многие из них уже погибли, погибли с убеждением, что умирают за святую идею свободы и независимости родины; кто был молод, кто на себе испытал обаяние, чарующую силу живого слова — они увлеклись проповедями своих духовных наставников, — тот поймет, что было бы бесчеловечной жестокостью вешать этих ребят». Чтобы не дать укрепиться возникшему от чтения этих строк возмущению «патриотически-мыслящих», автор обрушивается на главных виновников бедствия, аристократов, зачинщиков и вдохновителей мятежа, которые, «живя в Париже, вырывают из рук матери последнего сына... Из-за этих волков гибнут тысячи. Проклятие коноводам восстания, разъезжающим по Европе, обжираящимся на обедах, задаваемых врагами России». И это тоже правда: польские аристократы, ничем не рискуя, произносили в Париже и Лондоне громкие слова о великой Польше. Отведя гнев, автор возвращается к своей позиции: «При таком сильном возбуждении нации, при таком нравственно болезненном состоянии народа невозможно употребление мер репрессий и крайностей». И так слишком дорого стоит мечта восстановления старой Польши. «Помеиики и крестьяне разорены, торговля затихла, школы опустели. Много лет мира нужно для заживления ран. Целое поколение родится и вырастет, прежде чем забудутся братья, погибшие в боях с русскими. Но пусть это будет воспоминание о враге на поле боя, а не о палаче»²¹.

Валуев старается быть объективным. Считая репрессии бесчеловечной и вредной для дела России жестокостью, он не оставляет без внимания действия и методы противной стороны. В том же «Голосе» он публикует ста-

тью (без своей подписи) об иезуитских способах противодействия русской власти в Польше, рекомендуемых «Польским катехизисом», присланным из Франции²².

Свой кровавый военно-полицейский успех виленский генерал-губернатор решил закрепить административными мерами. В мае 1864 года, специально приехав для этой цели в Петербург, он представил царю подробно разработанную программу подавления «польского элемента» в Северо-Западном крае. Нежелатель добра русскому крестьянству снова выступил защитником бывших крепостных привисленских губерний. Предлагаемые им меры должны были устранить произвол, допущенный прежним губернатором, Назимовым. Справедливости ради следует сказать, что крестьяне в крае действительно были крайне угнетены, но Муравьев никогда бы не подумал улучшать их положение, если бы не составляли поляки 70–80% землевладельцев края. Но кроме сего нарочитого абцуга, все остальное, главное по объему в этом плане, должно было «утвердить русское владычество в Северо-Западном крае... в духе православия и русской народности». В народных школах, руководимых православным духовенством, преподавание должно вести только на русском языке; католические монастыри следует закрыть, православные духовные училища открыть. Повсеместно вводить русский язык, запретив употреблять в качестве официального польский, чиновники должны быть исключительно русскими и т. д.²³

Получив записку Муравьева, император распорядился обсудить ее в Западном комитете, но для предварительного прочтения направил ее Валуеву и Долгорукову. Деталь весьма многозначительная. Царь знал, что единственными серьезными оппонентами виленскому проконсулу могут быть только эти два человека. Александр Николаевич желал объективного рассмотрения, решение же он примет потом, сам, когда получит мнение комитета.

Читая записку Муравьева, Петр Александрович начал было отмечать совпадения с тем, о чем он сам писал государю чуть больше года назад. Но потом оставил это занятие. Сходство было лишь формальным, методы достижения одинаковых целей были совершенно различны. Там, где Валуев предлагал меры постепенные, мягкие, Муравьев рубил с плеча.

Рубил в буквальном смысле. «Для преследования мятежников граф Муравьев приказал вырубить лес на полверсты по сторонам железной дороги». Ретивые исполнители рубили и тогда, когда восстание практически закончилось²⁴.

Естественное переселение, вселение русских в западные губернии само по себе не может вызвать протеста Валуева. Регион принадлежит России, следовательно, увеличение русского населения будет способствовать консолидации государства (при условии мирного сосуществования народов). С этим Петр Александрович совершенно согласен. Но никакие насильственные способы не могут быть допускаемы. В конном строю или штыковой атакой тонкие проблемы не разрешаются. Сегодня абсолютное большинство администраторов в крае составляют поляки, нельзя разом уволить их, кроме дезорганизации управления других результатов не будет. Надо открывать русские школы, но почему при этом необходимо прекращать преподавание на польском языке? Можно ли делать вид, что миллионного польского населения края не существует? Вопросов было слишком много. Единственный пункт, по которому взгляды министра и генерал-губернатора совпадали, — важность материальной поддержки православного духовенства, повышение его престижа, расширение его присутствия в крае. Об этом не раз думал и писал Валуев еще в рижские годы своей деятельности.

Западный комитет «в основном» одобрил предложения Муравьева, внося некоторые смягчающие поправки;

затем они были одобрены и императором. Но как это часто бывает, никто не кинулся немедленно претворять неудобоесполнимое повеление, внедрять систему, сопряженную с целым рядом практических трудностей. Указание растаяло само собой.

Какие собственные мысли напомнила Петру Александровичу записка Муравьева?

Он, единственный из сановников императора, давно понял, что польская коллизия разрешима не в Варшаве, а в Петербурге. С начала 1861 года близко следя за развитием событий, хорошо зная характер царя, не понаслышке знакомый с некоренными народами, Петр Александрович предвидит не только мятеж в Западном крае, но и опасную дорогу, на которую скорее всего вступит правительство. От нее он пытался отклонить государя на совещании в ноябре 1861 года, от нее предостерегал, когда император осенью 1862 года вознамерился сосредоточить в руках генерал-губернаторов всю полноту гражданской и военной власти²⁵, от нее хотел отвести, посылая очередное всеподданнейшее представление в декабре того же года. Понимая, что государь, двор, почти все министры и подавляющая часть общества видят спасение в усилении русского элемента, он, под видом представления разработанных им относительно мягких и постепенных мер русификации, апеллирует к «государственному» чувству самодержца всероссийского, объясняя неудачу русской политики в Польше и Западном крае несправедливостью и бестактностью прошедшего тридцатилетия, надеясь, что развернутая им картина убедит добросердечного монарха в ошибочности репрессивного пути.

«В течение 30 лет правительство не достигло в отношении сближения Западного края с коренной Россией никаких положительных результатов, а в последние 18 месяцев только паллиативный результат». Разумеется, «отдельных от империи учреждений в главных частях

края, на Украине, в Белоруссии, в Литве, не может быть допускаемо, официальным языком может быть только русский, православная церковь — первенствующей. Но мы пошли дальше. Не довольствуясь провозглашением края русским в государственном смысле, мы хотели сделать его русским в частных условиях быта его разноплеменного населения. Мы вытеснили из училищ польский язык, закрыли Виленский университет. Мы упразднили значительную часть римско-католических учреждений. Объявили вражду польскому элементу и неоднократно подвергали его действиям исключительных постановлений. Улучшений в администрации не вводили, проявляли только силу. Католицизм и польская народность не утратили прежней силы, как и польский язык. Целые сословия заявляют притязание на административное единство с царством. (Помета Александра II: «исключительно поместное дворянство и католическое духовенство»; примечательно, что правы оба, и царь и его министр, тут — стакан наполовину полон или наполовину пуст, все зависит от нюансировки.) Весь край покрыт манифестациями во главе с духовенством и опутан сетью революционной пропаганды. Это следствие варшавских событий, но почва для этого [влияния] была подготовлена. Нынешние меры: военное положение, административная ссылка значительного числа лиц; закрытие дворянских съездов, учреждение полицейских судов не дали окончательного результата». (И это было написано, когда начальником края еще был «слабый» Назимов, а не «деятельный» Муравьев). «Нет системы, — продолжает далее Петр Александрович. — Они [эти меры] были основаны на началах устрашения. (Помета императора: «Оно иначе и быть не могло, вследствие грустных варшавских происшествий 61 года»)... Цель может быть достигнута только временем, хладнокровием и последовательным применением тех способов, которые будут признаны благонадежными. Конечно, о принадлежности Западного края нечего спо-

рить — вопрос решен. Ни один русский не согласится с уступкой его Царству, тем более что большинство населения, кроме Ковенской губернии, принадлежит русскому племени и православному вероисповеданию. Но польский элемент остается важным. Предлагают выселить польских помещиков в Польшу — но из этого вышли бы бесчисленные экономические затруднения». Какие же меры министр считает «благонадежными»? «Поддержание осторожной рукою взаимного нерасположения крестьян и помещиков, немедленное проведение выкупа, быстрое учреждение народных русских школ, правительственные пособия православной церкви, карательные меры только по судебному преследованию; пересмотреть состав полицейских судов, ограничить, по возможности, случаи административных взысканий, потому что они есть выражение чувства неправительственного, обратить тягость содержания войск на те места и на те именно классы населения, которые поддерживают манифестации, покрывать издержки управления за счет взимания поземельного налога с тех землевладельцев, в чьих уездах происходят беспорядки». Заключает Петр Александрович свою записку очередным нападением на хаотичную систему управления, чересполосицу взаимоотношений ведомств и лиц. Дайте мне рычаг, и я переверну мир: «Для всего этого следует убедить губернаторов, что мне предложено ближайшее применение этих мер и по моему усмотрению»²⁶.

Это послание на имя государя Петр Александрович готовил так же тщательно, как когда-то «Думу русского». Снова продумано каждое слово, каждая фраза, начиная с заголовка. Но как желанно было бы придать записке какое-нибудь бюрократическое по форме, но искреннее по содержанию название, вроде — «Причины провала правительственной политики в Западном крае и меры восстановления ее авторитета». Как хотелось бы высказать то, что камнем лежало на душе, но доверить можно было

лишь дневнику: «У поляков есть идея, у нас — только грубое насилие. Чтобы Польша окончательно влилась в Россию и с ней сроднилась, нужно, чтобы русскому народу была дарована политическая жизнь. Народ, которого политические права ограничиваются правом платить налоги, правом ставить рекрутов и кричать «ура», еще не имеет ассимиляционных сил»²⁷

Русская идея, которую можно было бы противопоставить польской и которая, полагал Петр Александрович, решительно переломила бы ситуацию, была проста и... невозможна. Русский народ должен повести за собой польский, должен стать во главе цивилизационного движения, а для этого самодержавие должно допустить исторически созревшие перемены, даровать образованным классам, пока еще не поздно, участие в обсуждении и решении проблем нарождающегося гражданского общества. Но при всем добродушии императора Александра II и его непохожести на отца, абсолютного монарха до кончиков ногтей, некоторые родительские принципы укоренились в сыне неколебимо. Любые намеки на необходимость поступиться хоть крохотной долей самовластия отвергались Александром Николаевичем с порога²⁸.

За неделю до своего назначения в МВД, на последнем заседании Совета министров, где Петр Александрович еще не имеет слова, бросив следить за бесцельными словопрениями, он мысленно подводит грустный итог. Ни царь, ни его министры не в состоянии, даже будь они семи пядей во лбу, решить все и за всех. Государь не хочет видеть, что новые обстоятельства требуют новых методов. Реформы невозможно ограничить узкими прагматичными рамками. Их невозможно вести в душной атмосфере дворцовых кабинетов, они требуют вольного воздуха, широкого простора. Весь комплекс задуманных реформ, и прежде всего предстоящее преобразование земско-хозяйственных учреждений, неизбежно влекут

нас к рассредоточению власти, а в дальнейшем к конституционным началам, имеет ли это в виду его величество или нет. Далеко не все это осознают, многие по-прежнему не могут вообразить иной власти в России, кроме власти самодержавной, но характерно, что поддерживать безграничное самовластие *печатно* уже почти никто не склонен, за несколько лет общественные приоритеты существенно переменились, этого нельзя не заметить. Красный радикализм — выбрасываемая обществом пена, но пена эта — следствие бурления накопленных в нем сил, требующих высвобождения. Им, этим силам, надо дать применение, не бесконтрольное, но достаточное, чтобы предохранить котел от взрыва. Студенческие волнения — это первый звонок, однако большинство стоящих у трона не понимает всей глубины проблемы, не наделенные государственным мышлением царедворцы ищут выход в очередной полицейской мере.

Но когда умный Строганов, бывший попечитель Московского университета, а ныне воспитатель наследника-цесаревича Николая, словно прочитав мысли Валуева, заговорил об этом, завуалированно, крайне смягчая выражения, «государь, улыбаясь, сказал, что, кажется, не может быть никаких сомнений насчет видов правительства».

Окруженный плотным кольцом царедворцев и сановников, общаясь с узким миром высшей аристократии, император не может себе представить истинного состояния умов общества. Ему доносят только о крамольных злоумышлениях кучки злодеев, с которыми не может быть другого разговора, кроме полицейского. Он полагает, что «литература развращает молодежь и увлекает публику, и не замечает, что литература есть отражение духа большинства публики, что нет ведомства, казармы, дома, даже дворца, в котором не мыслили бы и не говорили в политическом отношении так, как говорит именно та литература, на которую он негодует». Если

многие люди, в том числе и защитники консервативных начал, «стремятся далее, чем для блага России им надлежало бы стремиться, то причиной тому именно инерция правительства, которое не ведет и направляет, а тормозит и удерживает»²⁹

По долгу службы более осведомленный о настроениях публики, нежели другие министры, начальник III отделения князь Долгоруков полон сомнений и колебаний. Вместе с Муравьевым в недавнем прошлом он пытался оградить дворянское землевладение, но он умнее своего «партизана» и быстро понял, что дело уже сделано и его не переделаешь. Он видит, что страна становится другой, реформы глубочайшим образом вспахивают российскую действительность, что прессе, например, уже невозможно приказывать. Вот князь Кочубей по-прежнему полагает, что редактора газеты, подвергшего публичной критике сановника высокого ранга, можно посадить на гауптвахту; прочтя в газете Аксакова «День» неприятную о себе правду, возмущенный, он приезжает к Долгорукову. Князь же Василий Андреевич объясняет ему, что сладкие дни миновались, нынче надо отвечать на нападки печатно, доказывать несправедливость обвинений³⁰. Всецело преданный монарху, Долгоруков ищет ответа на вопрос, какая политическая линия обеспечит прочность престола: беспепелляционное сохранение единодержавия или допущение совещательно-представительных учреждений. Он хочет услышать трезвое и пронизательное мнение, понимает, что среди участников совещания есть лишь один такой человек и на другой день после заседания Совета министров приглашает Валуева к себе.

Направляясь к дому Долгорукова, Петр Александрович, чувствуя о чем пойдет разговор, постарался к нему подготовиться, определить пределы откровенности. В Долгорукове он надеялся найти серьезного и влиятельного союзника своим планам либерализации. Он решился говорить начистоту, не забывая, конечно, что поведет ди-

алог с шефом жандармов. (Насколько это было осмотри-тельно, он убедился не более чем через полгода, когда Долгоруков передал царю навет на Валуева виленского губернатора Назимова, даже не поставив в известность об этом своего недавнего конфиденнта.)

Беседа была очень откровенной. Князь сразу взял доверительный тон. Паллиативные меры, в частности преследования студентов, не решают проблемы. Можно ли убедить университетских профессоров, что следует воспитывать студентов в духе сохранения начал самодержавия в нынешнем виде? Можно ли найти органы печати, способные и желающие защищать подобные принципы? Кажется, что нет. Но государь решительно настроен против конституционного пути развития. Что же нам делать? Похоже, что мы в безвыходном положении.

Валуев отвечал пространно. Он имел представление о взглядах Долгорукова, поэтому свободно изложил свое мнение, связывая и польский вопрос с ходом политического развития империи. Никакой министр народного просвещения не сможет изменить настроения общества. Нынешнее направление не имеет нравственной силы, а без подобной точки опоры нет возможности разрешить задачу. Система самодержавия превратилась в министерскую олигархию, каждый министр бесконтрольно и эгоистично управляет своим ведомством, нисколько не считаясь ни с общими целями, ни с мнением общества. Что касается необходимости занять умы образованных классов делом, то предоставив им возможность заняться местными делами и, в известной степени, законодательными предположениями, мы отнюдь не затронем права самодержца, децентрализация будет проведена насчет министерств. Но ведая не хуже князя неготовность императора даже обсуждать в настоящий момент конституционные идеи, в ответ на многочисленные повторы Долгорукова — «что же делать, что же делать?» — отвечал: «Ждать с верноподданническою покорностью, пока мысль и воля государя переменятся»³¹.

Но пока мысль и воля государя не созрели до необходимости существенных перемен, на первых порах следует хотя бы упорядочить ведение дел в Комитете министров и Совете министров. Слишком часто обсуждение носит беспорядочный, хаотичный характер, так как члены кабинета не знакомы с существом вопроса, предложенного тем или иным министром, и если в Комитете, т. е. при отсутствии государя, с этим в какой-то мере можно мириться, то в Совете это совершенно недопустимо, так как принятое решение может оказаться случайным, неверным. В Совет часто вносятся вопросы, вполне разрешимые в Комитете, зато многие дела и обстоятельства, требующие совместного обсуждения, министры стараются решать келейно, по собственному усмотрению. Полного преобразования требует канцелярская сторона заседаний. При существующей системе правитель дел может оказаться важнее всех министров, ибо редакция журнала (протокола заседания) принадлежит ему, и многие важные высказывания перелагаются достаточно вольно. Неразбериха сказывается и на безопасности государства. Меры противодействия разрушительным стремлениям вырабатываются медленно, решения часто принимаются слишком поздно, и во всем деле борьбы с нигилистической и социалистической пропагандой нет объединяющей идеи. Рискую вызвать недовольство и ревность своих коллег — ведь он такой же «рядовой» министр, как и они, да к тому же молод летами и старшинством, еще только полгода управляет министерством, не будучи формально утвержденным министром, — Валуев высказывает свои суждения императору и получает приказание представить свои соображения.

22 сентября он вручает государю записку «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства». Записка пока не касается уже ясного для Валуева вопроса — необходимого расширения базы самодержавной власти, при-

влечения выборных элементов для участия в общих и местных делах. Пока речь только об административных улучшениях, совершенствовании механизма высших властных структур. Петр Александрович, уже хорошо зная, как переменчиво настроение императора, спешит воспользоваться его согласием выслушать конкретные предложения и пишет эту записку параллельно с запиской «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861-го года».

Во второй половине октября предложения о преобразовании Совета министров под бесцветным именованием «Дополнительные правила о внесении дел в Совет министров и о порядке рассмотрения этих дел» отправляются в Зимний дворец. Понимая деликатность положения своего министра, Александр Николаевич перед очередным заседанием Совета говорит Валуеву вполголоса, что он совершенно согласен с его соображениями, но чтобы не компрометировать его перед прочими членами Совета, объявит их как свою волю³². Воля и была объявлена, даже состоялось по этому поводу высочайшее повеление, но дела от того сильно не подвинулись. Не канцелярским путем можно было решить глобальные проблемы.

Но Петр Александрович не успокоился. Вообще, как он потом вспоминал, в первое время министерской деятельности его снова, как в молодости, снедала жажда действия и свершения. В феврале следующего года он предлагает государю вернуться к обсуждению порядка прений в Совете. Министры должны обсуждать вопросы предварительно, между собой, чтобы выработать хотя бы два предложения, два взгляда, а не пять-шесть, которые превращают заседание Совета в противоречивую разногласицу, раздражающую председателя. Александр Николаевич опять ничего не имеет против этого, но объявлять свою «волю» на сей раз молчаливо отказывается. Валуев вынужден согласиться на создание комиссии из нескольких министров. (По вопросу, выходящему из непосредст-

венной компетенции его ведомства, министр не может предлагать решений.) Понимая, что неудача предрешена, Петр Александрович пытается спасти дело, упомянув великого князя Константина в качестве председателя. Император покачал головой, и старшим среди министров вышел Панин. Но Панину, как и всем прочим, совершенно не хотелось хоть в чем-то ущемлять себя. Министр юстиции так ни разу и не собрал «подлежащих» министров, и дело утонуло окончательно³³.

Валуев не стал настаивать, хотя позже жалел об этом. Отсутствие единого правительственного взгляда он считал одной из важнейших причин политической нечеткости, разномыслие в умах превращалось, по его мнению, в разноречие в делах. Трудно, конечно, представить, что Петру Александровичу удалось бы добиться единства мнений, притом что при выборе своих министров Александр Николаевич мало интересовался «сочетаемостью» их мировоззрений. Скорее всего, Валуев вновь стоял перед «квадратурой круга».

Он перестал добиваться мелкой, по сути, реформы Совета министров, потому что внутренне уже подошел к преобразованиям более высокого уровня: введению в Государственный Совет выборных членов от губерний.

В разговоре с Долгоруковым в прошлом апреле Валуев немного лукавил, говоря, что ни на чем нельзя перед императором настаивать. Он уже тогда полагал необходимым подтолкнуть мысль и волю государя, только силы и влияния для этого еще имел мало. Но за прошедший год он не раз убеждался, что государь весьма и весьма с ним считается, неоднократно видел доказательства его благоволения. Когда Петр Александрович заподозрил, что, введя в правительство трех «константиновцев» — министра финансов Рейтерна, министра просвещения Головнина и управляющего морским министерством Краббе — великий князь хочет добиться и поста министра внутренних

дел для своей «партии», царь явно выразил Валуеву свою полную поддержку. (Подозрения были оправданы: царский брат в данном случае действительно интриговал против Валуева, желая усилить свое влияние в правительстве.) Когда, по чьему-то наущению, в гостинных заговорили о ближайшей его отставке, Александр Николаевич посоветовал ему наплевать на эти толки. Одним словом, зимой 1862 года Валуев решил, что время наступления пришло.

23 февраля, после окончания официального доклада о текущих делах, Петр Александрович попросил у государя разрешения поговорить о том, что ему давно кажется необходимым — сделать Государственный Совет важнейшим собирателем народных чаяний. Конечно же, выборные члены будут только ставить вопросы, к разрешению их они допускаться не будут, самая мысль об умалении царских prerogatives, царского достоинства просто никому не может прийти в голову, притом выбранные представители будут часто меняться, так что ни о каком долговременном влиянии также не может идти и речи. «Государь слушал внимательно и принял вообще дело лучше, чем я ожидал. На первый раз для меня было достаточно тронуть вопрос»³⁴.

К этому времени Валуев окончательно сформулировал для себя два направления политики, единственно верные в видах сохранения России: жесткая борьба против красного радикализма и расширение опоры самодержавия путем привлечения консервативной части общества к участию в делах управления.

Продолжение неопределенного балансирования, — полагает он, — без отчетливо провозглашенных ориентиров, становится все более опасным. Правительство изолировано. Дворянство уже не может служить ему беззаветной опорой, ибо недовольно (в массе) реформой земельных отношений, считает себя обделенным, не имеет серьезного занятия ни в сфере материальных интересов,

ввиду слабости городской промышленности, ни в сфере управления, так как в значительной мере лишено попечительских (над крестьянством) функций, а других не имеет. Купечество торговое и предпринимательское — малочисленно, уважением в народе не пользуется и не вмешивается в политические дела, ибо сознает свой малый вес. Духовенство являет собой тягостную картину. Высшее — реакционно, всегда противится переменам, низшее — влачит жалкое существование, никакого морального влияния на массы не имеет, потому что массы не испытывают к нему доверия. Слишком многое в положении крестьянского сословия еще не определилось, брожение среди крестьян не окончилось. Что касается самодержавного начала, то оно в значительной мере иллюзорно, так как не простирается далее центральных инстанций. Периферия ускользает, а возможный, вследствие этого, на местах произвол народ относит на счет правительства.

Пресса, отражая эту грустную действительность, почти вся оппозиционна. Та ее малая часть, которая готова была бы поддержать нас, не имеет программы. У нее нет способных и активных сотрудников, таланты отказываются служить правительству, ибо не видят с его стороны решительности и постоянства.

Мы почти всюду опаздываем. Польский вопрос, финансовое оздоровление, железнодорожное строительство — не терпят отлагательства, но нам предлагаются взаимопровергающие друг другу соображения, и никто не прилагает волю и решимость выбрать направление. Даже административные преобразования идут вяло, без ясно сформулированной цели.

Самое существенное: мы не умеем, не можем привлечь людей, способных двинуть дальше дело реформ. Нас опережают события, мы плетемся за ними.

Ныне нельзя не считаться с общественным мнением. Между тем его общее, универсальное стремление — принять участие во всех делах, касающихся общества. Без

этого нельзя ожидать искренней поддержки монархического образа правления³⁵.

С другой стороны, безверие и социализм должны быть искоренены. И здесь допустимы и необходимы самые жесткие меры. Воскресные школы сделались рассадниками подрывных, крамольных учений, к преподаванию там проникли красные радикалы — школы должны быть закрыты, состав учителей сменен, обучение поставлено под контроль. В свое время, в 1861 году, именно он, Валуев, настоял на закрытии Петербургского университета, дабы сбить накал «студентских» выступлений.

Этот вопль души, запечатленный на страницах записки Долгорукову, первому лицу, ответственному за внутреннюю безопасность государства, был доложен шефом жандармов государю. На это Петр Александрович и рассчитывал, политическое кредо министра внутренних дел не могло не быть доведено до сведения его августейшего сюзерена.

Через три дня, 29 июня, сразу после очередного доклада Валуева, император заговорил о современном положении дел и о его, Валуева, предложениях. Сказал, что противится конституции не потому, что дорожит властью, а потому, что это привело бы к несчастью России и ее распаду. Возможно, впоследствии Государственный Совет надо будет расширить, — добавил царь, — но новые члены должны быть назначенными, а не выбранными³⁶.

Дворцовое и «китайгородское» (по слову Валуева) жужжание — не давай ты им, батюшка, потачки — оказалось сильнее пассажей интеллигента, даже хорошо сформулированных.

Ответ царя слишком важен для истории России, чтобы оставить его без анализа. В нем, конечно же, звучит убеждение абсолютного властителя, что он лучше всех знает, что и как надлежит делать, как обеспечить счастье народу и процветание стране, причем под процветанием имеется в виду могущество. Теоретически он соглашает-

ся, что цивилизационное развитие потребует, в конце концов, расширения властной опоры, но это уже *ohne uns*. И главное. Сколоченная силой оружия Российская империя лишь силой непререкаемой власти и может сохраняться, то есть все присоединенные к внутренним губерниям национальные окраины отпадут, как только эта власть размоется.

Все три аспекта царского ответа неустанно повторяли публицисты круга Каткова, они переплелись с представлениями самого самодержца, и отделить их друг от друга уже было невозможно. Многие испытывали подсознательное ощущение, что империю приходится стягивать обручем железным, ибо иного нет, но никто не высказывал тайной мысли, что центробежное стремление наиболее развитых ее частей, Польши и Финляндии, возникает потому, что отсутствуют культурные и экономические стимулы для движения центростремительного.

Но Петру Александровичу казалось, что еще не все потеряно. Слишком важными для прочности государства считал он шаги по пути либерализации, чтобы от них отказаться. Между тем вспышка польского восстания в начале 1863 года усилила голоса, обвиняющие Валуева в повороте полякам. Императрица заявляет ему, что многое может поставить ему в вину, правда, ничего не объясняя конкретно. В порывах обиды он начинает думать, что должен уйти в отставку, другой раз отставка ему кажется необходимой, дабы не связывать свое имя с реакционнейшими действиями правительства. Он даже заговаривает с императором об уходе, но встречает не только любезное ободрение, но и неожиданное согласие выслушать новые, подробные соображения о призвании в Государственный Совет выборных представителей. Воодушевленный, Петр Александрович весь следующий день, не отвлекаясь ни на какие другие дела, пишет очередную всеподданнейшую записку.

Он выстраивает, как ему кажется, неумолимую логическую цепочку.

Над Россией нависает тень большой войны. Европа вот-вот выступит против нас. (Апрель-май 1863 года стали временем наивысшего давления Англии, Франции и Австрии на Россию. Требования предоставления полякам широких прав и гарантий звучали ультимативно. В нотах трех держав, врученных их послами Петербургу, простакан, не посвященным в таинства плетения словес, слышались звуки фанфар, возвещающих начало битвы. Что это всего лишь пустой звон, распознали только люди тонкого дипломатического слуха — среди них Горчаков и Бисмарк. Оба понимали, что Лондон совершенно не заинтересован в независимости Польши, полученной из рук Франции, — это было бы «равнозначно мощной французской армии на Висле» (Бисмарк) и нарушило бы европейское равновесие; Горчаков же, разгадав английскую позицию, мог храбро отвечать, что сделка с мятежниками несовместима с достоинством русского монарха и чувствами русского народа.)

Валуев не очень вникал во внешнеполитические хитросплетения, но поспешил использовать одно из требований посольских демаршей: народное, национальное представительство в законодательных органах Польши. Если под угрозой войны, пишет он, нам придется отступить и даровать полякам конституционные начала, то как же быть с патриотическими чувствами нашего народа, которые заключаются не только в единении вокруг монарха для защиты отечества, но и в осознании своего общественного долга. Они, эти чувства, будут унижены предоставлением Польше прав и преимуществ, еще не данных коренным русским областям. Тут следует мягкое напоминание об адресах московского и петербургского дворянства, об их верноподданнической просьбе даровать «любезноверной Вам России политическое первенство перед крамольной Польшей». Коренная Россия ста-

нет примером для своих западных владений, и польский вопрос будет решен единственно возможным способом — не в Варшаве, а в Петербурге.

Начатые великие преобразования еще не окончены, все в дороге, «прежние связи государственного строя поколеблены, а новые не установились на твердой почве, умы в волнении», потому что возможностей для приложения сил им предоставлено мало. Общественная мысль бурлит в сословных собраниях, в печати, не имея выхода в простор истинной деятельности: в отсутствующие покуда земско-хозяйственные учреждения, в сферу материальных интересов. Но более всего общество стремится сегодня в круг законодательства и управления, видя подобное в Европейских государствах. Жажда эта не остановима — если так устроены другие государства, то же должно быть и у нас. Но «некоторое участие в делах законодательства и общего государственного хозяйства не заключает в себе посягательства на верховные права самодержавной власти Вашего Величества», спешит успокоить императора Петр Александрович. Это просто желание приблизиться к центру исхождения власти, предложить, так сказать, свое усердие и верноподданническую покорность. (Тут наш герой, всегда так легко и убедительно пишущий и говорящий, не может подобрать аргументацию и сбивается на велеречивые кружева. Не скажешь же напрямую властителю, который упрямо не хочет вылезти из кареты, изготовленной в приснопамятные времена, что все в ней подгнило и пора пересаживаться в либеральный дилижанс.) Можно только предупредить, что «трудно будет постоянно отклонять подобные просьбы», поэтому лучше их предвосхитить, что будет принято с восторгом и признательностью, даст преданным престолу удовлетворение, выбьет почву из-под ног злонамеренных. Если же откладывать решение, а обстоятельства принудят в конце концов принять его, то это будет воспринято как уступка власти напору «снизу» и произведет обратный эффект.

Ответом на чаяния общества, самым простым и безболезненным для самодержавия, будет «призвание в Государственный Совет, для совещательного участия при обсуждении подведомых ему дел, известного числа представителей дворянского и городских сословий и нескольких членов высшего православного духовенства». Важно провести преобразования Государственного Совета одновременно с переустройством земских учреждений. [Проект земской реформы как раз сейчас разрабатывался под руководством Валуева; об этом — далее.] Всесословные земства и станут источником, откуда выйдут выборные представители. (Хотя дворянские собрания сохраняются, и Валуев — сторонник дворянских привилегий должен был предоставить своему сословию большие преимущества, но Валуев — государственный деятель понимает вред, который будет в таком случае нанесен делу: «потребность в особых дворянских выборах сомнительна».)

Почти уверенный в успехе, как всегда увлеченный делом, Петр Александрович детально расписывает порядок работы выборных в Государственном Совете, одновременно пронизывая каждый абзац напоминанием, что участие в нем «народных представителей» будет носить исключительно совещательный характер³⁷

Полночь. Еще раз перечитав написанное, Валуев запечатывает пакет, вызывает курьера. Он хочет, чтобы его записка лежала в кабинете императора прежде, чем государь утром войдет туда.

Действительно, Александр Николаевич прочитал ее сразу, первой среди других бумаг, оценил важность и назначил обсуждение на завтра. В этот момент соображения Валуева почти убедили его, но все же он хотел послушать мнения авторитетных в его глазах сановников.

15 апреля в 11 часов утра в Зимнем дворце открылось знаменательное совещание. Предмет прений был объяв-

лен приглашенным еще вчера, и государь без дальних слов предложил Валуеву прочитать свою записку.

Ничего неожиданного не произошло. Собственно говоря, подведя черту под списком участников, император мог уже и не открывать заседание: результат обсуждения был предопределен. Еще вчера, узнав от Долгорукова их имена, Петр Александрович почувствовал, что оптимизм его тает: «состав этой коллегии» не сулил ничего хорошего.

В самом деле, можно ли было ожидать, что граф Блудов, барон Корф, граф Панин, князь Гагарин, выпестованные Незабвенным Родителем, активные противники всех начатых в новое царствование реформ, вдруг, мановением волшебной палочки переменят фронт. Они и выступили единым отрядом, с прежних позиций. Блудов вздымал очи горе в поисках наступающей необходимости перемен и не находил ее. Поседевший Модинька Корф, убежденный, что царь не приемлет саму мысль о выборности членов высших правительственных инстанций, отвергал подобные предложения, не входя ни в какие обсуждения. Граф Панин, министр юстиции, «который чутьем слышит всякое слово, сколько-нибудь направленное к обещанию представительных учреждений» и спешит вымарать его из любого документа, нарисовал ужасающую картину распада государства и гибели царствующей династии, неминуемую, если государь примет хоть одну букву из представленной записки. «Князь Гагарин, в патетическом порыве преданности идее самодержавия, не находил слов для выражения своих чувств». Он просто застыл с поднятыми вверх руками, всем своим видом выражая удивление, что среди министров его величества оказался «красный».

Горчаков, при всем благородстве характера и личной порядочности, отнюдь не был либералом. Присягу на верность самодержцу он воспринимал буквально, к преобразованиям относился настороженно и восторга ново-

введениями никогда не выражал. Без всяких околичностей он заявил, что «нам предлагают конституцию и две палаты». Казалось, это было фантастическое преувеличение, но в наэлектризованной атмосфере заседания пафос горчаковской речи звучал вполне [интонально].

Валуев надеялся, что Рейтерн, быть может, поддержит его. Министр финансов, в некотором роде ответственный за хозяйственное положение страны, более других должен был желать развития производительных сил и, следовательно, должен стать естественным сторонником валуевской инициативы. Но Рейтерн, удрученный тяжелым финансовым состоянием государства, неудачными попытками стабилизировать курс рубля, в последние месяцы был настолько поглощен своими делами, что не мог воспринимать ничего, не имеющего непосредственного отношения к бюджету, денежному обращению, зарубежным долгам и кредитам. Он сказал несколько незначущих слов, в общем, не выразив поддержки предложениям министра внутренних дел.

Только Долгоруков и военный министр Дмитрий Милютин решительно высказались в пользу преобразования. Но их голосов было явно недостаточно.

Выражение лица государя не предвещало, что он отвергнет консерватизм своих советников. Напротив, он с видимым удовольствием слушал их разглагольствования. Ожесточенный, разочарованный, бросается Валуев на защиту своего проекта. Он пытается говорить сдержанно, повторяет некоторые аргументы с наружным спокойствием, но еще раз взглянув на окружающие лица, взвизгивающие на него с миной победительного превосходства, чувствует, что с него хватит. Он обращается к монарху и с горячностью заявляет, что если бы император «поручил графу Панину или князю Гагарину привести к нему тех, кто мыслит, подобно им, то они не привели бы его величеству десяти человек, между тем как за князем Долгоруковым и мною пришли бы сотни и тысячи». Это уже была дер-

зость, но Петр Александрович решил биться до конца и, набросив прозрачный эвфемизм заменой «вы» на «мы», бросает царю прямое обвинение: «когда нужны жертвы, преданность, кровь», мы обращаемся к народу, считая наш народ мужественным, достойным и самоотверженным, но когда зрелость и мудрость требуются от нас, «мы обращаемся в несовершеннолетних», а всех подданных полагаем младенцами, нуждающимися в абсолютной опеке, не способными ни к какому самостоятельному действию.

Минуто длилось молчание. Горечь и непосредственное чувство, редкие гости Зимнего Дворца, произвели впечатление: государь ощутил, что нельзя просто так отбросить слова Валуева. На следующий день он сказал ему, что связывает преобразование Госсовета с реформой земско-хозяйственных учреждений. «Надежда еще есть», — старался утешить себя Валуев, но на самом деле он понимал, что добросердечный государь старается подсластить пилюлю³⁸.

Оттягивая решение, император рассчитывал, что, быть может, надобность в народном представительстве отпадет сама собой; вот и непосредственный повод к разговорам о выборных членах Госсовета — опасность вооруженного вмешательства европейских держав — исчез, Горчаков убедил в этом государя³⁹. Если с польской конституцией можно погодить, то с российской — тем более.

Александр Николаевич старался щадить человеческое самолюбие, и ему было чуть-чуть неловко — ведь предлагая Валуеву готовить предложения, он тем самым давал понять, что в той или иной степени согласится с ними; но в совещании занял иную позицию. Лучшее средство в таком положении обелить себя в собственных глазах и утешить обиженного — наградить его. «В урочный час, — не без яда записывает в дневнике Валуев, — мне прислан орден Белого Орла»⁴⁰

Награда была выбрана очень тонко. Орден «Белого Орла» — польский орден, введенный в состав российских орденов Николаем I в 1831 году; так что в награждении этим орденом пряталось несколько стрел-намеков: на валуевский «полонизм», на желание стеснить исконно-русский образ самодержавного правления, на то, что само намерение это навеяно слишком пристрастной защитой Польши. Александр Николаевич, вероятно, довольно потер руки, когда мысль о такой награде пришла ему в голову. Однако стрелы были не очень острые; добродушный государь упрятал их в весьма мягкую упаковку — «Белый Орел» был редкий и высокий орден⁴¹.

Упования на благотельные перемены государственного устройства истаяли как марево. Не только отдаленное, но и ближайшее будущее России отныне представляется Валуеву зловещим, часто на ум приходят слова сестры царя, Марии Николаевны: «скоро нас всех отсюда выгонят». Но сильнее всего саднит ущемленная гордость; поражение нанесено людьми, которых он презирал (и, скажем мы, заслуженно), людьми, не способными выработать ни одной конструктивной идеи, не способными услышать дух времени, бездарными завистниками. Ведь отрицали они все предложения не только оттого, что не могли принять их сущность, но и потому, что они были построены логично, изложены правильным языком, наконец, потому, что исходили от Валуева.

То, что государь отвернулся от него, стало для Петра Александровича особенно тяжким ударом. Нервы вибрируют, каждое неприязненное слово воспринимается остро и болезненно, а уж наветы явившегося в Петербург виленского губернатора вызывают у него просто дрожь. Отбросив придворный этикет, он пишет царю, что если не будет положен «предел проделкам генерала Муравьева», он отказывается от звания министра⁴².

Пропало желание работать. В былые времена он мог

писать две записки по разным вопросам одновременно, пока сохли посыпанные песком чернила на странице одной рукописи, он переходил к другой, не отходя от стола по 12-ти часов кряду; директора департаментов министерства не знали покоя, он до подробностей вникал во все проблемы своего ведомства и еще успевал интересоваться обстоятельствами других. Теперь большую часть дня он проводит на даче, на Аптекарском острове, читает, следит за иностранной политикой, делам уделяет лишь столько времени, сколько нужно, чтобы они не остановились совсем. Он словно ждет чего-то, знака, знамения. Думает, вспоминает, молится. Уверяет себя, что желания и страсти прошли и близка осень жизни (ему 48 лет), что под этим беспредельным, вечным, голубым небом — все прах и суета, борьба неразумна и бессмысленна. Так проходит лето и осень 1863 года.

Лишь «отдаленные седой зимы угрозы» пробудили моего героя. Морозный воздух будто вдохнул живительный ток в его душу. Воспрял от дремоты мозг, вернулась прежняя сила мысли, он снова почувствовал, что не может уйти, отстраниться, вновь воскресло ощущение ответственности за происходящее и будущее. Пусть император сегодня отказывается призвать представителей сословий, но завтра, когда он согласится на это, подробно разработанный регламент преобразованного Госсовета позволит немедленно начать его деятельность. И Петр Александрович погружается в работу. Он увлечен, отрывается от стола только для поездки с еженедельными докладами к государю, да один раз — к обеду у великой княгини Елены Павловны; она вернулась из-за границы после долгого отсутствия, хотела видеть Валуева, а отказаться от приглашения члена августейшего семейства невозможно.

Громадный труд в 200 статей, частью совершенно новых, частью взятых из действующего устава Госсовета, но из коих заметная доля подверглась переделке, был окончен в две недели. Проект виртуозно разрешал все колли-

зии волков и овец: 150 выборных представителей от губерний и крупных городов образуют Съезд «государственных гласных»; на «уважение» Съезда поступают новые законы, общие меры их введения и реализации, годовой бюджет, его изменения, исполнение смет расходов и доходов, дела, вносимые Главным комитетом по устройству сельского состояния, комитетами Кавказским, Сибирским, Остзейским, ходатайства земств и сословных собраний, буде таковые приняты к рассмотрению Госсоветом, проекты строительства железных дорог. Но деятельность «государственных гласных» обставлялась частотой ограничений со всех сторон. Съезд возглавляет один из членов Госсвета по назначению верховной власти. Каждый из участников пленарного заседания Съезда может выступать по обсуждаемому предмету только один раз, «объясняя свои мнения стоя [чтобы знали свое место; полноправные члены Государственного Совета выступают сидя и столько, сколько хотят]... Вопросы ставятся в такой форме, чтобы гласные могли отвечать только «да» или «нет». Выработанное простым большинством голосов решение передается в Госсовет, но в его собрание призывается только 16 гласных, так что постоянные члены всегда будут многократно превосходить числом «государственных гласных», притом что эти 16 человек, по существу, назначаются председателем Съезда. И, наконец, важнейшие государственные вопросы — войны и мира, общих аспектов внешней и внутренней политики, состояния финансов, торговых и промышленных привилегий и многое другое — к компетенции государственных гласных не относятся вовсе⁴³.

Описание всех этих «комбинаций», как откровенно характеризует их сам автор, составляют основное содержание объяснительной записки к проекту. Под свой регламент Госсвета Петр Александрович укладывал солому со всех сторон. Император должен был увериться, что призыв выборных представителей в один из высших ор-

ганов государства никак не угрожает прерогативам самодержавия. Собственно, в сухой осадок выпадал лишь один позитив: мнения государственных гласных были бы «услышаны и доведены до Высочайшего сведения»⁴⁴, но если предположить, что эти мнения в известной степени отражали бы настроения общества, даже такой усеченный вариант народного представительства стал бы существенным сдвигом в отношениях власти и народа. Валуев был готов к любому сокращению прерогатив и обязанностей Съезда государственных гласных и их участия в Государственном совете. Важен был почин, необходимо было с чего-нибудь начать, потом можно будет двигаться дальше.

Государь сказал, что возможное преобразование Государственного совета связывает с введением новых земских учреждений? Прекрасно, Петр Александрович совершенно с этим согласен; действительно, оба проекта преследуют одну цель: предоставить обществу точки приложения сил. Поэтому и оба плана должны быть предложены императору одновременно. С середины ноября Валуев пишет записку о земских учреждениях, в это же время разработанные им принципы земского устройства обсуждаются в департаментах Государственного совета. В начале декабря два обширных документа ложатся на царский письменный стол.

Переменчивость настроения была существенной чертой монаршего характера. Часто звучали «возвышенные струны», но столь же нередко брали верх мелодии, шедшие снизу, от праотцов, от придворной олигархии, от великодержавного хора «истинно-русских людей». Играть на инстинктах несравненно легче, «результативнее», чем апеллировать к голосу разума, и этим объясняются успехи охранителей в навязывании государю своей политической линии, а вовсе не преимуществами их идей и, тем более, их способностей — не было ни тех, ни других. Валуев, стоящий на голову выше своих коллег, проиграл сражение

за выборное представительство, ибо обращался к сердцу императора, к его великодушию, к здравому смыслу — к качествам, которые, конечно же, у Александра II были развиты несравненно сильнее, чем у его предшественников и наследников на троне, но не настолько, чтобы сделать шаг, выходящий из пределов самодержавия.

Пользуясь уместным местом, свидетельствую мое глубочайшее уважение к личности Александра Николаевича. Его нравственной потенции, его воле и мужеству обязана Россия всем комплексом великих реформ: крестьянской, судебной, земской, военной, акцизной, образовательной, промышленным развитием, железнодорожным строительством, многим частным, но важнейшим преобразованиям, изменившим облик страны. Однако грусть охватывает при мысли, что столь многое было сдержано, что дух свободной инициативы не получил должного импульса, и когда бесовщина завладела умами народа, не оказалось в стране самодостаточного третьего сословия — стержня и опоры легитимной власти.

Из этого печалованного пассажа читатель без дальних слов поймет, что очередной приступ Валуева окончился крахом. Царь не внял общей идее, не помогли и «сдержки и противовесы», многожды рассыпанные по тексту Петром Александровичем. Вернул записки Валуеву с сердцем, с ожесточением, явно подчеркивая, что из его слов, сказанных в апреле, никак нельзя было вывести, что он согласится с ущемлением самодержавной власти. «Да ведь не будет никакого ущерба власти!» — хотелось воскликнуть Валуеву, но он только «посмотрел на икону, да поклонился Казанскому собору на пути домой»⁴⁵.

Да, в глазах «прогресса» «отступничество» Александра II было пагубным. Однако будем справедливы. Давайте посмотрим на происшедшее иными глазами, глазами императора. Легко судить деятелей прежних времен, зная каким путем свершилась история. Но перед Александром

ром Николаевичем простиралось неизвестное будущее, риск прятался в любом выборе. Так ли легко ему было согласиться с предложениями Валуева, действительно ли в призыве выборных заключалась лишь благотворительная природа и нельзя было ожидать никаких опасностей?

Как ни обставляет Валуев заборами и оградами свой преобразованный Госсовет, заколотить его наглухо не удастся. В той или иной степени он сделается трибуной оппозиционных настроений. Не только нужды и чаяния народа изольются оттуда, хлынет немало и демагогии. «Эти выборные» непременно дойдут до требования конституции, хоть Валуев и Долгоруков отрицают это. Но конституционная монархия в России невозможна и недопустима, в этом Александр Николаевич убежден твердо. Эта уверенность сложилась не только под воздействием отца и дяди.

Ах, ошибался Петр Александрович, когда в порыве вдохновения уверял императора, что за Паниным и Гагариным не пошло бы и десяти человек! Уж не станем говорить об обывателях всех сословий. Множество людей, в уме и знаниях которых не приходилось сомневаться, десятилетиями устно и письменно доказывали, что для России, в силу исторических и национальных традиций, самодержавие — единственно благотворительная форма власти. Разделение, децентрализация управления приведут к размыванию и ослаблению государственного фундамента и никакого счастья стране не принесут, ибо русский народ не в состоянии жить без веры в абсолютного царя, в его справедливость и защиту, а с другой стороны, потеряв страх перед всепроникающей силой, тотчас «заворует», впадет в анархию, хаос. Что немцу здорово, то русскому смерть, полагал Александр Павлович, требуя от Людовика XVIII согласия на конституционный образ правления, предоставляя значительную свободу и самостоятельность польским и финским национальным администрациям и одновременно вводя военные поселения в «коренных гу-

берниях». К этому грузу традиций и авторитетов теперь, в начале 60-х годов, размах польского восстания добавил новый аргумент: помимо возможного разброда и шатания, в которые могла впасть Россия, она потеряла бы окраины, приобретенные кровью и усилиями поколений. И Александр Николаевич, исходя из соображений пользы, не посчитал возможным сеять свободу с плеча. Он собирався лишь избыть злоупотребления, устранить несправедливости, поспособствовать развитию страны. Он вовсе не намеривался менять образ правления.

Растаяли не только валуевские «бессмысленные мечтания», как еще тридцать лет спустя именовал подобные надежды незадачливый внук Александра II. Перед лицом монарха Валув в одиночку бился за право подданных принимать хоть минимальное участие в делах государства, почти никто из сотоварищей Валуева в правительстве не разделял его позиции. Но за стенами Зимнего дворца оставалось множество людей, потенциальных союзников Валуева, которые вместе с ним, не зная того, испили горькую чашу поражения.

В те дни, когда Петр Александрович выстраивал ряд за рядом свою иерархию доводов и доказательств, князь Черкасский писал Самарину: «При настоящем настроении умов и развития гражданственности прежние исключительно абсолютистские приемы управления становятся просто невозможными. Является совершенно необходимым, даже в интересах самих правительств, принять другую систему, искать новых сил и сочетаний, *на которые можно было бы опереться потверже*. Такой опорой, опорой самой надежной является элемент демократический [то есть либеральный, неолигархический], правительству остается лишь бестрепетно на него опереться, даровав стране свободные учреждения; *и власть его, в сущности, умалится мало, а сила, действительная сила, а не та мнимая, которая окончательно была сражена под*

стенами Севастополя и сама себе отпела панихиду в Положениях 19 февраля, *удесятерится*»⁴⁶

Стоит сравнить мысли Черкасского с мыслями Валуева, чтобы убедиться в их полном совпадении. Да беда-то была в том, что не мог Петр Александрович взять себе в сотрудники Владимира Александровича, ни по своему положению министра, ни по складу своего характера, даже если бы и подсмотрел, что пишет его неведомый соратник.

Спустя несколько месяцев Валуев узнал о записке С.П. Шипова, не разрешенной московской цензурой к печати, и, вытребовав ее к себе (на сопроводительном письме Шипова рукой министра начертано — [благодарить]), лишний раз убедился, что идеи [народного представительства] в той или иной форме продолжают бродить. Он с горькой усмешкой пролистал очередной проект законосовещательных учреждений. Доводы в подтверждение необходимости не были новы: центр не может, не должен решать все единолично. Как ни искусны кабинетные теоретики, законы, ими предложенные, должны быть предварительно рассмотрены и обсуждены обществом. Для учета местных обычаев и проблем необходимо собрание людей, знающих эти обстоятельства, — отсюда необходимость губернских дум. Они направляют свои мнения в «Общее государственное совещательное собрание», для «представления Верховному Правительству нужд народных и совокупного их обсуждения»⁴⁷ Еще один документ, из тех, что соответствовал взглядам Валуева, лег в его архив. Но ничего не прибавилось к осуществлению.

При всех неизбежно общих чертах различных планов общественного представительства их авторы преследовали подчас абсолютно противоположные цели: одни собирались открыть дорогу олигархии, другие — мечтали о выборных учреждениях с широким участием всех сословий. Полярность подходов отразилась на проектах земско-хозяйственных учреждений.

Глава VI

Как помнит читатель, Петр Александрович несколько не был обескуражен, когда император связал преобразование Госсовета с реорганизацией земского управления. Валуйев с самого начала имел это в виду. Параграф 20 его «Проекта нового учреждения Государственного Совета» предусматривал, что «Съезд государственных гласных составляется из гласных, избираемых губернскими земскими собраниями, столицами, некоторыми крупными городами»¹. Эта препозиция не только объединяла местные и центральные выборные органы власти в единую систему, но обеспечивала всесловное представительство на всех уровнях, от уездного до столичного. Она отвечала самым демократическим пожеланиям. Валуйев готовил серьезное приглашение обществу участвовать в совместной с правительством деятельности — на местах и в центре.

Что перемена поземельных отношений неизбежно отразится на всей структуре исполнительной власти в деревне, было понятно всем, кто сколько-нибудь близко стоял к делу освобождения крестьян. Распорядительные функции помещика исчезали, и вакуум власти следовало немедленно заполнить. Старые земские учреждения, исключительно дворянские по составу, объединявшие все функции без разделения, не могли соответствовать новой ситуации. Поэтому, когда в 1858 году правительство всерьез приступило к разработке крестьянской реформы, одновременно в Комитете по крестьянскому делу

началось обсуждение основ будущей сельской администрации.

В 1858 году правительство еще стояло на совершенно консервативных позициях и не собиралось делиться с обществом властью даже на местном уровне. Более того, предполагалось, напротив, ужесточение коронного управления. Намечали ввести должность уездного начальника, полностью независимого от всех сословий, включая дворянское. (Видимо, сказывалось недоверие к помещикам, опасались, что они всячески будут чинить препятствия освобождению крестьян.) Но дворянские собрания, одно за другим, отвергали присланные им на обсуждение «соображения» Комитета столь единодушно, что «петербургские бюрократы» к сей глупости больше не возвращались. К тому же в эти месяцы день ото дня росло влияние Николая Милютина и весь комплекс реформирования сдвинулся в прогрессивную сторону. В марте 1859 года царь принимает предложенные Милютиным «начала» будущей организации земских учреждений, назначает его главой комиссии, призванной осуществить непосредственную разработку проекта, соглашается с весьма либеральным составом ее членов, им подобранных, включая Я.И. Соловьева, которому Николай Алексеевич отвел важную роль редактора. Дело, казалось, должно было быстро двинуться вперед.

Но читателю уже известно, что процесс подготовки реформ развивался значительно медленнее, чем хотелось «дельцам» преобразований: и препятствий было слишком много, и работы оказалось куда больше, чем ожидалось. Разработка Положения о крестьянах почти полностью поглотила время и силы главных деятелей комиссии земских учреждений, и к весне 1861 года из всего корпуса земского проекта более или менее законченным выглядел лишь план преобразования земской полиции.

Из ее ведения изымались все хозяйственно-распорядительные дела, в том числе раскладка повинностей, от

нее отделялись судебная и даже следственная части, полиция становилась, в полном соответствии со своим наименованием, только исполнительной. Сельская и городская полиция уезда соединялись и поступали в подчинение одному уездному исправнику. Сокращение лишних должностей и обязанностей позволяло увеличить содержание полицейским чинам. В уездное полицейское управление должны были войти заседатели от трех сословий: дворян, горожан, крестьян.

Отставка Милютина означала его уход со всех постов; с апреля 1861 года председателем комиссии по земской реформе становится Валуев. Но он тоже не может уделить должного внимания ее трудам. Только через год в его представлении сложилась общая схема будущего земского механизма.

Нет сомнения, что все сословия должны иметь представительство в земских учреждениях; численно оно не может быть для всех одинаковым, но должно быть таким, чтобы каждое сословие могло влиять на принятие решений. Но прежний «управленческий» дворянский опыт не должен быть отброшен, ибо другого опыта просто нет. Вместе с тем значительная часть земли перешла к недворянам, и дворяне не могут быть исключительными представителями интересов земледельческого общества. Важно установить такие выборные нормы, которые обеспечат разумное участие всех народных элементов, не забывая притом важнейшего обстоятельства: материальная обеспеченность более других факторов благоприятствует развитию способностей человека, служит ручательством независимости выборного лица при отправлении им должности². Чем большим имуществом владеет гражданин, тем более он заинтересован в правильном течении дел; чем более платит он земских сборов, тем больший вес в решениях должен ему принадлежать.

Земство получит в свое управление все местные дела: определение величины земских повинностей и их рас-

кладку, народное продовольствование, общественное призрение, страхование строений, поддержание местной торговли и промышленности, ремесел и промыслов; земства могут обладать имуществом и капиталом и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Земские учреждения — это уездные и губернские собрания и управы, избираемые населением; но крупные землевладельцы и капиталисты должны входить в уездное собрание непосредственно, без выборов. Другие земельные и городские владельцы избирают своих представителей: один гласный от группы землевладельцев (группы горожан), чья суммарная собственность равняется цензу, установленному для личного участия. Крестьяне также избирают представителей, но от «коллектива», во много раз превышающего по численности группы первых двух сословий. Уездные собрания избирают из собственной среды членов губернского собрания. Оба собрания выделяют из своего состава управы, которым вручается исполнительная власть; управы отчитываются о своей деятельности на годичных сессиях подлежащих собраний.

В мае 1862 года главные «начала», разработанные валуевской комиссией, были утверждены и осенью опубликованы для всеобщего сведения. Они не вызвали особенно бурной полемики. В них еще не было деталей, и главные бои были впереди.

К весне следующего года комиссия составила полный текст проекта. В записках царю, в ответах на замечания II отделения императорской канцелярии, в статьях, написанных для «Северной почты» (в пяти номерах газеты, 24–29 июня 1863 года) Валуйев излагает основные черты плана, защищает его, аргументирует свою позицию.

Окончательный проект сохраняет схему «собрание — управа». Члены собраний — гласные — избираются на 3 года. Уездная управа состоит из 6 человек, выбираемых уезд-

ным собранием из своей среды. Губернское собрание состоит из гласных, выделенных уездными собраниями; каждый уезд делегирует по 2—5 человек (в зависимости от численности уездного собрания, т. е. от населенности уезда). Губернская управа формируется тем же способом, что и уездная.

Выборы в уездное земское собрание происходят следующим образом. В уезде образуются три избирательные курии: частных землевладельцев, городских жителей, сельских обществ (крестьянских общин).

В первую курию лично входят: дворяне, с земельной собственностью не менее 50 высших душевых наделов, установленных «Положением 19 февраля», т. е. 138—600 десятин (в зависимости от местности), другие собственники, чье земельное владение составляет 200—800 и более десятин, уездные промышленники, обладающие имуществом ценой не менее 15000 рублей или оборотом капитала 6000 рублей, арендаторы земель площадью не менее 2000 десятин, лица, занимавшие три года должности мировых посредников или судей, сельские священники. Дворяне, с владением $\frac{1}{20}$ и более дворянского ценза, прочие обыватели, с собственностью $\frac{1}{10}$ и более недворянского ценза, собираются в группы, составляющие в сумме эти цензы, и избирают в курию одного уполномоченного.

Во второй курии личное участие принимают владельцы недвижимостей стоимостью 3000—5000 и более рублей (в зависимости от величины города) и те капиталисты, чей оборотный капитал равен 6000 и более рублей. Лица, владеющие недвижимостью ценою от 500 рублей, выбирают уполномоченных; здесь соблюдается та же логика, что и при выборах уполномоченных в первой курии. Сельские и городские мелкие владельцы-дворяне с имуществом менее $\frac{1}{20}$ ценза и недворяне с имуществом менее $\frac{1}{10}$ ценза, сельские заводчики и арендаторы, не достигавшие своих цензов, не получали избирательных прав совсем и, соответственно, не входили ни в первую, ни во вторую ку-

рию. О тех, кто не имел никакого имущества, — и говорить нечего.

Третья курия представляла собой еще более частый гребень: рядовой крестьянин туда попасть не мог, курия без всяких выборов составлялась из сельского начальства — волостных старшин и сельских старост. Петр Александрович аргументировал эту затею, как ему казалось, достаточно хитроумно: эти люди уже однажды были избраны крестьянами (на сельских и волостных сходах, в которых принимают участие все домохозяева, главы семей), следовательно, они пользуются убедительным авторитетом, и если проводить выборы уполномоченных от деревенского мира, то они и будут избраны — зачем же лишний раз занимать крестьян! Правда, он предлагал такой способ только для первого опыта выборов.

Гласные земского собрания избираются на заседаниях курий. Первая курия — избирает одного гласного «от» каждые 2000 высших душевых наделов, вторая курия — одного гласного от 200 домовладельцев, третья курия — одного гласного от 4000 душевых участков. Таким образом, землевладельцы, обладатели земель более чем в 2000 высших душевых наделов, становились гласными практически без выборов.

Следующая часть проекта определяла круг занятий земских учреждений. К нему будут относиться: «Дела по земским повинностям, по народному продовольствию, общественному призрению, взаимному страхованию»³.

В начале своей деятельности, при отсутствии практики, собственных, местных, хозяйственных вопросов у земств будет более чем достаточно, и они ни в коем случае не должны увлекаться «высокими материями», обсуждением вопросов государственных. Там, в «глубинке», непочатый край дел, запущенных проблем, оставленных действительно негодным аппаратом управления. Но сегодня, в пору брожения умов, уездные деятели считают необходимым прежде всего влить свой голос в общий хор недоволь-

ства всем и вся, негодовал Валуев; значительно сладостнее сокрушать петербургских бюрократов, чем разгребать собственные конюшни. Вот этих трелей Петр Александрович слушать не хотел. Вообще, все акции запретительного характера, которые министр внутренних дел Валуев в течение своей деятельности предпринимал против дворянских или земских собраний, вызывались вредной, по его мнению, болтовней членов этих собраний, болтовней, которая лишь вновь и вновь возбуждала общество, не принося никакой пользы, ибо вторгалась в сферы высшего правительства с предложениями, которые, по мнению этого правительства, не должны быть допускаемы. Тому мы тому примеров видим.

В начале 1862 года — времени кипения страстей вокруг «Положения 19 февраля» — в ряде губерний проходили очередные дворянские съезды. Тон выступлений и принятых постановлений простирался от наливного красного до осатанело белого. Неугомонный Безобразов на московском съезде потребовал почти полного пересмотра «Положения» в интересах помещиков, тверские же дворяне — того же, но в пользу крестьян. 13 тверских мировых посредников пошли еще дальше. Они объявили «Закон 19 февраля» несостоятельным: предоставленные крестьянам земельные наделы должны незамедлительно стать их юридической собственностью, выкупные платежи должно взять на себя государство. Хотя этот замах никто не смог бы исполнить, прежде всего по отсутствию денег (уж на что Николай Милютин не жаловал дворян, но не пошел на этот шаг, понимая, что при такой попытке государству грозило бы банкротство, а тем же помещикам, вследствие неизбежного падения рублевого курса, еще большее разорение⁴), но это, по крайней мере, была конкретная претензия, остальная же часть декларации просто вбрасывала в окружающее пространство нигилистическую риторику: правительство не в состоянии удовлетворить общественные потребности, ему следует вы-

слушать представителей всего народа, мы, посредники, будем из этой нравственной нормы исходить «и заявляем, что всякий образ действий, противный этим убеждениям, признаем враждебным обществу»⁵ Что это, как не объявление войны правительству?

Еще раз сошлюсь на Юрия Федоровича Самарина, человека, который всегда восставал против бюрократической системы, но не питал надежды на способность дворянства заняться чем-либо конкретным. Им подавай Земскую думу и представительное правление, — пишет он князю Черкасскому в том же письме, которое я уже цитировал. Разумеется, в полемическом запале Юрий Федорович преувеличивал «лень, вялость и трусость» сельских дворян, последующая деятельность земств показала, что всегда находятся люди, умеющие и желающие работать, но что привычка к пустопорожней трескотне неистребима, тут Самарин совершенно прав, и это равно отмечают умные наблюдатели, к каким бы лагерям они ни принадлежали. Валуев считал земско-хозяйственные учреждения достаточно широким полем, на котором несколько тысяч человек смогут приложить свои силы. Но он хотел, чтобы нива эта была «домашняя», чтобы ее вспахивали и удобряли исключительно для нужд и пользы всего земледельческого класса людей, вне зависимости от их сословной принадлежности. *Развитие экономическое должно предшествовать политическим свободам.*

Мог ли министр внутренних дел, озабоченный такой программой, оставить брошенную перчатку незамеченной? Последовало распоряжение об аресте 13 тверских посредников и предании их суду. Они были приговорены к 2 годам заключения в смиренном (работном) доме, но помилованы. Кстати сказать, Александр II при конфирмации приговоров по политическим преступлениям по царской традиции весьма часто смягчал наказания, а то и вовсе освобождал от них. То были «вегетарианские десятилетия» российской истории⁶.

Петр Александрович внимательно прочитал все адреса и постановления дворянских съездов. Ряд пунктов носил вполне дельный характер, другие также относились к «местным нуждам, хотя и обнимали общие вопросы», но третьи — рассматривали «предположения, выходящие из круга предметов, предоставленных дворянским съездам: о созвании выборных лиц от различных губерний и сословий для обсуждения общих проблем или для составления законодательных проектов, о совместном составлении или обсуждении каких-либо вопросов или проектов депутатами от дворянства и, наконец, о допущении ныне же других сословий к совместному с дворянством участию при рассмотрении или разрешении законодательных вопросов»⁷ (Тут желание послужить престол-отечеству предполагало обязательные прения во Всероссийской думе.) Что до земских учреждений, то разногласия впечатляла: одни не хотели их вовсе, другие настаивали на их немедленном введении.

Деловые соображения относительно частных местных нужд будут МВД приняты, сообщает Валуев губернаторам. Местные проблемы, но имеющие общий характер, «составляют предмет заботливости высшего правительства и в настоящее время не только имеются в виду, но подвергаются тщательному и всестороннему обсуждению». Собранные вместе дворянские сентенции относительно третьего круга вопросов свидетельствовали, что дворяне, как сословие, по-прежнему эгоистичны и стремятся не к повышению благосостояния всего земледельческого класса, а своего лишь собственного, притом часто за счет крестьян. Валуев лишний раз убедился, что был прав, когда препятствовал своеволию дворянских собраний, прав, когда считал, что центральная власть способна к объективности, до какой узко смотрящий на дело помещик никогда не поднимется. С этим, прежде всего, связано его нежелание предоставить компетенции будущим земств весь комплекс вопросов, связанных с образо-

ванием и здравоохранением. Он полагал, что государственный патронаж обеспечит более профессиональный подход к этим важнейшим предметам, и ничего упущено не будет. К свободе надо приучать постепенно, не давая ей вырождаться в произвол. «Земские учреждения, в кругу ведомства своего, действуют самостоятельно, подлежа наблюдению правительственной власти только в определенных законом случаях и порядке»⁸.

Твердая позиция министра произвела должное остужение. Тон реляций дворянских собраний с этого времени заметно поумерился.

Доработка проекта земских учреждений проходила на заседаниях комиссии МВД. Снова рассматривался весь корпус, и Петр Александрович продолжал «дожимать» те статьи закона, в которых ему чудилась слабость государственного участия. Из-под контроля земства были выведены государственные денежные повинности; продовольственное дело распределилось между тремя инстанциями: запасы магазинов (складов зерна) передавались под опеку сельских и волостных обществ, денежные капиталы — губернским собраниям и частью правительству. Валуев особенно настаивал на этой последней мере; было очень хорошо известно, как разбазаривали помещики накопленные средства и продовольствие раньше, а с началом эмансипации продовольственные склады, оставшиеся вовсе без присмотра, разворовывал всякий кому не лень. Между тем собирались они взносами крестьян и к описываемому времени только по обществам временнообязанных крестьян запасы хлеба составили 11 млн четвертей (100 млн пудов, почти по 5 пудов на человека), а денежные капиталы — 12 млн рублей⁹. (Запасные магазины были созданы царским указом в 1834 году; крестьянам вменялось в обязанность отдавать туда ежегодно полчетверика пшеницы и 10 копеек деньгами, помещикам — следить за исполнением указа и обеспечивать сохран-

ность поступившего зерна и выплаченных денег.) К тому же Валуев был уверен, что помещики ныне, сложив с себя индивидуальную ответственность за поддержание своих крестьян в голодные годы, коллективной ответственности не приобрели. Крестьяне же, по понятной человеческой слабости, сами, без понуждения, хлеб и деньги впрок заготавливать не будут, когда и на каждый день не хватает. Выход был только в государственном наблюдении, по крайней мере, за сбором и расходом денежных средств, без которых будет невозможно купить хлеб, если свой не уродится. Земства, считал также Петр Александрович, не смогут (прежде всего из-за финансовой скудости) должным образом развивать врачебное и почтовое дело, обеспечить призрение больных и несчастных. Во все эти стороны местной, в общем, деятельности, разработанный проект вовлекает коронную администрацию, сохраняя за ней резервные денежные фонды.

Однако независимость земских учреждений — неременный принцип их функционирования, и эта идея лежит в основании проекта. Правительственная власть может вмешиваться в деятельность земств лишь в случае, когда их «постановления выходят из пределов ведомства, могут превышать законную власть их, могут нарушать общие уголовные законы»¹⁰. Но только Сенату, высшей судебной инстанции принадлежит право отмены решений земских собраний. Контроль же над управами — исключительная прерогатива соответствующих собраний, а отстранение членов управ от должности предоставляется Сенату. Перед нами разумное разделение власти.

Несколько обсуждений в особом совещании под председательством великого князя Константина Николаевича внесли в проект лишь незначительные изменения, и весной 1863 года он был передан, по распоряжению государя, во II отделение императорской канцелярии. Там место главноуправляющего, которое когда-то зани-

мал Сперанский, принадлежало теперь барону Модесту Андреевичу Корфу.

Во II отделении, незадолго до появления там проекта земских учреждений, закончилось составление обширной докладной записки «Об отделении законов от административных распоряжений».

Одна из существенных причин неразберихи, по-прежнему царствующей в государственной, общественной и частной жизни, утверждала Записка, заключается в праве нескольких десятков лиц и мест издавать распоряжения, по исполнительной силе неотличимые от законов. По установленному правилу все они включаются в Свод законов, который, таким образом, содержит обязывающие постановления монарха, Государственного Совета, Совета и Комитета министров, отдельных министерств и ведомств. Требование при «помещении в Свод новой статьи точно указывать, какую статью она заменяет, исполнялось очень недолго». Невероятно разросшиеся тома Свода законов — только за 20 лет к 42 тысячам статей присоединилось еще более 48 тысяч, а к 15-ти первоначальным томам прибавилось 19 томов дополнений — вернули законодательство к прежним временам. Так как никто толком не знает, чем же отличается закон от предписания, любой правительственный орган, «просто по частным видам своего ведомства», с необыкновенной легкостью издает любые постановления, подчас стеснительные для общества и частных лиц, в которых «нередко встречаются статьи, ограничивающие, изменяющие, а иногда и вовсе отменяющие действия законов».

Разумеется, кардинально разрешить коллизию можно только одним способом: немедленно приступить к изданию кодексов гражданского и государственного права. Но пока этого нет, следует твердо отделить закон от других установлений. Закон — это только волеизъявление императора или акт, им утвержденный, предварительно

рассмотренный Государственным Советом. Никаким другим путем прежний закон не может быть изменен, а новый не может быть принят¹¹.

Это была очередная попытка ввести упорядочение в хаотическую систему. Да ведь и Валуев хлопотал о том же! Был у него, оказывается, еще один неизвестный союзник, хотя и по частному вопросу, притом в правительственных сферах, и если б не формировал так умело свое одиночество Петр Александрович, то не отводил бы он от Модеста Андреевича своего взгляда так равнодушно!

Нечего и говорить, что записка Корфа осталась «без последствий»¹².

Для нашего повествования эта «Записка» важна для понимания позиции, с которой Корф обратился к проекту земских учреждений. В целом он вызвал его полное одобрение. Предложения комиссии МВД, «резко отличающаяся от робких преобразовательных попыток и полумер, имеют в виду сразу утвердить наше местное самоуправление на широких началах и окончательно расторгнуть связь со старыми, отжившими свой век преданиями и привычками нашей бюрократической администрации»¹³. Следует лишь достичь большей стройности в организации нового института, большей логики в выборе круга деятельности, который будет сему институту предоставлен. В этом ключе и выдержаны замечания Корфа.

Земства – главным образом сельские учреждения, не верно ли будет вообще исключить вторую курию? Если мы положили в основу формирования избирательных курий имущественную норму, то сохранение социального неравенства только затемняет картину; следовательно, разных цензов для дворян и недворян в первой курии иметь не следует. Принцип выборности должен быть проведен без уловок – третья курия не может быть составлена из старшин и старост, зависимых от администрации. Если мы создаем уездное самоуправление, давайте отда-

дим ему полностью все дела, до него касающиеся, не делая их с государством. Пусть земства занимаются здравоохранением, общественным призрением и образованием.

Мнение Корфа было достаточно важным для последующей судьбы проекта, от него нельзя было отмахнуться. Валуев приказал сделать писарскую копию, заняв текстом замечаний половину листа. Напротив них он поместил свои ответы. С некоторыми предложениями Корфа он согласился. В таком виде документ предстал перед каждым членом Государственного Совета; там, в Совете, скоро должно было начаться решающее обсуждение.

Все, что можно было сказать в защиту своего труда, Петр Александрович уже сказал раньше, на протяжении прошедших полутора лет. Он повторил их, немного расширив аргументацию. Но он чувствовал, что в Государственном Совете найдутся люди, которые разделят и поддержат суждения Корфа, и это заранее приводило его в раздражение.

26 мая 1863 года курьер МВД доставил проект в канцелярию Госсовета.

Однако нельзя сказать, что уважаемые члены Совета были снедаемы нетерпеливой жаждой немедленно броситься к столам и погрузиться в чтение манускрипта. Нисколько. В июне прошли лишь заседания «соединенного присутствия департамента законов и департамента государственной экономии»; ничего серьезного от этого не произошло. С июля до конца ноября, с неумолимой периодичностью, по три-четыре раза в месяц проходили совещания особого присутствия Государственного Совета, т. е. тех членов Совета, которые, предполагалось, наиболее сведущи в деле земских учреждений. Государь назначил 17 человек, в том числе предводителей дворянства столичных губерний и городских голов Москвы и Петербурга.

Безусловно знали предмет обсуждения Дмитрий Ми-

лютин, барон Корф, государственный секретарь Бахтин. Достаточно компетентными были предводители дворянства Гагарин и Щербатов, хотя Петр Александрович это отрицал. Но остальные совершенно не могли судить о существе дела и становились на ту сторону, которая, как им казалось, убедительнее другой доказывала свою правоту. Валуеву одному приходилось отбиваться от сумбурных нападок председателя департамента законов князя Павла Гагарина, обвинявшего проект и его автора в потворстве «конституции», от настойчивой тенденции Милютина предельно демократизировать проект. Корф временами поддерживал Валуева, временами — в духе своей записки — предлагал весьма серьезные перемены. Петр Александрович нервничал, срывался; с пылом защищая ту или иную статью, убеждался, что горячностью ничего не добьешься; принимал холодную мину и выступал с академической лекцией, результат которой: «не только значительное большинство против меня, но и объявление кн. Горчаковым в конце совещания совершенного непонимания дела»¹⁴. Процесс затягивался. Иногда Валуеву казалось, что проект пройдет почти без изменений, но к концу обсуждений стало ясно, что кое-чем придется поступиться. Правда, относительно немногим. Невольную помощь принесли антагонисты справа и слева. Хотя и не было у Петра Александровича прямых союзников, но известный центризм его позиции сыграл положительную роль.

К началу заседаний особого присутствия Катков приурочил публикацию в «Московских ведомостях» своего проекта, 24 августа в газете военного министерства «Русский инвалид» Дмитрий Милютин опубликовал свой план создания земских учреждений¹⁵.

Катков предоставлял дворянам громадное преобладание: по его плану, все они, вне зависимости от величины или стоимости собственности, имели право лично войти в земское уездное собрание; т. е. дворянское собра-

ние *in corpore* переходило в земское. По Каткову, *все дворяне* уезда, вне зависимости от имущественного состояния, занимают места в земском уездном собрании без выборов. Без выборов туда входят принадлежащие любому сословию владельцы поземельной собственности, оцениваемой в 45000 рублей, и купцы первой гильдии. Собственники земель, стоимостью от 22500 до 45000 рублей, выбирают одного уполномоченного [от] совокупной стоимости 90000 рублей. Несколько лиц вместе, с имуществом каждого менее чем в 22500 рублей, с суммарной стоимостью 135000 рублей, посылают одного делегата. Крестьяне, не имеющие личной собственности (при общинном землевладении) с общей стоимостью земли 270000 рублей — имеют одного члена в земском собрании.

В таком собрании одного крестьянина окружали бы один купец 1-й гильдии, четверо дворян, пять помещиков средней руки, 10 помещиков помельче¹⁶. Невероятные цензы Каткова создавали невиданное для всесословного учреждения господство богатых. Даже граф Панин посчитал проект Каткова невозможным.

Что предлагал военный министр? В первую курию уездного избирательного собрания лично входят: владельцы любого вида недвижимой собственности стоимостью не менее 20000 рублей (ценз в несколько раз выше, чем по проекту Валеева), лица, занимающие выборные должности или имеющие высшее образование, приходские священники. Каждые 5 человек, обладающие имуществом, ценою от 3 до 20 тысяч рублей, посылают в курию одного уполномоченного. Таким образом число богатых людей, которые по проекту МВД без выборов попадают в избирательное собрание, а потом и в гласные, резко снижается. Нижний предел в 3000 рублей означал, что мелкопоместные и частью среднепоместные дворяне лишались избирательных прав. Первая курия становилась сосредоточением высшей части среднего слоя поземельных собственников, наиболее рачительных хозяев.

Вторая курия представляет всех, отбывающих земские повинности, т. е. крестьян. В нее входят уполномоченные от определенного числа дворов, или семейств, или душ. Земство носит доминирующе сельский характер, город требует совершенно другого устройства, и третьей, городской курии, Милютин, как и Корф не предполагает.

Первая курия выбирает половину членов уездного земского собрания. Другую половину выбирает вторая, крестьянская курия.

Милютинское земство снимало дворянское преобладание над крестьянством. А так как городской элемент практически исчезал, то крестьяне оказывались на равных со всеми остальными сословиями, вместе взятыми. Милютинский проект в максимальной степени приближался к принципу, который провозглашал Ю.Ф. Самарин: там, где дело касается распределения продовольственных запасов и капиталов, содержания больниц и школ, словом, всего, что имеет отношение к народу, — там важно влиятельное представительство крестьян; тот, кто потребляет, и относительно больше за это платит, более заинтересован в земском «продукте», в справедливом раскладе затрат, нежели тот, кто не пользуется им, а лишь индифферентно наблюдает за формальным соблюдением правил.

Московские предводитель дворянства и городской голова пытались включить в обсуждение реакционный проект Каткова, Бахтин популяризировал радикальный проект Милютина — члены особого присутствия волей-неволей искали панацею в валуевском проекте.

Дело, однако ж, тянулось слишком долго, уже почти полгода томило проект особое присутствие. Валуев жаловался императору, и Александр Николаевич потребовал скорейшего завершения; он хотел начать новый 1864 год указом о земских учреждениях. «Предбанник» заторопился, и 5 декабря состоялось подписание журнала особого присутствия, завершающего обсуждение. Теперь

предстояла последняя, решающая фаза — окончательная корректировка и утверждение проекта на пленарных заседаниях общего присутствия Государственного Совета.

Они проходили в течение трех дней: 14, 16 и 19 декабря 1863 года. Это были тяжелые для Петра Александровича дни. Накануне, 13 числа, государь окончательно отверг его предложения о реорганизации Государственного Совета. На душе было горько, и он почти автоматически парировал претензии к своему проекту, не очень следил за ходом дискуссии, тем более что «большинство решительно склонилось по всем разногласиям на [его] сторону»¹⁷. Значительную часть критических замечаний Государственный Совет отверг (т. е. при голосовании они не получили большинства голосов), прошло лишь несколько предложений. Важным среди них было одно: крестьянская курия формируется из выборных от волостных сходо́в вместо старост и старшин (Совет согласился с неопровержимым доводом Корфа: самые зажиточные, т. е. крепкие и лучшие хозяева уклоняются от должностей старост и старшин, но в земские собрания пойдут), число гласных от первой курии понижалось, а от третьей повышалось (каждая будет избирать одного гласного от 3000 душевых наделов), и тем самым устанавливалось численное равенство гласных от этих курий. Это изменение позволяло в равной степени защитить интересы землевладельцев и крестьян, удовлетворить, казалось бы, противоречивые требования: представить в земском уездном собрании интересы тех, кто вносит большую лепту, и тех, кто этой лептой пользуется...

Были приняты поправки второго, так сказать, порядка.

Из первой курии исключили арендаторов. Госсовет согласился с доводом Милютина, что, мол, польские шляхтичи в Западных губерниях арендуют большие пространства земель, и, следовательно, допуск арендаторов к выборам по проекту Валуева даст перевес в тамошних

земствах лицам польского происхождения. Не будем обсуждать националистические резоны, они соответствуют месту и времени, но аргумент смехотворен потому, что земских учреждений не предполагалось вводить в Западном крае!

Уравнивали цензы дворян и недворян, всех назвали — «уездные землевладельцы», уменьшился контроль коронной администрации над составом земских управ.

Стоит отметить один нетрадиционный для нашей истории факт. За исключением двух-трех членов Госсовета во главе со старым ретроградом Гагариным никто всерьез не нападал на валуевский проект «справа». Никто не покусился на независимость земских учреждений в пределах их деятельности, провозглашенную комиссией Валуева. Обсуждавшиеся к этому времени новые судебные уставы уже оказывали влияние. Никакие административные взыскания на земства налагаться не могут, губернатор имеет право только приостановить их постановления, если докажет, что они противозаконны. Если же земство подтвердит свое решение, то арбитром может выступить только Сенат. «Земские собрания как учреждения, представляющие целое общество уезда или губернии, не могут подлежать никакой формальной ответственности за существо своих мнений и постановлений по делам, ведению собрания подлежащих»¹⁸. Этот тезис, провозглашенный Валуевым, явился стержнем закона о земствах.

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» было введено в 1864 году в 33-х внутренних губерниях России. На первых выборах было избрано 6204 гласных от землевладельческой курии, 5171 — от крестьянской и 1649 — от городской. Система оказалась вполне уравновешенной.

Земство, это чисто русское изобретение, как нельзя лучше принялось в российской действительности. Оно стало катализатором лучшей части русской интеллиген-

ции, местом приложения сил честных людей, которые желали отдать себя делу, делу созидания, не в пример демагогическим крикам и разрушительным действиям нигилистов, левых радикалов, правых оппозиционеров.

Особенных успехов достигло лечение и обучение. Дореформенных казенных больниц, где «больные выздоравливали как мухи», крестьяне сторонились как чумы. Да и врачей было раз-два и обчелся: один в уездном городе, один на все села уезда. (Были, конечно, и частные доктора, но кто из крестьян мог к ним обратиться? Разве богатые.) Земства выделяли средства на содержание врачей, больниц и аптек во много раз больше, чем это делала прежняя врачебная управа. Сеть сельских школ расширилась, учреждались агрономические и ветеринарные училища, кое-где возникли земские гимназии и учительские семинарии. Сложилась система сельскохозяйственного кредита, взаимного страхования от огня; земства устраивали выставки и ярмарки, обширные сведения собрала земская статистика. До конца царствования Александра II земские учреждения накопили опыт, нарастили мускулы, они были готовы развить и расширить свою деятельность. Стремительность, с которой земства вошли в жизнь, масса полезных дел, совершенных ими, — свидетельство их органической необходимости, чрезвычайно важной роли, которую они сыграли в становлении российского общества. Земства сделали немало, еще больше не успели; им было дано многое, кроме одного: исторического времени¹⁹.

Самодержавие впервые реально поделилось с обществом властью — прежде всего в этом новизна земских учреждений; эта политическая идея принадлежит Валуеву. «Самостоятельность уездов и губерний [читай: населения] есть факт существующий и прошедший через вековой опыт. Условия населенности и материальных средств уездов достаточно сильны для образования в них самостоятельных, отдельно существующих частных интересов», —

писал Валуев в своих объясняющих статьях в «Северной почте»²⁰. Яснее объяснить с обществом было невозможно. В тоталитарной системе была пробита первая брешь: усилиями императорского министра государство признало, что имеются интересы частные, личные, местные, корпоративные, сословные, которые оно может и должно освободить от своего контроля и предоставить этим интересам развиваться самостоятельно. Одна из форм разделения властей — отделение самоуправления от государственных органов — начала свое существование в России.

Земства — живой памятник государственной деятельности Петра Александровича Валуева. Пусть наконец будут сброшены с плаща моего героя несправедливость, замалчивание и зависть, густо облепившие его фигуру и заслонившие его истинное значение в нашей истории. Народная благодарность должна быть ему возвращена. Система уездного и губернского самоуправления, абсолютно новой организации по уровню, структуре и составу — его историческая заслуга перед лицом России.

Среди немногих собственных законодательных предположений, которые судьба позволила Валуеву довести до практического осуществления, земский кодекс занимает отдельное, недостижимо высокое место.

Частная жизнь Петра Александровича в годы его пребывания в министерстве внутренних дел (к сожалению, и позднее) не предоставляла ему много радостей.

По возвращении своем в Петербург в 1858 году он снял квартиру на Литейном проспекте в доме № 35, между Фурштадской и Кирочной улицами. В середине 1861 года поселяется в доме министерства внутренних дел на Александринской площади в апартаментах, отведенных министру. Помещение достаточно просторно, и он решает, что не худо бы последовать примеру аристократических салонов и устраивать вечера-приемы. Но приглашать он станет не одних лишь светских знакомых, он сделает

свои рауты местом встречи самых разнообразных лиц, из столиц и провинции, из мира чиновного и мира искусств, журналистов и писателей, иереев всех христианских вероисповеданий. Мировой посредник из глухого уезда непосредственно от члена Государственного Совета сможет узнать ближайшие виды и предположения высшей власти, высокопоставленный муж получит возможность слышать живые голоса с мест, войти в нужды и заботы людей, которым он собирается предписывать законы, а лютеранский епископ, католический митрополит и православный протопресвитер, быть может, попытаются найти общий язык и издревнее противостояние хоть на долю ослабнет.

Он тщательно, продуманно, как все, что делает, готовит свой первый прием. Объезжает знакомых, сановников, духовных отцов. Заинтересованные, все обещают быть. По экстраординарному случаю Петр Александрович пускается в дополнительные расходы, гостиные украшаются цветами, на кухне готовятся изысканные яства. Но, как это часто бывает, среди многих обстоятельств подчас упускается из виду существенная деталь. Бесконечно занятый делами, Валуев может оставить для своих раутов только воскресные вечера. Но ближайшее воскресенье, 10 декабря, оказалось неудачным. Бал у графини Кушелевой накануне, музыкальный вечер в Зимнем дворце в день валуевского приема оказались «магнитом попритягательнее» — цвет общества предпочел быть в более высоких сферах, утомился и к Петру Александровичу не приехал. Он попробовал еще несколько раз, иногда вечера удавались, бывало довольно оживленно, но интерес к салону Валуева быстро спал: не в привычках аристократической публики было якшаться с чиновным лицом VI—VII классов, а уж о меньших и говорить нечего; профессиональные толки обычным посетителям салонов были скучны, а без людей света гостиные дома на Александринской площади становились похожими на канце-

лярии министерства. Петр Александрович перестал устраивать рауты.

В конце лета 1864 года тяжело заболевает чахоткой сын Александр. Здоровье Саши с младенческих лет было слабым, но все же удар оказался неожиданным; батальон Александра квартировал в Киеве, виделись отец с сыном редко, но когда в прошедшем году Саша приезжал в Петербург, никаких признаков страшного недуга не замечалось. Как известно, туберкулез в России почти не поддавался лечению. Состоятельные люди уезжали за границу, на горные курорты Швейцарии и Германии. Петр Александрович немедленно получает отпуска для Александра и Петра (для сопровождения заболевшего брата), посылает им 2 тысячи рублей серебром, и они уезжают в Баден. Но было уже поздно, болезнь развивалась стремительно и неотвратимо: жить двадцатитрехлетнему Александру оставалось меньше месяца. В сентябре он умер, и старший брат привез в Петербург тело младшего. Его похоронили рядом с матерью, на Тихвинском кладбище Александроневской лавры. Прибавилась еще одна дорогая могила²¹.

Я не случайно упомянул о деньгах, которые послал своим сыновьям Валуев. Как помнит читатель, Петр Александрович с детства знал, что за ним нет «старых денег», сообразно с этим и жил. Не в пример папеньке, Петр и Александр никогда не считали нужным обходиться наличными средствами. Сыновья полагали, что положение отца позволяет им любые прихоти. Петенька соглашался с бабушкой, что не может служить в гвардии, ибо не вровень ему замашки богатых сынков, Александр же и Петр и не мыслили на своих плечах ничего, кроме гвардейского мундира; да вправду сказать, и сам Петр Александрович полагал, что *noblesse oblige*, и детям человека, столь близкого ко двору, состоять в армии неуместно. Разумеется, не все гвардейцы кутили с утра до ночи и швыряли деньги направо и налево, но гвардии корнет

Петр Валуев вполне вязался с расхожим образом разгульного молодого офицера аристократического рода. Если за 5 лет службы Александр только дважды брал займы крупные суммы — 800 рублей серебром и 1480 рублей ассигнациями, — да задолжал Петербургскому яхт-клубу 748 рублей 10 копеек²², то заимчивость Петра оставила привычки деда и прадеда за далеким барьером и приобрела у их потомка абсолютно бессовестный характер. Приходится признать, что дворянский гонор, которому, как известно, не был чужд Валуев, преобразился в его сыне в полное пренебрежение к людям вообще, к их достоинству, к их благополучию. Петру-младшему ничего не стоило наобещать невесте что, выманить у людей последние деньги, а потом и не подумать выполнить обещанное, а тем более возратить взятое. Описание его довольно гнусных «подвигов» заняло бы не одну страницу. Но одна история особенно отвратительна.

4 года молодой человек, выходец из крестьян, был слугой Петра. Дошел до него рекрутский черед, и барин берется дать 150 рублей, чтобы Перекислов (так звали слугу) мог поставить за себя другого рекрута. Обрадованный юноша смотрит на своего хозяина как на Бога, и когда тот просит пока ненадолго одолжить ему немного денег, уговаривает мать дать эти деньги. «Будучи уверена в благородстве его [Петра] чувств, я дала ему без всякой расписки 125 рублей, потом 50 и 40», — так пишет Пелагея Переки슬лова отцу, Валуеву, отчаявшись после многолетних попыток получить долг. Нечего и говорить, что ничего для выручки Перекислова Петр и не собирался делать.

Он оставляет неоплаченными счета гостиниц и ресторанов, счета большие, ведь пользуется он услугами только фешенебельных и дорогих заведений. Если же где-то убежать не получается, не брезгует одалживаться мелкими суммами у швейцаров и дворников, конечно же, без отдачи — удел простолюдинов служить барину всем, в том чис-

ле и своим имуществом. Любые деньги протекали у него между пальцами, как вода, и их часто не было совсем, так что нечем бывало заплатить за оформление заемного письма. Записка Петра приятелю: «Я сегодня делаю заем в одну тысячу рублей. Нужно для совершения документа 25 р.с. Достань, где и как знаешь, и пришли. Завтра отдам». К 1864 году общий долг Петра достигает 6000 рублей серебром, а перечень заимодавцев — тридцати человек. Тут купцы, мещане, хозяева гостиниц, вдовы, священники, наконец, сослуживцы, офицеры и рядовые. Если от рассыпанных по городам и весям заимодателей можно отделиться посулами, то ссориться с однополчанами сложнее, и Петр обращается к отцу. Зная, что посылать деньги непосредственно сыну нельзя, тут же растратит, Петр Александрович отправляет 3000 рублей командиру его полка.

После долголетних пустых ожиданий люди начинают взывать к родителю прячущегося должника. Поток писем нарастает, одни пишут по частному адресу, другие, более сообразительные, отправляют свои послания в министерство, полагая, что канцеляристы не преминут разнести известия о предосудительных делах отпрыска высокого шефа и тем понудят министра снять пятно с репутации. Просьбы идут из Петербурга и Москвы, Майкопа и Франкфурта, Минеральных Вод и Казани, слезные и просительные, настойчивые и категоричные. Валув пытается увещевать сына; убедившись в бесполезности подобных попыток, в наиболее одиозных случаях начинает платить по его обязательствам. Начальство решает занять молодого Валуева делом и переводит его в Оренбургский военный округ, почти приграничный, где служебные обязанности более серьезные, нежели в Киевском, устоявшемся и спокойном. На четвертый день по приезде Петр замешивается в скандал между несколькими офицерами, одновременно в эти же несколько дней просаживает 600 рублей, присланных отцом, и командующий округом

генерал Крыжановский отправляет его от греха подальше, на ревизию отдаленной воинской команды. Выданные «командировочные» Петр прокучивает в Оренбурге и, прибыв к месту, занимает деньги у людей, коих прислан инспектировать. Возмущенный Крыжановский направляет рапорт начальнику Генерального штаба графу Гейдену. Капитану Петру Валуеву перестают платить жалованье, требуют отчета по командировочным суммам. Между тем сам капитан не извоит вернуться в Оренбург, оседает в Екатеринбурге и объявляет, что намерен жениться. Петр Александрович «в это время находился за границею», и в позорящий семью инцидент вынужден окунуться князь Вяземский. Петр Андреевич не знал всех омерзительных подробностей оренбургской истории, хотя представление о «способностях» внука, конечно, имел. Полученное от графа Гейдена объясняющее письмо повергло его в такой шок, что, несмотря на прямую просьбу Гейдена принять на себя разрешение конфликта, он не нашел в себе силы даже ответить ему. Пришлось и в этом случае платить отцу.

Не имея больших свободных средств, Петр Александрович неохотно расставался с деньгами, и займодавцы сына не скоро получали ссуженное обратно. Да и не обязан отец расплачиваться за беспутство сына! К тому же не только займы сына требовали оплаты. Смерть князя Голицына открыла множество его долгов, и Валуев вынужден был помогать дочери платить по обязательствам мужа. Княгиня Вяземская завещала свое имение внуку Петру, но не было денег не только для переустройства поместья на современный лад, но даже на текущие расходы. Пришлось поместье продать и лишиться возможных доходов.

Год за годом, двадцать лет, длилось одно и то же. Петр выманивал деньги, а Петр Александрович возвращал их, когда терпение людей, доверившихся обманщику, оканчивалось. Петра переводили из части в часть, из округа в округ, наконец из гвардии в армию, но удержу в тратах не

было. Он писал покаянные письма отцу, месяц-другой пытался переломить себя, потом все начиналось сызнова. И сколько бы ни платил Валуев, долги не уменьшались, напротив, они росли, как в страшном сне. В 1868 году они достигали 15 тысяч рублей, к 1875 году превысили 18 тысяч, и уже 41 человек стучался в дверь валуевского дома²³. Блестящая поначалу карьера сына распалась, жизнь катилась вниз со ступеньки на ступень, и черное пятно в душе отца так и не затянулось никогда.

Домашние неприятности Валуева со злорадством муслировали многочисленные завистники и враги. Чины министерской канцелярии с удовольствием рассказывали своим приятелям о бесчисленных письмах шефу, и по чиновному Петербургу разлетались слухи о сотнях тысяч, которые выплачивает Валуев. «Доброхоты», осведомленные, что состояния у него нет, а жалованье таких средств не дает, уверяли, что министр берет взятки, а для убедительности облекали навет в конкретную оболочку: взял у старообрядцев 600 тысяч рублей за обещание открыть часовню раскольничьего Рогожского кладбища.

Тут течение повествования выносит нас к русскому Расколу.

Раскольники, или иначе старообрядцы, уже на протяжении нескольких столетий представлялись правительству и официальной церкви болезненной язвой. Как известно, разделение, раскол русской православной церкви произошли во второй половине XVII века при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне. Консервативно настроенная часть клира, а вслед за ней и известная доля паствы, не приняли исправлений церковных книг и изменения некоторых обрядов и ритуалов, которые произвел Никон. Патриарх, правда, считал, что он просто убирает искажения и ошибки, накопившиеся за сотни лет татарского ига, отделившего русскую церковь от иных

православных церквей, прежде всего греческой. Но ревнители старой веры уверяли, что константинопольская церковь давно предалась латинству, и следовать ее мнениям значит впасть в тяжкую ересь. Взаимные обвинения и ожесточения достигали невероятной силы. После некоторого колебания светская власть решительно поддержала реформы Никона, и очень скоро выступление против постановлений церковного Собора стало приравняться к открытому неповиновению государственной власти. В первые сто лет раскола старообрядцы принимали самое активное участие во всех восстаниях и бунтах и выказывали наибольшую стойкость, ибо ими руководило не только социальное возмущение, но и духовный протест, удешевлявший их сопротивление. Кроме того, раскольники старались не замечать государства, жить так, будто его не существовало, и это, быть может, было самым главным, чего государство не могло стерпеть. В петровское время раскол подвергся особенно ожесточенному преследованию, неоднократным попыткам подавления вооруженной силой; ответом стали массовые самосожжения. По некоторым известиям, до конца XVII века 20 тысяч человек приняли огненную смерть за веру, а в одной «гари» XVIII века сожгли себя около 3000 человек.

Все российские самодержцы, в той или иной степени, ограничивали раскольников в правах. Сугубым старанием отличалось, естественно, правительство Николая I. Законы 30—40 годов, по существу, лишили старообрядцев всякой гражданской дееспособности. Они не могли являться свидетелями, метрические книги их молитвенных домов не признавались, они были лишены возможности занимать должности по выборам, их не брали на государственную службу, их детей не принимали в гимназии и университеты, право завещать и получать по завещанию имущество было у них отнято. Покинуть место жительства им позволялось на короткий срок и только с ведома

властей. Им не разрешали строить новые церкви, даже взамен обветшалых. Постепенно закрывались скиты, монастыри, кладбища. Открытое исповедание догматов раскола было запрещено давно, но в конце николаевского правления даже укромное исполнение их религиозных обрядов подвергалось стеснению.

Несмотря на известную либерализацию руководящих кругов с началом второй половины 50-х годов, отношение к раскольникам оставалось крайне негативным. Господствовала инстинктивная, подспудная неприязнь к людям чуждого опыта, чуждой веры. Настолько сильная, что в первый момент воцарения Александр II специальным указом подтверждает действие тиранических узаконений незабвенного родителя. Когда же, к 1858 году, гуманные чувства к подданным низших состояний сделались, можно сказать, стимулом законотворчества, ладья справедливости начала поворачиваться и в сторону старообрядцев: было повелено не применять на практике направленные против них законы предыдущего царствования; но повеление это *не было объявлено, оно оставалось секретным*.

В 1858 году государь еще не посчитал нужным формально отменить драконовскую регламентацию раскола. Но удовлетворение, которое он испытал 19 февраля 1861 года, подписав акт крестьянского освобождения, укрепило его либеральное настроение. Оно владело им первое пятилетие 60-х годов, тогда он был готов к всеобъемлющим преобразованиям. В порыве вдохновения он поручает II отделению своей канцелярии придать новые тенденции законодательству о раскольниках, и к концу лета 1863 года там подготовили некоторые соображения. По установленному порядку канцелярия направляет их на отзыв подлежащим министрам.

Получив материал II отделения, Петр Александрович, несмотря на великую занятость этой осенью другими делами, с головой погружается в проблему. Положение

церкви, состояние церковных дел, отношение государства к расколу и прежде заботили его. На раскольников Валуев обратил внимание еще в Курляндии и тогда же проникся к ним уважением. Знание предмета помогает, давно продуманные способы разрешения задачи легко отливаются в законченные формулировки, дело только за тем, чтобы придать советам приемлемый для ортодоксов вид. Ответ на запрос II отделения обращается в пространную записку, с анализом существующего положения и четкими рекомендациями.

Сегодняшняя система противодействия расколу не только не ослабляет его, напротив, она консолидирует его сопротивление. Но «против религиозных заблуждений принудительные меры вообще ненадежны», какое-либо давление в области духовной должно быть снято. «Наши раскольники потому враждебны обществу, что закон поставляет их в неприязненное к нему отношение». При этом взаимное переплетение и несогласованность действий светских и церковных властей лишь ухудшают дело, констатирует министр внутренних дел. Господствующая церковь не желала терпеть соперничества, не хотела делить с кем-нибудь власть над душами верующих; веротерпимость никогда не входила в число конфессиональных добродетелей, и православный клир на каждом шагу чинил всевозможные препятствия культу старообрядцев. Но церковь вовсе не должна вмешиваться в проблему, пишет Валуев, «одна гражданская власть должна быть поставлена в сопричастность с расколом».

К описываемому времени старообрядчество разбилось на множество толков и сект. Некоторые из них именовались по названию раскольничьих кладбищ; таковой была секта Рогожского кладбища, которой оказал содействие Валуев (не взяв никаких денег, разумеется). Столетия преследований не позволили старообрядцам образовать единый центр, замкнутость общин породила вероисповедные различия, которые они отстаивали с фанатическим упор-

ством. Ряд сект, в стремлении отделиться, уйти от царства антихриста, в конце концов пришел к достаточно изуверским убеждениям — к полному отрешению от обычной жизни, к отказу от брака и семьи, возделывания земли, строительства жилищ. Считая обоснованным преследование такого рода сект, виновных не столько в ереси, сколько в нарушении общественного порядка, Валуев отделял от них иные группы раскольников, чей образ жизни, в нравственном отношении, ничуть не отличался от привычек православной массы.

«На сих основаниях» Петр Александрович развивает целый комплекс предложений:

«Распределить секты на более и менее вредные по главным отличительным признакам: молитвы за царя и признания брачного союза». Отмеченных критериев достаточно, чтобы считать секты, принимающие настоящие нормы, терпимыми, ибо «монархическое начало составляет коренное основание нашего государственного быта, а брачный союз — коренное условие всякого гражданского устройства». Гонения против этих самых многочисленных сект необходимо прекратить и начать их постепенное включение в гражданское общество — это почти 8,5 млн человек, девятая часть населения империи!

Относительно указанных «сектаторов» следует «допустить беспрепятственное совершение религиозных обрядов... Постепенно разрешить открытие запечатанных молелен, постройку новых, когда будет доказана необходимость. Не подвергать преследованиям их священнослужителей... Предоставить право занимать общественные должности, не сопряженные с властью гражданской, право на получение паспортов, право свидетельствования... Предоставить права торговые, права на награды и отличия... Разрешать терпимым сектам учреждать школы. Не допуская религиозного обучения по правилам сект, не навязывать преподавания по православным правилам... Выход из раскола пропагандировать осторожно».

Петр Александрович прекрасно понимает, что принять всеобъемлющий закон будет непросто. Даже подготовка его вызовет оппозицию высшей церковной иерархии, наиболее рьяной гонительницы раскола. Сам факт утверждения такого закона означит легализацию старообрядцев, официальное признание их существования; против этого церковь категорически станет возражать. Но никакой необходимости лезть напролом, создавать себе трудности нет, полагает Валуев. Нет нужды в специальном законодательном акте. Коренной закон, провозглашающий, что «раскольники не преследуются за их мнения о вере» никогда не отменялся, несмотря на секретные высочайшие повеления 50–55-х годов, на практике возбуждавшие преследования раскола. Свобода отправления религиозных обрядов, строительства молелен, устройства кладбищ и скитов, организации школ отобрана большей частью административно, тем же образом она должна быть возвращена, но только гласно, так, чтобы об этом стало известно и раскольникам, и соответствующим властям. Лишь восстановление старообрядцев в гражданских правах потребует законодательных мер, но их следует принимать постепенно, поочередно, без аванжа²⁴.

Вопрос о расколе — дело чрезвычайно важное, и помимо II отделения Валуев направляет свою записку императору, предлагая создать комитет по делам раскола. Сначала реакции не последовало. Между тем то в Комитете, то в Совете министров раз от разу всплывают «раскольничьи» вопросы. Прямыми или окольными путями в руки Валуева попадали записки и прошения раскольников. Некоторые ясностью изложения, историческими экскурсами, убедительными доводами в пользу «дарования им льгот [прав] гражданских и духовных»²⁵, приводят Петра Александровича в восхищение. Напрямую или через Долгорукова он старается довести их до сведения царя, и в начале следующего 1864 года государь соглашается на создание временного комитета для обсуждения валуев-

ской записки. Под председательством Панина, сменившего Корфа на посту главноуправляющего II отделением, повелено заседать четырем духовным лицам во главе с обер-прокурором Синода Ахматовым, светскому члену Синода князю Урусову, Долгорукову, новому министру юстиции Замятнину, Валуеву и старшему чиновнику II отделения Сольскому. Сольский, подчиненный Панину, самостоятельного голоса не имел, так что в вероятном противостоянии с председателем и шестью членами комитета, априори настроенных к раскольникам враждебно, Валуев мог рассчитывать на поддержку только двух членов: Долгорукова и Замятнина.

Первое заседание комитета состоялось лишь полтора месяца спустя после его учреждения, и для начала Валуеву пришлось опровергать «обвинения во вредоносном равнодушии к интересам церкви»²⁶. Но в следующем собрании, когда приступили непосредственно к делу, обсуждению записки Валуева, Петр Александрович перешел в наступление. Заседания стали происходить все чаще, и на каждом Петр Александрович добивался маленьких, но непрерывных успехов. В какой-то момент ему удалось убедить одного из духовных лиц, рижского архиепископа Платона, в необходимости идти навстречу велениям времени. Переход в лагерь противника одного из ревнителей православия до того ошеломил ортодоксов, что сила их противодействия упала многократно; к середине мая все пункты записки были обсуждены и почти все приняты. Теперь бумаги комитета направились к высшему сановнику церкви, митрополиту московскому Филарету. 23 июля появилось его мнение, разумеется, полностью отвергавшее комитетские предложения. Ничего другого и не ожидалось от престарелого ортодокса, но политес следовало соблюсти, обойти верховного иерарха было невозможно. Однако не зря трудился Петр Александрович, подкладывая соломку во всех инстанциях: в комитете министров, в канцеляриях всех видов, у го-

сударя императора. 12 августа 1864 года заключение «раскольничьего» комитета было апробировано Советом министров без единого возражения²⁷. Это была полная победа.

Тем горше было отсутствие практического результата. Царь благодарил, однако никаких конкретных указаний подлежащим ведомствам не последовало. Административные препоны не снимались, частные законодательные меры не обсуждались. Когда же Валуев пытался выяснить, что же происходит, ему отвечали, что не определено, кто и какие новые правила должен разрабатывать, что должно пройти через Государственный Совет, а что может миновать его, какие законы необходимо принять и каков должен быть их уровень — ведомственный или общегосударственный. Ясно было одно — обаяние валуевских речей за пределами прямого контакта не действовало, и прежнее недоброжелательство к раскольникам возобладало. Дело дошло до того, что вечно стоящий на страже Панин распорядился подготовить записку об официальной приостановке всего дела²⁸. Только в 1874 году было допущено крохотное облегчение в судьбе старообрядцев: заключенный в старообрядческой молельне брак признавался официально.

Духовная сила раскола контрастировала со слабостью православной церкви. Все стороны церковной жизни находились в жесточайшем запустении. Тому было много причин, но все они, в общем, проистекали из одной: жалкого положения духовенства низшего уровня. Приходский священник имел ничтожный доход, а кормить нужно было многочисленное семейство. Многодетность же предопределялась ранними браками — холостой священник не мог получить приход, — и запрещением любых способов ограничения рождаемости. Забота о пропитании не позволяла отдать все помыслы пастырскому служению, ставила причт в весьма зависимое положение от паствы, умаляла

достоинство пастырей. Пренебрежительное отношение к приходским священникам, особенно к сельским попам, выражалось во множестве народных примет и поговорок. Все вместе сливалось в один темный поток: главную свою обязанность — религиозную миссию — духовное сословие исполняло из рук вон плохо.

Еще в августе 1861 года Валуев направляет царю записку в связи с донесениями, полученными министром от нескольких высокопоставленных чиновников о положении православного духовенства в Юго-Западном крае. Передавая сведения государю, Валуев отмечает, что нельзя производить какие-либо перемены в отдельных губерниях, не занимаясь состоянием дел в империи в целом. В январе 1862 года Валуев направляет императору доклад МВД «О мерах по обеспечению нужд православного духовенства империи». В сентябре посылает новую записку, расширяющую предложения доклада. Суммарно положение вещей, обрисованное Валуевым в этих мемориях, и развиваемые в них идеи выглядят следующим образом.

Духовенство ныне оказалось в изоляции от общества, от происходящих в стране преобразований. «Положение духовенства в обществе прискорбно. Везде заметно отсутствие уважения и доверия к нему». Нравственное воздействие церкви ничтожно. Духовными средствами привести раскольников и иноверцев в истинную веру церкви не удастся. Ощущение собственного бессилия в борьбе с внутренними и внешними врагами заставляет церковь искать опору в гражданской власти — в полиции и цензуре. Но только ли духовное сословие виновно в создавшемся положении? Быт его не устроен, материальная нужда велика. «Пособия от казны не привели к желаемому результату». Натуральные повинности жителей в пользу сельского духовенства обременительны для тех и других. Безысходное положение толкает некоторых священнослужителей к поборам с прихожан... Нередки случаи, когда служители веры принимают мзду от расколь-

ников, за попустительство им. Численность духовного сословия превышает общественную потребность. Но «выход из сословия затруднен законом», в гражданскую или в военную службу сыновья духовных лиц поступить не могут, ибо им недоступно светское образование (они имеют право поступать только в духовные училища и семинарии); отчаяние понуждает их «поступать в податное состояниис». Все это приводит к проникновению в среду «духовенства демократических и даже социалистических стремлений». (Насколько последнее суждение было обосновано, показывает участие выходцев из духовного сословия в последующем революционном движении: 22% народников 70-х годов вышли из поповичей, притом что само сословие в этот период не превышало 0,9% населения страны.)²⁹

Священники практически не принимают участия в народном воспитании. Они малообразованны, а в тяжких условиях жизни «утрачивают недостаточное образование, полученное в семинарии».

Что же делать?

А вот что. «Безотлагательно начать преобразование быта православного духовенства...[для чего]: увеличить или дать земельные участки священникам»; натуральные повинности прихожан отменить, установив денежный сбор; «разомкнуть сословие», разрешив свободный переход в другие состояния, «открыть детям священников и церковнослужителей пути... ко всем поприщам гражданской деятельности» и тем уменьшить численность сословия. С другой стороны — «сократить число приходов, уменьшить состав причтов». Поднять авторитет духовного служения, предоставив священнослужителям дополнительные личные права и преимущества, повысив образовательный уровень духовного юношества в семинариях и училищах. Завоеванное уважение позволит духовенству занять подобающее место «для ближайшего участия в приходских и сельских училищах», внесет сильную рели-

гиозную струю в народное образование, предохранит народ от пагубного влияния разрушительных и ложных учений.

В эту гармоническую композицию добавляет Петр Александрович две характеристические для его убеждений ноты. Первая: необходимо «определить степень и способ участия прихожан в хозяйственном управлении делами приходской церкви» (ввести общественный контроль, как называли бы эту меру в следующем веке), вторая: «новые права православного духовенства не должны стеснять тех, которые присвоены духовенству других вероисповеданий»³⁰.

(При всем душевном подъеме, с которым Валуев разрабатывает меры улучшения быта православного священства, ибо как искренно религиозный и церковный человек считает нравственное воздействие православия важнейшей опорой «государственного быта», при всем, повторяю, одушевлении он не теряет рационального взгляда на все обстоятельства дела. Он не мог оставить без внимания сообщения об особенно бедственном положении православных священников в юго-западных губерниях с укорененным там католичеством — его бы немедленно обвинили в потакании иноверцам. Разработка всеобъемлющих мероприятий в отдельных губерниях невозможна, но чтобы не дать повода бросать в него камни, Петр Александрович рекомендует открыть государственный кредит на несколько сот тысяч рублей. Но львиную долю средств должен выделить Синод, считает Валуев, мягко давая понять, что министерству внутренних дел неизвестно наличие весьма больших церковных капиталов — многих миллионов рублей. Верховные иерархи и сами могут помочь приходскому духовенству, между тем не они, а светская власть проявляет заботу о самой многочисленной и самой бедной страте духовенства.)³¹

Однако предложения Валуева касались не только имущественного положения священнослужителей. Его

программа кардинальным образом меняла социальный статус духовенства. Из замкнутой касты оно превращалось в свободное сословие, имеющее определенный круг общественных обязанностей. Из этого нового сословия можно выходить, в него можно поступать. Дальнейшее движение по этому пути «размыкания» с неизбежностью приводило к полному исчезновению сословных черт, служение на духовном поприще превращалось в профессию.

Но спросим себя: разве в функции министра внутренних дел входило изучение раскола и его вживание в общественный организм, устройство быта православной церкви, повышение ее авторитета и роли? «Нет и напротив того». В составе МВД был лишь один департамент, ведающий делами конфессиональными, — департамент иностранных вероисповеданий. Однако никакого отношения к внутренним проблемам русской церкви он не имел. Но Валуев никогда не ограничивался формальным кругом обязанностей своего министерства; неблагополучие любой отрасли общественной жизни возбуждало в нем потребность вмешаться, внести лепту в исправление ситуации. Обладая глубокими познаниями во многих областях, он был уверен в своей компетенции. В последующие годы он предлагал перемены в системе налогообложения, в банковской сфере, в организации образования. Они были дельны и конкретны. Нет, не жажда выслужиться, им руководило бескорыстное желание принести стране благо. Прекрасно понимая, что подобное, прямое или косвенное, вмешательство в дела других ведомств не может не вызвать раздражения коллег, никогда не обращал внимания на это. Соображения пользы были выше опасения навлечь зависть и недоброжелательство.

Но дело церковной реформы давалось трудно. Главное препятствие заключалось в глухом противодействии

руководителей церкви. Им крайне претило, что реформы иницируются человеком со стороны; но что сами они до сего времени оставляли не тронутым негодное положение вещей, они не ставили себе в укор. Петру Александровичу пришлось приложить много ловкости и дипломатического искусства, не говоря о настойчивости, чтобы сломить их сопротивление. Прежде всего, нужно было заручиться одобрением митрополита Филарета. Специально ради этого отправившись в Москву, Валуев добился его согласия на предложенные им меры³². Правда, не на все. Характерно, что Филарет категорически отверг участие светских лиц в составлении нового положения о духовных учебных заведениях. Но главное было решено: Филарет не возражал против создания объединенного комитета из духовных и светских лиц для разработки конкретных мероприятий. Состав комитета был окончательно утвержден только в июне следующего года — первоначально председателем намечался великий князь Константин Николаевич, что нашего героя никак не устраивало. По своему положению «первого» брата царя и непростому характеру великий князь не стал бы слушаться Валуева, а Петр Александрович не желал выпускать дело из своих рук, дабы оно вышло таким, каким он его задумал. В мае 1863 года Константин уехал в Польшу, и Валуев представил государю новый вариант. Учреждалось «Присутствие по улучшению быта духовенства», в котором председателем стал митрополит петербургский Исидор, весьма послушный министру. По приходам разослали вопросные листы, ответы на которые должны были раскрыть картину состояния. Вскоре «Присутствие» утвердило программу своих действий, от первого до последнего слова написанную Валуевым.

Идеи Валуева стали основанием церковных реформ. Наследственная передача церковных должностей была отменена. Дети духовных лиц могли выбирать будущее, не замыкаясь в своем сословии. Теперь они не были обязаны

искать супружества лишь в своей среде. В духовные школы могли поступать молодые люди других состояний. Был введен новый устав духовных учебных заведений, выборы ректоров. Уголовные дела отныне подлежали светской юрисдикции. Главнейшим же элементом реформ явилось улучшение материального уровня приходского духовенства. Для его повышения использовались правительственные средства, частные пожертвования, наделение земель, бесплатный отпуск казенного леса. С другой стороны, натуральные повинности в пользу церкви были ликвидированы. Стали создаваться попечительства — выборные органы прихожан во главе со священниками. К 1880 году попечительства имела треть приходов. Открывались эмеритальные кассы, общества взаимной помощи, больницы и богадельни. Регламентация денежных сборов повысила доход причта, не сильно обременив народ, ибо число приходов заметно сократилось³³. За 20 лет, с 1860 года по 1880-й, общая численность священников, дьяконов и причетников уменьшилась на 22%, притом что православное население страны возросло на 52%. Относительная численность духовенства упала вдвое³⁴.

Реформирование церковного устройства совершалось на протяжении многих лет. Пока же, летом и осенью 1864 года, министерство внутренних дел заканчивало разработку всеобъемлющего закона о печати и цензуре.

Необходимость пересмотра действующих правил возникла с самого начала 60-х годов, с момента обострения политической обстановки в стране. Реальная цензурная практика в России основывалась не столько на законе, сколько на монарших указах или на угадывании их. Она была грубоиранической при Николае, она плыла по воле волн в начале александровского царствования. Но долго цензурное «безвременье» длиться не могло. Дух законотворчества, рожденный эпохой реформ, должен был обратиться и к печати.

Мне уже приходилось говорить о разрастающейся поляризации общества, о радикализации левых и правых. Идея представительной власти была разлита в воздухе эпохи, и «властители дум» всех направлений спекулировали на ее притягательности. Одни рассчитывали добиться господства земельной аристократии, другие желали растворить власть в неопределенных, самым не ясных структурах, третьи попросту стремились к сокрушительному взрыву всей системы. Так или иначе критика существующего положения вещей неслась со всех сторон. Появление новых земств не сняло напряжения. Самодержавие осталось прежним, принципы управления не изменились. Ожидать в этих условиях, что фрондирование прессы исчезнет — не приходилось, наоборот, ожесточение нарастало. На острие пера, естественно, оказывалось министерство внутренних дел: оно отвечало за неудовлетворительный, с точки зрения всех сословий, ход крестьянского дела: одни негодовали на медленность, другие — на быстроту реформ; национально-ориентированные «патриоты» обвиняли Валугева в потворстве полякам и остзейцам, демократы — в протектировании дворянству, нигилистическая пресса — в полицейских преследованиях. Но не одно МВД служило раздражителем. Все ведомства получали свою долю, и все газеты, хором, винили высшее чиновничество в многочисленных бедах. Оно-де стало преградой между царем и народом, стянуло к себе всю полноту власти, пользуется ею в своих целях, пренебрегая народными нуждами. Журналисты не желали сдерживать себя. Чем громче газета кричала о всеобщем неустройстве, предательстве национальных интересов, тем большим становился спрос, тираж и доход. «Печати нужны подписчики и покупатели, следовательно она приспособляется к их настроениям» — кто может возразить против этих строк валуевской записки царю. Публика требует сенсаций и разоблачений. Случайным ошибкам администрации придается вид злонамеренного

преступления против народа, уважение к правительству всячески уничтожается, утверждает Валуев. Однако тут же признает, что только пресса является в России независимой [позднее и суды], поэтому ей верят больше, чем правительственным заявлениям. Смело пишет государю, что «в настоящее время нет у нас ни одной сколько-нибудь значительной газеты, которая бы искренно сочувствовала бы нашему государственному строю... Но нельзя подавить, запретить прессу. Она развилась и окрепла под влиянием среды и естественной силы вещей».

Попытки Валуева создать правительственную прессу или финансировать частные газеты, способные поддерживать правительство и популяризировать его действия, принесли разочарование. Его «Северная почта» была официозом, таковым и воспринималась. Продажная же пресса, как откровенно именует ее Валуев, «стоит на таком уровне знаний и способностей, что ее влияние не может быть значительным»³⁵.

В России нет массовой партии, авторитетной в глазах общественного мнения, на которую правительство могло бы опереться, напоминает императору его министр, ибо абсолютная власть несовместима с партийной дифференциацией; самодержец — отец нации, и потому равно удален от всех слоев народа и равно приближен к ним, он не может предпочитать одни группы населения другим. К тому же, партийная система неизбежно привела бы к выборному представительству, разделению властей и исчезновению единодержавия. Любая из этих причин являлась абсолютным препятствием возникновению партий в России Александра II, и, следовательно, отсутствие общественного, партийного органа печати, стоящего на правительственной позиции, было предопределено. Валуев это, разумеется, понимал, и его сетования, на самом деле, служили только лишним аргументом в пользу неизбежного вывода: необходимо поставить некоторые пло-

тины на пути полного разгула прессы, ограничить свободу печати.

Отчего Валуев защищал цензуру? У просвещенного человека само это слово вызывает отторжение и не возбуждает ничего, кроме презрения и ненависти к орудию подавления свободной мысли. Но что делать, задавался вопросом Петр Александрович, если общество не готово к существованию в условиях даже относительной свободы? Как быть, если оно, это общество, само не в состоянии справиться с несущим его потоком? В порыве мести за прежний страх жаждет сокрушить все вокруг, не сдерживаемое моральными препонами? Ввести его в определенные рамки тогда необходимо, нельзя допустить печатные призывы к топору или к всеобщему бесстыдству. Пока общество не способно к самоограничению, к самоконтролю, пока взвинченные публицисты швыряют в читающую публику что ни попадя, отринув саморедактирование, — в такой неустойчивой системе внешняя цензура оказывается необходимой. Опасность и трудность тут лишь в том — но как огромны они! — что грани между разумной критикой и «ниспровержением основ» отчетливо видны лишь в заострении, чаще всего они размыты, и суждение цензора всегда будет субъективным. Но Петр Александрович был убежден, что сможет установить критерии дозволенного и что мнение его «компетентных органов» будет объективным, а достаточно долго применяемые правила породят привычку.

«Технологию» взаимодействия периодической печати и цензуры следует перевернуть. По российской традиции наблюдения за мыслями, недоверия к пишущей братии, пресса до сих пор подвергается предварительному контролю. Но русская литература давно выросла из пеленок, заявила себя влиятельной силой; по-прежнему держать ее в узде и наказывать за провинности «из собственных ручек» — уже невозможно. В новых условиях прежняя

предварительная, запретительная цензура сделалась жупелом в глазах общества, представала инструментом административного произвола. Более того, целый ряд органов прессы заслуживал признания своей основательностью и здравым смыслом. Они были достойны доверия, а предварительная цензура унижала их, никакого другого результата правительство не достигало. «Освобождение от цензурной опеки возвысит чувство самоуважения», — писал в отзыве на проект будущего закона председатель московского цензурного комитета Щербинин, ближайший помощник Валуева в делах цензуры³⁶. Нормы и правила должны по возможности «определительно» указать область цензурных ограничений. Выход за ее границы — есть несоблюдение закона, а не игнорирование субъективного мнения цензора, и должно караться судебным порядком. Но судебное преследование разворачивается трудно и медленно, поэтому административная власть вынуждена оставить себе некоторые рычаги воздействия. Например, серия нарушений, каждое из которых может быть незначительно, «в совокупности и последовательности выражают целое направление; преследовать которое судебным порядком подчас невозможно»³⁷. Такими рычагами будет система предостережений, выносимых газетам или журналам цензурным ведомством.

Я не буду ни оправдывать цензуру, ни нападать на нее, мой долг — бесстрастно описывать жизнь и действия моего героя; нравственные же оценки — дело читателя.

С 1828 года цензурное ведомство входило в состав министерства народного просвещения. Но вступив в 1861 году в должность министра, Головин считал подобное положение нонсенсом и предложил перевести цензуру в МВД³⁸. К удивлению многих, Валуев нико- не возражал, напротив, в свою очередь выступил в

поддержку инициативы Головнина. В январе 1863 года переподчинение состоялось.

Валуев стремился создать и сконцентрировать в своих руках все элементы полного, но гибкого контроля над печатью. Он постоянно ощущал свист ветра, предвестника близкого урагана, которого не слышали его коллеги. Они легкомысленны, недальновидны, не чувствуют, что почва дрожит под их ногами; они не способны организовать серьезную защиту ослабленной крепости. Тревоги Петра Александровича не разделял никто, только он видел опасности с *нескольких* сторон, со стороны «московского ханства», со стороны земельных олигархов и со стороны левых экстремистов.

Сказать, что положение Валуева в правительстве было трудным и сложным, значит сказать слишком мало. Он стоял одиноко в центре розы ветров. «Он должен постоянно лавировать: с одной стороны ультра-православная партия требует истребления не только польского, но и вообще иноверческого в России, с другой — ультра-либеральная добивается власти, чтобы все нивелировать, т. е. стереть дворянство и выдвинуть владычество масс, которыми она могла бы ворочать по произволу»³⁹ В борьбе, которую вел министр внутренних дел *в интересах всех властных структур*, он не мог рассчитывать на безусловную поддержку других министров. Не только единства взглядов не отмечалось, они были весьма противоречивы. И относительно печати собратья нашего Петра Александровича мыслили весьма розно, меж собой в оценках не сходились и беспристрастностью не отличались. Военный министр Милютин, министр государственных имуществ Зеленой принимали «на ура» любые инсинуации «Московских ведомостей», министр народного просвещения Головнин прислушивался только к «Голосу», министр юстиции Панин статьи старопомещичьей «Вести» считал последним словом политической мысли. Каждый объявлял «свою» газету «неприкосновенной, все же дру-

гие, заслуживающими последней кары»⁴⁰. В этой атмосфере только цензурные правила, которые отдавали бы министру внутренних дел способ и метод надзора за прессой, могли обеспечить Валуеву относительную независимость в правительстве, развязывали руки для противодействия правому и левому экстремизму.

Итак, требовалась система правил, кои ограничивали бы критику известными пределами, определенными подробнее, нежели формально действующий цензурный устав 1828 года. Там было сказано коротко: все, что вредно «в отношении к вере, престолу, добрым нравам и личной чести граждан», — печатать запрещается. И прежде эта лапидарность оборачивалась дурной бесконечностью — под эту формулировку можно было подвести любое литературное произведение, была бы охота. В николаевские времена охота находилась всегда, ибо чрезмерное усердие карателя не навлекало на него осуждения, но снисходительность — грозила карой. Сейчас же в цензурном департаменте царило недоумение — и самый невинный опус подвергался разгрому и запрету, а статьи, проповедующие неистовые мнения или социалистические идеи, свободно проходили в печать. Надобно одинаково поставить в правовые границы цензора и писателя: ввести ясную, детальную регламентацию, установить подробный перечень «запретных тем» и недопустимых приемов изложения; литераторов же и издателей, пренебрегающих законом, должна настигать *последующая* ответственность.

Что было бы лучше: наблюдающее ведомство представляет суду «литературные преступления», а мера вины и наказания определяется в судебном разбирательстве. Но я уже замечал, что Валуев относился к такому процессу весьма скептически, а общественное мнение все равно никогда бы не поверило в справедливость судей: независимого суда в России не существовало, юстиция являлась отраслью администрации и отличалась «неправдой самой

черной». Даже министры подсознательно ни в грош не ставили этот Шемякин суд. Поэтому тогда, в 1862 году, представлялось естественным сделать цензурное ведомство наблюдателем, а министра внутренних дел — вершителем. Цензура следит за прессой, за соблюдением ею правил, она станет докладывать министру свои умозаключения, министр будет выносить решения. Только окончательный запрет издания подлежит санкции Сената.

Эти общие соображения легли в основу проекта.

Разработка новых законов о печати сосредоточилась в очередной комиссии МВД. Как и прежние, ее возглавил Валуев. Контроль государства над литературой, по проекту комиссии, выстраивался следующим образом.

От предварительной цензуры освобождаются книги объемом более 20 печатных листов, сборники правительственные и академические, труды университетов и ученых обществ. Редакторам и издателям газет и журналов предоставляется выбор (но с санкции МВД): согласиться на предварительную цензуру или подвергнуться опасности преследования за напечатание статей, которые могут быть признаны предосудительными. Публикаторам мнений и взглядов, запрещенных к «тиснению», министр внутренних дел направляет предостережения, числом до трех; тем, кто не внемлет, о дальнейших хлопотах на ниве просвещения можно не беспокоиться.

Что же печатать не разрешалось? Принципы устава 1828 года не покачнулись, но они получили расшифровку, относительную конкретизацию. Запрещается печатать произведения, когда они: «клонятся к поколебанию учения православной церкви, подрывают уважение к верховной самодержавной власти или к коренным государственным установлениям, оскорбляют добрые нравы и благопристойность, задевают честь какого-нибудь лица непристойными выражениями, грубо касаются его нравственности или домашней жизни, являют клевету... Не

должны допускаться дерзкие и буйственные мудрования, равно противные истинной вере и истинному любомудрию, сочинения, излагающие вредные учения социализма и коммунизма, возбуждающие неприязнь и ненависть одного сословия к другому... Сочинения и статьи о несовершенстве существующих постановлений дозволяются лишь в том случае, если они написаны тоном приличным предмету и притом только в книгах свыше 20 печатных листов или в журналах с подписной ценою не ниже 7 рублей в год»⁴¹.

Возможно ли придать этим положениям расширительное толкование? Разумеется, и Валуев понимал это первым. Но он был уверен, что его цензура будет рассудительна и беспристрастна, а практика сложит добрую традицию. Лицемерными назовет эти надежды иной читатель, но мыслимо ли математически точно расчислить цензурные шоры?

Достойна упоминания еще одна статья закона. Коммерческий дух пользуется благорасположением власти. Убытки от издания произведений литературы, пропущенных цензурой, но позднее остановленных, компенсируются.

Проект, посланный «на уважение» подлежащим ведомствам, вызвал оживленный интерес. Не было в России грамотного человека, которого цензурные упражнения оставили бы равнодушным.

Головнин замечал, что запрещение газеты повлечет для владельца потерю дохода, права собственности будут нарушены. Поэтому после третьего предостережения надо требовать не остановки издания, а смены редактора. Корф начал скромно: посчитал необходимым понизить объем не подлежащих цензуре книг до 10 листов, уверяя, что и при этом льгота коснется только трети выпускаемых в России сочинений; каков либерал! Это были пустяки; мина лежала дальше. Модест Андреевич предложил

вообще отлучить министра от его детища: *предостережения* — *отменить*, простые случаи — отдать на волю Совета главного управления цензуры, экстраординарные — предоставить прерогативе Комитета министров. В жажде уязвить собрата Корф обрекал издателей на жизнь среди неведомых ловушек: они могут лишиться своих прав в мгновение ока, «плохо понимая», за что же свалилась на них тяжкая кара⁴².

Зимой 1864—65 годов в целой серии заседаний Государственного Совета и его кодификационного департамента происходило обсуждение проекта. Собственно, это был не один проект, а пакет законов: об учреждении при МВД главного управления по делам печати, устав книгопечатания, правила о повременных изданиях, правила о типографиях и т. д. Как всегда, труд, сделанный другим, вызвал у коллег желание найти в нем огрехи, предложить изменения, не столько для пользы дела, сколько из намерения заявить себя или уколоть Валуева. Но Петр Александрович держал себя уверенно, в подробные объяснения не входил, отвечал кратко: «министерство внутренних дел не может разделить это мнение» или: «МВД остается при прежнем убеждении»⁴³. Даже попытка Милютин затормозить дело, ссылаясь на многосложность комплекта документов вернуть обсуждение из Госсовета снова в департамент, не смутила Валуева. Он не стал спорить, согласился «повторить столько раз уже повторенное»⁴⁴; он знал: как ни сильна привычка оттягивать решение в надежде, что необходимость в нем исчезнет сама собой, законы о печати придется принять, обстановка слишком накалена.

Снова, как совсем недавно в раскольничьем деле, Петр Александрович отбивает атаки своих оппонентов, одну за другой. Проекты законодательных предположений возвращаются из департамента в Госсовет, претерпев

лишь незначительные изменения; против них, ввиду малости, Валуев решил не возражать. Фантастическое предложение Корфа даже не стало предметом разговора. Пленарное заседание Госсовета 24 марта 1865 года стало триумфом нашего героя: все статьи принимаются абсолютным большинством голосов, в том числе и те, которые не получили одобрения департамента законов. 6 апреля царь подписывает указ; «Временные правила о печати» вводятся в действие с 1 сентября 1865 года. Очередная гора спала с плеч, но трудно, ах, как трудно все дается. «Решительно, без Божией помощи мне было бы невозможно ни так выходить из некоторых затруднений, ни даже выдерживать ту жизнь, которую я веду»⁴⁵.

Если в 1862 году, в начале разработки новых цензурных узаконений, контуры судебной реформы еще не были ясны, то окончательное обсуждение закона о печати совпало с завершением всего корпуса судебных уставов. Поэтому «Временные правила о печати» объявляли верховным арбитром не администратора, а судью. Министр внутренних дел получил право приостановить издание, запретить его мог только суд. (Закон был назван «временным» именно потому, что введение новых форм правосудия задерживалось. Требовалась кардинальная «переподготовка» судей. Крупнейшая по своему значению судебная реформа начала свое победное шествие с 1866 года.) Пока же судебное разбирательство поручалось I департаменту Сената.

На решение провинциального цензурного комитета, (комитеты учреждались в университетских городах) автор или издатель имел право жаловаться в главное управление. Напомню, что и поддержанное центральным управлением заключение могло лишь задержать книгу или журнал, окончательный вердикт выносил суд. Административной власти ставились юридические ограничения. Петр Александрович совершенно согласен с этим европейским принципом, но необходимо, он уверен, чтобы

все правительственные органы, выступающие в суде, действовали консолидировано, ибо МВД представляет там *все* правительство.

Опыт прошедших лет не оставлял сомнений: без поддержки престола этого достичь невозможно. За три дня до вступления в силу новых цензурных законов Валуев обращается с *собственноручной* запиской к императору. «При всей ожидаемой действенности административных взысканий [для] сдерживания прессы в известных пределах и устранения тех ее органов, коих направления оказались бы неисправимо вредными, очевидно, что при бесцензурной печати, ограждение интересов правительства и интересов общественных невозможно без надлежащего содействия судебной власти. (То есть в тех случаях, когда эти интересы потребуют прекращения изданий.) Предостережения ближе относятся к таким уклонениям прессы, которые... ускользают от судебного преследования. Предметом предостережения могут быть статьи политического свойства или направленные против коренных начал религии и гражданственности. Интересы частных лиц, защита их доброго имени, ограждение чести и достоинства лиц, занимающих правительственные должности, непосредственно вверяется судебной власти... Закон 6 апреля устанавливает, что даже арест не может быть налагаем на вредные произведения прессы без одновременного начатия судебного преследования... Судьи независимы (эта отметка характеризует настроение умов — высшее судебное учреждение уже воспринимается как автономная инстанция, хотя судебная реформа еще не вступила в силу и независимость судей официально не провозглашена), [поэтому] дело должно быть представлено [администрацией] полно, правильно и с соблюдением условий судопроизводства. Интерес правительственный или общественный должен быть защищаем настойчиво... [для чего] необходимо согласие ведомств. Если прокурор (подчиненный министерства юстиции) не разделяет взгляда

главного управления печати, то он обязан себе его усвоить. Он действует не по собственному произволению, а по поручению правительства, которое не может, по отношению к прессе, раздваиваться на несогласованные между собой части. Конечно, управление по делам печати может ошибаться, и прокуроры могут встретить важные сомнения при исполнении его требований. Но в таких случаях они обязаны испрашивать указаний министра юстиции, который найдет возможность снестись или объяснить с министром внутренних дел... По сим уважениям долгом считаю всеподданнейше ходатайствовать не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству высочайше повелеть... чтобы в делах по судебному преследованию прокуроры руководствовались указаниями главного управления печати, в случае затруднений или сомнений испрашивали бы указаний министра юстиции, а в случае разногласий министерств возникший вопрос представлялся бы на Высочайшее благоусмотрение»⁴⁶.

Царское благоусмотрение не замедлило; на записке начертана резолюция: «Согласен и признаю эти меры необходимыми». Валуев своей цели добился: судебное ведомство в целом всегда становилось на его сторону, правда, подчас смягчая наказание, на котором настаивало МВД. Но доведение дела до суда вообще случалось редко — предостережения, а, тем более, приостановка изданий, обыкновенно действовали вполне убедительно.

Заметим, что «Временные правила» вкупе с *гласно объявленными* цензурными ограничениями гарантировали такую свободу печати, которая и не снилась литературе тоталитарных режимов. Никто не предписывал писателям, что им надлежит писать, никто не налагал на прессу железную узду, никто не ставил препоны гласности. (Кстати, слово «гласность» появилось в российском обиходе в конце 50-х годов XIX века.) Закон отсекал крайности, но никакая критика, просто потому, что она критика,

не запрещалась. Цензуре предназначалась нравственно положительная функция: остановить распространение в незрелом обществе разрушительных идей — антисоциальных, националистических, фанатически нетерпимых. Во всем остальном — предоставлялась полная свобода. Мы должны отдать дань Валуеву: ясно понимая ситуацию в стране, он отчетливо видел необходимость защиты известных государственных, общественных и личных ценностей, но ввергать литературу в незаконные преследования он не имел ни малейшего намерения⁴⁷. Русская литература 60-х годов — тому свидетельство. Критическое отношение к действительности никогда не становилось предметом гонений. Гневные тирады Помяловского, язвительные реплики Островского, «проклятые вопросы» Тургенева, сатирические очерки Салтыкова-Шедрина, надрывная поэзия Некрасова, даже коммунистические фаланстеры Чернышевского вливались в круг чтения беспрепятственно. Но «обличителям» этого было мало. «Что можно разбить, то и нужно разбивать, — рубил Писарев... — Бей направо и налево, от этого вреда не будет!» Ожесточенные нападки терпелись довольно долго. Только покушение на царя в 1866 году заставило правительство пресечь прямые революционные призывы: закрыть «Современник» и журнал Писарева «Русское слово»⁴⁸.

Борьба Валуева с крайностями левого радикализма, конечно же, никогда не вызвала протеста ни в Зимнем дворце, ни в других дворцах и особняках. Оттуда доносилось брюзжание и слышались крики лишь при его попытках остановить поток оголтелого национализма. Но теперь, пользуясь полномочиями Закона 6 апреля, Петр Александрович предпринимает решительное наступление против «Московских ведомостей» Каткова.

Михаил Никифорович Катков — личность в русской публицистике знаменитая. (Он уже появлялся на предыдущих страницах нашего повествования.) Его статьи 50-х го-

дов в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» расширили пределы дозволенной свободы. Не давая цензуре формального повода к придиркам, он умел сказать все, что хотел, — догадливый читатель понимал прозрачные иносказания и явные недоговорки. Искуснейшим образом он ввел в оборот темы, о которых прежде не могли и помышлять, и в начале 60-х их обсуждение уже воспринималось как естественный порядок вещей. Катков был горячим сторонником крестьянского освобождения, наделения крестьян землей и выкупа надела с помощью государства. Выступая против нигилистических тенденций, он предостерегал от одних только полицейских мер: стеснения усилят болезнь, загнав ее внутрь, положительные интересы общественной жизни отсекут болезнетворные ткани.

В первый период польского восстания Катков соглашался с попытками либерального умиротворения поляков. «Не подавлять польскую народность, а призвать ее к новой общей с Россией политической жизни», — писали «Московские ведомости»⁴⁹. Но европейская поддержка мятежа круто изменила его отношение к событиям. Защита государственной целостности обернулась ненавистью ко всему польскому, при этом все, кто отказывался разделять его взгляд, объявлялись предателями интересов России. В бездну национализма повлеклись многие, но немногие выражали эти прилипчивые пошлости со столь необычайной силой. Литературный дар выделял Михаила Никифоровича, а фанатически проповедуемая идея, оперенная разноцветием слов, действует гипнотически. В основании же магии лежал простой демагогический прием: одна мысль повторялась несколько раз; украшенная блестящими фразами, она внедрялась в сознание неотразимо. Читатель оставлял газету не столько убежденный ее аргументами, сколько зомбированный потоком сознания ее редактора.

Эффективен был и другой способ «промыывания мозгов»: смешение бесспорных, даже демократических ис-

тин с произвольными обвинениями, чередование гражданской скорби с ненавистью к «врагам России». Принимая один ряд утверждений, убедительно мотивированных, логически безукоризненных, простецы соглашались со всем остальным.

Вот пример подобного построения.

«Московские ведомости» нередко, в прямой или завуалированной форме, нападали на чинов высшей администрации, что, в свою очередь, было постоянным предметом претензий цензурного ведомства: критика правительственных лиц, непосредственно приближенных к царю, суть косвенное осуждение монарха. «Правительство нельзя отделить от государя, это справедливо, — пишет в ответ Катков. — Но государь и правительство не одно и то же. Администрация есть орган верховной власти, но верховная власть значит еще очень многое сверх администрации. Государь не только глава административной власти. Он глава государства, отец народа. Правительство не может претендовать на такое значение. Вне исполнения своих обязанностей всякое должностное лицо есть не более, как подданный, и его мнения не могут иметь никакой обязательной силы для общества... Доктрина об абсолютном тождестве администрации с верховной властью может сообщить фальшивое и опасное направление нашему прогрессу». И далее фразы, ласкающие слух: «Новые общественные силы, новые права и учреждения не ущерб верховной власти... Рядом с административными возникают служебные власти, от них не зависящие, но наравне с ними подчиненные единой верховной власти... Власть русского государя, как понимает ее народ, отнюдь не смешивается с административной и служебной властью... Истинная потребность гражданского общества состоит в том, чтобы было возможно больше ясности... Чем больше публичности дается делам, чем они доступнее для сведения и суждения каждого, тем более разливается света в обществе, и тем менее возможны ошибки,

как в правительственных системах, так и в общественном мнении. Пусть правда широкою и беспрепятственную струею разливается в обществе и достигает престола»⁵⁰.

Какой сверкающий набор! И все только для того, чтобы за грудой фраз спрятать этакое умственное сальто-мортале: высказывания или действия *министра* (обычно это Валуев или Головнин), или приписываемые им намерения выдать за их *личные поступки* и склонности, никак не связанные с их официальными обязанностями. Далее можно подвергнуть их любой уничижительной критике. Затем можно писать, что «эти элементы захватили частицу власти» и пользуются ею исключительно во вред. Можно на протяжении газетной полосы спекулировать на естественном чувстве патриотизма: «наша вина, по видимому, в том, что мы чувствуем себя русскими»⁵¹, и потом утверждать, что только методы Муравьева соответствуют чаяниям народа.

В статьях «Московских ведомостей» обыватель находил неосознанно бродившие в уме собственные мысли, но преподнесенные в великолепной оболочке. Опасное влияние Каткова выросло на глазах. Он сделался влиятельнейшей фигурой не только в журналистике, но и в политике.

В 63–64-х годах цензурное ведомство только покусывало «Московские ведомости»⁵². Но популярность газеты начала кружить главному редактору голову; самомнение и амбициозность устраивали в ней соревновательную пляску. Катков решил, что его имя, его фавор в высших сферах позволят ему совершенно изъять «Московские ведомости» из-под цензуры. Благовидный предлог нашелся легко — газета принадлежит Московскому университету. (Ему уже было известно, что будущий устав предполагает бесцензурную печать университетских изданий, не газет, правда, но какое это имеет значение!) В пору интенсивного

обсуждения новых законов о печати в Госсовете, в декабре 1864 года, он приезжает в Петербург. Приезду предшествовали умело распушенные слухи, что Катков изнемогает под бременем цензурных нападок, собирается уйти из газеты etc. Хотя было ясно, что это блеф, недоброжелатели с удовольствием могли бы обвинить главу МВД в преследовании из личной неприязни distinguished журналиста. Не желая создавать себе дополнительные сложности в Госсовете, Валуев любезно принимает Каткова, и два вечера кряду Петр Александрович и Михаил Никифорович ходят друг вокруг друга, как два борца. Состязание двух самых искусных в России риториков было, наверно, зрелищем для богов. Михаил Никифорович уверял, что им движут единственно благонамеренность, патриотизм и желание России счастья, что при всем известной добросовестности он сам может быть своим цензором. Петр Александрович, не сомневаясь в верности сказанного, заверял, что более снисходительных цензоров, чем Щербинин в Москве (председатель тамошнего цензурного комитета) и он, Валуев, в Петербурге, на свете не найти, к тому же, при всем известной скромности Михаила Никифоровича, не станет же он претендовать на исключительное положение в русской прессе. Широкая терпимость, постоянно оказываемая «Московским ведомостям», продолжал Валуев, будет продолжена, в пределах закона, разумеется. Расстались, расточая комплименты, но каждый понял, что ни в чем оппонента не переубедил⁵³.

Весна 1866 года. Пруссия готовится к очередной схватке с Австрией за преобладание в Германии. 20 марта «Московские ведомости» публикуют обширную статью, со ссылкой на никому не ведомую «Кельнскую газету», о соотношении военных сил в предстоящей войне. Австрийская армия, пишет немецкий обозреватель, составлена из солдат разных национальностей; кроме австрийцев, остальные не считают Австрию своей страной, своей ро-

диной. Такое войско, даже лучше вооруженное, уступит полкам, воодушевленным общим национальным духом. Далее, уже автор московской редакционной статьи — Катков, разумеется — с упоением живописует прусский патриотизм, не замечая, что всего более восхваляет не его достойную ипостась, единение нации для достижения независимости и процветания, а националистическую воинственность, толкающую народ на путь гегемонистских завоеваний.

Но цитация немецкого этюда понадобилась Каткову не только для дежурной проповеди. Главный пафос раскрывался в неожиданном повороте темы. Объяснив уважаемой публике, что армия, недвижимая идеей унитарного государства, обречена на поражение, Катков переходит к излюбленным безличным обвинениям. «И вот, однако, нам изыскивают способы, как бы лучше превратить Россию в Австрию. Влиятельные партии употребляют все усилия, чтобы ввести в наш государственный организм принципы национального разделения. Нас уверяют, что Россия может продолжать свое существование, если правительство применит ко всем ее частям то самое начало, на основании которого соединяется с нею Финляндия. Не предлагались ли нам планы какой-то невозможной конфедерации, которая была бы ничем иным, как личным соединением многих отдельных и чуждых друг другу государств под общей верховной властью? Не преподносились ли у нас доктрины, что верховная власть может иметь различный национальный характер по отношению к различным частям своих владений? Если бы подобные планы задумывались и приводились в исполнение отъявленными врагами России, то это было бы в порядке вещей. Но в порядке ли вещей, что эти планы встречают сочувствие и поддержку в некоторых правительственных сферах? Не странное ли дело, что мысль о государственном единстве России должна прокладывать себе путь с тяжким усилием, подвергаться всевозможным поруганиям... и встречать

себе неутомимых и ожесточенных противников в сферах влиятельных»⁵⁴.

Риторические вопросы, по обыкновению, не требуют даже элементарных усилий для нахождения негодующих ответов. При этом сама собой усваивается мысль о царящих в высших петербургских кругах силах, вступивших в сговор и заговор с целью погубить Россию, разорвать ее на части. Маниакальная подозрительность, навет и провокация — ничего другого передовая «Московских ведомостей» не содержала. Никто из русских государственных деятелей, включая самых «полонизирующих» — великого князя Константина Николаевича, Головнина и Валуева — никогда, даже в момент самого активного умиротворения, в начале 1863 года, не ставил под сомнение необходимость полного подчинения Польши русской администрации. Спор шел только о том, как лучше добиться победы русского влияния: силой или убеждением. Что же до всплесков остзейского сепаратизма, то никакого отзвука, кроме отпора, они в Петербурге не получали.

Борьба с Катковым была бы невозможна без высочайшей поддержки. Валуев готовил ее загодя, неоднократно обращая внимание государя не только на компрометацию «Московскими ведомостями» его министров, но и на активную пропаганду на страницах газеты идей, с которыми носились московские олигархи — «народного представительства», которое они понимали (см. выше) как представительство преимущественно аристократическое. Конечно, Катков при этом всячески подчеркивал абсолютную преданность самодержавному принципу, но оскомина у царя оставалась.

31 марта МВД объявляет редакции «Московских ведомостей» первое предупреждение. «Нельзя допускать до бесконечности, — пишет Валуев, — чтобы издатели «Московских ведомостей» провозглашали себя изобретателями единства России и обвиняли в государственной измене всех тех, кого они предполагают не разделя-

ющими вполне их воззрение на тот или другой вопрос»⁵⁵.

Не станем отрицать присутствие личного оттенка в борьбе Валуева с «Московскими ведомостями». Разговоры о его попустительстве польскому или остзейскому сепаратизму то и дело возникали в царском окружении. Ему слишком часто приходилось их опровергать. Публичные же обвинения заметно подливали масла в огонь, и было очень трудно удержаться от желания власть употребить, коли она лежала рядом. Но объективный вред писаний Каткова умять не приходится.

Быть может, и нашелся бы на Каткова «укорот», но пять дней спустя грянул выстрел Каракозова, и ситуация кардинально переменялась. «В обстановке всеобщего патриотического подъема» Катков почувствовал себя недосыгаемым для санкций, не только не подчинился, но сам перешел в атаку. Требовалось, чтобы газета опубликовала полученное ею предостережение. Катков демонстративно отказался это сделать, заявил, что готов платить пени — 25 рублей за каждый следующий выпущенный номер и втянул МВД в вязкий спор, трактуя по-своему статьи закона: можно ли уплачивать ежедневный штраф и не печатать предостережение или нельзя. Скучные доказательства официальной «Северной почты» и либерального «Голоса» многократно перекрывались громокипящими периодами «Московских ведомостей» — легко понять, на чьей стороне оказалась читательская масса.

Поклонников Каткова можно было бы и не послушать, но государя-императора послушаться пришлось. Валуев еще успевает объявить два предостережения подряд и тем самым приостанавливает издание газеты, но Катков апеллирует к самому «верху» — обращается с письмом к монарху. Конечно же, перед хитросплетениями и красноречием ловкого журналиста в накаленной атмосфере недавнего покушения Александр Николаевич не устоял. В конце июня он дает Каткову аудиенцию и разрешает возобновление «Московских ведомостей». Сражение с подымающим голову ура-патриотизмом было проиграно.

Глава VII

1866 год стал последним годом активной, энергической деятельности Валуева.

Стоит ли сражаться за государственную систему, которая не умеет себя защищать, стоит ли предлагать спасительные меры, которые отвергаются с нарастающим пренебрежением? Мириться с необузданным цинизмом влиятельных лиц, готовых отказаться сегодня от того, что доказывали вчера? И при этом самому соглашаться с очередным бессмысленным предложением сотоварища-министра только для того, чтобы получить его голос в поддержку своей идеи. Стоит ли выносить интриги и прямую клевету людей, любым путем желающих отстранить его от государственной деятельности? Едва успел он вступить в управление министерством, стали роиться слухи о его ближайшем увольнении. Князь Суворов писал ему о шепотах, светская приятельница, княгиня Кочубей, неоднократно встречала его подобной новостью на пороге своей гостиной. Оба предупреждали о каверзах из дружеских чувств, желая остеречь его, уберечь от неожиданности. Злонамеренные сплетни циркулировали упорно и настойчиво все годы его министерства. Вначале государь говаривал ему, что не стоит обращать внимания на жужжание, но вот недавно сам спросил его, слышал ли он разговоры об его, Валуева, отставке, сопроводив уверения в ложности сей болтовни весьма двусмысленными словами: мои министры будут находиться на своих по-

стах столько, сколько я их буду там держать... Сколь долго еще оставаться одному? «Привлечь некого, но и пристать не к кому. В наше время одни ненависти соединяют. Милютины и Зеленой заодно против поляков и немцев. Они же и Ахматов заодно против католиков. Чевкин, Милютины и канцелярия Главного комитета [об устройстве сельского состояния] заодно против дворянства и помещиков»¹

Он устал. Окружающие замечают, что он плохо выглядит, похудел, постарел. Сильно беспокоят глаза — временами налетает боль, от которой нет спасения. Он готов хоть сейчас выйти из министерства, но не хочет хлопать дверью, резко порывать отношения с государем. Оттого существенные разногласия, имеющие политическую окраску, не могут быть заявлены, не могут стать мотивом для прошения об отставке. Но ведь они и были главными, болевыми точками: дела польские, дела Западного края и Прибалтики, дела прессы, расширение Государственного Совета; со всем остальным можно было как-то мириться, при обсуждении их не высекались искры.

И он оставался. Знал, что надо уходить, и мучился тем, что оставался. Откладывал решение, как в 1863-м, когда проиграл битву за преобразование Госсовета; уверял себя, что ждет указания свыше, недвусмысленного знака. Но на свою прежнюю бурную деятельность смотрел как бы издалека, с усмешкой. Вот совсем недавно, когда московское дворянство предприняло очередную попытку принудить царя поделиться властью, какую волю и настойчивость он проявил, чтобы остановить нападение! Стоял один против сотен московских дворян, заставил царя, уже склонного отступить, не слушать советов Гагарина и Долгорукова и подписать указ, повелевавший закрыть непокорное собрание; приказывал струсившему московскому губернатору немедленно выполнить распоряжение, составил проект рескрипта, не оставляющего сомнений в том, кто в доме хозяин! А как несколько лет, месяцами, терпеливо

и настойчиво добивался решения о свободном выборе вероисповедания для детей от межконфессиональных браков? Против неистовых Муравьева, Чевкина, Блудова, Ахматова, Урусова. И государь согласился. Как справился с труднейшей миссией — изящно расцепил клубок противоречий между генерал-губернатором и общественными деятелями в единственной своего рода комиссии, образованной в Юго-Западном крае для устройства крестьянского дела?² Но всему есть предел. Теперь он почти равнодушно взирает на совершающиеся события, и только привычка к работе время от времени пробуждает в нем интерес к делам.

Давно было сказано, что время самореформирования — самый опасный для режима период. Революции отбирают все у одних и отдают все другим, отчего диктатура и пользуется безоговорочной поддержкой известной части населения. Эволюция же требует сбалансированных действий, и социальный реформатор, как правило, вызывает недовольство всех сословий, ибо частичное перераспределение заметно озлобляет одних, но никогда полностью не удовлетворяет других. Одни рассчитывали на немедленное улучшение жизни, другие — не желают мириться с ухудшением, те и другие — разочарованы и возбуждены. Когда же, в силу необходимости, преобразования производятся во многих сферах одновременно, положение усложняется многократно. Старые институты и связи разрушены, но новые не заработали в полную силу. Никто не способен быстро приспособиться к новому, непривычному способу существования, тем более что груз прежних представлений не избыт. Выстрел Каракозова — предельное выражение всеобщей взбудораженности и брожения во всех слоях российского общества.

Безумный, бессмысленный выстрел Каракозова 4 апреля 1866 года привел только к одному результату, как обычно прямо противоположному тому, на что рассчиты-

вают террористы — к замедлению либерализующих тенденций. Возобновившиеся было толки о призыве выборов в Госсовет, новый проект подобного рода, составленный великим князем Константином и князем Урусовым, удивительно похожий на проект Валуева 1863 года, — все было похоронено. Долгоруков посчитал для себя невозможным оставаться на посту шефа жандармов, приняв на себя вину в том, что покушение вообще могло произойти. Вынужден был выйти в отставку Головин, после 4 апреля его взгляды и намерения показались слишком либеральными. Валуев ощутил себя в правительстве еще более чужим. Он мог ожидать, что ретрограды постараются использовать шок выстрела и предложением тиранических мер поспешествовать своей карьере. В попытке предотвратить худшее, он предлагает государю бороться с революционным движением развитием экономических сил страны. Поднимите уровень жизни и вы получите лояльных граждан. Необходимо содействовать развитию «отраслей сельского хозяйства, имеющих особое значение в тех или иных областях империи», расширить возможности поземельного кредита, надо «оградить интересы торгового сословия, облегчить учреждение новых предприятий». Дворянство и земство требуют внимания, нельзя безразлично относиться к их нуждам. Организация высшего образования нуждается в корректировке. «Дешевое обучение привело к возрастанию класса интеллигентного пролетариата, ибо у нас всякий, получивший образование, стремится в государственную службу», но мест не может хватить на всех. Нельзя забывать и «об общественной безопасности, следовательно усиление средств полиции необходимо». Что касается печати, «то можно сдерживать ее в пределах довольно тесных, соблюдая положения закона 6 апреля 1865 года»³

Конечно же, это не «меры борьбы с революционным движением», а программа социально-политической деятельности. Петр Александрович понимал, что император

может посчитать ее не соответствующей моменту, но важно было заявить ее. Когда одно за другим посыпятся предложения, не выходящие из полицейского уровня, его величество невольно сравнит их с идеями Валуева и, возможно, найдет разумным не ограничиваться одними охранительными мерами. В конце концов так и произошло. Официальная реакция на покушение — рескрипт царя председателю Комитета министров князю Гагарину — не содержал, конечно, никаких объявлений о новых либеральных намерениях, но и никакого поворота вспять не провозглашал. (Весьма характерная деталь. Предварительное обсуждение будущего текста, иступленные возгласы Гагарина и Панина «против либеральных тенденций в среде самого правительства», явно нацеленные в Валуева, настоятельное требование подчеркнуть, что «император самодержавен и не допустит ни дум, ни депутатов, ниже какого-либо представительства» и, наконец, «принятие на себя графом Паниным составления проекта», заставили Петра Александровича предположить самое «непригодное» содержание манифеста; он постарался отклонить от себя честь монаршего обращения и устроить так, чтобы рескрипт был адресован Гагарину.)⁴ Но в окончательном варианте свирепства не осталось. Александр Николаевич не видел необходимости утверждать принципы самодержавия *в связи с попыткой покушения*. Это отдавало бы малодушием. Он был человеком мужественным и храбрым, и призрак внезапной смерти, представший перед ним у решетки Летнего сада, быстро развеялся. Запущенные механизмы новых законов и учреждений государь не остановил.

Расхождение представления о кардинальной перемене правительственного курса после покушения 4 апреля не имеют под собой почвы. Готовность к почти безоглядной либерализации уступила место настороженности — да, это произошло, террористы сделали свое дело. Но идеи и цели царя-реформатора не претерпели ущерба. Выстрел

Каракозова прогремел в то время, когда основные законодательные акты Великой реформы уже были приняты (впереди оставалась только реформа городского управления и военная реформа). Законотворческая деятельность *не остановилась*, она к этому моменту почти *завершилась*, но ее окончание совпало с покушением, и потому было воспринято частью современников и последующих историков как отказ от дальнейших преобразований, как перелом в убеждениях Александра II. Это суждение было поверхностным. Ход вещей увел реформы с гулкой авансцены в глубь кулис, в конкретную реорганизацию властных институтов на нижних уровнях, в перестройку земских и судебных учреждений, преобразование полиции и налоговых ведомств. Главные точки приложения сил переместились из законодательных органов в исполнительные, из Петербурга в провинции. Там продолжались крутые перемены — ничего выстрел Каракозова не остановил.

Эти перемены перепахивали устоявшийся мир весьма глубоко. В губерниях появились мировые посредники, акцизные управления, судебные палаты, независимые прокуроры и адвокаты — никто из них администрации не подчинялся. Чиновный люд с трудом воспринимал действительность. Предреформенный чиновник мог, под крылом начальства, нагло, почти не скрываясь, брать взятки и грабить казну, теперь же, к невыразимому своему удивлению, он попадал под суд, и его начальникам оставалось только разводиться руками. Сам губернатор, еще недавно абсолютный хозяин губернии, «соединявший в своих руках все нити местной администрации», очутился под контролем местных органов министерства финансов и Сената. Более того, коронного чиновника теперь можно было призвать к ответу «за вред и убытки, причиненные бездеятельностью». К этим «началам разделения властей общественная среда не привыкла»⁵. Уважение к чужому, другому мнению веками отсутствовало в российской

жизни, и оно не могло родиться вдруг, за несколько лет. Новые учреждения наступали, старые учреждения огрызались, процесс взаимной адаптации происходил медленно и болезненно. Вспышки напряженности и противостояния возникали постоянно. Обе стороны предъявляли друг другу претензии, каждая считала себя абсолютно правой и на уступки не соглашалась. Когда же ожесточение выводило оппозиционные настроения из рамок дозволенного, правительство, также ожесточенное, не выдерживало равновесия и начинало сужать эти рамки еще более. Однако и тут нет связи с выстрелом 4 апреля. Такова реакция любого чиновника, раздосадованного попыткой отнять у него толику власти. Но чиновничье охранительство, привычное и терпимое в обычные времена, в период всесторонней ломки взаимоотношений вызывает активный протест. Более того, неизбежные сложности переходного периода общественное мнение приписывает злонамеренным действиям центральной власти; в радикализованных умах рождается убеждение, что за всеми ретроградными мерами стоит самодержавие, что, в конечном счете, во всех неустройствах виновато именно оно. И немногочисленная, но опасная кучка т.н. народовольцев идет дальше, присваивает себе право распоряжаться судьбой страны: устраним вершину бюрократического монстра, персонализированную в лице императора, и на земле мигом настанет рай. Узость представлений, тоталитарность мышления, неспособность к компромиссу в одинаковой степени были присущи всем слоям российского общества.

Если выстрел, направленный в царя, его самого не устрасил, то окружение царское перепугалось очень сильно. Еще несколько лет назад, в споре с Валуевым, князь Гагарин, желая уязвить оппонента, неожиданно для себя точно определил разницу между собой, своими приверженцами и Валуевым: «Конституция выбросит нас всех, кроме, наверно, Вас». Новые времена наступа-

ли неотвратимо, и разумные политики должны были разрабатывать формы государственности, способные предохранить их суверена от возможных катаклизмов. Такова была позиция Валуева. Поборники же старого режима стремились сохранить систему в полной неприкосновенности и всячески потворствовали самодержавным инстинктам монарха. Они, прежде всего, они не желали поступаться властью. «Струна оберегательства», на которой они постоянно играли перед царем, давала «повод врагам общественного порядка постоянно твердить, что вся неурядица происходит у нас оттого, что интерес многих противен интересу одного»⁶. Кровью великого русского реформатора императора Александра II обгагрены руки террористов, но доля ответственности за его насильственную смерть ложится и на царское окружение.

В ноябре 1866 года правительство, по инициативе министра финансов Рейтерна, внесло поправку в закон о земствах, уменьшающую земский сбор с промышленных и торговых заведений. Мера была весьма разумной, ибо некоторые земства, пользуясь численным преимуществом «земледельческих» гласных, стремились содрать семь шкур с городского сословия. «Северная почта» еще в январе писала об административном восторге земств: «Одно уездное собрание распорядилось запрещением торгов и базаров в воскресные дни; другое признало возможным» ввести дополнительный налог на лесопромышленников, «третье установило сбор с предполагаемых капиталов 1-й гильдии»⁷. В некоторых уездах земские оклады предприятий более чем в два раза превосходили казенное обложение⁸. Между тем молодая промышленность крайне нуждалась в притоке капиталов, и сокращение налогов позволяло владельцам усилить вложения в ее развитие. Однако многие земские деятели отказывались

принимать эти резоны. В начале 1867 года Петербургское губернское земское собрание, возбужденное речами председателя управы Крузе и сенатора Любошинского, постановило не применять «Закон 21 ноября» к обложению текущего года. При этом вельможный гласный граф Андрей Шувалов потребовал созыва «русского земства». Повторялась «история», учиненная московским дворянским собранием в 1865 году, прекращенная Валуевым. Но сейчас, после 4 апреля, дело не ограничится разгоном собрания, предположил Петр Александрович, ожесточенная придворная камарилья «бросится в личные преследования». Поэтому он торопится предложить «способ, менее крутой и более регулярный по форме: распускание собрания и отрешение от должности председателя губернской управы». Но это не помогло. Новый шеф жандармов граф Петр Шувалов в рвении охранительства настоял на высылке Крузе в Оренбург, Андрея Шувалова — за границу, а петербургские земские учреждения потребовал закрыть вообще⁹. Звезда Петра Шувалова, уже прозванного Петром IV, поднялась высоко, царь весьма прислушивался к его советам, и спасти петербургское земство Валуев не смог. Тут произошел эпизод, очень характерный для эпохи — с одной стороны, власти вводили переловые законы, с другой — никак не могли усвоить, что эти законы писаны и про них. Приняв судебную реформу, предоставив почти абсолютную независимость судопроизводству и судейскому сословию, правительство вдруг с удивлением обнаруживает, что оно теперь не всевластно. Сенатору Любошинскому, произнесшему зажигательную речь в земском собрании, велели подать в отставку; когда же он отказался, выяснилось, что настоять на этом нынче не могут. Как член Сената высшей судебной инстанции он пользуется правом несменяемости и не может быть уволен. К чести императора: узнав обо всех обстоятельствах дела, он немедленно подчинился закону¹⁰.

Смерть старшего сына царя Николая в апреле 1865 года и провозглашение наследником престола Александра Александровича добавили в когорту врагов Валуева могущественного недоброжелателя. Второму сыну монарха уделяли в августейшем семействе значительно меньше внимания, нежели первенцу, любимцу матери. Будущий Александр III образование получил весьма скромное, а близкое окружение, ведомое Победоносцевым и князем Мещерским (каждый — независимо один от другого), тянуло его в круг охранительно-националистических идей. Европейский, либеральный абрис министра внутренних дел претил новому цесаревичу.

Желание отстраниться от суеты ненужных, неприятных дел снедает Валуева все больше. В отставку уйти невозможно, но можно хоть ненадолго сбросить тягостное бремя, и летом 1867 года, впервые за последние 14 лет, Петр Александрович испрашивает длительный, трехмесячный отпуск.

Он чувствовал за собой только один долг: он должен восстановить петербургское земство, возобновить его деятельность. Он и раньше искал случая изложить царю свои соображения на этот счет, но именно сейчас возможность наконец представилась. 30 июня Валуев получает согласие государя, через несколько дней посылает ему на подпись повеление о восстановлении земских учреждений в Санкт-Петербургской губернии, 8 июля публикует его в «Северной почте». Можно отправляться? Впереди заманчивые Париж, Лондон, Берлин, прелесть свободной жизни и восхитительных путешествий. Но тут возникли неожиданные обстоятельства.

«В тот год осенняя погода» настала рано «на дворе». В центральной и северной полосе России почти все лето беспрерывно лили дожди. В начале июля местные власти начали опасаться неурожая, но буквально накануне назначенного Петром Александровичем дня отъезда, их тревога

превратились в уверенность. Из Смоленска поступали неблагоприятные сведения, архангельский губернатор засыпал МВД паническими телеграммами. Страхи казались Валуеву преувеличенными, но уезжать, не имея ясного, объективного представления о положении вещей, он не мог. Он решает послать в Архангельскую губернию компетентного человека, хорошо знающего провинциальные условия и порядки. Сразу вспоминает, что такой человек у него есть — чиновник его министерства, бывший предводитель дворянства, а потом губернатор Нижегородской губернии Петр Дмитриевич Стремоухов. Срочно вызванный к министру на дачу, на Аптекерский остров, Стремоухов получает приказ немедленно отправиться в Архангельск. «Вы удостоверитесь на месте в степени действительной нужды и известите меня телеграммой. Если вы найдете необходимым, деньги будут отпущены, но расходовать их должны при вашем участии». Ошеломленный неожиданностью, Стремоухов пробует отделаться от поручения, но Валуев, «всегда любезный и приветливый» (замечает Петр Дмитриевич), на сей раз резко отменяет его доводы: «Для службы его императорского величества отговорок нет. Назначение ваше уже состоялось, прошу выехать завтра».

Стремоухов «установил, что виды на урожай действительно плохие», но бояться голода не следует. Архангельская губерния никогда не могла прокормиться своим хлебом, его всегда ввозили из соседних губерний. Возможно, что в этот раз его придется закупать больше¹¹ Успокоенный, в середине июля Валуев уезжает с женой за границу.

Недород больше всех других районов поразил Смоленскую губернию, а ее губернатор, в противоположность архангельскому собрату, видимо, решил особенно не беспокоить начальство неприятными известиями. До конца года Петр Александрович пребывал в убеждении, что никаких чрезвычайных мер не требуется. К тому же он

все более и более пассивен, занимается только текущими делами, очень досаждают глаза — временами он не может ни читать, ни писать. Поэтому, когда в середине января 1868 года разразилась буря, Валуев оказался к ней совершенно неподготовленным. Предпринятая Аничковым дворцом (резиденция цесаревича) акция «была хорошо спланирована». 22 января в газете «Русский инвалид» появилась статья князя Мещерского под крикливым заголовком «Воззвание о помощи»¹². Статья возвещала о грозящем многим губерниям голоде и объявляла о создании под главенством цесаревича комиссии, долженствующей обеспечить «единство действий правительственных органов и земских учреждений в оказании скорой и верной помощи голодающему народу». Имушие классы призывались к сбору пожертвований. Рескрипт императора и императрицы на имя наследника престола (совместный рескрипт — случай необычайный), с повелением создать и возглавить эту комиссию, последовал только через два дня.

Не говоря уже о странной форме сообщения о правительственной мере — первоначальное известие исходило от частного лица, князя Мещерского — учреждение комиссии наносило министру внутренних дел две пощечины. Первая: министр не был предупрежден о ее создании; вторая: сам факт ее образования дискредитировал МВД в глазах общества. Государь потом сожалел о плохо обдуманном поступке; он был расположен к своему министру, однажды в откровенной беседе сказал, что ни с кем из других правительственных лиц у него нет такого совпадения взглядов и ощущений; ценил его, награждал орденами, деньгами и чинами — в октябре 1866 года возвел в чин действительного тайного советника, полного генерала. (Бабушка Дарья Александровна была бы довольна; ее Петенька взшел на вершину, которой не достигли ее муж и сын: высший чин, высшее гражданское звание (статс-секретарь), министр, член многочисленных комитетов, по-

четный гражданин разных городов, кавалер орденов российских и иностранных и прочая, и прочая...) Царь не хотел обижать и оскорблять преданного человека; наследник «ходом Мещерского», по существу, *принудил* его издать злополучный рескрипт.

Аничков дворец развил бурную деятельность. Находясь под патронажем наследника престола, комиссия, не спрашивая ничего согласия, вызывала к себе высших чиновников МВД, губернаторов, выборных лиц земств и городов, требовала от них отчетов, отдавала приказания и демонстративно не замечала министра внутренних дел. Спектакль, умело разыгранный, произвел желаемое действие: молва обвинила министерство внутренних дел в неприятии мер. Обычно объективный и непредубежденный Никитенко записывает в дневнике: «Общее мнение было против него [Валуева]; странным индифферентизмом к голоду он дал против себя оружие враждебной к нему партии»¹³. Между тем министерство внутренних дел вовсе не игнорировало продовольственные трудности. Оно только не считало их голодом, основываясь на том, что цена пшеницы, по сравнению с обычной, возросла менее, чем вдвое. «В рабочем порядке» принимались необходимые меры: выдавали зерно из запасных магазинов, отпускали деньги земствам для его закупки у хлебопромышленников по текущей цене, с тем чтобы они продавали его по цене обыкновенных лет, а особо нуждающимся — за $\frac{2}{3}$ этой цены. Но чтобы покупать и по умеренным ценам, нужны деньги, их же у многих крестьян не было, поэтому хлеб часто отдавали в долг. Но надо избавить людей и от долгов, и Валуев предлагает Комитету министров организовать общественные работы — они сразу обеспечат заработками значительное число людей. Так как речь идет в первую очередь о Смоленской и прилегающих губерниях, то следует открыть весной строительство железной дороги Смоленск-Москва. Министры не возражали, но сильно протестовал Рейтерн; строилась Южная доро-

га, и министр финансов утверждал (совершенно справедливо), что денег на другую дорогу в бюджете нет. Комитет смутился и не решился поддержать Валуева. Но у Петра Александровича нашелся могущественный союзник. Император не только начертал на мнении своего министра «Исполнить», но и распорядился «приступить к работам земляного полотна предполагаемой железной дороги ныне», не дожидаясь весны¹⁴. Царь здраво посчитал, что на фоне ежегодного дефицита в 50 миллионов рублей, еще один миллион погоды не сделает¹⁵.

Уже когда интрига против Валуева сработала, и на посту министра внутренних дел его сменил Тимашев, комиссия наследника-цесаревича подвела итоги своей деятельности. Один из выводов гласил: если «соединить железными дорогами бассейны рек Невы и Северной Двины с Волгою... то это ускорит доставку хлеба в Петербург в 15 раз, а до Архангельска потребуются 14 дней вместо двух навигационных лет». Стоимость перевозки сократится во много раз, соответственно упадет цена продаваемого на Севере хлеба. *«Оскудение в продовольствии на севере вовсе не есть результат недостатка хлеба в государстве, а отсутствие удовлетворительных путей сообщения»*. Дело было именно в этом. Даже посланец комиссии граф Бобринский отмечал, что хлеб на складах губернии имеется, но крестьяне его не покупают вследствие дороговизны¹⁶. Весьма нерасположенный к губернским чиновникам настоятель Пертомысского монастыря подтверждал слова Стремоухова и Бобринского (о которых он, разумеется, не знал): «Даже ближайшие к Архангельску крестьяне не имели возможности приобрести хлеб, ибо и малое отдаление от города делало это невозможным... Семян для северных уездов никогда не было своих, их всегда покупали в Вятской и Вологодской губерниях»¹⁷. Что это, как не косвенное, невольное оправдание без вины виноватого Валуева?

Вся эта история, несправедливые нападки, индифферентность сотоварищей по правительству, особенно Шувалова, с которым Валуев старался сблизиться (правда, из сухого расчета, видя, что государь считается с мнениями ловкого царедворца; но живя в политике, можно ли оставаться институткой?), а главное, невмешательство царя глубоко оскорбили Петра Александровича. Остаться министром, которого не замечают? Честь дороже минутной власти. К тому же лучшего повода для ухода нельзя было и придумать. Можно уйти с поднятой головой, ибо многие понимали, что возня, поднятая вокруг мнимой нерасторопности министерства внутренних дел, имеет отчетливо личностную направленность¹⁸. Некоторое время Валуев еще колеблется, нервничает, беспокойное состояние души прорывается в гневных репликах и прямых обвинениях в некомпетентности, которые он бросает коллегам, чего раньше он никогда себе не позволял¹⁹. Но на другой день после этой вспышки твердо решает: он уходит. И сразу почувствовал, как многолетний, тяжкий груз словно свалился с плеч.

Прошла неделя, повязку предохраняющую глаз от напряжения, врачи сняли, он снова может работать. Он еще никому не сказал, что оставляет министерство, он прежде должен написать четыре записки царю, своего рода политическое завещание, и не хочет, чтобы суэта, которая неминуемо возникнет около него, лишь только он объявит о своем решении, помешала ему сосредоточиться. Он работает быстро и целеустремленно. В две недели подготовлен материал и написаны (продиктованы) 74 страницы записок. «О положении дел печати», «О положении губернского управления», «О положении крестьянского дела», «О положении дел Западного края». Из всех проблем, которыми пришлось заниматься Валуеву в прошедшее семилетие управления министерством, — эти четыре были важнейшими. Петр Александрович посчитал своей обязанностью сделать все возможное, чтобы направить

своего будущего преемника по пути, который считал единственно верным.

Фрагменты записки о печати уже приводились выше. Среди других мест записки, не рассмотренных там, достойна внимания почти афористичная фраза: «Пресса никогда не будет довольна законом, а правительство прессой. Закон есть узда, а пресса стремится к свободе и будет жаловаться на всякую узду, встречая в том сочувствие в общественной среде». Не лишено точности и остроумия другое наблюдение. Не говоря все напрямую, пресса рассчитывает на сообразительность читателей, — утверждает Валуев. «Отсюда ее сетования на «административный произвол» и лицемерное предпочтение судебной власти, ибо суд не имеет права догадываться. Весь вопрос в том, чтобы читатель мог догадаться, но чтобы правительство не могло доказать, что оно догадалось».

Снова и снова пеняет Петр Александрович коллегам в правительстве. Они относились к действиям министра внутренних дел «неодобрительно или безучастно... Он один был противопоставлен всей нашей печати». На будущее Валуев формулирует вывод: «Какому бы лицу ни было вверено впредь заведывание делами печати, ему должно быть оказано содействие со стороны всех правительственных ведомств. Влияние на прессу невозможно, если она будет иметь повод предполагать, что найдет опору в части правительственной власти»²⁰.

Четыре дня ушло на составление почти 30-страничной записки о губернском управлении. В свое время, как мы помним, Валуев жаловался на бесчисленность обязанностей губернатора, теперь он негодует, что губернатор чуть ли не отстранен от всякого влияния на дела губернии. Конечно, прежний порядок никуда не годился, губернаторы обладали почти безграничными prerogativami, соглашается Валуев. «Черты петровских и екатери-

нинских преобразований соединялись в губернаторской власти с московскими порядками». Но теперь — нет ли опасного крена в другую сторону? Губернатор уже не «хозяин губернии», пишет Петр Александрович, новые учреждения независимы от него. «Начальник губернии перестал быть единственной силой, он стал одной из сил». Если прежние фискальные органы полностью ему подчинялись, то ныне действует независимое от него акцизное управление, местными налогами заведует земство, в руках земства другие, отданные ему рычаги управления, прежде принадлежащие губернатору. «Судебная реформа отняла у губернатора участие в суде», он лишен права утверждать приговоры. Одна полиция еще подчинена ему, но и полиция скована: «Прокурору предоставлено право делать полицейским чинам предостережения [в случае превышения ими власти], а суду — выговоры и замечания».

Валуев колеблется в оценке ситуации. «Начала разделения властей вообще логичны, — рассуждает он, — но строгое их соблюдение в среде, которая к этому не привыкла, ведет к обособлению ведомств и вообще к безначалию». Судебные инстанции допускают явный перекося, враждебны к полиции. Судебные места превращаются в трибуны, с которых подсудимые и их защитники выступают «в противоправном смысле», их речи подхватываются и разносятся прессой. «Одно правительство безмолвно... Я далек от мысли все закрыть», запретить, вернуться к старым порядкам. «Но следует противодействовать той части явной или подземной работы, которая направляется против устойчивости правительственного здания. Не может быть речи о покровительстве произволу и злоупотреблениям, но необходимо, чтобы лица, исполняющие служебный долг, были ограждены от оскорблений и недоверия». Прямая же на них «клевета должна быть подвергнута судебному преследованию... Следует предупреждать раздор властей, всегда имеющий деморализующее влия-

ние.., а несогласие между ними предоставлять на рассмотрение Комитета министров»²¹.

Записка Валуева как нельзя лучше отражает бурное кипение страстей вокруг преобразований, как нельзя лучше свидетельствует о степени перемен. Но в записке проявилась и некоторая растерянность Валуева. Высокопоставленному государственному чиновнику, стороннику постепенного реформирования сверху, было трудно принять ту резко заявленную независимость, которую демонстрировали новые учреждения. Петр Александрович был одним из тех, кто предлагал открыть бутылку и выпустить пар, но нарастающие нападки на правительство справа и слева склоняют его к мысли, что выпущенный, пар начинает формироваться в джинна. Действительность сложна, и я уже неоднократно говорил, что и власть, и либеральная часть общества не смогли найти формы сосуществования, оказались не способны к взаимному уважению. Записка Валуева была попыткой нащупать тот срединный, равновесный путь, к которому он всегда стремился. Строгого, точного рецепта он дать не смог, да его и не существовало. Ничего экстраординарного он не рекомендовал: следует, при необходимости, чуть подправлять ход событий, но, в основном, надо предоставить им идти своим чередом, ожидая постепенной, обоюдной «притирки».

Самой важной была третья записка, «О положении крестьянского дела», датированная 15 февраля.

Предварим ее изложение и обсуждение кратким очерком состояния крестьянского дела, тем легче будет нам оценить идеи Петра Александровича.

Положение 19 февраля, некоторые частные законоположения, регламентирующие его применение, освобождение удельных и казенных крестьян (в 1863 и 1866 годах соответственно) установили в деревне новые земельные отношения. Открылась дорога к превращению

бесправных людей в свободных граждан, к преобразованию всего экономического порядка. Но дело только начиналось.

Трудности, постигающие любую реформируемую систему, сильнейшим образом проявились в сельскохозяйственной практике конца 60-х — начала 70-х годов. Страна переживала низшую точку сельского производства. Огромна была доля дворян, о которых хозяйственный Пушечников писал: «на службе [они] проживались, или, полуграмотные, не способные ни к какому делу, жили в имениях, бражничали и кутили, или лениво поворачивались с боку на бок, не обременяя головы заботами. Теперь они закопошились, затрепыхались», но безрезультатно, едва сводят концы с концами, а то и разоряются²² Вести хозяйство рационально, с применением агротехники бары никогда не умели и не желали. Свой доход они почти в буквальном смысле выколачивали из крепостных — до 25% барщинников в течение года подвергались телесным наказаниям²³ Управляться же с вольнонаемной рабочей силой они совершенно не могли.

Упало и крестьянское хозяйство. Мертвый хватает живого, и крепостная ментальность продолжала играть свою роль: исчезла палка, а для слабых душ другого побуждения часто не оказывалось. Косвенным свидетельством разложения стало уменьшение запасов в хлебных магазинах (складах). По сведениям МВД, за шесть лет после реформы из сельских магазинов было изъято 6 миллионов четвертей зерна, 60 млн пудов²⁴. И помещики, и крестьяне придерживались отсталой трехпольной системы земледелия. Крестьян к этому толкала общинная практика, помещики также держались традиции, боясь нововведений и риска. Общинное, дробное, чересполосное землепользование напрямую губило крестьянское производство, но оно вредным примером отражалось и на помещичьем хозяйстве. Над всеми сторонами сельской жизни община висела тяжелым камнем.

Личность крестьянина была ограждена от произвола помещика или казенного чиновника, но не стала совершенно самостоятельной: крестьянин остался подчиненным «миру», общине. Надельная земля, отданная помещиком или казенным управлением в пользу крестьян, по-прежнему, как и раньше, крестьянам не принадлежала. Они не получили землю в собственность, юридическим лицом (да и то весьма ограниченным) выступала община. В общине же господствовала передельная система: через определенные промежутки времени — обычно через несколько лет — на общем сходе земля перераспределялась в зависимости от числа работников каждого подворного хозяйства, так что и просто постоянного участка земли у крестьян не было. Приоритетным было соблюдение «равенства»: каждый двор должен был получить отрезок, одинаковый по урожайности в сравнении с тем, что получил другой двор. Отсюда невероятная чересполосица, доходящая до 40 отдельных участков у одного хозяина. Понятно, что постоянные переделы не вызывали ни малейшего желания заботиться о повышении плодородия почвы, более того, они приводили к хищническому ее использованию и истощению.

Выйти из общины, продав свой надел (вернее, право на него), либо наоборот, купив его в частную, полную собственность, было крайне трудно. Любую из этих акций можно было совершить либо после уплаты всего выкупа, либо при согласии общины. И то и другое для большинства крестьян было нереальным, особенно в первые годы. Но даже если крестьянин находил деньги, «мир» выпускал его из своих объятий крайне неохотно. Таким образом, крестьянин де-факто оставался «крепким земле». Переход в другое сословие был весьма затруднителен, отпусковые паспорта для работы в городе или на отхожем промысле выдавались на 5 лет, но община могла потребовать возвращения до срока.

Девиз общины — равенство в нищете. Общинное, пе-

редельное землевладение самим существованием своим останавливало развитие производительных сил, препятствовало конкуренции, возникновению полноценного товарного производства. Круговая порука лишала стимулов труда всех: и трудолюбивых, и нерадивых; работающие платили за себя и за бездельников, лодыри и пьяницы не имели понуждения. Сдерживая самостоятельных, работоспособных, инициативных, не позволяя им добиваться благосостояния, лучших условий жизни, община старательно потворствовала лени и безделью — свидетельство тому рост числа праздников: за 10 лет после эмансипации число их возросло с 95 до 105. Стремление увеличивать число нерабочих дней в крепостную эпоху — понятно, но и теперь, когда некоторые крестьяне стали нарушать запрет, «мир» восставал против них. Община конденсировала в себе ментальность толпы, массы, всегда находящейся на несравнимо низком, консервативном уровне, чем индивидуальное сознание. Общинная психология требовала нивелирования всех своих членов до общего, неизбежно нищего прозябания; этот извращенный нравственный императив, переплетенный с непривычкой к самостоятельности, убитой многовековым рабством, царил в пореформенной деревне почти безраздельно²⁵.

На протяжении XIX—XX веков община вызывала умиление славянофилов, преклонение народников и социалистов, мрачную заботливость ортодоксов; славянофилы видели в ней сублимат соборности, разрушители и охранители — источник коллективистского сознания. С массой управиться легче, нежели с индивидуальностями, и именно поэтому превозносили общину те и другие. Поводом первого выступления Валуева против нее, как помнит читатель, явилась статья в «Современнике», воспевающая общину как будущую коммунистическую ячейку, но мишенью «Х. Гуфэйзенберга» равно были и сановные общинные патриоты.

Начиная «Записку», Петр Александрович замечает, что «к отношениям крестьян и помещиков нет повода возвращаться». Земельные отношения преобразованы бесповоротно. Но крестьянское общественное устройство требует внимания, если не вмешательства. Выйдя из привычной помещичьей или казенной опеки, крестьянское сословие получило такую степень самоуправления, которую не имеет ни одно другое сословие. Но не имея опыта, крестьянские органы власти впали в административный раж. «Место помещика заступило общество [община или несколько небольших общин], и личность крестьянина оказалась подчиненной миру» куда сильнее, чем прежнему барину. «Во многих случаях это подчинение приняло возмутительные свойства новой крепостной зависимости, гнета «мирской» воли. Составлялись приговоры о ссылке в Сибирь за колдовство, за супружескую неверность, за неразрешенную порубку. Стали препятствовать крестьянам заниматься промыслами и предприятиями, начали облагать их произвольными платежами, несправедливо распределять землю... Деспотизм одного лица заменен деспотизмом сотни. Позволяя себе думать, — продолжает Валуев, — что настала пора для ограждения личности крестьянина и для указания пределов общественному произволу». Общинное землепользование крайне непроизводительно, крестьяне почти не имеют денег, положение усугубляется наличием в каждой общине некоторого числа больных, неспособных, пропившихся; круговая порука заставляет состоятельных платить окладные сборы и недоимки за всех. Те, кто «выбился в люди», разоряются. «Был случай, когда была описана фабрика стальных изделий, принадлежавшая одному из членов общины. Развитие производительных сил и достойная жизнь трудовой и добропорядочной части населения невозможны в условиях подобного гнета». Валуев избегает резких слов, но логика изложения не оставляет сомнений в выводе: община подавляет крестьянина и не стремится

к росту продуктивности; наоборот, ее заботит сохранение равенства в нищете.

В то время когда в стране начинают входить в силу новые судебные уставы, совершенно переменялось судопроизводство, исчезли телесные наказания — волостной суд, учрежденный «Положением 19 февраля» для разбора крестьянских дел, остался единственным сословным судом, — замечает далее Валуев²⁶ «Едва ли не полезнее было бы облегчить естественное между разными сословиями взаимодействие и подчинение общим условиям государственного устройства. В настоящее время, при постепенном введении судебной реформы, общедоступности мирового суда и удобства его изустного судебного разбирательства, не представляется никаких затруднений к поправлению этой неудачи».

Петр Александрович опасается, что некоторые частности акцизной системы — свободная конкуренция вино-торговцев, например, — «увеличат число питейных заведений, уменьшат цену вина и сделают пьянство общедоступным, разорительным для большого числа семейств. [В 1863 году система винных откупов, по которой вино-торговцы покупали у правительства право виноторговли и платили подоходный налог от продажи спиртных напитков, была заменена акцизом, получаемым от производителей.]²⁷ Вопрос об уменьшении числа питейных мест, без уменьшения питейного дохода казны, требует постоянного исследования и разрешения».

В конце «Записки» Валуев обращается к положению землевладельцев-дворян. Высказывает предположение, что значительная часть крестьян, особенно в губерниях с неплодородными землями, через два года начнет отказываться от своих наделов, не выкупая их. («Положение 19 февраля» предоставляло им такое право через девять лет с момента вступления в силу самого «Положения», т. е. с 1870 года. Отказ от надела позволил бы крестьянину прекратить временнообязанные отношения к поме-

щику, перестать нести барщину или платить оброк.) «Для предупреждения нерассудительного движения к оставлению оседлости нельзя рекомендовать продления выкупа [т. е. сохранения обязательных отношений] — последствия будут почти равносильны новому прикреплению к земле... Но помещики могут прибегнуть к обязательности выкупа». Валуев предлагает еще ряд паллиативных мер.

Петр Александрович преувеличивал ближайшую опасность переселения из деревни в город. Заметный уход крестьян произошел несколько позже, в 70–80-х годах, но он явился следствием демографического взрыва и усиленного этим взрывом существующего недостатка пахотных земель. Крестьяне до последней возможности держались за землю, чаще уходили выросшие члены семьи, но глава семьи, двор, в абсолютном большинстве случаев оставался.

Критика общины составляет самую сильную сторону «Записки». Перо Петра Александровича здесь воодушевлено, как бывало прежде, факты и доводы убедительны, непредубежденный читатель должен непременно согласиться, что вред перевешивает возможную пользу. Однако, одобрительно отнесясь к другим местам меморандума, царский карандаш миновал наиболее существенное в нем²⁸.

Еще через три дня, 18 февраля, Валуев завершает последнюю, четвертую записку — «О положении дел Западного края».

Он уже давно понял, что заменить в Польше и Прибалтике нравы «московского ханства» спокойным величием цивилизованной империи не удастся; царь вступил на путь подавления национальных окраин, и в его глазах одни поданные сделались «равнее других». Стало ясно, что никаких советов вернуться на прежнюю дорогу монарх отныне принимать не будет²⁹. Прежние доклады министра внутренних дел всегда завершались выводами, ре-

комендациями, мерами и предложениями. В этой записке — нет ничего. Петр Александрович заканчивает меморию завуалированной, скрытой укоризной: «Верноподданическим долгом считаю повергнуть на Вашего императорского величества благоусмотрение этот очерк, но не позволяю себе выводить из него никаких заключений».

Но зато он позволяет себе нарисовать язвительную картину «трудов и дней» двух последних виленских генерал-губернаторов, Муравьева и Баранова, картину, далекую от той, которую хотелось бы видеть императору.

Издевкой звучат слова «правительство много сделало» после перечисления того, что же именно было сделано за последние четыре года: «Выслано 17516 человек, из них в каторгу отправлено 1793, в арестантские роты — 1784, на поселение с лишением прав — 1144, выдворено [для вольного проживания] — 8813, отдано под надзор полиции 3982 человека... Местные землевладельцы подчинены особому налогу, который нередко составляет почти весь доход. За просрочку взимается еще от 50 до 100%. За проступки налагаются произвольные штрафы. Выкуп крестьянских земель обязателен [для помещиков] с понижением земельных оценок до крайних пределов. В нескольких губерниях оставлено военное положение. Землевладельцы... не имеют права отлучиться без позволения. Местные уроженцы во всех частях управления уволены и заменены лицами из других губерний. Закрыты 34 католических монастыря, 128 костелов, 67 каплиц. Покупать католикам недвижимость — запрещено». Стремление заменить польское землевладение русским не имеет серьезного успеха. «Из 15000 имений в другие руки перешло только 453». Конфискации и безжалостные поборы привели к разорению хозяйств. Расстройство власти и обнищание населения способствует грабежам и беспорядкам. Кроме «официальных отчетов, составленных языком 1863 года» [то есть военным], иных сведений мы не имеем, и нам доподлинно неизвестно, что же про-

исходит в крае, ибо жалобы пресекаются, как противодействие правительству. «Вашему величеству небезизвестно, — заканчивает Валуев небольшой порцией яда в сторону своих коллег, — что по делам Западного края даже и в центральных правительственных учреждениях простое различие мнений в отношении к способам достижения цели нередко считается различием мнений в отношении самой цели и обозначается наименованиями, которые перечислять здесь я полагаю неуместным»³⁰

Эта четвертая, последняя, записка стала неким символическим знаком раскрепощения души Петра Александровича, свободного выражения ранее сдавленного чувства; ему вольно дышалось на этих страницах. Он даже сделался весел, чего давно уже не бывало, и отправился в театр, на «Прекрасную Елену», ему о ней уже давно твердили. Канкан и легкомыслие греков не понравились моему герою. Он нашел их пошлыми. Но он простил Оффенбаху рискованные эскапады, они не испортили ему настроения.

Через два дня после окончания записок Валуев отправляется к министру императорского двора. Он просит Адлерберга предварить государя, что собирается говорить об отставке. Адлерберг не стал изображать удивления, уход Валуева носился в воздухе. И снова Петр Александрович вздохнул с облегчением; представил себе, как устремятся «стоящие у трона» к вожделенному посту и мысленно пожелал «счастливого пути им всем»³¹.

1 марта, после обыкновенного доклада о текущих делах, Петр Александрович, не переменяя делового тона, без всякой аффектации говорит, что всепокорнейше просит отставки. У Валуева опять болят глаза, особенно один, укрытый компрессом, и можно очень убедительно ссылаться на необходимость отдыха. «Государь был приветлив и сердечен». Сказал, что все годы ценил в своем министре «ревностного, добросовестного и искреннего

помощника» и не может не сожалеть о его выходе из министерства, хотя и соглашается с его нынешними резонами³². Оба собеседника понимали, о каких действительных резонах могла бы идти речь, но соблюдали декорум.

Александр Николаевичу в самом деле было жаль расставаться с Валуевым. Деятельность Петра Александровича почти всегда вызывала его одобрение. Он уважал в нем честь, верность и достоинство, признавал право на собственные убеждения, часто принимал его доводы и доказательства, соглашался с его рекомендациями. И было еще одно, пожалуй, самое важное обстоятельство. Их характеры были во многом схожи. Оба были людьми незлобивыми, даже добрыми, прямыми и честными, образованными и мягкими, обращались с нижестоящими вежливо и приветливо. Близки были их взгляды на Россию, на пути развития страны, на предназначение управления. До последнего времени во многом совпадали их отношения к Польше и Западному краю.

Они хорошо понимали друг друга. Оба рассчитывали, что скоро вновь будут работать вместе.

Осталось попрощаться с сослуживцами.

С первого появления в министерстве Петр Александрович установил простые отношения с сотрудниками. Учивость и любезность с его стороны, скромность и деловитость со стороны его помощников, директоров департаментов, старших чиновников. Никакого чиновничества, никакой лести. Министр обыкновенно приезжал в сюртуке, вицмундир надевал редко и не требовал, чтоб его всегда носили служащие министерства. Что же касается дела, то начальнику не приходилось подгонять подчиненных. Не желающие и не умеющие работать в МВД не задерживались. Оставались те, для кого рвение в работе, проявляемое шефом, было достаточным стимулом.

Когда Ланской, сдавая дела, представил Валуеву чинов министерства, Валуев сразу же выделил Александра

Григорьевича Тройницкого. Поручил председательствовать в совете министра и в статистическом комитете, а после утверждения своего в звании министра, назначил товарищем. Шесть лет их связывали не только деловые, но и дружеские отношения. Тройницкий был преданным и верным человеком, надежным помощником, ценил в своем начальнике ум государственного человека, восхищался его образованностью, сочувствовал, зная, как трудно подчас тому приходится. Уезжая в командировки или в краткий отпуск в Дуббельн, Валуев часто писал Тройницкому, весьма откровенно делаясь с ним намерениями или результатами, всецело полагаясь на него, оставляя министерство. В начале 1867 года Тройницкий тяжело заболел, Валуев регулярно приезжает к нему, радуется, когда Александру Григорьевичу становится лучше, и долго не хочет говорить о его уходе из министерства. Уже остановившись на кандидатуре кн. Лобанова-Ростовского, задерживает вызов князя из Орла, чуть появилась надежда на выздоровление Тройницкого. Но замена сделалась неизбежной, и Валуев делает все, чтобы обеспечить материальное существование своего бывшего сподвижника. Кстати сказать, прекрасные отношения, основанные на взаимном уважении и доверии, сложились у Петра Александровича и с преемником Тройницкого.

Валуев умел быть внимательным не только с людьми, с которыми непосредственно имел дело. Незаметный чиновник МВД Луцкий, служащий самарской губернаторской канцелярии, был несправедливо обвинен своим начальством перед министерством, в знак протеста вышел в отставку и приехал в центральное ведомство искать правды. Одно уж согласие министра принять «маленького человека», да еще попавшего в опалу, достаточно характеризует принципы Валуева. (Вспомним мытарства Боровкова.) Но мало того, сам прием «титularного советника» «генералом» не был похож на расхожие трафареты. Министр встал из-за стола, протянул руку, внимательно вы-

слушал Луцкого, убедившись в его правоте, сказал, что «дело было ему доложено в превратном виде», посетовал на скоропалительное решение об отставке. «Скажите, что я могу сделать, мой долг поправить ошибку». Когда Луцкий робко заметил, что не хотел бы возвращаться в Самару, где все равно будет подвержен преследованиям, Петр Александрович тут же согласился причислить его к центральному аппарату министерства. «Скажите Мансурову (директор департамента общих дел), чтобы подготовил приказ»³³. В хорошем настроении Валуев был готов к шутке. Тот же Луцкий рассказывает следующую историю.

В 1856–57 годах христианским миссионерам в Башкирии было выдано 6000 рублей. Просматривая старые дела, в министерстве обнаружили формальное нарушение: прошло столько лет, а отчета ни о деятельности миссии, ни о расходовании денег не поступило. Направили запрос. Губернатор ответил, что в состоянии отчитаться за 7 рублей с полтиной, об остальных же суммах, а также об успехах миссии сообщить ничего не может по причине войны с турками. Когда доложили сей анекдот министру, тот долго смеялся, а потом, все еще смеясь, сказал: «Напишите губернатору, что он ставит меня в неловкое положение. Он объявил Турции войну, меня могут спросить в Госсовете о ней, а я не знаю, когда он объявил войну, ведет ли еще, а если заключил мир, то когда и на каких условиях»³⁴.

8 марта Петр Александрович «последний раз работал с государем». Доклад был краток, самым существенным были просьбы о сослуживцах. Из дворца Валуев направился в министерство проститься не только с теми, с кем тесно соприкасался, но и со всем немногочисленным штатом. При Ланском министерство внутренних дел ведало высшей губернской администрацией, делами сословий, поземельным устройством, развитием сельского хозяйства, медицинским обеспечением, почтой, полицией, иностранными вероисповеданиями и сбором статисти-

ческих материалов. Валуев присоединил цензуру — в 1863 году и городское строительство — в 1865-м. Аппарат управления был скромен: вышеперечисленные функции выполняли 7 департаментов, численность персонала составляла 126 человек. Поэтому можно было прощаться буквально со всеми, не придавая расставанию торжественно-помпезного характера. Петр Александрович обошел департаменты, говорил, что полагается по обычаю, но искренно, и это тронуло всех. На крыльце ему отдал поклон старый швейцар, и министерство внутренних дел было оставлено навсегда³⁵.

Полтора года Валуев с женой и сыном Никсом провел за границей, на немецком курорте Тегернзее, в Италии, на лечебных курортах. В Тегернзее, потом в Риме Петр Александрович занялся правкой и перепиской дневника 1861–1868 годов. Он писал так, чтобы подготовленные страницы можно было сразу отдать в печать, если решиться на публикацию. Слишком откровенные оценки людей и событий исключались. Было подобрано и название — «Отрывки из дневника». Что-то надо было пояснить читателю, «Отрывки» нуждались в примечаниях. Но прошедшее еще не остыло: как только перо опускалось на бумагу, вскипало желание вернуться вспять, снова и снова объяснять, доказывать свою правоту. Он просматривал записи о своей министерской деятельности, о польских и прибалтийских делах, о церкви, об отношениях с окружающими деятелями и видел недоговоренное, упущенное. Примечания превращались в самостоятельные новеллы. Он писал сразу набело, почти без помарок, вдохновение вело его руку. По ясности языка, литературному стилю, точности передачи мысли эти две с половиной сотни листов — лучшее из того, что когда-либо было им написано.

Он усмехался: хорошо было б «бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью»! Но при всем

презрении к дворцовым чертогам его тянуло туда, он еще не собирался на покой. Он убрал со стола готовые к печати «Отрывки из дневника». Он оставит их Никсу; они будут изданы после его смерти.

Петр Александрович работал безудержно четыре месяца. Напряжение не прошло для глаз даром, пришлось заняться ими основательно. Немецкие врачи помогли, боль в глазах исчезла.

Прожить и лечение стоили больших денег, но император осыпал его золотым дождем: сохраненное за ним звание члена Госсовета давало 12000 рублей в год, с 1500 до 5000 рублей была увеличена т. н. аренда, и впервые, по экстраординарному случаю, на путешествие и жизнь за границей казначейство отпустило 10 тысяч рублей³⁶ Можно было позволить себе лечиться у лучших врачей, останавливаться в первоклассных гостиницах, в Риме снять дворец, подражая манерам титулованной русской аристократии.

Осенью 1869 года семья возвращается в Петербург. Петр Александрович чувствует себя превосходно. Здоровье наладилось, государственных обязанностей нет, нет изнуряющего труда и вечных треволнений. Положение же его в этом мире достаточно прочно, особенно в материальном отношении. В 1869 году его избирают членом правления Петербургского учетного и ссудного банка, очень скоро он становится председателем правления. Помимо приличного оклада, он получает и дивиденды, 7 1/2 % от банковской прибыли, выгодно покупает акции и банковские кредитные билеты, открывает счета в русских и иностранных банках. Через 8 лет в Учетном банке будет храниться 20 тысяч рублей его средств³⁷ Не так уж много, но опасения оставить семью без средств уже могли не тревожить его. Он снимает большую, просторную квартиру в Стремянном переулке, обставляет ее дорогой мебелью и даже пускается в новомодную затею — устраивает в ней электрические звонки. Но весной 1870 года снова уезжает в Германию.

Европа переживала очередную военную лихорадку. Локальные войны в предыдущие пятьдесят лет вспыхивали то и дело, однако грандиозные сражения долго оставались памятью наполеоновских времен. Но с появлением на сцене Наполеона III и Бисмарка возбуждение стало овладевать народами и государствами, и век литературы и искусства с равным успехом можно было именовать «железным». Ружья становились все более скорострельными, пушки — дальнобойными, солдаты не успевали привыкнуть к одному оружию, его сменяло другое, еще более мощное. Начиналось то, что в следующем веке назвали «гонкой вооружений». Французский авантюрист и прусский циник, каждый по-своему, раздули воинствующий национализм своих народов, и давно тлевшая взаимная неприязнь французов и немцев вдруг полыхнула ненавистью; так лава, прежде сдвленная, вырывается наружу языками огня.

Авантюрист — легкомыслен, подбит ветром, циник — хитер и расчетлив. Наполеон, не выиграв ни одной битвы с более-менее равным противником, был обуян вздорным убеждением, что если он пошевелит рукой — «просто землетрясение, все дрожит и трясется, как лист». Бисмарк же искусно провоцировал галльского петуха, *зная точно*, что немецкая армия сильнее французской.

Она была сильнее воинской выучкой солдат, тактическим мастерством офицеров, стратегическим мышлением генералов. И, самое важное, — организацией. Числом резервистов, готовностью к развертыванию, четкостью работы всех служб. Полностью отмобилизованная семисоттысячная прусская армия стояла на границе, когда резервы противника только выдвигались к исходным рубежам. Шумная предвоенная кампания наполеоновской прессы а la «гром победы раздавайся» гротескно оттенила невероятный разгром, испытанный Францией. Впечатление было ошеломляющим. Второразрядное государство нанесло поражение державе, до которой еще вчера и «в

мыслях дотронуться было страшно», и вдруг впрыгнуло в первый ряд европейского оркестра³⁸,

Петр Александрович оказался непосредственным свидетелем этих поразительных событий. Могущество прусской военной силы произвело впечатление и на него, но он не ограничился наблюдением, он тщательно проанализировал происшедшее.

Пруссия одной из первых ввела всеобщую воинскую повинность, в 1814 году, когда большинство стран по-прежнему сохраняло систему рекрутских наборов. Принцип обязательной для всех подданных «лямки», относительно короткий срок действительной службы позволяли обучить военному делу значительный контингент, иметь подготовленный резерв. При этом численность регулярной армии можно было существенно снизить, сократить бремя расходов и налогов, поднять уровень жизни населения.

Эти соображения сегодня кажутся элементарными, но в России описываемой эпохи они встречали упорное непонимание и сопротивление. Как это заставить дворянина служить? «А на что нам указ о вольности дворянской?!» Только по охоте и желанию. Самодержавие боялось уменьшить войско, в мирное время большее, чем вооруженные силы Австрии, Пруссии и Франции вместе взятые, ибо не обладало воинским запасом; а его и не могло быть при огромном сроке постоянной службы. Создавался порочный круг, из которого, казалось, не было выхода.

Взялся его разорвать Дмитрий Алексеевич Милютин³⁹. В 1862 году, едва став военным министром, он представляет императору всеобъемлющую программу преобразований. Несмотря на согласие царя, реформа шла медленно, поначалу касалась лишь системы управления (правда, на всех уровнях), подготовки офицерского состава, обучения солдат. Как только Милютин подходил к самому главному аспекту программы — сокращению срока службы и введению всеобщей воин-

ской повинности — поднимался крик и вопль. Главный жупел, которым пугали царя, — Милютин-де хочет демократизировать армию.

К концу 60-х годов положение военного министра оказалось крайне сложным. Партия всесильного Шувалова, главного защитника дворянских привилегий, уже собиралась торжествовать победу. Но Милютин не только не собирался уходить, он не оставлял надежды убедить государя в своей правоте. Ему, как никогда, требовался авторитетный в глазах монарха союзник. Судьба послала ему Валуева.

Встретив Милютина на первом же заседании Госсовета по возвращении в Россию, Петр Александрович темпераментно излагает ему увиденное в Германии. Не вооружению — ему почти не уступало французское, — а отлаженности военной машины были обязаны пруссаки победой. Валуев рассказывает подробности. Пятнадцать тысяч воинских составов прошли за эти дни по железным дорогам Пруссии, Баварии, Саксонии, других немецких земель. Гражданские власти обеспечили все необходимое, считая содействие войскам патриотическим долгом. В считанные дни было призвано под ружье более 800 тысяч человек, имеющих военную подготовку, 4% населения, притом что по штатам мирного времени прусская армия не превышала 200 тысяч. Понадобилось всего одиннадцать дней для сосредоточения армии на Рейне. Собеседники тут же прикинули, что подобное соотношение резервисты/население у нас соответствовало бы двум миллионам рекрутов, но на их мобилизацию потребовалось бы несколько месяцев, да еще столько же на самую элементарную тренировку. Милютин мог добавить, что известный прогресс в русском военном строительстве налицо: ему удалось добиться сокращения срока службы до 10 (!) лет, образовать тем самым обученный, полумиллионный резерв и уменьшить численность «мирной» армии до 700 тысяч. Но все равно она остается почти равной

«военной» немецкой, и ее содержание тяжелым грузом ложится на страну.

К вящему удивлению Дмитрия Алексеевича, Валуев совершенно спокойно, без тени возражения, говорил не только о малых, по сравнению с Россией, сроках службы германского солдата, но и о всеобщей, всеобщей воинской повинности. Не оставалось сомнений, он соглашался с этим порядком, прибавлявшим армии добрую сотню тысяч грамотных людей. Да, это так, Валуев подтверждает это впечатление. Он прямо говорит, что разделяет идеи военного министра. И Милютин обращается к поддержке человека, чье мнение пользуется уважением государя. Он просит Валуева написать императору подробную записку о преимуществах прусского устройства и комплектования войск, о необходимости перехода русской армии на эти рельсы. Он объясняет свою просьбу. «Едва ли можно рассчитывать на успех, если инициативу подобного предложения приму я на себя: достаточно моего имени в этом предложении, чтобы оно было признано новой революционной мерой»⁴⁰

Петр Александрович немедленно соглашается и, как обычно, в несколько дней «начинает и заканчивает». В начале октября — записка в руках у Милютина, который, при очередном докладе, вручает ее императору. Государь сразу же ее читает и уже на завтра возвращает с резолюцией, выражающей полное согласие. Расчет Милютина полностью оправдался: Валуев и на этот раз сумел убедить государя.

Записка Валуева, озаглавленная «Мысли невоенного о наших военных силах», начинается с подробного описания всех деталей мобилизации и выдвижения германской армии. Быстрота не создавала хаоса. Тщательная и всесторонняя подготовка обеспечила согласованность действий всех органов армии и гражданских властей. «Большая прусская армия составлена из людей обученных, прошедших школу военной службы. Военная служба стала одним из элементов народного образования. Народнонаселение становится ближе к армии, благодаря

прохождению через нее большого числа людей». Армия мирного времени — солдатская школа. Усилия народа и государства для создания мощной военной силы не приводят к внутреннему расстройству, ибо хотя и велики, но не чрезвычайны.

«У нас же, — пишет далее Валуев, — начало всеобщей военной повинности имеет силу [только] в отношении податных сословий», да и то с заметными ограничениями... Устранением этих исключений и сокращением срока службы решается большая часть задачи, но не вся. Добиться необходимого «комплекта офицеров возможно только распространением обязанностей военной службы на все сословия... Полезно привлечь в состав армии молодых людей более или менее образованных, которые переполняют без надобности и пользы некоторые части гражданских ведомств. (Сильный аргумент. Царь легко согласится призвать в армию эту категорию дворян и разночинцев, горючий материал революционной агитации.) ...Безопасность требует, чтобы наше военное устройство не отставало от уровня военных сил соседей», но при этом надо не только не возвысить, но понизить уровень военных расходов. То и другое возможно при системе, которая предполагает уменьшение армии в мирное время и «наивозможно большее наличие войск во время войны. Такова прусская система. Ввиду событий нынешней войны и под свежим влиянием» успехов этой системы, ее внедрение не вызовет противодействия. (Тут крылся расчет, что пиетет, испытываемый Александром Николаевичем к королю Вильгельму, своему дяде, поможет делу.) «Мотивы к развитию, на обновленных основаниях, военных сил государства так очевидны, что они всеми будут усмотрены»⁴¹.

Надпись государя на докладе означает повеление, и Милютин немедленно представляет давно разработанные предложения. На сей раз они принимаются, и в ноябре император объявляет, что в ближайшее время будет принят новый закон о военной службе, всеобщей воин-

ской повинности и уменьшенных сроках службы. Влиятельная оппозиция — Петр Шувалов, фельдмаршал Барятинский, братья императора Михаил и Николай — с удвоенной силой бросилась в ожесточенную борьбу, и «ближайшее время» растянулось на три года; но с 1 января 1874 года эта часть военной реформы, ее главная составляющая, вошла в действие⁴². Она явилась одним из важнейших элементов эпохи преобразований.

Здесь нет смысла касаться всех сторон реформы. Нам лишь важно оттенить, какие именно законодательные нормы привлекли особенное внимание Петра Александровича, что отразилось в листах его архива. «Для исполнения воинской повинности призываются молодые люди в возрасте 21 года... От призыва освобождаются: единственные сыновья, единственные внуки деда или бабки, не имеющие сыновей, брат круглых сирот, оставшийся после смерти родителей единственный сын, если имеет семейство, или дом, или хозяйство». Общий срок службы в армии — 10 лет, срок действительной службы — столько, чтобы поддерживалась нужная численность (позднее оказалось достаточным и закрепилось — 6 лет). Уволенные из службы военнослужащие остаются в списках резерва до 41 года. Учащимся полагается отсрочка от призыва. «Молодым людям со средним и высшим образованием предоставляется поступать в армию вольноопределяющимися»⁴³. Не будем приписывать нашему герою лишних лавров — не он разрабатывал и осуществлял переустройство армии. Но ему принадлежит честь трубача и застрельщика.

Не станем и гадать — «военная» ли записка Валуева послужила причиной нового призыва нашего героя к государственной деятельности или другие обстоятельства; император никогда не забывал о нем. Он возвращает его в правительство, как только к тому представилась первая же возможность. 16 апреля 1872 года Валуев назначается министром государственных имуществ.

Глава VIII

Министерство государственных имуществ обнимало государственные земли: оно заведовало всеми, кто на ней жил, всем, что на ней росло, всем, что из нее добывалось — крестьянами, продуктами их труда, коннозаводством, лесоводством, горным делом. По мысли его создателей, министерство государственных имуществ призывалось не только улучшать условия жизни казенных крестьян, но должно было стать пионером агротехнических усовершенствований в сельском хозяйстве. По разным причинам, чаще по свойствам характеров министров, эта последняя миссия не получила серьезного развития вплоть до 80-х годов.

Но преобразованием быта сельских сословий, взаимоотношениями с земско-хозяйственными учреждениями, народным продовольствием — этими делами, как помнит читатель, ведало министерство внутренних дел, посредством двух своих департаментов: хозяйственного и земского. Понятно, что деятельность двух министерств в одной сфере не могла не пересекаться, и лидерство брал на себя тот из министров, кто хотел этого и был способен к этому. При Николае — министр государственных имуществ Киселев, при его сыне — министры внутренних дел Ланской и Валуев. Ни Муравьев, ни Зеленой, ни Тимашев (он заступил на место Валуева в 1868 году) не были пригодны к созидательной работе.

Александр Васильевич Никитенко особенно теплых чувств к нашему герою не питал. Попытки Валуева обуз-

дать печать и остановить рост революционных настроений в учащейся среде считал несостоятельными, а методы — негодными. Но признавал, что в общем направление его деятельности отвечает прогрессу и духу эпохи. Это взвешенное в целом отношение придает свидетельствам Никитенко относительную объективность — в отличие от многих других суждений.

«Прочел доклад валуевской комиссии о состоянии наших крестьян... Акт состоит из данных, которые, кажется, не подлежат сомнению. Акт составлен тщательно и умно. В этом неотъемлемая заслуга Валуева, хотя видно его влияние то в ту, то в другую сторону и стремление внести в крестьянский мир, помещичий или чиновничий — и более в первый, регулирующий и направляющий элемент, так как самоуправление крестьянское оказалось во многом несостоятельным.

Доклад говорит: состояние крестьян улучшается со времени освобождения их. Однако быт их неудовлетворителен. Причины: невежество, деморализация, пьянство, малость поземельных наделов во многих губерниях и несоответствующие им большие выкупные платежи, чрезмерные налоги, падеж скота, общинное землепользование с круговой порукой, дробление от разделов семейных, дурные крестьянские администрации и суды.

Средства поправить зло: расширение школьного образования, усиление морального влияния церкви и духовенства, внесение технических знаний в сельское хозяйство, развитие промышленности, замена кабаков корчмами, где продавалось бы и съестное, подчинение крестьянского самоуправления контролю.

По прочтении поражаешься: на многое нужны законы, но многое можно сделать при добросовестной работе министерства внутренних дел, но где же она? Но администрации нет дела до народа. О Тимашев! Не ты ли несколько лет тому назад говорил мне, что правительство не пользуется уважением и доверием общества. А теперь?»¹

Договорим за Александра Васильевича. Наверху, после освобождения крестьян, сначала ожидали быстрых перемен к лучшему, но постепенно стало ясно, что грандиозная ломка, которая происходит в деревне, не может не отозваться временным падением сельского производства. Следовало пристально разобраться в положении вещей и помочь делу.

Валуев оставил пост как «не справившийся с работой», и от Тимашева ждали свершений. Но Тимашев не мог сделать ничего, по неспособности делать что-либо. Проблемы оставались теми же, что и в конце 60-х, когда Валуев составлял свою записку «О положении крестьянского дела». Зерна в ряде губерний по-прежнему недоставало, запасы хлеба не возобновлялись, пути сообщения увеличились мало и неурожаи 1871 и 1873 годов снова грозю прошли по стране.

Император не зря не хотел отпускать Валуева. Не предвиделось у него подходящей замены. Тимашев был взят потому, что другие были еще хуже, этот хоть подвизался в жандармерии, следовательно, должен разбираться хотя бы в делах полицейских. Но человек, который еще несколько лет тому назад, в ярости от крестьянской эмансипации, отказывался от служебных назначений, никак не подходил к месту, куда сходились нити управления существенной частью жизни сельских сословий. И государь, минув министра «по принадлежности», поручает комиссию «для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России» (о которой и говорит Никитенко) министру государственных имуществ, единственному человеку в правительстве, знающему причины болезни и способному предложить способы исцеления.

Указ о создании комиссии последовал очень скоро после назначения Валуева в министерство госимуществ. Также быстро был обсужден и намечен план действий, и члены комиссии разъехались по губерниям. Кроме чи-

новников министерства в комиссии работали финансисты, агрономы, лесоводы. Для изучения проблем мелиорации совместно с военным министерством были снаряжены две экспедиции специалистов-гидрологов. Петр Александрович хотел получить непосредственно с мест картину состояния деревни. Члены комиссии находили необходимые сведения в губернских по крестьянским делам присутствиях (отрасль МВД), в земских управах, в бесчисленных опросах сельских обывателей — помещиков и крестьян. Весной и летом 73-го года Валуев и сам посетил несколько казенных ферм и агрономических учебных заведений. Более полугода собирались и обрабатывались данные. Обширный доклад, опубликованный в июле, содержал глубокий анализ, намечал длинный ряд мер, касался нескольких ведомств.

То, что выводы комиссии затронут многие министерства, было ясно с самого начала, поэтому обсуждать ее работы высочайшее повеление предписывало в Комитете министров.

Рассмотрение началось 20 ноября. Затем оно происходило почти каждую неделю и завершилось 26 февраля следующего года. 12 заседаний — не многие вопросы удостоивались такого внимания. Но проблемы заслуживали не столько дискуссии, сколько решения.

Основной объем представленных материалов занимала фактологическая сторона; желающие изучить цифры, реалии и аргументы могли это сделать предварительно; на заседаниях Комитета обсуждались только заключения комиссии по каждому из 8-ми разделов, на которые разделялся доклад. «По выслушивании членами Комитета заключения», Петр Александрович дополнял его поясняющими «соображениями». Представления комиссии, разъяснения Валуева, выступления участников заседаний, резюмирующие мнения Комитета составили многостраничный журнал².

В первом же разделе, сделав необходимый реверанс в сторону «благотельного влияния совершенного его императорским величеством 19 февраля преобразования», комиссия быстро переходит к делу и констатирует, что рядом с «сохранившимися неудобствами прошлого, обнаруживаются некоторые новые неудобства и затруднения». Таковыми «следует признать: отсутствие правильной системы земледелия, экстенсивный характер полеводства, постоянно повторяющиеся падежи, быстрое истребление лесов, конокрадство, частые пожары, способы взыскания податей, общинное владение наделом, круговую поруку, недостаток рабочих рук, увеличение числа праздников и прогульных дней, неудобство путей сообщения, почти всеобщий недостаток познаний по части сельского хозяйства, отсутствие капиталов, слабость училищных средств, устранение силою обстоятельств духовенства от распространения в народе нравственных начал». Под таким анамнезом подписались бы все партии либерально-демократического толка, если бы они существовали в России Александра II.

Эти несовершенства поддаются «уврачеванию». Но следует ясно представить себе, что можно сделать быстро и относительно легко в пределах профиля мингосимуществ с одобрения правительства, где требуются усилия других министерств, на что необходимы инвестиции, что не может совершаться без частной инициативы и что нуждается в «движении законодательства». Так, учреждение новых сельскохозяйственных школ, увеличение в них практических занятий, устройство выставок, выдача поощрительных премий — дело мингосимуществ, но развитие путей сообщения не может обойтись без финансовых гарантий казначейства, а масштабы лесонасаждения и лесосохранения, орошения или осушения невозможно расширить без *«дружного содействия всех ведомств»*. Улучшение технических приемов, употребление машин зависит исключительно от «самостоятельной деятельно-

сти частных хозяев», но реорганизация податной системы ждет законодателя.

Что касается начинаний мингосимуществ, то Комитет министров легко предоставил ему продолжать «установленное в общем порядке движение», очередной же призыв Валуева к «братству» правительственных органов и к поощрению деловой сметки и активности Комитет предпочел обойти молчанием.

Этические нормы труда потерпели за последнее время существенный ущерб, полагает комиссия. И, как это ни печально, духовенство не только не проповедует «начала нравственности и трудолюбия», но нередко играет негативную роль. Призыв к духовенству «именем правительства» изменить позицию «мог бы принести существенную пользу». Тут Валуев единственный раз в этот первый день совещаний выступил с долгой речью. Комиссия, — сказал он, — получила многочисленные свидетельства «чрезмерного увеличения числа праздников и отсутствия со стороны массы духовенства нравственного руководства к уменьшению праздности». Доблесть некоторых представителей «нашего духовенства, подавленного нуждой и безотрадностью», несомненна, но слишком часты «случаи, когда духовные лица или относились равнодушно к расширению числа праздников, или же прямо поощряли возникновение новых праздничных дней».

Невысокий авторитет духовенства, его слабое влияние на народную нравственность — проблемы, о которых писал Валуев еще в 1862 году. Но и спустя 12 лет церковные реформы, им в основном инициированные, еще были далеки от завершения, а тем более от результата. До предела обнаженная материальная зависимость низшего духовенства от прихожан почти не была поколеблена. Однако, так сказать теоретически, священник был тем возможным проповедником морали, который стоял ближе всего к народу, рядом с ним, а не выше его. Но кроме этого прагматического довода и истинное религиозное пере-

живание двигало Петром Александровичем. Он глубоко верил в воспитательную силу евангельских истин. По его убеждению, твердая приверженность к честности, трудолюбию, доброте может исходить только из религиозного источника. И что сословие, специально призванное к несению этих истин, не только не выполняет своего предназначения, но чуть ли не потворствует нравственному распаду, чрезвычайно тревожило Валуева.

Далее ситуация в заседании стала абсурдной. Оппонентом идеи Валуева выступил обер-прокурор Синода, министр просвещения по совместительству, граф Толстой. Как большинство воинствующих охранителей всех времен, Толстой во всяком начинании видел дурную сторону. Он ничего не хотел делать. Ни к чему предлагаемый призыв не приведет, заявил он. «Одно лишь время может разрешить этот вопрос... Священник, которого средства к жизни зависят от прихоти населения, принужден подчиняться требованиям прихожан и не может пойти против их желаний», — произносит он с видом открытия, будто эта плоская сентенция неизвестна Валуеву. Впрочем, снисходительно цедит он, «обер-прокурор... не встречает препятствий сделать со своей стороны надлежащее предложение Святейшему Синоду».

Что же оказывалось? Европеизированный либерал обладает живым, искренним религиозным чувством, а один из столпов беспросветной, тупой реакции приискивает любые препятствия к христианскому увещанию паствы.

Но тут восстали министры. Хотя и в очень осторожных выражениях, но итоговое мнение Комитета приглашает Синод обратиться к духовенству, и более того, рекомендует обер-прокурору совместно с МВД и мингосимуществ выработать меры для «уменьшения нерабочих в народе дней и разгула во время праздников».

Второй раздел своего доклада комиссия посвятила скотоводству. Положение здесь было весьма трудным.

Пространство выгонов для крестьянского скота резко сократилось. В прежнее время помещичий и мужицкий скот пасся вместе, теперь же крестьяне потеряли это право, а скудость надельной земли принуждала многие общины распахивать под пашню луга. Отсутствие кормов убавляло численность крестьянского скота. Комиссия видит выход в осушении обширных болот в средней и северной полосе и в обводнении суходолов на юге. Изыскания специальных гидрологических экспедиций столь восхитили и впечатлили Валуева, что он подробнейшим образом изложил их результаты почтенному собранию. Я же буду по необходимости краток¹.

Экспедиция в Новгородской и Псковской губерниях осуществила промеры и нивелировки, отметив возможность осушения полутора миллионов десятин, широко представила частным владельцам и общинам свои выводы о влиянии болот «на состояние народного здоровья, на смертность, на зарождение и распространение эпидемий и эпизоотий и вообще на положение сельского хозяйства» и свои рекомендации. Они были весьма убедительны, и ряд уездных земских собраний и некоторые сельские селения «выразили желание осушить ближайшие к ним болота». Другая экспедиция обследовала огромную территорию в 7 тысяч квадратных верст в Западном крае, в Полесье. Исследователи установили, что эти, ныне заболоченные земли, некогда были культурными: обнаружались контуры старых озер и границы прежних рек, «следы древних плотин и мельниц»; измерение температуры воды показало, что это болота теплые, неродниковые, залиты поверхностной, пришедшей водой.

Произошло это потому, что плоский рельеф долины Припяти замедляет сток весенней воды. Густые леса, еще покрытые льдом и снегом, служат дополнительным препятствием течению; масса природных остатков оседает, загрязняя русла. Картина повторялась столетиями, и постепенно вся окружающая страна оказалась затоплен-

ной. Возвращение же в сельскохозяйственный оборот 8-ми миллионов десятин Пинских болот было бы весьма выгодным, «так как самое дно их представляет плодородную почву». Болота неглубоки, и мелиорация потребует всего трех миллионов рублей. При минимальной стоимости десятины в 10 рублей «получится приращение народного богатства на 80 миллионов рублей». Технологически неизбежно разнесенные на несколько лет три миллиона не «послужат к обременению государственной казны», присовокупил статс-секретарь Валуев.

Для работ большого масштаба необходимы общественные усилия, требуется создание компаний или товариществ. Беседы с деревенскими жителями, наподобие предпринятых участниками экспедиций, помогут привлечь и общественный и частный капитал, но государство должно оказать поддержку. Помимо же денег, нужны еще и законодательные уточнения правил спуска и провода воды по землям владельцев.

Могли бы поспособствовать делу искусственные корма, надо облегчить частным хозяевам приобретение семян. Следует выводить и разводить на казенных фермах улучшенные породы рогатого скота и лошадей, наиболее приспособленных к условиям местностей, «вверяя затем небольшие расовые стада или хороших производителей частным хозяевам... Озаботиться улучшением ветеринарной части, улучшить положение ветеринаров, в настоящее время до того необеспеченное и невыгодное, что, несмотря на возрастающую в них потребность, число их уменьшается». Надо вводить страхование скота, обязательное или добровольное, безопасные способы перевозки скота ожидают незамедлительного установления. И многое другое предлагала комиссия.

Россия богата лесами, но «большая их часть находится в местах малонаселенных, отдаленных от центров промышленной деятельности и не имеет прямого практи-

ческого значения. — Этими словами начинается раздел о лесоводстве. — Там же, где потребности на все виды лесных материалов настоятельны, леса истребляются». Комиссия формулирует девять пунктов, которые должны помочь восстановлению лесов. Повысить моральный и юридический статус лесных сторожей, усилить наказания за пожары и порубки, запретить пастьбу скота в лесах, оградить леса от чрезмерного обложения сборами, а молодые поросли освободить от налогов на 20 лет, в безлесных же местностях награждать искусственные лесонасаждения премиями, для лучшего сохранения лесов способствовать приобретению в казну частных участков, для замены дерева «оказывать воспособление» добыче каменного угля и торфа и техническим усовершенствованиям в этих отраслях, поощрять поиски торфяников «прямыми правительственными средствами», развивать производство кирпича и черепицы и, наконец, просить содействия земских учреждений в упомянутых делах, в подведомственной им части.

Валуев выступал с «разъяснениями», входя в детали, расширяя аргументы, приводя примеры. Он получал удовольствие, демонстрируя совершенное владение предметами обсуждений. Но рисовки тут не было; по обыкновению добросовестный, он глубоко разобрался в проблемах, весьма специальных. Казалось, без их знания высокопоставленный администратор мог бы и обойтись, но свободное плавание производит впечатление и добавляет козыри. Профессионализм действует на дилетантов неотразимо. Человек, злобными языками именуемый «Краснопевцевым», демонстрирует комплексное и обстоятельное рассмотрение проблемы, предлагает меры конкретные и четкие.

Но там, где дело касается поступления денег в казну, профессионалами себя считают все.

Комиссия — сиречь Валуев — позволила себе ото-

зваться о способах раскладки денежных повинностей нелицеприятно и неодобрительно. Вообще обложение земель крайне велико, а уж земские сборы — самые значительные. Закон не устанавливает максимума, каждое земство изобретает свои собственные нормы как вздумается, подчас совершенно несообразно с доходностью земли. Государственные налоги не приведены в систему, падают на население весьма неравномерно. Во многих губерниях выкупная сумма превосходит ценность выкупаемого участка, число крестьян, обладателей таких усадеб, достигает двух миллионов. В соединении с государственным и земским сбором совокупность выплат, производимых землевладельцами и крестьянами, приводит к обездenezью и падению сельского хозяйства. При этом «наиболее обремененными комиссия признает бывших помещичьих крестьян... Взыскание податей и недоимок сопровождается, большей частью, продажей скота и инвентаря, мера эта применяется без всякого разбора... Все это ставит реформу прямых податей в число самых насущных потребностей».

Начало решения проблемы комиссия видит в установлении земельного обложения, *хотя бы приблизительно* соответствующего производительности земли. Примером должна послужить часть, поступающая в пользу казны, позднее следует «сделать эти основания обязательными для земской раскладки», одновременно ограничив земский сбор «известным процентом к казенному налогу».

(Два этих абзаца, думается мне, стоят нескольких страниц, на которых я стал бы доказывать читателю, сколь экономически грамотен, политически либерален, добр и разумен Петр Александрович.)

Но слушатели Валуева абсолютно не разделяли его взглядов. Их благодушие сдуло словно ветром. Министерство финансов, председатель департамента экономии Госсювета и генеральный контролер наперебой кинулись в контратаку.

Князь Гагарин — председатель департамента экономии, — радуясь случаю, обвинил в несоответствии выкупа и действительной стоимости надела «коренные мысли, положенные в основание преобразования 19 февраля 1861 года» (!). Что же касается произвольности поборов, то рост заработной платы и «возвышение ценности сельских произведений» значительно способствовали смягчению непропорциональности раскладки (?). Каким образом повышение прибыли земледельцев умеряет несправедливое налогообложение, ведомо было только председателю департамента экономии. (Следует добавить, что само увеличение доходов существовало только в его воображении.)⁴ Да, цифра земского налога чрезмерна, но его нецелесообразно уменьшать просто потому, что этого делать не следует. Если Валуев говорит «да», то Гагарин не может не сказать «нет», как бы бессвязно это не выглядело. И в заключение старый ретроград невозмутимо заявлял, что подушная подать и другие прямые налоги «по размеру своему не могут признаваться для крестьянского сословия обременительными».

Генеральный контролер Абаза и товарищ министра финансов Грейг оппонировали Валуеву несравненно серьезней. Выкупную операцию нельзя затрагивать, ибо общая сумма выкупа фиксирована, выражена в выкупных процентных бумагах, и ее уменьшение поколеблет доверие к этим облигациям, ухудшит государственный кредит.

При всей внешней убедительности этого аргумента, он лишь подтверждал однажды брошенную Петром Александровичем колкость, что Рейтерн (шеф Грейга) скорее министр казначейства, нежели министр финансов. Рейтерн и раньше не желал даже обсуждать какие-либо меры, пусть содействующие экономическому подъему, но, по его опасению, рискованные для бюджета. Что на самом деле мнение обоих финансистов являлось только хорошо сформулированной отговоркой, подтвердилось

очень скоро, когда указом Александра III в декабре 1881 года выкупные платежи были сокращены на треть, а в 1885 году полностью прекращены.

На девятом заседании Комитета министров, 22 января 1874 года, подошли к социальным проблемам, препятствующим развитию сельского производства. И хотя все они, по мнению Валуева, восходили к существованию общинного землевладения, атаковать эту систему с фронта, при известном отношении к общине монарха, было нельзя. Поэтому комиссия, без намерения «круто колебать существенные ее основы», осуществляет фланговый маневр — оставя в стороне вопрос о существовании общины, рекомендует расширить перечень мотивов, позволяющих выйти из нее, предлагает совсем уж паллиативное решение — увеличить сроки между переделами угодий, затруднить внутрисемейные разделы. Но, не приглашая немедленно и повсеместно разрушить общину, Петр Александрович не скрывает своего к ней отношения. «Статс-секретарь Валуев и бывшая под его председательством комиссия вынесли глубокое убеждение, что... успешное развитие хозяйства крестьян встречает существенное препятствие в стеснении тяготеющими над ними условиями общинного строя. Стесняя свободную деятельность наиболее полезных для народного хозяйства членов крестьянского сословия, община парализует всякую в народе предприимчивость, ослабляет рабочую силу и уничтожает в самом зародыше возможность сбережения». Поэтому, заключает министр государственных имуществ, «не подлежит сомнению необходимость облегчения крестьянам выхода из общины»⁵. Следует законодательным порядком установить периодичность земельных переделов, тем же порядком остановить дробление хозяйств, приводящих к их разорению.

Комитет министров все-таки составляется из более-менее деловых людей, а не идеологов консерватизма, и

эти предложения валуевской комиссии принимаются единогласно. Более того, в постановление было включено и предложение Грейга об облегчении перехода целых крестьянских обществ от общинного владения к участковому. Но тайные надежды Петра Александровича не сбылись. Его стрелы, выпущенные в общину, повисли в воздухе, не долетев до цели: поддержать их всецело никто не решился.

На последних заседаниях Валуев ратовал за расширение сельскохозяйственного образования, более интенсивную подготовку специалистов и обучение крестьян основам агротехники, превращение кабаков в трактиры в видах прекращения продажи «голой» водки. Скорейшее введение ипотеки и развитие поземельного кредита предлагал Валуев для укрепления дворянского землевладения.

Совокупное проведение мер, рекомендованных Валуевым, могло бы существенным образом изменить состояние дел в сельском хозяйстве, улучшить положение крестьян. Петр Александрович нарочито отодвинул вопрос об общине на девятое заседание, он не говорил о нем с самого начала. Но уничтожение общины было центральной его идеей. Великая реформа требовала продолжения, на ногах России висели два тяжких груза: незавершенность социальных преобразований и отсутствие денежных средств. Была ли надежда сбросить эти гири, не ломая при этом ног? Безусловно. Крестьянство страдало от малоземелья — купить землю могли немногие, но Россия еще обладала гигантскими запасами неосвоенных, свободных земель. В XIX веке американские фермеры ввели в сельскохозяйственный оборот огромные пространства своего Запада; если бы русские крестьяне могли уйти из общины — что помешало бы им превратить земли восточнее Волги в житницу страны? Могут возразить, что мобильность европейских эмигрантов, составивших кос-

тяк переселенцев, не идет в сравнение с пассивностью недавних крепостных. Но единственным способом реализации инициативы является создание условий для ее проявления. А российские руководящие круги, освободив крестьян от крепостной зависимости, последующие 45 лет, до реформ Столыпина, делали все, чтобы остановить их тягу к самостоятельности. Преграды на пути выхода из общины ставились невероятные, и 40% дворов, перешедших к участковому землевладению еще до начала столыпинских реформ⁶ — свидетельство непреодолимого стремления крестьян к хозяйственной активности, желания выйти на простор. Развитие товарного сельского хозяйства ускорило бы развитие промышленности, привело бы к росту доходов и налоговых поступлений, к появлению тех самых средств, которых так не доставало государству. Эти азбучные истины остались в российской действительности XIX столетия не востребованными. Гибель монархии была заложена за много лет до того, как она совершилась. Единственной эволюционной дорогой была бы ликвидация общинного устройства. Но голос Валуева, как и некоторых других дальновидцев, не был услышан.

Когда читаешь журналы Комитета министров, нельзя не подивиться, как глубоко вошел Валуев во все стороны жизни сельских сословий, в их проблемы. За бюрократически витиеватыми фразами, выписанными протоколами, прячется живое чувство Петра Александровича, его жажда всеми силами убедить министров в необходимости действий. «Оглянулся я окрест себя, и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». Ни один недуг не был забыт, и каждому находился способ лечения.

Валуев представил Комитету министров множество предложений; они стали бы комплексом, только если бы опирались на стержень — устранение общины. После того как сломали хребет, косточки по отдельности легко

растаскали по разным комиссиям. Сегодня, мол, еще не настало время, нет денег. Искреннему стремлению помочь и каждому изобретательному суждению противопоставлялось холодное равнодушие и нежелание делать что-либо, хотя бы соглашаться с разработанными идеями. Нет, почти все принималось в штыки.

В конце концов реализованным оказалось только то, что зависело лишь от министерства государственных имуществ: расширение специального образования, проведение выставок, развитие коневодства и лесоводства. В сотрудничестве с военным министерством, под руководством полковника Жилинского в Полесье, на значительных территориях была осуществлена осушка болот. Объем проведенных работ впечатляет: к 1890-му году общая протяженность каналов достигла 3000 верст. Не замедлил и результат: появились сенокосные луга, развилось скотоводство. Новые земли стали охотно брать в аренду, и казна получила существенный доход.

Коренных перемен в масштабе страны эти «малые дела», конечно, не создали, но и они выделялись на фоне общего казенного равнодушия, а потому долго помнились и ценились. Когда несколько десятилетий спустя были учреждены медали «За труды по осушению болот» и «За труды по лесоразведению», на них отчеканили профиль Валуева.

Но более ни для чего материалам комиссии применения не нашлось. Собранные сотнями добровольных помощников колоссальные по объему фактические данные и статистические сведения обрели тихое место в некоторых исторических трудах. Другой пользы они не принесли. Разве что поздним побочным следствием трудов комиссии можно посчитать преобразование через 20 лет мингосимущества в министерство государственных имуществ и сельского хозяйства. Да еще — среди заслуг Петра Александровича, перечисленных в рескрипте Александра III, данном по случаю пятидесятилетия службы

старого министра, упоминалась и его деятельность в качестве председателя «комиссии для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России». И только.

70-е годы XIX века — период кристаллизации социальных, политических, общественных взглядов русского общества нового времени. Их теоретическая основа закладывалась деятелями нескольких предшествующих поколений, их разработка и расширение продолжают по сей час — но постулированы они были именно в ту пору. Тогда в новых одеждах предстали либеральные и консервативные идеи и принципы, тогда возникли три новых мировоззрения, три новых идеологии: леворадикальная, панславянская и праворадикальная. Эти философы господствовали в умах достаточно долго, вплоть до их общего запрета и замены одной «единственно верной». Однако разгромить их полностью не удалось; они растворились в подполье или эмиграции, и ныне, преобразованные, оснащенные современным инструментарием, снова вышли на площадь.

Просвещенному читателю нет нужды подробно излагать кредо левых экстремистов. Если народ не готов к восприятию социализма — мы прибегнем к террору. При таком способе популяризации социалистической идеи цель постепенно исчезает, заменяясь фанатическим стремлением к убийству, как средству приобретения власти. Казалось, террор исповедовала лишь жалкая кучка, да к тому же искорененная последующими после гибели Александра II арестами. Но два обстоятельства способствовали реанимации ее *profession de foi*: тупая политика самодержавия и стихийная, подсознательная уверенность всех слоев российского общества в том, что социальные проблемы решаются только силой. Ни власть, ни народ России никогда не понимали и не признавали, что

лишь приверженность к закону препятствует произволу и тирании, что примат закона означает уважение к правам человека и что эти принципы лежат в основании демократии. И поэтому неудивительно, что зубы дракона проросли в бомбистах-эсерах и в экспроприаторах-большевиках.

Из организации «Черный передел» истекает стремление к авторитарному равенству в нищете в противовес экономической свободе личности — и современные эпигоны уравнительного коммунизма ничего другого не придумали. Тогда, во второй половине XIX века, эти идеи чуть завуалировано проповедовали «красные» публицисты, обличители и разрушители, легальное крыло экстремизма, как сказали бы сейчас. За двадцать лет до разгула террора, в 1858 году, Александр Васильевич Никитенко дал им провидческое определение, не устаревшее до наших дней. «Нынешние крайние либералы со своим повальным отрицанием и деспотизмом просто страшны. Они, в сущности, те же деспоты, только наыворот, в них та же нетерпимость, как в ультраконсерваторах. Начните со свободы мнений. Как они на вас накинута за малейшее разногласие, какой анафеме предадут, доказывая, что вся свобода в безусловном и слепом повиновении их доктрине»⁷.

Славянофильство, в первый период своего существования мышление протестное, ориентированное на подъем национального духа во имя свободного развития народных сил, к описываемому моменту переродилось⁸. Приоритетными стали идеи национальной исключительности, навязчивого мессианства, русского главенства в славянском мире. «Панмонголизм — хоть слово дико, но мне ласкает слух оно» — это усмешка поэта над частью общества, весьма заметной по численности и агрессивности. Панславизм — вполне адекватный термин для дефиниции позднего славянофильства.

Идеологическое обоснование панславизма нашло воплощение в знаменитой в свое время книге Данилевского «Россия и Европа».

Темперамент, эрудиция автора, логические построения, внешне кажущиеся безупречными — на неискушенного читателя все это производило весьма сильное впечатление. Основная идея: провиденциальная миссия России состоит в создании под своей гегемонией Всеславянской федерации со столицей в Царьграде-Константинополе.

Автор понимает, что возникновение мощной империи, нависающей над Европой, не может не вызвать противодействия, но объясняет его не естественным страхом, а тем, что «Европа существенно нам враждебна... Она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое». Сквозь зубы кое-где высказанное признание, что подавление Россией польского восстания 1831 года и венгерского восстания 1848 года напугало демократическое общественное мнение в Европе, в том числе и в славянских землях, и именно этим определяется всеобщая настороженность и опасения, тонет в море доказательств ненависти Европы.

Анализ отношений европейских стран между собой и связей-столкновений той или иной страны с Россией сделан Данилевским блестяще, с точным и тонким определением причин вражды или союза, с прозорливым (и оправдавшимся) предвидением ближайшего будущего. Из этого разбора вытекает, казалось бы, только один вывод: вне зависимости от того, находятся ли страны внутри одной цивилизации или относятся к разным культурам, соперничество между ними, если оно существует, определяется утилитарными соображениями, а вовсе не мистическими столкновениями духа. Но Данилевский уверяет читателя в другом. Все дело только в «неизведанных глубинах племенных симпатий и антипатий».

Всеславянскую федерацию придется создавать в от-

чаянной борьбе, и очень скоро придется сражаться не со слабой Турцией, а с новой Германской империей. В состоянии ли Россия в военном, экономическом, политическом, организационном и прочих отношениях вести войну с Германией, тем более с Европой? Понимает ли наш автор, что, конечно, нет? Безусловно, но от обсуждения этого уклоняется. Рассмотрение истории с точки зрения «духовно-нравственной» объявляется им «гораздо плодотворнее». Здесь можно вознестись к предметам трансцендентальным, в которых предела фантазии не поставлено. Все кажущиеся слабости отступят перед высшими соображениями, «когда речь пойдет о духовной жизни и смерти народов, т.е. об исполнении ими исторического призвания». Разумеется, воспаленное воображение согласится с идеей духовного и физического самопожертвования ради имперских, в глубинной сути целей, но человек здравого, практического смысла отнесется к подобным химерам с негодованием.

В конструкциях Данилевского западные славяне играют либо страдательную роль — вопрос решается без их участия, — либо предполагается их ликующее «да». Однако действительность выглядела куда печальнее. Балканские славянские страны с восторгом бы приняли освобождение от турецкого или австрийского владычества, в этом нет сомнения, но это вовсе не означало бы, что они с таким же восторгом повлеклись бы под протекторат России. Естественно, Данилевский не употребляет этого слова, однако существа дела не скрывает. Более того, во Всеславянскую федерацию имеют войти греки, румыны и мадьяры, которых историческая судьба поселила среди славянских народов. Легко себе представить реакцию не-славян, или славян-магометан, или славян-католиков.

С праведным гневом описывая многочисленные захватнические войны европейских стран, Данилевский нисколько не останавливается перед отторжением Стамбула от Турции. В ход идут и историческая принадлеж-

ность православию, хотя в другом месте подобные претензии других стран отвергаются, и практические соображения защиты черноморского побережья, но самым главным оказывается утверждение императорских орлов в «пупе» земли. «Россия получила бы громадное влияние на страны Востока... Какое историческое значение имел бы для нас Константинополь, вырванный из рук турок вопреки всей Европе! Каким дух занимающим восторгом наполнило бы наши сердца сияние нами воздвигнутого креста на куполе Святой Софии! Прибавьте к этому несравненные преимущества Константинополя, его мировое, торговое значение, восхитительное местоположение, все очарование юга!» Признаюсь, эта соблазнительная картинка притягивает и меня, но все-таки иногда следует себе сказать, что отбирать чужое имущество только потому, что оно тебе приглянулось, как-то нехорошо, даже, если при этом кричать «держите вора!», имея в виду других. Но когда мораль нам препятствует, ее можно считать как бы несуществующей. Можно ли оправдать такой международный разбой? Пожалуйста. Во-первых — все так делают, а во-вторых — нам тем более можно: «Россия слишком велика и могущественна, чтобы быть только одной из великих держав. Экспансивная сила России гораздо больше, чем у государств Европы, и несоразмерность ее с требованиями политики равновесия должна выказываться все в сильнейшем и сильнейшем свете... Всеславянская федерация с Россией во главе, со столицей в Царьграде — вот единственно разумное решение великой исторической задачи — Восточного вопроса». И наконец: «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгар — после Бога и его Святой церкви — идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления, а напротив того, будет необходимым последствием этой независимости и самобытности». К тому же полити-

ческую самостоятельность «истинные славяне всегда ценили ниже духовной и бытовой самобытности». Иными словами, выбрось все, чего достиг, сожги все, чему поклонялся и устремись к горным вершинам. И уверься, что в заоблачных высях скрываются истинные ценности, а не российский крестьянин-бедняк и околоточный надзиратель. Призыв Данилевского потому-то и вспоен на сплошной патетике, что взгляд слишком многих балканских славян устремлен в сторону западного общественного устройства, науки, техники и всего им сопутствующего, и об этой опасной для России тенденции наш автор отлично осведомлен.

Второй пласт книги — инвектива против западников (в широком смысле слова), начиная с Петра I. Тут повторяются старые славянофильские утверждения о разрушении самобытной культуры, о том, что в народную толщу не проникла и привнесенная, о том, что в крайне легковесном виде она сделалась принадлежностью лишь «поверхности общества». Граф Нулин, который собирается «себя казать, как чудный зверь» и аксаковская мадам Пузина, водружающая над своей модной лавкой вывеску на французском языке, действительно смешны и противны, и их глупое подражательство в полной мере заслуживает наименования обезьяничанья. Но обзывать тем же трудно произносимым словом истинное стремление к европейской науке и культуре, к демократической струе европейского общественного настроения!

Образованному автору почему-то не приходит в голову, что народная масса не знакома с европейской культурой потому, что никто народ не просвещал. Писатель не обсуждает, а почему, собственно, Петр решил ввести в России некие европейские начала; вернее, говорит об этом, но находит фантастический ответ: Петр-де не любил Россию, а любил Голландию и Англию. Что дальнейший сон, в который погружена страна, приведет ее к смерти от собственного неустройства и порабощения

внешними врагами и что именно это Петр увидел и понял, это нашему патриоту как будто не приходит в голову.

Говоря об огромных потенциях, заложенных в русском народе, об уже явленных достижениях — все совершенно справедливо, — Данилевский делает вид, будто не понимает, что «технологическая» основа возвышающейся русской науки и техники, культуры и искусства — европейская, и в этом нет ничего зазорного. В конце XX века в западном влиянии стали выделять два течения — модернизацию и вестернизацию. Петр Великий, не зная трудов интеллектуалов XX столетия, тем не менее нутром различал модернизацию и вестернизацию и занимался только первой, а бороды брил лишь потому, что понимал необходимость шоковой терапии. Спорить нечего, внешний подражательный мусор вошел частью в новую русскую жизнь, но нельзя же было, в самом деле, в опасении побочных действий лекарства, отказаться от него и обречь пациента на гибель. Да и не так заметны и важны были заимствованные атрибуты. Не поколебали они ни устоев, ни ментальности⁹.

Взрыв панславистских настроений связан с русско-турецкой войной 1877—78 годов.

Возбуждение нарастало с каждым эпизодом борьбы балканских народов против турецкого владычества. Угнетение христианских народов мусульманской Турцией возмущало общественное мнение не только России, но и Европы; к тому же турки, уверенные в безнаказанности, безжалостно расправляясь с малейшим сопротивлением подданных, своими зверствами подпитывали костер, если он стихал. Естественным было ожидание сербами, болгарами и черногорцами русской помощи, естественны были эмоции русской публики, но это отнюдь не означало, что государственные деятели были вправе без оглядки бросить страну, хоть и в справедливую, но чреватую многими опасностями войну.

Восточный вопрос, как именовалось тогда противостояние с Османской империей, давно уже вышел из рамок русско-турецких отношений — это показала Крымская война. Правда, ситуация в 1876 году была иной, нежели двадцать лет назад. Лишь Англия и Австрия обладали известной свободой рук, но весьма относительной, так как — повторюсь — турецкое владычество над христианскими народами встречало все возрастающее осуждение. В европейском же единении образовалась серьезная брешь — после поражения 1870 года Франция не могла и думать о каких-нибудь авантюрах в духе Наполеона III. К тому же, только-только, два года назад, русская дипломатия предотвратила новое немецкое нападение на французов — то был крупный успех канцлера Горчакова — но угроза еще носилась в воздухе, и ссориться с Россией никто во Франции не помышлял. Придерживаясь антифранцузской позиции, Бисмарк не мог дразнить восточного соседа, а таскать из огня каштаны для Австрии — у Германии не было никакого резона. Но и настороженность Европы по отношению к Российской империи не исчезла: если Россия вознамеривалась бы получить на Балканах какие-нибудь преференции или, более того, приобрести в той или иной форме протекторат над каким-либо освобожденным народом, или хотя бы заметное влияние в том или ином балканском государстве, а еще страшнее того, контроль над проливами — это непременно повлекло бы за собой вмешательство европейских держав. И это прекрасно понимали в Зимнем дворце.

Правительство хотело избежать войны не только по соображениям военно-политическим, но и в силу конкретных условий российского бытия. Очередной европейский экономический кризис 1876 года поколебал и Россию. Упал экспорт, несколько крупных банков потерпели банкротство, рост производства, наметившийся в предыдущее десятилетие, замер. Если в 1871 году, впервые за многие годы, дефицит бюджета сменился профицитом

в 8,5 млн рублей, достигшим в 1875 году 33,2 млн¹⁰, то в 1876 году превышение расходов над доходами составило 64 млн рублей¹¹, десятую часть бюджета. Для покрытия платежей казначейство вынуждено было возобновить выпуск необеспеченных кредитных билетов. Известия о тяжелом положении русских финансов вызвали вздорожание иностранного кредита, без которого Россия жить уже не могла. Пополз вниз курс рубля. Резко сократилось кредитование производства, что привело к его дополнительному уменьшению, а вслед за ним и к новому витку снижения государственных доходов. Порочный круг замкнулся. Многократное увеличение в этих условиях военных расходов означало бы катастрофическое умножение государственного долга и замедление реформ.

И это знал император, и поэтому также — он не хотел войны.

Даже с собственно военной точки зрения — война была преждевременна. Преимущества, которые сулила армейская реформа, далеко еще не проявились, перевооружение не закончилось, огневая мощь еще не достигла необходимого уровня.

И это было известно императору, и поэтому также — он не хотел войны.

И, наконец, последнее, но самое главное. Император Александр II совершенно не страдал имперскими амбициями, был миролюбив и отчетливо представлял, что война не нужна ни России, ни ее народу. Перспективы сомнительны, и жертвовать во имя призрачных целей сотнями тысяч русских жизней царь долго считал невозможным.

Но совсем иначе рассуждала группка темных людей, некоторое число шелкоперов и великосветских бездельников. Пользуясь естественным добросердечием русского человека, они возбудили в массах такое сочувствие к страданиям единоверцев, в котором легко упрятывался их необузданный империализм. «Восточный вопрос есть

вопрос о Дарданеллах и ни о чем более, как о Дарданеллах» — это не для всеобщего оглашения, это откровение генерала Фадеева для «закрытого» чтения. (Семена, брошенные Данилевским, не пропали даром.) Правительство предупредило Сербию и Черногорию, что они не должны рассчитывать на помощь России, а другой отставной генерал, Черняев, принялся почти открыто вербовать русских офицеров для сербской армии. Хотя официально российское правительство не давало «света» добровольческому движению, но Турция не могла не расценить эти действия как враждебные.

Искренно не желая войны, Александр II не смог выработать твердую линию и придерживаться ее. Множество соображений будоражили его настроение. Синдром Крымской войны сменялся надеждой на легкую победу, на славу покорителя Константинополя. Бисмарк уверяет «своего друга», русского посла в Лондоне Петра Шувалова, который непрерывно обретается в Берлине, что лучшего момента для России и придумать нельзя¹². До государя доходят обвинения в слабости, в противодействии народному потоку, в пренебрежении чаяниями славян. Подстрекательные статьи не сходят со страниц «Московских ведомостей», «Русского мира» и «Гражданина». «Если правительство упустит предоставляющуюся теперь возможность покончить безвозвратно с восточным вопросом, то оно совершит великий грех перед русским народом», — гремит «Русский мир»¹³. Аничков дворец явно поддерживает эту кампанию. Царя провоцируют, распуская слухи, что мы не хотим воевать, потому что не можем¹⁴. Нравственные страдания, которые испытывал в это время император, точно описал Милютин. Прерывая его очередной доклад, Александр Николаевич говорит ему со слезами на глазах: «Постоянно слышу упреки, зачем мы остаемся в пассивном положении, зачем не подаем деятельной помощи славянам турецким. Спрашиваю тебя [с болью

сердца], благоразумно ли было бы нам, открыто вмешавшись в дело, подвергнуть Россию всем бедствиям европейской войны. Я не менее других сочувствую несчастным христианам Турции, но ставлю выше всего интересы самой России»¹⁵. В конце марта он говорит своему военному министру, что «признает войну... невозможной и совершенно уверен, что мы избежем ее», но через четыре месяца объявляет собравшимся вокруг него на маневрах офицерам, что «разрешает им временно выходить в отставку, чтобы ехать на театр войны [сербы уже сражаются с турками] с сохранением места в полку и продолжением старшинства»¹⁶. «Странное занятие, — замечает Валуев, — одной рукой раздувать пожар, другою лить на него воду»¹⁷.

Двойственность поведения приводит, конечно же, к худшему результату. Помощь, оказываемая в той или иной форме, воодушевляет сербов, но против регулярной и свирепой турецкой армии их плохо организованные, нестойкие отряды выстоять не могут. Но перестать им теперь помогать — значит бросить их на бесчеловечную расправу. Если не воевать — надо хотя бы уговорить Европу занять жесткую позицию, притом что Англия и Австрия совсем к этому не склонны. Решить такую задачу русской дипломатии оказалось не под силу. Формально меморандум великих держав потребовал у Турции уступок, но втайне англичане посоветовали туркам пренебречь европейским демаршем.

«Дело зашло так далеко, — пишет Валуев в октябре 1876 года, — что теперь действительно нельзя уже довольствоваться тем, чем мы могли бы удовлетвориться год тому назад. Народное чувство у нас поднято и возбуждено, хотя более или менее искусственно, но все-таки поднято и возбуждено. Пролито много крови и принесено много жертв... *Боюсь только, чтодвигающая нами пружина не та, а просто левый берег дунайских гирл [Бессарабия]*»¹⁸.

Что много русской крови было пролито еще до вступления России в войну — в этом Валуев совершенно прав. Движение в защиту балканских народов охватило самые широкие слои. Собирали не только деньги — причем наибольшую часть давали малосостоятельные, а подчас просто бедные люди, — но тысячи добровольцев сражались в составе сербских и болгарских отрядов. Побуждения этих людей были безупречны и честны. Они пришли на Балканы не завоевывать Константинополь, а освобождать поработанные народы от турецкого ига. Но эти русские офицеры только личным примером могли увлечь необученных волонтеров в битву и оттого слишком часто находили в ней смерть. Из уст в уста передавался рассказ о героическом бое Николая Киреева. Он послан был московским славянским комитетом только для координации действий комитета в Болгарии, но по собственной инициативе отправился на театр военных действий и возглавил отряд болгарских повстанцев. В одном столкновении с турками смятение проникло в ряды болгар. Киреев, уже трижды раненый, почувствовал, что его бойцы сейчас не выдержат, поднял их в атаку и пал, пораженный пулей в сердце.

Понятно, что Николай Киреев не принадлежал ни к числу проходимцев, которые желали любой ценой проникнуть в пантеон имперской славы, что и имел в виду Валуев, говоря о дунайских гирлах, ни к числу слепых ревнителей славянского дела, которые полагали, что освобожденные балканские народы устремятся в объятия России. Понимая, что многое зависит от Австрии, Киреев до отъезда в Болгарию побывал в Вене и, поговорив с австрийцами и русским послом Новиковым, прекрасно разобрался в обстановке. Умный наблюдатель, Новиков не строил никаких иллюзий относительно будущего русского присутствия на Балканах. «Славянские комитеты вредно служат России, — утверждал Новиков. — Мы ведем славян [к освобождению], но по своим симпатиям они

обратятся не к России, а к Германии, как то видно из примеров»¹⁹. Под примерами понимались отказ славянских объединений Чехии, Словении, Хорватии принять идею русских славянофилов о главенстве России в славянском мире, крайне неодобрительное отношение этого самого славянского мира к поведению России в Польше, общее представление об устройстве России, как реакционном, из чего могут последовать самые худые последствия для новых государств и, наконец, стремление славян «приложиться» к Европе, демонстрирующей политический и экономический прогресс²⁰.

Но в действиях тыловых «патриотов» — только лицемерие и погоня за мифами. Валуев не может раскрыть без брезгливости ни одну газету. Они ежедневно «подносят дичь своим панурговым читателям... Везде ложь, ложь на лжи, а бедные жертвы легкомысленной игры разных самодулов и честолюбив — гибнут»²¹.

Когда царь уже решился на первый недвусмысленный шаг — объявление мобилизации, последнюю попытку остановить войну предпринял министр финансов Рейтерн. Более чем кто-либо другой из министров Рейтерн знал, что само по себе предгрозовое состояние, в котором находилась Россия в последние полтора года, отпугивало иностранных инвесторов. Вызванный на совещание в Ливадию, где находилось императорское семейство, он еще и еще раз повторял, что в сочетании с застоєм в промышленности и торговле война грозит стране страшным разорением. Однако император в этот момент уже пустился в не очень для себя ясное дело, и хорошо обоснованное возражение его рассердило, как это бывает с человеком, не уверенном в правильности выбранного решения. К тому же какие-то неудачно найденные Рейтерном слова дали Александру Николаевичу повод с сердцем бросить, что из доклада получается, будто «реформы испортили положение России». Не слушая оправдательных

протестов, он с досадой сказал, что «вызвал министра финансов не для того, чтобы узнать его мнение, следует начинать войну или нет, а чтобы приказать ему изыскать средства к покрытию тех издержек, которые вызовет война»²².

Как не хотел государь войны и как понимал ее необходимость — свидетельствуют продолжающиеся колебания. Славянские комитеты собирают средства для вооружения сербских инсургентов и болгарского ополчения, русские добровольцы сражаются, а отобилизованные дивизии стоят в бездействии (но требуют колоссальных затрат). Зимой 1876—77 годов Горчаков, Тимашев, Валуев, Рейтерн неоднократно предлагают распустить войска, и Александр Николаевич был несколько раз близок к тому, чтобы согласиться с ними.

В феврале 1877 года царь неожиданно, не в урочный день посылает за Валуевым. Петр Александрович — министр государственных имуществ, но император привык считать его сведущим во многих делах, знает, что Валуев как никто другой разбирается в европейских делах (недаром неоднократно возникают слухи о его назначении на дипломатический пост), «чувствует» европейские отношения. (Хочу заметить, кстати, что симпатия и уважение государя к своему министру проявлялись многообразно: в привычке советоваться по разным вопросам, в склонности назначать главой комиссий по совершенно несхожим отраслям, наконец, в многочисленных наградах. Кавалер *всех* российских гражданских орденов *всех* степеней 17 апреля 1877 года — в день рождения императора — награждается высшим орденом — Андрея Первозванного.)

Император послал Валуеву записку Милютина, предостерегающую от войны, и хочет услышать его мнение. «Я попросил дозволения мыслить вслух, — рассказывает нам Петр Александрович, — и начал с того, что если бы собрать всех иностранных врагов России и спросить их, же-

лают ли они, чтобы государь решился на войну, а затем собрать где-нибудь корреспондентов «Набата» и «Вперед» [революционные листки, издававшиеся за рубежом] и спросить их — все они ответили бы утвердительно. Поведение германских государств — двулично. [Я уже отмечал, что Валуев разгадал игру Бисмарка.] Можно ли решиться пожертвовать, может быть, пятьюдесятью тысячами человек своей армии из-за подданных султана?»²³

Но Россия прошла уже столь долгий и длинный путь по тропе войны, что соображения государственного престижа — на самом деле ничего не стоящие по сравнению с человеческими жизнями — оказались сильнее здравого смысла²⁴. На совести славянофильской агитации еще одна вина. Возбуждение народного чувства, о котором говорил Валуев, привело к тому, что поражение сербской армии под командованием Черняева воспринималось как косвенное поражение России, и государь не мог этого не учитывать.

И тем не менее сомнения мучают самодержца. Объявление войны последовало 12 апреля 1877 года, но только через два месяца русские корпуса вышли к северному берегу Дуная, в Валахии, дав время турецким военачальникам укрепить позиции.

Наконец, 15 июня армия форсировала Дунай и вступила на территорию Болгарии.

Изложение хода военных действий не входит в мою задачу²⁵. Я отмечаю лишь один эпизод. Недруги Милютин постоянно твердили, что он не хочет войны, потому что не знает истинного военного дела, не вылезал из штабов и не держал сабли в бою. Но чей спокойный голос остановил панику, возникшую, когда турки отбили третий штурм Плевны 30 августа? Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, брат императора, до этого сделал все, чтобы разрушить план Обручева, единомыш-

ленника Милютина, единственного генерала, обладавшего современным стратегическим мышлением и которого великокняжеское окружение презирало, как профессора, интеллигентски жалеющего солдат. По замыслу Обручева, армия должна была устремиться на юг к стратегической цели — Константинополю, обтекая турецкие силы, не ввязываясь в долговременные осады крепостей, избегая тем самым неизбежно больших потерь. Главкомандующий поступил ровно наоборот. Но когда он увидел смертные поля перед Плевной, усеянные телами 16 тысяч павших и искалеченных без пользы и толка, то в беспомощной растерянности, совершенно потеряв голову, стал умолять государя-брата принять и признать поражение, отступить и чуть ли не прекратить военные действия. И когда сам монарх, потрясенный потоками крови, пролитой в день его тезоименитства, почти готов был отказаться от всего, что мнилось, от всего, до чего казалось рукой подать — единственным, кто горячо восстал против этой трусости, против позора, который ожидал бы Россию, был «невоинственный» Милютин. Так что орден Святого Георгия 2-й степени, врученный ему государем после победы, был им заслужен в полной мере.

А победа к концу 1877 года была достигнута полная. В январе следующего года русские позиции располагались в нескольких переходах от Константинополя, а в начале февраля русские командиры уже различали стамбульские минареты в подзорные трубы. Турция, казалось, простерлась перед победителями. 17 февраля был подписан договор, по которому Россия приобретала крепости на кавказском побережье Черного моря — Карс, Батум и Баязет с прилегающей территорией — предмет полувековых вожделений — и часть Бессарабии, отобранную у нее в 1856 году. Российское правительство объявлялось покровителем христиан; Болгария, Босния и Герцеговина получали автономное управление, Черногория, Румыния

и Сербия — полную независимость. Турция гарантировала проведение реформы в пользу турецких армян.

Договор привел в неистовство англичан. Гипотетическое присутствие русских кораблей в Средиземном море, вблизи Суэцкого канала, повергало британское правительство в ужас. Британская пресса, министры и парламент, разжигая друг друга, наперебой стали кричать, что Турция совершенно разгромлена и будет порабощена, что Россия приобретает непомерное влияние на юге Европы, угрожает английским интересам в Леванте, способна перерезать англо-индийские артерии. Последовательно наращиваются меры противодействия: крупная эскадра направляется к Галлиполийскому полуострову, парламент ассигнует чрезвычайные кредиты, издается королевский приказ о призыве резервистов, Форин оффис оказывает сильнейшее давление на Австрию. Несмотря на иступленный гомон, англичане не отважатся воевать против России в одиночку, а Австрия — единственный возможный союзник, ибо не меньше Англии боится появления России на Балканах и не меньше Англии заинтересована в территориальных приобретениях. Дело ведь еще и в том, что, пугая мир завоевательными устремлениями России, обе «миролюбивые» страны точат зубы на турецкое наследство ничуть не меньше России. И в Вене раздаются громкие намеки, что и там желают получить свою долю. Оба правительства усердно формируют представление, что России вот-вот будет объявлена война.

Однако это был блеф, не разгаданный Гбрчаковым. Канцлер смертельно боялся европейской войны и принял всерьез английские и австрийские игры. Что Англия не решится на войну против России даже вместе с Австрией, показал успех переговоров Шувалова с английскими министрами, которые он вел тайно даже от Петербурга — англичане не хотели афишировать свою податливость. Шувалов сохранил для России почти все, что она

получала по миру с турками, за исключением Баязета, уступив, правда, Турции южную половину Болгарии, согласившись на протекторат Австрии над Боснией и Герцеговиной и «отдав» Англии турецкий Кипр. Так что вопли московской шовинистической прессы о том, что Берлинский конгресс, утвердив соглашения, сформулированные, по существу, Шуваловым и английским министром иностранных дел лордом Солсбери, нанес России и славянскому делу великий ущерб, справедливы только в одном: оказалось, что *никому из народов не нужны* каштаны таскала из огня одна Россия, а плодами победы, купленной русской кровью, воспользовались и другие хищники, стоявшие от схватки поодаль, не потратившие ни жизни, ни денег.

Я уже говорил, что в последней четверти XIX века произошел всплеск ксенофобии во многих европейских странах, наиболее заметный, пожалуй, в Германии, Франции и России²⁶. Национализм, как правило, смыкается с крайней, реакционной идеологией, но в России это проявилось ярче, чем где бы то ни было. Выразительница озлобленной реформами части землевладельцев газета «Весть» пустила в оборот словосочетание «Россия для русских». Лозунг был подхвачен и с особенной силой претворялся в практику в царствование Александра III — в безудержной, оголтелой русификации национальных окраин, в злобном преследовании «инородцев». Усилению ультраправого направления, возникновению правого экстремизма, конечно, поспособствовали экстремисты левые. Неуловимые террористы смогли взорвать царский поезд, убить шефа жандармов, харьковского губернатора, наконец, проникли в святая святых, в Зимний дворец. Террор начинал казаться всемогущим, полиция — беспомощной. В дворянской среде, в кругу убежденных сторонников жесткого ответа, рождается идея тайных отрядов. Им соби-
рались придать разнообразные функции — от слежки за

революционерами до их физического уничтожения. Под патронажем нескольких великих князей возникает «Священная дружина». Однако под это знамя попервоначально удалось собрать немногих — сама по себе идеология крайней реакции не привлекает никого, кроме разного рода отребья. Ничего серьезного из этого предприятия в описываемое время не вышло, но семена остались и четверть века спустя воплотились в «Черной сотне» и «Союзе русского народа».

Единственным течением русской мысли, способным принести надежду, оставался либерализм. Основные идеи либерального направления сводятся, как известно, к равенству возможностей, т. е. равенству перед законом, независимости экономической деятельности — в пределах закона, примату личности перед общественными группами, корпорациями, сословиями, государством — опять-таки в пределах закона²⁷.

Корни русского либерализма уходили в Европу, и в этом была его трагедия. Стандартными обвинениями либералов служили преклонение перед Западом и несовместимость западных идей с исконно-русскими представлениями. Но широкому распространению либерального мировоззрения препятствовали не столько нападки противников, сколько действительная неадекватность либеральной концепции и привычного, инертного образа жизни.

Либерализм отделяет гражданскую свободу от политической и первостепенной считает независимость экономическую, политические права вторичны. В применении к России это означало, что определенная автономность экономической деятельности может быть достигнута законодательным путем в пределах существующей власти, этого на первых порах достаточно, политическая же свобода явится результатом развития экономических сил и будет приобретена бескровно.

Не дорого ценю я громкие права,
 От коих не одна кружится голова.
 Я не ропщу о том, что отказали боги
 Мне в сладкой участи оспаривать налоги...
 Иные, лучшие, мне дороги права;
 Иная, лучшая, потребна мне свобода:
 Зависеть от царя, зависеть от народа —
 Не все ли нам равно? Бог с ними...

Либеральные принципы выросли на идеях английских и французских экономистов и политических мыслителей эпохи Просвещения. Умственное движение, возбужденное ими, докатилось до России в начале XIX столетия, нашло свое отражение в теоретических построениях Сперанского, а во второй четверти века — в осторожных попытках Киселева. В 50–60-х годах распространение и воздействие либерального мышления превысило «критическую массу»: возник первый практический результат — Великие реформы.

Исходя из преобладающего значения экономики перед политикой, либералы сохраняли лояльность к монархии — в противовес левой интеллигенции, не способной адаптироваться к существующему порядку вещей, не желающей отказаться от политических амбиций. «Сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началами власти и закона, — утверждал один из виднейших теоретиков русского либерализма Борис Чичерин. — В политической жизни лозунг его [либерализма]: либеральные меры и сильная власть — либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и совести — сильная власть, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»²⁸.

Либерализм отличается от демократизма тем, что вообще не предполагает предоставления политических прав всем и каждому. Полная экономическая свобода — в пределах закона — не совпадает с полной политической свободой. Лучшей формой организации власти является конституционное устройство — это для либералов бесспорная истина, но конституция необязательно должна включать, например, всеобщее избирательное право. Неподготовленные массы способны увлечься самой бессовестной демагогией, отдать власть самому крайнему радикалу. В России, в стране с преобладающим плебейским, малоимущим населением, допустить широкие избирательные полномочия — означает допустить власть охлократии.

Толерантное отношение к действительности позволило целой плеяде талантливых либеральных деятелей войти в высшие правительственные круги и осуществить свои намерения. Однако терпимость не означала сервильности — напротив, при малейшей возможности либералы старались убеждать самодержца в необходимости хотя бы минимальных политических уступок — и иногда это удавалось.

Разрушительные и охранительные идеологии бесплодны по определению — мы видели это отчетливо, когда говорили об «успехах» левых и правых радикалов вкупе с панславизмом. Их «достижения» — жизни людей, брошенные к пьедесталу собственного честолюбия²⁹. Победы прагматического либерализма особенно контрастны на этом фоне. Я перечислю их еще раз в концентрированной полноте и еще раз напомним читателю имена героев либерального царствования — вместе со своим сувереном они достойны людской памяти.

1861 год — крестьянская реформа. Ее вдохновители — Николай Милютин, члены и эксперты Редакционных комиссий: Юрий Самарин, Владимир Черкасский; в какой-то мере не прошли незамеченными частные проекты Косшелева, Кавелина, Чичерина. 1863 год — земская реформа;

тут заслуга целиком принадлежит нашему Петру Александровичу Валуеву. В том же году вошел в действие самый свободный в истории России университетский устав — создание министра просвещения Александра Головнина. 1864 год — судебная реформа, важнейшее, корневое преобразование. Его авторы — группа европейски образованных юристов: Зарудный, Спасович... Победоносцев (!); их активно поддерживал министр юстиции Дмитрий Замятин. 1870 год — новое городовое положение, приготовленное Валуевым параллельно со схемой земских учреждений, со схожими функциями и организацией, но утвержденное позже. Мотор военной реформы — военный министр Дмитрий Милютин. Переустройство армии шло поэтапно с 1862 года, резко ускорилось благодаря инъекции Валуева в начале 70-х годов, приобрело с этого момента главную составляющую: сокращение срока службы и всеобщую повинность. Министр финансов Михаил Рейтерн успешно добивался приоритета частной предприимчивости перед государственной неповоротливостью в хозяйственном строительстве. Он сумел стабилизировать российские финансы, и если бы не война — не имела бы Россия в 1880 году суммарного государственного долга, в пять раз превышающего годовой доход. На рубеже 70–80-х годов приобрели позитивное влияние Михаил Лорис-Меликов и Александр Абаза — о них мы еще будем говорить. Не забудем также, что помимо «дельцов», занимавших высшие ступени, множество судей, администраторов, предпринимателей, университетских профессоров, врачей, инженеров, военных исповедовали те же принципы, проводили их в жизнь и в самые черные дни реакции не позволяли вконец погасить свет разума.

Быть реформатором — значит быть либералом; много не дано. Поэтому так презирал и ненавидел Петр Александрович экстремистские взгляды и идеи: он не видел в них ничего, кроме стремления к гибели. И в этом он не

был одинок — все государственные деятели, только что упомянутые, испытывали отвращение к насилию. Но водораздел между большинством из них и Валуевым проходил там, где дело касалось нерусских народов, иноконфессиональных масс населения России. Россия когда-то считала себя третьим Римом — а потому призвана быть не Московским царством, а Российской империей и, подобно Риму колонизируя окраинные народы, должна следовать мудрым правилам римлян и даровать всем жителям империи все права гражданства. Быть может, время к этому еще не пришло, но уж гонения на латинян [католиков], раскольников, немцев, поляков, евреев только потому, что они те, кто есть, — бессмысленны и противогосударственны. Свобода совести — необходимый нравственный компонент цивилизованного государства. «На этом стою и не могу иначе», — знаменитые слова Лютера Петр Александрович всецело мог отнести к себе.

«Мы вообще не умеем ассимилировать и объединять. Мы как будто стараемся постоянно напоминать завоеванным, что они завоеваны, и требуем объединения в смысле отождествления». Такова «патриотическая» установка. «Правда, все эти патриоты считают Петра Великого ошибкою промысла»³⁰.

Экономическое кредо либерализма — торжество частной собственности над собственностью государственной или коллективной. Государственное управление экономикой не только вредно, но, по сути, невозможно. Петр Александрович однажды сформулировал этот тезис почти афористически: «Одного почерка (росчерка) пера Вашего величества достаточно, чтобы отменить весь свод законов Русской империи, но никакое высочайшее повеление не может ни поднять, ни понизить курса государственных кредитных бумаг на Санкт-Петербургской бирже»³¹. Во всех случаях, когда возникал вопрос, кому отдать приоритет, предпринимателю и чиновнику, Валуев не-

пременно поддерживал первого. Поначалу люди подходили с опаской к вложению капитала, слишком это было новым для России делом. Валуев предлагает дать кредит надежным предпринимателям. Для паровозов нужен уголь? Он имеется в копиях Пермской губернии, об этом известно давно, но без пользы проходят годы, а мы тратим деньги на покупку зарубежного угля. Если можно выпустить на 50 млн рублей бумажных денег, то почему нельзя потратить несколько миллионов для того, чтобы уголь, рельсы и принадлежности железных дорог вырабатывались у нас?³²

В 1874 году по предложению министра государственных имуществ Валуева организуются торги на аренду Березовских золотых приисков³³, в 1875 — торги на продажу Богословского горного округа на реке Каме, в 1876 году продается казенный Луганский чугунолитейный завод. Насколько рациональнее может вести дело настоящий хозяин, показывают обстоятельства торгов на покупку Богословских горных разработок. Доход казны от рудников не превышал 5 тыс. рублей в год, а то бывал и убыток. Однако покупатели прекрасно знали, что на самом деле может дать этот горный округ. Их предварительные предложения колебались от 950 тысяч до 1,3 млн рублей. Торги дали 2 млн 50 тысяч³⁴. Казенное управление способно довести любое предприятие не только до убыточности, но и до полного развала. Выставленный на продажу Луганский завод никто не пришел покупать, настолько он был в плачевном состоянии. «Торги не состоялись за неявкой желающих. Собранный мной совет был комичен. Большой стол. Много членов совета. Дело — нуль», — посмеиваясь над собой, записывает в дневнике Валуев³⁵.

Что все терпеть не могут? Правильно, налоги. Без чего государство существовать не может? Точно, без нало-

гов. Есть еще одна пренеприятнейшая зависимость. Чем беднее государство, тем большую долю народного дохода оно отбирает. В России эта максима проявлялась как пельзя сильнее.

Как добыть чудовищную, непомерную контрибуцию? Не упустить ни одно податное лицо и притом уловить всех общей сетью? С точки зрения властей предержанных — лучше подушной подати, взимаемой с общины, придумать нельзя. Только, мол, община, с ее круговой порукой, с запретом свободного выхода, может неукоснительно держать плательщика «под рукою». (Кстати, для защитников общины этот довод — один из подспудных, но важнейших.) В большинстве стран уже давно действовала система подоходного налога, в той или иной степени разветвленная, с двумя главными составляющими: собственно подоходным сбором и земельным налогом. Как быть России? При недостаточно развитых промышленности и торговле рассчитывать на сколько-нибудь удовлетворительную величину подоходного налога не приходилось. Стремление же самодержавия играть имперскую роль, содержать огромную армию, пышный двор, предоставлять своей аристократии невиданный в Европе образ жизни — все это требовало непосильных, разорительных для крестьянства поборов; налоговое бремя на беднейшие слои населения достигало запредельных величин, буквально не оставлявших им средств к существованию. Вводить поземельный налог? На землевладельцев дворянского и купеческого сословия — правительство Александра II не осмеливалось и не хотело, на одних крестьян — нерационально и невозможно. Поэтому, испытывая моральный дискомфорт перед лицом современных экономических теорий, в высших сферах не решались отказаться от архаичного, варварского способа выколачивания платежей и, в поисках паллиатива, то и дело создавали комиссии.

Для рассказа о борьбе за справедливое налогообло-

жение — один из принципов либерализма — нам придется немного вернуться назад.

Статей дохода было так мало, что их надо было выдумывать.

В 1867 году состояние российских финансов было столь плачевным, что Валуев, как министр внутренних дел, ответственный за социальный порядок, стал опасаться возмущения, к которому могло привести расстройство денежного обращения. Он обращается с очередной запиской к государю, и среди предложений о том, как увеличить «золотовалютные» поступления в казну, появляется одно, весьма неординарное. Богатые люди, уезжающие за границу, в том числе и «патриоты», не брезгующие попользоваться презируемым европейским комфортом, везут не ассигнации, а звонкую монету. Вывозят в огромных количествах — по 20—30 миллионов золотых рублей в год. За три года уходит за рубеж столько, что на них можно построить еще одну железную дорогу от Петербурга до Москвы. Так вот, не следует ли вернуться к уже обсуждавшейся мысли: «уменьшить зло, установив таможенный сбор»³⁶.

Идея не прошла, но она не казалась безумной, ибо через 9 лет, в момент острого поиска денег — назревала война с Турцией — Петр Александрович снова возвращается к ней. «Надо пригласить вернуться всех, у кого нет особых причин оставаться — по болезни или особо уважительным причинам, — пишет он министру финансов. [Русская аристократия жила во Франции, Италии чуть ли не всю жизнь, изредка наезжая в Россию для пополнения средств, хотя чаще удовлетворялись присылкой.] — Посольствам и консульствам составить списки тех, кто не откликнулся на призыв... Обложить их налогом, возрастающим прогрессивно, начиная с дохода в одну тысячу рублей... Налог устанавливать по добровольным показаниям плательщиков, при удостоверении двух свидетелей». Но и тех, кто останется по «уважительным причи-

нам», Петр Александрович полагает не оставить царской милостью: пусть «платят налог в половинном размере».

И снова соблазнительный Forspiel пришлось отвергнуть. Вздыхая, император начертал на записке: «Мысль справедлива, но подходящий налог [на увозимые деньги] возбудит большой ропот»³⁷

Но подходящий налог обсуждался не только в таком экстравагантном варианте.

Впервые этой проблемой Валуев занялся в 1862 году, в начале деятельности на посту министра внутренних дел. Был даже составлен проект подоходного оклада.

Обложению «подлежат все доходы с движимого и недвижимого имущества, с торговых и промышленных предприятий, а равно прибыли [лиц свободных профессий] и всякое вознаграждение за исполнение служебных обязанностей... Изъемяются [из налогообложения]: доходы приходского духовенства, ремесленных заведений с числом работающих менее 10 человек, доходы медиков и крестьян, доходы менее 1000 рублей в год»... Основанием для взимания служат объявленные «по совести» собственные сведения о доходах, «при двух свидетелях, без проверки. В случае доказанной утайки — 10-кратный штраф по суду». Однако тайна дохода в обычных случаях сохраняется. Шкала налога — прогрессивная. «От тысячи до трех тысяч рублей — 2%», далее — постепенный рост, и «от 15000 рублей и выше — 5%». Создаются налоговые учреждения, они составляют списки лиц, подлежащих налогообложению; их «за месяц до срока внесения налога приглашают к себе специальные комиссары, которые раздают анкеты» с вопросами для заполнения. В пользу сборщиков налогов отчисляются 2% собранных средств³⁸.

Как видим, проект достаточно смел, но все тщательно продумано, не только с экономической, но и психологической точки зрения. Притом, легко видеть, что предложения носят всеохватный и нелицеприятный характер.

Писарская копия проекта, хранящаяся в архиве Валуева, содержит множество карандашных правок Петра Александровича. Но дальше процесс не пошел.

План вызвал раздражение очередной «комиссии высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов», раздражение, естественное для ведомственной фанатерии. Комиссия представила дело таким образом, будто программа Валуева предусматривает полную замену всех сборов подоходным налогом.

Стоит ли огород городить, если неизвестна сумма ожидаемого прихода? Никакой статистики доходов нет, но всем ведомо, сколь малы хозяйственные силы, а, следовательно, и доходы, — полагает комиссия. Один из членов производит расчет, основанный на общих представлениях, и получает ежегодное поступление в казну 4,8 млн рублей. Эта ничтожная величина даже не покроет затрат на сборы, — веселятся государственные мужи.

Дальнейшие аргументы комиссии выглядят следующим образом:

«Одна из черт нашего народного хозяйства — отсутствие расчета в извлечении доходов. Все отрасли промышленной деятельности, вследствие многих особенностей нашего административного порядка и народного характера, чрезвычайно подвержены элементу случайности, непостоянства. Известно, что нигде, разве исключая Америки, люди так легко не обогащаются и не разоряются, как в России. В настоящую же минуту даже все доходы и прибыли, доселе считавшиеся самыми несомненными, подверглись сомнению»³⁹ Раз никоим образом нельзя предвидеть размер доходов, нельзя расчислить и ожидаемые поступления в бюджет.

Замечание не лишено наблюдательности, но ведь бой шел не столько за бюджет, сколько за социальную справедливость: по плану Валуева под налоговый пресс попадали и неподатные сословия.

Шли годы, члены комиссии выбывали естественным образом, им на смену приходили другие, исписывались горы бумаги, но воз оставался в прежнем положении. Однако в 1871 году чуть было не возникло нечто серьезное. Хотя очередная идея ничего существенного не несла — предлагалась замена подушного налога подворным и усеченным поземельным, менялось лишь название, — но важным было другое: проект был передан для обсуждения земствам. Это было время расцвета либерализующих тенденций в правительственных кругах, период благосклонного отношения к местному самоуправлению.

Земские собрания отнеслись к поручению с энтузиазмом и, поддержав идею отмены подушного сбора, не остановились на этом. Они высказали разнообразные суждения не только применительно к собственным губерниям. Получив палец, земства попытались схватить и руку. Они недвусмысленно потребовали участия в определении, распределении, сборе и даже расходовании налоговых средств. И «комиссия высочайше учрежденная» не стала разбирать отзывы местных учреждений по существу — их напугали проявленные земствами поползновения. Для рассмотрения постановлений земских собраний были призваны шеф жандармов — налицо явная крамола — и товарищи министров финансов и внутренних дел. (Был месяц август, министры, видимо, находились в отпусках.) «Гласные земств вышли из пределов им предоставленных... Лишь часть губернских собраний ограничилась рассмотрением податного вопроса в смысле местного значения, большинство отнеслось к нему в смысле общего государственного вопроса, — докладывают царю Шувалов, Грейг и Лобанов. — Постановления губернских собраний предполагают, по существу, новую систему налогов», и три сановника «пришли к мнению, что вследствие объема и характера мнений и стремлений губернских собраний вопрос о податной реформе из экономической

перешел в область внутренней государственной политики... Следует составить свод земских мнений и передать его в комиссию из высших чинов МВД, минфина, II и III отделения императорской канцелярии». Царская резолюция: «Исполнить. Председатель комиссии — статс-секретарь Валуев»⁴⁰.

Опять Валуев! Государь положительно не может без него обойтись! А ведь Петр Александрович в этот момент (напомним, дело было в 1871 году) в стороне от высоких должностей. Он всего лишь управляющий Санкт-петербургским сиротским заведением и член комитетов — по женскому образованию, призрения заслуженных гражданских чиновников, главного попечительства детских приютов, железных дорог, а также почетный член десятка обществ, комитетов, городов и даже Академии наук.

Не облеченный министерской властью, Валуев потребовал, чтобы «высшими чинами» явились непосредственно министры и главноуправляющие отделениями собственной его императорского величества канцелярии: Рейтерн, Тимашев, Урусов, Шувалов.

Высокопоставленная комиссия согласно признала: «Обложение всех сословий действительно в конце концов необходимо». Сбирать подушную подать становится все труднее, крестьяне обременены выкупными платежами, земскими и государственными сборами; «раньше помещик отвечал за общий сбор», теперь же он вышел из игры. «Земства признали необходимость подоходного налога, они готовы выйти вперед. Но дело в свои руки должно взять правительство», ибо прежде всего оно несет ответственность за положение страны и народа.

Особенно горячо выступал с этих позиций министр финансов.

«Для увеличения налоговых поступлений необходимо поднять хозяйство страны, а это можно сделать только на новых основаниях». Нельзя упускать и социальные проблемы. У крестьян мало земли, ничтожен доход, но на

них лежит почти вся тяжесть налогов... «Рядом с ними находятся земли и имущество, с которых не платится почти ничего... Правительство не может не заботиться о благосостоянии народа. Надо облегчить бремя податного сословия и в то же время увеличить доходы государства. Нельзя искать опору только в неподатных сословиях, тем более что коноводы «движения» у нас вовсе не из народных масс, а из среды тех самых неподатных... Общий принцип налогообложения — залог будущего спокойствия государства. Опасность для самодержавия возникла бы тогда, когда родилась бы мысль, что самодержавие не допускает справедливого обложения... *Революции совершаются народными массами только в тех случаях, когда они убеждаются в неудовлетворительности их материального положения (sic!)*».

Шувалов замечает, что вопрос в настоящий момент перешел из экономической плоскости в политическую — таким его сделали земские собрания. Земства, как это вытекает из представленных нам мнений губернских земских собраний, «желали бы в обмен за свои услуги установить контроль над распределением собранных средств», а это мы допустить никак не можем, это шаг в направлении конституции — заявляет бдительный шеф жандармов.

Я не предлагаю удовлетворять претензии земских собраний, — откликается Рейтерн. — «Но отказ земству в участии, обсуждении, даже ответе на их предложения был бы крупной политической ошибкой, принцип самодержавия был бы поколеблен [этим] больше». (Тут Шувалов видит глубже, а Рейтерн — дальше.) Более того, втянув земства в распределение налогов, можно, с их помощью, добиться лучшего поступления платежей.

Шувалов продолжает высказывать опасения, теперь другого рода. Да, в конечном счете, всесословное обложение неизбежно. Но не следует делать это немедленно и во всеобщем масштабе. «Можно действовать отдельными решениями, не придавая вида всеобщей реформы». Тима-

шев и Урусов ничего существенного не высказали, но, в общем, поддерживали Рейтерна.

Валуев по праву председателя завершает дискуссию. Представительный, высокий, статный, его красивый баритон звучит весьма значительно, он умеет убеждать. Лишний раз он пользуется случаем обвинить общину. Не будет никакого облегчения податным сословиям, пока существует круговая порука, начинается он. Затем последовал следующий афоризм: уравнительная система, никому не позволяющая выйти из порочного круга, есть ее спутник. Но и государство сохраняет «неразделимость по местностям». На худых, неурожайных землях доходы чрезвычайно низки, недоимки растут, крестьяне бедствуют, а казна не собирает податей. Одинаковый для всех районов подушный оклад необходимо дифференцировать. Что касается поземельного налога, о котором косвенно говорил министр финансов, то я хочу предостеречь, продолжал председатель, от сколько-нибудь существенного «обложения средних земельных собственников, наиболее многочисленных — становой хребет земледельческого класса, — но и наиболее бедных». Не подлежит сомнению, что «земства вышли из предоставленного им круга, и призывать их даже к совещательному участию не соответствовало бы видам правительства»: земства созданы не для законотворческой деятельности. Предоставлять им участие в реформировании налоговой системы опасно, «дело может дойти до прямого контроля общества над имуществом частных лиц; на дне земских предложений лежит демократическое начало... Не только не звать земства, но и не давать им ответа на их проекты, не давать никакого отзыва. По-прежнему считать, что их частные местные сведения бывают нужны, но они не должны иметь ни свойства, ни формы даже совещательного участия по существу дела»⁴¹.

И ничего о подоходном налоге Петр Александрович не сказал.

Ситуация заслуживает хотя бы краткого анализа.

Прежде всего — никто из участников заседания не употреблял термина «подворная пошлина», даже не вспоминал такого словосочетания, хотя формально комиссия собиралась именно по этому поводу. Играть в слова государственные люди посчитали для себя неместным. Не очень напугали претензии земских собраний — их просто поставили на место. Зато главный вопрос — вводить или не вводить подходящий налог, теоретически высшим сановникам империи ясный — не нашел разрешения. И это при том, что важнейший и ответственный в этом деле государственный деятель — министр финансов — настаивал на немедленном внедрении подоходного обложения, что министр внутренних дел и «главный закон» поддержали его доводы. Всех пересилил «Петр IV» — звезда его в это время стояла в зените. И свой авторитет первого царского советника Петр Александрович бросил на чашу его весов — не устоял мой герой перед магией власти временщика.

Так и председательство Валуева не смогло сдвинуть дело подоходного налога с мертвой точки.

В 1880-м году новая податная комиссия опять предложила заменить подушную подать усадебным (подворным) налогом, личным налогом на лиц мужского пола от 18 до 55 лет в размере одного рубля — эвфемизмами той же подушной подати — и собственно подоходным налогом: от денежных капиталов, торговли и промыслов, личного труда и недвижимых имуществ, в том числе и земли. Но эта схема давала бы 58 млн рублей, в то время как подушная подать приносила 200 млн⁴². И снова ничего не было принято, снова ничего не изменилось.

Всем было ясно, что без заметного усиления всех видов производительной деятельности, полная замена подушной подати подоходным налогом в современном его понимании — невозможна. Но ведь дело было не только в бюджетных поступлениях. Один лишь подоходный налог

не мог в денежном выражении заменить личный сбор — пусть так. Но его введения требовали соображения социального спокойствия, социальной справедливости. И когда эти ощущения взяли верх, подушная подать была формально отменена. Случилось это уже в новом царствовании, в 1885 году. (Мера эта тогда не коснулась Сибири.) При этом фискальная система долго еще оставалась очень далекой от современной: доходы бюджета складывались, в основном, из выкупных платежей крестьян, питейного и табачного сборов, акциза с сахара, нефти и спичек, налогов на недвижимость и капитал, налога на наследство, налогов на страхование и безвозмездную передачу имущества (!), пошлин на совершение сделок, гербового сбора, таможенных пошлин и множества косвенных налогов, но шаг в правильном направлении был сделан⁴³.

Великие реформы подвели страну к порогу нового взлета. Крылья подрезали экстремисты-разрушители и экстремисты-охранители; по своей системной ориентации — на деспотизм — они ничем друг от друга не отличались.

Глава IX

Анархический выстрел Каракозова и мстительный (за Польшу) выстрел Березовского в 1867 году в Париже еще можно было посчитать за выходки одиночек. Систематическая революционная деятельность началась в первые годы 70-х. Сотни молодых людей, в экстатическом убеждении, что стоит лишь только разъяснить народу, кто виноват в его страданиях, и, взяв в руки дреколье, крестьяне пойдут за ними на царя и помещиков. Народническое мировоззрение покоились все на той же общинной идеологии. Народники были уверены, что пронизанное уравнительным духом крестьянство легко воспримет пропаганду утопического социализма. Но после того как окончилось крахом хождение в народ и стигнула надежда поднять революцию снизу, в подпольной среде произошел раскол. Тон стала задавать террористическая группировка. С осени 1878 года она открывает охоту. Убиты харьковский губернатор Кропоткин, шеф жандармов Мезенцев. 2 апреля 1879 года один из бывших народников, Соловьев, у самого Зимнего дворца, на Певческом мосту, несколько раз стреляет в идущего пешком императора. Увидев направленный в него револьвер, Александр Николаевич не потерял присутствия духа и сумел отклониться от выстрелов. Одна пуля пробила шинель, другая, задев сапог, контузила ногу, остальные пролетели мимо. Но это еще были нескоординированные акции одиночек. В августе 1879 года дело взяла в свои руки целая органи-

зация, по существу секта убийц. Исполнительный комитет Народной воли послал монарху «черную метку» и стал готовить нападения. В ноябре были подготовлены три подкопа на путях возможного следования царя из Крыма в Петербург. В Одессу государь не поехал, бомба под железнодорожным полотном между Курском и Белгородом не взорвалась, но невдалеке от Москвы взрыв взметнул свитский поезд, шедший вслед за царским — по каким-то причинам обычный порядок следования был нарушен, поезд с императорской семьей шел первым, чего не предполагали террористы. 5 февраля 1880 года взлетела на воздух столовая Зимнего дворца, где императорская фамилия должна была принимать принца Александра Гессенского, брата царицы. Снова спас случай — принц опоздал, обед был назначен позже обычного, чего опять-таки не знали злоумышленники.

На протяжении ста лет подельники преступников, «революционная интеллигенция», большевистские каратели на все лады воспевали только им известное благородство народовольцев. Это обман. Фанатизм не совместим с благородством. Никто из тех, кто подкладывал динамит под железную дорогу или в подвал Зимнего дворца, ни на минуту не задумывался над тем, что будут убиты не только царь, но и его жена, и дети, десятки человек вокруг них. Мина под Москвою взорвалась перед поездом, а не под ним, и люди отделались переломами и ушибами вовсе не по расчету взрывников; но в Зимнем дворце безвинно погибли 9 солдат и 40 человек было ранено. Это было начало. Тайный террор, редкий и случайный в истории человечества, начиная с XIX века сделался обыденным явлением. Психология террора часто становилась предметом исследований — включая великий роман Достоевского. Террор впоен на бешеном честолюбии, он паразитирует на бессознательном толпы, сотканном из ненависти, восхищения, отчаяния, надежд и

страхов, поддерживается информационными потоками — тогда, в XIX веке еще примитивными, ныне же оснащенными всей мощью современной индустрии. Разбить ореол жертвенности, героизма, который подчас окружает террористов, лишить их восторга париев — террор исчезнет с лица планеты¹.

Каждый новый террористический акт лихорадил столицу. В высших сферах царил прямой испуг — никто не чувствовал себя в безопасности. Общественное мнение то упрекало полицию в слабости и некомпетентности, то приписывало правительству создание обстановки всеобщего недовольства. Каждый террористический акт служил сигналом к очередному сбору у царя «подлежащих» министров, к бесплодным прениям, разноречивым толкам, гневу самодержца, к обвинениям сановников в «нежелании или неумении принять решительные меры». После одного такого обсуждения Петр Александрович сказал, «что только и остается, по выходе из дворца, купить себе револьвер для защиты». И почти каждое безрезультатное совещание заканчивалось приказанием министру государственных имуществ Валуеву собрать министров под своим председательством и найти способы борьбы с террором, предупредить новые покушения.

Министр юстиции Пален кричал, что надо изъять дела по государственным преступлениям из ведома суда присяжных, расширить применение административных высылков; Тимашев настаивал на усилении и вооружении полиции. Министр просвещения Толстой, пользуясь случаем, снова как несколько лет тому назад требовал передать ему в подчинение из Военного министерства Медико-хирургическую академию, еще более ограничить прием в университеты, закрыть Высшие женские курсы. Кто-то, уж совсем вне себя, предлагал объявить Петербург на военном положении. Забежавший на одно из заседаний, 15 марта 1879 года, — по прежней должности — граф Шувалов, разошелся до предоставления полиции

права надзора за всеми городскими жителями — безапелляционного, по собственному усмотрению, а подозрительных — всех разом выслать. Тут воспротивился даже генерал Дрентельн, преемник убитого Мезенцева, только что сам переживший покушение. Произвол составляет и теперь предмет неудовольствия многих, если же ввести подобный надзор, правительство вообще лишится всякой нравственной опоры в обществе. Милютин зывал к разуму, Валуев чаще отмалчивался, пользуясь правом и обязанностью председателя выслушивать мнения других членов.

Валуев и Милютин старались, чтобы из всего набора репрессивных мер были бы введены лишь не противоречащие закону: усиление сыскной полиции и судопроизводство по вооруженным нападениям в рамках военных судов. Но полностью удержать императора в пределах закона им не удалось: указ Александра II, принятый им еще в начальную пору террора, в августе 1878 года, кроме военных судов предусматривал право полиции и жандармерии арестованных за участие в беспорядках высылать в Восточную Сибирь без суда.

«Комитет общественного спасения», как его именовал Петр Александрович, ничего не мог предложить, кроме ряда известных общих мест, и, однажды, после выстрелов Соловьева, Валуев не выдержал классической маски. Ничего не удастся добиться узкими и жалкими мерами. Необходимо понять, что, с одной стороны, надо пойти навстречу «природно-охранительному элементу в государстве» (имелось в виду дворянство в центре и на окраинах), с другой стороны, красной пропаганде надо противопоставить широкое разъяснение обществу целей и видов правительства. Надо призвать на помощь общественные силы. Только таким путем можно положить предел растлевающему влиянию разрушительных учений в среде молодого поколения. Ни один печатный орган не поддерживает правительство открыто и планомерно, де-

лает это только журнал «Отголоски»². Прежде всего, необходимо расширить деятельность в этом направлении. Что касается репрессивных мер, то вместо глупых действий, раздражающих даже благоразумных и лояльных, следует укрепить власть, раздробленную между многими учреждениями, и сосредоточить ее в руках губернаторов. Реорганизовать полицию, устранить многоначалие, подчинить пригородную полицию полицмейстеру Петербурга.

Речь долго молчавшего председателя произвела должное впечатление. Предложения были внесены в журнал совещания, журнал передан в Комитет министров и «...целый ряд таких комиссий, в которых я по воле покойного государя председательствовал, исполняли без задержки поручения, — вспоминал позднее Петр Александрович. — Но как скоро дело выходило из моих рук, оно мертвело или убивалось»³.

Да не подумает читатель, что наш герой превозносит себя нескромно, а других охаивает напрасно. Вот свидетельство человека, относящегося к Валуеву без всякого пиетета, а подчас и весьма скептически — Дмитрия Алексеевича Милютина. Позиция Милютина шире позиции Валуева, но их оценки обстановки и правительственных лиц вполне совпадают.

«Нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений — все отжило свой век, все должно было бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 60-х годах. К крайнему прискорбию, такая работа не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городских. Высшее правительство запугано дерзкими выходками социалистической пропаганды и думает только об охранительных, полицейских мерах,

вместо того чтобы действовать против самого корня зла. Появилась зараза — и правительство устраивает карантинное оцепление, не предпринимая ничего для лечения болезни... *Я убежден, что теперешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже и понять ее*⁴

Как ни «стояли на страже» ретрограды вроде Палена, Тимашева, Толстого и придворной челяди, государь понимал, что одними штыками и шпионами не обойтись. Они, конечно, нужны, но, наверно, действительно необходимо привлечь общество к активной поддержке престола. Не пригодятся ли старые идеи Валуева или великого князя Константина о введении в Государственный Совет «сведущих людей» с мест? Что-то такое проектировал в 1866 году князь Урусов? Надо сообразить — его величество любил это выражение. И Александр Николаевич заговаривает об этих соображениях с Валуевым. Петр Александрович, вообще в последнее время легко срывающийся, — недавно буквально опрокинулся, как отметил Милютин, на министра финансов Грейга, заявившего, что на усиление полиции денег нет — Петр Александрович не пожалел черной краски, чтобы охарактеризовать нынешний состав Госсовета. Император не защищал старцев Совета, и Валуев в нескольких словах напомнил свои предложения 63-го года. Государь сказал, что, быть может, следует вернуться к ним, надо подумать. Сердце нашего героя взвыло. Правда, стоял июль, воспоминание об апрельской стрельбе Соловьева поблекло на фоне солнца и голубого неба, Александр Николаевич собирался в Ливадию, Петр Александрович — в Баден-Баден, и разговор пока не получил продолжения⁵.

Но взрыв под Москвой подбросил не только свитский поезд; сброшенной под откос оказалась и надежда, что террор удастся остановить прежними способами. Через 5 дней после московского происшествия, 24 ноября, Ми-

лютин и Валуев долго обсуждают политическое положение в стране, разговаривают откровенно и дружелюбно. Петр Александрович, между прочим, рассказывает, что за 5 лет, что он не был за границей, отношение там к России заметно переменялось. Общественное мнение уже не считает, как прежде, что российское правительство ведет страну по пути прогресса. Государственные и деловые люди настороженно поглядывают на Россию, чему немало содействовали воинственные клики московской прессы. Мнение немцев о панславянских идеях Дмитрия Алексеевича не очень заинтересовало, хотя он и сам относился к ним без восторга, а некоторых коноводов, вроде Фадеева или некого Пороховщикова, проникшего к царю от имени московского славянского комитета, считал откровенными жуликами. Но в ответ на слова о падении реформаторского престижа русских властей печально покачал головой.

Собеседники стояли у окна кабинета в доме министра государственных имуществ. Окна выходили на Исаакиевскую площадь; крупными хлопьями падал снег. Фигура императора Николая, подсвеченная фонарями, чуть виднелась в зимней вечерней мгле. Когда этот человек был жив, страна была похожа на казарму. Потом выяснилось, что стены ее — глиняные, и казарма стояла только потому, что была охвачена железной цепью. Когда же цепь распалась, стены рухнули. Если раньше жители не смели и пошевелить пальцем, то теперь одни стали здраво и осмысленно строить свой дом, другие принялись суетливо бегать, стараясь сломать то, что еще осталось стоять. Тех и других было немного, огромная, пока еще молчаливая масса тяжело шевелилась где-то там, в темной глубине. Те, кто управлял страной — на всех уровнях, — тоже делились на две группы. Тех, кто понимал, что вокруг теперь совсем другой мир и его не втиснешь в прежние тесноты, было куда меньше, чем тех, кто был уверен, что сто-

ит натянуть вожжи и народ падет к ногам императорского коня. Либеральное меньшинство вовсе не собиралось отринуть всадника. Они хотели ссадить его с седла и идти вместе с ним. Но чтобы защитить пешего императора от угроз разрушителей, а в будущем, если понадобится, остудить неведомое большинство, надо привлечь на свою сторону тех, кто хочет строить. Вот этого не понимали и не принимали реакционеры. Никаких поблажек, должна свистеть нагайка.

Валуев заговорил о своем давнем проекте. Разумеется, кое-что нужно подновить, прошло уже 18 лет, но общая идея не потеряла ценности. И Дмитрий Алексеевич отнесся к его словам вполне сочувственно. Петр Александрович решил, что подобно тому, как в деле военной реформы он поддержал своего коллегу, теперь он найдет у него поддержку своих планов⁶.

14 декабря Валуев «с жаром и резко» говорит царю о нетерпимости нынешнего положения, о пассивности общества, которое не может себя найти, о способах включения этого общества в совместную работу. И снова, как тогда, 17 лет назад, получает Петр Александрович согласие принять записку о Госсовете, повторить записку 63-го года. Однако успех омрачен легкой тенью: присутствующий на докладе цесаревич неодобрительно молчит. Валуев снова убеждается в элементарной истине: без союзников никакой проект осуществиться не может. Правда, еще весной, после соловьевского покушения, когда Валуев решил, что настало время возобновить прежние попытки, в поисках сочувствующих он послал свою записку и записку Урусова Александру Аггеевичу Абазе, председателю департамента Госсовета и, между прочим, зятю Николая Милютин. Но влияние Абазы не идет ни в какое сравнение с авторитетом военного министра. Милютин был бы лучшим компатриотом, он пользуется большим доверием у государя, но, к несчастью, нельзя быть до конца уверенным, что военный министр напрямую поддержит проект.

Оказалось еще хуже. 3 декабря — т. е. после беседы с Милютиным и до разговора с государем — в перерыве заседания Госсовета Валуев снова говорил с Милютиным «по поводу своих любимых мыслей», но на этот раз Дмитрий Алексеевич был не то что прохладен, а просто невозможен. Быть может потому, что случившийся тут великий князь Константин Николаевич со свойственной ему невоспитанностью вмешался в их разговор? Быть может, атака, прежде всего, была направлена против него, а не против идеи, как таковой? Но нет, уж слишком запальчиво принялся доказывать Милютин, что «при нынешнем всеобщем неудовольствии» предлагаемое введение в Госсовет совещательных членов будет мерой фиктивной. «Что они будут делать, когда все заботы высшего правительства направлены к усилению мер строгости, когда администрации предоставлен полный произвол», и прочее, и прочее. Петр Александрович обескуражен, он пытается переубедить Милютина, говорит, что его суждения отрицают самую возможность призыва общества к сотрудничеству, пренебрегают истинными потребностями минуты, что введение в Госсовет представителей земств и городов — отнюдь не пустая мера. Он еще раз пробует поговорить с Милютиным на заседании Комитета министров 18 декабря. Но по поводу совсем другого вопроса опять произошло резкое столкновение с великим князем, и разговор был снова скомкан⁷.

Эмоциональный взрыв Милютина легко понять. Всем здравомыслящим людям ясно, что переход к тем или иным конституционным формам необходим, сколько же можно играть в кошки-мышки? Душа устала видеть, как человек и государь, заслуживающий самого глубокого уважения, постоянно подвергается ожесточенной, несправедливой критике — упрекам в предательстве интересов дворянства или, наоборот, в скудости реформ, а так называемое общество следит за охотой на царя с интересом зрителей цирка. Отвратительно наблюдать, как

боевые генералы, вроде Тотлебена и Гурко, назначенные генерал-губернаторами, высылают в Сибирь целыми вагонами «подозрительных», а мелкие бесы, у которых в головах нет ничего, «кроме планов всеобщего разрушения, гордящиеся тем, что отказываются от выработки будущих жизненных условий»⁸, держат в напряжении правительство великой державы. Может ли в такой катастрофической ситуации помочь куцый проект?

Дмитрий Алексеевич прав и не прав. Разумеется, и Валуев понимал, что скованные со всех сторон представители общественных сил не сумеют немедленно и прямо повлиять на организацию власти. Но это был единственный, возможный в данных условиях шаг в сторону прогресса, который мог подготовить страну к конституционным началам.

И тут Валуев совершает довольно необычный жест. Через неделю после приема у императора 14 декабря Петр Александрович получает новое назначение (последнее). Он становится председателем Комитета министров. В этот же день Милютин находит у себя визитную карточку нового председателя Комитета с припиской: «Приезжал просить благосклонного расположения Вашего Сиятельства». (Милютин — уже граф. 30 августа 1878 года, в знак оценки мужества и решительности Милютина, предотвратившего ужас возможного позорного отступления после трагедии под Плевной, Дмитрий Алексеевич был возведен в графское достоинство.) Однако смысла этого шага Валуева Милютин не понял. Почему-то он решил, что «это иносказательное извещение о новом назначении»⁹.

В январе события ускоряются. Великий князь все-таки добивается, чтобы его записку 1866 года о преобразовании Госсовета вызвали из небытия: государь сам читает ее Валуеву. Чтение сопровождается крайне недоброжелательными замечаниями цесаревича, объявившего, под конец, все это «столичными бреднями». (Если Валуева

наследник, скажем так, не очень принимал, но соблюдал по отношению к нему внешние приличия, то своего дядю терпеть не мог и этого не скрывал.)

Узнав об этой сцене, генерал-адмирал великий князь приглашает к себе Петра Александровича, просит рассказать подробности, явно ищет союза. Валуев уклоняется. Мало того, что такой союзник, кроме вреда не принесет ничего, но и по личным отношениям Валуев не хочет иметь никакой связи с Константином Николаевичем. В тон Милютину он заявляет, что не так уж важно предоставить участие в обсуждении законов «выбранным из губерний лицам», все равно их участие будет только совещательным; важен принцип: если реформировать Госсовет, то в нем должны быть представлены не одни великорусские области, но и окраины, «не должно быть никаких племенных исключений и ограничений». Должны главенствовать «не гостинодворские начала, а начала всероссийской империи». Конечно, Петр Александрович немного кривил душой, на самом деле для того, чтобы ввести в Госсовет представителей всей империи, надо сначала добиться решения о преобразовании Госсовета, но в данный момент Валуев хотел отмежеваться от проекта великого князя Константина любым способом.

Через четыре дня — новое совещание у государя. Его высочество подробно излагает свои предложения. Угадывая настроение царственных отца и сына — император хотя и сам возбудил прения о представительстве «сведущих людей», но в глубине души не хотел этого — присутствующие Дрентельн, Урусов, Маков (сменивший Тимашева на посту министра внутренних дел) выражают совершенное «несочувствие». Понимая, что приступ в очередной раз потерпел поражение, радуясь, что это именно генерал-адмирала вынесли на шите, Валуев, разумеется, поддерживать его идеи не стал, отделавшись незначащими фразами. «Мне выгоднее для будущего отступить, чем быть побитому». Но с Урусовым и Маковым надо объясниться,

они еще пригодятся, они могут быть единомышленниками. Урусов и сам ведь был не чужд подобных мыслей, а Маков — Маков, правитель канцелярии Валуева в бытность его министром внутренних дел, кажется, всегда разделял взгляды шефа. Возвратясь домой, Петр Александрович тотчас пишет Урусову и Макову, что считает «дело проигранным, потому что между нами нет единодушия, во-вторых, потому, что оно попало в руки генерал-адмирала». Адресаты должны были понять, что их призывают объединиться для будущих битв, но без участия великого князя. На другое утро Валуев почти те же слова об отсутствии единомыслия повторяет самому Константину Николаевичу, добавляя, что считает все соображения относительно Госсовета «неосуществимыми в настоящее время, и потому от дальнейшего настояния или даже обсуждения их отказывается». Но заключительную фразу Петр Александрович доверил только дневнику: «Он [великий князь] мне вообще невыносим»¹⁰.

Петр Александрович относился к великому князю ничуть не лучше, чем собственный его высочества племянник. Характер у царского брата был действительно весьма неприятный, разговаривал он с людьми подчас резко и высокомерно и многих этим отталкивал. Его демократическая складка, явная нелюбовь к дворянам-землевладельцам также раздражала дворянское общество. В качестве председателя комитета об устройстве сельского хозяйства Константин Николаевич неоднократно приводил в бешенство нашего героя попытками навязать ему свои решения, а уж соперничество на поле почти одинаковых идей еще более разжигало взаимное отторжение.

Валуев был убежден, что забежавший вперед генерал-адмирал только испортил дело. Предложения великого князя уже, а крайняя неприязнь, которую к нему испытывает наследник-цесаревич, а ргіогі делают невозможным продвижение вопроса о Госсовете.

И Валуев снова останавливается на полпути.

Но генерал-адмирал не успокоился. Он составляет новую записку. Все в ней построено умно и убедительно: и ссылка на существующие законы о праве дворянства, земских собраний и городских дум заявлять о своих нуждах, о праве Государственного Совета приглашать лиц, «от коих, по существу дела, можно ожидать полезных объяснений» (что и делается временами, и, следовательно, речь идет о том, чтобы придать этой мере постоянный, систематический характер), и возражения критикам проекта, и некоторые шаги навстречу цесаревичу, который на совещании у государя в сердцах бросил, что «призванные представители будут крикуны из адвокатского сословия», и подробное изложение всех деталей проекта, ограждающих самодержавие от каких-либо попыток покуситься хоть на толику власти, и серьезные примеры «неудовлетворительных узаконений, не соображенных предварительно с практической стороны, не проверенных с точки зрения потребностей местных». Но, пожалуй, опрометчиво было писать, представляя пример удачного закона, что «городское положение 1870 года, предварительно соображенное при участии довольно значительного числа лиц, вызванных из разных местностей империи, и исправленное по их указаниям, вышло во многих отношениях несравненно совершеннее положения о земских учреждениях». Хулить один из законодательных актов, составляющих — по тут же сказанным словам — «славу нынешнего царствования», было в высшей степени неполитично. Но уж очень хотелось уязвить Валуева. Ревность, зависть к тому, что планы министра, по крайней мере, выслушиваются, а предложения его высочества государя-брата отвергаются с порога, оказались сильнее тактических надобностей.

Проект, пишет далее его автор, «не может представить ни малейшей опасности для правительства» — в этом направлении генерал-адмирал идет значительно дальше близкого советника царя. По плану Валуева представите-

ли с мест избираются на три года, по плану великого князя — каждый раз на ограниченный срок для обсуждения конкретного вопроса. По плану Валуева совещательное собрание всегда созывается в полном составе, по плану великого князя — можно призывать не всех гласных, а только «от тех губерний или городов, которые будут означены в высочайшем указе о составе совещательного собрания». Указом определяются дела, подлежащие обсуждению совещательного собрания; валуевский же проект с самого начала устанавливал обязательный круг вопросов, рассматриваемых гласными. Валуевский проект предусматривал приглашение в заседания Госсовета 14 гласных, «константиновский» — только докладчика по обсуждаемому делу и лишь «в случае надобности», много-много нескольких человек, «которые принимали наиболее деятельное участие в предварительном рассмотрении». Такая система участия «сведущих людей» лишает их заседания, особенно первые заседания, «всякой торжественности, не придает им значения политического», которое может быть истолковано как преддверие конституционного правления. «Принося, таким образом, значительную в практическом отношении пользу, она [система] имела бы при этом то весьма важное преимущество, что не обещала бы обществу слишком многого»¹¹. Уж, кажется, сказано все, что можно придумать в подтверждение слов Милютина о полной никчемности проектируемого совещательного собрания.

Но ничего не помогло. Государь не ответил на записку великого князя и как будто забыл обо всем этом.

Хотя дерзкая наглость террористов стала почти привычной, взрыв царской столовой в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года прозвучал оглушающе. Получалось, что ни полиция, ни III отделение, ни непосредственная охрана императорской семьи не в состоянии справиться с кучкой разрушителей. На совещании, экстренно созванном госу-

ларем, царила нервозность. После покушения Соловьева в дополнение к генерал-губернаторствам Москвы, Киева и Варшавы были назначены временные генерал-губернаторы в Петербург, Харьков и Одессу. Теперь одни защищали эту систему, другие предлагали ее ликвидировать — она, как видно, ничего не дала. Множество подозрительных личностей прячется по глухим петербургским переулкам, скрывается в подвалах — что делают полиция и петербургский генерал-губернатор? Десятки килограммов динамита безвозбранно пронесены в Зимний дворец — отчего такой беспорядок во дворце? Не слишком ли беспечен министр двора Адлерберг, личный друг царя?¹²

Милютин:

— Бессилие полиции — следствие слабости ее низших звеньев; ни в тайной, ни в явной полиции нет способных и надежных агентов.

— Два года я настаиваю на увеличении средств, расходуемых на полицию, — подхватывает Валуев, — а министр финансов твердит, что в казне нет денег.

Вспомнив, как на одном из заседаний Петр Александрович буквально «опрокинулся» на Грейга, Милютин согласно кивает.

— Генерал-губернаторы наделены экстраординарными полномочиями, это верно, — продолжал Валуев, — но сосредоточение власти сейчас необходимо в силу чрезвычайности ситуации. Но, прежде всего, нам следует призвать на помощь все здоровые силы общества, и для того чтобы они могли проявить себя, им следует предоставить трибуну.

Последние слова повисли в воздухе, их словно никто не услышал.

Наследник-цесаревич следил за прениями с презрительной миной. Когда же государь обратился к нему, то, немного помедлив и глядя в упор на Петра Александровича, сказал:

— Следует учредить особую следственную комис-

сию, наподобие комиссии Муравьева, которая призывалась расследовать преступление Каракозова в 1866 году, но с «экстралегальными» правами.

Предложение прозвучало полной неожиданностью, и поэтому, как это часто случается, все высказались против него. Петр Александрович возражал, как полагается, почтительно, но достаточно определенно:

— Учреждение подобной комиссии, наделенной практически диктаторскими полномочиями, было бы равносильно упразднению всех властей.

Он хотел что-то еще добавить, но то, что кипело и рвалось из груди, нельзя было произнести вслух.

Император не очень твердо, но тоже отклонил мысль Александра-сына и торопливо закрыл заседание; никакого решения не было принято¹³.

Отчего же наш герой, горячий сторонник усиления губернаторской власти в 1866 году, после первого покушения на императора, интерпретатор и разработчик царской идеи 1879 года, отдавшей Россию шести генерал-губернаторам на суд и расправу, и продолжающий считать, что эта мера необходима, отчего этот человек так вознегодовал против концентрации власти в руках одного диктатора?

Попробуем представить себе ход мыслей Петра Александровича.

Следственная комиссия по типу муравьевской? Но все помнят, что Муравьев занимался не столько революционной группой Ишутина, сколько степенью благонадежности студентов и профессоров, газет и журналов. Появление на политической сцене такого рода комиссии теперь, в обстановке куда более ожесточенной, чем в 1866 году, да еще с «экстралегальными» правами, под которыми можно понимать все, что угодно, приведет к созданию в стране обстановки белого террора, особенно, если комиссию возглавит Трепов. (Петр Александрович в первый момент решил, что вообще вся затея принадлежит скан-

дально известному бывшему петербургскому градоначальнику, находившемуся в это время не у дел.) Правительство и общество будут окончательно разведены по разным сторонам баррикады. Но если и будут действия комиссии умеренными, все равно экстраординарная власть неизбежно внесет сумятицу в систему управления, которой и так достаточно. Комиссия подомнет под себя все ведомства, станет наравне с царем, можно ли ожидать от этого добра при нынешнем всеобщем недовольстве административным засильем? Возмущаются учреждением генерал-губернаторств, обвиняют их в узурпации власти. Есть тут, конечно, доля правды, но ведь их шесть, и нет в их руках такого сосредоточения прерогатив, какое, можно предположить, собираются вручить особой следственной комиссии. И, наконец, если правительство сделает поиск врагов отечества стержнем государственной деятельности, это создаст невыносимую атмосферу, и о каких-либо попытках привлечения общества к совместной с правительством работе можно будет забыть окончательно.

Такой могла выглядеть цепочка логических построений. Но присутствовал и эмоциональный уровень. Уже давно все, что исходило от цесаревича, возбуждало у Валуева заведомую настороженность, если не более. Петр Александрович чувствовал неприязненное к себе отношение, что же касается высказываний и предложений наследника, то они не оставляли сомнения в крайнем консерватизме их автора.

Однако на другой день, 9 февраля, вновь призванные к государю Валуев, Дрентельн, Маков и Набоков (министр юстиции, сменивший Палена с конца 1878 года) услышали, что император полностью согласился с предложением наследника. Более того, уже выбран председатель комиссии — генерал-адъютант граф Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, вот он, перед вами. Ошеломленные министры молчали. Нашелся только Валуев. «Хотя я вчера выражал свое мнение против меры, сегодня решен-

ной Вашим Величеством, но теперь, увидев, что выбор выпал на такое лицо, как граф Михаил Таризлович, вполне сочувствую такому решению», — сказал Петр Александрович, любезно кланяясь в сторону Лориса¹⁴.

Мой куртуазный герой был абсолютно искренен. Фигура Лорис-Меликова снимала все страхи.

До последнего дня Лорис-Меликов находился на посту харьковского генерал-губернатора и проявил там себя весьма необычайно. Не занимался репрессиями, административными высылками, всякого рода преследованиями. Он добился сотрудничества с широким слоем «цивилизованного» общества, сумел привлечь многих к конструктивной деятельности, показал, что и с представителями высшей иерархии можно найти общий язык. Характеристично, как любил говорить Валуев, что с момента появления Лорис-Меликова в Харькове там прекратились террористические акты. Исчезла индифферентность публики, и ее несочувствие к насилию таинственным образом выбило почву из-под ног террористов. (По крайней мере, такой вывод напрашивался.) Эти удивительные результаты были, конечно, хорошо известны Валуеву.

Симпатии и ориентиры Валуева понятны, но чем приворожил харьковский генерал-губернатор наследника престола, чем запорошил глаза? Воинскими подвигами, военной костью, которой все Романовы отдавали предпочтение?

Было тут одно реальное обстоятельство. В ноябре 1879 года, в бытность Лорис-Меликова харьковским генерал-губернатором, был схвачен участник нескольких покушений на императора и убийца губернатора Кропоткина — Гольденберг. От арестованного удалось получить откровенные показания, открывшие как имена заговорщиков, так и их цели. Естественно, эта заслуга была приписана появлению в Харькове Лорис-Меликова.

Возможно, возможно, но, скорее всего, просто его ве-

личество Случай повернулся лицом к тому, кто этого заслужил.

Чем же конкретно займется комиссия Лорис-Меликова? Каким будет круг ее действий? Кто наметит план?

Разумеется, Валуев. Император уже привык поручать ему разработку «основных очертаний» самых разных вопросов, хотя могло показаться, что вовремя сказанная Петром Александровичем «ласковость» подсказала это решение.

Мысль государя сводилась к весьма узким темам и проблемам; соображения, по существу, пока не шли дальше концентрации в руках некоего высшего органа следовательской и исполнительской работы по делам государственной охраны. Поэтому Валуев вначале и подумал о Трепове. Но чем больше размышлял Петр Александрович, тем тверже он приходил к мысли, что все, что он знает о Лорис-Меликове, подсказывает, что он достоин более высоких задач. И представленный Валуевым проект развивал, наряду с охранительными мерами, идею широкого привлечения общественных сил. Правда, никаких конкретных предложений Валуев не делал, это представлялось умению генерала, да и диктовать тут было невозможно¹⁵.

Указ 12 февраля объявлял о создании Верховной распорядительной комиссии, о назначении ее главного начальника, которому вручалась «вся полнота власти в делах, касающихся охранения государственного порядка и общественного спокойствия». Его распоряжения подлежали «безусловному исполнению всеми и каждым».

Какому чуду обязан Лорис-Меликов своим стремительным возвышением? Своим способностям, уму и... счастливой звездой.

Как многие дети инородцев знатного происхождения, он обучался в петербургском юнкерском кавалерий-

ском училище; вернувшись на Кавказ, служил адъютантом наместника М.С. Воронцова, к началу русско-турецкой войны командовал отдельным кавказским корпусом и приобрел всероссийскую известность военными успехами: взятием хорошо укрепленных знаменитых турецких крепостей — Карса, Баязета и Ардагана. Новая, иная слава, слава совсем другого рода, слава честного человека, столь редкая в кругах администрации, пришла к нему с неожиданной стороны. Пристрастие русских самодержцев поручать любые должности военным на сей раз сослужило отечеству добрую службу. Боевой генерал назначается временным генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями в Царицын, в связи с вспыхнувшей в крае эпидемией чумы. Лорис-Меликов энергичными мерами, особенно улучшением санитарной части и установлением четверного карантинного заграждения, в короткий срок ликвидировал опасность. Но не это поразило современников. На борьбу с чумой генералу было отпущено 4 млн рублей. Мало того, что он израсходовал только 300 тысяч, все оставшиеся деньги он до копейки вернул в казну, да еще представил рапорт о прекращении своего генерал-губернаторства! Такого, наверно, не происходило со времен Гостомысла.

Окончание царицынского эпизода совпало с избранием новых генерал-губернаторов. Одним из них становится Лорис-Меликов.

Его внезапное появление в Петербурге после всего лишь девятимесячного пребывания в Харькове — очередное волшебное перемещение. Предлагая 8 февраля учредить особую комиссию, имел ли цесаревич в виду Лориса? Видимо, да, иначе невозможно объяснить, каким образом через два дня граф Михаил Тариэлович был представлен в Зимнем дворце потрясенным министрам. Но как он перелетел в Петербург, если император об этом не знал?

Не станем гадать; разгадка была, скорее всего, проза-

ической: Лорис мог, например, приехать в Петербург по делам харьковской службы. Важно другое: выдвигая Лорис-Меликова, наследник, очевидно, опирался только на сопутствующий генералу успех в любом деле; о его убеждениях он, кажется, не имел ни малейшего представления.

Лорис-Меликов начал действовать по всем направлениям сразу.

Прежде всего навел порядок в охране самого государя и царских дворцов; празднующийся люд лишился практически свободного доступа в императорские резиденции. Пришла пора полиции сосредоточиться на агентурной и сыскной работе, а не разгонять студенческие сходки, что намного проще. И стали появляться плоды: в сети следствия попали настоящие преступники, а не витийствующие нигилисты. Создавалось впечатление, что Лорис вплотную приближается к разгрому террористической организации. Жандармы шли за террористами по пятам, хотя благодаря своеобразному таланту и профессионализму заговорщики держались на «полкорпуса» впереди. До самого убийства Александра II им удавалось сохранять дистанцию, хотя она сокращалась с каждым днем. Еще встречались осечки «органов»... В начале февраля 1881 года полиция получает сведения, что магазин сыров на Малой Садовой вызывает подозрения. (Из его задней комнаты велся подкоп под улицу — по ней пролегал один из маршрутов императора.) Но «землекопам» повезло. Дело было поручено военному инженеру генерал-майору Мравинскому, который почему-то решил вместо обыска изобразить санитарную проверку и, небрежно осмотрев помещение, прошел мимо всех улик. Однако в целом успехи, казалось, не вызывали сомнения. Удалось выследить некоторых террористов, названных Гольденбергом. Были арестованы полицейский чиновник Клеточников, который снабжал революционеров

важной информацией, Александр Михайлов, член исполкома «Народной воли», завербован один из участников «Народной воли» Окладский, наконец, 27 февраля, за два дня до седьмого, смертельного покушения, были схвачены Желябов и Тригони... Торопились власти, спешили злоумышленники. Случай оказался на их стороне. Окажись в распоряжении Лорис-Меликова немного больше времени, быть может, сложилась бы история России иначе...

Демонстрируя жесткость в борьбе с террором, приказывая ускорить следствие и суд, Лорис-Меликов одновременно требует объективного разбирательства, прекращения неоправданных преследований и наказаний. Сама Верховная комиссия пересмотрела целый ряд дел поднадзорных и подследственных, обнаружила множество нелепостей: массу ни на чем не основанных приговоров и тьму упущенных преступников.

Среди противников насилия, с какой бы стороны это насилие ни исходило, известие о столь необычной для диктатора деятельности произвело сильный эффект. К тому же показалось, что и террористы замерли: террористические акты прекратились. (На самом деле была совершена еще одна попытка, но взрыв сорвался.) Но надежды образованной публики, особенно либеральной интеллигенции, возбуждало, главным образом, другое направление деятельности Лорис-Меликова, помимо борьбы с террором: стремление наладить диалог с широким кругом земских и городских деятелей, пойти навстречу их желаниям. В первом обращении к жителям Петербурга, заявляя, что он не допустит «ни малейшего послабления и не остановится ни перед какими строгими мерами для наказания преступных действий, позорящих наше общество», начальник Верховной комиссии обещал «оградить законные интересы здравомыслящей части общества. На поддержку общества смотрю, как на главную силу, — продолжал он, — вместе с которой наде-

юсь возобновить нормальное течение государственной жизни». Первым его поступком стала ликвидация одиозного учреждения и отстранение ненавистного человека. В середине апреля III отделение было расформировано, а министр просвещения и обер-прокурор Синода Дмитрий Толстой уволен от всех должностей¹⁶. В первом докладе Лориса императору звучат слова, которые не раз звучали из уст Валуева, и поэтому своим повтором не могли не произвести серьезного впечатления. «Правительство в эпоху, переживаемую ныне Россией, должно уяснить себе разнородные явления и их связь между собой». Потребности всех слоев населения возросли, решение же насущных вопросов в застое — администрация должна более внимательно к ним относиться; земство и городское самоуправление страдают «от отсутствия оживляющей правительственной поддержки».

Умный человек во всем смысле этого слова, Лорис-Меликов не мог излить на самодержца всю истину, он сильно смягчал картину. А она была очень тяжелой. Бюрократия совершенно не справлялась с нахлынувшим потоком дел, однако ничего не отдавала выборным органам, с которыми вступала в непрерывные распри; при этом все действовали вразнобой. Полицейский произвол и грубость, почти не достигая цели, возбуждали лишь раздражение и отторжение. Последствия недавней войны еще не изжиты, ценность рубля падала, стоимость продуктов питания возрастала. Значение дворянства как сословия исчезало, и оно еще не умело с этим смириться, крестьянство чувствовало себя обделенным, к тому же в этом году страну поразил особенно страшный недород. Недовольны все, и все ждут перемен.

И «бархатный диктатор» попытался стать вровень с запросами эпохи.

К осени 1880 года вызрела еще одна идея. Мы плохо знаем жизнь народа, и трудности этой жизни представля-

ем себе лишь в общих чертах. Если в столицах господствует чиновничий произвол, то в отдалении от центра чиновничество просто резвится нагишом. Следует вспомнить старые добрые времена и послать в провинции сенаторские ревизии. Были назначены четыре авторитетных сенатора — Ковалевский, Мордвинов, Половцев и Шамшин — и снабженные подробнейшими инструкциями они разъехались по распределенным между ними 10-ти губерниям.

Сенаторские ревизии обнаружили массу случаев самого бессовестного поведения и отношения к делу администраторов всех рангов — мы увидим далее, как это косвенно отразилось на судьбе нашего героя. Комиссии работали много месяцев, окончательные итоги были подведены только к весне-лету 1881 года, но тревожные сведения об экономическом положении населения появились скоро. Сенаторы констатировали «упадок народного благосостояния и общественной нравственности», они обнаружили «недостатки местных по крестьянским делам учреждений и, в частности, общественного крестьянского самоуправления», они зафиксировали «тяжесть подушной подати», они наблюдали нечеловеческие условия существования «ремесленного, фабричного и заводского» люда, они говорили о необходимости переселений. Давайте вспомним, читатель, не содержалось ли почти все это в заключениях валуевской комиссии 1873—1874 годов «для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России»?

Валуев собирался разрешить эти задачи регулированием сверху, из центра, допуская совещательное участие представителей общественности только в Госсовете. Разница во власти, которой обладал Лорис-Меликов по сравнению с Валуевым, и, пожалуй, меньшая склонность к бюрократическим формам позволили «диктатору сердца» составить куда более широкую диспозицию.

Но вернемся к началу «года Лорис-Меликова». Благожелательное отношение Петра Александровича к Михаилу Таризеловичу довольно быстро сменилось раздражением. Мой герой, кажется, ожидал, что «провинциальный» генерал, не знакомый с государственной деятельностью, не имеющий связей ни в высшем свете, ни в чиновном мире, будет советоваться с ним, как с человеком опытным во всех отношениях. Однако Лорис не выделял Валуева из среды других министров. Это вызывало удивленную досаду, но важнейшим раздражителем было другое обстоятельство. «Полудиктатор», как его быстро окрестил Валуев, черпал шире и глубже, чем считал возможным старый министр. И что бы начальник Верховной комиссии ни предлагал, все вызывало ворчание. Вот один из примеров.

До разработки будущих законов, одну меру, можно сказать, всенародного значения, Лорис-Меликов успел провести еще в конце 1880 года — отмену соляного акциза. Валуев крайне отрицательно отнесся к этой акции. Причина? Да нет ясных причин. Налог с соли давал не так уж много — 5% бюджетного дохода, но касался продукта крайне важного для жизни и был особенно тяжел для неимущих, ведь его платили от числа душ. Как вспомнит читатель, еще двадцать лет тому назад Петр Александрович читал письмо рассудительного анонимного автора, который, среди других промахов власти, особенно отмечал возвышение соляного налога; с тех пор Валуев не раз встречался с подобным суждением и не мог не соглашаться с резонами.

Уже через 4 дня после назначения Лориса Валуев язвит и сердится: «граф Лорис-Меликов видит себя преобразователем, [но наши] точки отправления, цели — все различно». Лорис в Комитете министров говорит, что прерогативы земства следует расширить, это принесет пользу делу и увеличит доверие общества к власти — Валуев злится: «Лорис-Меликов начинает болеть пошибом земских дея-

телей». На следующем заседании Комитета Лорис-Меликов конкретизирует свое предложение: строительство железных дорог (в 70—80-е годы железнодорожное строительство было важнейшим направлением хозяйственной деятельности правительства) надо вести с учетом мнения земств. Отклоняя «рассудительные ходатайства земств», Комитет министров совершает ошибку. Председатель Комитета министров Валуев увидел в этом заявлении обвинение в некомпетентности и встал на защиту «достоинства и прерогатив правительства».

Диалог очень характерен. Он возвращает нас к основной политической позиции Петра Александровича. Речь о ней уже была, но эта позиция мировоззренческая, определявшая направление правительственной деятельности Валуева на протяжении 20 лет, и на ней следует остановиться еще раз — это позволит лучше понять нашего героя.

Петр Александрович по множеству вопросов российской жизни стоял на либеральных позициях и отстаивал необходимость «послаблений» — будь то дела крестьянские, частно-предпринимательские, раскольничьи, польские, курляндские, иноверческие. Считал, что в местных хозяйственных делах земствам и городским думам должна принадлежать руководящая роль. Боролся — как лев — за привлечение «лучших людей» к работе высших государственных органов. Но ни в коем случае не соглашался передать в руки общества хоть долю инициативы в вопросах, выходящих за рамки местных нужд. Там, где наличествуют государственные интересы, там прерогативы правительства неоспоримы, мало этого, там недопустимо никакое постороннее вмешательство. Поэтому же побудительный характер деятельности гласных в государственных органах, когда они будут туда призваны, не может быть дозволен. Общественные деятели могут быть полезны в качестве экспертов *только* — их *совещательное* участие необходимо, но и достаточно.

Собственно, разговор Лорис-Меликова о земствах и новых железнодорожных ветках не выходил из этого круга. Но сказано было в неприемлемых для Валуева выражениях. Не следует, мол, начинать строительство, не спросив мнения земств. Это что же, нам, правительству, которому, безусловно, виднее, какие хозяйственные узлы требуют первоочередной связи, чьи инженеры-проектировщики обладают всеми необходимыми знаниями, будут указывать, выносить вперед собственные выгоды, не сообразуясь с государственными нуждами? Да от разных земств будут поступать разноречивые требования, и мы погрузимся в пучину интриг! Читатель согласится, что такая постановка вопроса делает Валуева не совсем уж неправым. Но будет правдой и утверждение, что Петр Александрович нарочито заострил вопрос; на самом деле обе точки зрения легко объединяются — совета можно спросить, но следовать ему по необходимости; решать нужно, исходя из общегосударственных соображений, учитывая местные, поскольку возможно. И это было бы совершенно в духе валуевских представлений об участии общественных сил в управлении государством.

Запальчивость Валуева, конечно же, вызвана ревностью. Иногда он поднимается над собой и признает, что хотя упоенные пресса и общество «слишком много говорят о графе Лорис-Меликове и слишком много ему приписывают, у него много сдержанности и такта». Кстати скажем, что восторженное отношение публики к поступкам и намерениям графа Михаила Таризовича вполне объяснимо: люди устали от напряженности, разлитой в воздухе; естественно, что они устремили свои взгляды и надежды к Лорис-Меликову — в нем они увидели харизматическую личность.

Счастливым соперник мгновенно преуспел в том, в чем император отказывал Валуеву на протяжении 18 лет. Предложения Лориса значительно радикальнее, чем валуевские, но их принимают, а его попытки смягчить об-

становку — не встречают сочувствия. Можно понять Петра Александровича, его оскорбленные чувства. Вот, извольте видеть.

По представлению Особого совещания под председательством Валуева после апрельского покушения на императора Комитет министров в июле 1879 года принял две меры поддержки «охранительного элемента». Раскольники не поддаются влиянию революционной пропаганды, поэтому Комитет согласился с предложением «дать движение утвержденным еще в 1864 году облегчениям для сект, не признаваемых опасными». Так как «установлено, что и в польском католическом населении революционные учения не смогли найти для себя опоры», то Комитет согласился «приступить к отмене исключительных постановлений и правил»¹⁷ Однако ничего из намерений «дать движение» не вышло, в том числе и по вопросу о раскольниках, казалось бы, решенному 15 лет назад.

Еще один эпизод. Несмотря на установившееся в Польше спокойствие, царь считает, что с поляками, чем суровее, тем лучше. Тотлебена назначают генерал-губернатором в Варшаву, он берет себе в помощники некоего Панютина, известного только тем, что всюду, где может, вымещает на поляках позор своего отца, проворонившего, в бытность варшавским военным губернатором в 1861 году, первые выступления поляков. Валуев сказал государю, что «Панютин не возбуждает доверия, он человек слишком крутого нрава». Милютин, отнюдь не склонный потакать полякам, тоже не одобрял этого назначения — это «человек ограниченного разума, самодур, желающий подслужиться». Правда, осторожный Дмитрий Алексеевич не высказал этого вслух, он сказал это Валуеву потом. «Его величество вспылил, — записывает в дневнике Петр Александрович, — и я услышал насчет поляков все то, что говорилось о них» со времен восстания 31-го года. Да еще сказано было с гневом, и хотя обвинение в «полонизме» явно не прозвучало, но его все слышали.

Или третий случай, еще более неприятный. Откуда-то возник слух о шестистах тысячах рублей, якобы переданных Валуеву за открытие Рогожского молитвенного дома. Государю императору этот слух принес отставленный от должности обер-прокурора Синода Толстой, ненавидевший Валуева за «потворство еретикам и иноверам». И монарх говорит об том Лорис-Меликову (прямо скажем, сплетничает, ибо присовокупляет, что не верит этому), да еще повторяет слова Толстого о «нестойкости валуевского православия». Михаил Тариэлович, из лучших чувств, разумеется, сообщает об этом разговоре Валуеву. Можно представить, каково было это ему слушать.

И втайне гневаясь на высочайшего патрона, Петр Александрович персонифицирует своего антагониста в образе Главного начальника Верховной распорядительной комиссии, так что «Михаилу I» — еще одно прозвище от Валуева — достается вдвойне.

Ущемленное самолюбие берedit душу, окружающая действительность представляется еще гаже, чем раньше, сотоварищи-коллеги — еще несноснее. Слова, стекающие с пера Валуева — одно другого уничижительнее. Однако не станем торопливо осуждать нашего героя. Наблюдение человеческой природы показывает нам, что человек сильного творческого начала и не менее сильного честолюбия часто плохо переносит другую подобную личность, если сталкивается с нею на одном ристалище. Есть хрестоматийные примеры: Достоевский *contra* Толстой, Витте *contra* Столыпин, Прокофьев *contra* Шостакович, Королев *contra* Чаломей. Список можно продолжить. Конечно, некоторая ущербность тут присутствует, солнечный гений не завидует никому, но мы находимся среди обыкновенных людей. И к этой затаенной вражде мы, скорее, снисходительны, не одобряя, впрочем, того, кто бросает в бокал дар Изоры. Да ведь и я не во всем оправдываю моего героя, хоть нередко смотрю его глазами.

Согласимся также, что Петр Александрович сжигал себя самого, о подсиживаниях и интригах не было и мысли.

И растрavляют рану домашние, семейные невзгоды. Известия от сына Петра, как и сообщения о нем, — одно хуже другого. Несколько лет тому назад заболела жена — болезнь медленно подтачивает ее силы. В прошлом году Петр Александрович возил Анну Ивановну к немецким врачам, но ощутимого результата их консультации не дали.

От всех горестей так расходились нервы, что Валуев подчас чувствует, как «готов разрыдаться навзрыд». Так тягостно на душе, что даже пожалование графского титула по случаю 25-летнего восшествия на престол императора Александра II радовало недолго. А бурный успех Лорис-Меликова у государя вновь возвращает его к ощущению, что он не нужен, уйди он, никто и не вспомнит. Точат мысли о смерти, и он составляет несколько распоряжений «на случай внезапного конца»¹⁸.

Накопив опыт, собрав множество сведений, выслушав массу идей и предложений, Лорис-Меликов формулирует цели и разрабатывает метод. 28 января 1881 года всеподданнейший доклад, описывающий в совокупности весь механизм предстоящих действий, направляется к государю.

«Постепенное возвращение государственной жизни к правильному ее течению удовлетворяет внутренним стремлениям благомыслящей части общества и укрепляет временно поколебленное доверие населения к силе и прочности правительственной власти в России. Объединение действий правительственных органов, охраняющих государственный и общественный порядок, облегчение участи административно высланных, особенно из среды учащейся молодежи; внесение более сердечного участия в руководство учебной частью в империи; усиленное внимание правительства к местным земским нуждам, назначение сенаторских ревизий с главнейшей

целью изучения сих нужд; отмена ненавистного для народа соляного налога оказали и оказывают благотворное влияние на общество...

[Но] многие первостепенной важности вопросы, давно уже предуказанные державною волею, остаются без движения в канцеляриях разных ведомств. В центральных управлениях имеется уже много материалов, добытых опытом прошедших лет и приуготовительными работами. [Отзвук валуевских сетований на полное пренебрежение решениями 1864 года о раскольниках, выводами комиссии для исследования сельского хозяйства 1873—74 годов.] Сенаторские ревизии... должны внести богатый вклад в эти материалы. Но все эти данные несомненно окажутся недостаточными без практических указаний людей, близко знакомых с местными условиями и потребностями...

Призвание общества к участию в разработке необходимых мероприятий есть именно то средство, какое и полезно, и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолою. Существенно важным и подлежащим зрелому обсуждению представляется лишь способ осуществления этой мысли...

По глубокому моему убеждению, для России немислима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с Запада; формы эти чужды русскому народу. Равным образом мне представляется несовременным и высказываемое некоторыми приверженцами старинных форм — [славянофилами] — предположение о пользе образования у нас Земской Думы или Земского Собора. Наше время настолько удалилось от периода старинной формы представительства, по изменившимся понятиям и взаимным отношениям составных частей Русского государства, что воссоздание древнего представительства явилось бы трудно осуществимым и опасным...

Признавая, что мнения эти составляют лишь выраже-

ние созревшей потребности, мне представляется наиболее практическим способом дать законный исход этой потребности, в порядке, испытанном, по мудрым указаниям Вашего Величества, при разработке крестьянской реформы и, исходя из этого основного начала, остановиться на учреждении в С.-Петербурге временных подготовительных комиссий, наподобие организованных в 1858 году Редакционных комиссий»...

По их опыту следует образовать, «на первое время, две комиссии: административно-хозяйственную и финансовую». Комиссии составляются «из представителей центральных правительственных ведомств и приглашенных с Высочайшего соизволения сведущих и благонадежных лиц, известных своими трудами в науке или опытностью по той или другой отрасли государственного управления или народной жизни».

Круг занятий административно-хозяйственной комиссии:

А) Приведение губернского управления в соответствие с учреждениями судебными и общественными.

Б) Дополнение крестьянских узаконений по выяснившимся потребностям крестьянского населения.

В) Изыскание способов: к скорейшему прекращению существующих донныне обязательных отношений бывших крепостных к помещикам, к облегчению выкупных платежей.

Г) Пересмотр положений земского и городского в видах пополнения и исправления по указаниям времени.

Д) Организация продовольственных запасов и вообще системы народного продовольствования.

Е) Меры к охранению скотоводства.

Предметы занятий финансовой комиссии — вопросы податной, паспортный и другие...

На обязанностях подготовительных комиссий «лежало бы составление законопроектов», которые затем пере-

давались бы «в Общую комиссию, имеющую образоваться, под председательством назначенного Высочайшей волею лица, из членов подготовительных комиссий с призывом выборных от губерний и значительных городов...

Рассмотренные и одобренные или исправленные законопроекты подлежали бы внесению в Государственный Совет, причем для облегчения Госсовета в предстоящих ему работах, быть может, Вашему Величеству благоугодно будет повелеть призвать в состав его, с правом голоса, от 10 до 15 представителей от общественных учреждений, обнаруживших особенные познания, опытность и выдающиеся способности.

Работы комиссий должны бы иметь значение исключительно совещательное и ни в чем не изменяющее существующего ныне порядка возбуждения законодательных попросов и рассмотрения их в Государственном Совете...

Центральные учреждения должны уже сейчас собрать имеющиеся у них материалы, имеющие отношение к перечисленным вопросам, кои будут подлежать обсуждению подготовительных комиссий». Этим ведомствам может быть предоставлено право «передавать комиссиям не только сырые материалы, но и сформулированные предложения». Комиссиям же передаются итоги и материалы сенаторских ревизий...

«По приблизительным подсчетам все приуготовительные работы могут быть закончены и переданы в подготовительные комиссии к осени текущего года. Деятельность их должна быть ведена с таким расчетом, чтобы созыв Общей комиссии мог последовать в начале будущего года...

[Изложенные] соображения в связи с возбужденными в благомыслящей части общества радостными ожиданиями не могут не заслуживать самого серьезного внимания. Позволяю себе повергнуть перед Вами, Государь, глубокое мое убеждение, что неудовлетворение ожида-

ниям, в настоящее время, будет неминуемо иметь последствием, если не полное охлаждение, то, по меньшей мере, равнодушие к общественному делу, представляющие, как указал прискорбный опыт недавно истекших лет, самую удобную почву для успеха анархической пропаганды»¹⁹.

Предложенная во всеподданнейшем докладе схема часто именуется конституцией Лорис-Меликова. В первом приближении кажется, что это сильное преувеличение. Действительно, ни о каком общественно-государственном образовании, стоящем около монарха и ограничивающем его законодательную или исполнительную власть, нет и помину. Однако в Записке есть детали, не сразу бросающиеся в глаза. «Число комиссий должно быть ограничено, *на первое время*, двумя... Состав таких подготовительных комиссий мог бы быть определяем *каждый раз...*» Конечно же, разрешением первоочередных проблем законотворчество не закончится, и, значит, предполагается неоднократное воспроизведение таких комиссий. Но стань такое перманентной практикой, и общество привыкнет, что все мало-мальски серьезные обсуждения проходят с участием его представителей. Отсюда до постоянного представительства, до парламента и конституции, только один шаг...

Лорис-Меликов собирался широко привлечь общественных деятелей, перечень работ комиссий поражал своим размахом. Его предположения далеко выходили за рамки реформирования Госсвета. Осуществление его проекта могло кардинальным образом переменить ситуацию в России, дать новый импульс либеральным тенденциям, обескуражить революционеров и охранителей...

Могло... Я уже говорил о чрезвычайной сложности эволюционного перехода от деспотизма к либеральному образу правления. Демократизация сверху предотвращает взрыв, но лица, в чьих руках кормило, не могут враз

стать другими, они еще полны предрассудков, а уж о том, чтобы разделить власть с разбуженными ими людьми — об этом не может быть речи. Реформы открывают обществу некоторый простор, но клокотавшие в период застоя ненависть и жажда перемен — намного сильнее, требования к преобразованиям несравненно шире, чем к этому готова, чем на это согласна прогрессирующая власть. Драматическое, внутреннее противоречие эпохи заключается в том, что в тоталитарных, абсолютистских режимах, источником, двигателем прорыва должен стать верховный глава — однако он не готов расстаться с прежним механизмом власти, и старое болото чавкает и засасывает. В результате создается тупиковая ситуация: сколько бы новый режим ни полагал, что он прошел достаточно далеко навстречу обществу, общество будет считать это движение недостаточным и все более и более ожесточаться. (Разумеется, разговор тут лишь о демократически — в той или иной степени — настроенной части общества, но эта доля достаточно велика и громогласна.) В свою очередь власть, напуганная «неблагодарностью» и все новыми и новыми желаниями интеллигенции, начинает сдерживать коней, а подчас и поворачивать назад. Неприязнь и вражда растут и усиливаются. Правящая элита обвиняет другую сторону в незрелости и в намерении присвоить себе властные prerogatives, оппозиция видит в поведении правительства косность и страх перед непредвиденными последствиями им самим избранного пути. Но часто ввязывается третья сила — нетерпеливый экстремизм, который еще больше ощеривает власть. Коллизия российской истории конца XIX столетия разрешалась полной перестройкой природы самодержавного государства или неизбежной революцией в исторически недалеком будущем. Для выбора первого пути, для реализации идей, неотчетливо видных в туманной мгле грядущего, необходимо глубочайшее проникновение в суть происходящих событий. Но нам редко везет, и необычайная личность,

награжденная даром предвидения, нечасто является на авансцену истории. И тут вмешивается случайность...

Случайность... При несомненной детерминированности той части исторического процесса, что связана с жизнью цивилизаций, особенно с их научно-технической стороной, для *случая* остается огромное поле. Случай определяет ближайший ход истории. Движение совершается под воздействием незначительной части общества, масса идет за активным меньшинством. Но в период острого кризиса, когда, по терминологии Арнольда Тойнби, эпоха бросает Вызов, для необходимого Ответа активное меньшинство нуждается в объединяющей воле. Чем ближе лидер к признакам харизматической личности, тем более вероятна полнокровность жизни, к которой он поведет свой народ. В государствах, основанных на личной власти, выбора нет — тот, кто правит, тот управляет. И тут случайность разыгрывает с нами все, что хочет. Как черт из табакерки, может выскочить «белокурая бестия», «сильная личность», и земля пропитается кровью, но может родиться герой в гуманистическом, ренессансном смысле этого слова, и «красота начнет спасать мир». «Таинственна эта ветвистость жизни, в каждом былом мгновении, чувствуется распутье — могло быть так, а могло быть иначе, — и тянутся, двоятся, троятся несметные огненные извилины по темному полю прошлого»... (Набоков.)

4 февраля — совещание у государя. Лорис-Меликов читает свой доклад. «Дело кончилось всеобщим одобрением», — отмечает Валуев. 9 и 14 февраля очередное Особое совещание — председатель Валуев, члены: цесаревич, великий князь Константин, Лорис-Меликов, Урусов, Адлерберг, Набоков, Абаза (теперь министр финансов), государственный контролер Сольский — изложило предложения Лориса практически без корректировки в виде 12 статей. Обсуждать, собственно, было нечего — государь

принял все без малейшего замечания. Журнал совещания 16 февраля был представлен императору и на следующий день вернулся в Комитет министров с высочайшей резолюцией «Исполнить». Лорис-Меликову приказано подготовить правительственное сообщение. Утром 1 марта Александр Николаевич просмотрел «Извещение от правительства», но сказал, что хочет еще раз вернуться к нему и подпишет после прогулки...²⁰

Все сказанное об отношении Валуева к Лорис-Меликову объясняет иступление, с которым наш герой встретил генеральный проект нового министра внутренних дел. (Осенью 1880 года, посчитав, что Верховная распорядительная комиссия выполнила свою задачу, император прекратил ее деятельность и существование, а Лорис был назначен министром внутренних дел.) Дневниковые записи Петра Александровича февраля 1881 года полнятся злым сарказмом, обращенным к «Эоловой арфе», «Фингаловой пещере», «ближнему боярину» (еще одни валуевские клички Лориса) и заодно ко всем «дельцам» этого предгрозового месяца.

«3 февраля. Третьего дня заезжал ко мне Mishel I. Особенно любезен, что-нибудь да значит. И точно: о совещании у государя относительно его записки. Ближний боярин мне ее вчера прислал. Монумент посредственности умственной и нравственной. При наивно-уничжительном самовосхвалении, при грубом каждении государю и грубом изложении разной лжи — прежняя мысль о каких-то редакционных комиссиях из призывных экспертов»...

5 февраля Валуев вкратце записывает результат совещания: «дело кончилось всеобщим одобрением и поручением Особому совещанию рассмотреть детали». И далее: «Во время сеанса генерал-адмирал и Абаза до неприличия льстили Лорис-Меликову, что привело к комплиментарной фразе государя и облобызанием руки Его Величества графом-умиротворцем. С моей стороны — [принял],

кратко упомянув о сходстве предположений 1863 и 1879 годов с нынешними...

10 февраля. Совещание у цесаревича. Нельзя найти достаточно сильных выражений, чтобы охарактеризовать заискивание великого князя генерал-адмирала перед ближним боярином. Совещание жалко, но безобидно. Всякое разумное суждение невозможно. Понимание ограниченное. Истины — ни на алтын. Сольский при всем своем уме — канцелярист. Дело на заднем плане, на первом — как редактировать. Князь Урусов думает, как бы что отторговать. Набоков бледен, но рассудителен. Для гр. Адлерберга — барщина, которую надо отсидеть. Он и отсидел. И мы — правительство!!»²¹

Почему император так удивительно легко принял «новые веяния» Лорис-Меликова (прозвание, данное газетами того времени), до того упорно отказываясь от предложений великого князя Константина или Валуева?

Этому способствовало несколько причин.

Первые месяцы влияла аура успеха, сопутствовавшая удачливому генералу на прежних поприщах. Затем последовали достижения в борьбе с «социально-революционной партией» — то, что они не были такими, как казались, выяснилось только потом. Напрашивался вывод, что движение в сторону общества дает плоды. Александр II, человек, как уже говорилось, мягкий, рад был такому исходу. Общество, в большинстве своем, с воодушевлением приняло начинания Лорис-Меликова, и царь не мог с этим не считаться. Наконец, в немалой степени помогала сама натура Лорис-Меликова. Граф Михаил Тариэлович был живым, обаятельным, остроумным человеком, не важничал, держался раскованно. На званом вечере у принцессы Ольденбургской мог станцевать лезгинку, что чопорный Валуев посчитал неприличием и nonsensом. Легко находил тон разговора с людьми разного положения и свои идеи защищал и доказывал очень убедительно.

Был бескорыстно предан монарху — и как-то было видно, что он искренен, и тут нет никакой уловки. Все вместе взятое привело к тому, что очень скоро император уже не мог без него обходиться и доверился ему безгранично. По всему этому понятно, что никто из участников Особого совещания, включая цесаревича и Валуева, не осмелились хоть в чем-нибудь оспорить предложения Лорис-Меликова, явно одобренные императором.

И тут возникает еще один вопрос. Увидел ли император в предложениях Лорис-Меликова не очень заметные мостки к действительной конституции? Разумеется, увидел. Почему же не остановился и пошел по ним? Формально говоря, потому, что в подготовленном правительственном сообщении речь шла о конкретных комиссиях, их работах и сроках, и о будущем не упоминалось. Но такой ответ будет легковесным. Хотя царь не разделял убеждения Феодоры, жены византийского императора Юстиниана, что «пурпур власти есть лучший саван», и говорил Валуеву, что «противится установлению конституции не потому, что дорожит своей властью, но потому, что убежден, что это принесло бы несчастье России и привело бы к ее распаду»²², но уверенность в необходимости самодержавия и твердость в отстаивании этого принципа сохранял долгие годы. Но теперь что-то надломилось, он словно потерял символы бытия. Столько лет слышать со всех сторон осуждение реформ, в которые он вложил душу и сердце! Все их ругают, одни за недостаточность, другие за «распущенность черного народа». В конце концов, царь — всего лишь человек, и у него могут опуститься руки. Неотступное преследование террористов выработало своего рода фатализм, который, как известно, творческому потенциалу не способствует. И, наконец, последняя любовь и вызванные ею сложности требовали слишком большого душевного напряжения и времени. Усталость государя и некоторое отстранение от

дел в этот его последний период жизни — вне всякого сомнения.

Рассматривая в предшествующей главе идеологии, получившие распространение в России около этого времени, я намеренно пропустил имеющий большую силу консервативный образ мыслей, чтобы обратиться к нему, когда он вдруг одержит политическую победу, приобретет господствующее положение.

Консерваторы исповедовали веру в мировой порядок, установленный Богом. Сами люди не в состоянии создать ничего, что выдержало бы проверку временем, представление об общественном договоре — ересь, ведущая к анархии. Когда срабатывает инстинкт разрушения, люди испытывают чувство восторга и полноты жизни, и тот мир, который дан людям, может быть удержан только под мудрым авторитарным руководством. С этой позиции для консерватора безразличны внутривидовые отличия критических умов — умеренных либералов или безумных радикалов — «чума на оба ваши дома», оттенки не играют роли, те и другие выступают против божественного порядка, идеи тех и других разрушительны, те и другие ведут к разложению социума. Более того, наибольшую опасность представляют не столько исполнители, сколько возмутители — либералы, интеллектуалы, адвокаты, журналисты, демократы, ибо революции — результат порыва нравов, чрезмерного светского образования, развившегося на его почве злобного критицизма. Поскольку русский народ, в своей массе, не затронут развратительными учениями, сохраняется надежда удержать страну от катастрофы. Следовательно, величайшим благом для России является сохранение ее нынешнего состояния, ни один из существующих институтов не должен быть поколеблен, ничего нового вводить категорически не следует²³.

Ортодоксальные консерваторы выставляли царист-

ские чувства простого народа, как *ultima ratio*. При этом одни не догадывались, а другие понимали, но таили, что любовь-то к царю — как к Богу, который далек и недосягаем; к царю-надеже, потому что кругом одни мучители: помещики, чиновники, полиция, да свой брат-миroeд. Публицисты консервативного лагеря утверждали, будто народ уверен, что конституции болтливые хлыщи и фари-сеи ищут только для того, чтобы отнять власть у самодержца, единственного заступника, совсем оседлать народ и выпить из него последнюю кровь.

Кредо консерватизма, вдохновенно сформулированное в начале XIX века Николаем Карамзиным и дополненное куда более примитивными построениями Александра Шишкова и Жозефа де Местра, осталось неизменным на протяжении столетия. Из этих принципов исходили сторонники абсолютного самодержавия, с этих позиций выступали защитники крепостного права, с этих бастионов обстреливали реформаторов их противники. Со всеми остановками, движением то вперед, то назад царствование Александра II безусловно носило либеральный характер, консерваторы сопротивлялись, но оставались на обочине. Смерть царя-освободителя заморозила страну, политическая реакция восторжествовала.

Гибель императора тяжело поразила Лорис-Меликова. Перепополняло сострадание к человеку, с которым тесно работал, мучила мысль, что не сумел защитить, предостеречь, тревожило опасение, что задуманное им «увенчание здания» может теперь рухнуть. Беспокойство толкнуло его к неосторожному шагу. Приказав опубликовать сообщение о новых комиссиях, Александр Николаевич распорядился еще раз обсудить весь проект в Совете министров 4 марта. Конечно, в первые дни после трагедии, об этом нельзя было думать. Но и откладывать заседание надолго Лорис-Меликов не хотел. Время работает против, с воцарением нового государя, известного своим несогласием с

либеральными тенденциями, реакция поднимет голову. Надо торопиться, пока сын еще вынужден считаться с волей покойного отца. И Михаил Таризлович добивается согласия на проведение Совета 8 марта. Собрание открылось, когда тело покойного еще оставалось непогребенным. Это было ошибкой: только что пережитый ужас отбрасывал на стол совещания мрачную тень.

Три участника роковой встречи оставили о ней воспоминания — Валуев, Милютин и государственный секретарь (секретарь Государственного Совета) Егор Абрамович Перетц. Его запись наиболее подробна, он излагает выступления всех присутствовавших без изъятия и в наибольшей полноте.

Министры и приглашенные лица собрались в Малахитовом зале Зимнего дворца. Войдя в зал из внутренних покоев и остановившись у дверей, государь попросил всех перейти в другую комнату, где стоял большой стол и 25 кресел вокруг. С каждым проходившим мимо него Александр Александрович здоровался, пожимая руку.

Император открыл заседание. «Граф Лорис-Меликов докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земств и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом... Покойный государь сделал, однако, некоторые заметки относительно частных. Нам теперь предстоит обсудить эти заметки. Но прошу вас быть вполне откровенными и говорить мне ваше мнение относительно всего дела нисколько не стесняясь. Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешенным, так как и покойный батюшка хотел, прежде окончательного утверждения проекта, созвать для рассмотрения его Совет министров».

Сказано было очень ловко. С одной стороны, выполнялась воля покойного батюшки и ничуть не умалялось его решение, с другой стороны, в предложениях высказы-

ваться откровенно давалось понять, что критика будет воспринята с пониманием.

Затем Лорис-Меликову было предложено снова прочесть его записку и проект публикации в «Правительственном вестнике». Это была ловушка, и Лорис-Меликов в нее попался. Он совершенно не учел круто переменявшейся ситуации и не исключил из записки ни единого прежнего слова. Некоторые фразы, вроде тех, где говорилось об успехах «новых веяний», звучали крайне неуместно, «убийственно», по оценке Валуева. После бестактной торопливости это была вторая грубая ошибка. Сторонникам Лориса стало как-то неловко, его противники метали из глаз искры, стараясь, чтобы их увидел император.

Его величество обратился к сидевшему рядом с ним престарелому графу Строганову, присутствовавшему здесь весьма неожиданно для многих. Строганов, без всяких околичностей, объявил предлагаемые меры не только не своевременными, но прямо вредными, ибо «с их принятием власть из рук самодержавного монарха перейдет в руки шалопаев... Путь этот ведет к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России»²⁴. Реплика императора окончательно прояснила «установку»: «Я тоже опасаясь, что это — первый шаг к конституции», и без паузы, непосредственно вслед за этими словами, он попросил «графа Петра Александровича, как председателя комиссии, которая рассматривала проект, высказать его взгляд».

Это был трудный для нашего героя момент. Воспользоваться явным приглашением разгромить неприятный проект, одобренный им сквозь зубы, отмежеваться от решения, которое приняло под его председательством Особое совещание? Нет, на такую подлость он не способен. К тому же при всех, с его точки зрения, недостатках и преувеличениях, предложения Лориса «давали людям в руки дело, чтобы они закрыли рты», как он сам сказал когда-то. Однако поддерживать проект — значило идти против

желаний и намерений нового императора, выраженных вполне ясно. Но Валуев был тверд. «Мне было весьма неприятно высказываться в данный момент подробно и категорично, но я был обязан сказать мою личную правду».

«Предполагаемая мера очень далека от конституции, — начал свою речь Петр Александрович. — Она имеет целью справляться с мнением и взглядами людей, знающих более чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения, до крайности разнообразного. В пределах необъятной империи, под скипетром, вам Богом врученным, обитают многие племена, из которых каждое имеет неоспоримое право на то, чтобы верховной власти Вашего Величества были известны его нужды».

(Как настойчиво и упорно, пользуясь любым случаем, стремится Валуев подчеркнуть многонациональность Российского государства, в котором все народы, при неоспоримом первенстве русского народа, имеют равные возможности! Есть у него любимый афоризм: «Мы живем не в Московском царстве, а в Российской империи»; этот девиз он мог бы выбить на стене своего кабинета. И как плохо к нему прислушиваются, как отрицают его с ожесточением! Вот только что, 1 марта, когда вступающий на престол цесаревич поручил ему составление манифеста, он попытался заявить эту мысль — император должен был обратиться ко всем подданным империи, — но был остановлен Сольским.)

«Вам, государь, небезызвестно, что я — давнишний автор, могу сказать, ветеран рассматриваемого предположения. Оно было сделано мною, в несколько иной только форме, в 1863 году, во время польского восстания, и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей. Покойный император, родитель вашего величества, изволил принять мое предложение милостиво, однако не признал своевременным дать ему тогда ход. Затем я возобновил свое ходатайство в 1866 году, но и на этот раз в Бозе почивший государь не

соизволил на осуществление предложенной мной меры. Наконец в прошлом году я дозволил себе вновь представить покойному государю императору записку по настоящему предмету. Участь ее вашему величеству известна... Признано было опять-таки несвоевременным издать какое-либо [другое] законоположение о призыве представителей земства. (Имелось в виду предложение великого князя Константина.)

Из этого краткого очерка ваше императорское величество изволили усмотреть, что я постоянно держался одного и того же взгляда на настоящий вопрос. Я не изменяю своих убеждений и теперь. Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предлагаемая нам мера оказывается в особенности настоятельною и необходимою... Что же касается затронутого графом Строгановым вопроса о своевременности издать теперь же проектированное нами положение, то в этом отношении я воздержусь от какого бы то ни было заявления. Ваше величество, будучи в сосредоточии дел и обстоятельств, без сомнения, будете сами наилучшим судьей того, следует и возможно ли в настоящую минуту предпринимать предлагаемую нам важную государственную меру».

Речь, как видим, в высшей степени благородная и политичная. Скрытые акценты, расставленные Петром Александровичем, надеюсь, читателю понятны...

Попросил слова военный министр.

«Находя невозможным входить в обсуждение дела по существу (Милютин не участвовал в совещаниях по проекту Лорис-Меликова), я высказываю мое убеждение в необходимости новых законодательных мер для довершения великих реформ. Меры эти совершенно необходимы и необходимы именно сейчас. Что касается до самого порядка ведения работ при содействии представителей земства, то я позволю себе напомнить, что подобная мера не составляет опасного нововведения, она практиковалась и прежде. Для предварительного обсуждения проек-

тов крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз, с соизволения покойного государя, приглашались люди практические, знакомые с местными интересами, и никаких неудобств от этого не замечалось. В последние годы Россия остановилась на пути своего развития, такое переходное, неопределенное положение во многом содействовало некоторым прискорбным явлениям; такое положение не может продолжаться. Россия ждет. Оставить это ожидание неудовлетворенным гораздо опаснее, чем предложенный призыв земских людей».

Назначение Лорис-Меликова министром внутренних дел осенью 1880 года столкнуло с этого поста Макова. Для утешения уволенного, выделили ему из МВД почтовый департамент, назвали министерством почт и телеграфов, и оставили Макова в министрах. Лорис получил еще одного врага. Думается, что новый император рассчитывал именно на это, приглашая главу третьесортного ведомства на столь важное совещание. Маков не подкачал. Он заявил, что «основная мысль записки, прочитанной министром внутренних дел, — ограничение самодержавия, и я, всеми силами души, решительно отвергаю эту мысль. Осуществление ее привело бы Россию к гибели. В такие минуты, как те, которые мы к несчастью переживаем, в смутное нынешнее время, невозможно заниматься проектами об ослаблении власти и об изменении формы правления, благотворительной для отечества».

Министр финансов Абаза с горячностью бросился на защиту проекта. «Смута исходит не от народа, смута производится горстью негодяев, не имеющих ничего общего с народом. Против шайки злодеев необходимо принять самые решительные и строгие меры. Но для борьбы с ними нет нужды в недоверии к обществу и всему народу... В предложениях графа Лорис-Меликова нет и тени того, чего опасается Маков... Трон не может опираться исключительно на миллион штыков и армию чиновников»... И многое другое добавил министр финансов...

И тут вступает Победоносцев, бледный, как полотно, замечает Перетц.

(Константин Петрович Победоносцев — центральная фигура предпоследнего царствования Романовых и важная фигура первых десяти лет последнего монарха. 15 лет он был воспитателем цесаревича Александра, привил ему свои убеждения, раз навсегда поселил в нем крайнюю неприязнь к «либерализму» и «европейскому духу», вылепил из него ортодоксального самодержца. Взамен Толстого на пост обер-прокурора Синода наследник уговорил Лорис-Меликова представить Победоносцева. Рассказывали, что император, ничего не сказав, взял доклад. Долго ничего не происходило. Наследник напомнил Лорису, тот — государю. «Вот указ, подписанный мною, — сказал государь. — Делай с ним, что хочешь. Но запомни, что в лице Победоносцева ты найдешь злейшего врага». Разумеется, это апокриф, но как все легенды, он отражает истину.)

«Ваше величество, я нахожусь в отчаянии. Приходится сказать: «конец России»... Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет, в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг.. И эту фальшь по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести и у нас. Россия сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться. Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действитель-

ные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. А вместо того предлагают устроить говорильню, вроде французских *etats generaux* (Генеральных Штатов). Мы и без того страдаем от говорилен, которые, под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов, разжигают только народные страсти. [Крестьянам] дана свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Земские и городские общественные учреждения — говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И когда, государь, предлагают вам учредить, по иноземному образцу, новую, верховную говорильню?! Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный прах русского царя. Все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что мы, в бездеятельности и апатии нашей, не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!»

«Невозможная речь», — по оценке Валуева, «отголосок туманных славянофильских теорий, отрицание всего, что составляет основу европейских цивилизаций, — по характеристике Милютина. — Многие из нас вздрагивали от некоторых фраз фанатика-реакционера». Но на тех, кто разделяет убеждение оратора, или на тех, кто склонен согласиться с ним, эмоциональная риторика действует очень сильно. Все увидели, что на императора слова Победоносцева произвели весьма заметное впечатление, а Лорис-Меликова тяжело поразили. Взволнованно, напряженным голосом он обратился к императору: 1 марта он просил отставки, «но вашему величеству не угодно было уволить меня»...

(Напомним, что после покушения Каракозова в 1866 году князь Долгоруков посчитал долгом уйти в отставку, взяв на себя вину за плохую охрану царя и сделал это бесповоротно. Была ли охрана государя в 1881 году организована достаточно хорошо? Нет. Конечно, неожиданно нападающий преступник всегда обладает преимуществом: невозможно предвидеть все мыслимые намерения, нельзя прочесать весь город, невозможно останавливать и обыскивать каждого прохожего. Но было совершено несколько грубых промахов, непозволительных для людей, для которых обеспечение безопасности императора являлся профессиональным долгом. Вокруг царского экипажа находилось всего шесть казаков, два впереди, по двое по бокам — при наличии четырех сотен конвоя в казармах. Почему полицмейстер, начальник охранной стражи и командир казачьего эскадрона, все трое, ехали позади императора, никто не предшествовал на опытно рассчитанном расстоянии в качестве «вперед смотрящего»? По пути кареты на набережной Екатерининского канала разместились два поста: у ворот в Михайловский сад стояли дворники (!), на Театральном мосту — полицейские. Что они делали? Прохожих было мало, всего несколько человек, отчего они не обратили внимания на трех людей, которые либо стояли, либо прохаживались взад-вперед по крайней мере полчаса? После первого взрыва, когда царь остался невредим, охрана заметалась, смешалась. Как могли растеряться люди, должные каждую секунду быть готовыми к любым необходимым действиям? Полицейстер и офицеры конвоя были обязаны, не слушая никаких возражений, заставить царя немедленно уехать — несмотря на его желание увидеть схваченного метальщика. Когда же он посмотрел на Рысакова, почему он должен был идти к саням полицмейстера, а не подъехали сани к нему? Он шел к саням один, спереди его никто не прикрывал, и Гриневицкий беспрепятственно подошел к нему почти в упор — где была жалкая стража? Почему

никто не был обучен оказанию помощи — ведь можно было перетянуть раздробленные бомбой ноги, остановить кровь и спасти императора; это было вполне возможно, об этом потом говорили врачи. И не издевка ли над охраной — третий метальщик, Емельянов, с бомбой под мышкой, помогал укладывать государя в сани!)

По всему этому и получается, что хотя выступление Победоносцева против общественного представительства и было «невозможной речью фанатика-реакционера», но его неоднократно повторенный возглас — все мы виновны! — разил неотвратимо. Завершив этим криком души свою диатрибу, превосходный психолог и оратор, каким был Победоносцев, мог торжествовать победу. Идея умиротворения потеряла моральную опору, Лорис-Меликов уже не имел нравственной силы, сражение было проиграно.

Но Абаза, «как ножом в сердце пораженный», снова кинулся в бой.

«Ваше величество, речь обер-прокурора Синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если все сделанное до сих пор есть грубая и преступная ошибка, то вы должны уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразованиях прошлого — скажу смело — великого царствования. С благими реформами минувшего царствования нельзя связывать совершившееся царубийство... Обер-прокурор заявил нам, что вместо учреждения так называемой им «верховой говорильни», нужно радеть о народе». Но именно это уже делается: «отменен ненавистный всем соляной налог, две недели тому назад я докладывал покойному государю предложение министерства финансов о понижении выкупных крестьянских платежей, при первом докладе вашему величеству я вновь изложил это дело и вашему величеству было благоугодно на это соизволить. Но не нужно забывать, что есть

образованные классы общества» и им должны быть предоставлены иные возможности.

Спокоен и убедителен был Сольский. Доказывая, что никто не покушается на необходимое России самодержавие, он говорил о полном отличии призыва «избранных от земских собраний и городских дум, которые будут заседать совместно с правительственными деятелями, под председательством лица, назначенного высшей властью», от французских Генеральных Штатов. «Затем, если бы это собрание увлеклось, то нельзя думать, чтобы русское правительство, в некоторых отношениях всемогущее, не имело средств остановить подобное увлечение. Опасения, и притом напрасные, у нас не новость». При освобождении крестьян многие боялись революции, земства казались источником конституционного правления. «Но земства скорее можно обвинить в бездеятельности, апатии». Сольский далее пытался доказать, что между предлагающими проект и Победоносцевым «нет коренного различия в убеждениях. Сам Константин Петрович не отвергает пользы соображения важных законодательных мер при участии людей практических. Может, мы не сойдемся в подробностях, но подробности есть дело дальнейшего рассмотрения. Обсуждать же проект вновь, ввиду важности дела может быть только полезно...

Ваше величество, в заключение я должен сказать, что речью своей Константин Петрович всех нас расстроил. Он представил в самых мрачных красках наше положение. Но дальше он не пошел. Он раскритиковал все, но сам не предложил ничего».

Выступлением Сольского закончились острые речи. Невнятно поддержал проект Набоков, «нескладно и темно» протестовал министр путей сообщения, в пользу проекта, но не сказав ничего нового, высказался управляющий министерством народного просвещения Сабуров и, наконец, князь Урусов нашел ловкую формулу, которая проскользнула в словах Сольского: предложение министра

внутренних дел не отвергать, но признать «полезным и необходимым пересмотреть проект предварительно в Комитете министров».

Не согласный внутренне с проектом Лорис-Меликова, но вынужденный считаться с тем, что, по существу, план был принят покойным императором и одобрен им самим в Особом совещании, чувствующий себя в новом качестве еще неуверенно — первый раз проводил совещание всех высших сановников государства, да еще по столь важным проблемам — молодой император с облегчением принял предложение Урусова. «Это открыло государю удобный выход», — точно отметил Милютин. Оно сняло напряжение, позволяло отложить решение, а потом... потом будет видно. Но Урусов пошел дальше, словно угадав другое тайное желание государя, быть может, в первый момент еще неосознанное. «Ваше величество, если вам благоугодно будет принять мысль о пересмотре проекта, то не лучше было бы обсудить его сначала не в Комитете министров, а в составе небольшой комиссии из лиц, назначенных вашим величеством». Ах, какой молодец этот Урусов! Да ведь лучше не придумаешь! Можно исключить председательство Валуева и вообще участие всех этих либеральствующих министров. «Граф, — сказал император, обращаясь к Строганову, — не примете ли вы на себя председательство в комиссии?»

Быть председателем 86-летний Строганов отказался, но согласился остаться членом, чем обрадовал его величество. Наш Петр Александрович попробовал маленькую хитрость — «не изволите определить состав комиссии, ваше величество?» — но хитрость не удалась: «мы сделаем это позже», — сказал самодержец.

Выходя из зала, Валуев сказал Абазе: *«J'espère que vous êtes content de moi. Parfaitement. Vais je n'en dirai pas autant de votre élève, c'est un laquais»*. (Надеюсь, что вы довольны мной. Прекрасно. Но я не сказал бы того же о вашем ученике. Это — лакей.) Предательства от Макова,

своего бывшего сотрудника и помощника, Петр Александрович не ожидал²⁵.

Как мы видели, в этом полном драматизма заседании Петр Александрович остался верным себе, не ушел в тень, при явном недоброжелательстве нового сюзерена вновь заявил свою неизменную позицию: обществу должно быть предоставлено определенное участие в решении общегосударственных проблем. Это дорого ему обошлось. Тотчас был отстранен от присутствия в будущей комиссии (хотя она так никогда и не собралась), и очень скоро от всех более или менее существенных дел. Вне стен Комитета министров он уже не играл роли председателя Комитета.

Келейные доклады министров без всякой связи с другими ведомствами при новом монархе продолжались по-старому. Но Победоносцев придал этому совершенно запредельный характер. Чуть не каждый день он являлся к императору со своими наветами или присылал пространные записки. Его экзальтированные речи и письма, пересыщенные верноподданническим угодничеством, оказывали на царя магнетическое действие. Лорис и Абаза попросили согласия государя, чтобы на «высочайшее воззрение» выносились предложения, предварительно обсужденные в совещании министров между собой или, по крайней мере, докладывавшаяся государю «встреченная оппозиция». (Сколько раз предлагал это прежнему государю Петр Александрович!) Согласившись в общем, царь не приказал — «быть по сему», — а посчитал необходимым обсудить идею с несколькими министрами. Но не пригласил к этому тех, кому надлежало ведать в первую очередь — председателя Госсовета великого князя Константина и председателя Комитета министров графа Валуева. Это была демонстрация.

Совещание собралось 21 апреля. После не имеющего отношения к делу плача Победоносцева и отпора всех ос-

тальных, Александр Александрович объявил, что «понимает необходимость единства в высшем управлении» и просит министров предложения по важным делам их ведомств «вносить предварительно на обсуждение совещания министров: внутренних дел, финансов, военного, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ и обер-прокурора Синода». Так ведь это Комитет министров без трех членов и... председателя!

Валуев узнал об этом совещании косвенно — Лорис-Меликов передал приказание не собирать 21 апреля намеченное заседание Комитета, так как «некоторые» министры вызваны в Гатчину (с конца марта самодержец перенес туда главную резиденцию). «Второе мне предостережение, — меланхолично замечает Петр Александрович, — первое заключалось в рескрипте».

Рескрипт... 17 числа исполнилось 50 лет государственной службы Валуева. Обычно это бывал повод для поздравления и награждения. Награждения не произошло, но рескрипт Петр Александрович получил. От него за версту несло небрежением и холодом. Юбиляр не знал, что рескрипт, изготовленный в Госсовете и посланный на апробацию к государю, вернулся совсем в другом виде. Было исключено все сколько-нибудь живое, неформальное; ни слова о дарованиях, о важности его трудов; отсутствовало даже стандартное выражение надежды, «что престол-отечество еще долгое время будут пользоваться просвещенной его опытностью». Осталось сухое перечисление выполненных дел, переписанное из послужного списка. Переделанный рескрипт и внешний вид имел крайне непрезентабельный: написан на простой почтовой бумаге, какими-то бесцветными чернилами, с подчистками; такого, кажется, никогда еще «не подносили к высочайшему подписанию». Ясно было, что вышла эта бумага из канцелярии Победоносцева.

Теперь, после «второго предупреждения», положение Валуева стало понятным, но, обманывая самого себя,

Петр Александрович посчитал его только «неопределенным и щекотливым»²⁶. В первое десятилетие петербургской, министерской службы, он стремился к делам и свершениям, хотел преобразовать правительство, улучшить жизнь племен и сословий, кипел, когда встречал тупое и глухое противодействие, проклинал свою судьбу, готов был хлопнуть дверью. Второе десятилетие выглядело иным. Он привык к положению первого советника государя, с ним считались другие министры, хотя относился он к ним, быть может, с еще большим презрением и брезгливостью. Успех, выпавший на долю Лорис-Меликова, казался ему такой же несправедливостью небес, как пушкинскому Сальери — гений Моцарта. Падение «временщика» ныне казалось предрешенным, в своей необходимости он не сомневался, и так хотелось верить, что и при новом государе ему достанется прежняя роль. И, несмотря на грозные всполохи, он таил надежду.

Меж тем события развивались стремительно.

После совещания 21 апреля обе стороны остались в уверенности, что противник поражен. Абаза разносил по Петербургу весть об афронте Победоносцева: Победоносцев уничтожен, ибо теперь не сможет «забегать» перед императором, «должен будет записки свои обращать в совещание», где большинство против него и «не будет с ним соглашаться»²⁷. Но Константин Петрович, опираясь на плечо самодержца, играл наверняка. Вечером, после заседания, он получил записку императора. Он ожидал ее.

«Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, этого не будет, я не допущу. Вряд ли, впрочем, я когда-нибудь убежусь в пользе подобной меры, слишком

я уверен в ее вреде. Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма. Более и более убеждаюсь, что добра от этих министров ждать я не могу...»

И подпись:

«Ваш от души Александр»²⁸

Довольно редкая для самодержца подпись.

Эта доверительность означала, что Победоносцев полностью владеет помыслами царя. Более того, поручения и просьбы Александра, обращенные в последний месяц к Победоносцеву, постоянное участие обер-прокурора Синода в заседаниях правительства, его частые встречи с государем с несомненностью доказывали, что премьер-министр, о котором хлопотал когда-то Валуев — найден. Абаза и Лорис-Меликов торжествовали преждевременно и напрасно.

Но потаенное одоление надо превратить в открытый разгром противника, и к нему надо императора подвести, надо помочь ему, он явно просит об этом, не решается инициировать разрыв с министрами своего отца. (До этого были произведены только две замены и обе по рекомендации Победоносцева: министра просвещения Сабурова заместил Николай, министра государственных имуществ Ливена — Игнатьев. Но Сабуров и Ливен прослужили на своих постах меньше года и не относились к «зубрам» прежнего царствования.) Надо спровоцировать этих либералов, подтолкнуть их к отставкам, показав, что продолжения политики уступок не будет и им здесь более нет места. Надо прекратить колебания, резко обозначить новый курс: никаких послаблений, никакой игры в парламент ни ныне, ни в будущем; крепкая, исконная, самодержавная власть. И через день-другой Победоносцев пишет своему воспитаннику.

«Смею думать, Ваше императорское величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени Вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех благонамеренных прямых людей. Первый манифест был слишком краток и неопределен. [Да и кто его сочинял?! Валуев с присными!] Я попробую, если угодно будет, придумать соответствующую редакцию и представить на Ваше усмотрение»²⁹.

На 28 апреля было назначено первое из совещаний избранных министров, где Лорис-Меликов докладывал выработанные МВД предложения по усилению полиции, по пересмотру некоторых статей Земского положения, другие рутинные вопросы. И вдруг, в конце совещания, министр юстиции Набоков объявляет, что привез корректуру манифеста, который сейчас печатается. Какой манифест?! Кто составил? После достигнутого неделю тому назад в Гатчине согласия, что «по всем важным вопросам [члены правительства] должны входить в предварительное между собой совещание — такой сюрприз! Важнейший государственный акт, манифест царский — без обсуждения с нами!» Негодование бедных обманутых министров, уверенных в победе, которая обернулась поражением, — безмерно. Когда же Набоков прочел манифест, они поняли, что верховная власть раз навсегда отказывается идти по пути, которым они хотели ее повести; путь же, предначертанный новым манифестом, — невозможен для них, несовместим с их убеждениями. Выход только один: они немедленно подают в отставку.

Победоносцев счастлив произведенным эффектом. Когда Абаза кричал: «кто писал манифест?!», он выступил вперед и сказал: «я». Теперь они не подают ему руки, они отворачиваются от него, как замечательно он их поддел! И он уехал из министерства внутренних дел очень довольный³⁰.

Какова основная посылка манифеста 28 апреля?

«На НАС возложен долг *самодержавного* правления». Перечислив основные реформы «родителя нашего — величайшее дело своего царствования» — царь далее заявляет: «Посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять на благо народного от всяких на нее поползновений»³¹.

Вообще говоря, из этих слов необязательно с непремненностью вычитывать возвращение к временам в Бозе почившего дедушки, Николая Павловича. В конце концов, самодержавная власть могла бы прекрасно ужиться с совещательным участием выборных «лучших людей». Но ведь полтора месяца тому назад уже был выпущен манифест, который указывал цели и задачи. Значит, появление нового вызвано их переменой, а главное, подчеркнутым указанием иных методов их достижения. Вот этой нарочитости не могли перенести Абаза, Лорис-Меликов, Милютин, на это и рассчитывали царь и Победоносцев³².

1 мая Абаза и Лорис направили прошение об отставке, причем Абаза в запале что-то впрямую написал о причине. Монарх немедленно принял обе отставки, надписав на письме Абазы: «Сожалею, что вы не нашли более приличного повода»³³. Милютин переждал немного: 22 мая он навсегда покинул дом военного министерства, знаменитый дом со львами...

Что оставалось Валуюву? Пустые, редкие заседания Комитета министров, которые уже ничего не решали, да меланхолические заметки в дневнике о продолжающихся отставках: от всех должностей уволен великий князь Константин Николаевич, недолго продержались и министры «переходного периода» — Николаи и Игнатьев. Их должности — министра просвещения и внутренних дел — заместили Делянов и пресловутый Толстой. С недоумени-

ем и усмешкой, но как-то отстраненно следил Петр Александрович за действиями правительства, «наскоро сколоченного из обер-офицеров, салонных и политических дилетантов, неумелых сановников и нескольких мудрецов из Китай-города с придачею пономаря Победоносцева»³⁴. Здравый смысл говорил, что его политическая и государственная роль закончилась, но он все ждал чего-то. И дождался.

Несмотря на падение Лорис-Меликова, действия сенаторов, посланных с ревизиями, не были остановлены, и весной-летом они возвратились в Петербург с обширными результатами. Ковалевскому досталось проверять больше чем другим сенаторам — 4 губернии, и его работы затянулись до августа. Ревизия в Оренбургской и Уфимской губерниях открыла расхищение башкирских земель, розданных за чисто номинальную плату чиновниками министерства государственных имуществ в бытность министром Валуева. Непосредственно Валуеву обвинения как будто не предъявлялись, но вина в попустительстве была явная — начальник обязан знать, что творится в его ведомстве.

Началось расследование.

По законам, принятым еще во времена Николая I, башкирам-вотчинникам оставили по 40—60 десятин, крестьянам — 15 десятин. Остальные земли отбирались в казну и продавать или отдавать их в аренду можно было только с согласия двух третей вотчинников данного округа³⁵. Однако к реальному отчуждению башкирских земель правительство приступило только в 1869 году.

Вставной эпизод.

В конце 60-х Валуев уже имел отношение к башкирским землям в качестве министра внутренних дел, но он и предположить не мог, что дело вернется к нему еще раз, да еще в драматическом обороте. Тогда, для начала от-

чуждения, надо было закрепить за башкирами земли хотя бы по николаевским нормам. Министерство внутренних дел занималось наделением земель уральских казаков, поэтому ему же поручили наделять землей башкир. Для министра это было проходное дело, да еще со смешным оттенком — Валуев хорошо почувствовал комизм ситуации. В министерстве наделением земель казаков занимался Луцкий, к тому же он был прежде Самарским губернатором, следовательно, хотя бы географически, был ближе всех к Башкирии, и министр вызвал его.

— Вы, господин Луцкий, знаете быт и положение башкир?

— Нет, Ваше высокопревосходительство, не знаю.

— И я не знаю, но будем составлять для них Положение. У нас на Руси всегда так, кто чего не знает, тот о том и пишет. Только необходимо стараться, чтобы наделение башкир их же землями не породило между ними волнений³⁶.

Со второй половины 70-х годов интерес к башкирским землям резко возрос. Разговоры о переселении начали приобретать конкретные очертания, сюда потянулись крестьяне, а богатый люд почувствовал возможность по дешевке завладеть большими пространствами земли — к этому времени считалось в Уфимской и Оренбургской губерниях 3 млн десятин «пустующих» земель. Закон разрешал продавать лишь казенные, размежеванные земли, но простодушных башкир-вотчинников ничего не стоило обмануть, спойти и уговорить продать сотни и тысячи десятин еще не отчужденных в казну земель по вздорной цене 50 копеек за десятину. За такие проделки министерство государственных имуществ не могло нести ответственности — это мошенничество касалось земель, казне еще не принадлежащих. Но губернатор Оренбуржья генерал Крыжановский обязан был остановить мародерство, однако ничего не сделал. (Расследование доказало его вину, и он был уволен Александром III от должности.)

С 1876 года настал черед казенных земель. Поток ходатайств захлестнул министерство государственных имуществ. Получить землю жаждут генералы, богатые вдовы, высокопоставленные петербургские чиновники всех министерств, в том числе и императорского двора, генерал-адъютанты его величества и даже министр внутренних дел Тимашев. На этот парад стяжателей Валуев смотрит с крайним омерзением, себе брать, конечно, ничего не собирается, но отбиться от «хищной стаи» не в состоянии. Утешает себя не очень уместным в данном случае доводом, что «раздача участков разовьет производительные силы края»³⁷. За несколько лет по средней цене около двух рублей за десятину (в пять-десять раз дешевле реальной стоимости) было продано около полумиллиона десятин. Список получивших казенную дачу за бесценок, насчитывает 359 лиц, из них 228 человек — представители двух самых важных в России ведомств: военного и внутренних дел³⁸. Этот-то убыток казне от бросовой продажи государственных земель и воровской купли неразмеженных земель, которые теперь в казну уже не попадут, и обнаружил Ковалевский.

Дело приняло серьезный оборот. Князь Урусов лично привез Валуеву вопросные пункты. Было ясно, что чем бы не кончилось для Петра Александровича следствие, имя его будут трепать в канцеляриях и газетах, тень компрометации упадет на него так или иначе. По счастью, дьявол не попутал его не только в связи с башкирскими землями, природное нестяжательство спасло, когда в момент назначения председателем Комитета министров — январь 1880 года — Грейг, тогда министр финансов, хотел устроить ему земельное пожалование. Валуев и тогда долгом посчитал отклонить эту награду и даже благодарил государя за разрешение это сделать. Грейг-то хлопотал не из любви к Валуеву. За неведомые успехи в заведовании казенными лесами в Польше несколько времени тому назад он выклянчил себе лесные угодья якобы из расчетно-

го дохода в 4 тысячи рублей в год; дав чиновникам взятку, он добился такого снижения стоимости дарованного леса, что полученные несметные гектары принесли ему миллионную собственность. Теперь Грейг хотел укрыть свои делишки, оттого и просил для Рейтерна и Валуева того же. Рейтерн, как и Валуев, от земли отказался, но попросил 100 тысяч рублей; Валуев же не взял ничего³⁹. Отметь, читатель, подвиг честного человека! А это ведь, действительно, нравственный подвиг — тебе предлагают не грязную взятку, а официальную дачу, да еще представляющую целое состояние: царский подарок был бы не мал.

29 сентября Петр Александрович посылает прошение об отставке, ссылаясь на состояние здоровья. Ему неприятно писать человеку, который его явно не любит — императору Александру III, — и, пользуясь званием члена Государственного Совета, он направляет письмо новому председателю Госсовета великому князю Михаилу Николаевичу.

«Вашему высочеству вероятно известно, что по Оренбургскому делу я могу быть в ответе только за недосмотр или частные исполнительские ошибки, потому что я не только не имел никакого участия в льготных приобретениях, но даже отказался [в 1880 году] от всемилостивейшего пожалования»⁴⁰. («Льготная продажа» — этот эвфемизм укрепился в казенной переписке; если бы назвать вещи своими именами, пришлось бы судить немало высокопоставленных лиц, и скандал разросся бы до необычайных размеров. Как всякое неподконтрольное парламенту или обществу учреждение, правительство Александра II не «выдало своих», ограничившись келейными, административными мерами.)

Вежливый Михаил Николаевич почел необходимым приехать к Валуеву. Из аккуратных слов великого князя лишний раз было понятно, что «государь сильно предубежден» и что «просьба об увольнении не без нетерпения ожидалась»⁴¹.

4 октября последовал указ Правительствующему Сенату.

«Снисходя на прошение нашего статс-секретаря действительного тайного советника графа Валуева, всемилоостивейше увольняем его, по расстроенному здоровью, от занимаемых должностей председателя: в Комитете министров, в Кавказском комитете и в комитете прошений, на имя наше приносимых, с оставлением членом Государственного Совета, звании статс-секретаря и почетного опекуна». (Звание опекуна и почетного опекуна – одно из официальных гражданских званий.) 18 октября указано было сохранить оклад содержания – 18 тысяч рублей в год и квартирных денег 6 тысяч⁴².

Карьера Петра Александровича Валуева закончилась. Занавес упал.

Следствие о расхищении башкирских земель тянулось еще несколько месяцев, до конца января 1882 года. 2 февраля председатель Госсовета направил графу Валуеву официальное письмо.

«Государь-император, рассмотрев журнал Комиссии по делу о распродаже на льготных условиях казенных земель в Оренбургском крае, повелеть соизволил: выразить Вам неодобрение Его Императорского Величества действий Ваших по званию министра государственных имуществ, заключавшихся в несогласном с законом и с интересами казны направлении означенного дела и в недостаточном, с Вашей стороны, надзоре за подчиненными Вами лицами»⁴³.

Сентенция формально была справедлива. Не виновный в неправомерном приобретении, министр государственных имуществ был виновен в небрежении обязанностями: он прекрасно понимал, что дело нечисто, ибо видел, с какой алчностью набросилась хищная стая на башкирские земли. «Куски государственного достояния, словно падаль, на которую налетают коршуны»⁴⁴. Отчего же не воспрепятствовал, не остановил? Не хватило духу перед сановным потоком. Да кроме того, считал, что земля,

проданная крупному частному владельцу, принесет доход казне и будет лучше использована в сельском производстве. Но все-таки Валуев был прав, когда негодовал, что с момента, когда Урусов официально объявил ему о производстве следствия в комиссии, составленной из нескольких министров, никто не вызывал его, не интересовался его объяснениями, не выслушал его перед тем, как объявить решение, которое звучало приговором⁴⁵. Три месяца над Петром Александровичем висела тяжкая неизвестность, из которой могло вынестись все, что угодно, в том числе и обвинение в преступном корыстолюбии — примеры уже бывали, вспомним Боровкова. Тем более что, как потом узнал Валуев, князь Ливен, товарищ министра государственных имуществ, в попытке обелить себя, возводил на своего бывшего начальника всевозможную клевету⁴⁶.

6 февраля Петр Александрович был вызван в Гатчину и «имел продолжительную, благосклонную, исключительно уфимскому делу посвященную аудиенцию. «Вы один с честью вышли из этого дела»⁴⁷ Главным корыстолюбцем оказался князь Ливен, сменивший Валуева на посту министра государственных имуществ. Ливен был уволен «без прощения» и даже выведен из состава Госсовета.

Удивительное бескорыстие Валуева произвело впечатление на императора. Насмешливо-недоброжелательное отношение сменилось некоторым уважением. Через полтора года происходило коронование в московском Успенском соборе. Незадолго до этого Валуев получил на роскошно оформленном бланке следующее уведомление:

**ВЕРХОВНЫЙ ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР
ПРИ
СВЯЩЕННОМ КОРОНОВАНИИ
ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ**

Государю-императору благоугодно было возложить на Ваше Сиятельство несение ДЕРЖАВЫ в день священного коронования Их Императорских Величеств⁴⁸.

Держава — один из двух главных атрибутов и символов самодержавия. Нести ее было большой честью, но незадолго до царской коронации умерла Анна Ивановна, жена Валуева, и земные почести приобрели «для [него] условную цену»⁴⁹. Тогда же, в день коронации, трем самым долговременным министрам Александра II — Валуеву, Милютину и Адлербергу были пожалованы бриллиантовые знаки к ордену Андрея Первозванного⁵⁰. Это была дань памяти императора покойному отцу, но согласимся, что форма выбрана была весьма благородно.

Глава X

Петр Александрович всегда писал с удовольствием. Записную книжку завел, как мы помним, рано и тогда же начал «баловаться» литературой. С 1845 года стал вести дневник. Сперва это были отрывочные заметки, потом они превратились в подневные записи. Они стали серьезным делом: Валуев не просто фиксировал события, он оценивал их, выражал свое отношение; притом старался придать записям литературное изящество и отделку. Я уже говорил, что примечания к дневнику, составленные в 1868 году — лучшие страницы Валуева, пример отличной прозы.

В начале 50-х перед ним открылись журналы: его статьи по экономике, статистике и финансам, воспитанию появлялись в «Морском сборнике», «Географическом вестнике», «Отечественных записках». Затем наступила пауза — и надолго. Первый период его правительственной деятельности — у Муравьева и затем на посту министра внутренних дел — отнимал слишком много времени и душевных сил, ничем другим заниматься он не мог. Ухитрялся только сочинять статьи для своей «Северной почты», как потом для «Отголосков»; но это тоже был род службы. Три года между двумя министерствами были годами беспокойного ожидания — и тоже писать не хотелось, даже оставил дневник. Был в состоянии только вести меланхолические наблюдения за погодой и результаты опубликовал в «Известиях географического общества».

«Графические таблицы хода температуры и колебаний высоты барометра во время зимы 1871—1872 годов».

Возвращение к полнокровной деятельности придало задор. Славянофильские теории, заносчивый тон славянофилов давно раздражали Валуева. Для атаки он избирает не оголтелых панславистов, а славянофильских либералов — Самарина и Кошелева. Ну это уж так повелось — мы с ожесточением набрасываемся на идеологов, близких нам, но смеющих иметь собственное мнение, считая, что с врагами и разговаривать не о чем. Самарин и Кошелев печатают свои статьи за рубежом; прекрасно, это позволяет нашему герою и ответить им там же — внутри страны министру не очень удобно вступать в злободневные споры. Валуев издает в Берлине сборник «Русские заграничные публицисты», подвергая антигосударственные, по его мнению, идеи суровой и не во всем справедливой критике.

Но это был жанр, мало отличный от журнальной полемики. Хотелось же попробовать иное. Хотелось излить свои чувства и мысли, представить читающей публике давно сформулированные взгляды — все-все рвалось наружу, искало художественную форму. После нескольких лет управления министерством государственных имуществ обязанности стали рутиной, налаженный механизм не требовал особенного вмешательства, и Петр Александрович решился.

Осенью и зимой 76-го года он сочиняет роман. «Никто не подозревает, чем я занят», — с удовольствием отмечает он в дневнике. Работает, увлекаясь все больше. За три месяца готовы 16 глав, 300 страниц, перебеленные, годные к печати¹. Потом дела останавливают его, он пишет урывками и заканчивает через год. Название краткое — «Лорин»; так зовут главного героя.

Фабулу составляет великосветская любовная история в приподнято-романтическом стиле. Герои состязаются в жертвенном благородстве, случай неоднократно вмеша-

вается в события и приводит влюбленных к счастливому концу. Второстепенные персонажи ведут долгие рассуждения о новых судах и упадке дворянских имений, ведении дел в канцеляриях и о течениях философии, общественной безопасности и отношениях с крестьянами — это второй слой романа. Третья сторона — в действующих лицах, в сюжетных поворотах угадывается множество собственных реалий автора, его жизненных коллизий, даже самооценка. Так, в родителях героини — Соболиных — обнаруживаются черты романиста и его жены Анны Ивановны, проступают их жизненные обстоятельства. «Глубокая взаимная привязанность, возникшая при исключительных обстоятельствах, не ослабевала, но крепла со временем. Путь жизни был пройден вместе и дружно до порога старости, но он оказался трудным путем, и густые облака часто застилали то небо, которое безоблачно улыбалось молодой чете... Его [Соболина] имение приносило скудный доход, часть жены заключалась в денежных капиталах и по размерам своим нисколько не обеспечивала будущность семейства в той общественной среде, к которой Соболины принадлежали по происхождению, связям и привычкам. [Соболин] решился поступить в гражданскую службу» (он директор канцелярии при некоем Главном Начальнике). «Соболин был ценен и уважаем на службе; он обладал способностями и познаниями, сочетание которых у нас встречается довольно редко, и никогда не уклонялся от труда. Между тем семейное горе не раз охватывало в нем сердце и ум железными тисками. Соболины имели несчастье лишиться сына», а сын Соболиной от первого брака болен чахоткой.

Тут все похоже, но в инверсии. И у Валуева — второй брак, а сын от первого брака умер.

Характеристика Лорина несет элементы авторского самовосприятия: Лорин обладал «установившимся характером, с природным умом и весьма порядочными познаниями, со светскими привычками без жеманства и с

выгодной наружностью без лишнего по этому поводу самодовольства».

Собственное мироощущение вложено в характеристику друга Соболина, расположенного к Лорину барона Рингшталя — «немец по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, [барон] считал себя русским, прибавляя только, что он русский петровской, а не допетровской Руси. Он имел свой взгляд на все так называемые окраинные вопросы и утверждал, что для правильного разрешения их необходимо было смотреть на них с государственно-русской точки зрения. Правда, большинство не разделяло мнений барона, но он говорил, что время его оправдает».

Взгляды, противные авторской позиции, отданы ужасному злодею, интригану и сплетнику князю Чекалову. «Все департаменты переполнены чиновниками, не знающими ни России, ни коренных условий общественной деятельности, — злопыхательствует Чекалов. — Мы, землевладельцы, испытываем на себе бюрократические порядки».

Любовная интрига — «треугольная». Блестящий кавалергард Лорин устал от своей любовницы графини Искрицкой. На светском рауте графиня устраивает ему сцену, ревнуя к девушке, с которой Лорин случайно познакомился, Ольге Соболиной. Искрицкая объявляет, что готова освободить своего возлюбленного и уедет за границу. Лорин не может принять жертву — графиня его безумно любит, она будет несчастна. Долг чести велит ему оставить полк, выйти в отставку и уехать вслед за графиней. Поступок Лорина производит на Ольгу сильнейшее впечатление — и восхищение незаметно переходит в любовь. Она приходит в Казанский собор и видит там Лорина — он пришел помолиться перед отъездом. «Лорин стоял, прислонясь к правому столбу, одному из двух, на которых покоится часть купола». (Любимое место Валуева.) Лорин ожидает Ольгу на выходе, они разговаривают, прощаются.

ся, но слова только скрывают их чувства. Старушка на паперти благословляет их.

Заболевшую Ольгу отправляют лечиться за границу. Она в Риме, где оказываются Лорин с Искрицкой. Искрицкая и Ольга встречаются в галерее Боргезе и проявляют друг к другу удивительное благородство и такт. «Могла ли Ольга после этой встречи и после того порыва души, под влиянием которого она протянула руку графине, себялюбиво стать между нею и Лориным? Могла ли она сама продолжать любить Лорина, как она его теперь любила, если бы он мог изменить этому долгу и из любви к ней бессердечно уязвить и оскорбить женщину, которая ему всем пожертвовала?» (Переключка с Анной Карениной вполне явственна: Зинаида Искрицкая замужем, но ушла от мужа к любовнику. На майском параде на Царицыном лугу на Лорина налетает норовистая лошадь, с которой не справился всадник, — Лорин падает, испуг Ольги — аналогия со сценой скачек и падения Вронского просто бросается в глаза.)

Очередная случайная встреча Лорина и Ольги в Колизее. Они наконец объясняются в любви и... расстаются. Ольга: «Мы стоим на святой почве, где пролилась кровь святых мучеников; перенесем страдания безропотно... Ольга нагнулась, сорвала белую розу с куста и, отдавая цветок Лорину, сказала: — Возьмите и сохраните на память о сестре Ольге, которая вас любит, будет любить и молиться за вас по-прежнему!» Лорин: «Ольга! Благодарю вас! Дайте руку на одно мгновение! В мире удаляюсь и возьму от вас святую силу на путь жизни!»... Уходит.

Графиня Зинаида страдает. «Я люблю его по-прежнему. Моя жизнь переполнена и слилась с ним. Он прежде любил меня, теперь он старается, он почти принуждает себя. Но его сердце менее покорно, чем воля. Оно отпадает, оно уже отпало от меня. Не я ему нужна...»

Приезжает барон Рингшталь (Жорж Жермон) и объясняет Зинаиде (Виолетте), что «мужчине тяжело и язви-

тельно бесповоротное отречение от свободы воли и свободы дел. Вы можете возвратить ему свободу, но не предлагая ее, а даруя». Искрицкая уезжает, барон передает Лорину ее прощальные слова.

Лорин готов кинуться за графиней, Рингшталь его останавливает. Он советует Лорину вступить в гражданскую службу в провинцию. Тут кстати случившийся губернатор Краснозерска приглашает его к себе. Первый том завершается.

Во втором томе события идут быстрее, язык постепенно оживляется, становится проще, фразы вроде: «недоумение по случаю перехода конногвардейца в краснозерские чиновники и некоторое подразумевание таких тому побудительных причин, которые не могли быть легкими для Лорина» сменяются легкими и точными. «Его новое положение как будто требовало объяснений, а всякое положение, для которого нужны объяснения, кажется сомнительным или фальшивым». Губернаторша, светская дама лет 28-ми, обращает взгляды на Лорина. «Внимание женщины всегда останавливается на человеке, который слывет героем недавнего романа. Если его роль в нем не была предосудительной, то внимание легко принимает оттенок участия. Оно может сделаться более постоянным, упрочиться... Она была уверена, что встретит в нем ту особого рода взаимность, которая свойственна людям одного круга, случайно переброшенным в чужую среду».

Графиня Зинаида в Ницце. Она тяжело больна. Силы ее слабеют, надежда увидеться с Лориным тает, она находит утешение только в вере. Барон Рингшталь приносит известие, что Лорин заболел тифозной горячкой. Он рассказывает, что в горячечном бреду Лорин все твердил, что должен ехать в Ниццу и кого-то найти. «Мысль, что она могла бы его пережить, обдала холодом ее сердце». Читатель далее узнает о происходящем из писем Рингшталя Лорину. Графиня умирает, барон привозит ее тело в Пе-

тербург на кладбище Александро-Невской лавры. (Там похоронены Мария Петровна и Александр Валуевы.)

Лорин возвращается в Петербург, вступает в свой полк и приходит в дом Соболиных. Встреча с Ольгой. «Он поцеловал ее в лоб, сжал в своих объятьях и слушал, как билось ее сердце». Они отправляются в Казанский собор. «Ольга и Лорин прошли позади двух средних столбов и затем поворотили к правой стороне первого». (Топографически точное описание маршрута Валуева.) За них радуется прежняя старушка.

Свадьбы в романе нет, писатель заканчивает описанием более высоким. Лорин идет в Лавру, подходит к памятнику графине Зинаиде, становится на колени. Тишина. «Вдруг зашевелились деревья, звук колеблемых ветвей пробежал по кладбищу; через несколько мгновений все стихло. Тень! Не ты ли поднялась между ветвей, безропотно страдавшая, теперь утешенная!»

Поездки Лорина по Краснозерской губернии знакомят читателя с помещиками, с их взглядами на пореформенный помещичий быт. Их жизненная позиция — переданная их собственными рассказами — представлена со знанием дела и вполне объективно: министру внутренних дел Валуеву социальные проблемы деревни были ясны как никому другому. Привычные нормы взаимоотношений изменились резко, и к переменам никто еще не приспособился. Все словно бродит в темноте и, сталкиваясь, ощупывают друг друга — как отнесется помещик к наивным хитростям крестьян, как воспримут крестьяне жесткие меры защиты землевладельцем своей собственности. Тут вносит свою лепту новое правосудие, его помещики особенно приняли в штыки. Недавний владелец двух больших деревень князь Забелин рассказывает Лорину, что между ним и его бывшими крепостными «никакого спора или даже недоразумения по уставной грамоте не было». Он отдал им все, что положено, помогает

пособиями, лесом. «И несмотря на все это [с некоторым раздраженным удивлением говорит Забелин], есть какой-то затаенный разлад». И писатель достаточно тонко показывает читателю, что не видит его персонаж: холодно-отстраненное отношение к ним бывшего помещика отталкивает от него крестьян, «он щедр без радушия и добр без ласки». Просить его — неприятно, и мужики пускаются в потравы и порубки. Что делать? Идти судиться с мужиком Забелину не позволяет сословная гордость — против равенства всех перед законом все в былом душевладельце восстает, он не может стоять перед судом рядом с прежним рабом. «Архип или Пахом, с кем я судился и, следовательно, стал на одну доску, может после суда не снять шапки передо мною... Удержание престижа необходимо, а престиж может только в том и состоять, что крадут мой лес, но при этом ломают передо мною шапку».

Симпатии графа Петра Александровича на стороне князя Забелина, но писатель и государственный деятель Валуев не может сочувствовать Забелину-«хозяйственнику». В бесконечном противостоянии с крестьянами Забелин терпит непрерывные материальные убытки — не может добиться «проезжимости» дорог, не может «проложить отводную канаву, потому что на это не согласно сельское общество», и даже вынужден нанимать работников со стороны, что обходится дороже.

На все, на все явления общественной жизни откликается наш автор, интерпретируя их по-своему, преподнося их в том освещении, под тем углом зрения, под каким они видятся умеренно-либеральному = умеренно-консервативному члену правительства. (В этих моих эпитетах совершенно нет порицания или усмешки. Это констатация позиции Валуева — и только.)

Новые судьи, новоявленные адвокаты упиваются своими правами, своим влиянием, своим красноречием, слышим мы из уст сельского землевладельца. «Суды ста-

раются при всяком удобном случае умалить значение власти и поколебать ее авторитет, глумясь над нашей бедной полицией, бессильной и сбитой с толку. В этом отношении суды и газеты на одной доске. А политические процессы? Иногда кажется, что председатель и судьи пересели на скамью подсудимых, защитники разъясняют социальные теории, а важные сановники ездят на эти судебные сатурналии, как в театры». (Точное воспроизведение процесса Веры Засулич, как он виделся Валуеву.)²

А вот и борзописцы. Некий репортер описывает в наглом, фамильярном тоне празднество, данное краснозерским губернатором, князем Пронским. Ни за что достается жене губернатора, рассыпаются гнусные намеки, всякому действию придается подозрительный характер и все сопровождается густым замесом гражданской скорби и общественного негодования. Сколок с инсинуаций желтой прессы выполнен Валуевым превосходно.

Из Петербурга пришел запрос о недоимках и общем положении дел. Губернатор собрал совещание, и кто-то из его помощников предлагает создать комиссию и поручить ей подготовку материалов для ответа. Сюжетный ход выглядит несколько искусственным — зачем тут комиссия, когда речь идет о подборе статистических данных, имеющихся в губернских учреждениях, — но он дает автору возможность ополчиться против «комиссионного» пристрастия по всякому поводу. Не забыты и бюрократы министерского ранга. Петербургские канцелярии витают в облаках. «В бумаге министра» проглядывает нежелание понять простую истину, — усмехается один из «провинциалов». — «Как не быть недоимкам, когда платежи постоянно возрастают?» Далее персонаж излагает любимые мысли Валуева. «У нас возросли вовсе не правительственные подати, а местные, общественные сборы... Содержание земств стоит денег, на деньги переложены дорожные повинности, увеличились расходы по врачебной части, по училищной части. Для приобретения денег

нужен производительный труд, между тем сумма труда не увеличилась».

Известная часть общества страдает ксенофобией? Автор откликается и на это. Перед читателем письмо некоей Мощиной, полное предрассудков и агрессии, будто списанное со страниц шовинистической прессы. «Помещик нашей губернии барон Шван, вообще, человек хороший, но все-таки немец и лютеранин, и не может понять, что для нас Рига и Ревель то же самое, что Краснозерск или Белорецк... В наше время с фонарем приходится искать людей искренно сочувствующих русскому делу. Хоть бы, например, Пронские. [Губернаторская чета.] Они ли не русские? И по вере, и по происхождению, и по воспитанию. А все-таки от них веет чем-то, что может быть Петербург и Европа, но только не Россия, как мы ее понимаем и должны понимать». Услышав, что не хватает икон для открываемых православных церквей «в нашей Остзейской окраине», Мощина «позволяет себе высказать мысль, что следовало бы просто взять иконы из запечатанных раскольниковых молелен и из закрытых католических костелов и каплиц».

Из другого письма, письма княгини Пронской, мы узнаем, сколь безрезультатными остались попытки губернатора и его жены сойтись с провинциальным обществом, расположить его к себе. Их аристократический либерализм оказался неприемлем. Чиновники новых учреждений «самодовольны, самоуверенны, заносчивы... А между тем в них, большей частью, ничего нет, кроме либеральных фраз на новый лад. Встречается и какой-то острый, желчный, себя исключительно патриотическим признающий элемент. Для него мы не русские, как для тех мы реакционеры, гасильники, или даже крепостники». Это уж просто вопль души автора, вечно находящегося под перекрестным огнем «демократов» и «патриотов»!

Обсуждают герои романа и роль земских учреждений,

и место церкви в жизни народа, и положение приходского священства, и направление современной мысли, и критерии прекрасного в беллетристике, и назначение литературы. Роман — большой, и в нем достало место и любви, и «общественному чувству».

«Лорин» вышел отдельной книгой в 1882 году. Любви линия романа, хоть на современный взгляд и кажется выпяченной, отвечала законам жанра, и была ничуть не хуже обычно принятой в развлекательной беллетристике XIX века. Но, конечно же, «Лорин» не стал событием в литературе. Роман перегружен рассуждениями на отвлеченные темы, которые часто кажутся лекциями, а не естественным, непринужденным обменом мнений. Автору временами не хватает той самой «художественности», о которой так замысловато и докторально говорит в романе некто Бочаров. «Всякое понятие можно считать более или менее относительным, в смысле большей полноты или интенсивности известных условий или признаков; но без этих признаков, то есть в данном случае признаков художественности, литературное произведение не может быть художественным». Когда же наш герой берется описывать повседневную деятельность администраторов, его словно втягивает в себя канцелярия, он впадает в такой бюрократический язык и даже образ мыслей, что поражешься отсутствию вкуса и слуха у столь образованного человека.

Окончив роман, Валуев пишет повесть «У Покрова в Левшине» и публикует ее раньше «Лорина», в 1881 году.

Автор «Лорина», кажется, считает, вместе с одним из героев романа, что чтение — это, преимущественно, дамское занятие, и строит сюжет «У Покрова...», явно исходя из этой посылки. Любовь двух нежных и благородных сердец, препятствия, чинимые их браку родственниками с обеих сторон, коварные козни двух негодяев, священни-

ка и его сына, добрые друзья и стоящий на страже чести и нравственности жандармский генерал. Стандартная схема, скажет читатель, но разве гений Верди не преобразил банальную историю в великое произведение искусства? Но для этого обыкновенного таланта мало, надо еще обладать божественной искрой...

Однако Петр Александрович обладал достаточным литературным умением, чтобы сделать повесть занимательной, и читатель (читательница) с сочувствием и интересом следит за развитием сюжета. Портрет деспотичной и злой тетки героини представлен не характеристикой, а изображен ее поступками, ее словами, ее разговорами, и сделано это вполне профессионально. Ряд сцен написан остро, найдены удачные реплики. Холодный тиран отец благочинный, которого один из героев сравнивает со средневековым инквизитором, настойчиво, неотступно понуждает больного отца героини поступить ей во вред и доводит его до сердечного приступа; через несколько дней бесконечно любящий свою дочь благородный отец умирает. По окончании панихиды в церкви «отец Поликарп [злодей] подошел к Вере и ее благословил». Вера молчала, «не сделала никакого движения», ничего ему не ответила. Когда же другой, добрый священник ее упрекнул — робкая, мягкая до этого девушка «взглянула прямо в глаза отцу Антонию и медленно проговорила:

— Он убил моего отца...»

Заговор вокруг героини сгущается. Жестокая тетушка Варвара Матвеевна, к тому же поработенная волей отца Поликарпа, стремится во что бы то ни стало выдать племянницу замуж за его сына Бориса. Получив категорический отказ, она устраивает Борису встречу с ничего не подозревающей Верой, предварительно выслав из дому всех слуг. Воплощенный мерзавец Борис (он еще и заговорщик, вербующий студентов), пытается овладеть Верой. «Он оттолкнул кресло и успел схватить Веру за руку; но в эту минуту вбежавшая стремглав Параша» (преданная

горничная сумела спрятаться от Варвары Матвеевны) бросилась на насильника и оттащила его от трепещущей барышни. Вера бежит из дома к добрым друзьям Крафтам. Читатели, так же как и героиня, поражены неожиданностью. Отметим, что вся эта сцена построена умело и написана динамично.

Писатель несколько раз оставляет за пределами повествования некоторые эпизоды, входящие в цепь событий, но без которых рассказ может обойтись — последующее объяснит прошедшее. Этим приемом автор сжимает действие, заостряет его, заставляет читателя внимательно следить за ходом происходящего. С другой стороны, попытка автора создать напряжение, обставляя нарочитой таинственностью возвращение из-за границы возлюбленного героини, не очень удастся; задолго до конца повести понятно, что история идет к счастливому завершению.

Повесть «У Покрова в Левшине» была опубликована в «Отголосках» за 1881 год в четырех номерах: 5—7 и 9. Напечатана отдельной книгой в 1892 году, и в третий раз издана издательством «Аграф» в составе сборника сочинений Валугева в 2002 году³.

Стиль и композиция «У Покрова в Левшине» выгодно отличаются от «Лорина». Исчезли длинные отвлеченные рассуждения, «бюрократизмы» и плохо построенные предложения. Валугев это, видимо, почувствовал, утвердился в убеждении, что «научился писать», что найденная форма наиболее привлекательна, и третью повесть, «Черный бор», повел по стопам ее предшественницы. Сюжетные аналогии, сходство коллизий, «родство» персонажей обеих повестей не оставляют сомнений: автор решил не утруждать себя изобретениями, не скрывает этого и даже своих героинь называет почти одинаково: Вера Сербина из «Покрова...» как две капли воды похожа на Веру Снегину из «Черного бора». Обе нежны, робки, но верны

любви и тверды, когда нужно отстоять себя и свое достоинство. Обоих из корысти преследуют злые женщины; обе героини вынуждены бежать от их притязаний. Оба возлюбленных по непонятным причинам уезжают за границу, интрига в обоих случаях строится на том, что герои возвращаются в самый последний момент — еще немного и зло успеет восторжествовать. В обеих повестях сцены исчезновения героинь придуманы и разработаны очень увлекательно. Обе повести завершаются «голубым и зеленым».

Персонажи «Черного бора» почти всегда говорят просто, без дурной литературщины, это, в общем, вполне разговорный язык. Но одинаковый у всех, и язык старого слуги-крестьянина почти неотличим от господского. «Барон соорудил икону... [надпись] вделана позже... она не по-русски, а на английском языке... Он был здесь проездом и сказал мне, что пробудет около двух месяцев в Москве», — так изъясняется бывший крепостной.

Всю жизнь Петр Александрович исповедовал идею примирения христианских конфессий. Он проводил этот тезис в своей государственной деятельности; проповедь веротерпимости проходит заметной полосой по страницам его научных, религиозных, социальных, литературных произведений. Рассуждения на философские, отвлеченные темы отдан в «Черном боре» только один эпизод, но избран был для него именно этот вопрос.

Англиканский пастор, глубоко преклоняясь перед православием, проповедует мир между христианскими церквями. Слова пастора весьма точно передают позицию Валуева, их стоит привести. «Я убежден, что будущее единение должно состояться на вашей [православной] почве более, чем на нашей, потому что ваша старше и шире, и более, чем на латинской, потому что на вашей более духовной свободы, но и не без примеси наших взглядов и обычаев, потому что у нас нет той кристаллизации, которую

вы у себя допустили, и нет того постоянного противоречия с жизнью, которое есть следствие кристаллизации». «Кротость приемов» — инструмент пастора и автора. Убеждать — не значит подавлять. «Никогда не одобряйте никакого религиозного гнета. Но где есть гнет и вы против него можете сказать слово, пусть оно будет вами сказано»⁴.

Есть еще одна черта, общая для всех произведений Валуева: в них присутствуют немцы, в самом положительном образе. Они поддерживают, утешают, выручают героев, приносят хорошие новости, они скромны и бескорыстны. Барон Рингшталь в «Лорине» — добрый дух главного героя, аптекарь Крафт в «Покрове...» — самый надежный защитник Веры Снегиной, барон Вальдбах в «Черном бору» — олицетворение преданности и незлобivosti. При этом они русские патриоты в самом благородном значении этого слова.

Хотя действие в произведениях Валуева большей частью обходит Петербург стороной, но сам автор не может отрешиться от его атмосферы. Немцы же — существенная часть этнического пейзажа Петербурга. Во времена сочинений Валуева доля немцев в почти семисоттысячном населении столицы составляла около 6% — больше любой другой национальной группы, кроме русских. Но в привилегированных слоях их было еще более. Численность дворян-немцев достигала 9%, купцов — 14%, мещан — 9%. Что касается профессиональных занятий, то в гражданской администрации немцев было 19%, в администрации крупных предприятий — до 40%, владельцев предприятий — 24%, столько же преподавателей, 34% врачей, 27% аптекарей, фельдшеров и акушеров⁵. Немец-доктор, немец-негоциант, немка — классная дама или учительница музыки — характерный элемент городской жизни. Явление это давно нашло отражение в художественной литературе — достаточно вспомнить Пушкина, Лермонтова,

Гончарова, Толстого. Но у Валуева немцы приобретают оттенок нарочитой добродетели — ему явно хотелось подчеркнуть их полезное влияние на окружающих, благотворность присущей им благовоспитанности и сочувствия людям.

Увлечение беллетристическими задачами ненадолго остановило интерес Петра Александровича к задачам публицистическим. Да и в художественном творчестве, как мы видели, он не забывал о них, а «Лорин» вообще выглядит рамкой, обрамляющей картину социальных и моральных взглядов автора. Темперамент Валуева влек его прежде всего к популяризаторским трудам всякого рода: общественно-политическим, финансово-экономическим, природоведческим, религиозным.

Последние годы министерской деятельности были плодотворными для нашего героя. Но освобождение от государственных обязанностей создало новые возможности: можно было набрать воздуха и писать без оглядки на официальное положение. Сразу после отставки он начинает работу над очерком «Экономические и финансовые проблемы», подписав Б.М. (бывший министр), печатает его в «Отголосках», а зимой выпускает отдельным изданием.

«Тронулось и побежало перо». Перед нами программа деятельности, адресованная здравому смыслу, ориентированная на либеральные экономические ценности, результат опыта, оценки и размышлений.

У нас преобладает пессимистический взгляд на наше экономическое положение, констатирует Валуев. Ситуация действительно не радует, но нас уверяют, что у нас нет ничего и впереди. «Перед всякими другими известиями предпочтительнее вести о бедствиях, неурожаях, голоде, пожарах, застое торговли, обеднении народа и злоупотреблениях администрации». Но если и отбросить нагнетание ужасов, зрелище остается достаточно удручающим.

В поисках пропитания население «запродает свой труд вперед, продает за бесценок хлеб на корню». Жизнь дорожает. Финансы страны в тяжелом положении. Курс рубля некрепок. «Бюджет с 62 года увеличился в два с половиной раза, но разве наше народное богатство увеличилось настолько?» Разве какая-нибудь отрасль промышленности отличается развитием? Наше главное богатство — земледелие — почти не растет, и со всех сторон слышны жалобы помещиков, крестьян, наемных рабочих. Кризис обрушился на промышленность, и в выигрыше остались только спекулянты, но их «выигрыш означает не экономический рост страны, а болезненную форму перемещения средств из производительной области в непроизводительную».

Что же делает правительство? Пытается залатать финансовые дыры самым примитивным способом — повышением всех видов обложений, причем наибольшая тяжесть падает на бедные слои. Приводя количественные характеристики бюджета, Валуев обнажает устрашающую картину: более трети дохода приносит питейный акциз, а половину расходов составляют затраты на содержание и перевооружение армии.

Какова же альтернатива? Разумеется, всемерное развитие народного хозяйства и, прежде всего, его главной составляющей, сельского хозяйства. Чтобы разъяснить положение вещей, Валуев совершает краткий экскурс в историю, описывает главные моменты Положения 19 февраля. «Великое дело дарования личной свободы и прав на землю классу сельского населения» не могло совершиться без некоторого ущерба для класса землевладельцев. Вотчинники получили только 80% стоимости земли. (Валуев забывает сказать, что эта сумма все равно превышала рыночную стоимость отданной крестьянам земли.) Но и крестьяне остались временнообязанными до завершения выкупной операции. В настоящее время объявляе-

но понижение крестьянских платежей, это существенно облегчит их положение*⁶. Каким же путем следует идти далее? Увеличением крестьянских наделов? Но где взять землю? В центральных районах свободных казенных земель практически не осталось, продать нечего. Покушения на передел, исходящие от социально-революционных кругов, Петр Александрович категорически отвергает. «Мутят умы, приводят их в тревожное настроение и способствуют распространению среди них опасных толков, которые возбуждают в массах неосновательные притязания и неосуществимые надежды». Переселение — дело героическое и не всякому дано, а за Уралом осталось казенных земель всего 3,2 млн десятин. (История с башкирскими землями оставила в нашем герое слишком неприятный осадок — и теперь к идее переселений он относится скептически. Между тем даже считая на душу по 10 десятин, что в несколько раз выше среднего надела в центральных губерниях, Приуралье и Западная Сибирь могли бы принять 320 тысяч крестьян-землевладельцев, более полутора миллионов человек крестьянского населения.)

Итак, свободных земель нет, да и не в них дело, считает Валуев. Раскрепощение «улучшило условия материального быта крестьян», но беда-то в том, что эмансипация «ухудшила их общественный, нравственный, гражданский быт». Положение 19 февраля устранило влияние, воздействие барина на жизнь и поведение крестьянина, но моральный патронат душевладельца не был заменен ничем другим. И если уж многие помещики с трудом справляются с новой обстановкой, то тем более это сложно для крестьянина. Поэтому всякая агитация против дворянства приносит только вред крестьянству. «Оба со-

* Это замечание позволяет установить, что отдельное издание очерка, хоть оно и помечено 1881 годом, Валуев корректировал до последней минуты: указ о понижении платежей был подписан 28 декабря.

словия нуждаются друг в друге». Землевладельцам требуется рабочая сила, но и крестьянам не лишен совет, помощь, благотворительность их бывших господ. Хорошее поместье — источник хорошо оплачиваемой работы, пример правильного ведения хозяйства.

Но одним «благорастворением воздухов» не поправишь дела. «Усовершенствованные земледельческие приемы и порядки несовместимы с формами общественного владения, с переходом из рук в руки участков, с переделами. Начало круговой поруки обременительно для состоятельных домохозяев и при этом не обеспечивает существование нуждающихся... При общественном землевладении понятие о крестьянской собственности есть фикция... Хозяйственные неудобства очевидны, но [община] имеет силу вековой привычки», многие придерживаются взгляда, что община — «наиудобнейший способ страхования масс от крайних нужд и обеспечения оседлости». (Валуев явно сомневается в этом.) Дорога к расширению крестьянского землевладения лежит на пути преобразования общей земельной собственности в частную. Именно этому виду владения следует оказывать всяческое содействие, в том числе и кредитом. Кредит для крестьян должен быть дешевым, долгосрочным, т.е. государственным. Организация таких учреждений обсуждается у нас несколько лет, но результата нет и не будет, пока земельная собственность не сделается частной — никто не захочет «иметь дело с неким обществом заемщиков; попробуйте, в случае банкротства, отобрать залоговую землю у нескольких сотен крестьян».

Что касается перенаселенности плодородных губерний, то «самая из них населенная — пустыня, по сравнению с любой европейской страной». Следовательно, не там ищем решения. Нужно прежде всего «признать их [крестьян] полноправными гражданами государства», поставить их под сень общего для всех закона, стало быть, сделать их реальными собственниками, т.к. «разви-

тие гражданской самостоятельности невозможно при шаткости понятий о правах и обязанностях, вызываемой общинным владением». Эта неясность, в свою очередь, связывает перемены с надеждой «на дарование каких-нибудь льгот или со стеснением чьих-нибудь прав». При этом «зависимость быта от собственных сил и стараний» уходит из сознания. Задолго до Витте и Столыпина Валув объясняет желающим услышать и понять, что лишь наделением крестьян полными гражданскими правами, правами юридического собственника, *экономической свободой* можно предотвратить сползание крестьян к «стеснению чьих-нибудь», то бишь владельческих прав наличных землевладельцев. *«Постепенное образование многочисленного класса мелких, но достаточных и крепко сидящих на земле земельных собственников, нам кажется одним из существенных условий для развития производительных сил страны и вместе с тем для развития и обеспечения в ней гражданского порядка».* (Курсив мой. — Ю.З.) Формула спасения, к которой никто не прислушался.

Вторая половина статьи посвящена положению финансов. Мысли Валуева по этому поводу ранее находили свое место в закрытых записках, теперь пришла пора изложить их читающей публике.

На очереди — проблема восстановления ценности бумажного рубля. Один из предлагаемых способов — частичное изъятие кредитных билетов из обращения. Если и пойти на эту меру, то весьма осторожно, чтобы не внести замешательство в торговые отношения. Но лучше не изымать деньги из оборота, а поднимать их курс развитием хозяйства, увеличением экспорта. «В Америке металлическое обращение восстановилось само собой, когда избыток государственных доходов за 12 лет составил 633 млн долларов, а положительное сальдо торгового баланса достигло 455 млн долларов». У нас же огромные суммы утекают за границу без всякой пользы. «Тягость нашей жизни и легкость жизни за границей образовали русские колонии в

Дрездене, Бадене, Ницце, Париже — там ежегодно растрачивается 25–30 млн рублей. Вложите заграничные русские деньги в Россию! И при благоприятных условиях развитие народного благосостояния примет автоматический ход. Силы окрепнут, одни послужат подспорьем других, успех в одном труде вызовет успех в другом. Законодательные и административные меры могут ускорять или замедлять процессы, но не могут выступать движущей силой».

Россия страна земледельческая, хлеб — одна из главных статей отпусковой торговли, поддержать «соперничество с другими странами может только интенсивное хозяйство, общинное же — не может быть интенсивным. Отсюда важность грамотного ведения крупного помещичьего хозяйства». Эти хозяйства являются «двигателем производительности», они должны стать примером. «40 миллионов крестьян нуждаются не в льготах и пособиях, а в экономической свободе». Этому должно способствовать и законодательство — оно должно быть «благотворным, а не благотворительным»^{*}

Не сказать, что все бы соглашались с суждением Петра Александровича о положении крестьян, с тезисом, что малость земли, отданной крестьянам, никак не влияет на их благосостояние. («Мы докажем неосновательность толков о необходимости расширения пределов крестьянского землевладения», — говорит он.) За год до появления валуевской статьи министр финансов Бунге — достаточно авторитетный человек — докладывал Александру II, что во многих местах «наделы недостаточны для прокормления крестьян и для доставления им средств к уплате налогов и выкупных платежей»⁷ Еще раньше, в 1878 году, к такому же выводу пришел Главный комитет по устройству сельского состояния⁸.

^{*} Петр Андреевич Вяземский когда-то сказал: «Власть должна быть сильна, но недосадлива».

Передача крестьянам полных индивидуальных прав собственности на землю — мера абсолютно необходимая, тут мнение Валуева бесспорно, но масштабы крестьянской бедности Петр Александрович, видимо, представлял себе плохо: интенсификация крестьянского хозяйства потребовала бы не только «зарубежных российских денег», тем более что сам по себе призыв вернуть деньги домой вряд ли имел бы успех, но гигантских государственных кредитов. На рубеже 80-х годов это еще был «параллелограмм сил». Разрешить его могло только промышленное развитие — увеличение оборотных средств, свободных капиталов, собственной продукции. Предложенное Валуевым направление социального движения полностью реализоваться в начале 80-х еще не могло, но оно делает честь его прозорливости. Однако ничто не мешало правительству приступить к упрочению гражданских свобод крестьянского сословия — но это значило бы переступить через себя.

Валуев был очень религиозным человеком. Его дневниковые записи пестрят упоминанием Бога, упование на Провиденциальную мощь предваряет каждое решительное намерение или предстоящее действие. В праздники, в воскресенье он с семьей непременно посещает церковь. Есть у него предпочтительные храмы — например, Казанский собор. Куда бы он ни отправлялся, первым порывом было посещение местной церкви⁹. Влиянию религии на нравственную жизнь Петр Александрович придавал первостепенное значение, считал необходимым участие священников в преподавании, сельскую же начальную школу полагал единственно правильным совершенно отдать в руки церкви. Чрезвычайно важным считал повышение авторитета церкви; собственно, этой идеей и целью вдохновлялась вся церковная реформа, которую он инициировал и которой отдал массу сил. Христос полагал Петра основанием церкви, другой Петр желал бы поставить

церковь краеугольным камнем морали, человеческих отношений, даже государственного управления и политики. Но при всем высоком почитании православия Петр Александрович не мог заставить себя искать опоры в церковном институте и находил силу в вере, а это весьма существенная разница в глазах церковных иерархов, особенно ортодоксально мыслящих. «При нынешнем направлении дел церкви нигде не вижу ни правды, ни привязанности к вере, ни совести, ни приличий. Могу рассчитывать только на самобытную силу истины»¹⁰.

Своей верой и надеждой он решил поделиться с людьми, дать им чтение, укрепляющее дух. Сделать это надо в форме необычной, привлекательной. Это будет собрание религиозно-назидательных текстов для каждого дня, взятых из книг, проповедей и речей церковных деятелей, мыслителей, писателей, ученых. Подобные сборники достаточно распространены в других ветвях христианства, но в православной традиции их почти нет.

Валуевский «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года» обращался к людям, жаждущим поддержки и утешения. Поучения, притчи, рассуждения должны были открыть смысл и цель жизни, воспитать в человеке человека, научить жить среди других людей, уберечь от соблазна — в чем, собственно, и состоит главная функция церкви.

Грусть и печаль текут со страниц книги. Будь готовым к страданию и горю в сей юдоли. Блаженны плачущие, ибо сердца их смягчены. Но горе и страдания несут печать благодати, они позволяют нам вглядываться в самих себя, дать себе отчет в праведности или неправедности нашей жизни, оторваться, хотя бы на время, от забот и желаний, которыми она заполнена. «Ничего нет опаснее постепенного, нам незаметного почерствения сердца», которое возникает в бездуховном течении жизни.

Предваряя свой сборник, автор сообщает читателю, что тексты взяты им «без прибавлений» и изменений из

сочинения Фомы Кемпийского «О подражании Христу» и немецкой книги «Часы благоговения» — в собственных переводах. Фома Кемпийский цитируется неоднократно.

«Часто не замечаем мы внутреннего ослепления. Часто поступаем худо, и что еще хуже — извиняем себя в том. Иногда действуем по страсти, а думаем, что движемся усердием...

Злые никогда не имеют истинной радости и не чувствуют внутренней тишины, ибо нет мира в нечестивых, глаголет Господь...

Лучше чтение божественных книг, нежели суетная беседа. Христианин должен смиряться и умять себя перед Господом. Себялюбие отрывает человека от его небесного предназначения. Оно есть корень самообольщения и самомнения, корень всех грехов...

Приучайся сносить с терпением недостатки других, ибо и ты имеешь их множество, кои сносят другие».

А вот русский зов, голос священника Иванцова-Платонова: «Человек есть гражданин мира. Святы и почтенны для человека название отца, сына, брата, члена общества, народа и государства, но всего почтеннее название человека»^{*}

Душеспасительные тексты разрезаются поучениями, когда нужно преподать человеку и обществу уроки социального поведения. Известное изречение «аще кто не хочет делати, ниже да не яст» сопровождается следующей сентенцией: «Так говорит хозяйствование. Так говорит и слово Божие. Если набожность служила иногда покровом для тунеядства, то это набожность ложная, отвергну-

^{*} Как перекликаются слова русского священника со словами французского философа: «Если б я знал что-либо полезное моей семье, но не моей родине, я постарался бы забыть об этом. Если б я знал что-либо полезное моей родине, но несущее опасность Европе, или что-нибудь полезное Европе, но несущее опасность человечеству, то желание исполнить это я рассматривал бы как преступление» (Монтескье).

тая верой Христовой. Подвижники собственной рукой доставляли себе пропитание. Истинно набожный трудолюбив. Независимость экономическая делает его свободным, не должным никому».

В душе Петра Александровича красота и бесконечное разнообразие природы всегда будили благоговейное и поэтическое чувство. Вот цитата из его большой статьи «Религия и наука», написанной вскоре после «Благоговейных чтений».

«Есть нечто таинственное во впечатлении, производимом звездноносным сводом ночного неба и во влечении к нему... Куда бы ни обращался наш взор и на чем бы он ни останавливался, от былинки в поле до ветвистого дерева, от цветистых равнин до ледяного горного хребта, от серебряных вод луговой реки до синих волн безбрежного моря — все приводит нас на память слова книги Бытия: «И виде Бог вся, елика сотвори, и се добро зело...» И над всем царит какая-то всеобщая, таинственная грусть, которая глубоко проникает в сердце, неотразимо охватывает ум, но притом более умиляет, чем печалит. Есть что-то вечернее в общем впечатлении, что-то более напоминающее о закате, чем о солнечном дне, и мы чувствуем, что смиряемся умом. Нам грустно — но в нас тише. Это «тише» так близко к молитве; а где молитва, там и вера»¹¹

И в «Благоговейных чтениях» Валуев говорит о том же, с упреком обращаясь к холодному наблюдателю, призывая его воспарить душой при виде Божественного мироздания:

«Сколь равнодушно проходит смертный под великолепным шатром звездного неба; при взгляде на него сколь редко возвышается его чувство к величию Творца. Да не явится никогда пред тобою великолепие и слава звездного неба без того, чтобы ты не вспомнил о вечном, чтоб не помыслил о величии и всемогуществе Божиим, коих никогда человеческий ум постигнуть не может!»

Но главное внимание Валуев отдает религиозным переживаниям и моральным наставлениям:

«[Есть] молитвы, которые по силе всепоглощающего чувства ни в каких словах не находят себе выражения. В исключительные мгновения, когда живая искра души порывается к Создателю, порыв так стремителен, в душе смешивается так много потрясающих ощущений, что слова бессильны их передать...

Не унывай, плачь больше, сокрушайся, но не унывай. Что тебе унывать, грешник! Бог пришел тебя спасти. Какой смысл имела бы жизнь человека, если б за пределами земного бытия не было другой жизни?..

Что надобно делать, когда нас обидают, оскорбят? Гневаться — вредно, платить обидою еще вреднее, забыть обиду всего лучше, но очень трудно. В молитве мы должны открыть Богу свою скорбь и печаль. Душа успокоится, волнение сердца утихнет и обида пройдет со слезами...

Когда строго отзываемся о других — мы скрыто превозносим себя...

Мы извиняем себя тем, будто то или иное слово «сорвалось с языка». К сожалению, с него гораздо реже срываются слова неосторожной правды и торопливого одобрения...

Для исцеления душевного нет лучшего места, [чем храм]. Там Господь и Спаситель, там сердца наши возносятся горе. Шесть дней — земле и плоти, пусть седьмой день посвятится Господу. Аминь».

Я не стану морализовать по поводу валуевского сборника; вышеприведенные отрывки говорят за себя сами. Но не так полагали церковные власти. Получить разрешение на печатание книги оказалось не столь простым делом. Иерархи вообще относились к Валуеву с большим подозрением еще с начала 60-х годов, когда он возбуждал и, по существу, проводил церковную реформу; они видели в нем возмутителя их флегматичного, безответственного спокойствия. В видах оживления церкви, привлечения к ней верующих Валуев настаивал, например, на привлечении

прихожан к хозяйственным делам церкви, увеличении роли церковных старост. Но церковнослужители предпочитали покров, за которым можно спрятать любые неприглядности. Валуев доказывал необходимость и пользу веротерпимости, но церковь не желала свободного соревнования; оно потребовало бы от нее активной деятельности, которой просто лень заниматься. Проще распускать слухи о склонности Валуева к протестантизму, к стремлению унижить православие. «Не должно обманываться: мы живем в век жестокого гонения на святую веру и церковь под видом коварного о ней попечения», — писал киевский митрополит своему confidentу в 1862 году¹². А первое лицо в церковной иерархии, митрополит московский Филарет, выражался откровеннее и злобнее: «Враг и гонитель православия, поляк (!) с примесью немца»¹³.

Злокозненный, выискивающий взгляд обнаруживает крамолу там, где ее и нет. В «Сборнике благоговейных чтений» церковная цензура усмотрела протестантскую ересь — оправдание верой. Слишком много автор отдает в волю людям и слишком мало оставляет церкви. Читая вашу книгу, не откажется ли прихожанин от посещения церкви, не вообразит ли он, что его личного, субъективного чувства достаточно для спасения? Не вздумает ли он затем самостоятельно читать и другие церковные тексты и трактовать их по-своему? К чему такое обильное цитирование католических и протестантских авторитетов? Ваша книга очень похожа на немецкую. (Из памяти цензуры еще не изгладилась попытка Валуева «протолировать» в печать в прошлом 1883 году немецкую книгу *Communionsbuch* в своем переводе, «пропитанную протестантским духом». Этот запрет, между прочим, и подтолкнул Валуева к созданию «Сборника», близкого по структуре к *Communionsbuch*).

Петр Александрович ожидал подобного отношения. Он не вставил в «Сборник» никаких собственных мыслей

и рассуждений — по крайней мере, ни к каким его словам нельзя было придаться, их не было. Понимая, что для церковной цензуры он *persona ingrata*, Валуев не ставит на книге свое имя — он ограничивается псевдонимом. Все это помогает мало. «Виделся с духовным цензором архиепископом Тихоном, — сообщает Валуев Головнину. — Боязлив и не вооружен»¹⁴.

В конце концов, после ряда поправок, Петру Александровичу удалось переубедить цензоров, и «Сборник» был напечатан в 1884 году в Петербурге, в типографии Балашова тиражом в 3000 экземпляров. Издание обошлось автору почти в тысячу рублей; сам же автор рассылал книгу по магазинам, печатал в газетах рекламу. Расходился «Сборник» не очень бойко. Книга была издана роскошно, но стоила немало: 4 рубля в мягкой обложке, 4.50 — в переплете. Из отчетной записки одного из магазинов, присланной Петру Александровичу, следует, что в 1885 году из 350 экземпляров было продано только 60¹⁵. В петербургской Российской национальной библиотеке (б. Публичная библиотека) хранится экземпляр «Сборника кратких благоговейных чтений на все дни года» графа П.А. Валуева. Я пользовался им. На титульном листе книги надпись: «Его высокопревосходительству Ивану Давыдовичу Делянову на добрую память. 20 октября 1884 года. Валуев». Делянов был в это время министром просвещения. Можно предположить, что подарок был знаком признательности за помощь в преодолении цензурных препон — личных отношений со столь одиозной фигурой у Валуева не было.

Книга «Современные задачи» составила́сь из двух частей. Первая — «Религия и наука», из которой я приводил абзац (см. выше), вышла из печати в 1886 году. Вторая часть, «Воспитание и образование», — в 1887-м.

Начальные главы «Религии и науки» как будто ведут

читателя к спору о генезисе этики: должна ли она опираться на постулаты веры или на доводы разума; выводится ли нравственное начало из глубины религиозных учений или из опыта и научного знания. Апологетом поиска моральных заповедей в «положительных знаниях строгой науки» Валуев выставляет Кавелина, пространно цитируя две его работы: «Задачи психологии» и «Задачи этики».

На наших глазах, пишет Кавелин, нравственная личность сходит со сцены. Происходят великие события, стремительно растут знания, техническое могущество и народонаселение, «а в нравственном смысле люди становятся похожи на троглодитов — так равнодушны, холодны, недоверчивы, подозрительны становятся они друг к другу, так мало между ними искренности, задушевности и сердечного доброжелательства». Выбирая «осторожные выражения и почтительные обороты речи», по усмешливой характеристике Валуева, Кавелин устанавливает факт: развитие общества по христианскому идеалу завершилось и теперь начался откат. Ныне задача состоит в переосмыслении евангельских истин по правилам науки — их необходимо связать цепью причин и следствий.

Кавелин продолжает: «Вероучение ставит предпосылкою, что разум человеческий ограничен и не способен объять всей истины; что она доступна ему лишь настолько, насколько открыта свыше... С точки зрения религии учение о нравственности есть систематическое изложение того, чему учит Откровение, священное предание и их святые истолкователи». Но следствием всепроникающего значения, которое приобрела наука, стало «ослабление доверия к истине, полученной помимо знания... Научная этика, как и всякая наука вообще, основана на предпосылке, что самостоятельному исследованию человека доступны все самые сокровенные тайны мира и бытия и что, следовательно, учение о нравственности может быть построено собственными, свободными усилиями

человека... Надо смело, без страха пройти шаг за шагом весь путь отрицаний». Итак, недоговаривает Кавелин, современный человек, гордый своими познавательными способностями, отрицает религиозную этику, основанную на мистическом авторитете; но так безнравственное человечество способно увлечь мир в бездну, необходимо преподать ему начала научной этики, построенной на неоспоримых аксиомах и опыте.

Собственно опровержению идеи Кавелина о возведении здания моральных ценностей на научном фундаменте Валуев посвящает лишь беглый абзац. Теория Кавелина, говорит он, «признает два разные начала нравственности: одно по заповеди, другое по доброй воле... Очевидно, что только ничтожное меньшинство людей может быть научно нравственным. Этические поучения с кафедры или с типографского станка» недоступны массам; к тому же лектор или светская книга лишены высшей санкции. «Для достижения цели есть только один путь, путь этики религиозной. В признании этой истины заключается главная задача нашего времени». Может ли такое декларативное суждение, подкрепленное довольно слабыми аргументами, опровергнуть мнение, высказанное не только Кавелиным, но целым рядом блестящих философов? Сомнительно. Однако Валуев больше не возвращается к этому; последующая, большая часть его очерка посвящена совсем другим проблемам.

Какое место должны занимать религия и наука в сознании человека? Какой взгляд на вселенную обладает полнотой истины — «мировоззрение с молитвой или мировоззрение без молитвы?» Какова пропорция веры и разума в религиозной картине мира? Каково соотношение веры и церкви в христианских конфессиях? Возможно ли воссоединение христианских церквей? И, наконец, что означает упорная надежда человека на вечную, таинственную жизнь? Вот что интересует нашего героя, вот о чем ему хочется писать.

Общую идею «Религии и науки» можно свести к известному принципу: «Отдайте Богу богово, а кесарю — кесарево». Область религии — трансцендентное в человеке и природе, сфера науки — накопление суммы положительных знаний. Ни религии, ни науке не следует вступать в чужие пределы, но не следует и воздвигать гонения друг против друга.

Вторая половина XIX века — эпоха безудержного преобладания воинствующего материализма в общественных представлениях, в точных и гуманитарных науках. Непознаваемого нет, то, что нам сегодня неизвестно — лишь непознанное. «Дайте мне координаты всех частиц, и я представлю вам прошлую, настоящую и будущую картину мира» — этот парафраз Архимеда, сформулированный физиками XX века, еще раньше начертали на знамени науки Вирхов, Хаксли, Фогт и Фейербах. С этой вульгарной самоуверенностью Валуев заявляет свое главное несогласие.

«Верховная причина всего того, что существует, никакими исследованиями не открыта и верховная идея Божества никакой другой идеей не заменена». Возникновение живого, «пробуждение сознания — факт, ничем не объяснимый». Естественные [физические] законы не объясняют причины явления, они только констатируют факт, «обозначают известный процесс... [Например], до сих пор не открыто, что такое тяжесть, что такое электричество». Чувствуя, что с убедительностью этих резонов можно спорить, наш автор выдвигает трансцендентный довод: «Коренное условие религиозных верований заключается в сознании бессмертия души». Среди обычной жизненной суеты это чувство спрятано в глубине нашего существа, но в минуты «тяжелого раздумья и тревожных опасений» оно вырывается наружу. В другом месте, отталкиваясь от научной аксиомы целесообразности, Валуев предлагает еще одно соображение: «Трудно было бы усмотреть» необходимость духовной жизни человека, если бы за земной жизнью «не следовало другого бытия».

Валуев не ищет «научных» доказательств бытия Бога, ибо справедливо полагает, что неоднократно предпринимавшиеся попытки обоснования веры разумом были обречены принципиально. Он только еще раз повторяет, что мир души невозможен без веры. Позитивисты утверждают, что раз душа неосязаема, то она не существует; того, что невозможно измерить, — нет. «Немало сомнений нужно, замечает Валуев, чтобы на таких основаниях строить этические системы». Таков заключительный пас в сторону этического спора.

Защищая в свое время систему классического образования в гимназиях, Валуев надеялся поставить преграду упоенному собой материализму, пронизавшему высшее образование, воспрепятствовать распространению грубого миропонимания, из которого выводились радикальные социологические теории. «Образованщина» — источник антирелигиозных мудрствований. «Смесь знаний, называемая просвещением и образованием, противостоит умирительной покорности верований», — таково заключение автора (как противостоять этому — он напишет в следующей статье).

Неприязненные отношения христианских церквей — боль Петра Александровича. Призыв к терпимости прочитывается между строк двенадцатой главы книги. Иносказательно говорится о праве каждого христианина на свой катехизис. Более того, дается понять, что католическая и протестантская церкви могут похвалиться большим единением паствы и церкви, нежели православная. «Много ли правды в наших с ней отношениях? — восклицает наш автор. — В духовном смысле церковь — идея, в реальном — учреждение. Но многие ли из нас могут сказать, что они живо ощущают свою церковную солидарность? Наша жизнь, как общественная, так и частная, ушла от церкви. Остановить поступательное движение церковь не могла, игнорировать его не должна. Церковь призвана учесть перемены и остаться необходимой. Так

ли у нас? Церковная жизнь стала нам чуждою. Одни ли мы, миряне, ответственны за это? Нет того участия духовенства в жизни страны», которого требует идея единства. Мы наблюдаем «отчуждение мира от клира».

Припомним, что писал наш герой тридцать лет тому назад в «Думе русского». «Много ли искренности в делах веры? Разве кроткие евангельские начала утратили силу?... Кажется православная церковь тяготеет над нами не духом, а буквой»... Прошла эпоха, но ничто не изменилось.

Конечно же, статья Валуева не произвела переворота в умах, да и не философскими проблемами этики были эти умы заняты. Но Петр Александрович не оставил намерения преподавать обществу благие советы. В следующем разделе «Современных задач» — «Воспитание и образование» — он излагает конкретные меры, с чьей помощью предлагает бороться «против позитивистских теорий нравственного воспитания... Я двадцать лет кряду принимал участие в обсуждении всех вопросов по части народного образования», — с некоторым ожесточением объявляет Валуев, следовательно, к моим предложениям должно прислушаться. «Дурные школы могут принести более вреда, чем пользы». К чему же приглашает Петр Александрович?

Так «как единственным источником истинной нравственности [является] вера, то, следовательно, нравственное воспитание заключается в религиозном воспитании». Обучение не должно ограничиваться лишь передачей практических, положительных знаний. Оно заключается не столько в формальном заучивании, «сколько в развитии умственных сил и способностей». Повторяя странные заблуждения, наш автор уверяет, что «усиленное изучение древних языков» способствует развитию ума несравненно сильнее, чем изучение современных языков. Исходя из этих посылок, Валуев разрабатывает гимназические про-

граммы по всем предметам — по Закону Божьему, «мертвым» и «живым» языкам, арифметике, алгебре и истории.

Как всегда скрупулезно дотошный, Петр Александрович составил таблицы учебных часов для каждого класса гимназии, с первого по восьмой. Укрупненно это выглядит следующим образом: Закон Божий — 2—1 час в неделю, русский язык и словесность — 4—2 часа, французский и немецкий языки — 3—2, арифметика (алгебра) и история — по 1—2 и, наконец, латинский язык — 8—6, греческий язык — 6—7 часов¹⁶. Обратим внимание, что в программе не нашлось места для естественных предметов — ни для физики, ни для химии, ни для естествознания. В крайне скупом виде они были оставлены реальным училищам.

Читатель, наверно, уже заметил, что преследования людей по национальным или религиозным мотивам волновали Валуева как никого другого из публицистов, писателей, общественных или государственных деятелей России. Религиозная нетерпимость светской власти и православной церкви, так наглядно проявившаяся по отношению к раскольникам в России и католикам в Польше, глубоко задевала его чувства гуманного человека. Еще в половине работы над «Религией и наукой» он уже задумал статью, специально посвященную ужасам религиозных гонений. Валуев считал важным показать, что никакие самые жестокие преследования не могли заставить людей отказаться от своих вероисповедных убеждений. Легче всего это было сделать на примере западных церквей, отличавшихся особенной ожесточенностью и изуверством. «Гнет всегда усиливает сопротивление, а в делах веры он возбуждает чувства нравственного долга и вызывает энтузиазм, доходящий до фанатизма. Напротив того, нам трудно понять бесчеловечную свирепость, не щадившую ни возраста, ни пола, изобретательность по части пыток и казней, пренебрежение нравственными страданиями, равнодушие при виде физических мук.

Поражает вера в истину христианских начал и зверская жестокость, которая так явно противоречит этим началам. Единственным объяснением может служить извращение человеческих чувств непреклонной суровостью догматических убеждений», т. е. фанатической верой в абсолютность своих представлений и нетерпимостью к проявлению другого образа мыслей. Это относилось ко всем западным конфессиям — протестанты, преследуемые и уничтожаемые в католических странах, творили не менее чудовищные пытки и казни католиков в странах, где обладали властью*. Так предваряет Валуев картину тысячелетнего безумия, сильно и верно описав ее в очерке «Религиозные смуты и гонения от V до XVII века»¹⁷

Этот очерк представляет интерес и сегодня; своей краткостью он удовлетворит нетерпеливого читателя, а полнотой — и тех современников, которые в истории ищут корни ныне происходящих событий.

Ереси сопровождали христианство почти с самого его зарождения. Арианство, несторианство, монофизитство, иконоборчество, павликианство, ересь альбигойская и вальденская — несть им числа. Как боролась с ними римская церковь, сколько крови она пролила, сколько страданий причинила — Валуев показывает наглядно и деловито, описывает языком простым и легким. Что творила инквизиция, сжигая еретиков, истребляя или изгоняя евреев и арабов, уничтожая протестантов, гуситов, жителей Нидерландов — и об этом читатель узнает, и, быть может, сердце его содрогнется, и злоба фанатиков всех

* Следует отметить, что православная церковь не запятнала себя злодеяниями, подобно западно-христианским церквям. Кажется, только раскольничий протопоп Аввакум и протестантский проповедник Квирин Кульман претерпели муку сожжения. Вообще изощренные казни и легкость убийств, которыми полна история Европы, не присущи России. Как и всякий народ, русский народ может поддаться бессмысленной, безрассудной лютой толпы, но ему не свойственна преднамеренная, обдуманная жестокость.

времен — прошлого и настоящего, станет для него еще отвратительнее¹⁸.

«Перед этим страшным, скорбным итогом, — заканчивает Валувев, — сам собой ставится вопрос: к каким результатам приводило до сих пор и в конце концов привело вековое приращение суммы нравственных страданий тех, кто переживал погибших, кто с ними был близок, кто с ними был связан самыми драгоценными для человеческого сердца узами, кто страшился за них, кто мог тщетно надеяться, мог напрасно умолять, кто знал о пытках, часто был свидетелем казней и до конца своей жизни должен был хранить о том неизгладимую память». Валувев, отвечая на свой вопрос, говорит только о том, что злоба не привела к победе. Все, кто сопротивлялись, — выстояли. Но это неточный ответ, вернее, побочный ответ. Прямой же ответ, на мой взгляд, заключается в ином. Генетическая память человечества, память поколений сохранила ужас насилия и передает его потомкам либо продолжением насилия, либо продолжением страха. И в этом вина даже прошедшей жестокости. Нет ей прощения.

Литературное творчество оставалось делом и утешением Петра Александровича все последние годы его жизни. Еще в 1882 году он начал роман «Княжна Татьяна», потом отложил его и так и не успел закончить. Написал «Очерки из области естествознания». Обе книги вышли из печати уже после смерти автора: «Княжна Татьяна» — в «Русском вестнике» в 1891 году, «Очерки» полным изданием — в том же году. Отдельные главы «Очерков» — «Звездное небо» и «Наш планетный мир» — были напечатаны ранее, в журнале «Детский отдых» в 1889 году¹⁹. Я не стану утомлять читателя разбором этих произведений. «Княжна Татьяна» в известной степени схожа с «Лориным», а популяризаторские очерки, написанные с прису-

щей Петру Александровичу эрудицией, для нашего времени уже не представляют интереса.

На протяжении жизни Валуев время от времени обращался к сочинению стихов. В стихах обычно очень хорошо отражается склад характера автора; подтверждается это и в нашем случае. Стихи Валуева полны меланхолии, туманной грусти, религиозного настроения. Много стихотворений такого рода он сочинил для сборника «Благоговейные чтения», добавив их к поэтическим текстам Хомякова, Тютчева, других поэтов, включенным в сборник. В его светских стихах сохраняется то же душевное состояние, но здесь оно окрашивается известной долей оптимистического чувства. К графу Толстому, адресату легкого стихотворного послания из Риги (см. выше), он пишет из Карлсбада в 1867 году:

И дым отечества нам сладок и приятен,
Везде в дали чужой его нам голос внятен.
Ни чуждой жизни гул, ни блеск чужих небес,
Ни море, ни скалы, с которых чудный лес
К нам в новых очерках склонил свои вершины,
Ни гор хребет, ни глубь излучистой долины,
Ни городов и сел разнообразный строй,
Ни праздных странников везде шумящий рой
Не могут заглушить в нас голоса родного
И дать на миг забыть свое среди чужого.

Отчизна в нас живет; и тем живей подчас
Встречает нас вдали и провожает нас
Сравнений длинный ряд. Отстали мы во многом,
Не знаем многого; но знания залогом
Та грусть, с которой нам вспоминать дано,
Что может лучше быть, что лучше быть должно
У нас, в краю родном, омытом предков кровью.
Он ими был любим правдивою любовью,
Теперь за нами долг блюсти его судьбы.
Но нет любви без жертв, победы без борьбы!²⁰

На самом деле главное литературное произведение Петра Александровича Валуева — его дневники. Они и по сей час сохраняют не только значение важного исторического источника, но интересны и познавательны. Об истории издания дневников, полноте и достоверности публикации рассказано П.А. Зайончковским в предисловии к главной части дневников — за 1861—1876 годы. В последнее время вновь возник интерес к Валуеву, снова заговорили о ценности дневников, их документальной точности, объективности, широте обзора и т. д.²¹ Но я хочу еще раз обратить внимание читателя на литературную сторону труда, длившегося более сорока лет. Вот, наудачу, несколько образцов стиля, метких суждений, образного строя.

Запись 16 апреля 1868 года. «Есть вопросы для государей, по-видимому, неразрешимые. (Император Александр назвал Ивана Сергеевича Аксакова рыцарем.) Рыцарем он быть не может. Демократы могут быть добродетельны, честны, преисполнены самопожертвования и скромности до цинциннатизма и преисполнены решимости и стойкости до кинжала Брута и до речей Катона, но рыцарство им по естеству чуждо... Демократизм и рыцарство несовместимы и потому не совместились в истории. Впрочем, нельзя не признаться, что все рыцарское стало для нас пустозвоном».

Запись 17 апреля того же года. (Речь о сыне Петре.) «День дома. Тяжелая дума гнетет меня постоянно. Так живу я годы. Все под ударом. Каждое письмо, каждая телеграмма походят на грозные облака. Как не устраивай и не вычисляй здесь, откуда внезапно может нагрянуть весть, нарушающая всякое устройство и опрокидывающая всякое вычисление. Это зловещее *memento* [напоминание] стоит рядом со всеми занятиями, трудами, заботами и утешениями моей жизни. Работать при этом трудно, думать трудно, утешаться трудно, наслаждаться невозможно».

Примечание Валуева 12 сентября 1868 года к записи 31 декабря 1866 года. «Я не нахожу повода к предполагаемому так охотно у нас антагонизму между русскими и европейскими понятиями и стремлениями. Я считаю Россию частью христианского мира и частью Европы, хотя не считаю ее ни Англией, ни Францией, ни Германией, и не желаю, чтобы она превратилась в Англию, Францию или Германию... Не думаю, чтобы Россия, оставаясь русскою, должна была отказаться от пригодных ей долей европейской образованности... Полагаю, что русским можно и даже должно пользоваться некоторыми началами и понятиями, ими самими не выработанными, точно так, как они ежедневно и на каждом шагу пользуются разного рода материальными открытиями или изобретениями, ими не сделанными... Я чужд всякому стремлению перекраивать Россию на иноземный лад; я привязан к ней со всеми ее отличительными особенностями и был бы менее к ней привязан, если бы она их не имела; но я думаю, что эти отличительные, народные свойства не состоят в противоречии с общечеловеческими началами христианской образованности и с общими началами государственного и общественного развития... Я изучаю дела тех проповедников стародавней русской народности, которые воображают, что во времена Котошихина Русь шла своею родною столбовою дорогою, а что с тех пор, благодаря Петру I, она колобродит западными проселками. Я вижу в их делах любовь к насилию и пренебрежение ко всем законам самоограничения и уважения к ближнему. Я желаю силы, славы и благоденствия России; я вижу ее европейских соперников; я знаю, что жизнь государств есть непрерывное состязание, и я убежден, что для состязания с Европой нужны европейские средства, как для войны с нею нужно европейское оружие»²².

Запись 11 января 1874 года. (Празднество в Зимнем дворце по случаю бракосочетания дочери Александра II Марии с принцем Уэльским Альфредом.) «В 5 часов был

обед на 700 кувертов и действительно обедало 690, тогда как до сих пор не случалось, чтобы обедавших за один раз было больше 560. Во время обеда госпожа Патти (известная певица того времени) превзошла самую себя и покрывала своим голосом не только оркестр, но и шум 600 тарелок с вилками и ножами и движение 400 официантов».

Запись 25 июня 1876 года. (В связи с поездкой в Олонецкую губернию.) «Видел Кивач, алмазную сыплющуюся гору. Державина в полусвете раннего утра. Последние 6 верст пути к нему водою, совершенно американский ландшафт. Пустынная река (Суна) и кругом лес по самую воду»²³.

Запись 28 июля 1877 года. «Вчера Тимашев получил письмо от Победоносцева, который говорит о крушении армий и пр. (После неудачи под Плевной.) Душа этих многоглазовых господ легко уходит в пятки. А как они были велеречивы! Как расходились! Как толковали о том, что люди, не разделявшие их хмеля, не способны подняться на высоту их святых идей!»²⁴

В рецензии на издание дневников Валугева 1877–1884 гг., предпринятое П.Е. Щеголевым в 1919 году, известный в свое время историк А.Е. Пресняков рассказывает, что на протяжении почти тридцати лет в распоряжении нескольких журналов находились подлинники и копии валугевских дневников в разных версиях²⁵. Через три года после смерти Валугева умер его последний сын Николай, других наследников у него не осталось, и бродившие по редакциям рукописи Валугева стали исчезать. Отсутствие подлинников и привело к некоторым недостаткам публикации Щеголева. Сохранились глухие сведения о существовании дневников 1885–1890 гг. Следовало бы попытаться разыскать все дневники Валугева, в том числе последних лет жизни, и издать их целиком, начиная с записной книжки 1836 года, с подробными биографическими и историческими комментариями. Такая книга стала бы воздаянием памяти Валугева и увлекательным чтением.

Глава XI

Покончив с государственной деятельностью, Петр Александрович переехал на частную квартиру. Император Александр III не поскупился, сохранил старому министру прежнее содержание и приказал одновременно выдать 5000 рублей на обзаведение¹. Валуев мог снять весьма приличные апартаменты.

Петр Александрович прекрасно разбирался в финансовых переговорах, ибо кроме собственных знаний приобрел большой опыт, директорствуя в Учетно-ссудном банке. Вовремя покупая и продавая акции и облигации, он накапливал известную долю жалования, но на 1 января 1880 года имел на своем счету 20 тысяч рублей — не так уж много по тем временам. Однако за два года счет похудел в 4 раза. Правда, в банкирском доме Джордан и К° во Франкфурте-на-Майне еще оставалось чуть больше 8 тысяч марок. Но еще через год, 31 декабря 1882 года, в петербургском банке валуевский счет имел отрицательное сальдо в 18287 рублей! Чтобы исправить положение, Валуев продает самые надежные бумаги — акции своего банка — и в апреле 1883 года восстанавливает положительный баланс — на счету 12810 рублей. Однако к концу года там остается только 1244 рубля². Все эти взлеты и падения с общей тенденцией к потоплению происходят на фоне постоянного дохода в 18 тысяч рублей в год и пенсий по орденам.

Разгадка, как уже догадался читатель, проста. К про-

должающимся тратам среднего сына, присоединились не менее разгульные расходы младшего, любимого сына — Николая. Не только исчезновение денег тревожило и раздражало; образ жизни сыновей составлял предмет печали и разочарования. Единственным утешением была счастливая жизнь с женой.

Петр любил свою Анну пылко и трепетно. Когда она проходила мимо, шелест ее платья окатывал его волной радости и нежности. В редкие свободные часы сладостным отдыхом было время, проведенное с Анной. Но вот уже несколько лет не отступала болезнь, медленно, но неотвратно убивая самого дорогого человека.

Все складывалось так, что не оставалось Петру Александровичу другого лечения нравственных страданий, кроме молитвы.

И вот, сухая, разрывающая душу дневниковая запись 25 марта 1883 года. «Анна скончалась 20-го в 1 час 10 мин. пополудни». И 17 апреля скупые слова, отрывистые, чтобы не разрыдаться: «Пасха. Как в прошлом году. Но ее не было. С начала до конца службы в церкви ее помнил, о ней думал. О ней — сердце и ум». Анне Ивановне было меньше пятидесяти двух с половиною лет.

Слезы, которые и раньше были недалеко, стояли теперь совсем рядом. Нездоровье вновь, как в прежние годы, стало посещать Петра Александровича. Временами становится трудно дышать, особенно почему-то лежа. Иногда ночью вставал, садился в кресла. Как строгий аналитик, решил понаблюдать за собой, записывать свои ощущения. Так родилась рукопись, названная «День болезни и печали». Заносил туда цитаты из Св. Писания, свои рассуждения на темы, близкие к нынешнему состоянию духа, самым составленным молитвы. Беспощадно копая до самого дна души, находил там неверие, сомнение... «Могу ли я смело и правдиво сказать, что я верую,

как должно бы верить? Как тихо и спокойно было бы у меня на душе, если бы я так верил! Однако же я сознаю блаженство веры. Я сознаю, что без Него жизнь была бы невыносима. Следовательно, я верю... Благодарю, Боже мой, за все, чем Ты в жизни благословил меня. Благодарю за прежние печали и болезнь, которая теперь к Тебе непрестанно обращает мои мысли».

На этих же страницах он записывает, что как и раньше старается читать, сколько позволяют глаза — они снова дают о себе знать, — и «боль заставляет откладывать книгу... Странно, как изменился интерес к предметам чтения», — замечает он. Место беллетристики заняла Библия, богословские и философские сочинения³.

«Не продается вдохновение, но можно рукопись продать»... Валув решил, что опыт его нравственных поисков и утверждения в вере достоин того, чтобы поделиться им с «подрастающим поколением». «День болезни и день печали» развился до 2¹/₂ печатных листов и был с благодарностью принят двумя дамами-редакторшами журнала «Детский отдых» с выдачею гонорария в 125 рублей⁴.

Кончина Анны опалила дыханием смерти дом Валуева. Через месяц, в апреле, крупным, ясным почерком он пишет записки-указания о месте нахождения важных бумаг и ценностей «на случай моей внезапной смерти». В октябре составляет первое завещание:

«После моей смерти все бумаги моей жены передать под надежную охрану, а потом моему сыну, графу Николаю» (и никак не старшему сыну, Петру, на которого отец мог надеяться еще меньше, чем на младшего, и который не был сыном Анны). «Мои бумаги подвергнутся официальному осмотру. Всю нашу с женой переписку и ее денежные бумаги отдать графу Николаю. Все денежные бумаги принадлежат покойной моей жене и представляют ее личные сбережения за время свыше 35 лет. Частью этих

сбережений я уже вынужден был воспользоваться после ее кончины».

В августе 1884 года составляется дополнительная записка, с более подробными указаниями «на случай моей смерти».

1. Все мои книги и все, что может после меня оказаться денежного, предоставляю моему сыну графу Николаю, который распорядится на основании данных ему указаний.

2. В настоящую минуту подлежит делению ему, графу Николаю, с братом, графом Петром, только то, что принадлежит мне лично, а не оставлено покойной моей женой, а именно:

I. Билеты лотерейных займов.

II. Небольшой остаток в Учетном банке на текущем счету.

III. Домашняя недвижимость, которая не была достоянием моей жены. <...>

3. Дочери моей княгине Елизавете Голицыной граф Николай передаст на память, что ему будет указано мною. Если же я не успею это сделать, то он выберет сам.

4. Подтверждаю графу Николаю распоряжения о доме и о верно нам служивших домочадцах»⁵. (У Валуева было двое слуг — камердинер и кухарка.)

Служебные отношения Петра Александровича никогда не перерастали в дружеские связи, хотя к некоторым сослуживцам, например, к Рудницкому и Тройницкому, он питал теплые, искренние чувства. Можно предположить, что светское знакомство с княгиней Кочубей стало достаточно дружеским; по крайней мере, он часто бывал на ее приемах или проводил у нее вечер. В последние годы службы Валуев сошелся с государственным контролером Сольским, читал в его доме отрывки из дневника, главы из «Лорина», послал ему начало «Княжны Татьяны». Родственники отделились от него еще с давних лет, полагая — видимо, по себе, — что юный Петр

будет предъявлять к ним претензии по наследству бабушки. Петр не собирался этого делать, но родственными отношениями интересоваться перестал. Однажды он составил опись родственников, свойственников и знакомых; их оказалось около трехсот, но это был формальный перечень, ни с кем знакомства он не поддерживал⁶. Пожалуй, только одним исключением был Саша Скарятин, тот самый, с кем вместе, во времена оны, был пожалован камер-юнкером.

Прежде подчиненные и сотрудники выражали ему чувства преданности и уважения, причем не только тогда, когда он был их начальником. Сразу после его увольнения из МВД в апреле 1868 года служащие министерства — в центре и в провинции — собрали по подписке 6498 рублей 67 копеек и назвали капитал именем Валуева, в память его семилетнего управления. На эти деньги были куплены процентные бумаги с тем, чтобы доход употреблялся для выдачи пособий бедным служащим, преимущественно для воспитания детей. В подписке приняли участие около 500 человек — директора департаментов министерства, старшие чиновники, губернаторы, предводители дворянства⁷. Но блаженные времена Александра-освободителя канули в Лету, и ничего подобного более не происходило. Ни бывлым сослуживцам, ни многочисленным просителям, некогда осаждавшим его приемную, Валуев больше не был нужен.

«В невольном своем уединении» Петр Александрович продолжает с негодованием наблюдать за подъемом шовинистической волны. «Выходит, что русский народ бросился в нигилизм с горя, что не попал в Константинополь», — иронизирует он. «Вероломство славянофилов (имеется в виду провоцирование Запада) внушает такое отвращение, что если они — Россия, то я перестаю быть русским. Они твердят о единении царя и народа, а между тем мечтают об изгнании, по-ихнему, немецкой динас-

тии. Недаром я в 63 году старался дать нашему государственному строю другие формы и всероссийскими элементами парализовать китайгородские». Поворот в сторону охранительства ощущается все сильнее. «Не могу привыкнуть к тому, что между так называемыми государственными деятелями нет ни одного, кто был бы способен уважать права людей... Товарищ министра внутренних дел сказал: «Разве вы не знаете, что в России нет принципов»⁸.

В апреле 1882 года, понимая, что его государственная деятельность вот-вот оборвется, Валуев составляет памятную записку. Он хочет дать анализ ушедшего царствования, и сделать это больше для себя, чем для тех, кто приходит ему на смену, отдать себе отчет, подвести итоги.

Теперь он полагает, что Великие реформы только отчасти были вызваны прогрессом гуманности в обществе, они не в малой степени определялись чувством самосохранения. («Если мы не освободим крестьян сверху, то они сами освободят себя снизу».) При этом «в крестьянстве усматривалась опора против пробудившихся в высших классах стремлений к участию в политической жизни страны». Но опора эта не могла быть надежной, ввиду неудовлетворенности крестьян условиями освобождения. Следовательно, ни одно из главных сословий не могло быть гарантом стабильности. Отсюда колебания в проведении реформ; вперед выходила то идея широких преобразований, то идея замедления и даже поворота. Анархическая пропаганда и тайные заговоры в свою очередь способствовали этому. В деле же борьбы с крамолой администрация оказалась разобщенной и беспомощной, а народная масса инертной.

Огромную роль в период нравственного шатания должна была сыграть церковь, но она оставалась «лишь столпом самодержавия... Я был один в делах по инородцам... До польского мятежа [я часто находил поддержку

государя по этим вопросам]. С тех пор система насильственных решений взяла верх. Ответственность за это не на благороднейшем и великодушном государе, а на всех тех, кто разжигал в нем ожесточение и гнев, кто твердил о неприкосновенности самодержавия как единственном спасении России, кто говорил о церкви, как о полицейском оплоте, кто пугал вредными последствиями преобразований, угнетал старообрядчество, но пособлял полнейшему старообрядчеству славянофилов и дал возможность выбросить в окно во вторую восточную войну интересы империи... В государе было много добрых струн, их парализовало близорукое верноподданничество и грубые патриоты, которые видели в нем больше барина, нежели государя».

Двойственность политики особенно заметна в делах образования, юстиции и печати. Поддержка общинного землевладения и отсутствие должной поддержки частной поземельной собственности характеризует ложное направление в сельском хозяйстве, которое стало причиной задержки производительных сил.

Валуев еще раз возвращается к разладу в правительственных органах. «Никто не сохранял общность государственного дела. Я и здесь был исключением. По общей воинской повинности, по вопросу о земельных правах государственных крестьян, по учебной части, по железнодорожному строительству, по некоторым вопросам финансов, полиции, губернских учреждений я попеременно был союзником подлежащих министерств. Но мне редко оказывалась помощь...

Разлагающее действие печати не могло бы так развиваться, если бы, вместо того чтобы за ней ухаживать или жаловаться, гг. министры давали бы ей отпор печатным словом. Но им было лень. Я сделал все, что мог, в «Северной почте» и «Отголосках» и через посредство иностранных изданий. Никто не поддерживал и не оценил труда»⁹.

Как бывало у Петра Александровича, многое отмечено справедливо и точно, хотя суждения о самом себе могут показаться нескромными. Но ведь эта записка не предназначалась для посторонних глаз, а на безразличие и равнодушие своих коллег Валуев действительно имел право жаловаться. У коллег, впрочем, была своя точка зрения. Каждый ведь считает себя правым. Беда, конечно, заключалась в том, что идеи Валуева о превращении России в либеральную всероссийскую империю равноправных народов не вызывали энтузиазма у остальных министров, да эти идеи и не могли реализоваться в тогдашних конкретных обстоятельствах. Что касается влияния охранителей на движение реформ или воздействия прессы Каткова и Аксакова непосредственно на императора, то, на мой взгляд, Валуев трактовал эту сложную проблему упрощенно. Мне уже приходилось говорить о роли государя в деле преобразований и об его отношении к самодержавному принципу. Думаю, что позиция и действия императора Александра Николаевича опирались на достаточно твердые убеждения и представления, на внутренний стержень, и если колебания и происходили, то они имели относительно малую амплитуду.

Но кроме, так сказать, обманутых общественных надежд, явно высказанных, между строк памятной записки прочитывалось личное разочарование. Ведь все перечисленные «настроения» — и брожение сословий, и пороки системы, и административные неурядицы, и грубая политика по отношению к инородцам и иноверцам, и потеря церковью авторитета — все они были полем борьбы Валуева, и, за исключением некоторых побед в частностях, правда, нередко важных, в главных боях он потерпел поражение. (Речь идет только об этом «поле битвы», замечательные успехи в законодательной и практической деятельности в других областях не подвергаются какому-либо сомнению.) Конечно, он понял это не сегодня. Каждый раз, после очередной попытки добиться серьез-

ной перемены в какой-нибудь отрасли управления и полученного отпора, он останавливал взгляд на себе — с горечью — и на окружающих — с негодованием и презрением. Давно-давно, в 66-м году он наблюдал картину, которая и раньше, и позже оставалась все той же. «Наши заседания безотрадны. Смешна и печальна наивность, с которою мы воображаем, что, потолковав 3 или 4 часа и никогда ни в чем не сталкивавшись, мы сделали путное дело. Все наши силы потребляются бесплодно на это тарбарство. Поговорят, составят журнал, поднесут под высочайшее исполнить — и только. Что же исполняется? Какие-нибудь отрывчатые полумеры, сегодня в одном направлении, завтра в другом»¹⁰. Десять лет спустя он смотрел на чиновный муравейник уже несколько отстраненно, а на себя — с иронией и сарказмом. «Можно ли быть пассивнее и нейтральнее меня в настоящую пору? (Дело происходит во время русско-турецкой войны.) Я чувствую свое бессилие и признаю свое унижение. Большинство этого не замечает. Я ростом высок, приемами приличен, держу себя прямо, говорю без запинки, состою министром, ношу голубую ленту и пользуюсь некоторым влиянием в деле назначения аренд. (Высокопоставленные просители как раз тогда оббивали порог его кабинета, выпрашивая куски башкирских земель.) Все это походит на значение. Но я знаю, что этого значения нет. Я осушаю болота, развожу леса, улучшаю горную часть и прочее. Но при первом шаге на поприще общих дел государства — я величина с отрицательным знаком и только могу служить тормозом для других»¹¹. (То есть препятствовать, останавливать что-либо вредное.)

В этом и была зарыта собака. Огромное желание, ощущение способности и нуль результата. На человека честолюбивого, обладающего внутренне всем необходимым для претворения идеи в акт, такая коллизия действует разрушительно. Вот он и пишет: «Мне все постыло»¹².

Выше я приводил слова Дмитрия Алексеевича Милютина, о том, что преобразования должны быть продолжены, но что «такая работа не по плечу нынешним нашим государственным деятелям». Тогда я оборвал его дневниковую запись на критике правительственных действий. Теперь хочу продолжить ту ее часть, где Милютин обращается к своему собственному положению:

«Высказывая эти грустные мысли, невольно задаешь самому себе вопрос: честно ли ты поступаешь, храня про себя эти убеждения, находясь в самом составе высшего правительства. Часто, почти постоянно гнетет меня этот вопрос; но что же делать? Плетью обуха не перешибешь; я был бы Дон-Кихотом, если бы думал проводить взгляды, совершенно противоположные существующим в той сфере, среди которой вращаюсь; взгляды эти сделали бы невозможным мое официальное положение и не принесли бы ровно никакой пользы делу. Я убежден, что теперешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже понять ее. Для успокоения собственной совести было бы только одно средство — удалиться от правительственной деятельности, что и составляет уже давно предмет моей задушевной мечты; но возможно ли предпринять такой шаг в последние годы и скоро ли можно будет осуществить свою давнюю мечту?»¹³

Я не раз говорил о внутренней перекличке Валуева и Милютина, к сожалению, не реализовавшейся, не превратившейся в действительность. Легко видеть, что их настроения во многом схожи, только нервы у Дмитрия Алексеевича оказались покрепче, чем нервы Петра Александровича, характер — более спокойный и уравновешенный; зная, что это невозможно, он не пытался перевернуть мир, а потому и меньше страдал.

Чем более преобладали в политике нового царствования самодержавно-административные начала, чем силь-

нее затягивалась трясинной общественная жизнь, тем более казались Валуеву странными его собственные прежние действия и надежды. Неужели это он настаивал на невероятных полномочиях губернаторов? Неужели он кипел негодованием, когда слышал об оправдательных приговорах присяжных? Делал в весьма жесткой форме выговор Анатолию Федоровичу Кони, председателю суда по делу Засулич? Надеялся, что здоровые и гуманные соображения возьмут верх и ему удастся провести в жизнь свои государственные идеи?

Средства его тают; из дома на Почтамтской улице, где он поселился после отставки, он перебирается в дом на Галерной, в квартиру поскромнее, расположенную в первом этаже. Оказалось, что на одной с ним лестнице живет Михаил Матвеевич Стасюлевич, издатель журнала «Вестник Европы», чье либеральное направление так не нравилось раньше сановнику Валуеву. Теперь Кони и Стасюлевич — одни из немногих, кто посещает его, старается скрасить его одиночество. Анатолий Федорович, доброжелательный, не помнящий тех неприятных минут, которые десять лет назад ему доставил Валуев, относится к нему тепло, ценит его эрудицию, образованность, меткие суждения. Новые знакомцы хвалят его литературное творчество, а Стасюлевич печатает его произведения в своем журнале. Семидесятилетний Валуев по-прежнему производит самое благоприятное впечатление. «Его фигура сохраняла прежнюю величавую и изящную внешность с правильными, тонкими чертами лица и выразительными глазами», а плавная речь с длинными периодами и вводными предложениями изобличала прирожденного оратора, — отмечает Кони. — «Только теперь это слово являлось отражением более глубокого чем прежде содержания. Оказалось, что наши взгляды во многом совпадают»... «Однажды он зашел ко мне, — продолжает Кони, — и был утомлен высо-

кой лестницей. Я сказал, что лучше бы он позвал меня к себе, но старик сказал: «Вы заняты, а я свободен». Он приехал на конке. Знаете, — добавил он, — я полюбил этот способ сообщения с тех пор, как на извозчике мне стало ездить не по средствам. [И это говорит человек, еще недавно обладавший собственным выездом!] Взглянув на его сапоги в заплатках, я понял, что это не фраза»¹⁴.

Но и квартира на Галерной улице оказалась не по карману бывшему председателю Комитета министров Российской империи. Еще несколько эскапад легкомысленных и беспутных сыновей — и Петр Александрович оказывается в доме на углу Вознесенского проспекта и Екатерингофского канала, в районе, где обитает мелкий чиновный люд и ремесленники среднего достатка. Круг сжимается, судьба наносит ему один удар за другим: летом 1886 года умирает сын Петр, три года спустя — дочь Елизавета. Он снова переписывает завещание. «Мои завещательные распоряжения не могут быть сложны. Кроме ничтожной в денежном отношении недвижимости, я ничего не оставляю». (Небольшое собрание картин и довольно значительное собрание книг он с горьким сожалением продал раньше.) Распределяя скромные подарки на память, не забывает своих слуг. «Прошу прощения у всех, пред кем могу быть виновен, благодарю всех, оказавших мне дружбу». Он предписывает Николаю совершить похороны скромно, никому специально о них не сообщать¹⁵. Говорит Стасюлевичу, что заготовил объявление о смерти; останется только заполнить пробел, указав дату. Домашней панихиды не устраивать «по неудобству расположения квартиры», погребение совершить на кладбище Александро-Невской лавры среди родных могил, заупокойную литургию — в лавре, в Свято-Духовской церкви¹⁶.

5 июля 1889 года Валуев пишет свое последнее стихотворение.

В моей тюрьме плен для меня не бремя,
 Я не один: затворников других,
 Мне близких, в ней со мной вселило время
 И плена смысл мне указало в них.
 В моей тюрьме живет, что властно жило
 В моей душе, в былые времена;
 Живет, что власть над нею сохранило;
 Живет и то, чем ныне жизнь полна.
 И мысль одна меня не покидает,
 При свете дня, при долгой ночи тьме:
 Незримая рука час смерти приближает —
 Тогда скажу: прости! — моей тюрьме¹⁷.

Через две недели Петр Александрович сильно заболевает. Анализы и заключения врачей сулят тяжелый и быстрый конец — болезнь оказалась раком мочевого пузыря. 27 января 1890 года он умирает.

В связи со смертью человека, занимавшего еще недавно третий пост в государственной иерархии, власть совершила два действия: выдала на похороны 3 тысячи рублей (минимальная сумма для члена Госсовета) и распорядилась осмотреть бумаги покойного. По-видимому, весь огромный архив Валуева частью уже находился в руках сына Николая, частью — в государственных хранилищах. По крайней мере, в описи указан только неоконченный роман «Княжна Татьяна» и несколько бумаг, «решительно не имеющих какого-либо интереса, хотя бы второстепенного»¹⁸.

Кончина забытого было государственного деятеля все же вызвала официальные отклики. «Правительственный вестник» напечатал некролог — сухое переложение послужного списка, перечисление должностей и званий. «Московские ведомости» перепечатали его без какого-либо добавления. Подобные же некрологи появились в «Новом времени» и «Киевлянине».

Теплое поминание поместил «Вестник Европы». От-

дав дань покойному, отметив его заслуги, журнал далее продолжал привычным для российской журналистики эзоповым языком: «Тем, кто знал его лично в эти последние годы, идеи, жившие в нем тогда, были довольно знакомы, но почему же эти самые идеи, когда он был властен, не нашли себе полного применения — его биограф, быть может, объяснит необходимостью уступок действительности и укажет на окончательное и добровольное удаление от дел, как на доказательство того, что сия уступчивость имела пределы»¹⁹. Я думаю, что моему читателю нет нужды разъяснять иносказания Стасюлевича.

В созвездии российских государственных деятелей Валуев был заметной фигурой, многие из тех, кто с ним так или иначе сталкивался, писали о нем. Я уже цитировал воспоминания Луцкого и Стремоухова — людей, с ним служивших, воспоминания вполне объективные и непредубежденные, содержащие похвалу и критику. Но у некоторых воспоминателей имя Петра Александровича вызывало странно-неадекватную реакцию. Стремительное возвышение Валуева в какие-нибудь три года после возвращения в Петербург из Курляндии оставило возбужденно-завистливый след в мемуарах М.А. Милютинной, жены Николая Милютина, и в дневнике сенатора А.Д. Комовского*. Если положить эти два текста рядом — полное впечатление, что авторы списывали друг у друга. «Красивая наружность», «ловкий танцор», в одинаковых выражениях изложена история производства в камер-юнкеры Валуева и Скарятин. Оба мемуариста сосредоточены на назначении Валуева в МВД — ревность Марии Аггеевны понятна, но чем так досадил Петр Александрович Комовскому? Чем вызваны кривая усмешка, сардонический смех? Злостью и завистью? Подумать только,

* Брат Сергея Комовского, лицейского товарища А.С. Пушкина.

однолеток, а какую карьеру сделал! «Лев государственных бесед у великой княгини Елены Павловны», «он прослыл увлекательным собеседником, а в глазах многих и оратором, усвоив особенный, не слышимый от других склад речи», «сюрприз для всех — семидесятипятилетний Ланской сдает министерство сорокапятилетнему Валуеву. В воскресенье [дело было на Пасху] чуть не громче «Христос воскрес!» раздается «ура» по всей России». И уж совсем неприлично нападение на Машу Вяземскую и Анну Вакульскую. «Им [Валуевым] овладела княжна Вяземская, известная своей бойкостью и привлекательной дурнотой», «овдовев, он женился на какой-то немочке»²⁰.

Публикации такого рода, так или иначе касавшиеся личности Валуева, стали возникать лишь после воцарения Александра III, когда журнальная братия почуяла, что былой фавор старого министра сменился подчеркнутым небрежением. Записки «трехпрогонного» Муравьева, появившиеся в 1882 году, содержали лишь мелкие нападки на «полонизм» Валуева; они стали пробой. В 1884 году появился дневник Комовского; это уже была попытка дискредитации Валуева, сильно смахивающая на оскорбление личности.

«Линия» Комовского получила новое подкрепление в «Поздних воспоминаниях» А.Д. Шумахера, директора хозяйственного департамента МВД.

Шумахер исполнял обязанности директора еще при Ланском, но получал оклад по прежней, низшей должности. При первом же представлении новому министру, Шумахер услышал, что Валуев не только собирается просить государя об утверждении его директором, но и будет настаивать на выплате ему за два года разницы в содержании. В ответ на удивление Шумахера — ведь вы меня не знаете — Валуев отвечал, что он верит сведениям и отзывам, и репутации, которая ему известна.

С удовольствием согласившись с мнением министра о своей особе, Шумахер почему-то отказывает ему в спо-

способности определить качества помощника, которого выбрал себе Шумахер. Как ни старается Шумахер представить Валуева упрямым самодуром, в его рассказе проступает истина: вежливо, не задевая самолюбия подчиненного, министр излагает ему свои резоны. Но Шумахер закусил удила: видите ли, он обещался. Затем долго и нудно он убеждает читателя, что по тем или иным конкретным делам прав он, Шумахер, а не Валуев. По всем поводам бросает ему оскорбления. Изобретает эпизоды, доказывающие лъстивость Валуева перед высокопоставленными лицами²¹. Эти сплетни, основанные лишь на непривычном для чиновного мира любезном, даже изысканном обращении Петра Александровича со всеми, с низшими, равными, высшими, долго потом кочевали по разным изданиям, особенно принадлежащим перу левой интеллигенции.

Но о Валуеве писали и благородные люди. В 1885 году журнал «Русский архив» печатает воспоминания Д.Н. Толстого, директора департамента исполнительной полиции МВД в первые годы министерства Валуева. Я уже говорил, что некоторые стороны характера Толстого отдалили от него Валуева, и Толстой, в конце концов, был вынужден уйти из министерства; однако страницы его воспоминаний, посвященные Валуеву, лишены какой бы то ни было предвзятости и обиды.

«Не буду говорить о его недостатках, от которых не свободен ни один человек, но он соединял в себе все, что составляет достоинство благородного человека. Он обладает умом светлым и образованным, вполне владеет собою, умеет вести себя, пишет и говорит с замечательным дарованием, работает быстро и неутомимо, имеет доброе сердце и проникнут чувством справедливости и правосудия». Толстой считает, что у Валуева не было программы действий министерства — не совсем понятно, что он имеет в виду — хотя тут же сообщает, что «в конфиденциаль-

ных разговорах он высказывал мне свои виды и стремления». Толстой рассказывает о некоторых конкретных действиях министра — об истории увольнения Соловьева с поста директора Земского отдела, истории, вызвавшей яростные нападки демократического лагеря, о подготовке закона о выкупе земли в барщинных имениях, о переводе цензуры из министерства просвещения в МВД, об усилении столичной полиции после ужасных пожаров 1862 года. В коротких, неприкрашенных рассказах Толстого объективный наблюдатель может увидеть Валуева-«дельца»: ясное понимание ситуации, деловитость, умение воспринять чужие идеи без отторжения, настойчивость в достижении поставленной цели, необходимую для политического деятеля определенную ловкость в отношениях с людьми.

Толстой заканчивает свои воспоминания весьма важным суждением:

«При всем своем уме и талантах, Валуев не сумел сгруппировать вокруг себя силы, необходимые для выполнения какой бы то ни было политической задачи и борьбы с враждебными ему течениями. Взяв на себя колоссальную массу труда, он стоял одиноко, и в этой его изолированности одна из причин неустойчивости его положения и колебаний. [Ничего похожего] на партию, со своим штабом и своими кадрами, способную твердо, последовательно и энергично провести свою политическую программу не было около Валуева»²².

Толстой приводит другой отзыв: «По уровню идей, по широте взглядов и образу мыслей, по своему политическому воспитанию Валуев стоял особняком в ряду деятелей царствования Александра II. Валуев опередил свое время, ему следовало появиться на политической сцене значительно позже»²³.

П.Д. Стремоухов дал меткое объяснение предвзятого отношения к Валуеву: «Редко к кому из наших государственных деятелей относились с такой несправедливостью,

с какой современники относились к Валуеву. Истинные его заслуги игнорировались и ни одна ошибка не прощалась. Чем это объяснить? Партийностью или завистью к блестящим дарованиям этого государственного человека, ярко выделявшегося из других»²⁴.

А.Ф. Кони увидел Петра Александровича в последние годы жизни, когда он многое переоценил: «У нового Валуева угасавшая душа вспыхнула чистым и ярким пламенем. Он был забыт и брошен товарищами и сослуживцами, но униженный и отставленный, он был несколькими головами выше их в умственном и нравственном отношении, не говоря о глубоком и разностороннем образовании. За несколько дней до смерти он говорил: «Призвание человека и призвание так называемых государственных людей часто расходится в самых существенных отношениях. Но может ли он в предсмертные часы своей жизни отделить дела своего государственного звания от долга и дел человека? Как меняется в его глазах значение тех и других! Как иначе взвешивается то, что называлось и признавалось государственной потребностью! Как могут тогда в памяти его всплыть пролитые слезы и несчастья, причиненные ею во имя этой потребности!»²⁵

Клеветы (как говорили в старину) на Петра Александровича мы отвергаем. Все же одно обвинение — в неустойчивости, даже двуличности, в неожиданных бросках в ту или иную сторону, слишком часто повторяемое, требует аргументированного ответа.

Объяснение частью содержится в вышеприведенных словах Д.Н. Толстого. Сторонников своих предложений Валуев находил редко, а в политическом отношении чаще всего оказывался в полном одиночестве. Ни с кем из своих сотоварищей-министров он не мог сойтись до конца, ни с кем не мог составить прочного союза. При всей склонности к реформаторской деятельности, Александр II

не имел отчетливой программы, иногда находился под влиянием тех или иных сил, иногда под влиянием минуты, и Валуев не всегда мог знать «в какой мере и до какого предела [его] мысли могут быть прочно одобрены государем»²⁶. По всем этим причинам, дабы добиться результата, он должен был действовать осторожно и осмотрительно, наломать дров и получить афронт можно было весьма легко, но была ли бы в этом польза? Для постороннего глаза такая позиция и казалась шаткостью, нерешительностью.

Но оценив ситуацию, рассчитав момент — даже отступая иногда, откладывая дело ввиду невыгодной обстановки, — найдя благодаря уму и умению убеждать временных союзников, Валуев решительно переходил в наступление, и в огромном большинстве важнейших случаев — в выработке положения о земских учреждениях, цензурной реформе, по делам православной церкви и раскола, по отношению к нерусским народам империи — стоял твердо, проявляя не слабость и колебания, а упорство и настойчивость.

На протяжении всей двадцатилетней государственной деятельности идефиксом Петра Александровича было преобразование Госсовета, введение в него выборных членов. Можно ли упрекнуть Валуева в отступлении от своей идеи? Конечно же, нет. Зная непреложное убеждение императора в незыблемости самодержавных принципов, Валуев, тем не менее, пользовался каждым едва подходящим случаем, чтобы настоятельно, как это допустимо в разговоре с государем, «внедрять» в него эту мысль. Разрешения этого «параллелограмма сил» Петр Александрович не достиг, эта неудача оставалась горечью его последних лет, но можно ли здесь говорить об отступничестве, двуличии или лицемерии?

Дважды, в 1866 и в 1879 годах, Валуев возбуждал, отстаивал и добивался резкого усиления контролирующих и

карающих функций губернаторов, введения института генерал-губернаторов, облеченных чрезвычайными полномочиями. Предложения Валуева шли очень далеко, вплоть до обрушения законодательной системы — власть наместников превращалась в прямую диктатуру. Конечно, цель представлялась достойной и необходимой — речь шла о защите не только самой личности монарха, но о сохранении государства. Но цель всегда возводится в заоблачные выси, когда для ее достижения прибегают к негодным средствам. Противодействие его коллег-министров на сей раз было вполне оправданным, и Валуев приложил немало хитростей, чтобы его преодолеть. Единственно об этом успехе сожалел Петр Александрович, эта победа оставалась горечью его последних лет, но можно ли здесь говорить об отступничестве, двуличии или лицемерии?

В соответствии с волей отца, Николай устроил тихие похороны, но, как у нас водится, забытого при жизни, вспоминают по смерти. За открытыми дорогами, которые влекли лишь две лошаденки, шел весь чиновный Петербург. На Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры упокоилась теперь почти вся семья: Петр Александрович, Мария Петровна, Анна Ивановна, Александр и Петр. Через три года рядом лег и Николай. По уверению Анатолия Федоровича Кони, Николай, после смерти отца, не находил себе места, каялся в своей вине, принесшей столько горя²⁷. Ветвь рода Валуевых, получившая графское достоинство, оборвалась.

Мой герой обладал всеми достоинствами и недостатками человеческими. Но его определяющими чертами была доброта и мягкость характера в сочетании с твердыми убеждениями. Сквозь все его действия проступали гуманные принципы. Его общественное мировоззрение можно

свести к двум идеям: он желал укрепления Российской империи как общего дома всех живущих в ней народов, он видел Россию подобной Риму, который предоставлял права римского гражданства варварам; во-вторых, он ясно понимал, что время тотального государственного или коллективистского управления кончилось, народное хозяйство может развиваться только на основе частной инициативы. И он отчетливо видел, быть может прозревал, что упрямая и слепая неуступчивость самодержавия, его тяжкая медвежья неповоротливость, неспособность к компромиссам неотвратимо ведут к социальной катастрофе.

Его тонкая, нервная натура, оголенные нервы делали его чувствительным ко всяким ударам, легким и тяжелым. Он умел сохранять наружное спокойствие, а это всегда стоит большего напряжения, нежели потворство своим эмоциям. То, чем иной человек пренебрегает, не замечая мелочных уколов или неудач, для Валуева почти всегда составляло предмет волнения, переживания, оскорбленного чувства. Рассыпанные по дневнику насмешливые характеристики окружающих, саркастические оценки их поведения, речей и поступков — способ самозащиты, попытка смехом вытеснить из сознания тягостную, зудящую занозу.

Его домашняя, семейная жизнь редко доставляла ему счастливые минуты. Его дневник полон горестных предчувствий, тревожного ожидания новых и новых бед, которые вот-вот обрушат на него сыновья, без удержу поглощенные эгоистическими страстями.

Смертная мука его была велика. Он молился, просил Бога не оставлять его. «Не удаляйся от меня, ибо скорбь близка, а помощника нет» (Пс. 21:12). Но и в долгие часы терзаний, и в редкие минуты освобождения его утешала вера, что страдание не может быть конечной целью бытия и там, за гробом, он свидится с теми, кого он любил и кто ушел раньше...

...Я пришел на Тихвинское кладбище Александроневской лавры сумрачным, осенним петербургским днем. Долго ходил среди могильных памятников XVIII–XIX веков. Среди них странным образом, вперемежку, попадались могилы 30–40-х годов XX века. Склепа Валуевых нигде не было. Я отправился в контору кладбища, объяснил, что ищу. Приятного вида женщина, непохожая на обычных кладбищенских служащих, сверилась с какими-то прошнурованными книгами и сказала, как мне показалось, немного смущенно, что в 1930–31 годы некоторые старые захоронения были ликвидированы, чтобы расчистить место для знатных покойников новой эпохи. Погребение Валуева, сказала она, утрачено...

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- ¹ Из записок М.А. Милютиной. «Русская старина», 1899, № 1.
- ² Российский государственный исторический архив (РГИА) в Санкт-Петербурге, фонд 908 (фонд П.А. Валуева), оп. I, дело 1.
- ³ Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 96–97.
- ⁴ РГИА, фонд 908 оп. I, дело 709.
- ⁵ Андреевский С.С. Валуевы. Орел, 1913.
- ⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. IV. М., 1960.
- ⁷ РГИА, фонд 908, оп. I, дело 695.
- ⁸ РГИА, фонд 908, оп. I, дело 1.
- ⁹ Милютин Д.А. Воспоминания 1816–1843. М., 1997.
- ¹⁰ РГИА, фонд 908, оп. I, дело 4.
- ¹¹ РГИА, фонд 908, оп. I, дело 2.
- ¹² Оксман Ю.Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959.
- ¹³ Вяземский П.А. Остафьевский архив. Т. 3. М., 1994.
- ¹⁴ Абрамович С.Л. Пушкин. Последний год. М., 1981. С. 369.
- ¹⁵ Из записок А.О. Смирновой. «Русский архив», 1895. Кн. 2.
- ¹⁶ РГИА, фонд 908, оп. I, дело 4. Формулярные списки П.А. Валуева. Отсюда же дальнейшие сведения о его служебных перемещениях, поощрении в чинах, награждениях, жалованье, семейном положении.
- ¹⁷ История России в XIX веке. Т. 1. М.: Издательство бр. Гранат, 6/г (1900–10-е гг.)
- ¹⁸ Шеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.-Л., 1928.
- ¹⁹ РГИА, фонд 908, оп. I, дело 11.
- ²⁰ РГИА, фонд 908, оп. I, дело 12.
- ²¹ Милютин...
- ²² Виктор Н.А. Кружок шестнадцати. «Исторический вестник», 1895, т. 61, № 10.
- ²³ Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1986.
- ²⁴ РГИА, фонд 908, оп. I, дело 4.
- ²⁵ Еще более опасался дворянского заговора Александр I. Реформы Сперанского, а главным образом введенный им в 1811 году подоходный налог, доходивший до 10%, возбудили страшную ненависть землевла-

дельцев. Царь попытался откупиться от них отставкой Сперанского, но этого оказалось мало. Вспомнив участь отца, установившего налог на дворян, Александр снова отменил «дворянскую подать» (в первый раз он сделал это по воцелшествии на престол, переложив ее на крестьян).

²⁶ История России...

²⁷ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. М., 1955. Запись 11 марта 1841 года.

²⁸ История России...

²⁹ Никитенко... Запись 21 декабря 1845 года.

³⁰ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1884.

³¹ Там же. Т. 8. СПб., 1883.

³² Никитенко... Запись декабря 1835 года.

³³ Там же. Примечания.

³⁴ «Русская старина», 1898. Т. 96.

³⁵ Судьба Александра Дмитриевича Боровкова, автора «декабристской» записки, как нельзя лучше иллюстрирует бессудный произвол, тяготеющий над человеком николаевского времени. даже занимавшим известное положение, но осмелившимся иметь независимое мнение. Тайный советник, товарищ государственного секретаря, сенатор, награжденный орденами и орденами, он часто не соглашался с министром юстиции Паниным. По наущению вельможного негодяя другой негодяй, мелкий служащий Комиссии громоздких недвижимостей [один из органов учреждений дворянской опеки], обвинил Боровкова, состоявшего одним из директоров Комиссии, в растрате ее капитала. (Кража действительно была, но ее совершил другой человек.) Получив донос, Панин немедленно представил его государю. Не дав себе труда усомниться в верности обвинения человека, которого лично знал, император высочайшим приказом увольняет Боровкова со всех должностей, лишает сенаторского звания и содержания. Фабрикация была настолько лживой и несообразной — к моменту растраты Боровков уже два года как не состоял директором Комиссии, не говоря уже об отсутствии вообще каких-либо доказательств его виновности, — что даже следствие оправдало его и постановило не предавать суду. Но никакие обращения Боровкова к министрам Чернышову и Адлербергу, под началом которых он в разное время служил, с изложением всех обстоятельств и перипетий своих несчастий ни к чему не приводили. То ли министры не хотели ссориться с Паниным, то ли опасались передоказывать однажды решенное дело, то ли сам царь не желал переменять высочайшее повеление, но в судьбе растоптанного человека все оставалось по-прежнему. Только спустя четыре года Боровков был извещен секретным (!) письмом, что повелено негласным образом выдавать ему 1572 рубля в год. Панину удалось уверить всех, что для полной реабилитации нужно ждать решения суда по делу в целом. Несчастный, оклеветанный Боровков умер, 10 лет, до самой смерти, неся клеймо вора, а судебный процесс все еще продолжался. (А. Д. Боровков и его биографические заметки. «Русская старина», 1898, т. 95. № 9.)

³⁶ РГИА, фонд 908, оп. 1, дело 70.

³⁷ РГИА, фонд 908, оп. 1, дело 79.

³⁸ РГИА, фонд 908, оп. 1, дело 70.

³⁹ Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925.

⁴⁰ Милютин...

⁴¹ Никитенко...

⁴² РГИА, фонд 851 (фонд А.В. Головнина), оп.1, дело 4.

⁴³ Цит. по: Ламанский В.И. Разбор книги А.Н. Пыпина «Живая жизнь», 1890, вып. 2.

⁴⁴ Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1963.

⁴⁵ Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского. «Памятники культуры. Новые открытия». Л., 1980.

Глава II

¹ Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2. Примечание 135 Валуева.

² Там же.

³ РГИА, фонд 908, оп.1, дело 2.

⁴ РГИА, фонд 908, оп.1, дело 61. Записка Валуева ген.-губ. Остзейского края.

⁵ Там же. Рапорты камер-юнкера Валуева генерал-губернатору Головину.

⁶ На фоне этого относительного благополучия Валуеву бросается в глаза «прискорбное зрелище, [которое] представляет местное еврейское население». По его докладу генерал-губернатор края Суворов позднее всеподданнейше рапортует императору: «Евреям воспрещено пребывание в 50-верстном расстоянии от моря, т. е. почти на одной трети всего пространства губернии. В городах им запрещено заниматься ремеслом. Крайне желательно скорейшее приведение в исполнение законодательных мер к устройству курляндских евреев, переселение в южную часть империи тех, кто согласился. Переселение приостановлено с 39 года... Между тем многие продали свои пожитки и обременяют городское общество, которое платит за них подати. Вообще, бедственное положение евреев в Остзейском крае заслуживает особого внимания. Они всегда отличались благонадежностью и безусловной преданностью правительству» (РГИА, фонд 908, оп.1, дело 61. Всеподданнейший рапорт генерал-губернатора Прибалтийского края от 7 мая 1848 года).

⁷ РГИА, фонд 908, оп.1, дело 61. Журнал заседания высочайше учрежденного комитета...

⁸ Там же. Рапорт ген.-губ. Суворова на высочайшее имя.

⁹ Там же. Проект конфиденциального письма епископу рижскому.

¹⁰ Там же. Рапорт ген.-губ. Суворова...

¹¹ Там же. Анонимное письмо русского члена бургсрата.

¹² Дневник графа П.А. Валуева 1847–1860 гг. «Русская старина», 1891, №4–11.

¹³ История России...

¹⁴ «Русский архив», 1897, № 6, с. 285.

¹⁵ РГИА, фонд 908, оп.1, дело 61. Рапорт Валуева от 6 сентября 1848 года.

¹⁶ Гиллельсон...

¹⁷ Дневник графа П.А. Валуева 1847–1860...

¹⁸ Там же.

- ¹⁹ Никитенко...
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. Слово «татарин» Соловьев применил как символ азиатчины.
- ²² «Морской сборник», 1857. октябрь.
- ²³ Тарле Е.В. Сочинения. Т. 8. «Крымская война». М., 1959.
- ²⁴ РГИА. фонд 908, оп.1, дело 82.
- ²⁵ Пушечников И.В. Заметки старожила Елецкого уезда. «Русский архив», 1905, кн. 4.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Соловьев С.М. Избранные труды...
- ²⁸ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991.
- ²⁹ Татишев С.С. Император Александр II. его жизнь и царствование. СПб., 1911.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Валуев П.А. Дума русского во второй половине 1855 года. «Русская Старина». 1893, №9.
- ³³ Необходимые пояснения: 1 февраля 1852 года, еще до войны, ре-
визией, проведенной по смерти директора канцелярии инвалидного
фонда Политковского, внезапно открылось, что онный директор регу-
лярно крал деньги, назначенные раненым инвалидам, похитив в об-
щей сложности 1 200 тыс. рублей серебром, почти 4 миллиона ассигна-
циями. Шепот давно гулял по гостиным, что однако не мешало всему
сановному Петербургу много лет подряд собираться на роскошные ку-
тежи Политковского, но сумма произвела впечатление даже на выдав-
ших виды. Рассказывали, что когда о происшествии доложили царю, он
весь изменился, и даже похолодели его руки. Правда, ему уже было не
привыкать стать, ровно год назад случилась такая же история с его лю-
бимчиком, главноначальствующим путями сообщения генералом гра-
фом Петром Клейнмихелем. Граф присвоил только два миллиона, но
более нагло, чем директор инвалидного фонда, под самым носом мо-
нарха: выданные ему из казны деньги для оплаты новой мебелировки
Зимнего дворца после пожара 1837 года граф Петр Андреевич постав-
щикам попросту не отдал. Они ждали несколько лет, потом начали жа-
ловаться, но инстанции не решались вступаться за них перед все-
сильным временщиком, и только через 14 лет дело каким-то образом дошло
до государя. Праведный гнев был велик, император кричал, что не зна-
ет, принадлежит ли ему стул, на котором он сидит, и три недели не пу-
скал Клейнмихеля на глаза... но все тем и кончилось. Казне приказано
было деньги купцам выдать, а дело закрыть. (Тарле...) Тут было одно де-
ликатнейшее обстоятельство. Николай Павлович имел детей от долго-
летней своей любовницы, фрейлины двора Нелидовой, племянницы
той Нелидовой, что была любовницей его отца, императора Павла;
Клейнмихель же усыновил детей своего высочайшего шефа. (Пресня-
ков...) Не мог же, в самом деле, благодарный родитель отправить в
тюрьму приемного отца своих отпрысков! Что же касается голода в ре-
зервной бригаде, то воровство командирами средств, отпущенных на
содержание солдат, было обыденным явлением в николаевской армии,
и среди начальства об этом не знал только тот, кто не хотел знать.

³⁴ РГИА, фонд 908, дело 77 Очерк о положении раскольников в Курляндской губернии.

³⁵ Великая княгиня Елена Павловна, в девичестве Фредерика Шарлотта-Мария принцесса Вюртембергская, личность совершенно замечательная. Своим ясным природным умом, блестящим образованием, дополненным беседами с великим Кювье, своим благородством и тактом, глубоким пониманием российских проблем и демократическим к ним отношением она приобрела уважение как царского дворца, так и широкого круга дворянской интеллигенции. Юной девушкой выданная замуж за младшего брата императора Николая Павловича, Михаила, Е. П. до смерти мужа не имела возможности применить к делу свои возможности и способности. «Первые ее годы жизни у нас на нее подействовали сжиманием и обledenением. Быть может, ее влияние было бы еще значительнее и знаменательнее, если бы она не подверглась гнету этих первых лет», — записал Валуев в своем дневнике, узнав о ее смерти. (Валуев П. А. Дневник министра... Т. 2. Запись 9 января 1873 года.) С 1849 года начинается ее общественное служение. Узнав о намерении Пирогова подать в отставку с должности профессора Медико-Хирургической академии вследствие грубой выходки военного министра Чернышева, Е. П. пригласила его к себе. «Она выразила мне своей любезностью и уважением то, что должны были выразить они... Обращение ее было таково, что я устыдился своей минутной слабости. Я рассудил, что бестактность моего начальства — грубость лакеев в противовес благородному мировоззрению великой княгини», — рассказывал потом Пирогов. Для помощи раненым Е. П. впервые в истории создает женскую группу медицинского персонала — Крестовоздвиженскую общину медицинских сестер, которая отправилась в Севастополь.

В период активной разработки крестьянской реформы Е. П. использует все свое влияние для поддержки главных деятелей эмансипации — Милютина, Черкасского, Самарина, Галагана. Князь Черкасский подолгу живет в ее дворце. Михайловский дворец становится местом встреч этих передовых дворян с кругом сочувствующих делу августейших особ, включая самого государя. В последующие годы Е. П. становится во главе «штаба» организации Петербургской консерватории, покупает землю на Преображенском плацу для строительства Клинического института экспериментальной медицины. Он откроется уже после ее смерти. Воспоминания о Е. П. написал А. Ф. Кони, близкие к ней люди: Е. П. Раден («Русская старина», 1882, № 3, 1888, № 3, 1889, № 11), Р. Ф. Торнау («Русский архив», 1881, кн. 3) и др.

³⁶ Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжка X. М., 1975. С. 192–193.

³⁷ Дневник графа П. А. Валуева. 1847–1860...

³⁸ Там же.

³⁹ Соловьев Я. А. Записки. «Русская старина», 1881, т. 30.

Глава III

¹ РГИА, фонд 560, оп. 43, дело 194. Опубликовано в сборнике «Судьбы России». СПб., 1999.

² Левшин А. И. Достопамятные минуты моей жизни. «Русский архив», 1885, № 8.

³ С.П. Румянцев — младший сын знаменитого екатерининского фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского, редкого, между прочим, в русской истории полководца, который, добывая блестящие победы, старался беречь жизни солдат. Замечу, кстати, что румянцевские крестьяне наделы получили в полную собственность без выкупа, так просил владелец и так записал указ. Тут крылось объяснение, отчего, за пятьдесят лет, так мало крестьян получили свободу по этому указу: помещик должен был отдать землю, свою собственность, без всякого вознаграждения, к тому же сама процедура отпуска из неволи была обставлена многочисленными рогатками. Между прочим, этот указ 1803 года содержал еще одну прогрессивную черту: каждый, выходящий из крепостной зависимости, получал участок земли лично, а не в составе общины.

⁴ Левшин...

⁵ Для изложения фактической стороны событий использованы: Левшин.; Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1911, Соловьев Я.А. Записки. «Русская старина», 1880, т. 27, 1881, т. 30, 31.

⁶ Цитируется по: На заре крестьянской свободы. «Русская старина», 1891, т. 92.

⁷ Татищев...

⁸ Пушечников...

⁹ Там же.

¹⁰ Современная летопись. «Русский вестник», 1857, т. 12.

¹¹ РГИА, фонд 908, дело 102. «Нечто о поземельной собственности и общинном пользовании землею».

¹² Дневник графа П.А. Валуева. 1847—1860...

¹³ Об изменении быта крестьян остзейских губерний. «Русский вестник», 1858, т. 13.

¹⁴ РГИА, фонд 908, дело 2.

¹⁵ Дневник графа П.А. Валуева. 1847—1860... Запись 27 августа 1860 года.

¹⁶ Дневник графа П.А. Валуева. 1847—1860...

¹⁷ Татищев...

¹⁸ РГИА, фонд 908, дело 102. «Ряд мыслей по поводу крестьянского вопроса».

¹⁹ Дневник графа П.А. Валуева. 1847—1860...

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Из записок М.А. Милютиной...

²⁴ Татищев...

²⁵ Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. М., 1901—1904.

²⁶ Дневник графа П.А. Валуева. 1847—1860...

²⁷ РГИА, фонд 908, дело 101. Записка Безобразова о собрании депутатов от губернских комитетов.

²⁸ Татищев...

²⁹ Там же.

³⁰ РГИА, фонд 908, дело 101.

³¹ Трубецкая...

³² Дневник графа П.А. Валуева. 1847–1860... Запись 3 мая 1860 г.

Это определение навеяно чтением писем Н.М. Карамзина. Суждение о нем Валуева резко отличается от официального пиетета перед великим историком: «Взгляд на дела управления – царедворческий. Никакого участия к низшим классам... Карамзин не опередил свое время».

³³ Аврора Карловна Шернваль фон Валлен, дочь Выборгского губернатора (после присоединения Финляндии к России в 1812 году), приобрела демоническую славу. Восемнадцать лет она была помолвлена, но смерть жениха разрушила намерения отца. Восемь лет спустя, в 1834 году, она согласилась выйти замуж за А.А. Муханова, долго ее любившего. Он не доживает до свадьбы двух недель. Через несколько лет Аврора становится женой известного богача Демидова, но он умирает через четыре года. В 1846 году она выходит замуж за Андрея Карамзина, который погибает в Дунайской кампании в 1854 году. Она переживает сестру, брата, сына, невестку и умерла 94-х лет. Через 16 лет после ее смерти, в 1918 году, молодой поэт Маслов рискнул написать о ее жизни поэму: он умер через полгода. Еще через 20 лет к биографии Авроры обратилась финская писательница: страшные чары, видимо, уже перестали действовать – ничего дурного с храброй женщиной не произошло...

³⁴ Дневник графа П.А. Валуева...

³⁵ Стивен Хок. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. – В кн.: Великие реформы в России. 1856–1874. Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992.

³⁶ Дневник графа П.А. Валуева 1847–1860... Записи 5 ноября – 2 декабря 1860 года.

³⁷ Великий князь К.Н. лучше всех понял глубинную опасность контрпроекта. В беседе с Валуевым спустя примерно месяц после обсуждения проекта Долгорукого и Муравьева в Главном комитете он сказал: «В минуту освобождения нельзя допускать никакой неопределительности в цифрах наделов и повинностей». Предоставить участие в этом деле губернским присутствиям можно только «с целью его затруднить. Народ будет оставлен в неизвестности насчет окончательных условий его быта», и в момент кардинальных в стране перемен «не будет никакой твердой точки. Злейший враг России не мог бы придумать более пагубного предложения и предоставить государю более опасной и вредной мысли» (Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. М., 1961. Запись 2 января 1861 года).

³⁸ Валуев П.А. Дневник министра...Т. 1. Примечание 1-е Валуева.

Глава IV

¹ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 14 февраля 1861 года.

² Там же. Примечание 38 Валуева.

³ Дневник графа П.А. Валуева. 1847–1860... Запись 6 мая 1859 года.

⁴ Татишев...

⁵ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 12 февраля 1861 года.

⁶ РГИА, фонд 908, дело 97.

⁷ Там же.

⁸ Татищев...

⁹ Ср. с известными словами М.О. Гершензона в его статье «Творческое самосознание» в сборнике «Вехи»: «Каковы мы есть [интеллигенция], нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одними своими штывками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». И далее: «Народ, за который она боролась, ненавидит ее, а власть, против которой она боролась, оказывается ее защитницей. хочет она того или не хочет» («Вехи», М., 1909). Совпадение со словами Ю.Ф. Самарина почти текстуальное.

¹⁰ Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков, правнук знаменитого Александра Даниловича, был образован и умен, знатен и богат, к тому же любимец императора Николая, и мог направлять стрелы своего остроумия в кого угодно. Александр II, после окончания Крымской войны и заключения Парижского мира, сказал Меншикову, что хочет учредить медаль с надписью на одной стороне: «С нами Бог».

— А что написать на другой?

— Напишите, Ваше величество, «Бог с вами», отвечал Меншиков.

¹¹ Трубецкая О...

¹² Сообщество членов и экспертов Редакционных комиссий оказалось живым и прочным, оно спаялось великим делом. Участники комиссий по праву могли гордиться результатом; несмотря на все попытки обесцветить «Положение 19 февраля», выхолостить его суть, в окончательном варианте сохранился пафос их проекта. Через некоторое время после закрытия комиссий они снова вступили в службу, сохранив либеральные принципы. Но время работы в Редакционных комиссиях осталось для них самым славным и значительным. Долгие годы (до смерти большинства из них) они собирались в день 19 февраля — аналогия с лицейским днем 19 октября тут не случайна — и, вспоминая дневные и ночные часы бдения, бурные перипетии и битвы, вновь ощущали радостное чувство теснейшей причастности к величайшему акту в истории своего народа.

¹³ Не один Никитенко «сживал» на гауптвахте за совершенно невинные пропуски. А так как ни в каких цензурных установлениях не может быть четкой определительности, а в николаевской особенно, то сами цензоры постоянно находились под страхом навета и кары. Их свирепость часто вызывалась не столько их ортодоксальностью, сколько боязнью наказания или потери места. Следующий анекдот вполне мог иметь реальное происхождение. Рассказывали, что одного цензора, блюстителя по отделу французских газет, не знавшего притом французского языка, однажды спросили, как же он решает, что можно пропустить, а что нет. «Весьма просто, — отвечал почтенный чиновник, — как встречаю слова Russes или Russie, то и отмечаю: «Пропустить нельзя».

Думаю, сопоставление российской цензуры, от «Гостомысла до Горбачева» было бы очень любопытно.

¹⁴ РГИА, фонд 908, дело 142.

¹⁵ Никитенко...

¹⁶ РГИА, фонд 908, дело 142.

¹⁷ Никитенко...

¹⁸ Обзор действий министерства внутренних дел с января 1861 года по 19 февраля 1864 года. СПб., 1864.

¹⁹ Устьянцева Н.Ф. Пореформенные институты. — В сб.: «Великие реформы в России»...

²⁰ Трубецкая О...

²¹ РГИА, фонд 1284, оп. 241, дело 185. Всеподданнейшая записка статс-секретаря П.А. Валуева «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 года». Опубликовано в сборнике «Судьбы России»...

²² Трубецкая О...

²³ Обзор действий министерства внутренних дел...

²⁴ «Московские ведомости», 1 сентября 1862 года, №192.

²⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 1999. С. 90–92.

²⁶ Записка М.Х. Рейтерна Александру II от 16 сентября 1866 года. — В сб.: «Судьбы России»...

²⁷ Записки графа Дм. Ник. Толстого. «Русский архив», 1885, № 5.

²⁸ Обзор действий министерства внутренних дел...

²⁹ На заре крестьянской свободы. «Русская старина», 1898, т. 93.

Перепуганный московский генерал-губернатор Закревский, известный своим невежеством и самодурством, велел полицейстеру сделать «Кокореву запрос, на каком основании он употребил слово «народный» на фронтоне своего музея — «Хранилище изделий народного труда». Кокорев отвечал советом вымарать надпись «Народные бани» (Самарин — Головнину).

³⁰ РГИА, фонд 908, дело 82. «Мысли по поводу статьи г.Кокорева в № 5 и 6 «СПб-ведомостей». Письмо Суворову 18 января 1858 года.

³¹ Соловьев С.М. Избранные труды...

³² Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 4 сентября 1861 года.

³³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999.

³⁴ Оболенский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994.

Глава V

¹ См.: Зельдич Ю.В. Полковник Пестель. Контуры политического портрета. «Континент», 1998, № 97.

² Голоса из России. Сборники Герцена и Огарева. Вып. 1. М., 1974. Кн. 1. Автор статьи — Н.В. Мельгунов, либеральный писатель, близкий Чичерину и Кавелину.

³ РГИА, фонд 908, дело 85. Записка о международном положении России после Парижского мира и о необходимости предоставления независимости Польше. 24 ноября 1856 года.

⁴ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 23 февраля 1861 года.

⁵ Там же. Запись 1 марта.

⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862...

⁷ Валуев П.А. Дневник министра Т. 1. Запись 13 марта 1861 года.

⁸ Там же. Запись 8 ноября 1861 года.

⁹ Татишев...

¹⁰ Там же.

¹¹ Записки гр. Мих. Ник. Муравьева. «Русская старина», 1882, т. 36.

¹² РГИА, фонд 908, дело 279. Сравнительное состояние производительных сил Виленской губернии в 1862 году и в настоящее время [1866]. Доклад министру внутренних дел.

¹³ Записки гр. Мих. Ник. Муравьева. «Русская старина», 1882, т. 37.

¹⁴ Там же. Переписка Валуева и Муравьева. Декабрь 1863 года.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Примечания редакции.

¹⁷ РГИА, фонд 908, дело 238. Отношения статс-секретаря Валуева к министру финансов о выдаче пособий политическим ссыльным и отдельным лицам. 1865 год.

¹⁸ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 327.

¹⁹ Записки гр. Мих. Ник. Муравьева. «Русская старина», 1882, т. 37, примечания редакции.

Милютин пишет (Милютин... С. 325), что отказ Суворова вызвал «остроумное стихотворение Ф.И. Тютчева». Комментатор «Воспоминаний» Милютина указывает на стихотворение, написанное Тютчевым 12 ноября 1863 года, — «Князю А.А. Суворову». (При этом комментатор ссылается на издание сочинений Тютчева 1913 года, отчего создается впечатление, что стихотворение это больше не печаталось, между тем оно повторено в «Литературных памятниках» 1965 года.)

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского чestim мы «людоеда»,
Мы, русские. Европы не спросясь.

Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя народу своему.

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?

Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленье,
Назлю, увы, и пошlostям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей!

Я цитирую это стихотворение, потому что редактор «Русской старины» М.И. Семевский, упоминая стихотворение Тютчева, приводит совсем другие стихи, направленные против А.А. Суворова, и под заголовком «Суворов под Варшавой» приписывает их Петру Андреевичу Вяземскому. Две последние строфы звучат так:

К солдатам обратясь, он крикнул громогласно:
«Нешадно режьте их и режьте их детей!
И знайте, что ваш штык заколет не напрасно,
Вы жизнь спасаете тем ваших же детей».

Вот что сказал ваш дед, кто этих слов не знает.
Он русский был и с русской душой.
Кто Муравьеву враг, его кто порицает,
России тот не сын и русскому чужой.

Семевский, по-видимому, давно ненавидел Вяземского. но пуститься во все тяжкие, повязать старого поэта со звериным национализмом, приписать ему мерзкие, хромые строчки, быть может, самому сочинить их, воспользоваться тем, что никто из Вяземских ему ответить уже не может — надо совсем забыть честь и совесть. Семевский пытается опорочить всех — и обоих Суворовых, и всех поэтов, и Муравьева, даже авторов письма ему. А ведь Вяземский не изменил своим взглядам до глубокой старости, сохранил свою гуманную позицию во время панславянского безумства в период турецкой войны 1877 года, остался верен своим словам, сказанным в 1831 году, по поводу стиха Пушкина, призывавшего тень Суворова: «Нечего было Суворову вставать из гроба, чтобы благословить Паскевича... *Война наша с Польшей тоже вовсе не Суворовская*» (Вяземский П.А. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1994. Запись сентября 1831 года).

²⁰ РГИА, фонд 908, дело 193. Материалы о польском восстании. Письмо верноподданного крестьянина Алексея Прауды. 4 февраля 1863 года.

²¹ РГИА, фонд 908, дело 193. Статья из газеты «Голос».

²² РГИА, фонд 908, дело 193. Статья Валуева.

²³ РГИА, фонд 1267, оп. 1, дело 27.

²⁴ РГИА, фонд 908, дело 279. Сравнительное состояние производных сил Виленской губернии...

²⁵ РГИА, фонд 908, дело 182. Всеподданнейшая записка Валуева 27.11.62 «О назначении генерал-губернатора в Западный край».

²⁶ РГИА, фонд 908, дело 185. Всеподданнейшее представление 12.12.62 «О средствах к обрусению Западного края».

²⁷ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Примечание 48 Валуева.

²⁸ У Александра Николаевича были свои резоны. В дворянских попытках учредить Земскую думу царь видел намерение навязать ему контроль дворянской олигархии и ревизовать «Положение 19 февраля». Предположение не было лишено оснований. В январе 1865 года московское губернское дворянское собрание, пользуясь формальным предлогом, отстранило помещиков, заключивших выкупные сделки со своими крестьянами, от выборов в дворянские учреждения. Исполнение царского повеления молчаливо объявлялось предательством интересов сословия. Одновременно московские дворяне призвали императора «созвать общее собрание выборных людей земли русской». Связь обоих жестов легко просматривалась. Можно ли в таких и подобных обстоятельствах отказываться от самодержавной власти, единственной гарантии реформ? И рескрипт на имя министра внутренних дел Валуева, предписывающий закрыть московское дворянское собрание, выдерживается в самых жестких тонах. «Московское губернское дворян-

ское собрание вошло в обсуждение предметов, его прямому ведению не подлежащих, и коснулось вопросов, касающихся основных начал государства. Они [дворяне] пытаются предрешать вопросы, которые могу решить только Я. Никто не призван принимать на себя ходатайствовать передо мною об общих пользах и нуждах государства» (РГИА, фонд 908, дело 246. «О закрытии московского дворянского собрания»).

²⁹ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 13 апреля 1861 года.

³⁰ Дневник В.А. Муханова. «Русский архив», 1896, кн.3, вып. XII. Запись 19.02.62.

³¹ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 14 апреля 1861 года.

³² Там же. Записи конца октября—начала ноября 1861 года.

³³ Там же. Запись 9 февраля 1862 года и примечание 38 Валуева.

³⁴ Там же. Запись 23 февраля 1862 года.

³⁵ РГИА, фонд 908, дело 165. Записка П.А. Валуева «О внутреннем состоянии России» 26 июня 1862 года, адресованная В.А. Долгорукову. Опубликована в журнале «Исторический архив», 1958, №1.

³⁶ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 29 июня 1862 года.

³⁷ «Всеподданнейшая записка статс-секретаря Валуева»... «Вестник права». 1905, т. 35, кн. 9. (Публикация К.Л. Берманского.)

³⁸ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Записи 29 марта. 12—16 апреля 1863 года.

³⁹ Как уже упоминалось, огромную роль в формировании массового отношения к Польше сыграл Катков и его «Московские ведомости». Из номера в номер газета представляла читающей публике факты и обстоятельства, живописующие жестокость и фанатизм тайного комитета (подпольного руководства восстанием). Из номера в номер газета демонстрировала, как тайный комитет силой и пропагандой добивается подчинения себе населения, как его агенты терроризируют поляков, готовых сотрудничать с русскими властями, а продолжающих упорствовать — убивают. Как организуют нападения на русские воинские команды, как свободно распространяют свои прокламации, как легко сносятся с Западом, особенно с Францией, имея там в лице князя Чарторыйского почти официального представителя. Это была правда, но не вся. Репрессалии властей не подвергались критике, власть России над Польшей признавалась исторически неизбежной и справедливой, никакой попытки понять национальные чувства, объяснить ими польский мятеж, газета не принимала. Описывались только бесчинства восстания, а причины его уводились в польский гонор и тлетворное влияние Запада. (Что и действительно имело место, но не они же запалили фитиль.) 10 сентября (№196, 1863 г.) «Московские ведомости» опубликовали пространную, на две полосы, статью Каткова; как сказали бы в наше время, аналитическую. История Польши в России описывается подробно, начиная с екатерининских времен. Краеугольным актом объявляется Венский трактат 1815 года, подтвердивший расчленение Польши. Однако из него принимается только то, что соответствует видам России, конституция же, предусмотренная трактатом, сегодня «не может быть восстановлена, ибо возмущение поляков уничтожило все обязательства. Россия, вынужденная прибегнуть к войне, приобрела тем самым все права, предоставляемые завоеванием». Вот так, без всяких эквивалентов, пишет Михаил Никифорович. Подробно рассматривая претензии трех держав, Катков неоднократно напоми-

нает им, что главари мятежа требуют восстановления Польши в границах 1772 года, что в таком случае одна из держав, Австрия, должна будет вернуть Польшу полученную по разделам Галицию. Она, конечно, никогда не подумает это сделать, следовательно заступничество европейских лидеров — лицемерие, им нужна не свободная Польша, а ослабление и унижение России. (Что, между прочим, правда.) Катков твердо знает, что «Державы» не пойдут на войну, их словесная поддержка лишь возбуждает напрасные ожидания поляков, и «масса утихнет, как только» поляки убедятся, «что Державы не намерены благоприятствовать мечте о восстановлении великой независимой Польши, могущей осуществиться лишь вследствие раздробления трех великих государств». (России, Австрии и Пруссии, причем последняя категорически отвергала притязания на вмешательство в дела России, а Бисмарк говаривал, что если русские не справятся с восстанием, то Пруссия возьмет эту миссию на себя и в три года онемечит поляков.) Катков стрелял абсолютно безошибочно, уже летом Англия объявила, что устраниется от дальнейших пререканий с Россией, что обещаниям петербургского правительства даровать Польшу национальную администрацию и возможные свободы правительство ее величества совершенно доверят. В заключение Катков с удовольствием рассказывает, как французские журналисты уверяют в своих газетах, что страдает престиж Великобритании, а английские журналисты пишут о потере французской чести. Александр II «Московские ведомости» читал внимательно и к их мнению очень прислушивался.

⁴⁰ Валуев П.А. Дневник министра... Т. I. Запись 17 апреля 1863 года.

⁴¹ Что польский орден — камешек в огород, Валуев понял так хорошо, так этим раздражился, что несколько лет отказывался заплатить взнос, положенный за награждение орденом. Капитул орденов вежливо ждал почти 5 лет, но в конце концов министр императорского двора граф Адлерберг обратился к сотоварищу с письмом: «Числятся в недоимке деньги по пожалованию Вашему Высокопревосходительству в 1863 году ордена Белого Орла 300 рублей и в 1865 году ордена Св. Александра Невского 400 рублей. [Заодно не заплатил Валуев и за этот орден.] В силу срока представления государю-императору отчета покорнейше прошу Вас о доставлении означенных денег» (РГИА, фонд 908, дело 2). Перед возможным конфузом пришлось отступить и внести «означенные» суммы.

Курьезно, но статут российских орденов предусматривал между казной и «членом ордена» взаимные денежные отношения. За каждый орден, в зависимости от степени и ранга, награжденный должен был сделать единовременное отчисление «на дела богоугодные». Но зато казна ежегодно платила кавалеру ордена немалые деньги, правда только после того, как в ограниченном составе пенсионеров ордена освобождалось место. Так, орденом Св. Владимира 1-й степени Валуев был награжден в 1874 году (за что должен был заплатить 180 рублей), но очередь стать пенсионером по этому ордену дошла до него лишь в 1887 году. Чем выше ранг ордена, тем меньше было им награжденных, тем быстрее кавалер становился пенсионером. Высшим российским орденом, орденом Андрея Первозванного, Валуев был награжден в 1877 году, а в октябре 1882 года «капитул орденов Министерства императорского двора уведомляет [Валуева] о дошедшей очереди к поступлению в комплект пенсионеров по ордену Св. Апостола Андрея Первозванного» с пенсией в 800 рублей в год. (РГИА, фонд 908, дело 49.)

⁴² Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 6 мая 1863 года.

⁴³ Проект нового учреждения государственного совета. «Вестник права», 1905, Т. 35, кн. 9. (Публикация К.Л. Берманского.)

⁴⁴ Там же. Пояснительная записка к проекту.

⁴⁵ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 13 декабря 1863 года.

⁴⁶ Трубецкая... Любопытно, что в ответном письме Черкасскому Самарин выражает совершенно другую позицию. Он не видит в «свободных учреждениях» никакой пользы, наоборот, предполагает вред, ибо заполненные радикалами всех мастей они будут поставлены в недееспособные обстоятельства и кроме болтовни ничего не произведут. «При настоящих обстоятельствах Земская дума поставила бы весь тот кружок, в котором сосредоточено русское просвещение, всю грамотную Русь между двух огней; ее бессилие и изолированность высказались бы самым очевидным образом и благодаря ее глупым замашкам последовало бы неудержимое сближение между властью и массами, сближением за счет срединной России во имя произвола и невежества»

⁴⁷ РГИА, фонд 908, дело 224. Записка С. Шипова «Об устройстве государственного организма в России».

Глава VI

¹ Проект нового учреждения государственного совета. «Вестник права», 1905, т. 35, кн. 9.

² РГИА, фонд 908, дело 82. Записка Валуева 22 февраля 1862 года.

³ «Северная почта». №141, 27 июня 1863 года.

⁴ В разгар польского восстания, летом 1863 года, Александр II принимает разумнейшее решение. Штыком и петлей подавить восстание не удастся, его следует обескровить, взорвать изнутри: предоставить крестьянам настоящую свободу и настоящую собственность, в уверенности, что они предпочтут труд ради собственного благосостояния войне за химерическую независимость шляхетского государства, которое не перестает их эксплуатировать. Хорошо помня, кто был главным деятелем крестьянского освобождения, царь призывает Николая Милютина и направляет его в Польшу, снова разрешая выбрать сотрудников по своему усмотрению. *В шесть недель* Милютин, Самарин, Черкасский разрабатывают все необходимые законы. 19 февраля 1864 года, в девятую годовщину царствования, император подписывает три указа. Прежде данные указы об облегчении участи крестьян, говорится в первом из них, «не встретили со стороны поместного сословия содействия... Ныне постановляем...: Статья 1. Земли, состоящие в пользовании крестьян в имениях, принадлежащих частным лицам или казне, поступают в полную собственность крестьян; Статья 2. Крестьяне навсегда освобождаются от барщины, чинша (оброка), денежного откупа и пр.» Они будут облагаться только поземельным налогом в казну, который составит 2/3 прежнего чинша. Иски о недоимках прекращаются; Статья 4 обещала помещикам вознаграждение. И, наконец, Статья 35: «Каждый усадебник отвечает за исправный взнос причитающегося лишь с него одного поземельного налога». Второй указ: «После наделения крестьян собственностью не осталось никакой уважительной причины сохранять далее за владельцами земли патримонильную юрисдикцию и сопряженную со званием гминных войтов (волостных на-

чальников) власть... Каждая сельская гмина складывается из деревень и колоний крестьянских и мыз и фольварков помещиков и прочих земле-владельцев... Гминный войт избирается гминным сходом». Избран может быть любой житель, «без различия ценза и сословий». Третий указ регламентировал выплату вознаграждения помещикам: деньги будет платить казна в течение... 40 лет (!).

Польские крестьяне получили такую экономическую и социальную независимость и практически полное равенство прав с другими сословиями, которых русские крестьяне не имели до февраля 1917 года. Во внутренних российских губерниях первые два года после объявления эмансипации крестьяне оставались теми же крепостными, двадцать пять лет они выплачивали выкуп, платили ошутимые подати, отвечали за исправность повинностей круговой порукой, общинное землепользование не оставляло им никаких стимулов. В результате своеобразной ситуации, когда верховная власть, считающая дворянство первым сословием, стремилась нанести наивозможный ущерб польской аристократии и шляхте, Николай Милютин и его друзья получили возможность широко и свободно реализовать свои демократические убеждения и освободить польских хлопов (крестьян, крепостных) от всех видов эксплуатации сразу. В Польше Милютин мог это сделать еще и потому, что российская казна не потратила там на выкупные платежи ни копейки: деньги в казну Царства поступали от поземельного налога на польских владельцев (Татищев; РГИА, фонд 908, дело 218).

⁵ Трубецкая...

⁶ Разумеется, по нормам цивилизованного общества второй половины XX века и даже по современной Валуеву английской юрисдикции заключение в тюрьму за словесную критику трудно посчитать адекватной мерой. Но по российским законам XIX века выступление 13-ти мировых посредников было преступным, ибо призывало к неповиновению власти. Будем же судить деятелей по установкам эпохи.

⁷ РГИА, фонд 908, дело 155. Циркулярное письмо министра внутренних дел губернаторам. Март 1862 года.

⁸ «Северная почта», №141, 27 июня 1863 года.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, № 143, 29 июня 1863 года.

¹¹ РГИА, фонд 908, дело 162. Докладная записка барона Корфа; см. также: Середонин С.М. Исторический обзор деятельности комитета министров. Т. 3, ч. 1. СПб., 1902.

¹² Безусловный монархизм автора «Восшествия на престол императора Николая I» умерялся его образованностью и широтой взглядов. Заслуги Корфа перед русской культурой велики. Двадцать лет он был директором Петербургской Публичной библиотеки, превратил ее в современное учреждение, открыл в нее свободный доступ практически для всех слоев населения. Барон Корф был бы естественным союзником моего героя, и это нетрудно было понять, если здраво оценивать его деятельность, тем более что сам Модест Андреевич относился к Валуеву с уважением. Но не умел Петр Александрович сходить с окружающими. Страдал от разобщенности членов правительства, предлагал способы соединения, однако не мог идти навстречу другим людям.

¹³ Материалы по земскому общественному устройству. Т. 11. СПб., 1886. С. 412.

- ¹⁴ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 19 декабря 1863 года.
- ¹⁵ По любым меркам отношений министров внутри правительства это был нонсенс. Князь Павел Гагарин упрекал Валуева за публикацию статей в «Северной почте», органе МВД, в поддержку проекта валуевской комиссии, которой было официально поручено представить *правительственный* план преобразований сельских учреждений, а в это же время член этого правительства выступает *в печати*, по существу, против другого члена правительства.
- ¹⁶ Подсчеты произведены на основе статистических данных, приведенных в книге: Б.Н. Миронов ...
- ¹⁷ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 16 декабря 1863 года.
- ¹⁸ «Северная почта», №143, 29 июня 1863 года.
- ¹⁹ Для описания фактической стороны генезиса земской реформы использованы упомянутые статьи Валуева в «Северной почте», а также: Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957; Материалы по земскому общественному устройству. СПб., Т. I-II. 1885–1886; Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т. 1–3. СПб., 1903–1911.
- ²⁰ «Северная почта», №142, 25 июня 1863 года.
- ²¹ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Записи 17 августа, 8 и 22 октября 1864 года.
- ²² РГИА, фонд 908, дело 448. Долговой архив М.П., А.П. Валуевых, гр. А.И. Валуевой, кн. Е.П. Голицыной. 1844–1889.
- ²³ РГИА, фонд 908, дела 449 и 450. В этих делах со скрупулезной точностью приведены все имена и суммы, все перипетии денежных расчетов Валуевых на протяжении многих лет.
- ²⁴ РГИА, фонд 908, дело 204. Записки по делам раскола. Всеподданнейшая записка статс-секретаря Валуева 4 октября 1863 года.
- ²⁵ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 1 февраля 1864 года.
- ²⁶ Там же. Запись 14 марта 1864 года.
- ²⁷ Там же. Запись 12 августа 1864 года.
- ²⁸ Там же. Примечание 87 Валуева.
- ²⁹ Миронов ... Т. 1. С. 107.
- ³⁰ РГИА, фонд 908, дело 112. Записка от 18 августа 1861 года; доклад по особенной канцелярии МВД, январь 1862 года; проект высочайшего повеления, июнь 1862 года.
- ³¹ Там же. Записка от 10 марта 1863 года.
- ³² Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 19 ноября 1861 года.
- ³³ Римский С.В. Церковная реформа 60–70-х годов XIX века. «Отечественная история», 1995, № 2.
- ³⁴ Миронов... Т. 1. С. 106. Расчеты численности произведены по данным Б.Н. Миронова.
- ³⁵ РГИА, фонд 908, дело 27. Записка Валуева от 8 февраля 1868 года «О положении дел в печати».

В сердцах написанная фраза о продажной прессе имела давнее основание. Осенью 1861 года, полный боевого задора, новый министр внутренних дел уверяет шефа жандармов и государя, что запрещениями делу не поможешь, нужна проправительственная пресса; следует «употребить одинаковое оружие» в сражении за умы читающей публики. Он, Валуев, нашел журналиста, согласного «соответствовать видам

и направлениям правительства»: Павлова, редактора московской газеты «Наша жизнь». Только газете надо придать солидность и респектабельность, «предоставить право помещения политических известий и частных объявлений, превратить ее в ежедневную. Это увеличит круг читателей и влияние» (РГИА, фонд 908, дело 142. Записка статс-секретаря Валуева 19 октября 1861 года «О приобретении негласного влияния на газеты «Наша жизнь» и «СПб-ведомости»).

Павлов требует денег: 25 тысяч рублей. Сметой расходов МВД подобная акция не предусмотрена (!), и Петр Александрович собственно-ручно (огласка опасна) пишет императору, прося санкции на заимствование, под свою расписку, «средств из запасных капиталов римско-католического духовенства», хранящихся в департаменте иноверческих исповеданий. (Характерная для моего героя шепетильность: не в пример иным своим сотоварищам, с легким сердцем запускавшим руку в казенный кошелек, Валуев, даже беря деньги для государственных надобностей, ограждал себя от подозрений.) На первый случай Павлову было дано 5 тысяч рублей безвозмездно и ссуда в 15 тысяч рублей. В феврале следующего 1862 года Павлов, ссылаясь на противодействие (?) других издателей, просит еще. В МВД денег нет, и Валуев обращается за поддержкой к жандармскому ведомству. (Там же. Материалы дела, расписки Павлова в получении денег). В апреле Павлов приезжает из Москвы, является к министру и снова выпрашивает ссуду. Вся история становится для Валуева затруднительной и неприятной. Довольно значительные суммы израсходованы под обещанный им успех, однако никакой реальной пользы правительственному кораблю «Наша жизнь» не принесла. Больше попыток такого рода Петр Александрович не предпринимал.

³⁶ «Северная почта», № 264, 12 марта 1865 года.

³⁷ «Северная почта», № 279, 21 декабря 1868 года.

³⁸ Александр Васильевич Головин — самый либеральный министр просвещения в истории России. С 1850 года он входил в близкое окружение великого князя Константина Николаевича. Заведую канцелярией морского министерства, явился одним из создателей прогрессивного морского устава. В 1860 году совершил, по поручению К. Н., длительную поездку по России. Информация, сообщенная им, укрепила великого князя в его позиции по крестьянскому делу. «Между помещиками и крестьянами растет напряжение, — докладывает Головин, — наружное спокойствие поддерживается только надеждой крестьян на скорое объявление вольности... Виноваты помещики, которые с трудом отстают от прежних привычек... Старики еще терпеливы, но на молодых крестьян мысль о свободе сильно действует... Новое поколение будет другим. Необходимо подготовиться к будущему: преобразовать полицию и суд, развить образование, проложить дороги. Вот куда нужны расходы бюджета. Действительная сила России не в армии, не во флоте, не в величии северной столицы, но в богатстве, довольстве, хозяйственном управлении». В 1863 году Головин разработал и добился царского утверждения нового университетского устава. Университеты (на короткое время) стали самоуправляемы, уровень обучения в них значительно поднялся, увеличилось число кафедр и лабораторий. В 1864 году реорганизована система среднего образования. Гимназии разделены на классические и реальные. Выпускники первых могли продолжать образование в университетах, вторых — в технических

учебных заведений. Пересмотрены учебники, учебные советы гимназий получили право их выбора. В том же году возникли начальные народные училища. Благодаря дружбе с другим «константиновцем», лицейским товарищем, министром финансов Рейтерном, Головин получил за 4 года своего министерства 26 миллионов сверхбюджетных средств, которые и позволили осуществить эти новшества, в том числе повышение окладов учителям. Головин был единственным, кто в Комитете министров выступал против административных наказаний студентов в 1861 году, требуя суда, единственным, кто выступал против смертной казни, против процентной нормы для поляков в великорусских гимназиях и университетах. Однако крайностей не переносил, и именно по его представлению был закрыт «Современник» (РГИА, фонд 851, оп. I, дело 4. «Записки А.В. Головнина»). Записки в 8-ми томах, подготовленные Головинным к печати под названием «Записки для немногих» — заголовок дан автором — опубликованы в журнале «Вопросы истории», 1996, №№ 1, 2, 4, 5/6, 9, 10; 1997, №№ 1–11.

³⁹ Переписка П.А. Валуева и А.Г. Тройницкого [товарища министра внутренних дел]. «Русская старина», 1899, т. 7. Письмо Тройницкого брату от 17 июня 1864 года.

⁴⁰ РГИА, фонд 908, дело 27. Записка Валуева от 8 февраля 1868 года «О положении дел в печати».

⁴¹ Цит. по: Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ. 1859–1865 годов. СПб., 1907.

⁴² Лемке...

⁴³ Цит. по Лемке...

⁴⁴ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. 1865–1876. М., 1961. Запись 22 февраля 1865 г.

⁴⁵ Там же. Запись 24 марта 1865 года.

⁴⁶ РГИА, фонд 908, дело 142. «О влиянии на газеты». Собственноручная записка статс-секретаря Валуева от 27 августа 1865 года.

⁴⁷ Характерна в этом отношении полемика между кн. Васильчиковым и великим князем Константином Николаевичем о пределах гласности.

— Если допустить литературу до явного порицания личностей, соде-
явших преступление, — утверждал Васильчиков, — то в публике непре-
менно должно возникнуть убеждение, что правительство знает о суще-
ствовании зла, но не может оградить [общество] от таковых злодеяний.
В газетах, журналах, на сцене представлялись исправники и становые
в самых гнусных формах. Что же? Исправилась нравственность их? На-
против; должность, ввиду очернения, сделалась отвратительной и не-
желательной порядочному человеку.

— Публика состоит не из детей, — парировал великий князь. — Су-
ществование зла она знает не через литературу, а видит своими глаза-
ми. Не газетные статьи и [театральные] представления очернили поли-
цейские должности и не вследствие их направилось общественное
мнение. Оно слагалось по мере того, как общество видело этих лиц и их
поступки, а газеты и театр только выразили мнение... Терпение публи-
ки дополнило, и общественное мнение весьма сильно выразилось против
подобных лиц. Литература выразила это мнение, но не она его произ-
вела. Если заставить замолчать литературу, то этим не изменится обще-
ственное мнение, а как всякая пружина, сдавленная в одном месте,

сильнее выразится в другом и другими средствами. Гласность необходима прежде всего самому правительству, ибо она есть лучшее средство, чтобы доставить ему те сведения, которые ему более всего необходимы — выводит зло и не оставляет его скрытым... Гласность имеет свои неудобства, вдруг показывая открытые язвы, вместо прежнего обманчиво здорового вида, но польза несравненна (РГИА, фонд 851, оп. 1, дело 4. Записки А. В. Головнина. Т. 2. 1850—1861).

⁴⁸ И сегодня в пользу законодательного запрета идеологического безумия не может быть сомнений. В ряде стран фашистская пропаганда запрещена, и свобода от этого только выиграла. Необходимо пойти по этому пути дальше: прекратить, усмирить поток человеконенавистнической агитации, бурлящий в мире; это единственный выход из нынешней опасной обстановки. Идеи в самом деле овладевают массами; распространение лозунгов насилия и ненависти должно быть остановлено.

⁴⁷ Цит. по: С. Неведенский. Катков и его время. СПб., 1888.

⁴⁹ РГИА, фонд 908, дело 27. Записка М. Н. Каткова о «Московских ведомостях». 11 января 1867 года.

⁵⁰ Цит. по: С. Неведенский...

⁵¹ Объективный А. В. Никитенко записывает в дневнике 1 августа 1863 года: «Заседание в Совете по делам книгопечатания. [Так именовался высший орган цензуры до преобразования.] «Московские ведомости» со своими советами народу и правительству заходят слишком далеко, и как они имеют привычку говорить обо всем диктаторским тоном, то это делается нестерпимым, несмотря на то что правительство, по известным причинам, дает им более воли, чем другим газетам. Положено отнести к Московскому цензурному комитету, чтобы он старался воздерживать ярые и беспардонные порывы «Московских ведомостей»» (Никитенко... Т. 2).

⁵² Валуев П. А. Дневник министра... Т. 1. Записи 26-31 декабря 1864 года, примечание 97 Валуева.

⁵³ «Московские ведомости», № 61, 20 марта 1863 года.

⁵⁴ Цит. по: Валуев П. А. Дневник министра... Т. 2. Примечание 142.

⁵⁵ Там же...

Глава VII

¹ Валуев П. А. Дневник министра... Т. 2. Запись 4 июня 1865 года.

² Коллизия заключалась в следующем. Проведение в жизнь «Положения 19 октября» в Юго-Западном крае натолкнулось на особые сложности. Поляки составляли всего 10% землевладельческого сословия края, но «их нравы» легко восприняли остальные 90%. Инвентари, выработанные польско-украинскими помещиками, заставляли крепостных в страдную пору работать на барина 5 дней в неделю. Составляя уставные грамоты, «стародуры» пытались сохранить власть над крестьянами вплоть до судебной, а баршину намеривались еще (!) увеличить, как плату за надел и «отнимаемую» рабочую силу. Но разыгравшееся польское восстание спутало их карты. Правительство, стремясь подавить «польский элемент», пошло навстречу крестьянским чаяниям во всех западных областях, в том числе и в Малороссии. Оно санкционировало создание необычной для центральной России полубошествен-

ной комиссии, под председательством генерал-губернатора Анненкова, в которой пост вице-председателя, реального руководителя, был предоставлен бывшему члену Редакционных комиссий Г.П. Галагану. Комиссии поручалось организовать проверку уставных грамот, заменить их выкупными актами, несправедливости устранить. Анненков, всецело поддерживая помещичьи претензии вообще, в подробности, по барской лени, входить не желал и потому в конкретных делах и обстоятельствах не разбирался. Естественно, между ним и знающим дело Галаганом немедленно начались трения. Шаги правительства в пользу польских крестьян подлили масла в огонь. Комиссия в полном составе объявила, что Анненков тормозит работы, генерал-губернатор обвинял комиссию в «красных» тенденциях, в потворстве уравнителям имуществ. Министру внутренних дел было предложено отправиться в Киев и разобратся на месте (Воропонов Ф.Ф. Крестьянская реформа в Юго-Западном крае. «Вестник Европы», 1900, т. 4, № 8, т. 5, № 9).

Ситуация для Валуева была непростой. В Петербурге оставались влиятельные сторонники обеих «партий», можно легко очутиться под перекрестным огнем. Рассмотрение киевских обстоятельств должно представить исключительно, как исполнение монаршей воли, и Петр Александрович составляет себе инструкции, «которые, — обращается он к государю, направляя их на утверждение, — Вам, быть может, будет благоугодно мне преподать». Инструкции исходят из примата государственной власти. «Направление дела принадлежит правительственным инстанциям, а не так называемому обществу, т.е. отдельным лицам, руководствующимся своими личными взглядами и желаниями, воображающими, что они призваны к исправлению или предупреждению правительственных ошибок». Но государственная власть не олицетворяется исключительно губернатором. «Разверстка крестьянского дела должна совершиться на основе высочайшей воли, а не основе частных взглядов и личных убеждений тех или других правительственных учреждений и чинов, на которые возложены исполнительные по этому делу обязанности» (РГИА, фонд 908, дело 231. Всеподданнейшая записка статс-секретаря П.А. Валуева в связи с поездкой в Киевское генерал-губернаторство. 22 июля 1864 года). Из этих тезисов можно было сделать весьма различные выводы, но любой будет освящен царским согласием, а именно в этом и нуждался Валуев; что делать, он знал и сам.

Петр Александрович был честен во всех отношениях. Увидев, по приезду в Киев, что Анненков совершенно не подходит к своей роли, он немедленно, еще до возвращения в Петербург, шлет императору нелицеприятный доклад. «Начальник губернии и губернское присутствие [по крестьянским делам] не пользуются влиянием. Выкупных актов почти нет, проверка уставных грамот идет медленно. Сельское население не имеет доверия ни к административным властям, ни к посредникам. Понятия крестьян о своих правах шатки и преувеличены, они не знают объема прав». (По предписанию Галагана, чиновник или посредник при чтении крестьянам уставной грамоты обязан был объяснить им каждый пункт, огласить и разъяснить соответствующие статьи «Положения», но Анненков всячески препятствовал этому.) Умы возбуждены, глухое недовольство выражается в том, что «крестьяне выкупные платежи вносят неисправно и неохотно». Казна пытается компенсировать недобор конфискациями, обрекая крестьян на нищету, ибо их имущество на торгах «оценивается несправедливо низко». Все это дей-

ствуется крайне неблагоприятно на ход событий. «Причины этих при-
скорбных явлений многосложны и разнообразны. Нельзя не признать,
что одна из первых и главных заключается в способе действий глав-
ного начальника края. Он не знает крестьянского дела, не имеет решимо-
сти, настойчивости, инициативы... В его распоряжениях нет системы,
в мерах нет последовательности, между словами и делами нет согласо-
вания». В момент наивысшего подъема польского восстания губернатор
имел глупость «приглашать крестьян не платить [выкуп], не отбывать
повинностей и обнадеживать насчет дарового приобретения земли в
собственность». Разумеется, далее Валуев писал, что «действия комис-
сии тоже нельзя признать правильными». Но упреки Галагану были
весьма снисходительны, подчеркивалось «его превосходное знание де-
ла» (РГИА, фонд 904, дело 234. Докладная записка П.А. Валуева о по-
ездке в Киев. 17 сентября 1864 года).

Что вся праюта была на стороне Галагана и его комиссии, Валуев по-
нял быстро и ясно. Министр не мог не встретиться с дворянским обще-
ством, с помещиками, с мировыми посредниками, Галаганом и членами
его комиссии. Способность Петра Александровича к искусству закруж-
ленных периодов тут пригодилась как нельзя лучше. Присутствующим в
приемной зале показалось, что они услышали то, что им хотелось — не
меллите, ведите дело твердо и самоотверженно, соблюдайте интересы
народа и т.д. Но когда оратор вышел, кто-то «почесав в потылице», спро-
сил: «а что нам сказал министр?» И сам же с хохотом ответил: «а ничего».
Но чего, собственно, ожидали местные дворяне? Объявления во всеус-
лышание, что один из высших администраторов империи, генерал-гу-
бернатор, генерал-адъютант его величества, командующий войсками
Юго-Западного края ничего не понимает в деле, которым поставлен ру-
ководить? Не мог этого сказать Валуев, зато его доклад государю не со-
держал никаких неопределенностей: Анненков должен быть уволен. Что
и произошло.

¹ РГИА, фонд 908, дело 270. «О причинах усиления революционно-
го движения в России и мерах борьбы с ним». Записка статс-секретаря
П.А. Валуева. 26—27 апреля 1866 года.

² Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 3 мая 1866 года.

³ РГИА, фонд 908, дело 297. Записка Валуева «О положении гу-
бернского управления». 12 февраля 1868 года.

⁴ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 15 августа 1866 года.

⁵ «Северная почта», № 7, 11 января 1866 года.

⁶ Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т. I. СПб., 1903.
С. 106—107.

⁷ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 15 января 1867 года.

⁸ Веселовский... Т. 3. СПб., 1911. С. 122—124.

⁹ Стремоухов П.Д. «Из воспоминаний о графе П.А. Валуеве». «Рус-
ская старина», 1906, т. 116, № 11.

¹⁰ Князь Владимир Петрович Мещерский, внук Н.М. Карамзина
(сын его дочери), был товарищем детских игр цесаревича Николая и
как бы по наследству перешел к Александру. Начиная с 80-х годов из-
давал однозную, крайне правую газету «Гражданин». Порядочные лю-
ди, в том числе две императрицы и Победоносцев, относились к Ме-
щерскому крайне отрицательно, имея в виду, прежде всего, его челове-

ческие качества. Уничтожающую характеристику Мещерского см. в воспоминаниях С.Ю.Витте (Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х томах. М., 1960. Т. 3, приложения).

¹³ Никитенко... Т. 3. Запись 4 марта 1868 года.

¹⁴ Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3. Ч. 1. С. 239–241.

¹⁵ Наблюдательный Пушечников отмечает в своих памятных заметках, что проведение железной дороги резко увеличило занятость, улучшило экономическую ситуацию в целом: выросла потребность в рабочих руках, повысилась заработная плата, «возвышается цена продуктов земли и стоимость самой земли» (Пушечников... Запись сентября 67–сентября 68 года).

¹⁶ Середонин... Т. 3. Ч. 1. С. 242, 246–247.

¹⁷ Кирилл (Феофан Доброленский). Воспоминания о голоде на севере России в 1868 году. «Русская старина», 1888, т. 57, № 1, 2.

¹⁸ Когда Валуев хотел опубликовать в «Северной почте» статистические данные об урожае и изложить принимаемые министерством меры к его сохранению, цесаревич, под благовидным предлогом, воспрепятствовал публикации. (Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 28 февраля 1868 года и примечание 140 Валуева).

¹⁹ 3 февраля в квартире Валуева (глаза разболелись настолько, что он не может выезжать) происходит заседание комитета по делам Царства Польского. Наместник Польши фельдмаршал граф Берг, председатель Комитета министров и Госсовета князь Гагарин, Рейтерн, Чевкин, еще несколько министров, управляющий канцелярией Царства Набоков. Обсуждаются вопросы не очень значимые, но досконально известные только тем, кто с ними непосредственно соприкасается – Бергу, Валуеву, Набокову. Валуев выдвигает ряд соображений, Берг свое совершенное согласие высказывает вяло, Набоков кивает головой, но видя неодобрительные мины остальных, отмалчивается. Гагарин, за ним Чевкин, за ними кто-то еще возражают с единственной целью – надуть щеки. Валуев, как всегда, один. Сначала он еще сдерживается, «хотя по нервным его движениям нельзя было не заметить внутреннего раздражения». Но потом он не выдерживает: «Странное дело, – восклицает он, – наместник и министерство внутренних дел, ответственные во всем, что касается края и ближе всего знакомые с местными условиями и обстоятельствами, признают те или иные меры полезными и необходимыми, а господа, с ними незнакомые, в них неответственные, и занимающиеся ими лишь между прочим, в Комитете, находят все предлагаемое непригодным и невозможным. «Встал и закрыл заседание». (Стремоухов...) Как мальчишки, получившие нагоняй, министры, не исключая старшего по должности Гагарина, притихли, проглотили выговор и безропотно удалились.

²⁰ РГИА, фонд 908, дело 27. Записка П.А. Валуева «О положении дел в печати». 8 февраля 1868 года.

²¹ Там же. Записка П.А. Валуева «О положении губернского управления». 12 февраля 1868 года.

²² Пушечников... Запись сентября 1867 – сентября 1868 годов.

²³ Миронов... Т.1. С. 405.

²⁴ Валуев П.А. Дневник министра... Т.2. Запись 2 февраля 1868 года.

²⁵ Миронов... Т. I. С. 435–459.; Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995. С. 196–200.

²⁶ Мировой суд, так же как и волостной, рассматривал маловажные дела, но в отличие от волостного, был всесловным и имел более высокий юридический уровень: судил по закону, а не по обычаю. Кроме того, высочайшим указом 17 апреля 1863 года розги и плети, как мера уголовного наказания, были исключены из судебных приговоров всех судов, они остались только для наказания уже осужденных преступников, уличенных в новых преступлениях. Право высечь розгами свободного человека сохранил только волостной суд. Один из современников отмечал, что деревенский житель законом защищен от розог, и только «свой брат-крестьянин может выдрать его по обычаю». Учредители волостного суда исходили из представления об «особо чистой нравственности поселян»: тюремное заключение-де может ее подорвать, в то время как наказание розгами причинит только временную боль.

²⁷ В дореформенное время налог с водки поступал в казну на основе системы т.н. откупов. Откупщики покупали у государства право вино-торговли, уплачивая в казну налог на прибыль. Питейный сбор давал 40% доходов бюджета. Однако правительство никогда не было уверено в том, что оно получает полную сумму налога, ибо «реальные масштабы торгового оборота были скрыты завесой взяточничества». Подкуп чиновничества приобретал размеры, опасные для государства. Вызывали недовольство производители и потребители. Первые тем, что считали себя обделенными в доходах, вторые – непрерывным снижением качества водки. По новой системе налог от продажи заменялся акцизом, получаемым от производителей. Коррупция, конечно, осталась, «но она перестала быть неотъемлемой частью системы». Побочным положительным следствием явилось высвобождение капиталов откупщиков из полукриминальной сферы и инвестирование их в промышленность и строительство железных дорог (Крисин Д. Забытая реформа: отмена винных откупов в России. – В кн.: «Великие реформы в России...»). Отмена винных откупов совершилась в кругу преобразований 60-х годов, этот акт сыграл большую роль в общем движении страны в сторону новых государственных устоев.

²⁸ РГИА, фонд 908, дело 305. Всеподданнейшая записка статс-секретаря П.А. Валуева «О положении крестьянского дела». 15 февраля 1868 года.

²⁹ 29 октября 1863 года, увольняя из министерства графа Д.Н. Толстого, Валуев посылает ему прощальное служебное письмо. Касаясь ситуации в Польше, в западных губерниях и на Кавказе и сравнивая ее с положением внутренней России, Петр Александрович пишет: «Подданные в исключительном положении. Меры строгости преобладают. Солнце царское пригрело доли 19 февраля. Теперь нужно осветить и пригреть вершины и окраины». Переписка Валуева и Толстого оказалась в руках В.А. Муханова, попала на страницы его дневника, напечатанного в нескольких номерах журнала «Русский архив» в 1896–97 годах. Вышеприведенные строки письма Валуева редактор-издатель журнала Бартенев сопроводил примечанием: «Слышен сын немки фон-дер Бринкен-Фелькерзам» (Дневник В.А. Муханова. «Русский архив», 1896, кн. 3, вып. XII). Катков и иже не зря трудились; ожесточив душу Александра II, «они разбудили» славянофилов второго призыва; чей экзальтированный панславизм стал почвой, взрастившей шови-

низм. Зерна, брошенные в 60-х годах, дали всходы 70–80-х, те же, в свою очередь, — пышные плоды рубежа веков.

³⁰ РГИА, фонд 908, дело 27. Всеподданнейшая записка статс-секретаря П.А. Валуева «О положении дел Западного края». 18 февраля 1868 года.

³¹ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Записи 22–24 февраля 1868 года.

³² Там же. Запись 2 марта 1868 года.

³³ Записки В.К. Луцкого. «Русская старина», 1904, № 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 8 марта 1868 года.

³⁶ РГИА, фонд 908, дело 2.

³⁷ Там же.

³⁸ С точки зрения французских национальных интересов, война, затеянная Наполеоном III, была абсолютна бессмысленна, но вступление на территорию страны немецких войск вызвало патриотический подъем французского народа и сочувствие Европы. «Мне нет дела ни до немцев, ни до французов, но у меня слезы наворачивались, когда я читал описание сдачи Меца, — пишет в своих заметках наш знакомый Пушкинчиков. — Я не воин, но мне понятна скорбь армии, отданной в плен без боя. Мне понятны отчаяние и злоба народа, отданного на жертву подлым честолюбцам, иступление французских женщин, кидавших камни в Базена. Трофеи Пруссии — ведь это не мир, а грабеж! Чем повинен народ, не желавший войны, чтоб его обременяли таким тяжким побором?» (Пушечников... Запись за 1870–71 годы). Франция должна была заплатить 5-миллиардную контрибуцию, неслыханную по тем временам сумму, уступить Германии Эльзас и Лотарингию. Бисмарк пел себя с грубым высокомерием победителя: среди прочего потребовал выдать Пруссии 5 тысяч коньячных бочек, хранивших аромат старого коньяка.

Расправа вызвала неугасимую ненависть к немцам, память об испытанном позоре постоянно питала жажду реванша. Бисмарк продиктовал унижительный мир в Версале, Пуанкаре с помощью Вильсона заставил немцев испить ту же чашу в том же Версале 50 лет спустя, и колесо повернулось в другую сторону. Гитлер выкидывал танцевальные коленца у того же железнодорожного вагона, в котором французы торжествовали победу в 1919 году. Каждый временно взявший верх стремился сильнее и больше растоптать поверженного врага. Три четверти века вражды, раздутой паталогическими честолюбцами и изуверами, повлекли за собой смерть и страдания десятков миллионов людей. Во имя чего?

Возвышение Германии круто переменяло военно-политическую обстановку на континенте. Многовековое англо-французское противостояние, которое уже начало стираться, после 1870 года исчезло сразу, сменившись сближением перед лицом потенциального агрессора. Если русская императорская фамилия еще долго продолжала питать политические симпатии к родственникам Гогенцоллернам, то большая часть государственных деятелей России стала с этого времени ощущать опасность, исходившую от Германии.

³⁹ Имя Д.А. Милютин, оставившего огромный след в истории русской армии, достойно множества страниц, полезных читателю, но способных сместить акценты моей работы. Избавляет меня лишь то, что о Милютине написаны многочисленные статьи и книги, напечатаны его труды, дневники и воспоминания. Не потеряла значения монография известного историка П.А. Зайончковского «Военные реформы 1860–1870

годов в России» (М., 1952), посвященная апофеозу деятельности Д.А., с большим биографическим очерком героя. Современную оценку содержит превосходная вступительная статья Л.Г. Захаровой к первому тому «Воспоминаний» Д.А. Милютина. М., 1997.

⁴⁰ Цитирую по вышеупомянутому очерку Л.Г. Захаровой. Аналогичный текст приводит П.А. Зайончковский в предисловии к 1-му тому «Дневника министра...» П.А. Валуева.

⁴¹ РГИА, фонд 908, дело 28. Записка П.А. Валуева «Мысли невоенного о наших военных делах». 3 октября 1870 года.

⁴² Бушнелл Джон. Д.Милютин и Балканская война: испытание военной реформы. — В кн.: «Великие реформы в России. 1856—1874...»

⁴³ РГИА, фонд 908, дело 28.

Глава VIII

¹ Никитенко... Т. 3. Запись 2 августа 1873 года.

² Середонин... Т. 3. Ч. II. С. 239—315, приложение «Д». К последующему изложению заседаний Комитета министров и докладов валуевской комиссии по сельскому хозяйству цитируемые из этого источника тексты привлекаются без дополнительных ссылок.

³ Работы действительно были исполнены так умело и квалифицированно, что только ограниченность книжных страниц останавливает и мое желание рассказать о них читателю. Любопытные могут обратиться к цитируемому мной из труда Середонина журналу Комитета министров.

⁴ Реальные доходы земледельцев не выросли за десятилетие 62—72 годов. Этому имеются объективные подтверждения. Пушечников сообщает, что за этот период доходность десятины в Елецком уезде (средняя по России плодородность) по сравнению с предыдущим десятилетием увеличилась в денежном выражении с 4 рублей 80 копеек до 5 рублей 90 копеек, т.е. на 22% — менее, чем на 2% в год (Пушечников... Запись за 1871—1872 годы). Этот ничтожный рост полностью перекрывался инфляцией.

⁵ Против общины выступали весьма влиятельные люди. К ним принадлежал один из важнейших сановников империи фельдмаршал князь Барятинский, бывший наместник Кавказа, с детских и юношеских лет близкий Александру. Он был противником военной реформы Милютина, ибо видел в ней демократизацию армии и падение дворянского престижа, так что в его системе ценностей сомневаться не приходится. Но вот что он писал императору в 1871 году: «Общинное землевладение, как и круговая порука, служат лишь ободрению праздности, к развращению крестьян и к задержанию всякого экономического успеха. Если вначале благоразумие требовало не изменять разом всего, то последнее слово реформы будет сказано, когда освобождение дойдет до отдельной личности. *Поощрите частную собственность крестьян, и вы задушите зародыши коммунизма, укрепите нравственность и поведете страну по пути прогресса. Нет прочнее гарантии для законного преуспевания, как собственность и свобода личности*» (цит. по: Татишев...). Слова, сказанные задолго до Витте и Столыпина, замечательны глубиной суждения и четкостью формулировок. Просто Адам Смит и Джефферсон в одном лице! Всесильный — как в ту пору казалось — Шувалов полностью соглашался с Барятинским: «Это будет упразднение

второго рабства, может быть, худшего, чем крепостное. Полезно совещание с земскими собраниями, не сомневаюсь, что значительное большинство их выскажется в смысле Ваших взглядов. Надежды «красных» погибнут с уничтожением этой социальной и социалистической язвы» (там же). Но Барятинский был за границей, Шувалов — не был способен к последовательным действиям, а Александр Николаевич был слишком убежден в необходимости патриархального управления народом.

⁶ Миронов Б.М... Т. I. С. 481.

⁷ Никитенко... Т. I. Запись 27 октября 1858 года.

⁸ Черты самовлюбленности и высокомерия проглядывали еще в колыбели движения. «Лет пять тому назад, — пишет в сентябре 1855 года Никитенко, — москвичи провозгласили, что Европа гниет, что она уже сгнила, а бодрствуют, живут и процветают одни славяне. А вот теперь Европа доказывает... как она сгнила». [Дело было во время Крымской войны.] И несколько месяцев спустя: «Познакомился на вечере у министра [министра просвещения Норова] с одним из коноводов московских славянофилов, А.С.Хомяковым. Он явился в вармяке, в красной рубашке с косым воротником и с шапкой-мурмолкой под мышкой. Говорил неумолтно и большей частью по-французски, как и следует председателю русской партии» (Никитенко... Т. I. Записи 3 сент. 1855 года и 20 янв. 1856 года). Но тогда эпатажные мнения и поведение славянофилов можно было объяснить желанием возбудить интерес публики.

⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Впервые напечатана в 1869 году в журнале «Заря», затем неоднократно переиздавалась отдельной книгой. Я пользовался последним изданием (М., 2003).

Необузданный имперский национализм, пропитавший книгу, мешал признанию выдающихся заслуг Данилевского в философии истории. Впервые после Джамбатиста Вико, восставшего против идеи прямо восходящего непрерывного прогресса (1725), установившего, что народы подчиняются закону жизни живых организмов, и залогом до Шпенглера, Тойнби и Хантингтона Данилевский утверждает, что история человечества есть история отдельных цивилизаций; только вместо этого термина он использует термин «культурно-исторический тип». Таким типом является «всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или близкими языками и политической самостоятельностью... *Начала* цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа», однако влияние возможно. Ни одна из цивилизаций не может подменить собой все остальные, нет и не может быть идеальной цивилизации, обнимающей «лучшие» черты всех цивилизаций. «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы невозможная и вовсе нежелательная неполнота». С этой точки зрения «Европа есть поприще романо-германской цивилизации и совсем не поприще человеческой цивилизации вообще». Другое оригинальное заключение: «Момент высшего развития сил не совпадает с моментом наибольшего обилия результатов», они всегда приходят позже. Возможно, это верно, но как судить, является ли сегодняшний результат высшим, или апогей еще впереди? Данилевский уверенно объявляет XVI–XVII века высшей точкой развития германо-романских творческих сил, а время XIX века — наивысшей жатвой. «Трудно сказать, что Европа — позднее лето или ранняя осень, но солнце, которое взращивало эти плоды, перешло меридиан и склоняется к западу». Выделяя че-

тыре основных вида человеческой деятельности — религиозную, культурную, политическую и социально-экономическую, Данилевский утверждает, что все другие культурно-исторические типы, кроме славянского, достигали вершин в одной, двух, даже трех областях — евреи в религиозной, греки — в культурной, германское племя — в политической и социально-экономической и т.д. Но никто не проявлял себя в четырех сферах сразу — это предстоит России. «Славянские народы, и в первую очередь русский народ — одни из наиболее одаренных политическим смыслом семейств человеческого рода». Далее Данилевский утверждает — он уверен, что доказывает, — что и во всех остальных сферах Россия представляет собой поле будущего прогресса — для этого есть все основания. Например, в социально-экономической области: «Условия, дающие превосходство русскому общественному строю над европейским, доставляющие ему непоколебимую устойчивость, обращающие те именно классы, которые угрожают Европе переворотами, в самые консервативные, заключаются в крестьянском наделе и в общинном землевладении».

Страшное несовпадение этого последнего прогноза и последующей действительности демонстрирует степень негодности посылок, на которых стоял Данилевский. Воспаленное самодовольство подобных идей хорошо контрастирует с холодным мнением другого русского автора того же времени. «Что германские и турецкие славяне добиваются самостоятельности, это понятно и естественно. Но непонятны и неестественны крикливые претензии славянофилов на перенесущую роль между европейскими народами... Они все толкуют о будущем величии славян, о будущей их блистательной роли... Поменьше заносчивости и побольше работы — не показной, а существенной, внутренней» (Никитенко... Т. 3. Запись 14 мая 1868 года).

¹⁰ Татищев...

¹¹ Записка Н.Х. Бунге «О финансовом положении России». В книге «Судьбы России». СПб., 1999.

¹² Валуев и тут был прозорливее многих. Коварство «честного маклера» (так называл себя Бисмарк в период подготовки Берлинского конгресса) он разгадал почти с самого начала. Несмотря на приписываемую ему «патриотами» тягу ко всему немецкому и обвинения в подозрительно теплой дружбе с германским послом Швейницем, разговоры с ним Петр Александрович просеивал тщательно, «уловил в его речах фальшивую ноту» и быстро понял, «что нас в Берлине стараются провести» (Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 23 мая 1876 года).

Российский посол в Англии Шувалов — это тот самый Петр Шувалов, еще недавно казавшийся всем всесильным фаворитом, шеф жандармов, чьей первой обязанностью была охрана особы монарха. Отставка Шувалова была полной неожиданностью для всех и для него самого. Он не получил никакого объяснения, он мог только догадываться. Наиболее осведомленные, близко стоявшие ко двору лица знали, что произошло. Непререкаемое, казалось, влияние на царя вскружило Шувалову голову, и он позволил себе передать императору весьма непочтительные суждения высшего света о княжне Екатерине Михайловне Долгорукой, сильнейшей страсти государя. Холодность и надменность, с которой царь встретил слова своего ближнего боярина, ничего тому не подсказали. «Петр IV» решил, что его обязанность — «озаботиться» честью императорского дома, что ему надлежит «справиться с этой девчонкой». В ослеплении, по-

лагая себя абсолютно необходимым и незаменимым, он высказал все, что думает по этому поводу в тесном кругу друзей и приближенных. Разумеется, нашелся добродетель, и на другой день все было доложено личному альянтанту царя, генералу Рылееву (Морис Палеолог. «Роман императора». 1924. Издательство «Слово». Перепечатано издательством «Лев», Париж. 1979). Морис Палеолог — посол Франции в России в годы Первой мировой войны — мог обладать достоверными сведениями. Близкую версию сообщает Д.А. Милютин (Дневник... Т. 1. С.159–160).

¹³ Цит. по: Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2, примечание 480.

¹⁴ В кругах светской черни было известно, что Д.А. Милютин — противник войны. Ему засылают пасквили с ругательствами, обвиняют в грусти, в расстройстве армии, в отсутствии должного вооружения. «Не публиковать же нашего плана мобилизации, цифры наших сил, наших запасов. Да если б и публиковать — ничему б не поверили, когда атмосфера пропитана зловредными миазмами», — с горечью записывает Милютин (Милютин Д.А. Дневник. Т. 2. М., 1949. Запись 27 мая 1876 года).

¹⁵ Милютин Д.А. Дневник. Т.2. М., 1949. Запись 15 июля 1876 года.

¹⁶ Там же. Запись 25 марта и 27 июля 1876 года.

¹⁷ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 8 августа 1876 года.

¹⁸ Там же. Запись 8 октября 1876 года.

¹⁹ Письмо Н.А. Киреева брату от 11 мая 1876 года. В книге «Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах». М., 1948.

²⁰ О том же говорит Вяземский в письме свойственнику (Валуеву?). «Все, что делается по восточному вопросу, — настоящий кошмар... Правительство должно держаться принципов, да я и не верю в сознательность нынешнего народного движения. Народ не может желать войны... Из христобливого подвига сделали машину войны. Из чего поднимают весь этот гвалт? Из чего так разнуздали печать и шайки разных проходимцев? Из чего, того и гляди, загорится вся Европа и распространится всеобщая война? Неужели думают, что Россия окрепнет силою восстанавливаемых племен? Лучше иметь слабую Турцию, старую, дряхлую, нежели молодую Славянию, которая будет нас опасаться, а не любить... Россия для них [славян] дойная корова и только. А все сочувствия их уклоняются к Западу... Сохраните письмо мое, хочу, чтобы потомство удостоверилось, что в пьяной России раздавались трезвые голоса» (*Татищев...*).

²¹ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 9 июля 1876 года.

В связи со словами Валуева о лжи, хочу отметить, что именно славянофильская кампания периода русско-турецкой войны положила начало систематическому и преднамеренному дезинформированию. Дезинформация становится одним из способов огульного. Применяются два основных метода: искажение и замалчивание. Петр Александрович неоднократно пишет, что в моменты поражений в ходе военных действий в Петербург, даже в высшие структуры, не поступало никаких сообщений. Правительство подчас не знало, как составить очередное коммюнике для «Правительственного вестника». Лиха беда начало: когда в конце века составлялась история войны, тогдашний военный министр Куропаткин потребовал заменить неприятную правду описанием героических подвигов. Самозабвенно врала коммунистическая и фашистская пропаганда, переворачивая факты вверх ногами. Исчезли проклятые режимы, но не кончилась отвратительная тради-

ция. Мне попала в руки книга, написанная в 1961 году в Америке русским эмигрантом. Автор чуть-чуть не договаривается до утверждения, что Россия победила Японию в русско-японской войне 1904 года. Буквально одной строчкой упомянув о страшных поражениях. «историк», следуя заветам генерала Куропаткина, пишет: «Русская Армия, пережив тяжёлые бои, сохранила на достойной высоте свой боевой дух, способность маневрировать и готовность продолжать упорное сопротивление, с глубокою верою в свое решительное наступление на зарвавшегося коварного врага. Японская армия была не способна к дальнейшим активным действиям, в то время как Русская Армия с каждым днем укрепляла свои силы. Япония поняла несокрушимую волю России продолжать войну до конца и ощутила все возрастающую мощь Русской Армии». Заканчивается этот перл создания поразительным пассажем: «Сам Государь сделал все от Него зависящее для доведения войны до конца, но когда Япония приняла все русские условия, ничего не оставалось, как заключить мир, не дождавись победы» (История конвоя его императорского величества. Сан Франциско. 1961. С. 160–163).

²² Милютин Д.А. Дневник. Т. 2. 1876–1877. М., 1949. Запись 4 октября 1876 года.

²³ Валуев П.А. Дневник 1877–1884. «Былое». Петроград, 1919. Запись 11 февраля 1877 года.

²⁴ В 1877 году ради престижа (ложного!) на карту была брошена жизнь страны. России тогда повезло — карта была дана. Но долго дразнить судьбу невозможно — в 1917 году эта карта была бита. Что в 1914 году играли в ту же игру, свидетельствует манифест Николая II: «Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обижаемую родственную НАМ страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав...» Дважды погоня за панславянским призраком — в 1855 и 1904 году — оборачивалась позором, в третий раз, в 1917 году, — обернулась национальной катастрофой.

²⁵ Литература, посвященная войне 1877–78 годов велика. К числу новейших исследований принадлежит статья Дж. Бушнелла «Д. Милютин и балканская война: испытание военной реформы» в сборнике «Великие реформы в России...» Влияние реформ Милютина на организацию армии, описание причин успехов и неудач русских войск, храбрости солдат и отсталой тактики, основанной на догме «пуля — дура, а штык — молодец» и пренебрежении солдатскими жизнями, картина бездарности великих князей-командующих, которая не привела к поражению «только потому, что турецкий генералитет был еще хуже» представлены убедительно и исчерпывающе. Отсылаю читателя к этой превосходной работе.

²⁶ Национальное возбуждение во Франции, вызванное поражением в войне с Пруссией, имело побочный результат: стремление некоторых элементов общества к «сильной власти» в лице генерала Буланже. Ситуация несколько раз была близка к военному перевороту, и только ничтожность самого Буланже спасла страну от очередной диктатуры. Черты шовинизма проявились и в Англии, когда в 1877 году британский флот подошел к Галлиполийскому полуострову, явно поддерживая Турцию против России. Джингоизм, как стало называться это течение, охватил заметную долю английских средних слоев.

²⁷ Статья знаменитой французской Энциклопедии — «Свобода гражданская», по существу определяющая либерализм, звучит колоколом и

сегодня: «Свобода гражданская — это естественная свобода, свобода жить по законам, обеспечивающим безопасность личности и неприкосновенность собственности... В состоянии гражданской свободы человек оказывается только благодаря силе гражданских законов. Но это свобода, лишенная безудержности, которая приводит к полной независимости людей друг от друга или, наоборот, к общности имущества».

²⁸ Чичерин Б.Н. Воспоминания. М.: «Север», 1934. Т. 1. С. 76.

²⁹ Человеческие чувства им недоступны. Вскоре после войны газеты и журналы заполнились трескучими статьями в стиле «гром победы раздавайся». В руки Валуева попадает статья Куропаткина о Плевне. «Не мог прочитать, — пишет Петр Александрович. — Во мне вскипает кровь при описании этой резни, избияния тысяч людей. Для чего? Чтобы иметь наших агентов в Софии и Филипполе и безмолвствовать, когда в своем диком витийстве упражняются гг. Катков и Аксаков? Убито столько-то, ранено столько-то, без вести пропавших столько-то! Чья мысль останавливается над их предсмертным страданием? Члены славянских комитетов здравствуют» (*Валуев П.А. Дневник 1877—1884... Запись 19 июля 1883 г.*).

Некоторые территориальные приобретения России в ходе русско-турецкой войны не стоили той крови и тех денег, которые были за них заплачены. Непосредственные военные расходы превысили 800 млн рублей, но ввиду отсутствия таких средств в бюджете, в 77—78 годах было выпущено необеспеченных кредитных билетов на 500 млн рублей, взят иностранный заем на 307 млн марок и три внутренних займа на 800 млн. Таможенные пошлины стали взиматься в золоте, что означало повышение тарифа на $\frac{1}{3}$ (*Татищев...*). Падение курса рубля стало причиной хозяйственного кризиса, а славянофильские амбиции вызвали новую настороженность Европы.

³⁰ Валуев П.А. Дневник... Т. 2. Запись 11 мая 1876 года.

³¹ Валуев П.А. Дневник... Т. 1. Примечание 22 Валуева.

³² РГИА, фонд 908, дело 293. Записка статс-секретаря П.А. Валуева «О падении русского денежного курса за границей». Раздел III. Май 1867 года.

³³ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 15 мая 1874 года.

³⁴ Середонин... Т. 3. Ч. 1. С. 150.

³⁵ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 10 апреля 1876 года.

³⁶ РГИА, фонд 908, дело 293. Записка статс-секретаря П.А. Валуева «О падении русского денежного курса за границей». Раздел II. Май 1867 года.

³⁷ Там же. Записка Валуева министру финансов 7 ноября 1876 года.

³⁸ РГИА, фонд 908, дело 161. Проект о подоходном налоге.

³⁹ Там же. Доклад 1 отд. высочайше утвержденной комиссии для рассмотрения системы податей и сборов.

⁴⁰ РГИА, фонд 908, дело 179. «О податной реформе». Записка шефа жандармов Шувалова, товарища министра финансов Грейга и товарища министра внутренних дел Лобанова. 19 августа 1871 года.

⁴¹ РГИА, фонд 908, дело 335. Всеподданнейший доклад комиссии «О замене подушной подати подворным и поземельным налогом». 2 апреля 1872 года. Председатель комиссии Валуев, члены: министр финансов Рейтерн, министр внутренних дел Тимашев, главноуправляющий II отделением с.е.и.в. канцелярией Урусов, главноуправляющий III отделением с.е.и.в. канцелярией Шувалов. В изложении мнения Валуева я воспользовался также его запиской управляющему министерством финан-

сов Рейтерну (тогда Рейтерн еще не был назначен министром) 19 октября 1862 года (РГИА, фонд 908, дело 179. «О податной реформе»).

⁴² Записка Н.Х. Бунге...

⁴³ Там же.

Глава IX

¹ Ср. статью замечательного писателя Юрия Трифонова «Нечаев, Верховенский и другие...» Трифонов Ю.В. Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1985–1987. Т. 4. С. 556–568.

² «Отголоски» были созданы Валуевым в 1878 году благодаря субсидиям казны. За три года Петр Александрович поместил там более 200 статей по различным вопросам. Однако «кто платит – тот заказывает музыку». Новый министр финансов Грейг, задетый критикой в «Отголосках» его финансовый политики, отказал в дальнейшей поддержке. В середине 1879 года Головинин писал Грейгу: «Этот журнал [“Отголоски”] мог ошибаться по частному вопросу. Но министр финансов должен признать, что этот журнал печатает статьи, могущие служить образцом того, как пресса должна пользоваться правом обсуждать действия правительства» (Переписка А.В. Головинина и П.А. Валуева. «Русский вестник», 1892, № 6).

«Отголоски» мало замечают, признавался Валуев, хотя некоторые его статьи безусловно заслуживают внимания и правительства, и публики. «У нас любят только пустые фразы и фрондерство. Окажите мне услугу, – обращается он к Головинину в октябре 1879 года, – замолвить за них “Отголоски” доброе слово у Грейга, не называя меня и не прося денег. Он помогает, но мог обидеться на статьи о кредитных билетах. (Валуев считал неверным продолжение выпуска необеспеченных бумаг.) Спорить не буду. Я буду униженно просить, как нищий, но подготовьте почву добрыми словами». (Там же.) Грейг ответил резким отказом. «Отголоски» продержались еще полтора года.

³ П.А. Валуев. Дневник 1877–1884... Записи 11 апреля 1878 года, 15, 27 апреля 1879 года; Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1879–1881. М., 1950. Записи 24 марта, 3, 17 апреля, 29 мая 1878 года, 15 марта 1879 года.

Характерна преамбула этого журнала «особого совещания» апреля 1879 года, явно сформулированная Валуевым. Журнал, конечно, не предназначался для оглашения.

«... Особенного внимания заслуживает наружное безучастие почти всей более или менее образованной части населения в борьбе правительственной власти со злоумышленниками, стремящимися к ниспровержению существующего порядка. Большинство встревожено, но как будто выжидает развязки борьбы, не заступаясь за правительство. Напротив, оно почти всегда недоброжелательно относится к распоряжениям правительства, находя меры то слабыми, то строгими. В массах заметны две противоположные склонности. Они готовы оказать содействие правительству против его врагов, но действия их беспорядочны, насильственны, граничат со своеволием и потому опасны. [Имеются в виду нападения толпы на студентов.] В то же время массы доступны любым слухам и обещаниям, относящимся до представления льгот и выгод, и готовы отказаться от повиновения ближайшим к ним властям и в них искать врагов. *Вообще же во всех слоях населения проявляется какое-то неопределенное, всех обуявшее неудовольствие. Все на что-ни-*

будь жалуются и как будто желают и ждут перемены» (цит. по: Татищев...) Близкий по содержанию текст приводит Середонин. (Середонин... Т. 3. Ч. 1. С. 146).

⁴ Милютин. Дневник... Т. 3. Запись 20 апреля 1879 года.

⁵ Валуев. Дневник 1877–1884... Запись 8 июля 1879 года; Милютин. Дневник... Т. 3. Запись 8 августа 1878 года.

⁶ Милютин. Дневник... Т. 3. Запись 24 ноября 1879 года.

⁷ Валуев. Дневник 1877–1884... Записи 30 апреля, 14 и 18 декабря 1879 года, 9 января 1880 года; Милютин. Дневник... Т. 3. Записи 3 и 18 декабря 1879 года.

⁸ Почти точная цитата из «Катехизиса революционера» Нечаева, конфискованного при аресте нечаевской группы и опубликованного в «Правительственном вестнике» в 1871 году.

⁹ Милютин. Дневник... Т. 3. Запись 22 декабря 1879 года.

¹⁰ Валуев. Дневник 1877–1884... Записи 9, 18, 22 и 23 января 1880 года.

¹¹ Берманский К.Л. «Конституционные» проекты царствования Александра II. «Вестник права». 1905. Т. 39, кн. 9. С. 270–284.

¹² Автор новейшей научно-художественной биографии Александра II утверждает, что в Зимний дворец мог попасть любой посторонний, назвавшись знакомым повара, горничной или лакея. Не меньше разгильдяйства демонстрировала полиция. За несколько месяцев до взрыва по случайному поводу был арестован человек, у которого нашли план Зимнего дворца, на котором столовая была помечена крестом. Никаких выводов и поисков не последовало (Ляшенко Л.М. Александр II, или история трех одиночеств. М., 2003).

¹³ Валуев. Дневник 1877–1884...; Милютин. Дневник... Т. 3. Записи 8 февраля 1880 года.

¹⁴ Милютин. Дневник... Т. 3. Записи 9 и 10 февраля 1880 года.

¹⁵ Валуев. Дневник 1877–1884... Примечание Валуева декабря 1881 года к записи 9 февраля 1880 года.

¹⁶ Торопливая смена министра просвещения знаменательна. Уже давно власти предрежали, что воспитание молодого поколения — одна из определяющих задач и функций. На страницах этой книги я не раз отмечал перипетии образовательной политики Николая I и Александра II. Резкий правый крен связан с именем Д.А. Толстого, назначенного министром просвещения (и одновременно обер-прокурором Синода) в 1866 году.

В России давно установилось разделение гимназий на классические и реальные. Выпускники-классики могли поступать в университеты, выпускники-реалисты — только в технические высшие заведения. В тех и других гимназиях преподавались одинаковые предметы, но в разном объеме. Несмотря на прогрессивную реформу образования, произведенную Головнинным, порядок поступления в университеты он не тронул. В пользу классического образования выступали не одни ретрограды, сторонником его был, например, Николай Иванович Пирогов, одно время попечитель Одесского учебного округа. Он считал, что изучение древних языков дисциплинирует мышление лучше, чем любой другой предмет, и вообще полагал, что основная задача — не столько образование, сколько воспитание. Но он-то собирался «приготовлять» граждан широкого кругозора, охранители же тшились воспитывать

людей, не обремененных «опасными» знаниями, преданных престол-отечеству без рассуждений. Ретрограды «полагали, что Франция объявила себя республикой, а Германия бунтует оттого, что есть на свете физика, химия, астрономия, поэзия, живопись» (А.В. Никитенко). Но они были не оригинальны. После покушения на короля Людовика XV в 1757 году ревнители благочестия обвинили энциклопедистов в моральном разложении народа, и Королевский совет запретил продажу и издание Энциклопедии, объявив, что «преимущества, которые искусства и наука могут извлечь из нее, не смогут уравновесить тот непоправимый вред, который она наносит нравам и религии» (цит. по: «Избранные тексты великой французской Энциклопедии». Л., 1980).

Сменив Головинина, Толстой поставил своей задачей еще более отдалить средние и низшие сословия от высшего образования и тем самым воспрепятствовать приобщению разночинцев к образованному слою. Для чего среднее образование удлинить и усложнить, прежние облегчения в плате для податных сословий прекратить, а естественные предметы — источник материализма и нигилизма — елико возможно сократить. Министр, надо сказать, справедливо полагал, что рациональная наука способна разрушить иррациональную веру в провиденциально установленный порядок. Но на его беду, в середине XIX века попытка остановить распространение положительных знаний уже не могла иметь успеха; она привела только к дополнительному раздражению, с чем камарилья, собравшаяся вокруг Толстого и Каткова, другого яростного борца за наводнение голов мертвыми языками, не желала считаться. Разработанный проект обсуждался в Государственном Совете в 1871 году и встретил сильное сопротивление: 19 голосов — за, 29 — против. Контрреформа Толстого исключала из гимназического курса естественную историю и космографию, сокращала объем преподавания русского языка (!), иностранных живых языков, истории, географии, даже Закона Божьего, заполняя лакуны латинским и греческим языками и математикой. Реальные гимназии превращались в реальные училища, откуда никуда дальше поступить было невозможно.

Никакие здравые соображения, собравшие большинство Госсовета, Толстого не волновали — он знал, что поддержка императора обеспечена, уж тут Катков постарался. Ни ссылки на то, что в предреволюционной Франции господствовала классическая система, что выпускники классических гимназий не будут подготовлены к физико-математическим и медицинским факультетам, что грозит отечественной науке и технике вымиранием, что в стране ощущается колоссальный дефицит инженеров и врачей, что греческая философия или римское право при опасном направлении преподавания могут оказаться куда хуже химии и естествознания, что вообще вред или польза наук зависит не от них самих, а от способов преподавания — министра не поколебали. Он не ошибся — император утвердил мнение меньшинства (Татищев...) Воодушевленный Толстой впал в неистовство: приказал двум директорам гимназий, имеющих не классическое, а физико-математическое образование, подать в отставку (Никитенко...) Сопrotивлялся половодью безумия только храбрый Милютин. Спустя два года после введения новых правил, из 470 абитуриентов Медико-хирургической академии 375 не имели гимназического аттестата (Милютин. Дневник... Т. I. Запись 15 декабря 1873 года).

Найдя нашего героя среди адептов классицизма, не сочтем это неожиданным. Не зря же на одном дворянском собрании он с пафосом

воскликнул: «Дворянство, как все прекрасное, не умирает!» Капитализм размывает сословные перегородки, дворянство как класс может исчезнуть, надо сохранить за дворянами привилегию аристократии ума и знаний, отдать только в дворянские руки правительственную власть и выражение общественного мнения. В записке, которую Валуев подготовил для царя — отнюдь не для посторонних глаз, — он совершенно точно пишет: *«спор не о знаниях или училищах, а о правах»*. Требуют не уравнивания знаний, а уравнивания прав. Ненависть возбуждается потому, что в классическом образовании усмотрели привилегию — только классическое образование может считаться общеобразовательным. Реальное образование не может считаться средним [т.е. пригодным для поступления в университет]. Оно имеет более тесное [узкое] предназначение, а потому — пониженный уровень, человек подготовлен в меньшем числе направлений». Заканчивается этот любопытный документ следующим образом: «Общее стремление к переделке стародавнего общественного строя, вражда к его коренным началам и сознание органической связи между этими началами и классической школой составляет главный источник на нее нападений. Я не разделяю крайностей классицистов. Греческий язык можно не всегда требовать — для медиков и математиков, например. Но так как предосторожности ныне необходимы, я готов принять проект графа Толстого целиком — и с греческим языком» (РГИА, фонд 908, дело 325. Записка Валуева от 4 мая 1871 года. «О понятиях классического и реального образования». Месяц май на писарской копии указан, видимо, ошибочно, ибо записка явно составлена до голосования проекта Толстого в Госсовете, которое происходило 7 апреля).

Контрреформа Толстого преследовала политически реакционные цели и поэтому, прежде всего, представляется недостойной. Она также глупа, ибо пыталась остановить тенденцию времени — против этого и выступало большинство образованных людей. Творчество писателя-аристократа (в пушкинском понимании этого слова) Алексея Константиновича Толстого сильно отражает этот взгляд.

Всход наук не в нашей власти,
Мы их зерна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошелся с Моисеем...

Способ, как творил Создатель,
Что считал он боле к стати —
Знать не может председатель
Комитета о печати...

С Ломоносовым наука,
Положив у нас зачаток,
Проникает к нам без стука
Мимо всех твоих рогаток...

Но Петр Александрович придает спору несколько иной акцент: образование высокого качества есть привилегия и она предоставляется сословной аристократии. Но и сегодня в самых демократических странах Гарвард или Йтон доступны ли любому человеку? (Особо талантливые — исключение.) Сословная аристократия сменилась денежной — только и всего.

¹⁷ Середонин... Т. 3. Ч. 1. С. 150.

¹⁸ В анализе отношения Валуева к Лорис-Меликову используются и цитируются дневниковые записи Валуева от 12, 16, 19 февраля, 14, 27 апреля, 6, 27 мая, 24 июня, 4 июля, 11, 24 ноября 1880 года и запись Милютин от 27 апреля 1880 года.

¹⁹ Всеподданнейший доклад графа М.Т. Лорис-Меликова. Публикация К.Л. Берманского. «Вестник права», 1905. Т. 3. Кн. 9.

²⁰ Для изложения фактической стороны «эпохи Лорис-Меликова» использованы: Татищев...; «История России в XIX веке»... Т. 5; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона». Т. 18, статья «Лорис-Меликов».

²¹ Валуев. Дневник 1877–1884... Записи 3, 5 и 10 февраля 1881 года.

²² Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Запись 29 июня 1862 года.

²³ Берлин И. Контрпросвещение. «Грани», 2000, № 198; Альтшуллер М.Г. А.С. Шишков о французской революции. «Русская литература». 1991, №1.

²⁴ Сергей Григорьевич Строганов отнюдь не отличался оголтелым ретроградством. Наоборот, будучи в 1835–47 годах попечителем московского учебного округа, отличался в николаевскую эпоху добрым отношением к студентам и гимназистам, благожелательно относился к Грановскому, Кавелину, Соловьеву и в отставку ушел в знак протеста против запрета Уваровым одной публикации. Строганов был очень образованным человеком, занимался историей и теорией архитектуры, основал в Москве школу технического рисования, содействовал археологическим раскопкам, собрал замечательную нумизматическую коллекцию.

Граф Строганов был одним из богатейших людей России. Он женился на наследнице главной ветви Строгановых, Наталье Павловне Строгановой, которая принесла с собой майорат рода – несметные земли в Пермской губернии с 46 тысячами душ. К 1861 году Строгановы владели 80 тысячами душ и 1,3 млн десятин земли (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 31).

²⁵ Валуев. Дневник 1877–1884... Запись 9 марта 1881 года; Милютин. Дневник. 1881–1882. Т. 4. М., 1950. Запись 8 марта 1881 года; Перетц Е.А. Дневник государственного секретаря. М.-Л., 1927. Запись 8 марта 1881 года.

Запись Перетца составляет 15 книжных страниц и подробно передает весь ход заседания, которое длилось более двух с половиной часов. По возвращении домой из Зимнего дворца Перетц сразу же «набросал сущность сказанного и отметил наиболее рельефные выражения» и потом еще два вечера трудился над воспроизведением выступлений. Разумеется, пересказ не мог быть абсолютно точным, но сравнивая его с краткими записями Валуева и Милютин, можно убедиться в верной передаче смысла, а иногда и в текстуальном совпадении.

²⁶ Перетц... Запись 21 апреля 1881 года; Валуев. Дневник 1877–1884... Запись 24 апреля 1881 года. Милютин... Т. 4. Запись 21 апреля 1881 года.

Перетц рассказывает о совещании со слов Абазы. Милютин присутствовал там, и его впечатления непосредственны. Министры либеральной ориентации сильно и аргументированно возражали Победоносцеву. Репрессии не подавили крамолу, напротив того, только раздражили и усилили ее, «создав при этом массу недовольных... Нужнее всего правительству заняться приведением в порядок административ-

ного, экономического и школьного строя» (Милютин). Абаза говорил, что сила не может заключаться только в кулаках и прямо обвинял Победоносцева в ретроградных действиях и намерениях. «К удивлению нашему, — заканчивает Милютин, — Победоносцев после этого заговорил совсем другим языком». Абаза и Милютин, в восторге от кажущейся победы, не поняли, что это был язык лисы.

²⁷ Перетц... Запись 22 апреля 1881 года.

²⁸ Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. Минск, 2003. Т. 1. Документ № 27.

²⁹ Там же. Документ № 23.

Книга «К.П. Победоносцев и его корреспонденты» издана крайне небрежно. Это перепечатка, хотя ссылка на предыдущее издание отсутствует: архивные источники публикуемых писем и записок не упомянуты. В примечаниях много раз повторяются сведения об одном и том же лице, но исторического комментария нет, что делает многие документы совершенно непонятными неспециалисту, тем более что хронологический порядок публикаций не соблюден, а датировка часто отсутствует. Над документом № 454 проставлено «461», и число 461 употреблено дважды. Документ № 23 выглядит особенно странным. Он составлен из письма, написанного 1 марта и 22 (или 23 апреля) без разделения, причем о заседании 21 апреля говорится, что оно состоялось 21 марта.

³⁰ Там же. Документы № 30, 31; Милютин. Дневник... Т. 4. Запись 28 апреля 1881 года; Валуев. Дневник 1877–1884... Запись 2 мая 1881 года; Перетц... Запись 29 апреля 1881 года.

³¹ Там же. Документ № 32.

³² Неумолчный хор вокруг самодержца, верноподданнические адреса, газеты и журналы Каткова и Аксакова неустанно твердили, что только авторитарная власть способна разгромить террористов и подавить социально-революционную партию. Либерал Чичерин возжаждал полного произвола: «Всякое послабление было бы гибелью. *Всякое старание держаться пути закона будет признаком слабости*» (Там же. Документ № 101.) Между тем полицейский сыск, реорганизованный Лорис-Меликовым, раскручивая обороты, наращивал результат. За два месяца после 1 марта были арестованы практически все участники террористических групп, и полиция знала, что больше их не осталось, о чем со знанием дела писал петербургский градоначальник Баранов. (Там же. Документ № 50.) Никакие комиссии из выборных лиц не могли бы ослабить усилия правительства в борьбе с крамолой — в данный момент уже не с кем было сражаться. Что же касается уверений в неспособности представительной власти противостоять экстремизму и революции, то только нарочитым стремлением надеть шоры можно объяснить полное игнорирование ближайших исторических примеров — подавление французской республикой восстаний 1848 и 1871 годов.

³³ Валуев. Дневник 1877–1884... Запись 2 мая 1881 года.

³⁴ Там же. Запись 30 июля 1881 года.

³⁵ Вискочков Л.В. Николай I. М., 2003.

³⁶ Из записок В.К. Луцкого. Русская старина, 1904, № 3.

³⁷ Валуев П.А. Дневник министра... Запись 11 апреля 1876 года.

³⁸ РГИА, фонд 908, дело 372. «Уфимское дело 1881–1882 годов».

³⁹ Перетц... Запись 10 октября 1880 года; Валуев. Дневник 1877–1884... Записи 2 января 1880 года, 30 сентября 1881 года.

⁴⁰ РГИА, фонд 908, дело 372.

⁴¹ Валуев. Дневник 1877–1884... Записи 5 и 6 октября 1881 года.

⁴² РГИА, фонд 908, дело 372.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Валуев. П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 11 апреля 1876 года.

⁴⁵ Участвующий в комиссии Урусова министр юстиции Набоков не мог не быть убежденным в личной честности Валуева, в том, что он всегда стоял на страже интересов казны как, впрочем, знали это и другие министры. Вот пример твердых правил Валуева: 18 сентября 1876 года он послал товарищу министра юстиции Фришу письмо следующего содержания: Дело идет о большой важности для казны. Слишком 2 млн капитала могли быть присуждены лицам, которые не имеют на него никакого права, кроме предположения, что так как правительство им уже много дало, то оно имело в виду дать еще более. Источник превратных толкований – неверная терминология и желание сохранить деньги в министерстве государственных имуществ без контроля в центральном финансовом управлении. Странно было бы по этим мотивам позволить передать 2–3 млн в руки людей, которым и так государство оказало длинный ряд льгот и пособий (РГИА, фонд 908, дело 280).

Вне контекста других документов трудно определить, с какими обстоятельствами можно соединить это письмо, имеет ли оно отношение к раздаче башкирских земель. Скорее, оно с этим делом не связано. Но оно свидетельствует, что Валуеву были противны любые попытки поживиться неправым путем, что преднамеренно раздавать государственное имущество он бы никогда не стал.

⁴⁶ Валуев. Дневник 1877... Собственное примечание к записи 6 февраля 1882 года.

⁴⁷ Там же. Запись 6 февраля 1882 года.

⁴⁸ РГИА, фонд 908, дело 1.

⁴⁹ Валуев П.А. Дневник 1877–1884... Запись 16 мая 1882 года.

⁵⁰ Там же.

Глава X

¹ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 23 декабря 1876 года.

² В январе 1878 года член народнической группы Вера Ивановна Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова: в нарушение закона, он приказал высечь политического заключенного Боголюбова. Засулич была предана суду. Дело рассматривалось как уголовное, т. е. с участием защиты и присяжных. Прокурор оказался ничтожным, его аргументы тушевались перед риторикой адвоката Александрова, и процесс обернулся обвинительным актом против Трепова. Председатель суда, впоследствии знаменитый Анатолий Федорович Кони, строго, но нелицеприятно резюмировал перед присяжными доводы сторон, отчего слабость обвинения выявилась еще резче. Присяжные объявили Засулич невиновной, к восторгу и аплодисментам большинства присутствующей публики. Скандал усугубился на улице. Почитатели

вынесли Засулич из зала суда на руках, толпа подняла рев и вступила в драку с полицией. В суматохе Засулич скрылась. Кассационный департамент Сената опротестовал приговор — Трепов нарушил закон, но самосуд также незаконен, — однако Засулич тайно перебралась за границу и на пересмотр дела не явилась.

Даже Победоносцев считал Трепова негодяем, и его потом тихо уволили, но правительство сочло, что в лице градоначальника судебная власть нанесла урон власти административной. Валуев в Совете министров, в присутствии государя восклицал: «Остается, по выходе из дворца, идти купить себе револьвер для своей защиты!» После разногласных прений было решено немедленно вывести из-под суда присяжных процессы подобного рода. Попытка великого князя Константина убедить императора, что такая мера требует законодательного изменения судебных уставов, не возымела действия. Самодержавие, род тоталитарного государства, победило юриспруденцию единственно привычным для себя способом — административным распоряжением (Валуев П. А. Дневник 1877—1884... Запись 11 апреля 1878 года и примечание публикаторов; Милютин Д. А. Дневник... Т. 3. Записи 3 и 4 апреля 1878 года).

³ Петр Валуев. «Черный бор». Повести. Статьи. М.: «Аграф» 2002.

⁴ Там же. Повесть «Черный бор» дала название всему сборнику. Впервые повесть напечатана в журнале «Вестник Европы» за 1887 год, кн. 7–8.

⁵ Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

⁶ Указ 28 декабря 1881 года устанавливал одинаковое для всех местностей уменьшение выкупных платежей — 1 рубль с надела. Для хозяйств, пришедших в особенный упадок, вводилось дополнительное понижение, меньшее в плодородных губерниях, большее — в неплодородных. В целом снижение составило 27%, но с резкой градацией: в Херсонской губернии — 16%, в Олонецкой — 92%. Указ также требовал начать с 1 января 1883 года выкуп крестьянских земель там, где помещики еще не пошли на добровольные соглашения с крестьянами, — численность таких крестьян в этот период еще составляла 16% (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 7. Статья «Выкупная операция»).

Проект Указа был представлен Абазой еще в апреле. Это была последняя его акция в качестве министра финансов.

Указ был крайне необходим. Рост налогов в 60–70-е годы привел к нелепости. Во многих районах, особенно севернее Центра, обложение и выкупные платежи превосходили доход, получаемый от наделов. Парadoxально, но в первые десятилетия после освобождения земля для многих крестьян оказывалась обузой, тяга к уходу из села была велика и тогда, когда о росте народонаселения и малоземелье еще не было и помину. Указ 28 декабря (и вздорожание продуктов сельского хозяйства) способствовал постепенному устранению аномалии. Характерно, что снижение платежей и обязательность выкупа были положительно восприняты «бюрократом» Валуевым и вызвали истерику у записного либерала Чичерина (см. его письмо Победоносцеву. — Победоносцев... Т. 1, документ № 103).

Но благотворительный указ привел к дополнительному эффекту, которого не предполагал законодатель. Ценность земли в глазах крестьян возросла, земля стала куда более желанной, чем прежде. Стремление уйти из общины, стать полноправным собственником сделалось необори-

мым. Час передела, мирного или насильственного, пробил. Будущее зависело от мудрости властителей. Мудрости, как известно, не оказалось.

⁷ Бунге... В книге «Судьбы России». С. 178.

⁸ Татишев...

⁹ Летом 1876 года министр госимуществ П.А. Валуев в сопровождении сына Николая, сенатора Половцова, баварского генерала фон Штрунца и трех чиновников министерства посетил с инспекторской целью Олонецкую губернию. Путешествие протекало по водному пути: по Неве, Свири, Ладожскому озеру — в Онежское озеро, в Петрозаводск. По дороге остановились в Лодейном поле и совершили поездку по окружающим местам. Журнал путешествия отмечает, что министр входил во все встречавшиеся церкви. Первый акт по прибытии в Петрозаводск в 7 часов утра — молитва в Святодуховском кафедральном соборе. На другой день отправились обозреть чугунно-плавильный завод в 45 верстах от Петрозаводска — снова первым делом посещение тамошней церкви. По возвращении в Петрозаводск в 8 утра следующего дня — на литургию в Святодуховский собор.

Любопытны некоторые детали путешествия.

В Лодейном поле министру поведали местную легенду о кабатчике Софронове. Петр Великий находился там при строительстве Ладого-онезжского канала. Однажды был он в корчме грустен, и хозяин спросил его о причине. Денег нет на окончание строительства, — отвечал царь. Вели, ваше царское величество, — посоветовал кабатчик, — поставить поболее питейных заведений и расчет с рабочими производить каждую неделю по субботам. В воскресенье все оставят в кабаках, и в понедельник оберешь выручку. Одни и те же деньги будут ходить все время, только подвози казенное вино.

Олонецкая губерния — вотчина министерства государственных имуществ. Здесь с петровских времен преобладали казенные заводы и государственные крестьяне. Осмотр Петрозаводска начался с главного предприятия — Александровского артиллерийского завода, основного изготовителя орудий и снарядов корабельного и крепостного калибра. Министру поднесли хлеб-соль на чугунном блюде диаметром в 1 аршин с барельефом по рисунку начала века: потом управляющий, как положено, доложил. Завод реконструирован в 1859 году, источник силы — две турбины, водяная и паровая. Литейное производство — свое. В год выпускается до 120 орудий, почти 12 тысяч пудов снарядов и 130 тысяч пудов других изделий на общую сумму 450–600 тысяч рублей. Рабочих — около 1000 человек. (К этому следует добавить, что Обуховский и Александровские заводы обеспечили практическую независимость русского флота от иностранных поставок: в 1880 году только 188 из 686 находящихся в строю корабельных пушек были куплены у Круппа. (Татишев...)) В этом безусловная заслуга генерал-адмирала Константина Николаевича.)

Отчет о путешествии, составленный кем-то из сопровождавших министра чиновников, завершается замечательно:

«Несмотря на краткость времени... высокий путешественник успел окинуть просвещенным опытным взглядом важные отрасли государственного хозяйства, и нет сомнения, что многие вопросы, касающиеся предметов ведения министерства государственных имуществ, в близком будущем получат благоприятное разрешение в интересах казны и населения». (Посещение министром государственных имуществ П.А. Валуевым Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1876.)

¹⁰ Переписка П.А. Валуева и А.В. Головнина. Русский вестник. 1892, № 6. Письмо Валуева Головнину в марте 1884 года.

¹¹ Петр Валуев. «Черный бор»... «Религия и наука».

¹² Римский С.В. Церковная реформа 60–70-х годов XIX века. «Отечественная история», 1995, № 2.

¹³ Филарет о назначении духовных лиц в Госсовет. «Русский архив», 1904. Кн. I. С. 305.

¹⁴ Переписка В.А. Валуева и А.В. Головнина. Русский вестник. 1892, № 6. Письмо Валуева Головнину в марте 1884 года.

¹⁵ РГИА, фонд 908, дело 49.

¹⁶ Граф П.А. Валуев. Современные задачи. Т. 1: Религия и наука; Т. 2: Воспитание и образование. М., 1886–1887.

¹⁷ Религиозные смуты и гонения. От V в. до XVII в. «Вестник Европы», 1888, № 3. Перепечатано в сборнике «Черный бор»...

¹⁸ Взаимным истреблениям католиков и протестантов Валуев посвящает большую часть своего очерка. Отдельная глава описывает гонения и убийства иноверцев – арабов и евреев. Война против арабов Испании, оставшихся в Гранаде, со второй половины века приобретает тотальный характер. Во взятых городах и крепостях поголовно уничтожается все население, без различия пола и возраста. Лишь небольшая часть арабов успела спастись бегством в Африку.

Если арабы пытались сохранить свое государство на испанской территории и война против них имела хоть какое-то оправдание (разумеется, без всеобщего избиения), то евреи никогда не пытались восставать. В противовес новоявленным историкам, утверждающим, что в бедах евреев виноваты они сами, Валуев показывает, что геноцид евреев начался с первого же момента прихода к власти христианских правительств. Евреев всячески выделяли из общего состава населения. Не евреи запирались в гетто, а их заставляли жить там: не евреи чужались общей жизни, а их отторгали от нее. По существу, христианам запрещался всякий с ними контакт. То одно, то другое государство принимало декреты о полном изгнании евреев из страны. Валуев рассказывает о страшных сценах отчаяния, происходивших при выселении сотен тысяч людей из Испании и Португалии. Следующий абзац характеризует не только бедствия, выпавшие на долю евреев, но сердечное сострадание и сочувствие к гонимым, человечность и доброту Петра Александровича Валуева.

«Мученическое израильское племя тринадцать столетий сряду испытывало все виды угнетения, который мог изобретать самый яростный фанатизм. Оно переносило обиды, клевету, лишение имущества, нарушение драгоценнейших для человека уз и жесточайшие физические страдания, но не отступало от веры праотцов. Преследование тяготело над ними в страшных формах – но в сопровождении таких мелочных стеснений и притеснений, которые отнимали у преследования внешний характер величия и препятствовали возбуждению энтузиазма в его жертвах. Но евреи не только переносили, но и вынесли бремя этого многовекового гнета. Во мраке средневекового невежества они продолжали свои научные занятия; они передавали Западной Европе труды арабской науки; они были лучшими врачами и финансистами и в особенности главными двигателями и представителями коммерческой деятельности... Они вели между собой постоянную и обширную пере-

писку, учредили систему денежных переводов и ссуд, которой тогда не было подобной в Европе, сделались необходимыми посредниками при тогдашнем общественном строе для удовлетворения экономических потребностей христианских государств».

¹⁹ РГИА, фонд 908, дело 49.

²⁰ «Русский архив», 1897, № 6. С. 286.

²¹ См.: Иванова Г.П. «П.А. Валуев. Исторический портрет». Воронеж, 1994; Ее же. «Государственная деятельность и политические взгляды П.А. Валуева». Автореферат диссертации. Воронеж, 1995; Гетманский А.Э. «П.А. Валуев». «Вопросы истории», 2002, № 6.

²² В 1868 году, когда Петр Александрович составлял примечания к дневнику, книга Данилевского «Россия и Европа» еще не была напечатана. Но эти слова Валуева как будто прямо направлены против нее. Лишнее доказательство, насколько сильно общественная почва была пропитана духом противостояния Европе.

²³ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Записи за соответствующие числа и примечание Валуева 125.

²⁴ Валуев П.А. Дневник 1877–1884...

²⁵ А.Е. Пресняков. Дневник П.А. Валуева. 1877–1884. «Дела и дни. Исторический журнал». Т. 2. С. 225–229.

Глава XI

¹ РГИА, фонд 908, дело 49.

² Там же.

³ РГИА, фонд 908, дело 46. «День болезни и печали».

⁴ РГИА, фонд 908, дело 49.

⁵ Там же.

⁶ РГИА, фонд 908, дело 25.

⁷ РГИА, фонд 908, дело 301. Материалы об учреждении и использовании благотворительного капитала имени Валуева для пособий бедным канцелярским служащим МВД 12 апреля 1868 года – 17 марта 1888 года.

⁸ Валуев П.А. Дневник 1877–1884... Записи 18 ноября 1881 года, 11 марта 1882 года, 22 мая 1884 года.

⁹ Граф Валуев. Памятная записка. «Минувшие годы». 1908, № 10.

¹⁰ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 23 мая 1866 года.

¹¹ Валуев П.А. Дневник 1877–1884... Запись 12 декабря 1877 года.

¹² Валуев П.А. Дневник министра... Т. 2. Запись 5 июля 1874 года.

¹³ Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. М., 1950. Запись 20 апреля 1879 года.

¹⁴ Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1969. С. 117–124.

Граф Бобринский, увидевший Валуева в tramway (это слово входило тогда в обиход), пишет Головнину: «Валуев в общественной карете – паразитный урок людской слепоты и неблагодарности. Но конка служит ему новым высоким подножием. Это плуг Цинцинната» (Переписка Валуева и Головнина...)

¹⁵ РГИА, фонд 908, дело 49.

-
- ¹⁶ Некролог графа П.А. Валуева. «Вестник Европы», 1890, № 3. С. 398.
- ¹⁷ Там же. Стр. 399.
- ¹⁸ РГИА, фонд 1162 (фонд государственной канцелярии), дело 66.
- ¹⁹ Некролог графа П.А. Валуева. «Вестник Европы», 1890, № 3. С. 402.
- ²⁰ «Шумные годы». Дневник сенатора А.Д. Комовского. «Колосья», 1884, № 6. С. 174.
- ²¹ А.Д. Шумахер. Мои поздние воспоминания. «Вестник Европы», 1899. Кн. 4. С. 709–715.
- ²² Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого. «Русский архив», 1885. Кн. 2, №5.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Стремоухов П.Д. Из воспоминаний о графе П.А. Валуеве. «Русская старина», 1906, т. 116, № 11.
- ²⁵ Кони...
- ²⁶ Валуев П.А. Дневник министра... Т. 1. Примечание 32 Валуева.
- ²⁷ Кони...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	3
<i>Предварительные замечания</i>	5
Глава I	8
Глава II	59
Глава III	99
Глава IV	170
Глава V	206
Глава VI	258
Глава VII	318
Глава VIII	355
Глава IX	405
Глава X	470
Глава XI	510
<i>Примечания</i>	532

Зельдич Юрий Владимирович
ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАЛУЕВ
И ЕГО ВРЕМЯ
Историческое повествование

Редактор *О. Булаева*
Компьютерная верстка *Г. Егорова*

ИД № 03974 от 12.02.01 г.

Подписано в печать 16.05.2006. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».
Усл.-печ. л. 30,24. Тираж 1000 экз. Заказ № 1622.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ISBN 5-7784-0242-2

9 785778 402423 >

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АГРАФ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ

Для тех, кто знает...

**Философия, литературоведение,
история, психология, культурология,
искусство, энциклопедии, словари,
справочники.**

Художественная литература

Книги издательства «АГРАФ» оптом и в розницу
можно приобрести в издательстве, а также
заказать наложенным платежом по адресу:

**129344, Москва,
Енисейская ул., д. 2, стр. 2**

**E-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.ru.net/~agraf.ltd>**

**т./ф. 189-17-35
т. 189-17-22**

В. Садовников

Петербург. Николаевский дворец. 1865

ПЕТР ВАЛУЕВ
И ЕГО ВРЕМЯ

ЮРИЙ
ЗЕЛЬДИЧ

В